Эр 1
535
Деникин А.И.
Очерки русской
смуты. т. 3

Генералъ А. И. Деникинъ

Очерки Русской Смуты

ТОМЪ ТРЕТІЙ

Бѣлое движеніе и борьба добровольческой арміи

Май – октябрь 1918 года

1 9 2 4

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО «СЛОВО», БЕРЛИНЪ

ЭР1
535

Генералъ А. И. Деникинъ

Очерки Русской Смуты

Томъ третій

Бѣлое движеніе и борьба добровольческой арміи

Май — октябрь 1918 года

1 9 2 4

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО «СЛОВО», БЕРЛИНЪ

Государств. публичная
историческая
библиотека РСФСР
1233079
V сер. 44005

Перепечатка и переводъ безъ разрѣшенія автора воспрещаются.

ГЛАВА I.

Введеніе. Стимулы борьбы съ совѣтской властью: національное сознаніе.

Исторія откроетъ намъ современемъ истоки большевизма — того огромнаго и страшнаго явленія, которое раздавило Россію и потрясло міръ, установитъ отдаленныя и близкія причины катастрофы, заложенныя въ историческомъ прошломъ страны, въ духѣ ея народа, въ соціальныхъ и экономическихъ условіяхъ его жизни. Въ цѣпи событій, поражающихъ современниковъ своей полной неожиданностью, жестокой извращенностью и хаотической непослѣдовательностью — исторія найдетъ тѣсную связь, суровую закономѣрность и, можетъ быть, трагическую неизбѣжность...

Но и перспектива времени не гарантируетъ еще абсолютной правды. Вселенская правда намъ недоступна. Есть только многогранныя отраженія ея. И тѣ, кто дѣлаютъ исторію, и тѣ, кто пишутъ ее, не могутъ сбросить съ себя окончательно узъ, налагаемыхъ традиціями и идеями эпохи, націи, общества, класса. Смутное время найдетъ и своего Карамзина съ его національно-историческимъ подходомъ, и своего Жореса, который во введеніи къ капитальному труду «Исторія великой французской революціи», порвавъ обязательные покровы объективности, говоритъ: «мы намѣреваемся изложить событія съ соціалистической точки зрѣнія для народа, для рабочихъ и крестьянъ».

Тѣмъ труднѣе положеніе современниковъ, участниковъ событій. Ихъ мысленный взоръ застилаетъ еще кровавая пелена; ихъ душевное равновѣсіе нарушено; въ ихъ сознаніи событія болѣе близкія, болѣе волнующія невольно заслоняютъ своими преувеличенными, быть можетъ, контурами факты и явленія, отдаленные отъ фокуса ихъ зрѣнія. Ихъ чувства глубже, страсти сильнѣе, воспріятія элементарнѣе; они жили настоящимъ, воплощеннымъ въ плоть и кровь, — даже тѣ, кто, ставъ духовно выше среды и своего времени, проникали уже обостреннымъ зрѣніемъ за плотную завѣсу грядущаго... Свидѣтельство современниковъ, однако, весьма цѣнно. Не только установленіемъ конкретныхъ фактовъ, но даже субъективной формой ихъ воспріятія, дающей иногда ключъ къ разгадкѣ многихъ сокровенныхъ побужденій и дѣйствій людей, партій, общественныхъ группъ. Свидѣтельства эти — тѣ кирпичи, изъ которыхъ исторія возводитъ свое величественное зданіе.

Съ такой точки зрѣнія я и смотрю на задачу моихъ «Очерковъ».

Въ этой книгѣ я пишу главнымъ образомъ о борьбѣ Добровольческой арміи съ совѣтской властью въ 1918 году, захватывая однородный и цѣльный періодъ — съ весны до осени, когда пораженіе центральныхъ державъ принесло совершенно новую политическую конъюнктуру, существенно отразившись и на условіяхъ нашей борьбы. Съ этимъ событіемъ почти совпала смерть ген. Алексѣева, завершившая нашу совмѣстную дѣятельность, и окончаніе Второго Кубанскаго похода Добровольческой Арміи...

Менѣе подробно я буду останавливаться на прочихъ фронтахъ и формахъ противобольшевицкаго движенія, не связанныхъ внутренно съ судьбою Арміи. Точно такъ-же, говоря о большевизмѣ, я главнымъ образомъ касаюсь реальныхъ его послѣдствій и «достиженій». Они, наряду со стихійными слѣдствіями міровой войны и революціи, въ концѣ разрушили благосостояніе страны и принизили духъ ея народа. Они-же

дали стимулы той постоянной и непрекращающейся борьбѣ, которая продолжается и нынѣ, послѣ паденія всѣхъ бѣлыхъ фронтовъ, проявляясь въ чрезвычайно разнообразныхъ формахъ — активно и пассивно, явно и тайно, сознательно и рефлективно. И будетъ длиться до тѣхъ поръ, пока не исчезнетъ возбуждающее ее начало — совѣтская власть, ненавистная народу.

Поэтому въ общемъ, пока еще тихомъ, но грозномъ ропотѣ народнаго моря тонутъ безслѣдно голоса представителей новыхъ теченій общественной мысли, осуждающихъ тѣ или иныя формы преодолѣнія большевизма или пріемлющихъ его, какъ власть «эволюціонно изживающую себя и подверженную внутреннему органическому перерожденію».

Противобольшевицкія движенія не создавались отдѣльными людьми — они вырастали стихійно и непредотвратимо. И подобно тому, какъ нѣкогда слово русскихъ оппортунистовъ было безсильно остановить разрушительный потокъ народнаго безумія, такъ въ будущемъ оно не въ силахъ будетъ ввести въ спокойное русло и въ формы государственно-цѣлесообразныя проявленія народнаго гнѣва.

* * *

Стимулы для борьбы съ совѣтской властью были крайне разнообразны, находя откликъ почти во всѣхъ слояхъ русскаго народа и затрагивая самыя чувствительныя стороны народной психики.

Основной порочный недугъ совѣтской власти заключался въ томъ, что эта власть не была національной.

Никогда еще въ русской исторіи послѣ татарскаго ига представители страны, какими въ дни величайшаго ея паденія явились послѣдовательно господа Іоффе, Бронштейнъ и Брилліантъ*, не подвергались большему униженію, чѣмъ на Брестъ-Литовской конференціи.

Никогда еще вѣроятно къ жизненнымъ интересамъ государства «полномочные послы» его не относились съ такимъ грубымъ невѣжествомъ или презрѣніемъ, какъ тѣ лица, которыя говорили теперь отъ имени русскаго народа.

Трижды прерывалась и трижды возобновлялась мирная конференція. Встрѣтивъ въ третій разъ все тѣ-же непомѣрныя требованія со стороны враждебныхъ державъ, — Бронштейнъ (конецъ января) отказался подписать мирный договоръ и уѣхалъ въ Петроградъ, заявивъ вмѣстѣ съ тѣмъ, что совѣтское правительство демобилизуетъ армію и «выводитъ народъ изъ войны»...

Но 6 февраля германскія арміи перешли въ наступленіе по всему Восточному фронту, не встрѣчая почти никакого сопротивленія**, и совѣтъ народныхъ комиссаровъ въ тотъ же день сообщилъ радіо-телеграммой о принятіи всѣхъ условій центральныхъ державъ. Наступленіе австро-германцевъ тѣмъ не менѣе продолжалось, достигнувъ къ марту мѣсяцу линіи Псковъ—Кіевъ—Одесса.

Въ конечномъ итогѣ послѣдствія Брестъ-Литовскаго мирнаго договора (19 февраля) и дополнительныхъ къ нему соглашеній свелись къ слѣдующему:

Въ политическомъ отношеніи: отторженіе отъ Россіи Финляндіи, Украйны, Крыма, Прибалтійскаго края, Литвы, Польши, Грузіи, Батума, Карса и Ардагана. Однѣ изъ этихъ окраинъ получили независимость, въ другихъ допускался плебисцитъ, исходъ котораго предрѣшался фактомъ военной оккупаціи ихъ германцами и турками.

Мирный договоръ этотъ довершилъ распадъ Россіи, намѣтившійся въ результатѣ ослабленія и вырожденія центральной власти и максимализма въ національныхъ устремленіяхъ. Помимо отторженія огромной территоріи, страна отрѣзывалась отъ Балтійскаго и Чернаго морей; лишалась жизненно необходимыхъ условій своего экономическаго развитія, становясь данникомъ новообразованій, за призрачной самостоятельностью которыхъ виднѣлась сила германскаго меча и капитала; теряла, наконецъ, болѣе

* «Сокольниковъ».

** Дрался только чехо-словацкій корпусъ.

Совѣтъ народныхъ комиссаровъ
(большев. плакатъ)

или менѣе обороноспособные рубежи, культурные и промышленные центры и важнѣйшіе желѣзнодорожные узлы — обстоятельство, лишавшее признаковъ государственной цѣлесообразности всю нервную систему страны — ея сѣть желѣзныхъ путей.

Россія отбрасывалась политически назадъ, къ началу XVII вѣка, теряя однимъ ударомъ все, что было пріобрѣтено за три столѣтія на Западѣ и Югѣ геніальными усиліями ея собирателей, кровью ея воинства, трудами ея народа.

Въ экономическомъ отношеніи на Русское государство легли и прямыя тяготы, непосильныя для его разрушеннаго экономическаго положенія. Возстановленъ былъ съ Германіей торговый договоръ 1904 г.*, причемъ остались прежніе тарифы, которые ввиду обезцѣненія рубля (тогда уже 1/10) привели фактически къ безпошлинному ввозу германскихъ товаровъ въ Россію. Обусловлена была уплата убытковъ, понесенныхъ въ процессѣ революціи или въ силу совѣтскаго законодательства лицами нѣмецкаго происхожденія; за ними сохранены соціальныя и экономическія права. Эти условія имѣли тѣмъ большее значеніе, что нѣмецкій капиталъ являлся крупнѣйшимъ участникомъ нашей промышленности и что цифра вкладовъ его только въ акціонерныхъ предпріятіяхъ превышала 500 милл. золотыхъ рублей. Въ скрытомъ видѣ наложена была на Россію и контрибуція въ 6 милліардовъ марокъ золотомъ «за всѣ финансовыя обязательства, предусмотрѣнныя договоромъ»**... Наконецъ, огромныя плодородныя русскія области съ брошенными въ нихъ безчисленными военными матеріалами оставлялись въ рукахъ австро-германцевъ. Какъ заявилъ цинично на конгрессѣ Чернинъ, «пока не заключенъ всеобщій миръ, австро-германцы не могутъ отдать оккупированныхъ областей; онѣ являются областями снабженія нашей арміи, съ ихъ фабриками, заводами, воздѣлываемыми полями и т. д.»... А въ союзномъ совѣщаніи приводилъ и мотивы такого требованія: «Германія и Венгрія не даютъ больше ничего. Безъ подвоза извнѣ въ Австріи черезъ нѣсколько недѣль начнется повальный моръ».

Въ военномъ отношеніи Россія обязывалась демобилизовать армію, разоружить флотъ и допускала впредь до выполненія всѣхъ условій договора занятіе нѣмцами Западнаго Края до линіи Нарва-Рогачевъ.

Такимъ образомъ въ силу офиціальныхъ договоровъ и тайныхъ сношеній съ правительствомъ народныхъ комиссаровъ, Россія поступала въ полную экономическую зависимость отъ Германіи, превращалась въ новую базу центральныхъ державъ для борьбы съ союзниками, базу, изъ которой можно было черпать военные матеріалы, обильные запасы всякаго снабженія и даже людскіе контингенты — не только ввидѣ сотенъ тысячъ плѣнныхъ австро-германцевъ, подлежавшихъ возвращенію изъ Россіи, но и въ качествѣ дружинъ рабочихъ, вербуемыхъ во всѣхъ областяхъ германской оккупаціи и становившихся затѣмъ въ положеніе рабовъ.

* * *

Какое же оправданіе имѣла Брестъ-Литовская трагедія?

Фразы совѣтскихъ правителей о «разгорающемся уже пожарѣ міровой революціи», о переговорахъ «черезъ головы нѣмецкихъ генераловъ съ нѣмецкимъ пролетаріатомъ» — были только фразами, предназначенными для толпы. Внутреннее положеніе Европы не давало никакихъ рѣшительно основаній для подобнаго оптимизма народныхъ комиссаровъ. Въ періодъ Брестъ-Литовскихъ переговоровъ состоялась, правда, сначала въ Австріи, потомъ въ Берлинѣ всеобщая забастовка; о мотивахъ послѣдней лидеръ независимыхъ соц.-демокр. Гаазе говорилъ въ рейхстагѣ: «Забастовка велась не для мелкихъ экономическихъ завоеваній, но служила политическимъ протестомъ съ высоко идейной цѣлью. Нѣмецкіе рабочіе возмущались тѣмъ, что имъ приходится ковать цѣпи для угнетенія русскихъ братьевъ, бросившихъ оружіе». Но это была лишь кратковременная вспышка, по существу использовывавшая только подходящій предлогъ для

* Съ измѣненіями въ пользу Германіи.

** Въ счетъ этой суммы совѣтское правительство успѣло уплатить Германіи 325 милліоновъ золот. рублей, которые впослѣдствіи по Версальскому договору перешли къ Франціи.

сведенія счетовъ соціалъ-демократіи со своимъ правительствомъ. Рейхстагъ огромнымъ большинствомъ одобрилъ мирныя условія, при воздержавшихся соціалистахъ большинства и противъ голосовъ «независимыхъ».

Еще менѣе основанія имѣло заявленіе Ленина, что договоръ этотъ — «только передышка, только клочокъ бумажки, который можно порвать когда угодно»... Нѣмцы имѣли тогда реальную силу и обезпечили себѣ достаточныя гарантіи и выгодное стратегическое положеніе, чтобы настоять на выполненіи договора.

Быть можетъ, однако, въ распоряженіи совѣтской власти не было уже никакихъ ресурсовъ, и «похабный миръ» являлся неотвратимымъ? Даже совѣтская Ставка не могла согласиться съ такой безнадежной точкой зрѣнія. Начальникъ штаба главковерха ген. Бончъ-Бруевичъ на военномъ совѣтѣ 22 января* настаивалъ на необходимости продолженія борьбы, указывая и новые способы ея: немедленный увозъ всей матеріальной части вглубь страны, отказъ отъ сплошныхъ фронтовъ, переходъ къ маневреннымъ дѣйствіямъ на важнѣйшихъ направленіяхъ къ жизненнымъ центрамъ страны и широкая партизанская война. Силы для этой борьбы онъ видѣлъ въ новой «рабоче-крестьянской» арміи, въ національныхъ формированіяхъ и въ уцѣлѣвшихъ частяхъ старой арміи.

Можно быть различнаго мнѣнія о боевой цѣнности всѣхъ этихъ элементовъ, но не подлежитъ сомнѣнію, что огромные русскіе просторы, объятые возстаніемъ, поглотили бы такія колоссальныя силы и средства ослабленныхъ уже въ конецъ германцевъ, что вторженіе ихъ вглубь Россіи приблизило бы катастрофу на Западномъ фронтѣ...

Но для этого большевикамъ пришлось бы временно отказаться отъ демагогическихъ лозунговъ и повременить съ гражданской войной.

Наконецъ, въ то самое время, когда совѣтъ народныхъ комиссаровъ въ бурныхъ и паническихъ засѣданіяхъ обсуждалъ жестокій ультиматумъ центральныхъ державъ, въ станѣ враговъ настроеніе было еще болѣе подавленнымъ. Германское правительство, опасаясь разрыва, употребляло всѣ усилія, чтобы сдержать неумѣренныя требованія главной квартиры. Графъ Черинъ угрожалъ, что Австрія заключитъ сепаратный миръ съ Россіей, если чрезмѣрная требовательность ея союзниковъ разстроитъ переговоры. Берлинъ, Крейцнахъ (Ставка) и Вѣна переживали дни томительнаго ожиданія и страха, не считая возможнымъ вести длительную войну на Восточномъ фронтѣ, хотя бы и противъ разваливавшейся арміи. И когда послѣ перерыва переговоровъ въ Брестъ-Литовскъ къ 7 января пріѣхалъ Троцкій, «было любопытно видѣть — говоритъ Черинъ — какая радость охватила германцевъ. И эта неожиданная, столь бурно проявившаяся радость доказала, какъ тяжела была для нихъ мысль, что русскіе могутъ не пріѣхать».

* * *

Итакъ, Германіи нуженъ былъ миръ во что бы то ни стало. Никакія промежуточныя формы его (перемиріе, «ни мира, ни войны») не могли спасти положенія. Совѣту народныхъ комиссаровъ также нуженъ былъ миръ — какою угодно цѣной, хотя бы цѣною расчлененія, униженія и разрушенія Россіи.

Лишь бы сохранить власть.

Этотъ мотивъ довольно откровенно прозвучалъ и въ воззваніи Совѣта въ ночь на 6 февраля «ко всему трудящемуся населенію Россіи» — воззваніи, оправдывавшемъ согласіе совѣта на предъявленныя ему центральными державами требованія мира: «мы хотимъ мира, мы готовы принять тяжкій миръ, но мы должны быть готовы къ отпору, если германская контръ-революція поцытается окончательно затянуть петлю на нашъ совѣтъ».

Только тогда отпоръ!

«Поставленная народомъ подъ знакомъ мира» совѣтская власть должна была дать миръ, хотя бы призрачный, иначе ей угрожала гибель. Гибель «въ порядкѣ народнаго гнѣва» или въ силу германскаго наступленія и оккупаціи столицъ.

---

* См. Т. II, гл. XVIII.

Мотивъ самосохраненія совѣтской власти, поставленный въ основаніе Брестъ-Литовскаго дѣйства, не вызывалъ никогда сколько нибудь серьезныхъ сомнѣній среди русской общественности. Нѣсколько иначе обстоялъ вопросъ по поводу другого обвиненія народныхъ комиссаровъ, вызывающаго и понынѣ двоякое къ себѣ отношеніе. Одни считаютъ Брестъ-Литовскъ просто комедіей, разыгранной для соблюденія приличій, такъ какъ платные агенты германскаго генеральнаго штаба, въ числѣ которыхъ называютъ Ленина и Троцкаго, не могли не исполнить требованій своихъ нанимателей. Другіе отказываются признать это преступленіе, быть можетъ, не столько по довѣрію къ названнымъ лицамъ, сколько изъ за сознанія чудовищности самого факта, смертельнаго стыда и глубокой боли за поруганное національное достоинство Россіи...

Нѣмецкій генеральный штабъ, который могъ бы открыть глаза міру, молчитъ. Въ этихъ кругахъ есть своя профессіональная этика, не допускающая оглашенія именъ секретныхъ сотрудниковъ... Лично у меня въ могилевской Ставкѣ былъ въ рукахъ матеріалъ, создававшій серьезныя обвиненія противъ Ленина и безусловно уличавшій Раковскаго въ шпіонской дѣятельности въ пользу центральныхъ державъ. Въ печати, русской и заграничной, кромѣ слѣдственнаго производства о возстаніи большевиковъ 3—5 іюля 1917 г., появлялись многократно данныя, болѣе или менѣе серьезныя и правдоподобныя. Въ ноябрѣ 1918 г. въ американской прессѣ были опубликованы офиціально документы*, собранные Э. Сиссономъ, командированнымъ въ Россію американскимъ правительствомъ. Ему «при содѣйствіи различныхъ политическихъ партій и лицъ, служащихъ у большевиковъ», удалось достать около 70 документовъ, характеризующихъ какъ вліяніе нѣмцевъ при посредствѣ большевиковъ на внутреннія событія въ Россіи, такъ и использованіе ими совѣтской власти съ первыхъ же дней ея существованія въ интересахъ Германіи. Я не буду останавливаться на этихъ матеріалахъ, рисующихъ подчиненное сотрудничество большевиковъ съ германскимъ генеральнымъ штабомъ. Приведу лишь одинъ основной документъ, относящійся къ самому началу революціи:

Имперскій Банкъ
2 марта 1917 г.
Берлинъ.

Представителямъ всѣхъ германскихъ банковъ въ Швеціи.

Вы симъ извѣщаетесь, что требованія на денежныя средства для цѣлей пропаганды мира въ Россіи будутъ получаться черезъ Финляндію. Требованія эти будутъ исходить отъ слѣдующихъ лицъ: Ленина, Зиновьева, Каменева, Коллонтай, Сиверса и Меркалина, текущіе счета которыхъ открыты въ соотвѣтствіи съ нашимъ приказомъ № 2754 въ отдѣленіяхъ частныхъ германскихъ банковъ въ Швеціи, Норвегіи и Швейцаріи. Всѣ эти требованія должны быть снабжены подписью «Диршау» или «Волькенбергъ». Съ любой изъ этихъ подписей требованія вышеупомянутыхъ лицъ должны быть исполняемы безъ промедленія.

№ 7432. Имперскій Банкъ.

Нѣсколько мягче, но все же довольно опредѣленно высказывалась по этому вопросу нѣмецкая демократія. Соц.-дем. Бернштейнъ 11 января 1918 г. писалъ по поводу Брестскихъ переговоровъ: «въ военныхъ кругахъ Германіи успѣхъ переговоровъ съ русскими совершенно открыто объясняютъ тѣмъ, что всѣ, кто нужно, подмазаны. Что же касается насъ, нѣмецкихъ соціалистовъ, то, будучи на основаніи опыта многолѣтняго общенія съ Ленинымъ и Троцкимъ убѣждены въ ихъ личной честности, мы стоимъ передъ неразрѣшимой загадкой. Нѣкоторые ищутъ разрѣшенія загадки въ томъ, что быть можетъ первоначально большевики по чисто дѣловымъ соображеніямъ воспользовались нѣмецкими деньгами въ интересахъ своей агитаціи и въ настоящее время являются плѣнниками этого необдуманнаго шага»...

Я не знаю, что правильнѣе — увѣренность Сиссона или прозрѣніе нѣмецкихъ соціалистовъ. Но вся совокупность трагическихъ обстоятельствъ взаимоотношеній нѣмцевъ съ большевиками создала во мнѣ лично интуитивное глубокое убѣжденіе въ предательствѣ совѣтскихъ комиссаровъ. Такое убѣжденіе, присущее широкимъ кругамъ русской общественности, проникало въ народъ и обостряло ненависть къ совѣтской власти.

---

* Они появились частично на Югѣ Россіи значительно ранѣе, еще весною 1918 г.

* * *

Каковы бы ни были внутреннія побужденія народныхъ комиссаровъ, передъ Россіей всталъ во всей своей гнетущей тяжести грозный реальный фактъ:

— Брестъ-Литовскъ.

Завершеніе въ столь чудовищныхъ формахъ длительнаго процесса разрушенія арміи, страны и ея международнаго значенія какъ будто разбудило наконецъ сознаніе верхнихъ слоевъ русскаго народа. Чрезвычайно единодушно вся русская общественность, весь пестрый конгломератъ политическихъ партій, вся печать, кромѣ офиціальныхъ совѣтскихъ органовъ, отнеслись съ глубокимъ негодованіемъ къ этому явному предательству интересовъ Россіи. Даже на искусственно подобранномъ 4-мъ съѣздѣ совѣтовъ, рѣшавшемъ судьбу Германіи, Россіи и русской революціи, изъ 700 голосовъ нашлось все же 300, протестовавшихъ противъ заключенія мира; они принадлежали не только профессіональнымъ партійнымъ дѣятелямъ лѣво-с.-р.-скаго толка, но и рядовымъ крестьянамъ и рабочимъ. Рабочіе промышленности и транспорта впослѣдствіи, понявъ всю экономическую тяжесть договора, воспрепятствовали широкому исполненію его, не допустивъ вывоза въ Германію поѣздовъ съ «націонализированными» совѣтской властью запасами мануфактуры, мѣди и проч. Московскій комитетъ партіи большевиковъ на экстренномъ засѣданіи 7-го февраля постановилъ «настаивать на пересмотрѣ совѣтомъ народныхъ комиссаровъ принятаго рѣшенія», считая его «вреднымъ дѣломъ для міровой революціи» и призывая «вести безпощадную борьбу за демократическій миръ». Даже партія русскихъ анархистовъ считала, что «Брестскій миръ навязанъ трудовому народу коммунистической властью... вопреки ясно выраженному желанію трудовыхъ массъ не подписывать мира съ германскимъ имперіализмомъ и продолжать революціонное сопротивленіе»...

Какъ бы ни были разнообразны внѣшнія обоснованія этого широкаго протеста, въ основѣ его болѣе или менѣе явно, болѣе или менѣе ярко выступало національное чувство. Конечно — только въ верхнихъ слояхъ. Потому что народъ въ широкомъ смыслѣ этого слова — или «трудовыя массы» по другой терминологіи — въ этотъ періодъ революціи относился къ чисто духовной сторонѣ вопроса съ величайшимъ равнодушіемъ. Реальныя-же послѣдствія событій сказывались не сразу.

Національное чувство укрѣпило идеологію противобольшевицкаго движенія, дало ему новый стимулъ, значительно расширило базу борющихся силъ и объединило большинство ихъ въ основной, по крайней мѣрѣ, цѣли.

Оно намѣчало также пути внѣшней оріентаціи, вернувъ прочность почти истлѣвшимъ на пожарѣ революціи нитямъ, связывавшимъ насъ съ Согласіемъ, и прибавивъ къ чисто моральнымъ уже обоснованіямъ его («недопустимость измѣны союзникамъ») и элементъ цѣлесообразности*.

Наконецъ подъемъ національнаго чувства далъ сильный толчокъ къ укрѣпленію или созданію цѣлаго ряда внутреннихъ фронтовъ — на сѣверѣ, востокѣ и югѣ, къ оживленію дѣятельности московскихъ противобольшевицкихъ организацій и, вообще, къ началу той тяжкой борьбы, которая въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ сжимала петлю на шеѣ совѣтской власти.

---

* Надежды на созданіе Сѣвернаго и Восточнаго фронтовъ и поворотъ на Волгу чехословаковъ.

ГЛАВА II.

Стимулы борьбы съ совѣтской властью: соціальные, экономическіе, психологическіе.

Къ серединѣ 18 г. обостреніе отношеній къ совѣтской власти въ широкихъ слояхъ населенія достигло уже большого напряженія, основываясь не только на возмущенномъ національномъ чувствѣ, но и на причинахъ соціальнаго, экономическаго и психологическаго характера.

* * *

Отходилъ отъ власти дезорганизованный ею пролетаріатъ.

Безсмысленная демобилизація всѣхъ фабрикъ и заводовъ, работавшихъ на оборону*, въ мѣсячный срокъ, націонализація промышленности, разрушеніе торговли и транспорта, разстройство обмѣна съ деревней и другія причины общаго характера однимъ изъ важныхъ послѣдствій своихъ имѣли ставшій хроническимъ кризисъ городовъ. Населеніе ихъ, не исключая покровительствуемаго властью пролетаріата, попало въ тягчайшее матеріальное положеніе, испытывая гнетъ безработицы, постояннаго недоѣданія, иногда голода, болѣзней и мора.

Какъ слѣдствіе всѣхъ этихъ явленій, началось разстройство рядовъ пролетаріата и качественное его ослабленіе. Болѣе безпокойные, властные и вмѣстѣ съ тѣмъ аморальные его элементы уходили въ ряды совѣтской бюрократіи, въ ея опричнину, въ составъ карательныхъ экспедицій, не рѣдко на вольный разбойный промыселъ. Уходили добровольно — иногда отъ не остывшаго еще революціоннаго экстаза — въ красную гвардію, потомъ по повинности — въ красную армію. Тамъ они теряли связь со своимъ классомъ или гибли. Болѣе хозяйственные и предпріимчивые люди, въ томъ числѣ множество квалифицированныхъ рабочихъ, переходили съ фабрикъ и заводовъ на кустарный промыселъ, или бѣжали въ деревню, осѣдая на землѣ. Оставались лишь болѣе рыхлые или консервативные въ отношеніи вѣками установившагося уклада жизни, поступившіе въ конечномъ результатѣ въ разрядъ государственныхъ пенсіонеровъ: «пролетарская власть», взявшая въ свои руки предпріятія, вынуждена была содержать рабочихъ на счетъ казны, независимо отъ цѣнности труда и выгодности предпріятій. Но такъ какъ разоренное государство вынести такой тяготы фактически не могло, то жизнь этой категоріи рабочихъ съ каждымъ днемъ становилась тяжелѣе и безотраднѣе. Если вторая группа была для правительства безусловно потеряна, то и въ этой третьей, имъ благотворимой, иллюзіи первыхъ мѣсяцевъ революціи въ значительной мѣрѣ поблекли, и создавалась оппозиція къ власти, хотя и не организованная. Первоначально она не выходила изъ рамокъ мѣстныхъ экономическихъ интересовъ. Но мало по малу подъ напоромъ жизни эти рамки раздвигались.

---

* Декретъ былъ объявленъ въ концѣ декабря, задолго до заключенія мира, отозвавшись несомнѣнно на тяжести его условій. Приписывался обществомъ подчиненнымъ отношеніямъ комиссаровъ къ нѣмецкому генеральному штабу.

Уже въ концѣ марта 18 г. собраніе фабрично-заводскихъ уполномоченныхъ Петрограда говорило:

«Позорный миръ, голодъ, неумѣло ведущаяся эвакуація, полная дезорганизація фабрично-заводской жизни — все это обрушилось на рабочихъ... Профессіональные союзы утратили самостоятельность и независимость и уже не организуютъ борьбы въ защиту правъ рабочихъ. На улицахъ и въ домахъ днемъ и ночью происходятъ убійства... Убиваютъ не враговъ народа, а мирныхъ гражданъ — рабочихъ, крестьянъ, студентовъ... Мы протестуемъ и требуемъ открытаго суда надъ всѣми, совершающими звѣрства и убійства».

Съ весны 1918 г. оппозиція рабочаго класса къ совѣтской власти стала проявляться въ формахъ активныхъ, иногда угрожающихъ. Таковы, напримѣръ, крупныя волненія и забастовки въ Петроградѣ и Сормовѣ, вооруженныя возстанія на Ижорскомъ и Сестрорѣцкомъ заводахъ, и въ особенности Воткинское и Ижевское возстанія. Послѣднее потребовало отъ совѣтской власти большихъ усилій и жертвъ, длилось три мѣсяца и было кроваво подавлено въ началѣ ноября, причемъ въ первый же день овладѣнія Ижевскимъ заводомъ большевики казнили около 800 возставшихъ рабочихъ.

При всѣхъ этихъ выступленіяхъ, на митингахъ, въ резолюціяхъ, воззваніяхъ, слышалось рѣзкое осужденіе совѣтской власти, требованіе Учредительнаго Собранія и политическихъ свободъ.

* * *

Отошло отъ власти и крестьянство.

Совѣтская власть была вначалѣ весьма слабой, и крестьянское море, вынесшее ее на своемъ гребнѣ, казалось еще слишкомъ взбаламученнымъ и опаснымъ. Поэтому декретъ о націонализаціи земли не внесъ серьезныхъ потрясеній въ укладъ деревенской жизни, предоставленной первоначально своему самостоятельному теченію въ руслѣ замкнутыхъ классовыхъ интересовъ.

Но уже къ лѣту 18 года совѣтская власть, нѣсколько окрѣпнувъ сама, увидѣла вмѣстѣ съ тѣмъ серьезную опасность въ двухъ явленіяхъ крестьянской жизни: въ чрезвычайномъ ростѣ собственническаго инстинкта, грозившемъ оторвать навсегда крестьянскія массы отъ коммунистическихъ идеаловъ, и въ прекращеніи обмѣна деревни съ городомъ, грозившемъ голодомъ пролетаріату и красной гвардіи — единственной, хотя и не вполнѣ надежной опорѣ власти.

Съ первой опасностью, олицетворяемой среднимъ крестьяниномъ и «кулакомъ», совѣтская власть начала бороться разгромомъ всѣхъ бытовыхъ (волость) и революціонныхъ (совѣты и комитеты крестьянскихъ депутатовъ) установленій деревни и насажденіемъ, подчасъ вооруженной силой, комитетовъ бѣдноты. Въ составъ этихъ комитетовъ обыкновенно входили элементы пришлые, давно уже потерявшіе связь съ деревней, или безземельные, бездомные, не хозяйственные, иногда съ уголовнымъ прошлымъ, составлявшіе подчасъ больную и грязную накипь деревенской жизни. Дѣятельность ихъ проявлялась въ формахъ насилія и произвола, направляясь по преимуществу къ «уравненію», т. е. къ ограбленію зажиточныхъ и крѣпкихъ крестьянъ, дѣлежу ихъ имущества, земледѣльческихъ орудій, рабочаго скота и запасовъ.

Противъ второй опасности совѣтская власть официально, въ порядкѣ управленія, выдвинула средство еще болѣе примитивное — вооруженные отряды различнаго наименованія — «продовольственные», «карательные», «заградительные», которые шли походомъ на деревню за «излишками» или отбирали на станціяхъ желѣзныхъ дорогъ, на перепутьяхъ и заставахъ крестьянское добро и запасы мѣшечниковъ.

Власть не дѣлала попытки государственнаго регулированія этой своеобразной «соціализаціи», которая обратилась въ грабежъ и дѣлежъ. При малѣйшемъ сопротивленіи отряды забирали все въ порядкѣ контрибуціи. Не только подневольная, но и официальная совѣтская печать въ 1918 году рисовала «потрясающія картины» походовъ на деревню, реквизицій и кровавыхъ усмиреній...

Отрицательные результаты совѣтской аграрной политики были настолько разительны, что въ правыхъ кругахъ возникъ даже своеобразный взглядъ на лѣченіе

соціальной болѣзни путемъ «прививки большевизма». Такъ В. Шульгинъ писалъ въ апрѣлѣ 18 года: «самое важное, чтобы революція дошла до самаго конца; нужнѣе всего дѣйствительное осуществленіе соціализаціи земли въ деревняхъ для того, чтобы вся толща крестьянскаго населенія получила стихійное отвращеніе къ лозунгу „земля и воля", погубившему государство. Процессу этому отнюдь не слѣдуетъ мѣшать, какихъ бы жертвъ это ни стоило»*.

Правительственная система и практика мѣстной власти въ отношеніи къ деревнѣ вызвали упорнѣйшее сопротивленіе вѣкового уклада жизни и привели только къ укрѣпленію въ крестьянствѣ началъ собственности и классового самосознанія. Сопротивленіе проявилось въ сжатіи крестьянскаго хозяйства до потребительныхъ нормъ, что угрожало неисчислимыми бѣдствіями государственному хозяйству, и въ прямыхъ дѣйствіяхъ: въ 1918 году волна крестьянскихъ возмущеній пронеслась по всей совѣтской Россіи, сопровождаемая разореніемъ совѣтскихъ и коммунистическихъ хозяйствъ, сожженіемъ ж. д. станцій и складовъ, насиліями надъ комиссарами и членами комитетовъ бѣдноты, которыхъ убивали, подвергали мученіямъ, иногда живыми закапывали въ землю. Возстанія возникали неорганизованно, стихійно, нося мѣстный характеръ; бывало, впрочемъ, какъ напримѣръ въ Рязанской губерніи, что выведенные изъ терпѣнія притѣсненіями совѣтской власти крестьяне подымались нѣсколькими уѣздами, ведя настоящія длительныя сраженія многотысячными отрядами съ пулеметами и орудіями.

Такъ какъ возстанія эти первымъ своимъ результатомъ имѣли обыкновенно прекращеніе всякаго подвоза продовольствія въ города, то они встрѣчались враждебно городскимъ пролетаріатомъ; между нимъ и крестьянствомъ ложилась пропасть.

Въ результатѣ — соединенными усиліями совѣтской власти, пролетаріата и его вооруженной силы — красной гвардіи крестьянскія возстанія подавлялись жестоко и безпощадно.

Цѣли своей — упраздненія многомилліоннаго слоя крестьянства — большевики, однако, не достигли. По совѣтской статистикѣ къ 1919 г. число среднихъ, выше-среднихъ и крупныхъ крестьянскихъ хозяйствъ упало лишь до 49 %, т. е. на 10 % по сравненію съ 1917 годомъ.

Позднѣе, въ мартѣ 19 г., подводя итоги совѣтской аграрной политики и круто мѣняя ея направленіе, Ленинъ говорилъ, что стремленіе раздавить среднее крестьянство такъ, какъ это сдѣлано съ буржуазіей, «будетъ идіотизмомъ, тупоуміемъ и гибелью дѣла»... И тутъ же приводилъ классическое по своей моральной обнаженности обоснованіе мысли: «здѣсь нѣтъ той верхушки, которую можно срѣзать, оставивъ весь фундаментъ, все зданіе — той верхушки, которою въ городѣ были капиталисты»...

Въ дальнѣйшемъ совѣтская власть искала уже «путей завоеванія довѣрія крестьянства»...

Ищетъ совершенно безнадежно и понынѣ.

* * *

Буржуазія просто истреблялась.

Ленинъ поставилъ задачу теоретически: «обезпечить диктатуру (рабочаго класса), свергнуть буржуазію и отнять у нея тѣ экономическіе источники ея власти, которые являются помѣхой въ дѣлѣ всякаго экономическаго строительства».

«Чрезвычайная комиссія» рѣшила задачу практически: «мы не ведемъ войны — писалъ Лацисъ — противъ отдѣльныхъ лицъ. Мы истребляемъ буржуазію, какъ классъ... Не ищите на слѣдствіи матеріаловъ и доказательствъ того, что обвиняемый дѣйствовалъ дѣломъ или словомъ противъ совѣтовъ. Первый вопросъ, который Вы должны ему предъявить, какого онъ происхожденія, воспитанія, образованія или профессіи. Эти вопросы и должны опредѣлять судьбу обвиняемаго»...

---

* Донесеніе организаціи «Азбуки». «Вѣди». 28. V. 18.

Истребленіе буржуазнаго класса шло самыми разнообразными путями: отнятіемъ собственности, выселеніемъ изъ жилищъ, голоднымъ пайкомъ, трудовой повинностью, лишеніемъ свободы; наконецъ казнями, казнями безъ конца, безъ счета.

Скорбь и ужасъ разлились по землѣ, одѣвъ въ трауръ каждую русскую семью, не пощадивъ ни таланта, ни силы, ни молодости, внеся въ естественное теченіе общественной жизни, какъ систему, какъ норму — институтъ заложниковъ, родовую месть, надругательство надъ душой и тѣломъ человѣка, страданія и потоки крови.

Большевицкая идеологія въ разрядъ буржуазіи, кромѣ интеллигентскаго пролетаріата, служилаго элемента и мѣщанства, причисляла еще многочисленные слои другихъ классовъ: болѣе здоровую и крѣпкую часть рабочаго класса, крупное и среднее крестьянство и, по мотивамъ вовсе уже не соціальнымъ, — соціалистическую демократію, которая — одни раньше, другіе позже (лѣвые с.-р.) — стала въ ряды противниковъ большевицкой власти.

Но совѣтская практика дѣлала серьезныя различія между этими категоріями «контръ-революціонеровъ». Буржуазія истреблялась какъ классъ и какъ среда, недоступная вліянію коммунистическихъ идей, независимо отъ степени ея сопротивленія; рабочіе подвергались притѣсненіямъ и преслѣдованіямъ только индивидуально, преимущественно представители партій с.-р. и с.-д.-меньш.; терроръ въ отношеніи крестьянства былъ направленъ не противъ личности, а для «подавленія его сопротивленія власти и собственническихъ инстинктовъ»; наконецъ, по отношенію къ соціалистической демократіи въ 1918 г. совѣтское правительство, по выраженію Ленина, проявило «много терпѣнія и даже добродушія», въ надеждѣ, что она «сдѣлаетъ выборъ» между большевиками и буржуазной диктатурой. Правда, терпѣніе это было относительнымъ: періодически, особенно же въ день разгона Учредительнаго Собранія, потомъ въ Ленинскіе дни* большевицкія тюрьмы наполнялись соціалистами. Хотя положеніе ихъ было привилегированнымъ, но тюремный режимъ большевиковъ сталъ несравненно тяжелѣе, чѣмъ «царскій», и не исключалось примѣненіе «высшей мѣры наказанія», если не въ силу политики центра, то — самовластія «мѣстъ».

Человѣческое страданіе — всегда страданіе. Убійство — всегда убійство, льется ли при этомъ «бѣлая» или «красная» кровь.

Но когда я читаю такія строки: «историкъ революціи съ недоумѣніемъ и ужасомъ остановится на тѣхъ страницахъ дѣятельности коммунистическаго правительства Россіи, которыя говорятъ о гоненіяхъ на анархическую идею и (ея) дѣятелей. Онъ не сразу повѣритъ. А, повѣривъ, убѣдившись въ ихъ потрясающей правдѣ, назоветъ ихъ самыми черными страницами въ исторіи коммунистической государственности»**... ...Когда с.-д. Данъ пишетъ***: «вѣсть о моемъ переводѣ на Уралъ (на службу по медицинскому вѣдомству) быстро разнеслась по городу... многіе, даже изъ знакомыхъ большевиковъ не хотѣли вѣрить, что возможна такая дикая расправа... У одной большевички даже стояли слезы на глазахъ»... ...Когда тутъ же черезъ десятокъ страницъ, безъ гнѣва, безъ осужденія, безъ «гражданской скорби» онъ проходитъ мимо картины «искорененія бывшаго колчаковскаго офицерства»: «окна подвала Губчека выходили на улицу, и лѣтомъ, когда окна были открыты, можно было заглянуть вглубь этого ужаснаго помѣщенія, гдѣ въ невѣроятной тѣснотѣ и грязи сидѣли заключенные съ блѣдными, измученными голодомъ лицами, покрытые всевозможными паразитами. Одинъ изъ знакомыхъ коммунистовъ разсказывалъ мнѣ, что разстрѣлы производятся тутъ же, на дворѣ, подъ окнами заключенныхъ»... —

...Мнѣ хочется сказать людямъ въ шорахъ: Говорите о вашихъ терзаніяхъ. Чтите вашихъ мертвыхъ. Но когда проходите случайно мимо бездонной могилы русской буржуазіи — по существу русской интеллигенціи, снимите шапку надъ ней. Ибо тамъ, вмѣстѣ съ окровавленными трупами, погребены невознаградимыя культурныя цѣнности страны, ея интеллектуальныя силы, ея надежды!

---

* Покушеніе на Ленина въ августѣ 18 г.

** «Гоненія на анархизмъ въ совѣтской Россіи». Офиц. изд. партіи.

*** «Два года скитаній».

Оставшаяся въ живыхъ буржуазія была побѣждена. Часть уходила въ раіоны бѣлыхъ армій; другая — преимущественно крупная буржуазія — банковская и торгово-промышленная знать, къ которой большевики относились почему то съ наибольшей терпимостью, шла въ эмиграцію; третья — воплотившая въ себѣ идею «буржуазнаго интернаціонализма», съ большою легкостью принимала подданство и мѣняла его въ любомъ новообразованіи, отколовшемся отъ русской державы; четвертая — шла на службу къ совѣтской власти, составивъ многочисленные кадры «спецовъ» и чиновничества — только терпимыхъ «слугъ новаго режима»; пятая, едва ли не наибольшая численно, обратилась въ люмпенъ-пролетаріатъ, задавленный духовно, безправный и нищій. Появилась еще одна категорія людей, о которыхъ высказалъ компетентное мнѣніе Ленинъ: «къ намъ присоединились... карьеристы, авантюристы, которые назвались коммунистами и надуваютъ насъ; которые полѣзли къ намъ потому, что коммунисты у власти; потому, что болѣе честные «служилые элементы» не пошли къ намъ работать, вслѣдствіе своихъ отсталыхъ идей, а у карьеристовъ нѣтъ никакихъ идей, никакой честности»*.

Подобное разслоеніе произошло и въ рядахъ офицерскаго корпуса старой арміи, на который большевизмъ обрушился съ особенной силою. Это разслоеніе можетъ быть выражено символически четырьмя извѣстными эпизодами, относящимися къ зимѣ 1918—19 гг.

Генералъ Духонинъ убитъ большевиками...

Генералъ Скалонъ — военный экспертъ большевицкой делегаціи въ Брестъ-Литовскѣ, не вынеся позора, застрѣлился...

Генералъ Брусиловъ, «признавая здоровую жизненную основу совѣтской власти», отдалъ ей свои послѣднія силы.

Полковникъ Дроздовскій сформировалъ добровольческій отрядъ и повелъ его за тысячу верстъ, на Донъ для борьбы съ большевиками...

* * *

Но помимо мотивовъ классового или личнаго самосохраненія, общія явленія распада государственной и народной жизни достаточно ярко и наглядно свидѣтельствовали о гибельности совѣтскаго режима. Даже въ элементарномъ отраженіи темной массы.

Народное хозяйство катилось стремительно по наклонной плоскости, ударяя больно по всѣмъ сторонамъ повседневной жизни, ослабляя людей физически и вызывая небывалую смертность.

Терроръ, широко развитая система шпіонажа, лишеніе всѣхъ гражданскихъ свободъ, отсутствіе нормъ закона и безграничный произволъ власти придавили духъ народа, создавъ невыносимо затхлую атмосферу, въ которой, казалось, жить долго невозможно.

Гоненія, воздвигнутыя на религію, осквернение святынь возмущали народную совѣсть, и въ храмахъ, переполненныхъ вѣрующими, возносились горячія моленія «объ избавленіи отъ вражеска плѣна и раннея смерти».

Казалось, во всѣхъ слояхъ населенія и во всѣхъ областяхъ жизни были глубокія обоснованія и стимулы къ борьбѣ съ не-національной, не-государственной и не-народной властью.

Къ серединѣ 1918 г., когда я съ Добровольческой арміей начиналъ второй Кубанскій походъ, эта мысль психологически владѣла всѣми. Ее заносили къ намъ вырвавшіеся изъ совѣтской Россіи или жившіе на Югѣ мудрые политики, громкіе общественные дѣятели, генералы и офицеры, случайные бѣженцы. Она проходила красной нитью черезъ всѣ сводки, доклады, донесенія съ мѣстъ, черезъ всѣ разговоры, которые вели многочисленные посѣтители, бывавшіе лѣтомъ 18 г. у ген. Алексѣева и у меня.

Такъ, напримѣръ, Милюковъ писалъ 3 мая ген. Алексѣеву: «несомнѣнно психологія въ Россіи, хотя и не такъ быстро, какъ было бы желательно, но все же мѣняется — и

* Докладъ на 8 съѣздѣ компартіи.

не только на югѣ, но, какъ освѣдомляютъ меня мои московскіе друзья, также и на сѣверѣ. Большевики изжили себя. За отсутствіемъ внѣшней силы, которая бы ихъ ликвидировала, они начали ликвидироваться изнутри»...

Не менѣе категорично опредѣлялось положеніе совѣтской Россіи въ докладѣ Лѣваго центра*: «въ частномъ разговорѣ Ленинъ высказался: «мы, конечно, провалились; но великая заслуга наша въ томъ, что въ Парижѣ коммуна просуществовала нѣсколько дней, а у насъ въ Россіи нѣсколько мѣсяцевъ». Большевики второго сорта уже теперь понемногу исчезаютъ, а главные дѣятели получили гарантіи отъ нѣмцевъ, что драгоцѣнная жизнь ихъ будетъ сохранена».

Болѣе эксцансивно относились къ событіямъ штабные сотрудники. Одно изъ донесеній, весьма характерное для общаго тона освѣдомленія и для тогдашнихъ настроеній Юга, гласило:

«Подводя итоги общему внутреннему политическому состоянію страны, все населеніе Совдепіи можно раздѣлить на два лагеря: большевиковъ и небольшевиковъ. Грани политическихъ убѣжденій въ различныхъ партіяхъ кровожаднымъ и нелѣпымъ управленіемъ Совнаркома совершенно сгладились. Нескончаемыя обиды и кровавый терроръ совѣтской власти въ связи съ голодомъ настолько сгустили атмосферу, что вся Совдепія представляетъ изъ себя котелъ съ громаднымъ внутреннимъ давленіемъ, и достаточно одного сильнаго удара въ стѣнку, какъ произойдетъ неслыханный и невиданный въ лѣтописяхъ исторіи взрывъ, который даже безъ внѣшняго воздѣйствія смететъ съ лица земли совѣтскую власть и, если во время имъ не овладѣть, то можетъ погрести остатки всякой культуры»...

Прогнозы оказались невѣрными — мы убѣдились въ этомъ скоро, ведя тяжелые, кровопролитные бои на сѣверномъ Кавказѣ. Невѣрными — не столько въ изображеніи подлинныхъ народныхъ настроеній, сколько въ оцѣнкѣ ихъ активности, а, главное, въ ошибочномъ сложеніи силъ. Между тремя основными народными слоями — буржуазіей, пролетаріатомъ и крестьянствомъ легли непримиримыя противорѣчія въ идеологіи, въ соціальныхъ и экономическихъ взаимоотношеніяхъ, существовавшія всегда въ потенціи, углубленныя революціей и обостренныя разъединявшей политикой совѣтской власти. Они лишили насъ вѣрнѣйшаго залога успѣха — единства народнаго фронта.

Между тѣмъ, въ противобольшевицкомъ станѣ всѣ усилія Москвы, Кіева, Ростова, Самары, всѣхъ политическихъ и общественныхъ организацій — правыхъ и лѣвыхъ — по крайней мѣрѣ въ 18 году, были направлены не на преодолѣніе этихъ противорѣчій, а на поиски «вѣрнѣйшей» оріентаціи и «наилучшихъ» формъ государственнаго строя.

Ни того, ни другого мы не нашли.

---

* «Союзъ Возрожденія Россіи». Докладъ привезъ къ намъ въ іюнѣ Титовъ.

ГЛАВА III.

Политическая карта Россійскаго государства къ серединѣ 1918 года: Сѣверная область, Финляндія, Прибалтійскій край, Литва, Польша, Сѣверо-западная область.

Политическая карта Россійскаго государства къ осени 1918 года и до паденія центральныхъ державъ представляется въ слѣдующемъ видѣ.

* * *

На крайнемъ сѣверѣ Мурманскій раіонъ оккупировали союзники, преимущественно англичане. Иностранныхъ войскъ было тамъ ничтожное количество. Только къ осени союзники довели ихъ до 9—10 батальоновъ* и 3 батарей**. Русскія формированія ввиду безлюдности края не превышали нѣсколькихъ ротъ. До 2-го августа въ раіонѣ сохранялась совѣтская организація, и только порваны были офиціальныя сношенія мѣстнаго совѣта съ Москвою. Англійскому командованію была безразлична тогда политическая физіономія не только мѣстной власти, но и формируемой имъ вооруженной силы, въ составъ которой вошли, въ числѣ прочихъ, отряды финской красной гвардіи, бѣжавшіе изъ Финляндіи, послѣ занятія ея нѣмецкими войсками. Безразличны были также и русскіе интересы: англичане приступили къ формированію особаго «корельскаго батальона», исходя изъ самоопредѣленія Кореліи въ отдѣльную «націю» и «государство»...

Позднѣе, 2 августа, союзный десантъ высадился въ Архангельскѣ, который весьма посцѣшно былъ брошенъ большевиками. Англійскій генералъ Пуль вступилъ въ командованіе всѣми войсками Сѣверной области (большая часть Архангельской губ.), въ составъ которыхъ въ Архангельскомъ раіонѣ, кромѣ англичанъ (4—5 батальоновъ), вошли американцы (4—5 батальон.), французы (1 бат.), поляки, итальянцы... Эти части начали усиливаться новыми смѣшанными формированіями, вродѣ «русско-французской роты», «славяно-британскаго легіона» и т. д.

Приступлено было также къ организаціи русской вооруженной силы, основаніемъ которой послужили офицерскія команды, сформированный въ Архангельскѣ изъ мобилизованныхъ полкъ съ двумя дивизіонами артиллеріи и, главнымъ образомъ, крестьянскіе партизанскіе отряды, насчитывавшіе въ общемъ до 3 тысячъ и разбросанные на громадныхъ разстояніяхъ у Пинеги, Шенкурска, на Сѣв. Двинѣ, Онегѣ, Печорѣ, Мезени... Всѣ эти силы были подчинены русскому «командующему войсками»***, власть котораго была, однако, лишь номинальной, ограничиваясь административными и организаціонными функціями. Англичане, вплоть до ухода союзныхъ войскъ, держали въ своихъ рукахъ командованіе, боевое управленіе и снабженіе русскихъ войскъ. У русскаго «командующаго» не было даже и органовъ — оперативныхъ и снабженія. Назначенный

* Изъ нихъ 5—6 англ., 1 франц., 1 итальян., 1 серб.

** Французскія.

*** Послѣдовательно эту должность занимали: капитанъ I-го ранга Чаплинъ, полковн. ген. штаба Дуровъ (18 г.), ген. Марушевскій и ген. Миллеръ (главноком.).

Государств. публичная историческая библиотека РСФСР

въ концѣ 18 года командующимъ войсками ген. Марушевскій приступилъ къ использованію партизанскихъ отрядовъ, обращая ихъ путемъ вливанія офицеровъ и строевыхъ ротъ изъ Архангельска въ регулярныя части.

Къ концу 1918 года общая численность союзныхъ войскъ не превышала 10—15 тысячъ смѣшанныхъ частей весьма посредственнаго состава, а русскихъ 7—8 тысячъ человѣкъ, мало еще организованныхъ.

23 іюня 18 г. союзныя посольства, переѣзжая спѣшно изъ Вологды въ Архангельскъ, издали и широко распространили воззваніе, въ которомъ цѣли занятія Мурмана и дальнѣйшихъ затѣмъ операцій союзниковъ въ Сѣверной области въ направленіи къ Петрозаводску и къ Вологдѣ объяснялись слѣдующимъ образомъ: 1) необходимость охраны края и его богатствъ отъ захватныхъ намѣреній германцевъ и финновъ, въ руки которыхъ могла перейти Мурманская жел. дорога, ведущая къ единственному незамерзающему порту Россіи; 2) защита Россіи отъ дальнѣйшихъ оккупаціонныхъ намѣреній германцевъ; 3) искорененіе власти насильниковъ и предоставленіе русскому народу путемъ установленія правового порядка возможности въ нормальныхъ условіяхъ рѣшить свои общественно-политическія задачи.

Поскольку первыя двѣ цѣли, вытекая изъ реальныхъ и непосредственныхъ интересовъ союзниковъ, трактовались ими серьезно, настолько третья съ первыхъ же дней занятія Сѣверной области обратилась исключительно въ благовидный предлогъ моральнаго свойства и въ средство агитаціи.

Мѣстное англійское командованіе опредѣляло цѣли борьбы разно. Ген. Пуль тотчасъ по своемъ прибытіи въ Архангельскъ объявилъ, что «союзники явились для защиты своихъ интересовъ, нарушенныхъ появленіемъ въ Финляндіи германцевъ», и торопилъ поэтому русское командованіе съ организаціей собственной арміи. Смѣнившій его осенью ген. Айронсайдъ говорилъ о «наступленіи на Вятку-Котласъ для соединенія съ Колчакомъ и передачи ему привезеннаго для его арміи имущества*». Въ то же время англійскимъ добровольческимъ частямъ, отправляемымъ изъ Англіи на русскій сѣверъ, лондонскія власти внушали, что онѣ назначаются «лишь для оккупаціи, а не для боя».

Наступленіе, весьма впрочемъ вялое, союзники, занимавшіе огромный фронтъ отъ финляндской границы до Пинеги, повели по двумъ направленіямъ: на Петрозаводскъ и на Вологду. Въ теченіе 18 г. они достигли, примѣрно, линіи Пинега—Шенкурскъ—Плесецкая (станц. Сѣв. ж. д.)—Тургасово—Парандово (станц. Мурм. ж. д.).

На этихъ направленіяхъ были сосредоточены небольшія совѣтскія силы, сведенныя къ осени 18 г. въ двѣ арміи и насчитывавшія въ общей сложности до 18 тыс. бойцовъ при 70 орудіяхъ**.

Войска эти въ 1918 году не представляли изъ себя сколько нибудь серьезной силы. Арміи имѣли заданіе активно оборонять подступы къ Москвѣ и Петрограду.

Съ начала августа, послѣ высадки англичанъ въ Архангельскѣ и начавшагося наступленія на Вологду, Совѣтъ комиссаровъ пришелъ въ чрезвычайное безпокойство. Большевицкія сводки до крайности преувеличивали силы союзниковъ*** и серьезность ихъ намѣреній. Переписка, обмѣнъ телеграммами, паническія донесенія съ фронта свидѣтельствуютъ о полной растерянности большевицкой власти и командованія. Надъ Москвой, казалось, нависла огромная угроза и возбужденъ былъ даже вопросъ о необходимости эвакуаціи ея... Угрожаемое въ то время съ востока и юга совѣтское командованіе начало лихорадочно перебрасывать подкрѣпленія изъ Петроградскаго раіона, даже съ Мурманскаго направленія на Архангельское. 5 августа Чичеринъ обратился къ германскому послу Гельфериху съ просьбой возложить на германскія войска оборону подступовъ къ Петрограду (игнорируя даже Петрозаводскъ) на позиціяхъ по рѣкѣ Свири, такъ какъ всѣ совѣтскія силы оттягиваются въ Вологду. Между прочимъ, въ то время совѣтская власть захватила въ качествѣ заложниковъ «англо-французскую буржуазію», объявивъ, что заложники будутъ разстрѣляны, если Вологда падетъ.

---

* Ген. Добровольскій. «Борьба за возрожденіе Россіи въ Сѣв. области.»

** На Мурманскомъ – 6-я армія, до 10 тыс., и на Архангельскомъ – 7-я, до 8 тыс., образовавшія «Сѣверный фронтъ» подъ командой ген. Парскаго.

*** Большевики считали противъ себя на сѣверномъ фронтѣ 58 тыс. штыковъ.

Политическая карта Россіи

въ сентябрѣ 1918 г.

Германская главная квартира отнеслась, однако, къ этимъ опасеніямъ безъ особеннаго довѣрія, считая въ частности полуразрушенную Мурманскую дорогу, угрожаемую съ запада германо-финскими отрядами, достаточно обезпеченной.

Дѣйствительно, въ силу суровости климата, пустынности театра и, главнымъ образомъ, направленія русской политики Лондона, находившейся подъ сильнымъ давленіемъ соціалистовъ и рабочей партіи, военныя дѣйствія въ Сѣверной области не получили развитія, а съ уходомъ союзниковъ фронтъ этотъ сталъ обреченнымъ.

Государственное управленіе области представляетъ интересъ въ томъ отношеніи, что, въ противовѣсъ прочимъ фронтамъ, на Сѣверѣ оно осуществлялось демократіей, безъ давленія «бѣлыхъ генераловъ»: прибывшій впослѣдствіи, въ началѣ 19 г. въ Архангельскъ по приглашенію Чайковскаго ген. Миллеръ сталъ лишь министромъ въ составѣ кабинета — военнымъ, путей сообщенія, почтъ и телеграфа.

Въ началѣ августа съ прибытіемъ въ Архангельскъ англичанъ совѣтская власть была свергнута и верховное управленіе перешло къ «временному правительству», во главѣ съ Н. Чайковскимъ, изъ членовъ Учредительнаго собранія сѣверныхъ областей, преимущественно лѣваго толка. Съ неизжитой еще исихологіей «углубленія революціи», съ традиціями «керенщины» и соглашательства, правительство это скоро стало одіознымъ въ глазахъ буржуазіи, офицерства и англійскаго командованія. Съ вѣдома ген. Пуля, въ сентябрѣ правительство было свергнуто офицерствомъ и заточено въ Соловецкій монастырь, затѣмъ по требованію союзныхъ дипломатовъ освобождено, причемъ Н. Чайковскому поручено было сформировать новое правительство изъ болѣе умѣренныхъ элементовъ; въ него вошли преимущественно народные соціалисты.

Мурманскій край управлялся «краевымъ совѣтомъ» почти того же состава, что и при большевикахъ, подчиненнымъ Архангельску, но, ввиду трудности сообщенія, дѣйствовавшимъ почти самостоятельно.

Чайковскій въ январѣ 19 года выѣхалъ въ Парижъ, гдѣ и остался, ставъ членомъ «Парижскаго политическаго совѣщанія» и продолжая числиться предсѣдателемъ правительства; вскорѣ я получилъ отъ него письмо, весьма характерное для программы и иллюзій умѣренной соціалистической демократіи:

«Послѣ 8 мѣсяцевъ работы я могу съ удовлетвореніемъ сказать, что мы достигли положительныхъ результатовъ»...

«При организаціи власти мы исходили изъ двухъ положеній: 1) что во время войны вся организація правительства должна быть приноровлена къ обслуживанію Главнаго командованія и 2), что она должна сохранять за собой самостоятельность въ глазахъ населенія, являясь для него защитникомъ правъ и свободы и посредникомъ между нимъ и военнымъ командованіемъ».

«Получилась слѣдующая конструкція: Главнокомандующему (англійскій генералъ Айронсайдъ) принадлежитъ вся полнота власти въ странѣ, но фактически... въ политическое управленіе онъ не вмѣшивается, развѣ лишь въ исключительныхъ случаяхъ... въ интересахъ немедленныхъ оперативныхъ дѣйствій... Благодаря этому, авторитетъ правительства поддерживается и укрѣпляется и тѣмъ самымъ довѣріе, возбуждаемое (къ нему) среди населенія, распространяется и на командованіе».

Въ дальнѣйшемъ при развертываніи правительства въ россійскомъ масштабѣ при такой конструкціи его «нѣтъ мѣста распространенію среди населенія подозрѣній въ реакціонности власти военнаго командованія и его стремленіи къ диктатурѣ»...

Словомъ, весь вопросъ сводился къ созданію демократической власти, что достигнуто вполнѣ на Сѣверѣ и безъ чего всякая борьба обречена на неуспѣхъ.

Указывая, что задача въ Сѣверной области «упрощена до игрушечнаго масштаба», Чайковскій все же горячо и задушевно совѣтовалъ мнѣ примѣнить на Югѣ эту систему*.

Жизнь, къ сожалѣнію, жестоко разбивала его мечты. Сѣверная область явила примѣръ полнаго раскола въ средѣ демократіи и интеллигенціи, неизжитый исихозъ

---

* Любопытно, что въ Сибирь своимъ друзьямъ изъ состава революціонной демократіи Н. Чайковскій давалъ нѣсколько иную оріентировку: «съ союзниками происходитъ много конфликтовъ... Плохо быть русскимъ министромъ безъ арміи и силы». (Изъ телеграфнаго сообщенія Лебедева Авксентьеву. — А. Ганъ.)

большевизма въ массахъ и отсутствіе въ нихъ всякаго довѣрія къ своему демократическому правительству. Не привлекши на свою сторону буржуазныхъ круговъ, это правительство, вмѣстѣ съ тѣмъ, встрѣтило противодѣйствіе въ широкомъ фронтѣ революціонной демократіи, въ членахъ Учредительнаго собранія, въ партійныхъ организаціяхъ с.-д., с.-р., въ земско-городскомъ объединеніи, рабочихъ, кооперативахъ и т. д. Всѣ они вели съ правительствомъ длительную борьбу, имѣвшую главною цѣлью достиженіе власти. На ряду съ этимъ съ начала 19 года вспыхивали одно за другимъ кровавыя возстанія въ войскахъ.

Очевидно, формы государственной власти были далеко не основными причинами неуспѣха противобольшевицкой борьбы...

* * *

26 ноября финляндское правительство опубликовало декларацію о независимости страны. «Въ Россіи нѣтъ теперь правительства — говорилось въ декларації. Такъ какъ представители (Россіи) перестали исполнять свои функціи въ Финляндіи, законной русской власти (въ странѣ) не осталось. Войска, расположенныя въ странѣ, служатъ источникомъ ужаса и побуждаютъ революціонные элементы къ бунту. Анархія въ Россіи обязываетъ финскій народъ освободиться навсегда отъ всякой зависимости отъ Россіи».

Хотя Совѣтъ народныхъ комиссаровъ въ концѣ декабря призналъ независимость Финляндіи, но тѣмъ не менѣе онъ продолжалъ вмѣшиваться активно въ гражданскую войну въ краѣ, поддерживая возстаніе финскихъ коммунистовъ, снабжая обильно финскую красную гвардію и подкрѣпляя ее русскими отрядами.

Въ январѣ 18 года власть въ странѣ перешла въ руки соціалъ-демократовъ и возглавлялась финскимъ совѣтомъ комиссаровъ, который утвердился въ Гельсингфорсѣ; правительство съ «бѣлыми» войсками, предводительствуемыми ген. Маннергеймомъ, вынуждено было уйти на сѣверъ, гдѣ образовался новый центръ власти и борьбы — въ Вазѣ. Гражданская война шла съ большимъ ожесточеніемъ и черемѣнными успѣхами, пока бѣлое финляндское правительство не обратилось за помощью къ Германіи.

Въ серединѣ марта германцы высадили въ Финляндіи дивизію ген. фонъ-деръ Гольца, который вмѣстѣ съ Маннергеймомъ къ серединѣ апрѣля очистилъ край отъ красногвардейцевъ, занявъ затѣмъ своими войсками всѣ важнѣйшіе стратегическіе пункты Финляндіи.

Ненависть финновъ къ русскимъ большевикамъ перешла ко всему, что носило русское имя. Гоненію подверглось все русское населеніе, не испытавшее ничего подобнаго въ дни финляндскаго коммунизма. Если финляндская пресса того времени отражала дѣйствительно народныя настроенія, то они дышали страстной, болѣзненной нетерпимостью ко всему, что напоминало о Россіи, даже къ «проклятымъ луковицамъ» — такъ называли финляндцы купола православныхъ храмовъ...

Былъ ли это только угаръ революціоннаго похмѣлья или безудержное проявленіе заложеннаго прочно національнаго шовинизма?..

Нѣмецкое вліяніе въ странѣ окрѣпло до того, что 6 октября, наканунѣ паденія Германіи, финляндскій сеймъ высказался за монархію и за предложеніе престола Финляндіи Гессенскому принцу.

Цѣль оккупаціи края нѣмецкая главная квартира, помимо подчиненія его политическому и экономическому вліянію Германіи, видѣла въ возможности «двинуться на Петроградъ, когда это будетъ желательно, чтобы свергнуть большевицкую власть»; въ угрозѣ Мурманской жел. дорогѣ и въ воспрепятствованіи англичанамъ, продвигавшимся по ней, «утвердиться въ Петроградѣ»*. Германія черезъ Финляндію явно протягивала руку къ русскому незамерзающему порту на Ледовитомъ океанѣ, а въ то же время Совѣтъ комиссаровъ, обезпокоенный движеніемъ англичанъ, самъ просилъ германское правительство произвести нѣмецко-финскій дессантъ на Мурманскомъ побережьи**...

* У Людендорфа.
** У Гельфериха.

Просилъ интервенціи «имперіалистическихъ» войскъ Германіи и финляндской «бѣлой гвардіи»...

Финляндское правительство, возглавляемое и соціалъ-демократомъ Свинхувудомъ, и монархистомъ Маннергеймомъ, одинаково устремляло свои притязанія на Печенгу, Восточную Карелію, Аландскіе острова, позднѣе на Эстонію, угрожая Россіи окончательнымъ превращеніемъ Финскаго залива въ Финляндскій.

Міровое положеніе запутывалось въ такой степени, а интересы русскаго государства отметались съ такой легкостью, что всѣ три взаимно враждебныя группировки державъ наперерывъ другъ передъ другомъ спѣшили съ признаніемъ независимости Финляндіи.

22 декабря состоялось признаніе со стороны совѣтовъ. Въ тотъ же день признала Финляндію Франція; черезъ два дня—Германія; 23 апрѣля—Англія, выразивъ при этомъ надежду, что Финляндія не станетъ возражать противъ рѣшенія мирной конференціи относительно ея границъ.

Этотъ разрывъ государственной связи Финляндіи съ ея метрополіей, хотя и предопредѣленный историческимъ ходомъ событій, но не обезпеченный стратегическими гарантіями, поставилъ передъ будущей Россіей рядъ вопросовъ капитальнѣйшей важности: беззащитность побережья и Петрограда*; потеря свободнаго выхода въ Балтійское море черезъ Финскій заливъ и базы русскаго военнаго флота; угроза наиболѣе жизненнымъ русскимъ воднымъ артеріямъ** и единственному свободному выходу въ Ледовитый океанъ.

* * *

Прибалтійскій край былъ послѣдовательно оккупированъ нѣмецкой арміей; въ немъ введено было общее управленіе для Эстоніи, Лифляндіи и Курляндіи, соединенныхъ въ 18 году въ Балтійскій округъ. Управленіе военно-полевое, начиная отъ военнаго губернатора и кончая военнымъ комендантомъ.

«Самоопредѣленіе» народностей Прибалтійскаго края (эсты, латыши, нѣмцы и русскіе) и ихъ будущее въ значительной мѣрѣ предопредѣлялись общей политикой Германіи, которая, при наличіи серьезныхъ и подчасъ весьма острыхъ разногласій между правительствомъ, главнымъ командованіемъ, съ одной стороны, и парламентскими партіями — съ другой, сохраняла твердо свои основныя линіи:

Имперскій канцлеръ Бетманъ-Гольвегъ говорилъ въ рейхстагѣ: «Германія никогда не вернетъ освобожденныхъ ею и ея союзниками народовъ между Балтійскимъ моремъ и Волынью господству реакціонной Россіи, будутъ ли это поляки, литовцы, балты или латыши» ...

Ген. Людендорфъ «предусматривалъ соединеніе эстонцевъ и латышей — народовъ германской культуры — въ одно государство подъ прусской гегемоніей»...

«Курляндскій народный совѣтъ» 23 февраля представилъ императору Вильгельму петицію о принятіи имъ «короны Курляндіи», объ объединеніи всей Прибалтики въ одно государство и о присоединеніи его навсегда къ Германіи.

Сообразно съ такими взглядами, германское командованіе проводило въ краѣ яркую политику германизаціи во всѣхъ областяхъ — быта, школы, экономическихъ отношеній и т. д. Въ остальномъ отношеніе нѣмецкихъ властей къ русскимъ людямъ всѣхъ политическихъ толковъ, кромѣ уличенныхъ въ германофобствѣ, было терпимое.

Объ общественныхъ настроеніяхъ того времени судить трудно, ибо общественная жизнь въ Прибалтикѣ подъ давленіемъ военнаго положенія и германской военной администраціи совершенно замерла.

Нѣтъ сомнѣнія, однако, что въ Прибалтійскомъ краѣ германофильскія симпатіи были совершенно чужды коренному населенію. Онѣ проявлялись неумѣренно и цылко лишь нѣмецкимъ элементомъ городовъ и, главнымъ образомъ, прибалтійскимъ дворянствомъ, пользовавшимся въ Россіи въ теченіе вѣковъ привилегированнымъ положеніемъ

---

* Кронштадтская крѣпость находится въ 15—20 верстахъ отъ финскаго побережья.

** Тихвинской и Маріинской системѣ – со стороны Ладожскаго озера, западный берегъ котораго съ портами Кексгольмомъ и Сердоболемъ принадлежитъ теперь Финляндіи.

и благосклонностью династіи. Въ органахъ нѣмецкой печати и въ воззваніяхъ предводителей дворянства всѣхъ трехъ губерній прозвучали неожиданные мотивы: признаніе, что «съ горячей симпатіей и пламеннымъ восторгомъ въ продолженіе четырехъ лѣтъ» оно «слѣдило за успѣхами германскаго оружія и болѣло душой, что не имѣло возможности на дѣлѣ доказать свой германизмъ»*... Радость, что «столь долго желанное отдѣленіе отъ Россіи стало, наконецъ, дѣйствительностью»**... Призывъ «пожертвовать самымъ дорогимъ — послать своихъ сыновей въ германскую армію, чтобы они сражались вмѣстѣ со своими освободителями»***...

Напротивъ, эсты и латыши относились къ «освободителямъ» съ глухой враждебностью, не только въ силу историческаго атавизма, но и по соціальнымъ побужденіямъ: не было сомнѣнія, что Германія поддержитъ классъ крупныхъ помѣщиковъ и промышленниковъ — по преимуществу нѣмцевъ. Они тяготились иностранной опекой, но страхъ передъ большевиками и ненависть къ нимъ были еще сильнѣе, создавая благодарную почву для враждебныхъ Россіи вліяній и національнаго шовинизма и побуждая ихъ явно къ признанію нѣмецкаго протектората, а тайно къ борьбѣ за полную независимость.

Какъ бы то ни было, Прибалтійскій край съ его портами, связанными съ внутренними областями страны рядомъ могучихъ ж. д. магистралей и привлекавшими болѣе трети всего нашего внѣшняго товарообмѣна, былъ отъ Россіи оторгнутъ, естественные, оборороноспособные рубежи потеряны, флотъ обреченъ на упраздненіе и выходъ въ Балтійское море закрытъ.

* * *

Положеніе Литвы, оккупированной нѣмцами еще съ 1915 года, было совершенно такимъ же, какъ и Прибалтійскаго края, въ смыслѣ характера оккупаціи и общественныхъ настроеній. Новый привходящій элементъ составляло развѣ то обстоятельство, что, кромѣ естественнаго страха передъ русской анархіей, у литовскихъ шовинистовъ зрѣли уже планы, подогрѣваемые германскимъ командованіемъ, относительно объединенія Литвы въ «этнографическихъ предѣлахъ», въ которые они включали и большую часть бѣлорусскихъ губерній... Другой отличительной чертой былъ составъ верхняго слоя буржуазіи въ Литвѣ — по преимуществу поляковъ. Это обстоятельство облегчало значительно привлеченіе литовскаго народа въ орбиту германской политики. Племенная рознь, съ одной стороны, и польскія притязанія, съ другой, обнаружились уже съ самаго начала оживившей національныя чаянія русской революціи. Еще въ маѣ 17 года польскій центральный національный комитетъ обратился къ литовской «Тарибѣ» (совѣту) съ привѣтствіемъ и пожеланіемъ возобновить унію, въ которой «народы Литвы — литовцы, поляки и бѣлоруссы получили-бы гарантію національнаго, культурнаго и экономическаго развитія». Литовскій совѣтъ отказался высказаться въ данный моментъ по возбужденному вопросу и заявилъ, что былъ бы «счастливъ видѣть эту гарантію и теперь — въ прекращеніи деморализаціи и полонизаціи литовскаго народа въ церкви и школѣ»...

Подъ вліяніемъ общей военно-политической обстановки, Литва не избѣгла предначертанной ей участи: «Тариба» въ началѣ февраля 18 г. опредѣлила будущій строй «независимаго» государства и обратилась къ протекторату Германіи, а 29 апрѣля императоръ Вильгельмъ рескриптомъ своимъ призналъ «независимое и свободное Литовское государство, союзное по собственной волѣ съ Германіей».

На литовскій престолъ былъ приглашенъ нѣмецкій принцъ.

* * *

Въ судьбѣ Западныхъ областей Россіи въ періодъ германской гегемоніи на Востокѣ есть черты, совершенно сходныя. Представительства народовъ, населяющихъ эти области, собранныя случайно и въ обстановкѣ, не располагавшей ни къ духовному равновѣсію,

* Ф. Деллингсгаузенъ. (Эстлянд. дворянство).
** Ф. Эттингенъ. (Лифлянд. дворянство).
*** Бар. ф. Раденъ. (Курл. дворянство).

ни къ углубленному прозрѣнію, не были слѣдствіемъ исторически слагавшихся взаимоотношеній государствъ и племенъ. Мысли, чувства и рѣшенія вождей явились производной весьма реальныхъ, но временныхъ, преходящихъ причинъ:

1) Наличія на территоріи ихъ единственной дѣеспособной силы, давившей на ихъ волю, но обезпечивавшей временно ихъ существованіе.

2) Страха передъ русской анархіей.

Не осталась, конечно, безъ вліянія и память о русской политикѣ, слишкомъ мало считавшейся съ культурно-національными стремленіями народностей, населявшихъ имперію.

* * *

Едва ли не съ наибольшей терпимостью и даже признаніемъ отнеслась Россія къ отдѣленію русской Польши. Судьба ея въ первой половинѣ 18 г., благодаря рѣзкимъ противорѣчіямъ во взглядахъ берлинскаго и вѣнскаго правительствъ, оставалась неопредѣленной, границы не установлены, и вся территорія оккупирована нѣмцами. Хотя независимость свою Польша получила не только изъ рукъ Временнаго Правительства, но и двухъ императоровъ (германскаго и австрійскаго), но отношеніе ея къ центральнымъ державамъ оставалось чрезвычайно сдержаннымъ. И въ русскомъ общественномъ мнѣніи слагалось все болѣе прочное убѣжденіе, что въ новомъ государственномъ образованіи оно найдетъ дружественное отношеніе и откликъ въ своемъ національномъ несчастьи.

Отказъ польскихъ корпусовъ, созданныхъ Россіей, оказать ей помощь противъ большевиковъ и подчиненіе затѣмъ этихъ войскъ Регентскимъ совѣтомъ главнокомандующему германскимъ восточнымъ фронтомъ вызвали у насъ нѣкоторое смущеніе.

Другой эпизодъ, относящійся къ тому же періоду, служилъ еще болѣе плохимъ предзнаменованіемъ для будущаго... Когда по договору центральныхъ державъ съ Украйной къ послѣдней отошла Холмская Русь*, это обстоятельство вызвало въ Польшѣ «взрывъ негодованія». Регентскій совѣтъ обратился къ народу съ манифестомъ на тему о «новомъ раздѣлѣ», а польское общество и вся пресса разразились шовинистическими выпадами не только противъ договаривавшихся сторонъ, но и противъ... Россіи.

Замѣчательно, что державы согласія тотчасъ же послѣ заключенія германо-украинскаго договора особымъ актомъ вступились за «попранныя» права Польши, и лордъ Бальфуръ обратился къ члену польскаго національнаго комитета въ Лондонѣ съ торжественнымъ заявленіемъ о непризнаніи имъ отторженія Холмщины.

До лѣта 1919 года командованіе Добровольческой арміи** съ польскимъ правительствомъ никакой связи не имѣло. Въ концѣ мая 1918 года въ штабъ арміи пріѣхалъ изъ Кіева полковникъ Зелинскій, въ качествѣ представителя негласной организаціи, образововавшейся изъ состава польскихъ корпусовъ***, разгромленныхъ и распущенныхъ нѣмцами. Впослѣдствіи полномочія его были подтверждены «главнымъ комитетомъ польскихъ войскъ на Востокѣ», подчиненнымъ Парижскому «Верховному національному комитету».

Въ результатѣ переговоровъ о созданіи при Добровольческой арміи польскихъ частей, появилась подписанная ген. Алексѣевымъ и мною 30 мая декларація, которая, послѣ опредѣленія цѣлей арміи, заключала слѣдующія положенія:

«III. Добровольческая армія широко раскрываетъ двери для польской регулярной арміи, обезпечивая ей... независимую организацію на началахъ союзныхъ войскъ, но съ полнымъ подчиненіемъ командованію Добровольческой арміи въ оперативномъ отношеніи.

IV. ...Польскія войска во время пребыванія въ Добровольческой арміи должны принимать безпрекословное участіе въ выполненіи необходимыхъ операцій противъ большевиковъ.

---

* Холмская губернія находилась въ 15 г. въ военномъ управленіи Австро-Венгріи, а въ 16 г. присоединена была центральными державами къ царству польскому.

** Потомъ – Вооруженныхъ силъ Юга Россіи.

*** Были ранѣе въ составѣ русской арміи.

VI. Съ союзниками должно быть заключено соглашеніе относительно доставки для польскихъ войскъ вооруженія, патроновъ, артиллеріи и всего боевого снаряженія.

Съ своей стороны Добровольческая армія будетъ братски дѣлиться тѣми запасами вооруженія и матеріальной части, которыя она будетъ захватывать въ своихъ боевыхъ столкновеніяхъ съ большевиками и внѣшнимъ врагомъ».

До конца 18 года средствами Добровольческой арміи удалось сформировать польскую бригаду изъ трехъ родовъ оружія, часть которой подъ начальствомъ подполковника Малаховскаго приняла кратковременное, но видное участіе въ бояхъ на Ставропольскомъ направленіи. Когда же въ декабрѣ въ водахъ Чернаго моря появились союзники, я отправилъ польскую бригаду со всею ея матеріальной частью на русскомъ пароходѣ въ Одессу, откуда она двинулась на родину.

* * *

Отъ Нарвы по линіи Псковъ—Орша—Рогачевъ—Клинцы стояли передовыя германскія части, занимая желѣзно-дорожные узлы и прикрывая оккупированный раіонъ — большую часть Псковской губерніи и всю Бѣлоруссію. Эта обширная территорія не входила въ захватные планы нѣмцевъ и занималась ими исключительно съ цѣлью эксплоатаціи средствъ ея. Конечный срокъ оккупаціи опредѣлялся установленіемъ границъ Эстляндіи и Лифляндіи и уплатой совѣтскимъ правительствомъ опредѣленной мирнымъ договоромъ контрибуціи.

Въ соотвѣтствіи, однако, съ платежными средствами Москвы, легальный титулъ оккупаціи былъ обезпеченъ по крайней мѣрѣ до конца войны.

Очистивъ край отъ большевицкихъ бандъ и возстановивъ въ немъ внѣшній порядокъ и безопасность, нѣмцы подчинили его всецѣло военному управленію, наводнивъ его своей администраціей, персоналъ которой стоялъ зачастую на очень низкомъ нравственномъ уровнѣ. Но ни это обстоятельство, ни хищническая эксплоатація и безъ того разореннаго края не вызывали сколько нибудь серьезнаго противодѣйствія. Въ краѣ, въ особенности въ восточной части его, слишкомъ еще свѣжи были воспоминанія о нѣсколькихъ мѣсяцахъ большевицкаго режима и слишкомъ остро чувствовался страхъ передъ вторичнымъ нашествіемъ «красныхъ».

Въ краѣ существовали «комитеты объединенныхъ общественныхъ организацій» и бѣлорусскія національныя учрежденія; хотя тенденціи ихъ были явно германофильскими, но никакой роли въ мѣстной жизни имъ сыграть не удалось за отсутствіемъ серьезной поддержки у нѣмцевъ и авторитета среди населенія.

Еще въ декабрѣ 17 года въ г. Минскѣ состоялся «Всебѣлорусскій краевой съѣздъ», состоявшій преимущественно изъ солдатчины Западнаго фронта. Съѣздъ былъ разогнанъ большевиками въ первый же день, успѣвъ избрать изъ своей среды «Раду Бѣлорусской народной республики». Рада бѣжала за линію фронта и вернулась въ Минскъ въ февралѣ вмѣстѣ съ нѣмцами, пополнивъ затѣмъ свой составъ буржуазнымъ элементомъ.

Бѣлорусскій націонализмъ въ ряду другихъ принялъ особенно оригинальныя формы — конечно, только въ интеллигентскихъ кругахъ, не имѣвшихъ никакихъ корней въ народѣ и обратившихъ націонализмъ въ средство политики, а иногда и... личнаго существованія. Наряду съ Минской появилось много другихъ самостоятельныхъ «радъ», въ томъ числѣ въ Витебскѣ, Могилевѣ, Гомелѣ, Гродно, Ковно, Смоленскѣ, даже въ Москвѣ и Петроградѣ. Всѣ онѣ подымали споръ о своей «всенародности» и первенствѣ; однѣ поддерживали идею единства Россіи, другія требовали независимости; однѣ «оріентировались» на большевиковъ, другія на нѣмцевъ, поляковъ или литовцевъ; издавали воззванія, остававшіяся безъ отклика, и выносили резолюціи, не находившія исполнителей.

Минская рада, обладавшая нѣкоторыми средствами, посылала, кромѣ того, делегаціи въ политическіе центры, въ томъ числѣ въ Берлинъ, Кіевъ и на Югъ. «Чрезвычайный посланникъ» г. Тремповичъ прибылъ въ августѣ на Донъ «для завязыванія дружественныхъ сношеній съ государствами, входящими въ составъ Юго-восточнаго союза (?)», и представилъ ген. Алексѣеву «меморандумъ». Въ немъ высокимъ слогомъ

опредѣлялись историческія права «Бѣлорусской народной республики», указывалось на «трудности внутренняго положенія молодого государства», обусловленныя разореніемъ его, отсутствіемъ средствъ и реальной силы и «антиправительственной агитаціей»... Тремповичъ просилъ «моральной, а при возможности, иной помощи и поддержки»*.

Въ противоположность политикѣ нѣмецкой главной квартиры въ Прибалтійскомъ краѣ, гдѣ національныя части были распущены**, въ этой оккупаціонной зонѣ нѣмцы допускали русскія противобольшевицкія формированія для защиты края послѣ ихъ ухода. Въ Ригѣ, Ревелѣ и другихъ пунктáхъ открылись вербовочныя бюро въ «Сѣверную армію», какое названіе приняла къ осени псковская организація. Образовался и штабъ арміи, возглавляемый ген. Вандамомъ (Едрихинъ), въ составъ котораго вошли и нѣмецкіе офицеры. Нѣмцы обѣщали выдать на формированіе арміи 150 милл. марокъ, вооруженіе и снаряженіе на корпусъ...

Но шаги нѣмцевъ въ этомъ направленіи были неискренни. Недовѣріе и опасеніе побуждали ихъ оттягивать формированія и создавать имъ практическія затрудненія. Денегъ было отпущено въ дѣйствительности не болѣе 3 милл., оружія и орудій ограниченное количество, притомъ въ большинствѣ бракъ. Съ другой стороны политиканство русской общественности и инертность населенія лишали эти начинанія русскихъ средствъ и опоры; отсутствіе популярныхъ и авторитетныхъ военныхъ вождей — увѣренности и духовнаго подъема. Поэтому попытки формированія вооруженной силы въ Бѣлоруссіи ген. Кондратовичемъ и другими, въ Псковской губерніи «Сѣверной арміи», не привели къ сколько-нибудь серьезнымъ результатамъ.

---

* Докладъ отъ 30 августа № 92.

** Начали формироваться вновь передъ уходомъ нѣмцевъ.

ГЛАВА IV.

Бессарабія.

Бессарабія была порабощена румынами*.

Если въ русской политикѣ центральныхъ державъ преобладало право силы, политическая безпринципность и полное отсутствіе историческаго предвидѣнія, то Румынія углубила всѣ эти элементы до... пошлости, набросившей густой покровъ на тронъ, правителей и генераловъ, и вызвавъ на долгіе, долгіе годы чувство острой вражды въ русскомъ народѣ.

Земледѣльческій край по преимуществу, богатый и плодородный, имѣвшій въ составѣ своего населенія весьма незначительный контингентъ пролетаріата — Бессарабія въ теченіе первыхъ мѣсяцевъ революціи не была вовлечена въ анархію. Только къ концу 17 года, послѣ паденія румынскаго фронта, когда волна солдатскихъ массъ прокатилась по губерніи, оставляя за собой слѣды разрушенія, начались повсюду аграрные безпорядки. Они подогрѣвались намѣренно румынскимъ правительствомъ, заинтересованнымъ въ созданіи обстановки, оправдывающей оккупацію... Проводниками его политики были тайные агенты, наводнившіе край**, «группа сознательныхъ молдаванъ», пользовавшаяся широкой матеріальной помощью изъ Яссъ, и «Сфатулъ-Церій» — молдавскій «краевой совѣтъ», фактически зависимый отъ румынской власти. Наконецъ — даже делегаты Временнаго правительства, по роковому недоразумѣнію... «имѣвшіе въ то же время особую тайную миссію отъ румынскихъ представителей въ Петроградѣ»...

Организація краевой власти создавалась въ порядкѣ, совершенно исключительномъ. Въ концѣ октября мѣстный революціонный комитетъ, именовавшій себя «военно-молдавскимъ исполнительнымъ комитетомъ совѣта солдатскихъ, офицерскихъ и матросскихъ депутатовъ», созвалъ въ Кишиневѣ «Первый Всероссійскій Молдавскій Военный конгрессъ» изъ депутатовъ — въ совершенно произвольномъ числѣ и пропорціи — отъ войсковыхъ и тыловыхъ частей русской арміи и мѣстныхъ дезертировъ. Этотъ «конгрессъ», совершенно неинтеллигентный по составу и большевицкій по настроенію, избралъ «парламентъ» — Сфатулъ-Церій, въ которомъ 44 мѣста предоставилъ своимъ членамъ, 30 крестьянамъ-молдаванамъ, 10 — представителямъ молдавскихъ партій и 36 — «національнымъ меньшинствамъ», въ томъ числѣ и... русскому***. Позднѣе было прибавлено еще 42 мѣста образовавшимся явочнымъ порядкомъ молдавскимъ организаціямъ.

Съ ноября началась борьба за власть между Сфатулъ-Церіемъ и сохранившими еще свое бытіе прежними органами — Временнаго правительства, земскими и городскими. Дѣятельность Сфатулъ-Церія, направляемая немногочисленной «группой сознательныхъ молдаванъ», во всѣхъ своихъ проявленіяхъ, даже въ радикальныхъ, большевицкаго характера мѣропріятіяхъ, имѣла основною своею цѣлью подготовку

---

* Событія въ Бессарабіи описаны главнымъ образомъ по матеріаламъ «Одесскаго комитета спасенія Бессарабіи».

** Напримѣръ Катареу, русскій дезертиръ, членъ румынской охранки, назначенный «Сфатулъ-Церіемъ» (см. ниже) начальникомъ Кишиневскаго гарнизона.

*** По статистическимъ даннымъ молдаване составляютъ 47,58% населенія губерніи.

румынской оккупаціи. Этотъ фактъ былъ настолько очевиднымъ, что вызвалъ рѣзкое негодованіе противъ Сфатулъ-Церія въ бессарабскомъ населеніи. Выражалось оно, однако, какъ и вездѣ въ Россіи по отношенію къ случайнымъ захватчикамъ власти, въ формахъ далеко не активныхъ: демократическія городскія думы и земскія собранія составляли резолюціи протеста; политическія партіи «воздерживались» отъ участія въ Сфатулъ-Церіи; отдѣльные представители ихъ, вошедшіе въ составъ «парламента» отъ «національныхъ меньшинствъ», говорили тамъ горячія, патріотическія, но безрезультатныя рѣчи; города игнорировали новую власть; деревня признавала ее лишь въ части, относящейся къ санкціонированію захватовъ и разгрома помѣщичьихъ усадебъ.

Здѣсь, въ Бессарабіи, пріобщенной всецѣло къ русской культурѣ, шовинистическо-національное движеніе имѣло еще менѣе почвы, чѣмъ на Украйнѣ. И хотя Сфатулъ-Церій и говорилъ устами поставленнаго имъ молдавскаго премьера, Чегуряна, что «имперіалистическое правительство сдѣлало все, чтобы задушить національное самосознаніе»... что «въ теченіе прошедшихъ 106 лѣтъ рабства намъ было запрещено все. Намъ было запрещено обнимать своихъ зарубежныхъ братьевъ и слушать призывъ нашей общей матери — Румыніи»... Но народъ и общественность были глухи къ этимъ жалобамъ. Даже въ нѣдрахъ Сфатулъ-Церія онѣ звучали фальшиво, вызывая чувство неловкости, и предназначались главнымъ образомъ для экспорта за Прутъ и оплаты проявленныхъ чувствъ и усердія.

Составленный съ вопіющимъ нарушеніемъ какихъ либо нормъ, даже «революціоннаго права», малокультурный по своему составу и не отражавшій ни въ малѣйшей степени воли бессарабскаго населенія Сфатулъ-Церій держался однако 13 мѣсяцевъ — пассивностью бессарабской общественности, апатіей народа, румынскимъ золотомъ, потомъ румынскимъ оружіемъ.

Въ началѣ 18 года Сфатулъ-Церій, самъ поддерживавшій въ краѣ безпорядки своими демагогическими выступленіями, обратился уже офиціально къ румынскому правительству съ просьбой о присылкѣ войскъ для ихъ подавленія. И 13 января корпуса ген. Броштіану вступили въ Кишиневъ, безъ труда отбросивъ затѣмъ за Днѣстръ малочисленные молдавскіе отряды, оказавшіе сопротивленіе.

Цѣль появленія румынскихъ войскъ въ Бессарабіи въ приказѣ начальника генеральнаго штаба ген. Презана объяснялась исключительно поддержаніемъ въ краѣ порядка.

Достойно удивленія то единодушіе, съ которымъ отнеслись къ факту оккупаціи края и къ интересамъ Россіи ея представители, враги и союзники:

Штабъ Людендорфа, въ числѣ основаній будущаго мирнаго договора, еще въ концѣ декабря 17 года предлагалъ румынскому правительству занятіе Бессарабіи, а позднѣе для ея оккупаціи предоставилъ Румыніи право сохранить въ боевомъ составѣ нѣсколько дивизій.

Французскій посланникъ гр. Сентъ-Олеръ, отъ имени представителей всѣхъ союзныхъ державъ, оправдывалъ румынскую интервенцію и особымъ воззваніемъ успокаивалъ населеніе Бессарабіи, что приходъ румынскихъ войскъ не можетъ имѣть никакого вліянія на ея судьбу.

Бывшій главнокомандующій Румынскимъ фронтомъ ген. Щербачевъ давалъ моральное оправданіе интервенціи, продолжая дружественное сотрудничество съ ген. Презаномъ по подготовкѣ мобилизаціи румынскихъ дивизій. Считая, повидимому, что событія въ Бессарабіи являются лишь слѣдствіемъ политики Маргеломана*, онъ принялъ участіе въ тайной подготовкѣ политическаго переворота совмѣстно съ представителями союзниковъ, оставшимися въ Яссахъ, и съ румынскимъ королемъ. Предполагалось, что послѣ образованія Восточнаго фронта, Румынія смѣнитъ свое германофильское правительство Маргеломана, порветъ договоръ съ центральными державами и ударитъ въ тылъ украинской группѣ ген. Кирхбаха. Въ дальнѣйшемъ ген. Щербачеву рисовались перспективы русско-румынскаго альянса и движеніе вновь соединенныхъ армій** противъ общаго врага. Кишиневскій плацдармъ былъ, очевидно, очень удобнымъ

---

* Румынскій премьеръ.

** Румынской и русской новаго формированія.

для этой цѣли, а дислокація вражескихъ силъ какъ нельзя болѣе благопріятствовала успѣху: въ Валахіи было всего лишь 3 нѣм. и 3 австр. дивизіи, а въ Бессарабіи и Молдавіи — только нѣмецкія реквизиціонныя комиссіи.

Ген. Щербачевъ сообщалъ намъ, что приметъ командованіе объединенной арміей лишь «при условіи, что ген. Алексѣевъ выразитъ на это свое принципіальное согласіе, причемъ въ этомъ случаѣ (онъ) будетъ считать себя подчиненнымъ ген. Алексѣеву, какъ Верховному главнокомандующему»*...

Тщетныя надежды!

Пройдетъ нѣсколько мѣсяцевъ, политическія карты перетасуются вновь. Согласіе побѣдитъ, мѣсто Маргеломана займетъ Братіано, румынская политика въ третій разъ перемѣнитъ свое лицо, но судьбы Бессарабіи останутся неизмѣнными. Тяжкій гнетъ румынизаціи будетъ тѣмъ сильнѣе, чѣмъ явственнѣе станетъ надвигающаяся изъ-за Днѣстра опасность. И теперь уже она нервируетъ румынскихъ государственныхъ людей и не даетъ имъ мечтать спокойно о великодержавности своей страны...

Тревога ихъ не напрасна.

Событія въ Бессарабіи шли между тѣмъ быстро и планомѣрно. Прежде всего военныя власти разстрѣляли рядъ лицъ изъ состава Сфатулъ-Церія и внѣ его — «красныхъ» и «бѣлыхъ», но одинаково отрицательно относившихся къ румынамъ. «Парламентъ» сбросилъ съ себя немедленно всякій налетъ радикализма и уже открыто сталъ послушнымъ орудіемъ румынской власти. Затѣмъ составъ его былъ пополненъ членами отъ крестьянскаго съѣзда, избранными при подобающей обстановкѣ: «ввода войскъ въ зданіе засѣданій съѣзда, арестовъ его членовъ, а затѣмъ и разстрѣла нѣкоторыхъ изъ нихъ безъ суда, въ томъ числѣ предсѣдателя и двухъ товарищей предсѣдателя». Послѣ принятія этихъ рѣшительныхъ мѣръ съѣздъ разбѣжался, а Сфатулъ-Церій, актомъ отъ 24 января, объявилъ о независимости Молдавской народной республики.

«Республика» просуществовала два мѣсяца и три дня. За это время практика румынскаго командованія послѣ новыхъ казней, арестовъ и бѣгства преслѣдуемыхъ за Днѣстръ увѣнчалась еще большими достиженіями. Въ Сфатулъ-Церіи, въ присутствіи г. Маргеломана и румынскихъ властей, въ зданіи, окруженномъ войсками, былъ поставленъ на открытое поименное голосованіе вопросъ о присоединеніи Бессарабіи къ «Родинѣ-матери». Только 3 человѣка имѣли мужество голосовать противъ и 36 воздержались. И актомъ 27 марта Бессарабія была присоединена къ Румынскому королевству, на автономныхъ правахъ.

Началось пріобщеніе края къ чуждой ему государственности, вопреки подтвержденной королевскимъ манифестомъ автономіи — пріемами, соотвѣтствовавшими низкой культурѣ страны-поработительницы и нравамъ народа, не вышедшаго еще духовно изъ традицій, относящихся ко времени турецкаго владычества.

Бессарабская церковь отторгнута отъ Всероссійской, іерархи изгнаны, въ чинъ богослуженія повсюду введенъ румынскій языкъ.

Въ учрежденіяхъ государственныхъ всѣ служащіе замѣнены румынами и выброшены на улицу.

Земско-городскія учрежденія упразднены.

Русское право и русскій судъ замѣнены румынскимъ правомъ и судомъ, на который возложено «кромѣ отправленія правосудія еще и пробужденіе національнаго чувства, которое должно воодушевлять впредь новыхъ румынскихъ гражданъ по лѣвую сторону Прута»**...

Низшая школа и два класса средней подверглись немедленной и полной румынизаціи***, прочіе — послѣдовательной.

Но наиболѣе тягостнымъ былъ тотъ моральный гнетъ, которому подвергали населеніе Бессарабіи продажная администрація и темная, грубая какъ нигдѣ, военная сила,

---

* Докладъ командированнаго въ Яссы полк. Крейтера отъ 18 сент. и письмо ген. Щербачева отъ 4 ноября 18 года.

** Рапортъ королю министра юстиціи Митиленеу.

*** Любопытно, что анкета, произведенная въ концѣ 17 года среди родителей учащихся въ Кишиневѣ, дала 91,9% за русскій языкъ.

явившаяся всевластнымъ распорядителемъ жизни и имущества бессарабцевъ, въ особенности въ глухихъ мѣстечкахъ и деревняхъ. Осадное положеніе — какъ право; непомѣрныя реквизиціи и безпощадное обложеніе — какъ экономическая система; грабежъ — какъ обычай; публичная порка мужчинъ и женщинъ — какъ возмездіе за протестъ. «Записка комитета освобожденія Бессарабіи» приводитъ рядъ документально подтвержденныхъ эпизодовъ самодурства старшихъ румынскихъ офицеровъ — эпизодовъ, переносящихъ насъ къ началу XVI вѣка. Мы узнаемъ изъ нея о комендантѣ м. Единцы, который сгонялъ народъ и заставлялъ кланяться своей шапкѣ, повѣшенной на шестъ... О ген. Штербеско, начальникѣ Измаильскаго гарнизона, требовавшемъ, «чтобы всѣ должностныя лица частныхъ и общественныхъ учрежденій (русскихъ) не выходили изъ дому, чтобы жители, гуляя по улицѣ въ числѣ не болѣе трехъ, нигдѣ не останавливались, чтобы въ гостинницахъ не находилось въ одномъ помѣщеніи болѣе двухъ лицъ одновременно, чтобы богослуженія въ церквахъ не начинались до прибытія туда жандармскихъ чиновъ» и т. д., и т. д.

Дѣятельность румынской власти и ея передаточной инстанціи Сфатулъ-Церія вызвала возмущеніе рѣшительно во всѣхъ слояхъ населенія, независимо отъ національности и «оріентаціи». Оно проявлялось рѣзкими протестами организованной общественности, городовъ, земствъ, волненіями въ деревнѣ, бойкотомъ румынскаго суда и школы. Болѣе активныя проявленія народнаго неудовольствія смолкали, однако, передъ аргументаціей румынскихъ штыковъ и пулеметовъ. Единственной организаціей, обращавшейся добровольно съ почтительнѣйшими увѣреніями въ своей лояльности къ румынскому правительству, былъ... «Союзъ земельныхъ собственниковъ». Эта «интернаціональная» организація выражала одинаковую готовность служить нѣмцамъ на Украйнѣ, австрійцамъ въ Новороссіи и румынамъ въ Бессарабіи; американскому* и англійскому** капиталамъ — лишь бы сохранить свои земли.

Создавшееся тогда въ Бессарабіи положеніе можно охарактеризовать словами виднаго члена Сфатулъ-Церія, румынофила Александри: «по всей странѣ стонъ стоитъ отъ края и до края: беззаконія, издѣвательства, глумленіе такое, какихъ не было, быть можетъ, отъ вѣка. Времена царскаго абсолютизма кажутся чуть ли не раемъ».

Подготовляя такими путями почву, румынское правительство въ концѣ ноября спѣшно созвало на очередную сессію Сфатулъ-Церій, и въ засѣданіи его 27-го числа, въ присутствіи 46 депутатовъ (изъ 162), безъ преній и голосованія, криками одобренія провело постановленіе «отъ имени бессарабскаго населенія» объ отказѣ Бессарабіи отъ своихъ автономныхъ правъ...

На другой же день, послѣ принятія постановленія королевскимъ указомъ «Сфатулъ-Церій» былъ упраздненъ.

Изданный вслѣдъ за тѣмъ спеціально для Бессарабіи радикальный аграрный законъ, имѣвшій главною цѣлью отобраніе земель въ общерумынскій государственный фондъ, устанавливалъ, между прочимъ, полное отчужденіе земли у «иностранно-подданныхъ», т. е. у тѣхъ русскихъ и молдаванъ, которые отказались бы принести присягу на вѣрность новому отечеству...

По поводу финальнаго засѣданія бессарабскаго «парламента» «Записка» приводитъ одинъ небезынтересный эпизодъ: генеральный комиссаръ Бессарабіи, ген. Войтояну во время бесѣды съ крестьянской фракціей «Сфатулъ-Церія», почти въ полномъ составѣ протестовавшей противъ акта 27 ноября, далъ поразительно беззастѣнчивое объясненіе своимъ дѣйствіямъ***: «румынскому правительству было необходимо получить этотъ актъ, по совѣту дружественной Франціи, какъ доказательство расположенія къ Румыніи всего населенія»...

Противъ насильственнаго захвата румынами Бессарабіи изъ всѣхъ государствъ міра протестовала только... Украинская держава.

---

* Проектъ Бискупскаго о массовой закупкѣ американскими банками земель Украйны и Новороссіи, затѣмъ парцеляція и перепродажа землевладѣльцамъ (Одесса).

** Аналогичный проектъ южно-русск. земельныхъ собственниковъ (Екатеринодаръ).

*** Разговоръ былъ тогда же запротоколенъ.

ГЛАВА V.

Украйна.

Украйна была порабощена нѣмцами.

Ген. Гофманъ, начальникъ штаба Восточнаго фронта и участникъ мирной конференціи, впослѣдствіи, въ 19 г. говорилъ*: «въ дѣйствительности Украйна — это дѣло моихъ рукъ, а вовсе не плодъ сознательной воли русскаго народа. Я создалъ Украйну для того, чтобы имѣть возможность заключить миръ хотя бы съ частью Россіи»...

Эта самоувѣренность нѣмецкаго генерала, не углублявшагося въ сложную сущность украинской проблеммы, находилась, однако, внѣшне въ полномъ соотвѣтствіи съ военно-политическимъ положеніемъ. Германское правительство поспѣшно признало самостоятельность Украйны и полномочность Рады, правительства Голубовича и посольства на конференціи никому невѣдомыхъ г. г. Севрюка, Любинскаго и Левицкаго, имѣвшихъ по существу такой же легальный титулъ, какъ Совѣтъ комиссаровъ и его делегаты г. г. Іоффе, Бронштейнъ и Брилліантъ.

Вспомнимъ, что и правительства союзниковъ до «Брестъ-Литовска» готовы были признать фактически совѣтскую власть, и Нулансъ отъ имени союзниковъ предлагалъ Троцкому матеріальную помощь... для борьбы противъ нѣмцевъ. По тѣмъ же соображеніямъ признали «украинскую республику» Франція** 5 декабря 17 г., и Англія въ началѣ 18 г. «Представитель Великобританіи на Украйнѣ» Пиктонъ Багге заявилъ, что его правительство «будетъ поддерживать всѣми силами Украинское правительство въ стремленіяхъ къ творческой работѣ, къ поддержанію порядка и войнѣ съ центральными державами — врагами демократіи и человѣчества»...

Правительства центральныхъ державъ подписали мирный договоръ съ Украйной 26 января — въ то время, когда почти вся Украйна и стольный городъ Кіевъ были во власти большевиковъ. По просьбѣ бѣжавшаго въ Житомиръ правительства Голубовича нѣмцы двинули корпуса ген. Эйхгорна на Украйну и почти безъ всякаго сопротивленія (дрались только чехо-словаки), совмѣстно съ австрійскими войсками ген. Бельца въ теченіе двухъ мѣсяцевъ заняли весь нашъ Юго-Западъ и Новороссію***. «Надо было подавить большевизмъ на Украйнѣ,—пишетъ Людендорфъ,—проникнуть глубоко въ страну и создать тамъ положеніе, которое доставляло бы намъ военныя преимущества и позволило бы черпать оттуда хлѣбъ и сырье».

Границы новообразованія были опредѣлены въ договорѣ лишь на западѣ — линіей Бѣлгорай—Красноставъ—Межирѣчье—Сарнаки. Но бурный протестъ поляковъ и давленіе австрійцевъ заставили мирную конференцію «разъяснить» и этотъ пунктъ, предоставивъ разграничительной комиссіи право «провести границу, принимая во вниманіе этнографическія отношенія и пожеланія населенія... на востокъ отъ этой линіи». На востокѣ границы устанавливались впослѣдствіи теоретически-безконечными, подчасъ

---

* «Daily Mail».

** «Генеральный комиссаръ французской республ.», ген. Табуи.

*** Кіевъ занятъ нѣмцами 16 февр., Харьковъ — 23 марта, Ростовъ — 25 апр., Одесса занята австрійцами 27 февр.

весьма курьезными переговорами Шелухина съ Раковскимъ и соглашеніемъ гетмана съ Донскимъ атаманомъ. Фактически — линіей расположенія германскихъ аванпостовъ, не считавшейся ни съ этнографическими, ни съ историческими признаками, а захватывавшей важнѣйшіе желѣзно-дорожные узлы. Эта линія проходила черезъ Клинцы—Стародубъ—Рыльскъ—Бѣлгородъ—Валуйки—Миллерово.

Мирный договоръ и дополнительныя соглашенія накладывали тяжкое экономическое бремя на Украйну. До 31 іюня Рада обязалась доставить австро-германцамъ огромныя количества хлѣба и другихъ продовольственныхъ припасовъ, сырья, лѣса и проч.* Взамѣнъ за эти предметы вывоза, оцѣниваемые по низкимъ ставкамъ и низкому валютному курсу, германцы обязались доставить на Украйну «предположительно», «по мѣрѣ возможности» по очень высокимъ тарифамъ фабрикаты своей промышленности. Въ основу всей своей экономической политики Германія поставила: для настоящаго — извлеченіе изъ Украйны возможно большаго количества сырья, для чего былъ затрудненъ или вовсе запрещенъ товарообмѣнъ ея съ сосѣдями, даже съ оккупированной нѣмцами Бѣлоруссіей; для будущаго — захватъ украинскаго рынка и торговли, овладѣніе или подрывъ украинской промышленности и искусственное созданіе сильной задолженности Украйны.

Осуществленіе этихъ цѣлей требовало установленія хотя бы элементарнаго порядка въ краѣ и законопослушности населенія. Между тѣмъ, Рада и правительство Голубовича съ этой задачей справиться не могли.

Непопулярность и неподготовленность украинскаго правительства, его полная зависимость отъ нѣмцевъ, дикія и обидныя формы украинизаціи, отталкивавшія однихъ и не удовлетворявшія другихъ,—возстанавливали противъ власти большевицкое и противобольшевицкое населеніе городовъ, настроеніе которыхъ сдерживалось присутствіемъ австро-германскихъ гарнизоновъ. Полубольшевицкіе лозунги универсаловъ и провозглашеніе соціализаціи земли подняли анархію въ деревнѣ, до тѣхъ поръ сравнительно спокойной. Требованіе разоруженія и пріемы, употреблявшіеся для выкачиванія хлѣба изъ деревни, усиливали волненія. Вмѣшательство фельдмаршала Эйхгорна, объявившаго въ приказѣ, что урожай принадлежитъ тому — помѣщику или крестьянину — кто засѣетъ поля, вызвало только озлобленіе и въ Радѣ, и въ крестьянствѣ. Все это грозило прервать сообщенія въ краѣ и возможность его эксплоатаціи нѣмцами.

И потому нѣмецкая власть рѣшила устранить Раду.

* * *

5 апрѣля былъ заключенъ договоръ между фельдмаршаломъ Эйхгорномъ и бар. Муммомъ, съ одной стороны, и ген. Скоропадскимъ, съ другой—о направленіи будущей украинской политики**.

10 апрѣля австро-германцы спѣшно закончили и подписали «хозяйственное соглашеніе съ Украинской народной республикой», чтобы одіумъ его легъ на Раду, не на гетмана. 13-го фельдмаршалъ Эйхгорнъ ввелъ военное положеніе, съ примѣненіемъ германской полевой юстиціи, а 16-го при обстановкѣ почти анекдотической нѣмцы разогнали Раду и поставили гетманомъ всея Украйны генерала Скоропадскаго.

«Народъ безмолвствовалъ».

Освѣдомленная въ кіевскихъ дѣлахъ организація Шульгина сообщала намъ на Югъ текстъ телеграммы императора Вильгельма отъ 13 апрѣля къ фельдмаршалу Эйхгорну: «Передайте генералу Скоропадскому, что я согласенъ на избраніе гетмана, если гетманъ дастъ обязательство неуклонно исполнять наши совѣты»***...

Знакомые мотивы. Въ 1708 году одинъ изъ предшественниковъ гетмана Иванъ Мазепа писалъ Стародубскому полковнику Скоропадскому: «съ согласія всей старшины мы

---

* 60 милл. пудовъ хлѣба, 2¾ милл. пуд. живого вѣса скота, 37½ милл. пуд. жел. руды, 400 милл. яицъ и т. д.

** Донесеніе украинскаго посла бар. Штейнгеля отъ 7 (20) іюня изъ Берлина министру иностр. дѣлъ Украины. См. ниже.

*** Сообщеніе отъ 25 апрѣля.

Гетманъ Скоропадскій у императора Вильгельма
(Изъ журнала нѣмецкой пропаганды «Око»)

рѣшили отдаться въ протекцію шведскаго короля въ надеждѣ, что онъ оборонитъ насъ отъ московскаго тиранскаго ига и не только возвратитъ намъ права нашей вольности, но еще умножитъ и расширитъ; въ этомъ его величество увѣрилъ насъ своимъ неотмѣннымъ словомъ и данной на письмѣ ассекураціей». Полковникъ Скоропадскій не послушался тогда «предестныхъ увѣщаній» Мазепы, поѣхалъ въ станъ московскаго боярина Долгорукова и самъ получилъ гетманскую булаву.

Положеніе измѣнилось лишь внѣшне: водворился извѣстный порядокъ, по крайней мѣрѣ въ городахъ, безопасность передвиженія и даже видимый экономическій подъемъ, въ сущности лишь прикрывшій спекулятивную горячку. Впрочемъ, ненадолго — основа этого благополучія имѣла нездоровыя предпосылки.

Зависимость Украйны и полная подчиненность ея германской общей и экономической политикѣ при гетманѣ не только не ослабли, но даже возросли. Національный шовинизмъ и украинизація легли въ основу программы и гетманскаго правительства. Самъ гетманъ въ официальныхъ выступленіяхъ торжественно провозглашалъ самостійность Украйны на вѣчныя времена и поносилъ Россію, «подъ игомъ которой Украйна стонала въ теченіе двухъ вѣковъ»... Кадетское министерство не отставало въ шовинистическихъ заявленіяхъ и въ прямыхъ дѣйствіяхъ: министръ внутр. дѣлъ Кистяковскій вводилъ законъ объ украинскомъ подданствѣ и присягѣ; министръ нар. просвѣщенія Василенко приступилъ къ массовому закрытію и насильственной украинизаціи учебныхъ заведеній; министръ исповѣданій Зѣньковскій готовилъ автокефалію украинской церкви... Всѣ вмѣстѣ въ формахъ нелѣпыхъ и оскорбительныхъ рвали связь съ русской культурой и государственностью.

Только соціальныя мѣропріятія гетмана рѣзко разошлись съ политикой Рады: руль ея круто повернули вправо. Вскорѣ вышелъ гетманскій указъ о возвращеніи земли помѣщикамъ и о вознагражденіи ихъ за всѣ понесенные въ процессѣ революціи убытки. Практика реквизицій (для экспорта), кровавыхъ усмиреній и взысканія убытковъ при участіи австро-германскихъ отрядовъ была жестока и безжалостна. Она вызвала по всей Украйнѣ и Новороссіи стихійныя возстанія, подчасъ многотысячными отрядами. Повстанцы истребляли мелкія части австрійцевъ, нѣмцевъ, убивали помѣщиковъ, чиновъ державной варты, повитовыхъ старостъ и другихъ агентовъ гетманской власти. Въ повстанческой психологіи не было и тѣни украинскаго сепаратизма: они видѣли своихъ враговъ не въ «русскихъ», а въ помѣщикѣ и въ нѣмцѣ. Вмѣшательство пришельцевъ вносило въ общую сумму соціальныхъ и экономическихъ причинъ возбужденія крестьянскихъ массъ еще и элементъ ярко національный — не украинскій, быть можетъ, и не россійскій, но во всякомъ случаѣ въ негативномъ его отраженіи противо-нѣмецкій; имъ увлекалась и часть офицерства, поступавшаго въ отряды повстанцевъ и вносившаго въ нихъ нѣкоторую организованность.

«Жовто-блэкитный прапоръ», покрывавшій собою политическое и соціальное движеніе, служилъ національнымъ символомъ развѣ только въ глазахъ украинской, преимущественно соціалистической интеллигенціи, но отнюдь не народной массы.

Гетманская власть покоилась только на германскихъ штыкахъ, а германскія войска, занимавшія города и желѣзно-дорожныя станціи взбаламученнаго края, рыли окопы, оплетались колючей проволокой, чувствуя себя тамъ, какъ въ осажденной крѣпости.

* * *

Отношеніе къ гетманскому режиму, хотя и по разнымъ побужденіямъ, почти у всей русской и украинской общественности было отрицательнымъ.

«Украинскій національный союзъ», объединившій въ іюлѣ всѣ украинскія партіи, поддерживалъ близкія отношенія съ вершителемъ судебъ Украйны ген. Гренеромъ*, съ его политическимъ противникомъ — австрійскимъ представителемъ гр. Форгачемъ и одновременно находилъ поддержку въ лѣвыхъ парламентскихъ кругахъ Германіи. Союзъ

* Начальникъ штаба фельдмаршала Эйхгорна.

велъ конспиративную работу, стараясь направить волну народныхъ возстаній демагогическими посулами въ русло самостійной и соціалистической политики Рады.

Видные русскіе соціалисты, примыкавшіе къ Союзу Возрожденія Россіи, составляли заговоры противъ «реакціонной и не-національной» власти и пытались организовать террористическіе акты, которые, однако, не приводились въ исполненіе, въ виду глубоко мирнаго направленія руководителей союза.

Національный Центръ писалъ 2 іюля В. Шульгину: «мы съ негодованіемъ слѣдимъ за развитіемъ физическаго (?) процесса у васъ въ Кіевѣ и считаемъ, что это бредъ, одержимый всякаго рода маніей»...

Конференція кадетской партіи 13—15 мая приняла, какъ безспорныя начала — «возсоединеніе Россіи, областную автономію и національное равноправіе» и воспретила членамъ партіи «участіе въ правительствѣ, образованномъ при германской коалиціи». Отъ прямого осужденія своихъ кіевскихъ членовъ конференція, однако, отказалась: «Исполнительный Комитетъ, не высказывая въ настоящее время своего окончательнаго сужденія», поручалъ одному изъ членовъ своихъ выяснить... создавшееся положеніе и мѣры «для согласованія положенія членовъ на Украйнѣ съ... директивами Ц. К.» Только 27-го іюня центральный комитетъ партіи выразилъ имъ неодобреніе «за принятіе участія въ организаціи власти, опирающейся на нѣмецкую поддержку». Въ частной перепискѣ отношеніе московскихъ кадетъ къ кіевскимъ высказывалось гораздо рѣзче и лапидарнѣе. Такъ В. Степановъ писалъ: «здѣсь нѣтъ никого, кто бы не считалъ (какъ) ихъ поведенія, такъ и не исключившаго ихъ изъ партіи (Обл. ком.) возмутительнымъ и марающимъ партію. Меня ободряетъ, что гоненіе на партію въ Москвѣ отчасти смываетъ ту грязь, которою облили насъ кіевляне, бросившись головой внизъ въ помойную яму германофильства»...

Кіевскіе націоналисты, сгруппировавшіеся вокругъ В. Шульгина, сурово осуждали гетманскую власть по мотивамъ національнымъ и политическимъ.

На сторонѣ ея оставались, притомъ лишь до паденія Германіи, только Союзъ хлѣборобовъ-собственниковъ въ лицѣ крупныхъ землевладѣльцевъ, возглавлявшихъ эту бутафорскую организацію, весь секторъ крайнихъ правыхъ и «Протофисъ»*. Словомъ — земельная и финансовая знать — максималисты въ области классовыхъ цѣлей и интернаціоналисты въ способахъ ихъ достиженія.

Я приведу характеристику этой среды, исходящую изъ источника, который нельзя заподозрѣть въ некомпетентности и въ предвзятости. Кн. Гр. Трубецкой писалъ: «аристократическій кварталъ Лицки былъ... жуткимъ привидѣніемъ минувшаго. Тамъ собрались Петербургъ и Москва; почти всѣ другъ друга знали. На каждомъ шагу встрѣчались знакомыя типичныя лица бюрократовъ, банкировъ, помѣщиковъ съ ихъ семьями. Чувствовалось, въ буквальномъ смыслѣ слова, что на ихъ улицѣ праздникъ. Отсюда доносились разсказы о какой то вакханаліи въ области спекуляціи и наживы. Всѣ, кто имѣлъ входъ въ правительственныя учрежденія, промышляли всевозможными разрѣшеніями на вывозъ, на продажу и на перепродажу всякаго рода товаровъ. Помѣщики торопились возмѣстить себя за то, что претерпѣли, и взыскивали, когда могли, съ крестьянъ втрое за награбленное. Правые и аристократы заискивали передъ нѣмцами. Находились и такіе, которые открыто ругали нѣмцевъ и въ то же время забѣгали къ нимъ съ задняго крыльца, чтобы выхлопотать себѣ то или другое. Всѣ эти русскіе круги, долженъ сказать, были гораздо противнѣе, чѣмъ нѣмцы, которые, противъ ожиданія, держали себя отнюдь не вызывающимъ образомъ».

Наконецъ, на сторонѣ гетманской власти стояли еще довольно широкіе бездѣйственные обывательскіе слои, не углублявшіе смысла происходящихъ событій и жаждавшіе покоя, безопасности и примитивнаго порядка — какой угодно цѣной.

Извнѣ гетманскую власть поддерживалъ московскій «Правый Центръ» и примкнувшій къ нему персонально Милюковъ. Послѣдній своимъ вліяніемъ на кадетъ — членовъ правительства старался, сколько могъ, умѣрить буйный характеръ ихъ самостійной практики, но въ самомъ фактѣ украинскаго и донского переворотовъ видѣлъ «явленіе

---

* Союзъ промышленности, торговли и финансовъ.

1 Гетманъ. — 2 Гинденбургъ. — 3 Людендорфъ

Гетманъ Скоропадскій въ германской главной квартирѣ

(«Око»)

одного порядка и явленіе положительное... начало возрожденія россійской государственности»... «Государственная самостоятельность областей, освободившихся отъ большевиковъ раньше Москвы — писалъ онъ —* является неизбѣжной переходной стадіей и неизбѣжнымъ послѣдствіемъ безсилія Москвы освободиться... собственными силами... Участіе въ переворотѣ германцевъ является печальною неизбѣжностью, но все же второстепенною чертой»...

В. Шульгинъ, отражая взгляды націоналистовъ, писалъ на Югъ: «я не смогъ произвести надъ собою ломки, т. е. работать надъ возстановленіемъ Россіи съ нѣмцами... Вопреки мнѣнію Милюкова утверждаю, что кіевскіе кадеты всенародно продали единство Россіи, что было совершенно непростительнымъ шагомъ».

Эти два вопроса (единая государственность и «оріентація») поглощали всецѣло вниманіе русскихъ политическихъ круговъ и вызвали среди нихъ ожесточенную полемику. Всѣ другія стороны жизни Украйны въ ихъ глазахъ отходили на задній планъ. Въ частности весьма характерно, что въ томъ огромномъ калейдоскопѣ личныхъ, письменныхъ и печатныхъ оріентировокъ, которыя сосредоточивались въ рукахъ командованія Добровольческой арміи, онѣ отраженія почти не находили.

* * *

Какъ смотрѣлъ гетманъ на свои взаимоотношенія съ Германіей?

За нѣсколько дней до захвата власти онъ пріѣхалъ къ одному изъ извѣстныхъ кіевскихъ генераловъ и предложилъ ему принять участіе въ образованіи новаго правительства, «которое должно замѣнить Центральную раду и явиться посредникомъ между германскимъ командованіемъ и украинскимъ народомъ». Упомянулъ, что въ этомъ дѣлѣ заинтересованы нѣмцы... Когда собесѣдникъ его отвѣтилъ отказомъ, мотивируя «непріемлемостью для него работы съ нѣмцами и на нихъ», Скоропадскій возразилъ, что «нѣмцы здѣсь не при чемъ, что онъ будетъ вести вполнѣ самостоятельную политику, и закончилъ даже наивнымъ заявленіемъ, что надѣется обойти нѣмцевъ и заставить ихъ работать на пользу Украйны».

«Обойти» оказалось невозможнымъ.

Въ средѣ оккупантовъ шли серьезныя внутреннія тренія: германское парламентское большинство и правительство, австрійское посольство въ лицѣ гр. Форгача — требовали самостоятельности Украйны; нѣмецкая военная партія, исходя изъ практическихъ расчетовъ — обезпеченности снабженія и ликвидаціи нарождавшагося Восточнаго фронта — временно склонялась къ единству Россіи. Въ зависимости отъ того, какая педаль нажимала сильнѣе на Эйхгорна и Мумма, опредѣлялся и политическій курсъ гетманской политики.

28 мая генералъ Гренеръ говорилъ делегаціи отъ свергнутой Рады: «Германія искренно желаетъ самостоятельности Украйны и будьте увѣрены, что она — единственный могущественный защитникъ этой самостоятельности въ Европѣ. Мы хотѣли васъ поддержать. Но анархію и соціалистическіе безпорядки по сосѣдству съ нашей имперіей терпѣть не хотимъ, не можемъ и не будемъ»... И гетманъ клалъ руль вправо и насильственно украинизировалъ страну руками кадетъ и «умѣренныхъ» украинскихъ націоналистовъ...

Къ этому времени относится разговоръ гетмана съ однимъ виднымъ русскимъ генераломъ, котораго прочили на должность военнаго министра. На вопросъ его, правда ли, что гетманъ принялъ свой постъ исключительно съ цѣлью возсоединенія Малороссіи съ Россіей,—генералъ Скоропадскій отвѣтилъ отрицательно: «можетъ быть, въ отдаленномъ будущемъ это и случится; но сейчасъ я буду стоять на почвѣ самостійности Украйны»**... Чрезмѣрно ревнивое отношеніе гетмана въ то время къ «русскимъ вліяніямъ» приводило иногда къ курьезамъ. Такъ, когда архіепископъ Антоній былъ назначенъ кіевскимъ митрополитомъ, Скоропадскій, предполагая встрѣтить въ немъ врага

* Письмо изъ Ростова въ Москву отъ 25 мая.

** Бесѣда ген. Х. съ Шульгинымъ.

гетманской власти и нѣмцефильской политики, отказался вначалѣ признать патріаршее назначеніе и убѣдительно просилъ Эйхгорна воспрепятствовать торжественной встрѣчѣ архипастыря православными кіевлянами. Гетманъ увѣрялъ, что митрополитъ Антоній «большой реакціонеръ» и что «изъ встрѣчи его хотятъ сдѣлать большую москвофильскую демонстрацію»*...

Въ октябрѣ ген. Гренеръ заявилъ:** «положеніе момента выдвигаетъ сейчасъ передъ Украйной задачи укрѣпленія здоровыхъ національныхъ устоевъ и привлеченія народныхъ круговъ къ участію въ строительствѣ страны, какъ и въ ея управленіи. И здѣсь, какъ и въ Германіи, въ составъ правительства будутъ привлечены представители лѣвыхъ и демократическихъ теченій»... Практиковавшаяся нѣмцами ранѣе скрытая поддержка этихъ круговъ теперь становится явной. И гетманъ привлекаетъ въ составъ правительства украинскихъ соціалистовъ и нажимаетъ еще сильнѣе прессъ украинизаціи. «Новый составъ совѣта министровъ — говоритъ премьеръ Ливогубъ представителямъ печати 17 октября — въ области внѣшней и внутренней политики будетъ стремиться къ болѣе рѣзкому выявленію національнаго лица украинской державы, отстаивая всѣми силами самостоятельность и суверенность Украйны».

А въ то же время (9 октября) представителю Добровольческой арміи, полковнику Неймирку, при «случайной встрѣчѣ», устроенной самимъ гетманомъ въ квартирѣ его адъютанта гр. Олсуфьева, онъ говорилъ: «я русскій человѣкъ и русскій офицеръ; и мнѣ очень непріятно, что, несмотря на рядъ поцытокъ съ моей стороны завязать какія либо отношенія съ ген. Алексѣевымъ... кромѣ ничего не значащихъ писемъ... я ничего не получаю... Силою обстановки мнѣ приходится говорить и дѣлать совершенно не то, что чувствую и хочу — это надо понимать. Даю вамъ слово, что до сего времени я буквально ничѣмъ не связанъ, никакимъ договоромъ съ Берлиномъ*** и твердо отгородился отъ Австріи... Я опредѣленно смотрѣлъ и смотрю — и это знаютъ мои близкіе, настоящіе русскіе люди – что будущее Украйны въ Россіи. Но Украйна должна войти какъ равная съ равной на условіяхъ федераціи. Прошло время командованія изъ Петербурга — это мое глубокое убѣжденіе. Самостійность была необходима, какъ единственная оппозиція большевизму: надо было поднять національное чувство. И переворотъ, который былъ сдѣланъ пришедшими нѣмцами, я ранѣе еще предлагалъ союзникамъ, лично говорилъ объ этомъ съ ген. Табуи»...[1]

Въ ноябрѣ ген. Гренеръ, смѣнивъ Людендорфа, сдавалъ уже германскія арміи на волю побѣдителей... Въ Кіевѣ говорилъ авторитетно только... нѣмецкій совѣтъ солдатскихъ депутатовъ. И гетманъ распускалъ правительство, приглашалъ на постъ премьера «царскаго» министра Гербеля и издавалъ грамоту о Всероссійской федераціи со включеніемъ въ нее Украйны. Одновременно ген. Скоропадскій не прекращалъ весьма оживленныхъ тайныхъ переговоровъ съ Украинскимъ національнымъ комитетомъ, а на Югъ сообщалъ, что «украинскія силы... возглавляемыя гетманомъ... въ согласіи съ Дономъ и параллельно съ Добровольческой арміей направляются на борьбу съ большевиками и на возстановленіе единства Россіи»[2].

Такой же двойственностью отличалась политика украинскаго правительства. Наиболѣе вліятельная кадетская часть его, въ замкнутомъ кругу кіевскаго главнаго комитета, подъ сильнымъ давленіемъ Милюкова, стремившагося обуздать размахъ украинизаціи, выносила постановленія слѣдовать «по линіи превращенія мѣстнаго національнаго движенія въ обще-государственное путемъ объединенія всего Юга Россіи»[3]. А внѣ стѣнъ комитета «согласованныя дѣйствія» кіевлянъ проявлялись проповѣдью на тему: «единая Россія — это нелѣпость... Насильственное соединеніе въ одномъ государствѣ столь большихъ и столь разнородныхъ частей недопустимо»... Вдохновитель и правая рука гетмана, Игорь Кистяковскій, въ концѣ 1917 года былъ приверженцемъ Корнилова и

---

* Докладъ Шульгинской организаціи отъ 5 іюня и свидѣтельство А. В. Стороженко.
** Кіевскія «Послѣднія Новости» 11 октября.
*** Договоръ отъ 5 апрѣля?
[1] Докладъ кіевскаго представителя 14 окт. № 6.
[2] Телеграмма на мое имя министра иностр. дѣлъ Афанасьева 16 ноября.
[3] Изъ письма Милюкова.

Церемоніальный маршъ

«Хай живе вільна Украина!»

Смотръ 1-й Украинской дивизіи австрійскимъ генераломъ

(«Око»)

Добровольческой арміи, весною 18 года — самостійникомъ и германофиломъ, въ октябрѣ, когда нѣмцы потребовали его удаленія съ поста, — федералистомъ и германофобомъ; а въ ноябрѣ... централистомъ и антантофиломъ...

Въ свою очередь — само двуличное — германское правительство находило также нѣкоторыя странности въ украинской политикѣ... Украинскій посолъ въ Берлинѣ, бар. Штейнгель, 7-го іюля доносилъ министру иностранныхъ дѣлъ: «Императорское правительство находитъ, что наше правительство не достаточно твердо въ своей политикѣ, почему въ Кіевѣ происходитъ двойная политическая игра, вредящая упроченію дружбы между Германіей и Украйной. Императорское правительство желаетъ, чтобы политика Украинскаго правительства соотвѣтствовала во всѣхъ отношеніяхъ условію, заключенному 18 апрѣля (нов. стиля) 1918 г. между генералъ-фельдмаршаломъ Эйхгорномъ и бар. Муммомъ съ одной стороны и Украинскимъ правительствомъ Гетмана, въ то время находившимся въ процессѣ формированія, съ другой стороны... Въ виду этого Императорское правительство желаетъ расширить границы своихъ правъ въ цѣляхъ организаціи порядка и правосудія»...

Впрочемъ, къ концу сентября, послѣ поѣздки гетмана въ Берлинъ, взглядъ германскаго правительства измѣнился, и министръ ф. Гинце въ рейхстагѣ заявилъ, что на Украйнѣ «продолжается въ утѣшительномъ направленіи процессъ консолидаціи. Гетманъ съ министрами вошелъ въ Берлинѣ въ соприкосновеніе съ нашимъ правительствомъ. Констатируемъ, что намѣренія гетмана лояльны, планы его намъ откровенно ясны».

* * *

Внѣшнія сношенія Украйны также всецѣло зависѣли отъ нѣмцевъ. Всѣ спорные территоріальные вопросы о западной границѣ, о подчиненіи Украйнѣ Крыма, о Ростовскомъ, Таганрогскомъ округахъ и части Бессарабіи, на которые претендовала Украйна, разрѣшались односторонней волей нѣмцевъ и притомъ не въ ея пользу.

Наиболѣе характерной была длившаяся безконечно долго украино-большевицкая конференція, засѣдавшая въ Кіевѣ, съ Шелухинымъ и Раковскимъ во главѣ. Поскольку вопросы, касавшіеся интересовъ Германіи, какъ напримѣръ, передача оккупированной Украйнѣ въ большомъ числѣ подвижного желѣзно-дорожнаго состава и урегулированіе желѣзно-дорожнаго сообщенія, проходили быстро, постолько всѣ остальные, въ особенности вопросы о границахъ, затягивались неимовѣрно. Участники конференціи играли положительно непристойную роль, будучи цѣшками въ рукахъ закулиснаго дирижера. Приводимый документъ характеризуетъ въ достаточной мѣрѣ эти взаимоотношенія:

Секретно.

Г. Предсѣдателю мирной делегаціи Украйны С. Шелухину.

Въ виду того, что въ частномъ разговорѣ съ министромъ иностранныхъ дѣлъ предсѣдатель мирной делегаціи Раковскій выразилъ желаніе разрѣшить возможно скорѣе вопросы, относящіеся къ соглашенію между Россійской республикой и Украинскимъ государствомъ, считаемъ необходимымъ поставить васъ въ извѣстность, что ускореніе украйно-русскихъ отношеній возможно лишь послѣ того, какъ по этому вопросу выскажется германское правительство*...

Но если дѣла конференціи не подвигались впередъ, то многочисленная совѣтская делегація съ большимъ успѣхомъ вела пропаганду и организацію тайныхъ большевицкихъ очаговъ.

Въ октябрѣ министерство внутреннихъ дѣлъ обнаружило двѣ большевицкихъ крупныхъ организаціи въ Кіевѣ и Одессѣ, находившихся въ дѣятельныхъ сношеніяхъ съ делегаціей Раковскаго. Послѣ произведенныхъ арестовъ и выемокъ, какъ въ организаціяхъ, такъ и у самихъ делегатовъ, обнаружилось, что работа большевиковъ велась совмѣстно съ Украинскимъ національнымъ комитетомъ, и что посредниками между ними были... представители нѣмецкой власти...

* Сношеніе министра иностранныхъ дѣлъ Д. Дорошенко отъ 2 сентября 18 года № 2184.

Результаты этого скандальнаго разоблаченія были совершенно неожиданные: удаленіе по требованію нѣмцевъ съ поста министра внутреннихъ дѣлъ Кистяковскаго и освобожденіе арестованныхъ большевиковъ.

Нужно было обладать поистинѣ огромнымъ самопожертвованіемъ, неограниченнымъ честолюбіемъ или полной безпринципностью, чтобы при такихъ условіяхъ стремиться къ власти на Украйнѣ.

* * *

Веденіе самостоятельной внѣшней политики было тѣмъ болѣе невозможно для Украйны, что, невзирая на наличность огромныхъ военныхъ запасовъ и людского матеріала, она не имѣла вовсе арміи.

Вооруженныя силы гетмана состояли: 1) изъ дивизіи ген. Натіева, сформированной изъ добровольцевъ, стоявшей въ Харьковѣ, находившейся въ подчиненіи у нѣмецкаго командованія, совершенно разложившейся и впослѣдствіи разоруженной нѣмцами. 2) Сердюцкой дивизіи (гвардейской), составленной по набору исключительно изъ сыновей среднихъ и крупныхъ крестьянъ-собственниковъ и вскорѣ разбѣжавшейся. 3) Изъ охранныхъ и пограничныхъ сотенъ, несшихъ службу первыя — полицейскую въ уѣздахъ, вторыя — пограничную на западѣ. 4) Наконецъ, въ августѣ, изъ Владимиръ-Волынска прибыла сформированная тамъ австрійцами изъ военно-плѣнныхъ украинцевъ «1-я Украинская пѣх. див.», которая вслѣдъ за тѣмъ, ввиду непригодности была расформирована.

Нѣмцы всемѣрно противились организаціи украинской арміи, считая ее опасной для себя, и допускали только существованіе ея кадровъ.

Подготовка этихъ кардовъ — штабовъ безъ войскъ — шла планомѣрно и основательно. Предположено было создать 8 корпусовъ двухдивизіоннаго состава и 4 конныхъ дивизіи. Съ условнаго согласія нѣмцевъ готовился къ обнародованію указъ о мобилизаціи, и наборъ предположенъ былъ на 15 ноября. Точно также готовились кадры «украинскаго флота», въ составъ котораго должны были войти впослѣдствіи разоруженныя и охраняемыя нѣмцами русскія суда Чернаго моря. Какъ извѣстно, къ этому времени наступили событія, потрясшія Германію и поставившія Украйну безоружной передъ лицомъ большевицкаго нашествія. Поэтому вопросъ объ украинской арміи интересенъ лишь съ бытовой стороны.

Офицерскій составъ ея былъ почти исключительно русскій. Генералитетъ и офицерство шли въ армію тысячами*, невзирая на официальное поношеніе Россіи, на необходимость ломать русскій языкъ на галиційскую мову**, наконецъ, на психологическую трудность присяги въ «вѣрности гетману и Украинской державѣ».

Побудительными причинами поступленія на гетманскую службу были: безпринципность однихъ — «все равно кому служить, лишь бы содержаніе платили», — и идейность другихъ, считавшихъ, что украинская армія станетъ готовымъ кадромъ арміи русской.

Такъ какъ истинные мотивы тѣхъ и другихъ не поддавались опредѣленію, то въ добровольчествѣ создалось рѣзко отрицательное отношеніе ко всѣмъ офицерамъ, состоявшимъ на украинской службѣ.

* * *

Каковы же были истинныя стремленія гетмана и его правительства въ центральномъ вопросѣ — объ отношеніи къ Россіи? Было ли официальное исповѣданіе разрыва съ русской культурой и государственностью только личиной или искреннимъ ихъ убѣжденіемъ?

---

* Генеральный штабъ, напримѣръ, былъ представленъ столь широко, что часть оберъ-офицерскихъ должностей занимали подполковники.

** Одинъ изъ офицеровъ украинской службы разсказывалъ о порядкѣ дѣлопроизводства: начальникъ пишетъ бумаги на русскомъ языкѣ и даетъ ее переводить писарю. Послѣдній беретъ словарь Толыго, подыскиваетъ украинскія слова и, не зная оборотовъ рѣчи, склоняетъ и спрягаетъ ихъ по русски... Интересно, что сношенія съ нѣмцами приказано было вести только на русскомъ или нѣмецкомъ языкахъ.

Прежде всего въ составъ украинскаго правительства входили люди различныхъ толковъ. Для однихъ самостоятельность Украйны была цѣлью, для другихъ — средствомъ. Гдѣ — въ средствахъ и цѣляхъ — проходила грань побужденій личныхъ, классовыхъ, партійныхъ, можетъ быть своеобразно понимаемыхъ національно-государственныхъ, для насъ было и осталось неяснымъ. Но вся совокупность фактовъ украинской дѣйствительности приводила насъ къ неизмѣнному убѣжденію въ безпринципности украинской политики.

Сохраненіе русской государственности являлось символомъ вѣры ген. Алексѣева, моимъ и всей Добровольческой арміи. Символомъ ортодоксальнымъ, не допускавшимъ ни сомнѣній, ни колебаній, ни компромиссовъ. Идея невозможности связать свою судьбу съ насадителями большевизма и творцами Брестъ-Литовскаго мира была безспорна въ нашихъ глазахъ не только по моральнымъ побужденіямъ, но и по мотивамъ государственной цѣлесообразности. Идея эта не находила, однако, такого безусловнаго признанія въ глазахъ всей арміи, какъ первая.

Эти положенія легли въ основу нашихъ отношеній къ гетману. Ни ген. Алексѣевъ, ни я не вступали съ нимъ въ сношенія. Былъ только одинъ случай, совершенно частный, когда я обратился къ гетману, какъ къ русскому генералу, съ протестомъ противъ заключенія нѣмцами въ кіевскую тюрьму офицера штаба арміи, подполковника Ряснянскаго. Отвѣта не послѣдовало. Только съ осени 18 года, когда обнаружилась близость катастрофы, висѣвшей надъ центральными державами и, слѣдовательно, надъ Украйной, гетманъ дѣлалъ попытки черезъ третьихъ лицъ вступить въ сношеніе съ командованіемъ Добровольческой арміи...

Но вмѣстѣ съ тѣмъ командованіе не прибѣгало ни къ какимъ конкретнымъ мѣрамъ, враждебнымъ гетманскому правительству. Наше участіе въ украинскихъ дѣлахъ ограничилось гласнымъ осужденіемъ гетманской политики, извлеченіемъ изъ Украйны русскихъ офицеровъ, попытками пріобрѣсть тамъ оружіе и патроны, развѣдкой австро-германскихъ силъ и расположенія и подготовкой мѣръ для противодѣйствія предполагавшемуся германскому наступленію противъ Восточнаго фронта и Добровольческой арміи. Такими мѣрами признавались, въ случаѣ возникновенія надобности, партизанская война въ тылу нѣмцевъ, разрушеніе мостовъ и желѣзнодорожныя забастовки*. Кіевскій желѣзнодорожный комитетъ и рядъ видныхъ путейскихъ инженеровъ обѣщали намъ содѣйствіе въ этомъ отношеніи. Много видныхъ гетманскихъ сановниковъ и представителей генералитета присылали «съ оказіей» въ Добровольческую армію увѣренія въ своей вѣрности русской идеѣ. А болѣе экспансивные, не разъ, быть можетъ, авантюристы, неоднократно «испрашивали разрѣшеніе» устроить въ Кіевѣ «дворцовый переворотъ». Пріѣзжалъ въ штабъ арміи делегатъ даже отъ гетманскаго конвоя... Всѣмъ имъ ген. Романовскій категорически запрещалъ какія либо выступленія противъ гетманской власти.

Штабъ Добровольческой арміи не умѣлъ и не хотѣлъ вести политической интриги. Да и самый фактъ гетманства не казался угрожающимъ для національной русской идеи. Въ годы, когда рушились вѣковые троны и сходили со сцены историческія династіи, основаніе новыхъ — представлялось весьма проблематичнымъ... Въ этомъ убѣжденіи укрѣпляли насъ и историческіе прецеденты. «Малорусскій народъ — говоритъ историкъ — рѣшительно не присталъ къ замыслу гетмана и нимало не сочувствовалъ ему. За Мазепою перешли къ непріятелямъ только старшины, но и изъ нихъ многіе бѣжали отъ него, лишь узнали, что надежда на шведскаго короля плоха и что Карлъ, если бы даже и хотѣлъ, не могъ доставить Малороссіи независимости».

Для многихъ политическихъ дѣятелей теперь, какъ и двѣсти лѣтъ тому назадъ, — хотя обстановка стала неизмѣримо сложнѣе, — рѣшеніе украинской проблеммы сводилось только къ предвидѣнію:

— Кто побѣдитъ?

Карлъ — или Петръ. Гинденбургъ — или Фошъ.

---

* Іюльская забастовка украинскихъ дорогъ, состоявшаяся на экономической почвѣ, показала наглядно, въ какомъ тяжеломъ положеніи могутъ очутиться нѣмцы, разбросанные на огромномъ протяженіи.

ГЛАВА VI.

Крымъ.

Жизнь Крыма до конца 1917 года текла довольна мирно. Въ краѣ уживались рядомъ власти — правительственныя, земско-городскія и революціонныя (совдепы) —, почти однородныя по своему составу (с.-р. и с.-д. меньш.), и всѣ одинаково безсильныя. Послѣ октябрьскаго переворота собраніе уѣздныхъ и волостныхъ земствъ и городовъ Таврической губерніи создало центральную власть въ лицѣ Крымскаго краевого правительства — также изъ умѣренныхъ соціалистовъ, во главѣ съ кадетомъ Богдановымъ. Но собранный 26 ноября національный совѣтъ татарскаго населенія Крыма избралъ татарскій парламентъ (Курултай) и татарское правительство, которое также «взяло на себя защиту и управленіе какъ татарами, такъ и другими народностями, населяющими Крымъ». Совмѣстное существованіе двухъ «правительствъ», порождая тренія въ ихъ взаимоотношеніяхъ, очень мало, однако, отражалось на жизни края, обособившейся рѣзко въ замкнутыхъ рамкахъ городовъ и селъ. Одинаково шаткою была опора обоихъ правительствъ: у перваго — полубольшевицкіе солдатскіе гарнизоны, у второго — немногочисленное «татарское національное войско» — Крымскій полкъ (конный) и пѣшія части, силою 2—3 тыс. чел. Оба правительства одинаково трепетали передъ перспективой большевицкаго нашествія и заключили соглашеніе о взаимной поддержкѣ противъ большевиковъ.

Гроза на этотъ разъ шла не съ сѣвера, не изнутри, гдѣ настроеніе совдеповъ, профессіональныхъ союзовъ, рабочей массы и даже солдатскихъ гарнизоновъ было довольно умѣренное... Судьба Крыма оказалась въ рукахъ Черноморскаго флота.

Уже въ ноябрѣ, подъ вліяніемъ агитаторовъ, присланныхъ изъ центра, матросы Черноморскаго флота свергли умѣренный совдепъ въ Севастополѣ, поставили новый большевицкій и организовали въ городѣ совѣтскую власть. Номинально она находилась въ рукахъ сложной комбинаціи изъ совдепа, комиссаріата и революціоннаго комитета, фактически — всецѣло въ рукахъ буйной матросской черни. Съ начала декабря въ Севастополѣ начались повальные грабежи и убійства. А въ январѣ Черноморскій флотъ приступилъ къ захвату власти и на всемъ Крымскомъ полуостровѣ. Описаніе паденія крымскихъ городовъ носитъ характеръ совершенно однообразный: «къ городу подходили военныя суда... пушки наводились на центральную часть города. Матросы сходили отрядами на берегъ; въ большинствѣ случаевъ легко преодолѣвали сопротивленіе небольшихъ частей войскъ, еще вѣрныхъ порядку и краевому правительству (правительствамъ?), а затѣмъ, пополнивъ свои кадры темными, преступными элементами изъ мѣстныхъ жителей, организовывали большевицкую власть»*.

Такъ пали Евпаторія, Ялта, Феодосія, Керчь и др. А 13 января пала и резиденція правительствъ — Симферополь.

За спиною матросской черни стояли ея вдохновители — элементъ пришлый, часто уголовный и въ огромномъ большинствѣ своемъ инородный. Составъ агентовъ власти —

* Изъ трудовъ «Особой комиссіи по разслѣдованію злодѣяній большевиковъ».

Опознаніе труповъ людей, замученныхъ большевиками въ Евпаторіи

говоритъ описаніе — «пестритъ именами инородцевъ — латышей, эстонцевъ, евреевъ»... Большевицкая власть за четыре мѣсяца своего существованія не умѣла насадить совѣтскій строй. Она только упразднила буржуазныя учрежденія, «соціализировала», преимущественно въ свою пользу, буржуазное имущество и уничтожала буржуазію. Страницы крымской жизни того времени полны ужаса и крови. Я избѣгаю вообще распространяться о «злодѣйствахъ большевиковъ» — понятіи, ставшемъ въ наше время банальнымъ и не возбуждающимъ уже остраго чувства возмущенія въ опустошенныхъ душахъ и зачерствѣлыхъ сердцахъ. Но приводимое ниже описаніе* судьбы евпаторійской буржуазіи и преимущественно офицерства весьма характерно для «методовъ соціальной борьбы» и психологіи матросской черни, заполнившей своимъ садизмомъ самыя страшныя страницы русской революціи.

«Послѣ краткаго опроса въ засѣданіи комитета, арестованныхъ перевозили въ трюмъ транспорта «Труворъ». За три дня ихъ было доставлено свыше 800 человѣкъ. Пищи арестованные не получали, издѣвательства словесныя чередовались съ оскорбленіемъ дѣйствіемъ, которое переходило въ жестокіе, до потери жертвами сознанія, побои. На смертную казнь ушло болѣе 300 лицъ, виновныхъ лишь въ томъ, что одни носили офицерскіе погоны, другіе — не изорванное платье. Обреченныхъ перевозили въ трюмъ гидро-крейсера «Румынія»... Смертника вызывали къ люку. Вызванный выходилъ наверхъ и долженъ былъ идти черезъ всю палубу на лобное мѣсто мимо матросовъ, которые наперерывъ стаскивали съ несчастнаго одежду, сопровождая раздѣваніе остротами, ругательствами и побоями. На лобномъ мѣстѣ матросы, подбодряемые Антониною Нѣмичъ**, опрокидывали приведеннаго на полъ, связывали ноги, скручивали руки и медленно отрѣзывали уши, носъ, губы, половой органъ, отрубали руки... И только тогда истекавшаго кровью, испускавшаго отъ нечеловѣческихъ страданій далеко разносившіеся, душу надрывающіе крики — русскаго офицера отдавали красные палачи волнамъ Чернаго моря».

. . . . . .

Властвовала только красная опричнина. Противъ нихъ были и крестьянская, и рабочая среда, которая здѣсь, въ Крыму, не переживала медоваго мѣсяца большевицкой власти, какъ это было въ центральной Россіи. Крестьяне охотно восприняли практику соціализаціи, но не могли примириться съ захватомъ пришельцами добра своего и помѣщичьяго, которое также считали своимъ. Рабочіе, не взирая на рядъ спеціальныхъ мѣропріятій новой власти — сокращеніе рабочаго дня, увеличеніе заработной платы и т. д., были за рѣдкими исключеніями ярко враждебны ей. Они видѣли, что наплывъ въ среду ихъ массы безработныхъ, по преимуществу городской черни, дезорганизуетъ предпріятія, что не они стали хозяевами, а пришлая власть, захватывающая безсистемно и орудія производства, и матеріалы, и фабрикаты — для собственнаго прокормленія. Рабочія организаціи, не сочувствовавшія большевизму, преслѣдовались; практика реквизицій и изъятій не миновала и домовъ рабочихъ. Въ перспективѣ ясно рисовался развалъ промышленныхъ предпріятій, дезорганизація рабочаго класса и голодъ.

Татарское населеніе Крыма, совершенно не пріявшее большевизма, подвергалось такимъ же расправамъ, какъ и буржуазія; безпощадные къ татарамъ сами, большевики разжигали кромѣ того національную ненависть къ нимъ среди русскаго населенія.

Къ веснѣ 1918 года царило уже всеобщее возбужденіе противъ большевицкой власти, какъ вездѣ пассивное или выражавшееся въ мѣстныхъ волненіяхъ и въ подготовкѣ, совершенно, впрочемъ, не серьезной, активнаго выступленія въ средѣ заводскихъ комитетовъ, профессіональныхъ союзовъ, татарскихъ и русскихъ консиративныхъ кружковъ.

Вопросъ разрѣшился приходомъ германцевъ***.

Если украинская политика нѣмцевъ имѣла въ своемъ основаніи созданіе длительной, на многіе годы, политической и экономической зависимости Украйны отъ Германіи, то въ Крыму ихъ интересы ограничивались временными военно-политическими

---

* Изъ трудовъ «Особой комиссіи по разслѣдованію злодѣяній большевиковъ».

** Нѣмичи — семья палачей.

*** Группа ген. Коша изъ трехъ пѣх. дивизій и бригады конницы.

и стратегическими условіями. По крайней мѣрѣ такъ смотрѣла на дѣло главная квартира. Людендорфъ увѣряетъ, что онъ «считалъ фантастическими идеи созданія колоніальнаго нѣмецкаго государства на берегахъ Чернаго моря»... Еще менѣе германское правительство склонно было поощрять въ этомъ отношеніи притязанія Турціи. Германской ставкѣ необходимо было обезпечить себѣ безопасность сообщеній въ Черномъ морѣ, которымъ угрожала Севастопольская крѣпость и непокорный центральной власти Черноморскій флотъ. Крѣпость и портъ были заняты поэтому германскими войсками 1 мая, а большая часть русскихъ военныхъ судовъ ушла въ Новороссійскъ. Нѣмцы предъявили совѣтской власти требованіе выдать имъ весь Черноморскій флотъ «для использованія во время войны въ мѣрѣ, требуемой военной обстановкой». Повелѣніе совѣта комиссаровъ послѣдовало, но было исполнено только частично: матросы, не имѣя желанія поступить въ распоряженіе нѣмцевъ, и еще менѣе — драться съ ними, пустили ко дну часть судовъ. До сихъ поръ на новороссійскомъ рейдѣ зловѣще торчатъ изъ воды верхушки мачтъ — символъ «патріотизма» черноморцевъ, столь же фальшиваго, сколько и безсмысленнаго.

Иначе отнеслись нѣмцы и къ государственному устройству Крыма.

Объ отторженіи его отъ Россійскаго государства объявлено не было. Русскій генералъ Сулькевичъ, по происхожденію литовскій татаринъ, избранный нѣмцами, вмѣсто ханскаго титула принужденъ былъ удовлетвориться званіемъ премьеръ-министра Крымскаго краевого правительства. Въ декларацiи, одобренной нѣмецкимъ командованіемъ, Сулькевичъ опредѣлялъ цѣлью образованной имъ власти «сохраненіе самостоятельности полуострова до выясненія международнаго положенія его и возстановленіе законности и порядка».

По условію съ совѣтскимъ правительствомъ Германія обязалась очистить Черноморскій раіонъ послѣ ратификаціи договора между Россіей и Украйной. Поэтому переговоры между Шелухинымъ и Раковскимъ въ Кіевѣ умышленно затягивались нѣмцами. Гетманъ предъявилъ требованіе о полномъ сліяніи Крыма съ Украйной, посягая на три сѣверныхъ хлѣбородныхъ уѣзда Таврiи, и устанавливалъ экономическую блокаду полуострова. Сулькевичъ черезъ одного изъ своихъ министровъ, командированнаго въ Берлинъ гр. В. Татищева, добивался признанія независимости Крыма и защиты его отъ Украйны. Сбитая съ толку крымская общественность* видѣла выходъ «въ объединеніи Крыма съ Украйной на условіяхъ широкой автономіи», полагая, что «путь объединенія съ Россіей лежитъ только черезъ Украйну».

Германское правительство встрѣтило холодно миссію Татищева и «въ связи съ настоящимъ международнымъ положеніемъ» не сочло для себя возможнымъ «объявить о признаніи государственной независимости Крыма»; а въ отношеніи столкновенія съ Украйной совѣтовало уладить вопросъ личными переговорами гр. Татищева съ украинскимъ премьеромъ Лизогубомъ**.

Политика крымскаго правительства была такого же праваго направленія, какъ и гетманская, встрѣчая оппозицію въ соціалистическихъ и либеральныхъ кругахъ земскихъ и городскихъ собраній; весьма, впрочемъ, лояльную, благодаря наличію всесильныхъ нѣмецкихъ штыковъ. Правительственная политика не носила офиціальныхъ признаковъ національнаго шовинизма. За кулисами шла, однако, нелѣпая политическая игра объединенныхъ въ своихъ стремленіяхъ Сулькевича, «Курултая» и татарской группы правительства. Айвазовъ, уполномоченный представитель Сулькевича въ Константинополѣ, велъ переговоры съ Блестящей Портой объ отторженіи Крыма отъ Россіи и присоединеніи его въ той или другой формѣ къ Турціи... Д. Сейдаметъ, крымскій министръ иностранныхъ дѣлъ, представлялъ германскому правительству въ Берлинѣ шовинистическое обращеніе «Курултая» отъ 21 іюля. Это обращеніе, подписанное А. Хильми*** и Хасаномъ Сабри[1], заключало въ себѣ слѣдующія положенія:

---

* Съѣздъ представителей земскихъ управъ и городскихъ головъ Крыма.
** Сношеніе германскаго министра иностранныхъ дѣлъ 26 авг. № 35541/123046.
*** «Генеральный директоръ Крымско-татарскаго національн. совѣта».
[1] «Президентъ Крымско-татарскаго парламента.»

«Крымско-татарскій народъ, который 135 лѣтъ тому назадъ подпалъ подъ русское иго», надѣялся на помощь Германіи, «опираясь на сулящія мусульманскимъ странамъ счастіе историческія высокія цѣли Его Величества Великаго Государя Вильгельма»...

«Несмотря на то, что русскіе въ теченіе 135 лѣтъ грабили имущество татаръ и оскверняли ихъ святыни... численный составъ крымскихъ татаръ все-таки не могъ быть поколебленъ; равнымъ образомъ никакія притѣсненія не могли заставить ихъ забыть то уваженіе, которымъ пользовалось господство ихъ предковъ, предъ коимъ нѣкогда склонялась Москва»...

Далѣе идетъ описаніе національныхъ подвиговъ:

«Во время революціи, когда ни у одного изъ населяющихъ Россію народовъ не было замѣтно національнаго движенія, крымскіе татары заявили 25 марта на конгрессѣ о своей національно-гражданской автономіи и реквизировали вакуфныя земли... 8700 десятинъ и 1 милліонъ рублей»...

Скромное описаніе своего «международнаго» положенія:

Несмотря на пораженіе въ борьбѣ съ большевиками, «крымско-татарскій народъ, опираясь на свое великое національное самопожертвованіе и чувство владычества, сталъ играть въ судьбахъ страны рѣшающую роль»...

Исходя изъ этихъ соображеній, «крымскіе татары желаютъ возстановить въ Крыму татарское владычество... преобразовавъ Крымъ въ независимое нейтральное ханство, опираясь на германскую и турецкую политику».

И, наконецъ, апофеозъ:

«Въ то время, какъ Россія, великій историческій врагъ (турецкаго и мусульманскаго міра) погибла, и дорога въ Индію, свободная для Германіи, поколебала твердыню Англіи, мусульманскій міръ находитъ силу въ твердой рѣшимости тѣхъ магометанъ, которые въ Крыму и на Кавказѣ въ теченіе столѣтій были лишены чести имѣть право умереть за свои стремленія и надежды»...

Я не сталъ бы приводить такихъ пространныхъ выдержекъ изъ откровенія людей, лишенныхъ элементарнаго такта и грубо невѣжественныхъ, если бы оно не было карикатурнымъ отраженіемъ тѣхъ пріемовъ и стремленій, которые присущи представителямъ многочисленныхъ новообразованій, возникшихъ на развалинахъ Россіи. Не народныя массы, а именно люди, вынесенные волною революціи на мутную поверхность вскипѣвшей до дна народной жизни, принесли съ собою такую ненависть къ Россіи. Искажая перспективу и причинную связь историческихъ событій, порывая родственныя связи, игнорируя тѣсныя экономическія взаимоотношенія, мѣшая прошлое съ настоящимъ и отождествляя русскую власть съ русскимъ народомъ, они приняли на себя роль суровыхъ и пристрастныхъ судей Россіи, ея исторіи и народа. Ихъ голоса раздавались громко въ парламентахъ, радахъ, кругахъ, меджилисахъ, сфатулъ-церіяхъ, курултаяхъ, въ пріемныхъ иностранныхъ политическихъ дѣятелей всѣхъ странъ, въ отечественной и міровой печати.

Они съ большимъ упорствомъ и стараніемъ углубляли могилу, вырытую совѣтскою властью для погребенія русской государственности — могилу, въ которой часто хоронились и ихъ непрочныя новообразованія.

* * *

Поддержка «Великаго Государя» и «Высокочтимаго халифа» оказалась непрочной. Осенью 18 года центральныя державы пали, увлекая въ своемъ стремительномъ паденіи кесарей и троны, погребая подъ обломками много безумныхъ надеждъ и фантастическихъ плановъ.

Измѣнилась и судьба Крыма.

Нѣмецкій генералъ Кошъ письмомъ на имя Сулькевича отъ 3 ноября заявилъ, что онъ отъ дальнѣйшей поддержки его отказывается. И Сулькевичъ 4 ноября телеграфировалъ мнѣ въ Екатеринодаръ: «Развалъ среди германскихъ войскъ идетъ полнымъ ходомъ... Въ виду отсутствія вооруженной силы, формировать которую нѣмцы категорически запрещали въ Крыму, нѣтъ никакой опоры для борьбы... Возможны вспышки и

повтореніе неистовствъ большевиковъ... Обстановка ясно говоритъ за необходимость быстрой помощи союзнаго флота и добровольцевъ... Ввиду борьбы и сильной агитаціи лѣвыхъ партій, кабинетъ мой слагаетъ свои полномочія, уступая мѣсто коалиціонному министерству изъ кадетъ, соціалистовъ и татаръ»...

Генералъ Сулькевичъ отбылъ въ Азербейджанъ, чтобы тамъ продолжать въ роли «военнаго министра» свою руссофобскую работу, а новое правительство г. Соломона Крыма, вышедшее изъ нѣдръ Таврическаго губернскаго земскаго собранія, обязалось «всѣми силами содѣйствовать объединенію расколовшейся Россіи»*.

---

* Изъ доклада Таврической земской управы Таврич. земск. собранію отъ 17 октября.

ГЛАВА VII.

Закавказье.

Закавказскій комиссаріатъ подъ руководствомъ сейма* съ конца февраля 18 года ведъ мирные переговоры съ Турціей.

Снабженный чрезвычайными полномочіями сейма предсѣдатель мирной конференціи Чхенкели настаивалъ въ Трапезундѣ на возстановленіи русско-турецкихъ границъ 1914 года. Турецкая делегація, при закулисномъ участіи германскихъ дипломатовъ, требовала точнаго выполненія условій Брестъ-Литовскаго мирнаго договора и немедленнаго очищенія отъ закавказскихъ войскъ Карса, Ардагана и Батума. Вмѣстѣ съ тѣмъ турки, затягивая всемѣрно ходъ переговоровъ, окончательныя условія мира ставили въ зависимость «отъ точнаго декларированія закавказской делегаціей сущности, формы, политической и административной организаціи Закавказской республики»**. Ибо, если Закавказье продолжаетъ остававаться въ государственной связи съ Россіей, то для него обязательно выполненіе Брестъ-Литовскаго договора...

Положеніе Закавказья къ этому времени было необыкновенно труднымъ.

Совѣтская власть предъявила ультимативное требованіе выполненія условій договора; Кавказскій фронтъ палъ давно и на мѣстѣ его стоялъ лишь декоративный заслонъ изъ храбраго, но малочисленнаго отряда полковника Ефремова, армянскихъ, частью грузинскихъ новыхъ формированій; кровавый призракъ турецкаго нашествія висѣлъ надъ христіанскимъ населеніемъ и тревожнымъ предвѣстникомъ его служили начавшіяся уже безчинства татаръ въ прифронтовомъ раіонѣ; въ сеймѣ, въ правительствѣ и даже въ средѣ самой мирной делегаціи мусульманскіе представители явно сочувствовали самымъ широкимъ турецкимъ вожделѣніямъ...

И когда 24 марта турки предъявили ультиматумъ о принятіи въ теченіе двухъ дней Брестъ-Литовскаго договора и немедленномъ очищеніи Батума, Чхенкели, превысивъ данныя ему сеймомъ полномочія, принялъ всѣ условія турокъ.

Сеймъ, однако, не согласился. Въ торжественномъ и бурномъ засѣданіи 31 марта почти всѣ національныя и политическія фракціи пришли къ убѣжденію о необходимости продолженія борьбы. Даже мусульманскіе представители, отказываясь отъ активнаго выступленія, обѣщали, однако, «всѣми доступными средствами оказать возможное содѣйствіе другимъ народамъ Закавказья... къ благопріятной ликвидаціи войны»***.

Сеймъ отозвалъ делегацію Чхенкели и обратился къ народамъ Закавказья съ воззваніемъ: «...Позорнаго мира мы не подписали — говорилось въ немъ. — Мирные переговоры съ Турціей прерваны. Отнынѣ споръ рѣшается оружіемъ на поляхъ сраженій». Жестъ отчаянія — ибо бороться было нечѣмъ: не было войска для удержанія фронта и не было ни подъема, ни единодушія для войны народной, партизанской.

---

* См. Т. II гл. XV. Предсѣдатель комиссаріата с.-д. Гегечкори, члены – представители демократическихъ партій всѣхъ національностей Закавказья.

** Матеріалы подготовительной по національнымъ дѣламъ комиссіи. Записка Ю. Шумахера.

*** Idem.

Турки заняли 1 апрѣля Батумъ и, не встрѣчая сопротивленія, перешли въ наступленіе въ общихъ направленіяхъ на Кутаисъ, Александрополь и Джульфу.

И 9 апрѣля въ сеймѣ, признавшемъ свое безсиліе остановить турецкое нашествіе, былъ поставленъ на обсужденіе, какъ послѣднее средство спасенія, вопросъ о независимости Закавказья. Сторонникамъ этого акта — не туркофиламъ — рисовались слѣдующія перспективы: край, отдѣлившись отъ Россіи, избѣгнетъ заливающаго ее большевизма; сохранится единство Закавказья и тѣсное мирное сожительство его народовъ; новообразованіе получитъ легальный титулъ для отказа отъ Брестъ-Литовскаго договора и заключенія самостоятельнаго мира; наконецъ, пріобрѣтетъ симпатіи и помощь Германіи, которая давно уже толкала закавказскихъ дѣятелей на этотъ шагъ, имѣя цѣлью расчлененіе Россіи и утвержденіе своего политическаго и экономическаго вліянія въ Закавказьи.

При полномъ согласіи всѣхъ грузинскихъ партій и стыдливомъ молчаніи былыхъ властителей думъ русской революціонной демократіи г. г. Церетели, Жорданія, Гегечкори, Рамишвили и др..., при рѣшимости холоднаго отчаянія армянъ..., при ликованіи мусульманъ и горячемъ протестѣ русскихъ была провозглашена Закавказская независимая федеративная республика.

Жизнь, однако, разбивала шагъ за шагомъ иллюзіи оппортунистовъ.

Прежде всего старые хитрые дипломаты оттоманской школы раскрыли, наконецъ, свои карты передъ неискусными игроками «Закавказской республики».

На возобновившейся 28 апрѣля по иниціативѣ новаго правительства Чхенкели конференціи въ Батумѣ турко-германская делегація, подъ предсѣдательствомъ Халилъ-бея, признала фактъ независимости Закавказья и освободила его отъ обязательствъ, налагаемыхъ Брестъ-Литовскимъ договоромъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ новому государственному образованію, турки предъявили и новыя территоріальныя требованія, несравненно болѣе тяжелыя*...

Конференція была сорвана. Турецкая армія, продолжая наступленіе, заняла уже Карсъ**, Александрополь, направляясь далѣе къ Тифлису. Турецкое вліяніе въ мусульманскихъ частяхъ Закавказья переходило въ явное политическое господство тамъ турокъ, грозя сдавить въ турецкихъ тискахъ и отрѣзать отъ жизненныхъ артерій грузинскій и армянскій народы.

Въ этотъ тяжелый моментъ грузинская соціалъ-демократія, войдя въ сношеніе съ германскимъ правительствомъ, вручила ему безъ оглядки судьбы своего края.

Тожественные вначалѣ интересы Германіи и Турціи, по мѣрѣ увлеченія послѣдней панисламизмомъ въ ущербъ военнымъ дѣйствіямъ противъ Англіи, разошлись. Германія сочла себя вынужденной противодѣйствовать быстрому распространенію турокъ въ Закавказьи по мотивамъ, о которыхъ нѣмецкіе государственные дѣятели говорятъ съ исчерпывающей ясностью:

Гельфферихъ: «Германія очень интересовалась бакинскими нефтяными промыслами, которые соединены нефтепроводомъ съ Батумомъ, и кавказскими богатѣйшими марганцевыми рудниками, имѣвшими для насъ огромное значеніе, какъ въ этой войнѣ, такъ и послѣ войны».

Людендорфъ: «Для насъ (протекторатъ надъ Грузіей) былъ средствомъ, независимо отъ Турціи, получить доступъ къ кавказскому сырью и эксплоатаціи желѣзныхъ дорогъ, проходящихъ черезъ Тифлисъ. Мы не могли довѣриться въ этомъ отношеніи Турціи. Мы не могли разсчитывать на бакинскую нефть, если не получимъ ее сами».

Получивъ отъ германскаго резидента въ Константинополѣ ген. фонъ-Лоссова обѣщаніе активной поддержки, 13 мая національный совѣтъ провозгласилъ одностороннимъ актомъ независимость Грузинской демократической республики. Ной Жорданія

---

* Потребовали половину Эриванской и части Тифлисской и Кутаисской губерній.

** Грузинъ Чхенкели, вообще проявлявшій чрезвычайную уступчивость туркамъ въ части, касавшейся не-грузинской территоріи, приказалъ сдать Карсъ безъ боя.

и Церетели въ посланіи къ центральному комитету россійской соціалъ-демократической партіи оправдывали этотъ шагъ необходимостью «спасенія физическаго существованія грузинскаго народа».

Въ тотъ же день, 13 мая, сложили полномочія сеймъ и общее правительство. Закавказская республика прекратила свое существованіе, и власть перешла къ національнымъ совѣтамъ трехъ новообразованій: Грузіи, Арменіи и Азербейджана. Германія остановила дальнѣйшее продвиженіе турокъ въ предѣлахъ Грузіи.

Рѣшающую роль въ актахъ 9 апрѣля и 13 мая сыграли не внутреннія потрясенія общерусской жизни, даже не большевизмъ — волны его еще не докатились до Закавказья и сущность его постигали только верхніе слои народа — а смертельный страхъ передъ турецкимъ нашествіемъ. Если наоборотъ — мусульманская часть населенія отнеслась съ явной симпатіей къ единовѣрнымъ туркамъ, то главнымъ образомъ потому, что надѣялась на тотъ перевѣсъ, который теперь получатъ ихъ интересы въ вѣковой межнаціональной распрѣ. Но ни татары, ни грузины и армяне, ни всѣ другія мелкія самобытныя національныя группы въ моментъ разрыва въ массѣ своей не проявляли ненависти къ Россіи. По состоянію своей культуры, вѣковымъ навыкамъ, быть можетъ національнымъ чертамъ характера, народы Закавказья менѣе, чѣмъ гдѣ либо, принимали участіе въ государственной жизни. «Волеизъявленіе народа», «давленіе народныхъ массъ» — эти правовые и стихійные стимулы политическихъ и національныхъ движеній — въ Закавказьѣ имѣли значеніе несущественное. Если въ общерусскомъ масштабѣ волны революціи смыли съ высотъ жизни русскую интеллигенцію, то здѣсь наоборотъ: исторія Закавказья въ годы смуты есть исторія его интеллигенціи, преимущественно соціалистической. Только она явилась вершительницей внутреннихъ событій, и только на ней лежитъ поэтому историческая отвѣтственность за судьбы закавказскихъ народовъ.

Итакъ, примиряющаго и объединяющаго начала не стало. Пути народовъ Закавказья разошлись. Въ теченіе трехъ лѣтъ будутъ они вести «самостоятельное» существованіе и горѣть въ котлѣ политическихъ страстей и межнаціональной распри, пока, наконецъ, не сольются вновь... въ общемъ руслѣ совѣтскаго самодержавія.

* * *

Послѣ провозглашенія самостоятельной Грузинской демократической республики делегація ея прибыла въ Берлинъ, и 11 іюня въ рейхстагѣ было объявлено о признаніи Германіей новой республики de facto. Въ Тифлисѣ появилась дипломатическая миссія полковника фонъ-Кросса съ эскортомъ въ двѣ роты, и съ тѣхъ поръ внутренняя и внѣшняя политика края безраздѣльно была подчинена германскому вліянію. Началось выкачиваніе нѣмцами сырья и одновременно организація ими грузинской вооруженной силы — по свидѣтельству ген. Людендорфа — какъ подсобнаго фактора въ борьбѣ съ англичанами на азіатскомъ театрѣ войны и противъ... Добровольческой арміи, которая все болѣе начинала тревожить нѣмецкое командованіе.

Бакинская нефть особенно крѣпко владѣла умами и чувствами европейскихъ и азіатскихъ политиковъ. Съ весны началось рѣзкое соревнованіе и «бѣгъ взапуски» въ области войны и политики къ конечной цѣли — Баку — англичанъ отъ Энзели, Нури-паши (братъ Энвера) черезъ Азербейджанъ и нѣмцевъ черезъ Грузію. Для той же цѣли Людендорфъ снялъ съ балканскаго фронта бригаду кавалеріи и нѣсколько батальоновъ (6—7) и спѣшно сталъ перебрасывать ихъ въ Батумъ и Поти — портъ, заарендованный германцами у грузинъ «на 60 лѣтъ».

Судьба, однако, распорядится иначе: Нури-паша предупредитъ нѣмцевъ въ Баку, и дессантыя нѣмецкія войска не успѣютъ сосредоточиться, какъ отпаденіе въ началѣ сентября Болгаріи, поколебавъ окончательно положеніе центральныхъ державъ, заставитъ нѣмецкую главную квартиру отозвать войска изъ Грузіи обратно на Балканы...

Грузинскій національный совѣтъ, къ которому перешла верховная власть, образовалъ правительство, подъ предсѣдательствомъ Ноя Рамишвили. Въ силу преобладанія въ правительствѣ и въ самомъ совѣтѣ соціалъ-демократовъ-меньшевиковъ, — преобладанія искусственнаго для страны по преимуществу земледѣльческой, — политикой этихъ учрежденій руководили всецѣло лидеры партіи.

Дѣятельность правительства сосредоточилась прежде всего на сформированіи вооруженной силы и на округленіи границъ новой республики. Подъ руководствомъ Джунгелія возникли отряды «народной гвардіи», общей численностью 10—12 тысячъ, по облику своему, составу, дисциплинѣ и традиціямъ отличавшіеся отъ совѣтской красной гвардіи только развѣ національнымъ шовинизмомъ. Народно-гвардейцы поступали добровольно, по рекомендаціи лѣвыхъ партій, были хорошо вооружены и получали высокіе оклады; отряды были снабжены многочисленной артиллеріей бывшаго кавказскаго фронта. Во главѣ ихъ стояли почти исключительно люди съ большимъ революціоннымъ и тюремнымъ прошлымъ «царской Россіи». Пригодная для поддержки первыхъ шаговъ соціалъ-демократической власти въ дни революціоннаго угара и заманчивыхъ лозунговъ, народная гвардія становилась, однако, сильной помѣхой при переходѣ къ мирному строительству и прямой угрозой для самой власти, въ особенности въ виду сохраненія въ краѣ совѣтовъ рабочихъ депутатовъ... Поэтому правительство приступило вскорѣ къ мобилизаціи возрастовъ отъ 16 до 43 лѣтъ, а также къ формированію постоянной регулярной арміи въ 2 пѣх. дивизіи и 1 кав. бригаду. Съ этой цѣлью былъ объявленъ призывъ* всѣхъ «грузинскихъ подданныхъ», родившихся въ 96—98 г. г., причемъ подданными считались лица всѣхъ національностей, въ томъ числѣ и русскіе люди, прописанные по мѣсту жительства на территоріи, вошедшей въ предѣлы Грузіи, до 19 іюля 1914 года**. Нѣмцы всемѣрно способствовали организаціи и снабженію грузинскихъ войскъ.

Еще въ 1914 году образовавшійся изъ состава партіи націоналъ-демократовъ «Союзъ освобожденія Грузіи» заключилъ съ турецкимъ правительствомъ договоръ, на основаніи котораго за активное содѣйствіе Турціи въ войнѣ противъ Россіи «независимая Грузія» пріобрѣтала слѣдующія территоріи: Тифлисскую и Кутаисскую губ., Сочинскій и Гагринскій округа Черноморской губ., Сухумскій, Батумскій и Закатальскій округа, сѣв. часть Карсской обл. и часть Трапезондскаго вилайета (Лазистанъ). Какъ это ни странно, но соціалъ-демократы, клеймившіе нѣкогда «имперіалистическую политику» царскаго и временнаго правительствъ, ставъ у власти, восприняли всецѣло психологію грузинскихъ націоналъ-шовинистовъ — тѣхъ, для которыхъ еще 15 іюня, во время засѣданія національнаго совѣта въ лексиконѣ Церетели нашлось слово «измѣна»... Демократическое правительство Грузіи приступило къ планомѣрному распространенію своей власти на территоріи, населенныя чуждыми въ племенномъ отношеніи и враждебными грузинамъ элементами, примѣняя при этомъ разнообразные способы — войну, подкупъ, терроръ и политическій шантажъ.

Въ первый періодъ — турко-нѣмецкой оккупаціи, вожделѣнія Грузіи направились въ сторону Черноморской губерніи. Причиной послужила слабость Черноморья, поводомъ — борьба съ большевиками, гарантіей — согласіе и поддержка нѣмцевъ, занявшихъ и укрѣпившихъ Адлеръ; система же захвата была до крайности проста и однообразна и сильно напоминала дѣятельность румынъ въ Бессарабіи.

Къ концу марта 18 года большевики, постепенно распространяясь изъ Новороссійска къ югу, подошли къ Сухуму. Абхазскій національный совѣтъ обратился за помощью къ грузинамъ. Съ конца апрѣля грузинская народная гвардія начала тамъ войну противъ большевиковъ съ перемѣннымъ успѣхомъ. Прибывшему въ іюнѣ съ подкрѣпленіемъ ген. Мазніеву удалось очистить отъ красногвардейцевъ побережье до самаго Туапсе. Цѣною за избавленіе былъ договоръ, заключенный 11 іюля между Абхазскимъ національнымъ совѣтомъ и грузинскимъ правительствомъ, въ силу котораго Сухумскій округъ временно вошелъ въ составъ Грузинской республики. Пунктъ 3-й договора

---

* На основаніи закона отъ 13 августа.
** Циркуляръ военн. мин. 18 сентября № 415.

предусматривалъ, что «внутреннее управленіе Абхазіей принадлежитъ Абхазскому совѣту», а 1-й — что «только національное собраніе Абхазіи окончательно опредѣляетъ политическое устройство и судьбу ея».

Но вслѣдъ за симъ, грузинское правительство дважды разгоняетъ національный совѣтъ (августъ и октябрь) и, заключивъ часть членовъ его въ Метехскій замокъ, лишивъ права выборовъ русское и армянское населеніе, какъ не пріемлющее «грузинскаго подданства», къ осени создаетъ вполнѣ покорное и совершенно безличное учрежденіе, состоящее на 1/4 изъ абхазцевъ и на 3/4 изъ грузинъ* и возглавляемое президіумомъ съ преобладающимъ составомъ грузинскихъ соціалъ-демократовъ. Власть въ краѣ перешла всецѣло въ руки грузинскаго «чрезвычайнаго комиссара» и революціонныхъ учрежденій, заполненныхъ мѣстными грузинами — пришлымъ элементомъ въ краѣ, издавна устроив-

шимся на Черноморскомъ побережьи въ качествѣ рабочихъ, торговцевъ, подрядчиковъ, духанщиковъ и т. д. Съ интересами коренного населенія и съ его правами хотя бы на внутреннее самоуправленіе грузинская власть перестала считаться вовсе.

Оккупація Сочинскаго округа (включая и Гагры**) произведена была грузинами также на основаніи просьбъ о помощи различныхъ мѣстныхъ собраній и съѣздовъ, преимущественно соціалистическаго состава, — просьбъ, частью вызванныхъ подлиннымъ отчаяніемъ, частью — давленіемъ грузинскихъ военныхъ начальниковъ. Хотя грузинская администрація высказывала офиціально взглядъ на русское населеніе побережья, какъ на «политическихъ эмигрантовъ», но «историческія права» грузинъ на этотъ округъ очевидно были еще менѣе обоснованы, чѣмъ на Сухумскій***, такъ какъ съ первыхъ же дней грузинскія власти приступили къ разоренію его, отправляя все, что было возможно, въ Грузію. Такъ была разграблена Туапсинская жел. дорога, причемъ увозились рельсы, крестовины, матеріалы, даже больничный инвентарь; распродано съ

* Составъ населенія Сухумскаго округа въ 1916 году въ %: абхазцевъ — 56, грузинъ — 18, русскихъ 11, армянъ 10, прочихъ 5.

** Гагринскій раіонъ былъ присоединенъ къ Сухумскому округу осенью 17 года Закавказскимъ комитетомъ «по историческимъ основаніямъ», изысканнымъ между прочимъ г. г. Гегечкори и Чхенкели.

*** Въ Сочинскомъ округѣ въ 1913 г. всѣхъ грузинъ числилось 10,8 % а по даннымъ земско-городской статистики среди сельско-хоз. населенія ихъ было 5,8 %.

аукціона многомилліонное оборудованіе Гагринской климатической станціи, разрушено лѣсопромышленное дѣло въ Гаграхъ; уведенъ племенной скотъ, разорены культурныя имѣнія и т. д. Все это дѣлалось не въ порядкѣ «обычаевъ гражданской войны», а въ результатѣ планомѣрной тифлисской политики.

Изъ Абхазіи и Сочинскаго округа шли горькія жалобы и постоянныя просьбы объ избавленіи отъ грузинъ, обращаемыя къ Добровольческой арміи, когда она приблизилась къ Черному морю....

Въ періодъ нѣмецкой оккупаціи, въ теченіе 18 года, только еще налаживалась внутренняя жизнь края и административный аппаратъ. Въ трудныхъ условіяхъ зарожденія новой государственности, правящая безраздѣльно партія соціалъ-демократовъ не рѣшилась приступить сразу къ коренной ломкѣ «стараго строя». Въ финансовомъ отношеніи мы видимъ только тяжелый прессъ прямыхъ и косвеныхъ налоговъ, печатный станокъ и боны съ знаменательной надписью — о хожденіи ихъ наравнѣ съ русскими государственными кредитными билетами... Въ экономическомъ — широкое использованіе и распродажу русскаго милліарднаго имущества Кавказскаго фронта; экспортъ, главнымъ образомъ въ Германію, въ огромныхъ размѣрахъ сырья*, даже отчасти хлѣба, въ которомъ ощущался острый недостатокъ въ краѣ, и который притекалъ путемъ правительственно организованной контрабанды съ сѣвернаго Кавказа; полученіе взамѣнъ — далеко не равноцѣнныхъ, залежалыхъ фабрикатовъ, не имѣвшихъ сбыта на европейскихъ рынкахъ; наконецъ, концессіи, предоставленныя какъ мѣстному, такъ и иностранному капиталу. Въ аграрномъ вопросѣ — націонализацію частно-владѣльческихъ земель, съ передачей ихъ въ пользованіе крестьянству; а позднѣе, когда обнаружилось возбужденіе на этой почвѣ крестьянъ, продажу имъ въ собственность по высокимъ цѣнамъ отобранныхъ въ государственный фондъ земель. Въ отношеніи крайне незначительнаго класса рабочихъ — заботы объ улучшеніи ихъ матеріальнаго положенія и улучшеніи условій жизни, безъ радикальныхъ реформъ. Наконецъ, въ области самоопредѣленія — безудержная «націонализація», угнетеніе и лишеніе культурно-правовыхъ условій существованія «меньшинствъ» — русскаго, абхазскаго, аджарскаго, осетинскаго, татарскаго, армянскаго и т. д. — «меньшинствъ», которыя, однако, въ мозаичномъ организмѣ Грузіи составляли вначалѣ 36, а потомъ, послѣ ея расширенія, болѣе 50 % населенія.

Несомнѣнно грузинское правительство достигло внѣшнихъ условій относительнаго благополучія и порядка, выгодно отличавшихъ край отъ областей совѣтской Россіи. Мѣстныя возстанія, вспыхивавшія на почвѣ національной распри, аграрныхъ взаимоотношеній и большевицкихъ лозунговъ, зачастую прикрывавшихъ просто протестъ угнетаемаго русскаго населенія — неизмѣнно подавлялись правительствомъ. Грузинскія миссіи, направляемыя въ Западную Европу, снабженныя хорошими средствами и обладавшія специфически-восточной хитростью и пафосомъ, заносили туда, наряду съ описаніемъ благоденственнаго житія внутри страны, представленія о «тяжести вѣкового рабства» и обоснованности независимаго существованія своего народа; искали сочувствія къ молодой «угрожаемой и обижаемой извнѣ со всѣхъ сторонъ соціалистической республикѣ». Повсюду. Сначала — въ «имперіалистическомъ» Берлинѣ, потомъ, въ дни колебанія военно-политическаго маятника — у всемірной демократіи** и наконецъ — послѣ опредѣлившагося исхода борьбы — у буржуазныхъ правительствъ Лондона и Парижа***.

Миражъ создавался дѣйствительно.

Только миражъ. Потому что въ активѣ новообразованія не было ни «суверенности», ни идеи «самоопредѣленія народовъ», ни демократіи, ни соціализма. Ихъ замѣняли вассальная зависимость (отъ Германіи, потомъ Англіи), имперіализмъ, диктатура соціалъ-демократической партіи и чистѣйшій капитализмъ. Потому еще, что въ теченіе кратковременнаго бытія Грузинской республики народъ ея не создалъ и не могъ создать по времени своихъ матеріальныхъ и культурныхъ цѣнностей, а жилъ исключительно русскимъ наслѣдіемъ, не разрушеннымъ еще ни войной, ни анархіей[1].

---

* Марганецъ, мѣдь, шерсть, табакъ и т. д.

** Обращеніе къ международному соціалистическому бюро.

*** Миссія Церетели и Чхеидзе.

[1] Дальность театра войны и иностранныя оккупаціи.

Въ 1918 году жизнь поставила вопросъ:

— Какъ долго при всѣхъ указанныхъ выше условіяхъ возможно независимое существованіе Грузинской республики внѣ всякой государственной связи съ Россіей?

И въ 1921 году дала исчерпывающій отвѣтъ:

— Ровно столько времени, сколько длится въ ней иностранная оккупація, прикрываетъ ее южно-русская армія и желаетъ того Москва.

* * *

Армянская республика переживала дни глубокаго отчаянія. Турецкая армія быстро подвигалась впередъ, занимая раіоны этнографическаго разселенія армянъ и подвергая народъ рѣзнѣ и край опустошенію. Мольбы армянскаго правительства и воздѣйствіе германскихъ представителей, заинтересованныхъ вообще въ ограниченіи турецкаго распространенія, остановили, однако, наступленіе. Демаркаціонная линія была проведена въ шести верстахъ отъ Эривани, и «самостоятельная Арменія» заключена въ голодный гористый раіонъ, площадью въ 11 тыс. кв. верстъ*, съ 14-ю верстами желѣзной дороги и съ... 600 тысячъ бѣженцевъ, собравшихся отовсюду и обездолившихъ окончательно коренное населеніе.

Эту территорію сдавливали со всѣхъ сторонъ: съ запада — турецкій фронтъ; съ юга, со стороны Алашкертской долины—курды; съ юго-востока «Аракская республика»**, образованная татарскими ханами, враждебными Россіи, ввиду лишенія ихъ нѣкогда феодальныхъ правъ, и кровно ненавидѣвшими армянъ; съ востока — враждебный Азербейджанъ — сначала татарскими бандами, потомъ, въ сентябрѣ при помощи турецкихъ войскъ покоряющій Карабахъ; съ сѣвера — ревниво охраняемыя грузинами границы Тифлисской губерніи, черезъ которыя не пропускали ничего, даже продовольственныхъ грузовъ вымирающему населенію Арменіи.

При такихъ условіяхъ Армянскій національный совѣтъ*** и правительство не могли задаваться ни сложной политикой, ни внутреннимъ строительствомъ. Всѣ ихъ помыслы были направлены исключительно къ сохраненію физическаго существованія остатковъ армянскаго народа. Съ большими трудностями были сформированы войска партизанскаго типа въ 10—15 тыс. человѣкъ; отрядъ ген. Назарбекова (потомъ Силикова) велъ непрестанную борьбу съ татарами и курдскими ордами; отрядъ Андроника, не признававшаго власти Эривани, велъ самостоятельныя военныя операціи въ защиту армянъ Елизаветпольской губерніи[1] противъ татаръ и турокъ; сѣвернѣе наступленіе ихъ сдерживалъ отрядъ Меликъ-Шахназарова. Правительство разсылало отчаянныя мольбы во всѣ стороны и безнадежно искало спасительной «оріентаціи».

Нѣтъ сомнѣнія, что въ средѣ національнаго совѣта, по преимуществу соціалистическаго состава, даже въ руководящей партіи дашнакцановъ (20 изъ 40 членовъ), въ этотъ моментъ болѣе, чѣмъ когда либо, жило яркое сознаніе необходимости государственной связи съ Россіей. Всякой Россіей, независимо отъ ея политическаго строя, — хотя бы и совѣтской,— лишь бы она обладала силой и воможностью спасти армянскій народъ. Но такой Россіи тогда не существовало. Германія не была вовсе заинтересована ни въ странѣ, не имѣющей къ вывозу сырья, ни въ народѣ, который нужно было кормить. Съ остальной Европой связи не было никакой. Оставалась только надежда на окрѣпшую подъ нѣмецкимъ покровительствомъ Грузію...

Въ первой половинѣ іюня Жорданія и Рамишвили пригласили представителей Армянскаго совѣта для раздѣла между Грузіей и Арменіей по этническимъ признакамъ Борчалинскаго уѣзда. Но прибывшихъ армянскихъ делегатовъ встрѣтилъ И. Церетели

---

* Часть Эриванскаго уѣзда, часть Эчміадзинскаго и весь Ново-Баязетскій уѣздъ.

** Долина Аракса – Нахичеванскій и Шаруго-Даралагезскій уѣзды.

*** Представители отъ политическихъ партій и племенъ.

[1] Зангезурскій и Шушинскій уѣзды съ армянскимъ населеніемъ составили временно «самостоятельную республику».

и отъ имени Грузинскаго совѣта заявилъ имъ, что всѣ спорныя территоріи* со смѣшаннымъ грузино-армянскимъ населеніемъ должны перейти къ Грузіи. Вождь — нѣкогда — русской революціонной демократіи приводилъ такіе мотивы: «армяне послѣ Батумскаго соглашенія (проведеннаго грузинами) не могутъ составить сколько нибудь жизнеспособнаго государства и имъ выгодно усилить Грузію, чтобы было на Кавказѣ сильное христіанское государство, которое при поддержкѣ нѣмцевъ будетъ защищать и себя, и армянъ»**...

Черезъ нѣсколько дней грузины заняли своими войсками фактически свободные отъ турокъ спорные раіоны и немедленно приступили въ нихъ къ набору.

Оставшись въ трагическомъ одиночествѣ, Армянская республика съ отчаяніемъ и надеждой ждала поглощенія, раздѣла или избавленія. Откуда придетъ то или другое — можно было только гадать.

* * *

Азербейджанская республика самоопредѣлилась въ границахъ Елизаветпольской, Бакинской губерній и Закатальскаго округа. Фактически — только въ большей части Елизаветпольской губерніи, такъ какъ въ Закаталахъ*** шелъ споръ съ грузинами, на югѣ и юго-востокѣ велись бои съ армянами и русскими, а Баку не признавало власти Азербейджана.

Шовинистическое по отношенію къ Россіи и сосѣдямъ, ярко туркофильское правительство хана Хойскаго, вышедшее изъ либерально-буржуазной партіи «Муссаватъ», съ внѣшне-соціалистической окраской, не торопилось съ устроеніемъ внутренней жизни края, которая шла по инерціи, и обратило исключительное вниманіе на расширеніе его предѣловъ. Къ этому побуждала ихъ и панисламистская идея, овладѣвшая умами особенно сильно послѣ прибытія въ Елизаветполь къ серединѣ августа Нури-паши.

Вооруженной силы, однако, не было почти никакой. Мусульманскій «корпусъ», который формировался въ періодъ власти Закавказскаго комиссаріата и въ которомъ преобладалъ русскій командный составъ, былъ подъ давленіемъ нѣмцевъ въ началѣ августа расщущенъ. Формированіе новаго корпуса съ турецкимъ составомъ сильно задерживалось, благодаря инертности татаръ и нежеланію и непривычкѣ ихъ нести регулярную службу. «Національные вопросы» разрѣшались практически, главнымъ образомъ, иррегулярными татарскими отрядами. Они при участіи турокъ устраивали взаимную кровавую рѣзню съ армянами въ Карабахѣ; они вторглись въ плодородную русскую Мугань[1], гдѣ разгромили и сожгли до 50 поселеній, жители которыхъ, до 30 тыс., бѣжали на сѣверный Кавказъ. Южная часть Мугани, однако, уцѣлѣла. Пройдя въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ черезъ большевизмъ и стряхнувъ его, населеніе Мугани организовало вооруженную силу около 1000 человѣкъ съ 2 ор. подъ командой полковника Ильяшевича, отстояло свой край и въ свою очередь предало огню и мечу болѣе 20 татарскихъ селеній. Затѣмъ прожило мирно въ теченіе года, въ качествѣ «Ленкоранской республики», пока не было поглощено Азербейджаномъ по требованію... англичанъ.

Войска Азербейджана вели наступленіе, пока безуспѣшное, на Баку. Фронтъ проходилъ у станціи Кюрдамиръ — въ половинѣ разстоянія между Елизаветполемъ и Баку.

Баку — золотоносный источникъ лучшей нефти, выбрасываемой на міровой рынокъ ежегодно въ количествѣ около 500 милліоновъ пудовъ; прекрасный портъ, въ которомъ сосредоточивался почти весь Каспійскій торговый и транспортный флотъ; центральный узелъ путей, экономическая и стратегическая база Средней Азіи.

Вѣроятно и сами властители Азербейджанской республики не думали серьезно о суверенномъ обладаніи Баку, играя роль лишь ширмы для трехъ борющихся силъ. Германія дополнительными статьями къ Брестъ-Литовскому договору обязалась не допускать турецкія войска въ Бакинскій нефтеносный раіонъ и всячески препятствовала

* Уѣзды Ахалкалакскій, Казахскій, Борчалинскій и часть Александропольскаго.
** Докладъ № 49 представителя Арменіи, полковника Власьева: «Армяно-грузинскій конфликтъ».
*** Лезгины, родственные Дагестану.
[1] Ленкоранскій и Джіоватскій уѣзды Бакинской губерніи.

турко-татарскому наступленію... до полнаго сосредоточенія своихъ войскъ. Турція входила по этому поводу съ рѣзкими нотами, намекая даже на возможность разрыва, а тайно вливала въ составъ азербейджанскихъ отрядовъ своихъ офицеровъ и аскеровъ. Въ самомъ Баку шло состязаніе турецкаго фанатизма, большевицкой пропаганды, англійскихъ фунтовъ и нѣмецкихъ марокъ...

На «Кюрдамирскомъ фронтѣ» боевыя дѣйствія между тѣмъ замерли.

Въ Баку, какъ и вездѣ, издавна существовала глубокая вражда между татарскимъ и армянскимъ населеніемъ. Послѣ большевицкаго переворота и кровавыхъ столкновеній Азербейджана съ Арменіей она усилилась еще болѣе, принявъ внѣшнія формы борьбы между совѣтской властью, на сторону которой стали дашнакцаны и русскій пролетаріатъ, и турко-татарами, къ которымъ изъ чувства самосохраненія примкнула часть русской интеллигенціи. Еще въ концѣ 17 года Москвою былъ назначенъ с.-д. Шаумянъ «верховнымъ комиссаромъ Закавказья», но до весны проявить своего существованія онъ не имѣлъ возможности.

25 марта при помощи армянскаго полка, возвращавшагося изъ Персіи черезъ Баку, армяно-большевики захватили власть въ городѣ. Переворотъ сопровождался неслыханными звѣрствами. Въ городѣ вырѣзанъ былъ цѣлый мусульманскій кварталъ; число жертвъ не было зарегистрировано, но по офиціальнымъ свѣдѣніямъ азербейджанскаго правительства, вѣроятно нѣсколько преувеличеннымъ, армяне вырѣзали въ Баку и Шемахѣ 10 тыс. татаръ. У власти сталъ совѣтъ, преимущественно изъ дашнакцановъ, во главѣ съ Шаумяномъ. Небольшія части армянъ и русскихъ фронтовиковъ прикрыли городъ со стороны Елизаветполя.

Между тѣмъ, во второй половинѣ іюня въ Баку прибылъ партизанскій отрядъ полковника Лазаря Бичерахова силою въ 1½—2 тысячи человѣкъ. Отрядъ этотъ состоялъ на службѣ англичанъ, былъ хорошо вооруженъ и отлично оплачивался ими*. Бакинскому совѣту Бичераховъ заявилъ, что онъ — внѣ политики, ни къ какой партіи не принадлежитъ, признаетъ совѣтскую власть и будетъ поддерживать порядокъ. Части его выступили на Кюрдамирское направленіе.

Но въ послѣднихъ числахъ іюня Бичераховъ снялся съ фронта и отошелъ въ сѣверномъ направленіи. Въ Баку, подъ вліяніемъ военныхъ неудачъ, произошелъ внутренній переворотъ, при участіи Бичерахова, причемъ большевицкій совѣтъ былъ смѣненъ полубольшевицкимъ «центрофлотомъ». Черезъ нѣсколько дней въ Баку прибылъ и англійскій генералъ Данстервиль съ небольшимъ отрядомъ и военными инструкторами.

Правленіе центрофлота продолжалось немногимъ болѣе мѣсяца: 2-го сентября I-й турецкій корпусъ съ Мурсалъ-пашой во главѣ опрокинулъ слабыя части бакинцевъ и, вопреки требованію нѣмцевъ, занялъ Баку. Въ городѣ повторились трагическія сцены конца марта, но въ обратномъ отраженіи: въ теченіе трехъ дней татары производили страшную рѣзню армянъ, причемъ правительство Арменіи опредѣляло число погибшихъ соотечественниковъ въ 25—30 тысячъ человѣкъ.

Данстервиль поспѣшно, раньше другихъ, уѣхалъ въ Энзели. Бичераховъ со своими партизанами и съ армянскими отрядами двинулся на сѣверъ, захвативъ свыше 100 милліоновъ рублей Бакинской казны; при помощи канонерокъ овладѣлъ Дербентомъ и Петровскомъ; основалъ въ послѣднемъ эфемерное «Кавказско-Каспійское» правительство, преимущественно изъ с.-р., и объявилъ себя «главнокомандующимъ войсками и флотомъ на Кавказѣ»**. Отрядъ его, сильно растаявшій, съ тѣхъ поръ держалъ фронтъ на югъ — противъ турко-татаръ и на сѣверъ — противъ большевиковъ. Отношенія у Бичерахова съ англичанами совершенно испортились, въ дальнѣйшемъ снабженіи его они отказали, и Бичераховъ вновь заявилъ, что борется только противъ турокъ, въ гражданской войнѣ участія не принимаетъ и «готовъ блокироваться съ большевиками»***...

---

* Послѣ развала россійскаго Кавказскаго фронта Бичераховъ, бывшій въ корпусѣ ген. Баратова, организовалъ изъ охотниковъ партизанскій отрядъ и принялъ съ нимъ участіе въ составѣ англійской арміи въ бояхъ въ Мессопотаміи и сѣверной Персіи. Затѣмъ былъ направленъ англичанами въ Баку.

** Позднѣе титулъ командующаго войсками былъ утвержденъ за нимъ «Верховнымъ главнокомандующимъ» Уфимскаго правительства ген. Болдыревымъ.

*** Изъ доклада ген. Гришина-Алмазова, посѣтившаго въ Петровскѣ Бичерахова.

Между тѣмъ Азербейджанское правительство вступило въ Баку, и ханъ Хойскій отъ «имени націи» выражалъ торжественно благодарность турецкому командованію. «Событіе это — говорилъ правительственный офиціозъ* — открываетъ самыя широкія перспективы... для всего мусульманскаго міра. Въ этой борьбѣ на вѣсы было брошено самое дорогое — честь и слава тюркскаго племени».

«Народъ ликовалъ».

Черезъ два мѣсяца быстро мѣняющаяся кинематографическая лента Закавказья покажетъ намъ другую картину: «ликующій народъ» будетъ встрѣчать англійскую флотилію и войска генерала Томсона...

* * *

Въ то время, какъ закавказскіе народы въ огнѣ и крови разрѣшали вопросы своего бытія, въ сторонѣ отъ борьбы, но жестоко страдая отъ ея послѣдствій, стояло полумилліонное русское населеніе края, а также тѣ, кто, не принадлежа къ русской національности, признавали себя все-же россійскими подданными.

Попавъ въ положеніе «иностранцевъ», лишенные участія въ государственной жизни**, преслѣдуемые подчасъ подозрительностью молодыхъ, не воспринявшихъ еще ни традицій, ни достоинства — правительствъ, подъ угрозой суровыхъ законовъ о выселеніи, лишеніи имущественныхъ правъ, о «подданствѣ» и наборѣ, допускавшемъ возможность братоубійства, русскіе люди теряли окончательно почву подъ ногами и запутывались въ противорѣчіяхъ, выдвигаемыхъ бурно кипящей жизнью Закавказья.

Я не говорю уже о моральномъ самочувствіи людей, которымъ закавказская пресса и стенограммы національныхъ совѣтовъ*** подносили ежедневно беззастѣнчивую хулу на Россію и повѣствованіе о «рабствѣ, насиліяхъ... притѣсненіяхъ... о морѣ крови, пролитомъ свергнутой властью»... Ихъ крови, которая вѣдь перестала напрасно литься только со времени водворенія на Кавказѣ «русскаго владычества».

Отношеніе къ русскимъ проявлялось не вездѣ въ одинаковой формѣ. Въ раіонахъ турецкой оккупаціи (Батумъ, Карсъ, Ардаганъ) русскаго населенія осталось мало: изъ страха передъ турецкимъ нашествіемъ крестьяне бросали свои насиженныя мѣста и хозяйства, рабочіе и городское мѣщанство — свои пожитки и заработокъ, и вся эта волна бѣженства текла на сѣверъ. Брошенное добро ихъ частью расхищалось мусульманскимъ населеніемъ, частью реквизировалось турками. Остались на мѣстахъ главнымъ образомъ буржуазія и служилый элементъ. Къ нимъ турецкія власти отнеслись внѣшне — предупредительно, по существу — безучастно, но терпимо.

Нѣмцы проявили къ русскому населенію подозрительное и сдержанное отношеніе, не оказывая прямого вмѣшательства въ судьбы его и лишь воздѣйствуя въ смыслѣ укрѣпленія центробѣжныхъ стремленій на мѣстныя правительства. Это воздѣйствіе проявлялось скрытно, осторожно, не возбуждая рѣзко русской общественности. Характерно, что въ массѣ горькихъ жалобъ и обличеній, стекавшихся осенью 1918 года къ командованію Добровольческой арміи, меньше всего было относившихся къ германской оккупаціонной власти...

Въ Арменіи къ русскимъ относились болѣе доброжелательно, чѣмъ въ другихъ новообразованіяхъ. Бѣдный своей интеллигенціей и техническими силами край пользовался охотно русскими работниками и въ частности привлекалъ русское офицерство въ ряды своихъ войскъ. Правительство, выдерживая официально тонъ сепаратной фразеологіи, вмѣстѣ съ тѣмъ устами одного изъ своихъ министровъ конфиденціально передавало: «политика Арменіи благопріятна Россіи, включительно до положительнаго разрѣшенія вопроса о возсоединеніи съ Россіей; если бы въ силу внѣшнихъ обстоятельствъ

---

* «Азербейджанъ».

** Въ Азербейджанѣ впослѣдствіи, подъ давленіемъ англійскихъ оккупаціонныхъ властей, русскіе представители въ ограниченномъ числѣ входили въ составъ правительства и парламента.

*** Въ Арменіи — только какъ рѣдкое исключеніе.

правительство Арменіи и оказалось вынужденнымъ дѣлать офиціальныя заявленія другого характера, министръ предлагаетъ разсматривать эти заявленія какъ вынужденныя*». Жалобы на притѣсненія армянъ стали поступать лишь позднѣе, когда вернувшіеся въ раіоны бывшей турецкой оккупаціи съ сѣвера русскіе бѣженцы нашли свои пожитки и земли въ армянскихъ рукахъ.

Въ Азербейджанѣ, не взирая на яркое туркофильство правительства, русскій элементъ не подвергался гоненію. Правительство края такъ же, какъ и Арменія, бѣднаго культурными силами, не оказывая никакой помощи впадшимъ въ крайнюю нужду русскимъ людямъ, занесеннымъ обстоятельствами въ предѣлы края, не лишало, однако, должностей и работы тѣхъ, кто желалъ найти здѣсь примѣненіе своимъ силамъ. «Только вдали отъ центра, особенно въ Шушинскомъ уѣздѣ и на Мугани, пронеслась кровавая волна, поднятая мусульманскимъ фанатизмомъ и, главнымъ образомъ, наступившимъ безвластіемъ. Оттуда раздавались стоны и вопли о помощи, оттуда бѣжали толпы несчастныхъ русскихъ людей на сѣверъ. Правительство хана Хойскаго, казалось, не проявляло интереса къ этимъ событіямъ, а, можетъ быть, безсильно было устранить ихъ.

Совершенно иначе обстояло дѣло въ Грузіи.

Правительство бывшихъ россійскихъ соціалъ-демократовъ, внесшихъ во внѣшнюю политику и тактику россійскаго совѣта солдатскихъ и рабочихъ депутатовъ столь яркія идеи интернаціонализма, теперь задалось цѣлью вытравить всякіе признаки русской гражданственности и культуры въ краѣ — прочно, «навсегда» — прежде всего путемъ устраненія изъ Грузіи русскаго элемента. Цѣлый рядъ законодательныхъ актовъ и административныхъ распоряженій прямо или косвенно преслѣдовалъ эту идею: принудительное подданство, правовыя ограниченія, аресты, выселенія, наборъ, наконецъ, «націонализація» — языка, школы, учрежденій. Десятки тысячъ русскихъ служилыхъ людей и просто трудовой демократіи, работавшихъ въ государственныхъ и общественныхъ учрежденіяхъ, на желѣзной дорогѣ, почтѣ, телеграфѣ и т. д., были замѣнены грузинами и буквально выброшены на улицу. Стекавшіеся со всего Закавказья въ Тифлисъ, какъ военно-административный центръ края и фронта, служилые люди попадали въ отчаянное, безвыходное положеніе, въ особенности семейные.

Грузинское правительство, захвативъ въ свое распоряженіе почти все милліардное имущество Кавказскаго фронта, большіе кредиты и денежную наличность центральныхъ краевыхъ учрежденій, расформировываемыхъ войскъ и военныхъ управленій, не сочло себя обязаннымъ произвести справедливую безболѣзненную ликвидацію русскаго наслѣдія. Вопросъ, о которомъ подумалъ — пусть даже въ цѣляхъ агитаціи — Совѣтъ комиссаровъ, препроводившій въ 1918 году въ Тифлисъ 30 милліоновъ рублей «на ликвидацію личнаго состава государственно-служащихъ».

Ликвидація денежной и матеріальной части шла безпорядочно, часто хищнически. Въ отношеніи личнаго состава служащихъ правительство ограничилось лишь назначеніемъ ничтожнаго ликвидаціоннаго пособія отъ 250 до 1000 рублей, выдача котораго однако всемѣрно задерживалась и въ концѣ концовъ свелась, словно въ насмѣшку, къ замѣнѣ денегъ кредиторскими свидѣтельствами на полученіе извѣстной суммы изъ «кредита Россійскаго государства»... Совѣтскаго?

Новый потокъ обездоленныхъ, голодныхъ, нищихъ людей двинулся къ портамъ Чернаго моря и по военно-грузинской дорогѣ, унося съ собою горячую ненависть къ Грузіи и грузинамъ. Въ сознаніи этихъ людей оскорбленіе и униженіе русской государственной идеи несомнѣнно сливалось и переплеталось съ личнымъ горемъ и обидами. Ихъ возмущеніе было искренне, ихъ психологія несложна и понятна; она передавалась всецѣло русскому обществу по ту сторону кавказскаго хребта.

Имѣло ли отношеніе, проявленное грузинскимъ правительствомъ къ Россіи, основаніе въ народныхъ настроеніяхъ?

Я не буду останавливаться на обильномъ матеріалѣ, поступавшемъ по этому вопросу къ Добровольческому командованію изъ русскихъ источниковъ, быть можетъ,

---

* Управляющій мин. иностр. дѣлъ Меликъ-Каракозовъ. Докладъ представителя закавказскаго отд. к.-д. Теръ-Карапетова.

нѣсколько пристрастныхъ; приведу мнѣніе туземца, не связаннаго съ правительствомъ, но не оторвавшагося отъ народа:

«Вопросъ этотъ слишкомъ касается всѣхъ русскихъ и потому изложить его безпристрастно очень трудно... Въ созданіи ненависти грузинъ къ русскимъ играло роль желаніе народа зажить спокойно и устраниться отъ русской анархіи... Быть можетъ, и то, что нѣкоторые круги грузинскаго общества съ цѣлью разогрѣвали страсти населенія противъ русскихъ, указывая, что Россія — поработительница, Россія — угнетательница грузинской культуры и самобытности»... Что психологія «юноши, только что вышедшаго изъ дѣтскаго возраста», свойственна и народу, «который, начиная жить самостоятельно, ревниво оберегаетъ собственное достоинство и боится, чтобы кто либо, какъ либо не обидѣлъ его страну»... Докладчикъ увѣрялъ, что «массового преслѣдованія русскихъ не было» и что «тотъ узкій шовинизмъ, который былъ у большинства грузинскаго народа вначалѣ, постепенно началъ слабѣть, и населеніе (стало) лучше относиться къ русскимъ, жалѣя, что связь съ Россіей какъ бы временно порвалась»...

Интересы русскаго населенія въ Закавказьѣ защищали возникшія повсемѣстно національныя организаціи*. Избраніе ихъ было далеко не правомѣрно. Взаимная связь относительная — по крайней мѣрѣ центральный органъ («Русскій національный совѣтъ» въ Тифлисѣ) не пользовался никакимъ авторитетомъ среди прочихъ. Силы распылялись: въ Тифлисѣ, напримѣръ, одновременно существовали враждебные другъ другу «Русскій національный совѣтъ», «Славяно-русское общество на Кавказѣ», «Закавказская Русь»; «Славяно-русское общество» соперничало въ Баку съ мѣстнымъ «національнымъ совѣтомъ». Политическая окраска организацій была весьма разнообразна — отъ соціалистической («Русскій національный совѣтъ» въ Тифлисѣ**) до крайней правой («Закавказская Русь»). Также различно было отношеніе ихъ къ основному вопросу русской государственности: Тифлисскій совѣтъ, напримѣръ, содѣйствовалъ широко эвакуаціи русскаго элемента изъ Закавказья, въ то время какъ другія организаціи удерживали его всемѣрно на мѣстахъ, считая государственно вреднымъ такой полный разрывъ, хотя бы и временный, съ Закавказьемъ. Тифлисскій совѣтъ стоялъ на почвѣ соглашательства съ большевиками, имѣлъ сношенія съ совѣтской властью черезъ Владикавказъ и даже до сентября признавался Грузіей какъ «представитель Россійскаго совѣтскаго правительства»; «Славяно-русское общество» относилось примирительно къ временной самостоятельности новообразованій и послало вслѣдствіи своихъ членовъ въ составъ Азербейджанскаго министерства; другія организаціи считали такое направленіе измѣной русскимъ интересамъ.

Словомъ, въ русской общественности по обыкновенію произошелъ расколъ, раздѣлившій силы и средства и ослабившій политическое и моральное вліяніе ея. Тѣмъ не менѣе, было бы несправедливымъ отрицать большую и полезную работу этихъ организацій, направленную къ охранѣ личныхъ и имущественныхъ правъ «россійскихъ подданныхъ», устроенію ихъ быта, удовлетворенію культурно-просвѣтительныхъ потребностей, наконецъ, къ общественной благотворительности. Среди тяжелой, подчасъ унизительной обстановки, обладая скудными матеріальными средствами, онѣ поддерживали и русскихъ людей, и русскую идею.

Весьма сложный самъ по себѣ вопросъ бытія народовъ закавказской мозаики получилъ уродливое направленіе благодаря воздѣйствію трехъ крупныхъ факторовъ — русскаго большевизма, турецкаго панисламизма и германскаго имперіализма. Воздѣйствію временному и преходящему. Было бы поэтому слишкомъ рискованнымъ на основаніи событій и фактовъ этого періода, равно какъ и послѣдующаго***, дѣлать окончательное заключеніе объ истинномъ отношеніи племенъ Закавказья къ русской государственности и русской культурѣ.

---

* Сочи, Гагры, Сухумъ, Поти, Батумъ, Тифлисъ, Эривань, Баку и Карсъ.
** Предсѣдатель Ф. Лебедевъ, большинство членовъ — с.-р.
*** Вліяніе «Вооруженныхъ силъ Юга Россіи», Совѣтской Россіи и Англіи.

Эти неизмѣримыя цѣнности поставлены были судьбою передъ страшно тяжелымъ испытаніемъ. Оно приняло масштабъ всероссійскій, косвенно — всемірный, въ которомъ судьбы Закавказья — только деталь. Больное время родитъ больныхъ людей и больныя идеи. До сихъ поръ длится еще состояніе распада, въ которомъ не могли намѣтиться будущія формы государственной связи закавказской окраины съ Россіей.

Вѣрую, что связь эта выдержитъ испытаніе и не порвется.

ГЛАВА VIII.

Донъ: Внутреннее строительство и вооруженная борьба съ большевиками.

«Кругъ спасенія Дона» открылся въ Новочеркасскѣ 28 апрѣля 18 г.*

Къ этому времени только небольшая часть Донской области была освобождена отъ большевиковъ**. Составленный изъ представителей станицъ и казачьихъ ополченій, главнымъ образомъ ближайшихъ къ Новочеркасску, Кругъ не могъ претендовать на большую авторитетность. Тѣмъ болѣе, что составъ его былъ случайный и совершенно неинтеллигентный. Не разбираясь въ тѣхъ серьезныхъ вопросахъ, которые предлагались на его усмотрѣніе, находясь все время подъ впечатлѣніемъ страха за участь своихъ станицъ, угрожаемыхъ со всѣхъ сторонъ красногвардейцами, работая подъ гулъ орудійныхъ выстрѣловъ, доносившійся до Новочеркасска, Кругъ думалъ только объ одномъ — спасеніи отъ большевиковъ. И покорно утверждалъ положенія, вносившіяся предсѣдателемъ Круга есауломъ Яновымъ, командующимъ войсками полковникомъ Денисовымъ и генераломъ Красновымъ.

Тѣмъ не менѣе, то единодушіе, которое проявлено было членами Круга въ годину бѣдствія, имѣло объективно важное и положительное значеніе: Кругъ создалъ сильную власть, давъ ей нравственную опору и до нѣкоторой степени легальный титулъ.

Въ засѣданіи своемъ 3 мая «Кругъ спасенія Дона» призналъ за собою учредительныя функціи («всю полноту верховной власти») и въ тотъ же день избралъ атаманомъ*** генералъ-лейтенанта Краснова, до тѣхъ поръ недовѣрчиво относившагося къ казачьему движенію и упорно отказывавшагося принять участіе въ борьбѣ на Дону.

Кругъ постановилъ[1]:

1. «Власть управленія войскомъ во всемъ ея объемѣ принадлежитъ Войсковому Атаману въ предѣлахъ всего Всевеликаго[2] войска Донского».

2. «Впредь до изданія и обнародованія новыхъ законовъ Всевеликое войско Донское управляется на твердыхъ основаніяхъ Свода законовъ Россійской имперіи... Всѣ декреты и иные законы, разновременно издававшіеся какъ Временнымъ правительствомъ, такъ и совѣтомъ народныхъ комиссаровъ, отмѣняются».

3. «Условія пріобрѣтенія гражданства Всевеликаго войска Донского, равно какъ и правъ казачества, а также утрата ихъ опредѣляются закономъ»[3].

Установивъ вмѣстѣ съ тѣмъ, что положеніе это временное, «впредь до созыва Большого войскового круга, каковой долженъ быть созванъ... не позже двухъ мѣсяцевъ по

---

* См. Т. II гл. XXXI.

** Сѣв. часть Черкасскаго и Ростовскаго округовъ, Южная часть Донецкаго и почти весь Верхне-Донской.

*** 107 голосовъ противъ 13 при 10 воздержавшихся.

[1] Изъ «основныхъ законовъ», предложенныхъ Кругу ген. Красновымъ какъ обязательное условіе принятія имъ атаманства.

[2] Историческое происхожденіе этого титула, возстановленнаго ген. Красновымъ, опорочивалось знатоками донской старины, указывавшими, что въ до-петровскихъ грамотахъ это наименованіе писалось «Всё великое войско Донское».

[3] Донъ не пошелъ на «принудительное подданство», къ чему стремились Украйна и Грузія.

окончаніи... сессіи Круга спасенія Дона», Кругъ, въ семь дней закончивъ разсмотрѣніе временной донской конституціи, 5 мая разъѣхался.

Въ управленіе областью вступилъ атаманъ Красновъ, единолично и безраздѣльно осуществлявшій власть до середины августа, т. е. до созыва Большого круга. Правилъ властно, съ большой энергіей и не разбирая средствъ, проявляя недюжинныя административныя способности и твердость воли. Назначенное имъ правительство («совѣтъ управляющихъ») состояло изъ лицъ случайныхъ, не связанныхъ общей политической программой — по убѣжденіямъ правыхъ, по интеллектуальнымъ даннымъ въ большей части не возвышавшихся надъ уровнемъ губернскаго чиновничества. Во всякомъ случаѣ, правительство это заслоняла собою всецѣло фигура самого атамана.

Мѣстные кадеты и болѣе лѣвыя группы въ правительство не вошли. Глава донскихъ кадетъ Н. Парамоновъ, поддержанный Милюковымъ, жившимъ тогда въ Ростовѣ, получивъ соотвѣтственное предложеніе, потребовалъ въ качествѣ необходимаго условія вхожденія личнаго и своихъ единомышленниковъ въ правительство — устраненія нѣсколькихъ наиболѣе одіозныхъ его членовъ. На этой почвѣ произошелъ разрывъ, и Парамоновъ 20 іюня въ рѣзкой формѣ заявилъ окончательно атаману, что ни онъ, ни его друзья по партіи съ нимъ работать не будутъ.

Донской власти предстояло приступить къ государственной работѣ въ условіяхъ необыкновенно тяжелыхъ.

* * *

Главнымъ факторомъ, опредѣлившимъ направленіе и развитіе донскихъ событій, была нѣмецкая оріентація.

25 апрѣля войска ген. фонъ Кнерцера вошли въ Ростовъ; въ началѣ мая послѣ двукратнаго наступленія и серьезнаго боя съ большевиками они овладѣли Батайскомъ; затѣмъ силами въ 3 пѣхотныхъ дивизіи и 2 кавал. бригады нѣмцы заняли западную и сѣверную части Донецкаго бассейна, въ томъ числѣ болѣе четверти Донской области, по внѣшней линіи Маріуполь—Бахмутъ—Миллерово (авангардъ у Кантемировки) — Бѣлая Калитва. Нѣмецкіе гарнизоны стояли въ Таганрогѣ, Ростовѣ, Каменской, временно въ Лихой, Звѣрево и др. пунктахъ.

Первоначальная цѣль нѣмецкой оккупаціи въ предѣлахъ Дона была чисто экономическая: «главнокомандующій Восточнымъ фронтомъ утверждалъ, что безъ донецкаго угля станутъ украинскія желѣзныя дороги. И ставка волей-неволей согласилась на оккупацію этой части Украйны и на выдвиженіе къ Ростову»*... Позднѣе, однако, помимо новыхъ экономическихъ перспективъ, открывшихся въ просторахъ Дона и Кубани, передъ нѣмецкимъ командованіемъ всталъ тревожный вопросъ о создаваемомъ союзниками на Волгѣ «Восточномъ фронтѣ». Задача фонъ Кнерцера расширилась поэтому необходимостью созданія политически и стратегически выгодныхъ условій для противодѣйствія новому фронту.

Нѣмецкія дивизіи, занимая линію болѣе 500 верстъ, надежно прикрывали войско Донское съ сѣвера и запада — не своей численностью, конечно, а сохранившимся еще обаяніемъ силы и договорными отношеніями съ совѣтами. Прикрывали до тѣхъ поръ, пока это входило въ расчеты нѣмецкой политики и допускалось міровымъ положеніемъ Германіи.

Сообразно съ фактической силой, которою располагали нѣмцы на Дону, и безъ сомнѣнія большимъ отпоромъ, встрѣченнымъ со стороны донского правительства, нѣмецкая оккупація проявлялась здѣсь въ формахъ значительно болѣе умѣренныхъ, нежели на Украйнѣ. Тѣмъ не менѣе германское командованіе — въ частности представитель главной квартиры маіоръ Кофенгаузенъ оказывалъ сильное давленіе на внѣшнія сношенія Дона, на избраніе атамана (сентябрь) и составъ правительства. Нѣмцы выкачивали усиленно донское сырье и хлѣбъ, злоупотребляли реквизиціями, наводнили край своей контръ-развѣдкой и преслѣдовали неугодную имъ печать. На остальныхъ сторонахъ жизни казачества вліяніе ихъ не отражалось почти вовсе и, во всякомъ случаѣ, не препятствовало борьбѣ Дона съ союзниками нѣмцевъ — большевиками.

* Людендорфъ.

Такія отношенія вполнѣ удовлетворяли атамана, который и нынѣ еще внушаетъ мысль о высокой доброжелательности нѣмцевъ къ Дону въ дни оккупаціи и о своемъ личномъ исключительномъ вліяніи на взаимоотношенія Дона съ нѣмецкимъ командованіемъ. Взглядъ, страдающій большимъ преувеличеніемъ. Быть можетъ, нѣмецкіе генералы, осѣвшіе на Дону, проявляли большую дальновидность и солдатскую честность... но и они, и атаманъ были лишь незначительными колесиками въ механизмѣ бездушной и безпринципной германской политики — безсильные измѣнить что либо въ общемъ ея направленіи.

Мы видѣли и чувствовали это.

Передо мною свидѣтельство, не преломленное сквозь призму времени, — непосредственныя переживанія ген. Богаевскаго.

Уже самый подходъ къ работѣ съ нѣмцами таилъ въ себѣ большія трудности моральнаго характера.

«Я завидую Вамъ, имѣющему возможность не входить съ ними ни въ какія отношенія — писалъ мнѣ Богаевскій* 10 мая 18 г. — Для насъ это невозможно. И вотъ теперь — съ рискомъ проклятія и клички измѣнника — мы вынуждены имѣть съ ними дѣло, чтобы не погубить сразу слабые зачатки порядка на Дону»...

Потомъ, къ осени, по мѣрѣ установленія реальныхъ взаимоотношеній, опредѣлилась и неприкрашенная сущность ихъ:

«Эфемерныя республики (вырастаютъ) какъ грибы послѣ дождя, на развалинахъ родины подъ «высокимъ покровительствомъ» чужеземцевъ, дающихъ подачки одной рукой, а другой готовыхъ каждую минуту всадить ножъ въ спину въ видѣ большевиковъ... И жестокая судьба заставляетъ вести политику при такихъ условіяхъ, когда душа и сердце дрожатъ отъ униженія и обиды»**...

* * *

Первой заботой новой донской власти было созданіе арміи.

Освобожденіе Дона являлось въ началѣ результатомъ войны народной — партизанской, неорганизованной. Возставали противъ большевиковъ отдѣльныя станицы, подъ командой случайныхъ начальниковъ; соединялись иногда въ болѣе крупные отряды; выходили поголовно, когда станицѣ угрожала непосредственная опасность, и расходились, когда она отдалялась; нѣкоторыя станицы и вовсе не принимали участія въ борьбѣ. Къ началу мая въ распоряженіи атамана на маленькой еще освобожденной территоріи было 14 самостоятельныхъ отрядовъ общей численностью въ 17 тысячъ бойцовъ, 21 орудіе и 58 пулеметовъ.

Путемъ цѣлаго ряда мѣръ, энергично проведенныхъ, атаману удалось внести начала организаціи и нѣкотораго порядка въ эти нестройныя ополченія. Была объявлена обязательная мобилизація въ дѣйствующую армію 10 возрастныхъ классовъ и въ такъ называемую постоянную армію, формировавшуюся въ раіонѣ Новочеркасска — двухъ младшихъ возрастовъ; мелкіе отряды сводились въ полки и высшія соединенія, подчиненныя командующему арміей — должность, которая совмѣщалась въ лицѣ ген. Денисова съ управленіемъ военно-морскимъ отдѣломъ (министерствомъ); приняты были радикальныя мѣры по привлеченію въ армію донскихъ офицеровъ, изъ которыхъ многіе, «за дни господства большевиковъ настолько глубоко пережили стадіи своего моральнаго униженія, что извѣрились въ искренность казаковъ и, не вѣря въ успѣхъ дѣла, постарались остаться въ сторонѣ»***; для подготовки и усовершенствованія офицеровъ возстановлено Новочеркасское военное училище, организована офицерская школа, созданы уставы; въ «постоянной арміи» кромѣ обученія введено и воинское воспитаніе, и т. д., и т. д.

---

* Министръ иностр. дѣлъ («управл. отдѣломъ») въ правительствѣ Краснова.

** Изъ письма ген. Богаевскаго въ Кіевъ.

*** Изъ отчета начальника военнаго и морского управленія къ 1 авг. 1918 г.

Особенно тяжело стоялъ вопросъ снабженія Донской арміи, ввиду разоренности края и разобщенности съ сосѣдними раіонами. Попрежнему главными источниками снабженія служила военная добыча и не оскудѣвшіе личные запасы домовитыхъ зажиточныхъ казаковъ. Въ отношеніи боевыхъ припасовъ, которыхъ ненасытное чрево войны пожирало въ огромномъ количествѣ, явился еще другой источникъ — мѣна съ германцами, овладѣвшими богатыми русскими военными запасами на Украйнѣ и теперь продававшими ихъ за шерсть, хлѣбъ и скотъ Дона и Ставропольской губерніи. Къ 1-му августа склады Новочеркасска числили въ приходѣ слѣдующую матеріальную часть*:

Приходъ	Орудій	Пулеметовъ	Ружей	Снаряд. въ тысячахъ	Патрон.
Захвачено казаками къ началу мая	16	79	14	7,6	4322
Получено отъ нѣмецкихъ властей и Украйны..	25	79	11,7	119	13917

Въ результатѣ къ августу, ко времени созыва Большого круга, въ дѣйствующей арміи, раздѣленной на 6 группъ, числилось 39 тыс. бойцовъ, 93 орудія, 280 пулеметовъ. Въ «постоянной арміи», не двинутой еще на фронтъ, 14 тыс. бойцовъ, составлявшихъ гордость и надежду Дона. Наконецъ, имѣлась и небольшая военная флотилія изъ десяти рѣчныхъ судовъ.

Какова же была боевая и моральная цѣнность Донской арміи?

Одинъ изъ москвичей дѣлился впечатлѣніями, вынесенными имъ съ Донского круга: «ораторы льстили имъ (депутатамъ круга), превознося безъ мѣры «Всевеликое войско Донское» — казаки падки на шумиху и самопревозношеніе»... Донской демагогъ, соціалистъ, нынѣ большевикъ П. Агѣевъ, говорилъ даже о необходимости «духовнаго оказаченія русскаго народа»...

Эта маленькая казачья слабость, не чуждая, впрочемъ, до нѣкоторой степени и неказачьей военной средѣ, зачастую заслоняла истинную сущность событій и приводила людей непосвященныхъ въ недоумѣніе при тѣхъ разительныхъ колебаніяхъ — отъ молніеносныхъ успѣховъ до глубокаго паденія — которыя испытывалъ донской фронтъ.

Все бывало.

Привязанность къ «роднымъ станицамъ» и воспріятіе Родины въ предѣлахъ... станичнаго юрта, дальше котораго не простиралось желаніе бороться; иногда — болѣе или менѣе ясное сознаніе интересовъ Донской области и казачества; наконецъ, весьма смутное представленіе о Родинѣ въ широкихъ, всероссійскихъ рамкахъ. Отчасти въ силу общаго недуга русскаго народа, отчасти потому, что казачьи верхи опасались внушать чувство «русскаго патріотизма» не склонной къ нему массѣ.

Была глубокая ненависть къ большевикамъ и братаніе. Истинное стремленіе къ подвигу и корысть. Высокій подъемъ и «утомленіе». Беззавѣтное мужество и «утечка». Преданность начальникамъ и дисциплина — не та, конечно, что проводилась новочеркасскими уставами, а значительно модернизованная гражданской войной и революціей, но все же дисциплина — и митингованіе полками и станицами, грабежъ и неповиновеніе.

Генералы Красновъ, Денисовъ и другіе начальники употребляли чрезвычайныя усилія, чтобы вовлечь казаковъ въ борьбу и боролись съ неустойчивымъ настроеніемъ арміи. Иной разъ, однако, способами весьма рискованными. Къ числу ихъ нужно отнести два — чисто моральнаго свойства, имѣвшіе особенно печальные результаты: поддержаніе казачьяго шовинизма и иллюзіи. «До Россіи намъ дѣла нѣтъ» — эта мысль звучала нерѣдко на фронтѣ и на кругу, не встрѣчая яркаго, страстнаго отпора сверху. Фронтъ питался все время искусственными иллюзіями — сначала о всемогущей защитѣ императора Вильгельма, потомъ о смѣнѣ экзотическими «русскими» арміями**, наконецъ, о приходѣ союзныхъ дивизій. Жить долго въ состояніи экзальтированной мечты

* Idem.

** Южная, Астраханская, Саратовскій корпусъ...

нельзя. Казаки будутъ ждать осуществленія ея сначала спокойно, потомъ съ буйнымъ нетерпѣніемъ, пока, наконецъ, не рѣшатъ:

— Обманъ!

И тогда бросятъ фронтъ.

Всѣ сильныя, величественныя стороны кровавой борьбы Дона и всѣ слабыя, тѣневыя — имѣли источникомъ своимъ одно положеніе: Донской арміи по существу не было; былъ вооруженный народъ. Точнѣе, вооруженный классъ, такъ какъ казачество составляло лишь около половины населенія области.

Эта истина сознавалась и вождями донского казачества, но выскказывалась громко только въ трагическія минуты его существованія. Такъ 1-го февраля 1919 года, когда фронтъ быстро катился назадъ, угрожая паденіемъ Дона, ген. Красновъ взволнованно говорилъ Большому кругу:

— Вѣдь у насъ нѣтъ полковъ стараго времени: у насъ вооруженный народъ, толпа. Она поддается настроенію, идетъ впередъ... И когда повернула назадъ, то ее трудно остановить... Но у меня нѣтъ осужденія казакамъ — я знаю, что мы дошли до послѣдняго.

Это была правда: донское казачество напрягало большія усилія, разорялось и безкровѣло въ борьбѣ, которой не видно было конца.

* * *

Къ лѣту 18 года стратегическая обстановка Донской арміи слагалась весьма благопріятно. Западные рубежи области прикрывали нѣмецкія войска, а съ Юга — Добровольческая армія; въ самой донской арміи царилъ большой подъемъ. Наступленіе въ сѣверо-восточномъ направленіи противъ Южнаго фронта большевиковъ* шло поэтому съ большимъ успѣхомъ.

Къ началу мая большевицкія силы, занимавшія Донскую область, располагались въ четырехъ крупныхъ группахъ:

1. Въ центрѣ ж. д. линіи Поворино – Царицынъ	7 тыс.	18 ор.
2. Вдоль ж. д. Лихая (отъ Бѣлой Калитвы) – Царицынъ.....	18 тыс.	60 ор.
3. Вдоль ж. д. Торговая – Царицынъ.....	15 тыс.	32 ор,
4. Азовская группа – противъ нѣмцевъ, донцовъ и Добровольческой арміи	30 тыс.	90 ор.
	70 тыс.	200 ор.

Началось послѣдовательное очищеніе области отъ большевиковъ.

Въ маѣ мѣсяцѣ соединенными усиліями отрядовъ генераловъ Фицхелаурова (8—10 тыс. при 11—81 ор.**) и Мамонтова (8—12 тыс. при 7—32 ор.**), общей численностью около 17 тыс. и 18 ор., послѣ многодневныхъ боевъ вторая группа красной гвардіи, сдавленная съ сѣвера и юга, была разбита и отброшена за рѣку Лиску. Въ то же время возставшіе казаки сѣверныхъ округовъ прогнали отъ себя большевиковъ, освободивъ весь раіонъ до ж. д. Поворино — Царицынъ. Такимъ образомъ возстановлена была сплошная территорія и связь сѣвера съ центромъ.

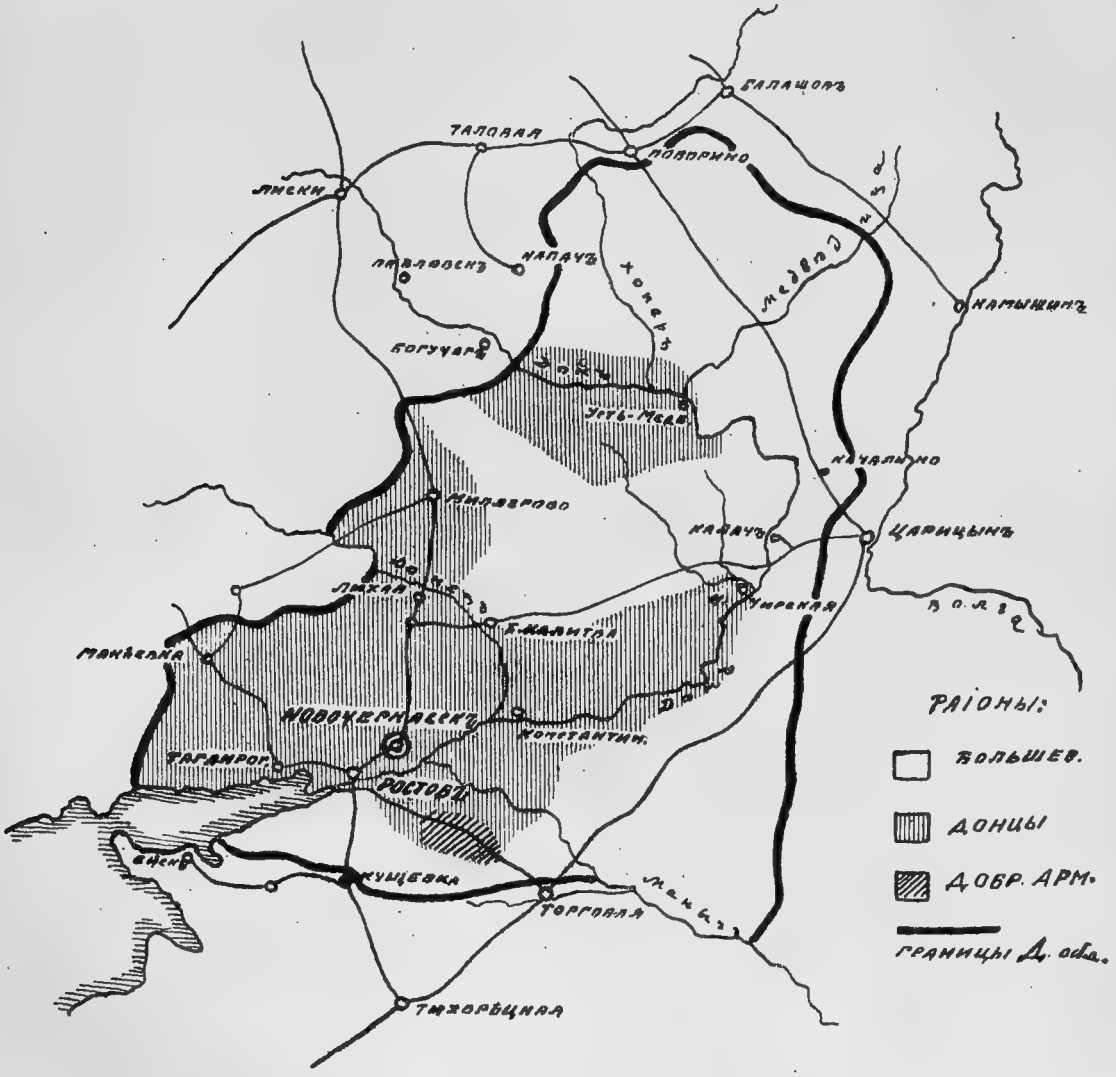
Въ іюнѣ Добровольческая армія взяла Торговую и Великокняжескую и передала освобожденный раіонъ по р. Манычу донцамъ, продвинувшимся до станціи Зимовники. Въ началѣ мѣсяца соединенными усиліями отряда полк. Дубовскаго, рѣчной флотиліи и ополченій прибрежныхъ станицъ былъ очищенъ отъ большевиковъ лѣвый берегъ средняго Дона и возстановлено судоходство и связь между отрядами отъ Аксая до Чира.

Въ іюлѣ Добровольческая армія, разбивъ южную группу большевиковъ и овладѣвъ Тихорѣцкой, вышла въ тылъ Азовской группѣ противника, заставивъ ее поспѣшно бѣжать къ Екатеринодару. Азовское побережье было очищено, весь югъ области освобожденъ и обезпеченъ, и Новочеркасскъ избавленъ отъ нервирующей угрозы близости

* Главнокомандующій южнымъ фронтомъ большевиковъ быв. ген. Павелъ Сытинъ.

** Отряды постепенно пополнялись и прибавлялась артиллерія, захватываемая въ бояхъ.

большевиковъ. А на сѣверѣ казаки Усть-Медвѣдицкаго округа, прельстившись обѣщаніями своего сородича б. войск. старшины Миронова, состоявшаго на службѣ у большевиковъ, послѣ бурныхъ митинговъ частью отошли за Донъ, частью передались на его сторону. Генералу Денисову пришлось напрячь чрезвычайныя усилія. Снявъ съ



Положеніе Дона къ 1-му мая 1918 г.

Чирскаго фронта болѣе прочныя войска ген. Фицхелаурова, онъ перебросилъ ихъ на сѣверъ. Пройдя съ лишнимъ 100 верстъ, въ пятидневномъ бою Фицхелауровъ разбиваетъ Миронова и отбрасываетъ большевиковъ за линію Грязе-Царицынской ж. дороги. Послѣ этого его отрядъ и хоперское ополченіе, двигавшееся сѣвернѣе, дошли до границъ Саратовской губерніи. Часть силъ Фицхелаурова продвинулась къ Царицыну до ст. Качалино, въ то время, какъ ген. Мамонтовъ послѣ кровопролитныхъ боевъ, преслѣдуя остатки 1-й и 3-й совѣтскихъ армій, находившіеся подъ начальствомъ унтеръ-офицера

Тулака (вторая группа), подошелъ почти вплотную къ Царицыну съ запада, вызвавъ въ городѣ неописуемую панику. Тулакъ, отличавшійся звѣрскимъ обращеніемъ съ подчиненными, былъ убитъ красноармейцами и похороненъ ими съ большими почестями.

Такимъ образомъ, къ началу августа вся Донская область, за исключеніемъ пяти восточныхъ станицъ, была освобождена отъ большевиковъ.

Собравшійся 15 августа Большой кругъ «прежде всего вспомнилъ «родныхъ защитниковъ» и выразилъ надежду на близость того дня, «когда сердца всѣхъ дѣтей Дона вознесутся въ горячей благодарной молитвѣ за полное избавленіе его земли отъ предателей, и тогда съ легкимъ свободнымъ вздохомъ они скажутъ вамъ — спасибо, родные страдальцы»...

А Россія?

О ней говорилось конкретно только въ посланіи... на Кубань, которая «совмѣстно съ Дономъ борется за возрожденіе нашей великой мученицы — родины». Надо же было сдвинуть кубанцевъ отъ «родныхъ хатъ» хотя бы къ сѣвернымъ рубежамъ Дона...

* * *

Такимъ же быстрымъ темпомъ шла работа атамана и правительства по возстановленію разрушенной большевиками донской жизни.

Со дня опубликованія «основныхъ законовъ» донского новообразованія, атаманъ вполнѣ отчетливо опредѣлилъ свою политическую программу: возвращеніе къ положенію, существовавшему до февральской революціи. Въ этомъ направленіи шла работа всѣхъ отдѣловъ въ области устроенія края, возстановленія учрежденій, соціальной и экономической политики. Не связанные, однако, единствомъ политическихъ взглядовъ, министры вносили нерѣдко ноту диссонанса въ общую монолитную картину реставраціи. Такъ, начальникъ отдѣла торг. и промышл. Лебедевъ признавалъ «право экономической борьбы рабочихъ съ капиталомъ», поощрялъ бытіе профессіональныхъ союзовъ и «здоровой рабочей печати», въ то время, какъ нач. отдѣла внутр. дѣлъ Корнѣевъ «душилъ» и рабочихъ, и союзы, и всякую печать. Отдѣлъ юстиціи возстанавливалъ либеральные законы Временнаго правительства объ «отмѣнѣ административныхъ гарантій», замѣнѣ «особыхъ присутствій съ участіемъ сословныхъ представителей» судами присяжныхъ и т. д. Отдѣлъ народнаго просвѣщенія «въ согласіи съ постановленіемъ Временнаго правительства» разрабатывалъ автономію высшей школы и пошелъ даже дальше, введя выборное начало для замѣщенія должностей по учебному вѣдомству.

Молодая «республика» стремилась облечь себя въ покровы самостоятельной государственности и по формѣ, и по содержанію. Такъ, Лебедевъ, «съ отдѣленіемъ Донской области отъ Россіи» и «принимая во вниманіе предстоящую жесточайшую міровую борьбу по завоеванію рынковъ сбыта», считалъ необходимымъ удѣлить исключительное вниманіе и средства на созданіе новыхъ отраслей промышленности, «притомъ въ наиболѣе совершенномъ техническомъ оборудованіи»*. Карелинъ (нач. отд. путей сообщенія) ставилъ ближайшей задачей постройку Волго-Донского и соединяющаго Сѣверный Донецъ съ Днѣпромъ каналовъ. Это — въ краѣ, взбаламученномъ до дна, на территоріи, переходящей изъ рукъ въ руки, при отсутствіи силъ и средствъ и при пустой казнѣ**.

Первый отчетъ управленія финансами умѣрилъ, однако, эти грандіозные масштабы. Онъ выяснилъ, что доходы области покрываютъ лишь 46 % расходовъ, что 57½ % расходовъ должны идти на армію и что единственнымъ постояннымъ рессурсомъ казны является печатный станокъ, выбросившій до 15 іюля 101 милліонъ бумажныхъ знаковъ.

Какъ бы то ни было, обывательская жизнь области начинала входить въ норму, создавая мало по малу условія внѣшняго порядка, безопасности и хозяйственнаго

---

* Изъ отчетовъ къ 1-му августа.

** На первое полугодіе расходная смѣта 400 милліоновъ, доходная — 198.

Похороны «командарма» Тулака

благополучія. А жизнь Ростова и Новочеркасска — типичнаго тыла трехъ армій — Донской, нѣмецкой и Добровольческой — била ключомъ въ нездоровой атмосферѣ чудовищной спекуляціи, наживы, политическаго шантажа и вызывающей роскоши.

Иначе обстоялъ вопросъ съ «иногородними» — неказачьимъ населеніемъ области, преимущественно крестьянскимъ. Первое правительство Янова, чувствуя себя еще слабымъ, обратилось къ населенію съ «призывомъ», въ которомъ обѣщанъ былъ одновременно съ созывомъ Большого круга и съѣздъ неказачьяго элемента области «въ цѣляхъ полнаго объединенія всего населенія». Но калединскій «паритетъ» пугалъ Краснова; въ массѣ иногороднаго населенія большевизмъ былъ далеко еще не изжитъ и только притаился передъ силой; Ростовская и Таганрогская думы стали въ отношенія, явно отрицательныя къ казачьей власти. Участіе поэтому иногороднаго элемента въ государственномъ строительствѣ атаманъ призналъ невозможнымъ. Но этимъ дѣло не ограничилось. По всему краю, какъ откликъ перенесенныхъ бѣдствій, вспыхнуло ярко чувство мести къ большевикамъ, которыми казаки искренне считали всѣхъ иногородних — крестьянъ и рабочихъ. Оно проявлялось не только въ некультурной массѣ казачества — произволомъ и дикими самосудами — но и въ политикѣ управленія внутреннихъ дѣлъ, въ практикѣ администраціи, въ работѣ полиціи, знаменитыхъ карательныхъ отрядовъ Икаева и Судиковскаго, «наводившихъ ужасъ и панику на населеніе»*, въ дѣятельности «Суда защиты Дона» и полевыхъ судовъ.

Начальникъ отдѣла внутреннихъ дѣлъ Корнѣевъ, поддержанный атаманомъ, пользовавшійся расположеніемъ нѣмцевъ и встрѣчавшій острую враждебность со стороны донской общественности и даже самого правительства, въ сознаніи «правоты» своего курса, не оправдывался, когда давалъ отчетъ Большому кругу, встрѣтившему его также враждебно. Онъ говорилъ:

— Мы — казаки. У насъ своя голова на плечахъ. Не московскимъ воробьямъ учить донскихъ орловъ. Я самъ природный казакъ, во мнѣ говоритъ алая казачья кровь. Мы съ вами рождены изъ одного тѣста. Я придерживался и буду придерживаться чисто казачьяго курса.

Эта борьба внутренняя изнуряла въ свою очередь казачество, создавая въ области нездоровую атмосферу озлобленія и поддерживая большевицкія настроенія.

Наконецъ, вопросъ политической идеологіи...

Правительство Дона ея не имѣло или, по крайней мѣрѣ, ея офиціально не высказывало. Терминъ «демократическая республика» чаще другихъ проскальзывалъ въ рѣчахъ управляющихъ. Чувства атамана, впрочемъ, не были секретомъ. Баянъ династіи и режима до 17 года**, онъ очевидно не измѣнилъ своимъ привязанностямъ и теперь. Но идея монархизма была тогда крайне не популярной въ средѣ казачества, и атаманъ говорилъ о ней туманно, поэтическими образами, въ которые можно было вложить какое угодно содержаніе. А въ то же время атаманскій офиціозъ «Донской Край», который редактировался И. Родіоновымъ, наряду съ казачьимъ шовинизмомъ, проводилъ идеи ультра-монархизма и мрачной реакціи, по словамъ докладчиковъ Круга производившія на фронтѣ, куда листокъ посылался въ большомъ числѣ экземпляровъ, впечатлѣніе, «худшее, нежели всякая большевицкая прокламація».

Словомъ, на Новочеркасскомъ политическомъ горизонтѣ было не ясно: не то царь, не то республика. Не то — «царь на Москвѣ, а атаманъ на Тихомъ Дону».

---

* Изъ доклада комиссіи Круга.

** Многолѣтній сотрудникъ офиціальнаго военнаго органа «Русскій Инвалидъ».

ГЛАВА IX.

Донъ: внѣшняя политика.

«Внѣшнія сношенія велъ самъ атаманъ. Я былъ простымъ исполнителемъ его указаній». Такъ говорилъ управляющій отдѣломъ иностр. дѣлъ ген. Богаевскій.

Врядъ ли исторія съ точки зрѣнія русской національной идеи осудитъ ген. Краснова за то, что онъ въ 1918 году призналъ Донъ «не воюющей» противъ Германіи стороной, воспользовался обезпеченіемъ нѣмцами западныхъ рубежей области и пріобрѣталъ черезъ ихъ посредство военные запасы бывшаго русскаго Юго-западнаго фронта. Въ тогдашнемъ положеніи Дона другого выхода не было, а силы и военно-политическое положеніе Германіи вынуждали ее удовлетвориться вполнѣ такимъ одностороннимъ нейтралитетомъ и экономическими выгодами своеобразнаго товарообмѣна — русскихъ патроновъ на русскій хлѣбъ.

Но ген. Красновъ пошелъ гораздо дальше, исходя изъ двухъ предпосылокъ, оказавшихся глубоко ошибочными: предвидѣнія побѣды нѣмцевъ въ міровой войнѣ и возможности существованія самостоятельнаго «Донского государства» среди бурнаго русскаго океана, заливающаго со всѣхъ сторонъ красной волной Донскую землю.

На другой же день послѣ своего избранія атаманъ Красновъ обратился съ письмомъ «какъ равный къ равному»—къ императору Вильгельму. Текстъ этого перваго письма не былъ извѣстенъ командованію Добровольческой арміи, но вскорѣ мы получили копію инструкціи, данной атаманомъ послу своему ген. Черячукину, посланному въ началѣ іюня на Украйну, а также второго письма, отправленнаго 5 іюля германскому императору. Сущность послѣднихъ двухъ документовъ, почти тожественныхъ по содержанію и опредѣлявшихъ основы всей донской политики, сводилась къ слѣдующимъ положеніямъ:

Вильгельмъ долженъ былъ:

1. «Признать право Всевеликаго войска Донского на самостоятельное существованіе, а по мѣрѣ освобожденія... и всей федераціи, подъ именемъ Доно-Кавказскаго союза»*. На созданіе его «согласіе всѣхъ державъ имѣется(?) и вновь образуемое государство... рѣшило не допускать, чтобы земли его стали ареной кровавыхъ столкновеній».

2. Включить въ границы войска по соображеніямъ «географическимъ и этнографическимъ» Таганрогскій округъ и «по стратегическимъ» — Лиски, Воронежъ, Поворино, Камышинъ и Царицынъ.

3. «Оказать давленіе на совѣтскія власти Москвы и заставить ихъ своимъ приказомъ очистить предѣлы Всевеликаго войска Донского и другихъ державъ, имѣющихъ войти въ Доно-Кавказскій союзъ, отъ разбойничьихъ отрядовъ красной гвардіи и дать возможность возстановить нормальныя, мирныя отношенія между Москвою и войскомъ Донскимъ.

4. Помочь «молодому государству» орудіями, ружьями, боевыми припасами и инженернымъ имуществомъ и... устроить въ предѣлахъ войска Донского заводы для боевого снабженія.

За услуги «Его Императорскаго Величества» ген. Красновъ обязался:

---

* Кубанское, Астраханское, Терское войска, калмыки Ставропольской губ. и народы Сѣвернаго Кавказа.

5. «Всевеликое войско Донское (будетъ) соблюдать полный нейтралитетъ во время міровой борьбы народовъ и не допускать на свою территорію враждебныя германскому народу вооруженныя силы, на что дали свое согласіе и атаманъ Астраханскаго войска, и Кубанское правительство, а по присоединеніи (?) и остальныя части союза».

6. Предоставить Германіи «право преимущественнаго вывоза» въ обмѣнъ на нѣмецкіе фабрикаты и «особыя льготы на помѣщеніе (германскихъ) капиталовъ» въ донскія предпріятія.

Все письмо было составлено въ тонѣ вѣрнопреданности, глубоко обидномъ для русскаго національнаго самолюбія — въ отношеніи державы, продолжавшей съ необыкновеннымъ цинизмомъ играть судьбами Россіи. А одна его фраза ударила особенно сильно по чувствамъ офицерства русской арміи: «тѣсный договоръ сулитъ взаимныя выгоды, и дружба, спаянная кровью на общихъ поляхъ сраженій воинственными народами германцевъ и казаковъ, станетъ могучей силой для борьбы со всѣми нашими врагами»...

Прежде всего насъ удивило обращеніе атамана отъ имени «Доно-Кавказскаго союза», котораго фактически никогда не существовало*.

Идея этого союза пришла одновременно съ двухъ сторонъ — изъ верховъ казачества и отъ нѣмецкихъ властей Кіева.

Въ заключенномъ еще между 9 и 24 мая «соглашеніи» между Дономъ и Кубанью ближайшей задачей обѣихъ сторонъ признана была борьба съ большевиками, имѣвшая цѣлью «возстановленіе на территоріяхъ Дона и Кубани твердаго государственнаго порядка» и дальнѣйшей — «обезпеченіе на будущія времена политической и экономической свободы и независимости народовъ, населяющихъ Донскую и Кубанскую области». «Дабы нынѣ разрозненныя части Россіи могли явить болѣе могущественную политическую силу», признано было также необходимымъ «созданіе на югѣ Россіи прочнаго государственнаго образованія на федеративныхъ началахъ». Этотъ договоръ заключалъ еще одно удивительное положеніе, нарушавшее всѣ принципы военнаго дѣла, возвращавшее насъ къ австрійскому «гофкригсрату» и косвенно ставившее Добровольческую армію въ невозможное положеніе. «Правительства (Дона и Кубани) учреждаютъ совмѣстные совѣты, которымъ предоставляется право разработки плана борьбы съ большевиками и анархіей на территоріи Дона, Кубани и смежныхъ съ ними областей и губерній, а также общее руководство военными операціями въ смыслѣ опредѣленія общихъ и даже частныхъ заданій для отдѣльныхъ армій»...

Это былъ единственный договоръ Кубани съ Дономъ. Заявленія ген. Краснова императору Вильгельму о «согласіи всѣхъ державъ» на бытіе «Доно-Кавказскаго Союза» и о рѣшеніи «не допускать на свою территорію враждебныя германскому народу вооруженныя силы, на что дало свое согласіе Кубанское правительство», оказались неправдой. Послѣ опубликованія знаменитаго письма къ Вильгельму, Кубанское правительство сочло себя вынужденнымъ издать официальное сообщеніе (2 сентября), которое по первому вопросу устанавливало, что «никакихъ другихъ договоровъ (кромѣ заключеннаго 9—24 мая) ни письменныхъ, ни словесныхъ заключено не было» и что поэтому «Доно-Кавказскій Союзъ» не можетъ считаться существующимъ». По второму вопросу — что — «никакихъ обязательствъ на себя Кубанское правительство не принимало и никого не уполномочивало отъ его имени дѣлать какія нибудь заявленія»...

11 іюня въ Новочеркасскъ прибыли изъ Кіева съ особой миссіей герцогъ Н. Лейхтенбергскій — одно время выставлявшійся нѣмцами въ качествѣ кандитата на русскій престолъ; извѣстный по «корниловскому дѣлу» Иванъ Добрынскій, состоявшій въ особыхъ отношеніяхъ съ нѣмецкой контръ-развѣдкой**; нѣкто полковникъ князь Тундутовъ — человѣкъ крайне ограниченнаго развитія, объявившій себя атаманомъ Астраханскаго войска на томъ основаніи, что состоялъ раньше помощникомъ Астраханскаго атамана.

---

* Образованный при Калединѣ «Юго-Восточный союзъ», какъ извѣстно, въ началѣ 1918 года распался. См. т. II, гл. 15.

** Въ 1920 году, оставшись на Кавказѣ послѣ эвакуаціи бѣлыхъ, продолжалъ свою карьеру подъ фамиліями «Пшеславскаго» и «Святогора» — въ качествѣ платнаго провокатора Екатеринодарской «чрезвычайки». («Че-ка», изданіе центральнаго бюро с.-р.)

Тундутовъ добился какими то путями пріема у императора Вильгельма и, вернувшись изъ Берлина, сталъ распространять слухи о своемъ большомъ вліяніи, которымъ онъ пользуется у нѣмцевъ. Подѣлился и бесѣдой своей съ императоромъ, который между прочимъ сказалъ ему слѣдующее:

— Славянскій вопросъ намъ надоѣлъ. Поэтому знайте, что никакой «Единой Россіи» не будетъ, а будетъ четыре царства: Украйна, Юго-Восточный союзъ, Великороссія и Сибирь. Мы отлично знаемъ, что у васъ въ Кіевѣ думаютъ, что вы присоедините къ Кіеву все остальное и, такимъ образомъ, объедините Россію. Пожалуйста, передайте тамъ, что мы это знаемъ, что мы этого не желаемъ и не допустимъ.

Эта тирада получила широкое распространеніе, попала и въ печать, но нѣмецкое командованіе, вообще очень ревниво относившееся ко всѣмъ свѣдѣніямъ, касавшимся Германіи, не опровергло ни факта пріема Тундутова императоромъ, ни заявленій послѣдняго. Это произвело на Югѣ большое впечатлѣніе*.

Позднѣе, въ августѣ существованіе нѣмецкаго плана «реконструкціи» Россійской державы подтвердилось и официально: Лизогубъ**, побывавъ въ Берлинѣ, получилъ увѣренія отъ министра иностр. дѣлъ Гинце, что Германія «благожелательно разсматриваетъ перспективы федераціи государствъ, расположенныхъ на Востокѣ» и что «Украйна, составляя часть русской федераціи, будетъ гарантирована въ смыслѣ ненарушимости верховныхъ правъ и свободы государства»***...

Тундутовъ и Добрынскій предъявили донскому атаману ноту германскаго командованія въ Кіевѣ 1) объ образованіи Юго-Восточнаго союза, 2) объ удаленіи Добровольческой арміи съ территоріи Дона, разоруженіи ея или удаленіи германофобскаго командного состава, 3) о поддержкѣ нѣмцевъ на «Восточномъ фронтѣ» противъ союзниковъ. За выполненіе этихъ требованій нѣмцы обѣщали военно-политическую и экономическую поддержку.

Посѣтившій въ тотъ же день Краснова ген. Алексѣевъ писалъ мнѣ, что атаманъ весьма разстроенъ этимъ ультиматумомъ и заявилъ, что «на началахъ, изложенныхъ въ нотѣ, онъ не можетъ допустить образованіе Юго-Восточнаго союза со вхожденіемъ въ него Донской области».

Въ отношеніи Добровольческой арміи вопросъ остался открытымъ. Обостреніе его, повидимому, для всѣхъ заинтересованныхъ лицъ представлялось слишкомъ опаснымъ. Другія условія ноты оказались не столь непріемлемыми. По крайней мѣрѣ Красновъ писалъ тогда же генералу Эйхгорну:

«Въ настоящее время я занятъ подготовкой общественнаго мнѣнія къ активной борьбѣ съ чехо-словаками, если бы послѣдніе вздумали перейти границы земли войска Донского... Если бы Вы помогли Донскому войску окрѣпнуть въ полной мѣрѣ, давъ при этомъ опредѣленное завѣреніе, что по достиженіи сего германскія войска будутъ выведены изъ предѣловъ Донской области, тогда Вы могли бы быть увѣрены, что Донское войско, и за нимъ и весь Доно-Кавказскій союзъ Вамъ преданы, Вамъ благодарны, и Вамъ никогда не измѣнятъ. Вы могли бы быть спокойны за Вашъ тылъ на Украйнѣ (?) и за Вашъ правый флангъ въ томъ случаѣ, если бы державы Согласія возстановили «Восточный фронтъ». Мы угрожали бы ихъ лѣвому флангу»[1].

Достойно вниманія, что въ то же время ген. Красновъ всемѣрно старался повернуть Добровольческую армію на сѣверъ:

«Съ 15 мая я тщетно зову Добровольческую армію идти вмѣстѣ съ Донскими казаками на сѣверъ, къ Царицыну, Саратову и Воронежу на соединеніе съ чехо-словаками, если только они не мифъ, но Добровольческая армія или не хочетъ, или не можетъ идти къ сердцу Россіи»[2]...

---

* Въ своихъ воспоминаніяхъ императоръ Вильгельмъ подтверждаетъ фактъ аудіенціи, данной Тундутову, и придаетъ серьезное значеніе его нелѣпымъ разговорамъ.

** Предсѣдатель совѣта министровъ Украйны.

*** Телеграмма Лизогуба гетману отъ 22 авг.о результатахъ императорской конференціи въ ставкѣ.

[1] Письмо было оглашено упр. отд. иностр. дѣлъ въ закрытомъ засѣданіи Круга и сообщено однимъ изъ официальныхъ лицъ командованію Добровольческой арміи.

[2] Письмо ген. Алексѣеву 8 сентября 18 года № 172.

Обсужденіе организаціи союза между тѣмъ продолжалось — и у атамана съ нѣмецкими офицерами, и въ засѣданіяхъ представителей Дона, Астрахани (?) и Кубани, подъ предсѣдательствомъ ген. Краснова. Былъ составленъ и проектъ «правительственной декларації Доно-Кавказскаго союза», въ составъ котораго теоретически включали не только Черноморскую, Ставропольскую губ. и Терекъ, но и горцевъ сѣвернаго Кавказа, Сухумскій и Закатальскій округа, съ которыми не было никакой связи и о судьбѣ которыхъ на Дону ничего не было извѣстно.

21 іюня въ сел. Песчанокопскомъ, при подходѣ Добровольческой арміи къ предѣламъ Кубани, на панихиду по убитомъ ген. Марковѣ собрались слѣдовавшіе при арміи кубанскій атаманъ и правительство. Атаманъ сообщилъ мнѣ, что его и предсѣдателя правительства ген. Красновъ дважды телеграфно вызывалъ для подписанія договора о Доно-Кавказскомъ союзѣ. Я отвѣтилъ:

— Противъ Доно-Кубанскаго единенія и Доно-Кавказскаго союза въ принципѣ ничего не имѣю. Но освобождать Кубань, чтобы она стала въ вассальную зависимость отъ Германіи, я не согласенъ. Если угодно, — поѣзжайте. Но тогда завтра же я сверну Добровольческую армію съ екатеринодарскаго направленія на Царицынъ.

Съ тѣхъ поръ засѣданія ген. Краснова съ двумя «правительствами» безъ «народовъ» хотя и продолжались, но не привели ни къ какимъ результатамъ. По свидѣтельству кубанскаго представителя въ Новочеркасскѣ П. Макаренко, кубанцы подъ всякими предлогами уклонялись отъ окончательнаго рѣшенія вопроса и «вели двойную игру» — въ Новочеркасскѣ (П. Макаренко) и въ Кіевѣ (Рябоволъ) о федераціи съ Украйной и Доно-Кавказскимъ союзомъ, используя въ своихъ интересахъ и Украйну, и Донъ.

Отношенія Дона съ Украйной сильно портилъ вопросъ о Таганрогѣ. Въ округѣ имѣлась всего лишь одна донская станица, но онъ давалъ угля вчетверо больше, чѣмъ вся Донская область (81 %). Поэтому — какъ докладывалъ впослѣдствіи Кругу генералъ Богаевскій — «Донъ въ этомъ уступить не могъ... Представителямъ германскаго командованія было твердо заявлено, что дѣло можетъ дойти до войны (съ Украйной)»*. Украйна въ свою очередь была заинтересована Таганрогомъ и Ростовомъ еще и какъ «мостомъ» на Кубань, гдѣ въ кругахъ черноморскихъ политикановъ сильны были украинскія теченія. Подъ давленіемъ нѣмцевъ споръ былъ разрѣшенъ въ пользу Дона, и послѣ этого между нимъ и Украйной завязались тѣсныя политическія и экономическія отношенія. Характерно, что и въ этихъ «международныхъ» договорахъ Донъ обязывался не заключать союзовъ, могущихъ вредить Украйнѣ и центральнымъ державамъ, и не оказывать помощи чехо-словакамъ.

Совершенно безнадежно обстоялъ вопросъ о «примиреніи» Дона съ большевиками. Нѣмцы, къ которымъ обращался атаманъ по этому вопросу, помочь Дону въ этомъ отношеніи не могли и, какъ увидимъ ниже, не хотѣли. Два письма, посланныя ген. Красновымъ къ одному изъ большевицкихъ «главковерховъ», Іозефовичу, по поводу прекращенія «братоубійственной» борьбы, заключенія торговаго договора и т. д., не попали по назначенію**. Въ Кіевѣ «панъ гетманъ обѣщалъ оказать всякое содѣйствіе къ признанію (большевиками) самостоятельности войска Донского»***, но на украино-большевицкой конференціи товарищъ Раковскій заявилъ категорически, что совѣтское правительство разсматриваетъ Донъ, какъ «возставшую область, входящую въ составъ совѣтской республики, и считаетъ веденіе прямыхъ переговоровъ съ Дономъ оскорбленіемъ республики».

Наконецъ, союзники Дона, нѣмцы, также не склонны были въ спорѣ между совѣтами и Дономъ становиться на сторону послѣдняго. Мин. ин. дѣлъ Гинце въ сентябрѣ заявилъ въ рейхстагѣ: «мы дѣловымъ образомъ разрѣшили вопросы (Донецкій уголь)... Но изъ этого не слѣдуетъ, что мы признали войско Донское, какъ самостоятельную единицу»...

Эти безплодные переговоры въ русскомъ обществѣ и въ Добровольческой арміи были поняты, однако, какъ уклоненіе отъ борьбы за Россію цѣною спасенія Дона.

* * *

* Докладъ 17 августа 18 года.

** Атаманъ смѣшалъ его съ ген. Юзефовичемъ, который жилъ на Кавказѣ и впослѣдствіи поступилъ въ Добровольческую армію.

*** Докладъ ген. Краснова Кругу 17 сентября.

Внутренняя и внѣшняя политика атамана создали ему сильную оппозицію въ самыхъ разнообразныхъ кругахъ организованной общественности и личныхъ враговъ среди неудовлетворенныхъ идейно или обойденныхъ персонально верховъ казачества. Въ рядахъ оппозиціи нашли мѣсто соціалистическія думы Ростова, Нахичевани, Таганрога, профессіональные союзы, рабочая печать, к.-д. партія и вся многочисленная русская интеллигенція, не раздѣлявшая германофильской политики ген. Краснова или оскорбленная ея внѣшними проявленіями. На заднемъ планѣ донской оппозиціи стояла вся масса иногороднихъ — рабочихъ и крестьянъ, изъ которыхъ первые только бурлили, вторые поднимали мѣстныя возстанія, подавляемыя казаками.

Въ средѣ казачества у атамана были восторженные поклонники и ярые враги. Маятникъ колеблющагося отношенія къ нему раскачивался то въ одну, то въ другую сторону, главнымъ образомъ, въ зависимости отъ большаго или меньшаго успѣха борьбы на фронтѣ.

Показателемъ общественныхъ настроеній того времени могутъ служить отклики съ разныхъ сторонъ по поводу того злополучнаго письма императору Вильгельму, которое опредѣлило основныя вѣхи донской политики.

На совѣщаніи 26 іюня донского атамана съ представителями германскаго командованія маіоръ Кофенгаузенъ заявилъ, что «послѣ того, что онъ слышалъ изъ устъ атамана, германское правительство будетъ всячески поддерживать атамана, содѣйствовать укрѣпленію его власти въ области... какъ путемъ моральнаго воздѣйствія на населеніе, такъ и въ смыслѣ поддержки таковой реальной силой — оружіемъ и войсками, во всемъ идя навстрѣчу личнымъ пожеланіямъ атамана*».

Кадеты на Дону въ вопросѣ о «неизбѣжности государственной самостоятельности областей и участія нѣмцевъ» первоначально стали на точку зрѣнія Милюкова... «Я лично употребилъ всѣ усилія — писалъ онъ 25 мая въ главный комитетъ партіи — чтобы побудить нашихъ партійныхъ товарищей въ Ростовѣ и въ Новочеркасскѣ стать на эту точку зрѣнія. Соотвѣтственная декларація была сдѣлана партіей народной свободы въ засѣданіи Ростовской городской думы»... Подъ вліяніемъ дальнѣйшихъ событій взглядъ кадетъ круто измѣнился, найдя нѣкоторое отраженіе въ перепискѣ, веденной въ іюлѣ между ихъ «политическимъ другомъ справа» Родзянко и Красновымъ. Родзянко ставилъ атаману въ вину признаніе имъ себя и областей «Доно-Кавказскаго союза» «вассалами германскаго императора», въ «дѣлежѣ исконныхъ русскихъ областей», въ «способствованіи дробленію отечества на части», въ «предательствѣ Добровольческой арміи», которая «никогда дружественной къ нѣмцамъ не будетъ и кровь которой проливается для упроченія какого-то нелѣпаго самостоятельнаго союзнаго государства»**.

Ген. Алексѣевъ отнесся къ донской политикѣ также съ суровымъ осужденіемъ. По поводу инструкціи Черячукину онъ писалъ мнѣ 26 іюня (№ 59): «въ лицѣ ген. Краснова нѣмецкія притязанія нашли отзывчиваго исполнителя... Побужденія этой инструкціи слишкомъ ясны... изъ рукъ нѣмцевъ получить право называть себя «самостоятельнымъ государствомъ» и воспользоваться случаемъ округлить границы будущаго «государства» за счетъ Великороссіи... За эту измѣну Родинѣ — позволяю себѣ такъ назвать эту инструкцію — нѣмцы должны снабжать войско боевыми припасами, принадлежащими всей Россіи»... Ген. Алексѣевъ высказывалъ опасеніе, что «въ скоромъ будущемъ Донское и Кубанское войска могутъ разсматривать Добровольческую армію въ видѣ «вражеской силы», и наше положеніе можетъ сдѣлаться въ стратегическомъ отношеніи невыносимымъ».

Наконецъ, кн. Г. Трубецкой, делегатъ «Праваго Центра», стоявшаго за связь съ Германіей и проводившаго начала «реальной» политики въ отношеніи къ нѣмцамъ, въ своемъ посланіи въ Центръ 28 августа писалъ: «при (создавшихся) условіяхъ политика Краснова въ общемъ своемъ направленіи не нуждается въ оправданіи... Въ сущности — чего стоятъ всѣ эти обязательства? Какъ только обстоятельства измѣнятся и появится

---

* Выдержка изъ секретнаго протокола совѣщанія, представленнаго на Кругъ управл. иностр. дѣлъ.
** Письмо атаману Краснову 28 іюля и ген. Алексѣеву 29 іюля.

иная сила, такъ полетятъ и обязательства... Но форма, имъ усвоенная, невозможна. Онъ перестарался... Самый фактъ письма его къ императору Вильгельму хуже его содержанія»*...

По существу, вопросъ донской политики расчленялся на явленія двоякаго порядка:

Всѣ эти увѣренія въ преданности германскому императору; всѣ символы суверенной государственности въ видѣ «пословъ», гимна, флага, герба; всѣ торжественныя декларативныя заявленія отъ имени «государства», «народовъ», «демократической республики» о независимости отъ Россіи не только въ годы смуты, но и «на будущія времена»** — казались только бутафоріей, которая могла раздражать или волновать національно мыслящіе элементы Юга. Но за нею скрывались реальныя возможности дѣйствительно серьезнаго характера. Тѣсное сотрудничество съ нѣмцами укрѣпляло положеніе послѣднихъ, содѣйствовало политикѣ расчлененія Россіи и въ случаѣ продолженія войны раздѣляло противобольшевицкія силы на два враждебныхъ другъ другу лагеря. «Независимость» имѣла естественнымъ слѣдствіемъ переговоры о «мирѣ съ Москвой» и возбуждала въ казачествѣ иллюзіи о возможности локализаціи борьбы съ большевиками въ предѣлахъ одного Дона — иллюзіи, которыя шли снизу, но находили откликъ и нравственное обоснованіе въ атаманскихъ приказахъ, подрывавшихъ импульсъ къ борьбѣ за Россію и потворствовавшихъ казачьему шовинизму. Такъ, въ приказѣ отъ 30 сентября было сказано: «защита границъ Всевеликаго войска Донского отъ натиска красногвардейскихъ бандъ и освобожденіе Россійскаго государства отъ кошмарнаго кроваваго большевизма вынуждаютъ меня вынести борьбу за предѣлы земли войска Донского... Принимая во вниманіе труды и кровавыя жертвы, которыя понесло Донское казачество... и обязанность его заняться строительствомъ своей разоренной родины, я не считаю возможнымъ привлекать къ этой работѣ казаковъ». Задача эта возлагалась на формируемую изъ «русскихъ» людей «Южную армію».

Я не касаюсь внутреннихъ побужденій, руководившихъ ген. Красновымъ въ его кипучей работѣ по управленію краемъ. Но во всемъ, что онъ писалъ и говорилъ, была одна чисто индивидуальная особенность характера и стиля, которая тогда, въ дни кровавой борьбы, приводила многихъ къ полной невозможности отнестись съ довѣріемъ къ его дѣятельности...

Нѣмцамъ онъ говорилъ о своей и «Союза» преданности имъ и о совмѣстной борьбѣ противъ державъ Согласія и чехо-словаковъ***.

Союзникамъ — что «Донъ никогда не отпадалъ отъ нихъ и что германофильство (Дона) — вынужденное для спасенія себя и Добровольческой арміи, которая ничего не смогла бы получить, если бы не самопожертвованіе Дона въ смыслѣ внѣшняго германофильства»[1].

Добровольцевъ звалъ итти вмѣстѣ съ Донскими казаками на сѣверъ, на соединеніе съ чехо-словаками[2].

Донскимъ казакамъ говорилъ, что за предѣлы войска они не пойдутъ[3].

Наконецъ, большевикамъ писалъ о мирѣ[4]...

Такая политика была или слишкомъ хитрой, или слишкомъ безпринципной; во всякомъ случаѣ для современниковъ событій — не вполнѣ понятной. Намъ не пришлось увидѣть и конечныхъ достиженій ея, ибо въ октябрѣ книга бытія внезапно оборвала свое повѣствованіе и перешла къ новой главѣ, измѣнившей карту міра, перевернувшей всѣ внѣшнія декораціи южно-русской борьбы, но не принесшей все же Россіи желаннаго освобожденія.

---

* Герцогъ Лейхтенбергскій привезъ письмо въ нѣмецкую главную квартиру, но къ императору допущенъ не былъ «по политическимъ соображеніямъ».

** Актъ «Соглашенія Дона съ Кубанью».

*** Письмо Эйхгорну.

[1] Миссія ген. барона Майделя въ Яссы, въ началѣ августа 18 года. Докладъ его отъ 4 ноября.

[2] Письмо къ ген. Алексѣеву 8 сент. и друг.

[3] Приказъ отъ 30 сент. и др.

[4] Письмо ген. Іозефовичу.

ГЛАВА X.

Противобольшевицкія организаціи внутри Россіи: «Правый Центръ», «Національный Центръ», «Союзъ Возрожденія Россіи», «Союзъ защиты Родины и Свободы» (Савинковъ).

Со времени октябрьскаго переворота «русскій вопросъ» болѣе, чѣмъ когда либо въ исторіи, потерялъ свое самодовлѣющее значеніе въ міровой политикѣ, ставъ производной въ борьбѣ центральныхъ державъ съ державами Согласія. Способомъ, средствомъ, источникомъ матеріальныхъ и военныхъ рессурсовъ. И только. Вездѣ въ доступныхъ намъ документахъ прямо или косвенно доминируетъ взглядъ на Россію — исключительно какъ на факторъ международной борьбы.

Германія стремилась къ незамерзающему порту на Ледовитомъ океанѣ, къ невывезеннымъ запасамъ Мурмана, Архангельска, Владивостока, къ эксплоатаціи Запада и Юга Россіи, къ возвращенію изъ Сибири и использованію 300—400 тысячъ австро-германскихъ плѣнныхъ... Державы Согласія противодѣйствовали ей путемъ оккупаціи Владивостока и сибирской линіи, поддержаніемъ чехо-словацкаго движенія, созданіемъ Сѣвернаго фронта и подготовкой Восточнаго.

Кромѣ извѣстнаго уже намъ воззванія союзныхъ дипломатовъ въ Вологдѣ, и другія заявленія ихъ носили тотъ же двойственный характеръ, въ которомъ доминировали цѣли международной борьбы. Такъ, на Дальнемъ Востокѣ, осенью 18 года, англійская декларація, упоминая объ «экономической помощи вашей разоренной и страждущей родинѣ», объясняла цѣль предполагавшейся и не осуществленной интервенціи желаніемъ «помочь вамъ спастись отъ раздѣла и гибели, грозящихъ отъ рукъ Германіи, которая старается поработить вашъ народъ и использовать неисчислимыя богатства вашей страны». Французская декларація говорила также о помощи «здоровымъ элементамъ русскаго народа», но «непосредственной причиной выступленія называла «необходимость оказать помощь нашимъ союзникамъ, чехо-словакамъ». Рѣзкимъ диссонансомъ въ союзническомъ аккордѣ прозвучало тогда только заявленіе Америки: ..«вмѣшательство въ дѣла Россіи для нанесенія удара Германіи можетъ скорѣе всего явиться способомъ использованія Россіи, нежели оказаніемъ ей помощи». Со свойственной имъ прямолинейностью американцы заявили: «главная забота Соединенныхъ Штатовъ состоитъ въ охранѣ военнаго имущества, проданнаго Америкой Россіи и находящагося въ портахъ Владивостока, Мурмана и Архангельска».

Германія привлекала въ свою орбиту явно Финляндію, Польшу, Украйну, Румынію; тайно — русскія противобольшевицкія организаціи... Державы Согласія соперничали съ ней въ этомъ отношеніи, ни мало не считаясь съ интересами Россіи. Былъ даже такой періодъ съ ноября 17 года по 19 февраля 18-го — день заключенія Брестъ-Литовскаго мира — когда союзники готовы были признать фактически совѣтское правительство, предлагая ему финансовую и техническую помощь — даже офицерскимъ составомъ — для продолженія войны съ нѣмцами*.

---

* Обращеніе франц. посла Нюланса къ Бронштейну. См. т. II гл. XVIII.

Нѣмцы въ этой игрѣ побѣдили. И союзныя правительства рѣшительно и тогда только окончательно* перестали смотрѣть на совѣтскую власть, какъ на возможное «средство» борьбы противъ центральныхъ державъ. Отнюдь не побужденіями альтруизма, а стеченіемъ обстоятельствъ союзники были отброшены въ противобольшевицкій станъ, тогда какъ Германія, не взирая на внѣшнія противорѣчія ея политики, до конца вооруженной борьбы поддерживала большевизмъ, какъ благопріятный для себя факторъ въ политикѣ и стратегіи.

Рядъ откровеній германскихъ и австрійскихъ государственныхъ дѣятелей въ полной мѣрѣ подтверждаетъ это положеніе. Между ними идетъ споръ о характерѣ и степени виновности отдѣльныхъ лицъ, о большемъ или меньшемъ ихъ дарѣ предвидѣнія, объ истинныхъ мотивахъ тѣхъ или иныхъ дипломатическихъ шаговъ. Но синтезъ всѣхъ этихъ откровеній ясенъ и безспоренъ:

1. Въ германскомъ народѣ, правительствѣ, рейхстагѣ, прессѣ, командованіи — существовало два взгляда на роль Россіи: одни въ распадѣ великой страны видѣли неограниченныя положительныя возможности для германской націи, другіе, наоборотъ, «усиленіе англо-саксонскаго мірового владычества» и угрозу бытію Германіи.

2. Съ начала войны, въ особенности же въ 17 году историческія перспективы значительно стушевались подъ вліяніемъ интересовъ момента, и германская мысль единодушно работала въ пользу всемѣрнаго ослабленія Россіи, какъ вліятельнаго фактора борьбы, результатомъ чего явилась финансовая поддержка большевизма и Брестъ-Литовскій миръ.

3. Въ дальнѣйшій періодъ, когда психологія «побѣдителей» все больше и больше стала омрачаться тревожными предчувствіями, общественные и политическіе круги Германіи вновь вернулись къ историческому трактованію вопроса. Между правительствомъ, говорившимъ объ умѣренности, и главной квартирой, настаивавшей по военнымъ соображеніямъ на политическомъ и экономическомъ разгромѣ Россіи, возникли серьезныя разногласія уже при заключеніи Брестскаго договора и особенно обострились при выработкѣ «дополнительныхъ (къ нему) условій».

4. Съ весны 18 года, когда уже и на верхахъ германскаго командованія повѣяло дыханіемъ катастрофы, когда обнаружилась ясно смертельная опасность большевизма и для Германіи, роли перемѣнились: германское командованіе на Востокѣ, поддержанное Мирбахомъ и затѣмъ Гельферихомъ, начало говорить о необходимости «болѣе опредѣленнаго отношенія къ совѣтскому правительству», вплоть до его сверженія. Хотя такой переворотъ въ 1918 году представлялся нѣмецкимъ военнымъ и государственнымъ дѣятелямъ — и былъ въ дѣйствительности — необыкновенно легкимъ, онъ не нашелъ сочувствія въ правительствѣ и поддержки въ ставкѣ. По словамъ ген. Людендорфа, раздѣлявшаго будто бы всецѣло этотъ взглядъ, «правительство увѣрило его въ томъ, что русская политика его отвѣчаетъ настроенію Германіи»... и онъ «къ несчастью принужденъ былъ этому повѣрить».

Брестъ-Литовскій миръ со всѣми вытекавшими изъ него временными послѣдствіями дали нѣмцамъ большевики. Ни одна политическая группа, никакая иная русская власть не могли предоставить Германіи болѣе выгодныхъ для даннаго момента условій.

Исходя изъ этого близорукаго въ историческомъ смыслѣ положенія, отъ начала и до конца, до своего паденія, Германія твердо, опредѣленно и безъ колебаній проводила въ жизнь политику расчлененія и разрушенія Россіи, поддерживая совѣтскую власть во всемъ, что не противорѣчило ошибочно понимаемымъ германскимъ интересамъ.

Въ то же время отвѣтственные представители нѣмецкой власти въ Москвѣ, Псковѣ, Кіевѣ, Ростовѣ входили въ сношенія съ противобольшевицкими вождями и организаціями и давали имъ неопредѣленныя надежды... Эта двойственность — я не вхожу въ обсужденіе искренности отдѣльныхъ нѣмецкихъ дѣятелей — приносила и приноситъ

---

* Впрочемъ, и позднѣйшія взаимоотношенія съ совѣтскою властью Локкарта (Англія), Садуля (Франція), Робинса (Америка) вызывали впечатлѣніе двойственной игры.

нѣмецкому дѣлу серьезныя выгоды въ моральномъ и практическомъ отношеніяхъ. Въ моральномъ — умѣряя одіумъ жестокой нѣмецкой политики и создавая теоріи о «двухъ Германіяхъ», подобно тому, какъ впослѣдствіи южно-русская дѣйствительность выдвинула легенду о «двухъ Англіяхъ» — Ллойдъ-Джорджа и Черчилля... Въ практическомъ — создавая иллюзіи въ опредѣленныхъ кругахъ русской общественности и расколовъ противо-большевицкій фронтъ на двѣ мѣшавшихъ другъ другу, иногда враждебныхъ, «оріентаціи».

* * *

Вскорѣ послѣ большевицкаго переворота въ Москвѣ образовалась конспиративная организація, подъ названіемъ «девятки». Въ нее вошли по три члена отъ к. д. партіи, Торгово-промышленнаго союза и Совѣта общественныхъ дѣятелей. Впослѣдствіи организація разрослась, получивъ характеръ коалиціи консервативныхъ и либеральныхъ общественныхъ группъ, съ явнымъ преобладаніемъ первыхъ, и принявъ наименованіе Московскаго или Праваго Центра*.

Цѣлью организаціи было объединеніе несоціалистическихъ элементовъ страны для борьбы съ большевизмомъ. Такая широкая постановка вопроса, нѣкоторое «полѣвѣніе» и чувство одиночества и оторванности, испытанное правой общественностью въ первый періодъ революціи съ одной стороны, «поправѣніе», вызванное разочарованіемъ и озлобленіемъ либеральныхъ круговъ въ отношеніи революціонной демократіи — съ другой; наконецъ, присущій многимъ изъ членовъ центра страхъ за судьбы Родины — заставлялъ итти вмѣстѣ политически разнородные элементы организаціи. Но глубокія противорѣчія въ политической и соціальной идеологіи, тѣмъ не менѣе, сказывались постоянно: и въ неожиданно откровенныхъ рѣчахъ нѣкоторыхъ членовъ на общихъ засѣданіяхъ, и въ работѣ комиссій, гдѣ подготовлялись проекты государственнаго устройства, соціальныхъ реформъ и экономическаго возрожденія страны. Эти противорѣчія, сглаживаемыя и смягчаемыя при общихъ засѣданіяхъ, вполнѣ ясно и откровенно раскрывались на частныхъ собраніяхъ членовъ центра совмѣстно съ группами, имъ близкими, хотя и стоявшими официально внѣ организаціи.

Фактическимъ вдохновителемъ Праваго Центра былъ А. В. Кривошеинъ, хотя онъ и не посѣщалъ общихъ засѣданій, соблюдая крайнюю конспирацію и «по свойству своего характера избѣгая всего, что могло бы его связать и чѣмъ либо компрометировать». Позднѣе такую же закулисную и весьма вліятельную роль онъ игралъ, переѣхавъ въ Кіевъ, въ мѣстныхъ правыхъ кругахъ.

Правый Центръ имѣлъ въ своемъ составѣ небольшой военный отдѣлъ, возглавлявшійся ген. Д.—человѣкъ 700—800, по преимуществу офицеровъ. За полнымъ отсутствіемъ средствъ эта организація фактически числилась только на бумагѣ.

Въ началѣ 18 года въ Москвѣ дѣлались попытки объединенія и лѣваго крыла русской общественности. Но всѣ переговоры между центральными органами к. д., н. с. и с. р. относительно общей платформы и объединенныхъ дѣйствій не привели ни къ чему. Тогда нѣкоторыя лица приступили къ созданію путемъ персональнаго участія внѣпартійной, съ преобладающимъ однако соціалистическимъ составомъ организаціи, которая и начала функціонировать въ апрѣлѣ 18 года подъ именемъ «Союза Возрожденія Россіи»**.

Союзъ ставилъ себѣ цѣлью «возсозданіе русской государственной власти, возсоединеніе съ Россіей насильственно отторгнутыхъ областей и защиту ея отъ внѣшнихъ враговъ», при помощи союзниковъ. Хотя, такимъ образомъ, основныя цѣли Союза и Центра совпадали, но соглашенія между ними не произошло. Главныя причины расхожденія соціалисты видѣли въ непримиримомъ отношеніи центра къ идеѣ Учредительнаго Собранія***, къ народоправству и къ выдвигаемому ими преобладающему значенію мѣстныхъ самоуправленій. Что касается организаціи временной власти, то разница

* Въ этомъ очеркѣ я избѣгаю, гдѣ нѣтъ прямой необходимости, называть имена.
** Вначалѣ союзъ этотъ называли «Лѣвымъ Центромъ».
*** Союзъ не считалъ возможнымъ главенство стараго Учредительнаго Собранія.

во взглядахъ была лишь въ формахъ и источникѣ ея происхожденія. Если Правый Центръ мыслилъ ее въ видѣ единоличной военной диктатуры, имъ подготовленной, то и Союзъ Возрожденія, по существу не отрицая диктатуры (вмѣсто единоличной — трехчленная директорія), «въ условіяхъ того момента не видѣлъ возможности созданія власти сколько нибудь правильнымъ демократическимъ путемъ»*. Власть должна была явиться «сама собой, путемъ образованія сильной группы лицъ, которая и могла бы выдѣлить изъ себя такую власть»**.

Нѣкоторая связь между Союзомъ и Центромъ, тѣмъ не менѣе, существовала. Въ составѣ обѣихъ организацій съ ихъ вѣдома входили к. д. Астровъ, Степановъ и Н. Щепкинъ, съ цѣлью, кромѣ взаимнаго освѣдомленія, «насколько возможно согласовать дѣйствія той и другой въ наиболѣе отвѣтственныя минуты»***; кромѣ того, существовала соединенная коллегія генераловъ (отъ Праваго Центра ген. Циховичъ и адм. Немитцъ; отъ Союза — ген. Болдыревъ) для согласованія «военныхъ мѣропріятій» организацій.

Крупная буржуазія и торговопромышленники, участвуя персонально въ составѣ центровъ, отказывались, однако, нести какія либо жертвы ради борьбы съ большевизмомъ, предпочитая сберечь свое достояніе для... совѣтской экспропріаціи. Это обстоятельство сильно отразилось на организаціяхъ. Безъ средствъ, безъ взаимнаго довѣрія и ясности во взаимоотношеніяхъ, а главное, безъ реальной силы, — работа ихъ протекала вначалѣ вяло, не принося какихъ либо результатовъ.

* * *

Въ началѣ іюня въ московскихъ организаціяхъ произошелъ окончательный расколъ на почвѣ внѣшней «оріентаціи».

Еще въ апрѣлѣ въ средѣ членовъ Праваго Центра намѣтилось сильное германофильское теченіе[1], находившее благодарную почву въ полной пассивности союзниковъ; начались частыя встрѣчи и дѣятельныя сношенія членовъ Центра, сначала по собственной иниціативѣ, потомъ по порученію президіума, съ второстепенными представителями германскаго посольства. Офиціально эти собесѣдованія имѣли цѣлью «выяснить, каковы дѣйствительныя намѣренія Германіи въ отношеніи Россіи; является ли Брестскій договоръ окончательной основой, на которой Германія имѣла ввиду и въ дальнѣйшемъ построить свои взаимоотношенія съ Россіей, или же этотъ договоръ есть только тактическій шагъ со стороны Германіи, путемъ котораго она обезпечивала себѣ возможность использовать то положеніе, которое создалось въ результатѣ захвата власти большевиками»[2].

Въ основу офиціальныхъ переговоровъ были положены три условія: «1) возстановленіе единства Россіи, нарушенное въ результатѣ отторженія губерній юго-западнаго края, 2) созданіе національной государственной власти, независимой (?) отъ Германіи и 3) коренной пересмотръ Брестскаго договора»[2]. Взамѣнъ этого нѣмцамъ предлагался нейтралитетъ и «экономическія преимущества».

Большинство Центра стояло на той точкѣ зрѣнія, что «нѣмцы, завладѣвшіе значительной частью Россіи и распространяющіе свое вліяніе на новыя области, представляютъ столь реальную и мощную силу, что не считаться съ ними вовсе, значило бы не признавать фактовъ... Этотъ факторъ будетъ опредѣлять въ ближайшее время ходъ событій въ Россіи... между тѣмъ, какъ разобщенность съ союзниками дѣлала затруднительной или прямо невозможной ихъ помощь Россіи»[2].

Самый фактъ переговоровъ съ нѣмцами былъ облеченъ большою таинственностью, и результаты ихъ не выносились на общія засѣданія. Германофобское меньшинство

---

* Мякотинъ.

** Докладъ Титова 21 іюня 1918 года. И среди кадетъ были теченія въ пользу коллективной власти, избранной на собраніи представителей партій и общественныхъ организацій.

*** Записка Астрова.

[1] Въ томъ числѣ Кривошеинъ.

[2] Докладъ Праваго Центра отъ 14 іюня 18 года.

узнавало о нихъ лишь случайно. Но, помимо офиціальной идеологіи, большинство Праваго Центра обладало еще другой, не выносившейся на общія засѣданія и въ деклараціи. «Разница была въ томъ — говоритъ кн. Г. Трубецкой — что для меня каждое изъ этихъ (трехъ) условій*) было conditio sine qua non, между тѣмъ (какъ) большинство изъ тѣхъ, кто стоялъ на желательности переговоровъ съ нѣмцами, заранѣе уже готово было идти на уступки. Это были люди, которые такъ мрачно смотрѣли на положеніе, такъ разувѣрились въ возможности для насъ предпринять что либо безъ посторонней помощи, что они готовы были всѣмъ пожертвовать, лишь бы нѣмцы освободили насъ отъ большевиковъ». Еще рѣзче опредѣлялъ настроеніе Центра командированный ген. Алексѣевымъ въ Москву А. Ладыженскій (правый): «въ цобѣдѣ Германіи (они) почти не сомнѣваются. Считаютъ, что лучше сейчасъ войти въ переговоры, чѣмъ послѣ завершенія событій на Западѣ. Полная неосвѣдомленность о томъ, что тамъ происходитъ. Предположенія построены отчасти на шкурныхъ классовыхъ интересахъ, жаждѣ власти, монархіи во что бы то ни стало, отчасти на невѣрныхъ свѣдѣніяхъ, которыми питается сейчасъ Москва берлинскимъ агентствомъ»**...

Вскорѣ вопросъ о «Восточномъ фронтѣ» заставилъ всѣ группировки окончательно выяснить свои «оріентаціи».

Двумя телеграммами изъ Парижа В. Маклаковъ сообщалъ въ Москву, что союзники рѣшили возстановить Восточный фронтъ путемъ высадки союзныхъ войскъ, преимущественно японскихъ, во Владивостокѣ и продвиженія ихъ къ Уралу и Волгѣ. Маклаковъ горячо убѣждалъ Центръ, что это — «единственный способъ спасти Россію отъ власти, созданной Германіей, и отъ окончательнаго расчлененія»... «Японцы не потребуютъ территоріальныхъ уступокъ... союзники никакихъ новыхъ тяготъ на Россію не наложатъ»... Наконецъ, что цѣль предстоящей интервенціи исключительно «защитить Россію отъ наложившей на нее руку Германіи, дать ей свободно сорганизоваться и оказать ей экономическую поддержку». Изъ другихъ источниковъ стало извѣстнымъ, что на конференціи союзниковъ, при уклончивомъ отношеніи Америки, постановлено было послать въ Сибирь общесоюзную армію въ 100 тысячъ человѣкъ, изъ которыхъ 60 тысячъ японцевъ.

Почти въ то же время, въ концѣ мая, прибылъ въ Москву ген. Казановичъ, сдѣлалъ Центру докладъ о судьбѣ Добровольческой арміи и отъ имени ген. Алексѣева и моего заявилъ въ рѣзкой и категорической формѣ о непріемлемости для арміи какой бы то ни было совмѣстной съ нѣмцами работы.

2 іюня по этимъ вопросамъ состоялось засѣданіе Праваго Центра. Представители большинства доказывали возможность возсозданія Россіи нѣмецкими руками, гибельность для интересовъ страны японской интервенціи, практическую неосуществимость созданія въ серьезномъ масштабѣ Восточнаго фронта; наконецъ, указывали на новыя «тяжелыя бѣдствія, которыя выпадутъ на долю Россіи въ результатѣ столкновенія двухъ армій на линіи Волги»... Меньшинство, учитывая всѣ трудности, считало, что Восточный фронтъ облегчитъ объединеніе и возстановленіе русскихъ силъ, между тѣмъ, какъ «соглашеніе съ Германіей грозитъ Россіи полнымъ порабощеніемъ и угнетеніемъ національнаго духа»... И обѣ стороны не договаривали о своихъ затаенныхъ надеждахъ на побѣду: одни — германцевъ, другіе — союзниковъ.

Нѣтъ сомнѣнія, что на рѣшеніе вопроса повліяла и та общая концепція, которая связывала съ Германіей — идею реакціи или, во всякомъ случаѣ, монархической реставраціи, съ Согласіемъ — торжество либерализма или республиканскаго строя. Наконецъ, идейное расхожденіе двухъ группъ центра, по мѣрѣ усиленія его праваго крыла, становилось все болѣе рѣзкимъ и отношенія все болѣе неискренними.

8 іюня группа кадетъ и примыкавшихъ къ нимъ*** вышла изъ состава Праваго Центра. Расколъ не вызвалъ вражды, скорѣе — сожалѣніе. На послѣднемъ совмѣстномъ

---

* См. выше. Трубецкой считалъ необходимымъ при помощи Германіи собрать на Украйнѣ русскія силы, «ибо освобожденіе Москвы и Россіи могло быть сдѣлано только русскими руками».

** Докладъ безъ даты отъ начала іюня.

*** Кадеты Федоровъ, Астровъ, Степановъ и др.; Струве, Бѣлоруссовъ и друг.

засѣданіи представители средняго теченія «свободныхъ рукъ», князья Трубецкіе (Г. Н. и Е. Н.), особенно ярко переживавшіе событія, горячо убѣждали кадетъ, что не настало еще время ставить вопросъ на окончательное рѣшеніе, призывали къ терпимости...

— Я еще не хочу выходить ни на тотъ, ни на другой берегъ — говорилъ, волнуясь, Е. Н. Трубецкой. — Для Россіи еще не ясно, гдѣ ея спасеніе»*...

* * *

Расколъ Праваго Центра имѣлъ существенныя послѣдствія, произведя рѣзкую дифференціацію силъ, внеся еще большую ясность и опредѣленность въ политическій обликъ организацій.

Правый Центръ пополнилъ свой составъ представителями союза земельныхъ собственниковъ, церковно-приходскихъ и крайнихъ правыхъ московскихъ организацій**. Его лозунгами стали — монархія (для меньшинства — конституціонная), реакція (для меньшинства — «соціальныя реформы») и союзъ съ нѣмцами. Существовала, между прочимъ, идея обращенія къ патріарху, который «при помощи созваннаго на персональныхъ началахъ Земскаго Собора» долженъ былъ провозгласить царемъ вел. кн. Михаила Александровича.

Интересно, что въ вопросѣ о союзѣ съ нѣмцами тактика Центра допускала извѣстную двойственность. Такъ, въ посланіи своемъ въ Кіевъ и на Югъ*** Центръ подчеркивалъ, что «предположенные разговоры съ представителями Германіи не должны вліять... на отношенія Центра къ союзникамъ, съ которыми несомнѣнно должно поддерживать связи»... Въ отвѣтѣ на телеграмму Маклакова, предназначенномъ для союзниковъ[1], говорилось о тяжелой необходимости совмѣстной работы съ нѣмцами, но тѣмъ не менѣе... «мы остаемся вѣрными нашимъ союзникамъ, каковыми мы всегда и были... Ужели можно допустить, что мы виновны въ симпатіи къ нѣмцамъ»?.. Въ этомъ направленіи дѣлались и болѣе реальные шаги: делегація Центра[2] обратилась къ французскому генеральному консулу въ Москвѣ Гренару, убѣждая его въ томъ, что Россія безповоротно вышла изъ войны; что безъ согласія нѣмцевъ немыслима перемѣна положенія, что національная власть, которая возникнетъ, не будетъ германофильской, и что самимъ союзникамъ выгодно вывести Россію изъ состоянія хаоса...

«Этого у насъ не поймутъ — отвѣтилъ консулъ. — И всякое правительство, которое образуется при содѣйствіи Германіи, не будетъ нами признано»...

Группа, отколовшаяся отъ Праваго Центра, создала новую организацію — Національный Центръ. Это былъ типичный союзъ русскихъ либераловъ, по составу и политической программѣ почти однородный — кадетскій[3], по «оріентаціи» — ярко германофобскій и союзническій.

Національный Центръ порвалъ сношенія съ Правымъ Центромъ, вступилъ въ тѣсную связь съ Союзомъ Возрожденія и обратился къ ген. Алексѣеву съ просьбой принять званіе своего предсѣдателя. Въ комиссіяхъ Національнаго Центра шла большая подготовительная работа по возстановленію государственно-правовой жизни — по схемамъ, принятымъ на предыдущихъ кадетскихъ съѣздахъ. Въ частности, въ основаніе разработки двухъ важнѣйшихъ вопросовъ — аграрнаго и рабочаго, положены были слѣдующія общія начала: перваго — частная собственность и «разрывъ съ народническими реминисценціями»; по второму — «денаціонализація, десоціализація, но бережное обращеніе съ правами рабочихъ организацій и союзовъ». Вообще же всѣ эти вопросы не становились общественнымъ достояніемъ, не выносились изъ засѣданій комиссій обѣихъ группъ и

---

* Записка Астрова.

** Ширинскій-Шахматовъ, Роговичъ, Нейдгартъ, Треповъ... Крайніе правые дѣлали попытки самостоятельныхъ переговоровъ съ нѣмцами, но встрѣтили отрицательное къ себѣ отношеніе.

*** Отъ 12 іюня.

[1] Отъ 7 іюня.

[2] Кн. Г. Трубецкой.

[3] По опредѣленію одного изъ учредителей: «вездѣсущіе кадеты, лѣвые октябристы, правые торговопромышленники и прозрѣвшіе соціалисты» (Онипко, Алексинскій, Савинковъ...).

не вліяли поэтому на ихъ взаимоотношенія. Вопросъ же о созданіи временной національной власти встрѣтилъ крупныя разногласія и въ результатѣ длительныхъ споровъ привелъ къ компромиссу: Союзъ согласился на созывъ новаго Учредительнаго Собранія, а Центръ принялъ предложенную Союзомъ форму временной власти въ видѣ трехчленной директоріи. Уступка эта со стороны Центра имѣла чисто тактическое значеніе — «чтобы раньше времени не порывать съ ними», тѣмъ болѣе, что, какъ откровенно писалъ на Югъ членъ бюро Центра, Степановъ, не было сомнѣнія, что «директорія сама собой превратится въ единоличную власть». Въ составъ директоріи по предположенію организацій должны были войти одинъ генералъ, одинъ соціалистъ и одинъ не-соціалистъ. Союзъ Возрожденія намѣчалъ для этой цѣли изъ не-соціалистовъ Астрова, Милюкова или Набокова, изъ соціалистовъ Авксентьева. Національный Центръ воздержался отъ обсужденія этого вопроса, вызывавшаго принципіальное сомнѣніе, «стоитъ ли давать въ эту неустойчивую комбинацію имена сколько нибудь цѣнныя, а тѣмъ болѣе столь цѣнныя, какъ тѣ, что ими называются»...

Окончательной формы правленія въ Россіи обѣ организаціи не предрѣшали, но «носили въ сердцѣ своемъ». По этому вопросу Національный Центръ писалъ В. Шульгину: «Ваши друзья близки Вамъ въ своемъ отношеніи къ вопросу о монархіи... Но... провозглашеніе монархической идеи при настоящихъ настроеніяхъ было бы преждевременнымъ. Движеніе на Волгѣ, движеніе массъ въ большихъ центрахъ не были бы увлечены и подняты теперь провозглашеніемъ монархіи»...

Уклонявшіеся до тѣхъ поръ отъ какихъ либо обязательствъ союзники, настаивавшіе на согласованіи дѣйствій Національнаго Центра и Союза Возрожденія, теперь оказали имъ крупную денежную помощь, оживившую сильно дѣятельность организацій; союзническіе милліоны пошли на политическую работу центровъ, открытіе провинціальныхъ отдѣленій и отчасти на образованіе каждымъ изъ нихъ вооруженной силы, преимущественно офицерскаго состава. Распредѣленіе суммъ дѣлалось по соглашенію между президіумами, причемъ послѣдніе относились крайне ревниво къ своему пріоритету, препятствуя между прочимъ непосредственному субсидированію союзниками Добровольческой арміи. Большія союзническія деньги черезъ центры или, можетъ быть, непосредственно шли на содержаніе всякихъ контръ-развѣдокъ, которыя, какъ выяснилось впослѣдствіи, работали одновременно на союзниковъ, на нѣмцевъ, давали свѣдѣнія и московскимъ центрамъ, и арміи. Въ спискахъ агентовъ я къ своему удивленію нашелъ имена лицъ, принимавшихъ сомнительное участіе въ корниловскомъ выступленіи.

Въ офиціальномъ своемъ сообщеніи, адресованномъ объединеннымъ организаціямъ, московскіе представители союзниковъ торжественно подтверждали принципъ неприкосновенности русской территоріи, укрѣпляли надежды на скорое созданіе Восточнаго фронта, обѣщали экономическую помощь Россіи, обязывались не вмѣшиваться во внутреннюю русскую политику и не оказывать давленія на осуществленіе той или другой формы правленія.

Восточный фронтъ, однако, оставался только миражемъ. Манящимъ для однихъ и тревожнымъ для другихъ. Японская армія, «готовая уже въ февралѣ, ожидала окончанія переговоровъ союзниковъ, чтобы выступить»*, но переговоры сильно затягивались, благодаря подозрительности Америки и колебаніямъ прочихъ членовъ Согласія.

Они выжидали.

«Вторая Марна» (іюль 18 года) и затѣмъ отступленіе въ августѣ обезкровленныхъ германскихъ армій открыло новыя радужныя перспективы державамъ Согласія, отвративъ ихъ вниманіе отъ безконечно удаленнаго Восточнаго фронта. Но подобно тому, какъ это дѣлали нѣмцы, представители союзниковъ — одни сознательно, другіе по неосвѣдомленности — долго еще гальванизировали въ русскомъ обществѣ идею союзнической интервенціи и помощи просто только въ противовѣсъ германофильскимъ вліяніямъ.

Нужно замѣтить, что меньше всего иллюзій возбуждало образованіе Восточнаго фронта въ командованіи Добровольческой арміи. И генералъ Алексѣевъ, и я относились

* Изъ того же офиціальнаго сообщенія.

скептически къ серьезности и искренности желанія союзниковъ помочь намъ живой силой. Въ самый разгаръ переговоровъ объ интервенціи, въ концѣ іюня, ген. Алексѣевъ писалъ мнѣ о своихъ сомнѣніяхъ — о томъ, что у союзниковъ «сознанія безусловной необходимости этого фа[illegible]та не существуетъ... что между (ними) не только нѣтъ искренняго довѣрія другъ къ другу, но напротивъ — политическая подозрительность поставлена выше стратегическихъ соображеній». «Для насъ — продолжалъ онъ — болѣе важны пока не будущія войска, а чехо-словаки, ополченія Сибири, Оренбурга, Урала»...

* * *

Отдѣльно отъ политическихъ центровъ стоялъ Б. Савинковъ.

Пріѣхавъ въ Москву въ качествѣ члена при «донскомъ тріумвиратѣ», снабженный удостовѣреніями ген. Алексѣева, онъ широко исцользовалъ свое новое положеніе. Вмѣсто «привлеченія на Донъ нѣкоторыхъ извѣстныхъ демократическихъ дѣятелей», какъ формулируетъ Савинковъ данное ему порученіе, онъ предпринялъ самостоятельную организацію въ Москвѣ, прикрываясь именами генераловъ Корнилова и Алексѣева и отвлекая тѣмъ силы отъ Добровольческой арміи.

Его неукротимая энергія, его кипучая дѣятельность и безграничное дерзаніе сопровождались явнымъ успѣхомъ. Ему удалось найти доступъ къ союзникамъ — до тѣхъ поръ глухимъ ко всѣмъ призывамъ Праваго Центра и Союза Возрожденія — и, что еще важнѣе, получить первоначально отъ Массарика, потомъ и отъ союзниковъ серьезную денежную поддержку. Офицеры шли въ организацію — не къ Савинкову, а «на зовъ» генераловъ Корнилова и Алексѣева. Безъ большого труда Савинкову удалось вызвать расколъ въ военной организаціи Праваго Центра ген. Д., смущенной германофильствомъ своихъ руководителей, и привлечь часть ихъ на свою сторону.

Пополненная, такимъ образомъ, почти исключительно офицерствомъ, Савинковская организація приняла названіе «Союза защиты Родины и Свободы» и къ концу мая, по его словамъ, насчитывала до 5½ тысячъ человѣкъ*, разбросанныхъ, однако, въ Москвѣ и въ 34 провинціальныхъ городахъ.

Такая численность была очевидно слишкомъ ничтожной; но это была единственная реальная сила въ центрѣ страны, и Савинковъ умѣлъ импонировать ею и союзникамъ, и политическимъ организаціямъ. До такой степени, что когда въ серединѣ апрѣля прибылъ въ Москву представитель ген. Алексѣева полковникъ Лебедевъ и сдѣлалъ попытку объединить вокругъ имени его и Добровольческой арміи московское движеніе, онъ встрѣтилъ категорическое требованіе союзниковъ «равнаго участія Савинкова не только въ политической, но и въ чисто военной сторонѣ предпріятія». Лебедевъ вынужденъ былъ поэтому устраниться отъ участія въ работѣ.

Однако, политическое одиночество Савинкова препятствовало широкому развитію дѣла, тяготило его и смущало союзниковъ. Такъ какъ съ Правымъ Центромъ у Савинкова не могло быть ничего общаго, а лѣвый (Союзъ Возрожденія) не говорилъ о немъ иначе, какъ «со скрежетомъ зубовнымъ», естественнымъ было его обращеніе въ Національный Центръ, который встрѣтилъ сочувственно предложеніе и возглавилъ Савинковскую организацію.

Савинковъ, по несчастью, счелъ возможнымъ взять на себя и роль полководца**, проявивъ при этомъ совершенно неожиданныя стратегическія соображенія. Одновременно съ организованнымъ имъ покушеніемъ на Ленина и Троцкаго въ Москвѣ, предполагалось выступить въ Ярославлѣ, Рыбинскѣ, Муромѣ, Владимірѣ и Калугѣ, «окруживъ столицу возставшими городами и пользуясь поддержкой союзниковъ на сѣверѣ и чехо-словаковъ, занявшихъ Самару (8 іюня), на Волгѣ... Союзники, высадившись въ Архангельскѣ, могли безъ труда занять Вологду и, опираясь на взятый нами Ярославль, угрожать Москвѣ»***.

---

* По свѣдѣніямъ штаба Добровольческой арміи фактически было 2—3 тыс.

** Въ брошюрѣ Савинкова «Борьба съ большевиками» онъ подчеркиваетъ свою роль какъ руководителя операціи въ разсужденіяхъ, чрезвычайно наивныхъ съ военной точки зрѣнія.

*** «Ярославль держался 17 дней — добавляетъ Савинковъ — время, болѣе, чѣмъ достаточное для того, чтобы союзники могли подойти изъ Архангельска».

Выступленіе было назначено въ ночь съ 5 на 6 іюля.

Для характеристики этого плана нужно добавить, что Савинковъ имѣлъ тѣсную связь съ союзными посольствами, своихъ развѣдчиковъ въ большевицкомъ штабѣ и германскомъ посольствѣ, слѣдовательно, былъ въ курсѣ военной обстановки, «ежедневно получая свѣдѣнія о передвиженіяхъ нѣмецкихъ и большевицкихъ войскъ»; что высадка англичанъ въ Архангельскѣ произошла только 2 августа и что по желѣзной дорогѣ отъ Архангельска до Ярославля 787 верстъ, а отъ Москвы до Самары — 993!..

Національный Центръ усумнился, правда, въ цѣлесообразности выступленія, явно неподготовленнаго. Но Савинковъ отвѣтилъ, что «конспирація не можетъ оставаться въ бездѣйствіи долѣе опредѣленныхъ сроковъ... Отсрочка поведетъ къ разложенію и провалу... Операція, правда, не совсѣмъ подготовлена, но французы торопятъ, а дѣйствія, разъ начавшись, могутъ развиться стихійно и восполнить пробѣлы»*.

Такъ какъ Савинковъ увѣрилъ Національный Центръ, что онъ дѣйствуетъ съ полнаго согласія ген. Алексѣева, то Центръ предложилъ ему при занятіи той или иной мѣстности распространять воззванія отъ имени «Сѣверной Добровольческой арміи, подчиненной ген.-отъ инфантеріи Алексѣеву»**...

6 іюля состоялся рядъ выступленій въ Ярославлѣ, Рыбинскѣ, Муромѣ, окончившихся кровавой расправой большевиковъ съ беззащитнымъ населеніемъ, гибелью множества офицеровъ и разрушеніемъ всей организаціи.

Когда въ іюлѣ въ Москву отправлялся полковникъ Новосильцевъ***, ген. Алексѣевъ, въ числѣ другихъ порученій, далъ ему указаніе «предостеречь офицеровъ въ Москвѣ отъ организаціи и совѣтовать имъ изъ центра уѣзжать на Донъ, на Волгу, въ Сибирь, только не сидѣть на мѣстѣ и не ѣхать на Украйну, ибо въ центрѣ ихъ ожидаетъ гибель или привлеченіе въ красную армію». Обращеніе въ этомъ духѣ, отъ имени ген. Алексѣева, подписанное Новосильцевымъ и А. Ладыженскимъ[1], появилось дѣйствительно, вызвавъ сильный гнѣвъ Національнаго Центра. 22 іюля Центръ писалъ ген. Алексѣеву: «мы считаемъ это (обращеніе) вреднымъ и способнымъ породить недоразумѣнія. Въ немъ говорится, что всякая организація офицерства помимо Добровольческой арміи является авантюрой. Это не такъ. Намъ на Сѣверѣ необходимо имѣть наши русскіе отряды (Савинкова?), которые дѣйствовали бы въ общемъ согласованномъ съ союзниками планѣ, были бы опорой для Сѣвера и составляли бы часть арміи, находящейся подъ Вашимъ общимъ руководствомъ».

Тѣмъ не менѣе легенда о сотрудничествѣ Савинкова съ ген. Алексѣевымъ пустила глубокіе корни, попадая часто въ печать и сильно нервируя генерала. Чтобы положить конецъ этимъ слухамъ, ген. Алексѣевъ по поводу одной довольно безобидной газетной замѣтки составилъ собственноручное опроверженіе, носящее слѣды большого раздраженія: «никакого представителя Б. В. Савинкова въ Екатеринодарѣ не было, а потому... никакой бесѣды быть не могло. Самъ Савинковъ, по многимъ обстоятельствамъ, въ раіонъ Добровольческой арміи прибыть не можетъ, и прибытія его никто не ожидаетъ... Помѣщеніе подобныхъ замѣтокъ можетъ нанести неисправимый вредъ Добровольческой арміи»[2].

Савинковъ послѣ неудачнаго выступленія побывалъ въ Сибири и, не встрѣтивъ тамъ признанія, уѣхалъ въ Парижъ.

---

* Записка Астрова. Тѣ же мотивы приведены были ближайшимъ соучастникомъ Савинкова — Дикгофъ-Деренталемъ въ «Отечественныхъ Вѣдомостяхъ».

** Докладъ Бѣлоруссова.

*** Б. предсѣдатель офицерскаго союза.

[1] Командированъ одновременно съ ген. Казановичемъ.

[2] Отзывъ редактору «Кубанскаго Края» 31 августа 18 года № 312.

ГЛАВА XI.

Германофильство Праваго Центра и Милюкова. Группа Шульгина. Взаимоотношенія Добровольческой арміи съ политическими организаціями и союзниками. Роль офицерства.

Сношенія Праваго Центра съ нѣмцами послѣ раскола его продолжались, не приводя, однако, ни къ какимъ результатамъ. Нѣмецкіе дипломаты не лишали своихъ собесѣдниковъ надеждъ, но и не давали никакихъ положительныхъ обѣщаній. Въ офиціальномъ обзорѣ отъ 14 іюня своихъ сношеній съ нѣмцами, Центръ суммировалъ высказанныя ими положенія:

«Въ Германіи — въ правыхъ и военныхъ кругахъ — имѣется сильное теченіе въ пользу установленія въ будущемъ добрососѣдскихъ отношеній къ Россіи, въ результатѣ— возстановленіе ея единства и мощи... Возможенъ поэтому пересмотръ Брестскаго договора... Однако, успѣхъ подобной политики зависитъ отъ того, насколько широко и авторитетно будетъ теченіе въ самой Россіи за прекращеніе недоброжелательнаго отношенія къ Германіи. Представители посольства явныхъ признаковъ такого теченія не различаютъ. Большинство общественныхъ круговъ... продолжаетъ видѣть спасеніе Россіи въ побѣдѣ союзниковъ и отрицаетъ возможность какого либо соглашенія съ нѣмцами».

Въ сухомъ и безстрастномъ циркулярѣ Центра какъ будто звучалъ укоръ столь непрактичному проявленію общественнаго настроенія. Составители циркуляра не подмѣтили того бездоннаго цинизма, съ которымъ представители страны, ввергнувшей Россію въ бездну и не сдѣлавшей еще ни одного шага къ облегченію ея трагическаго положенія, смѣли ожидать довѣрія и расположенія къ себѣ. Уподобляя великій народъ побитому псу, лижущему ноги господина, въ надеждѣ на милость его и крохи съ господскаго стола.

Кромѣ тѣхъ «неофиціальныхъ» разговоровъ, которые весьма часто вели съ нѣмцами члены Праваго Центра въ порядкѣ дружбы и знакомства, президіумъ уполномочилъ вести переговоры бар. Б. Нольде и кн. Г. Трубецкого. Послѣдній долженъ былъ посѣтить Донъ и Добровольческую армію, въ поискахъ русской военной силы, а также Кіевъ, гдѣ, какъ предполагалось, достаточно подготовлена почва для соглашенія съ нѣмцами — правыми кругами и... неожиданнымъ союзникомъ Праваго Центра Милюковымъ.

Милюковъ во время господства на Дону большевиковъ скрывался въ Ростовѣ. Послѣ освобожденія города нѣмцами онъ жилъ тамъ еще около мѣсяца. Насъ — въ Мечетинской* — глубоко поразила статья, появившаяся въ «Пріазовскомъ Краѣ» за подписью Оргина. Если не въ авторѣ, то въ главномъ персонажѣ ея, отъ имени котораго шла рѣчь — маститомъ вождѣ — мы узнали безъ труда П. Н. Милюкова, проповѣдующаго... соглашеніе съ нѣмцами.

Эту идею Милюковъ настойчиво и страстно сталъ проводить и въ письмахъ къ ген. Алексѣеву. Они производили тяжелое впечатлѣніе. Мы дважды приглашали его

---

* Стоянка штаба Добровольческой арміи.

пріѣхать въ Мечетинскую, пріобщиться хоть немного къ нашей жизни и уяснить себѣ психологію добровольчества и его вождей. Почему то, однако, Милюковъ къ намъ не пріѣхалъ, а въ концѣ мая отправился въ Кіевъ.

Интересно, что такой крутой переломъ въ міровоззрѣніи Милюкова произошелъ на протяженіи всего только двухъ недѣль. 3 мая еще онъ писалъ ген. Алексѣеву: «я былъ страшно огорченъ появленіемъ въ Ростовѣ добровольцевъ (отрядъ полковника Дроздовскаго) вмѣстѣ съ германцами, развернувшихъ трехцвѣтный національный флагъ рядомъ съ германской каской. На словахъ можно сколько угодно отрицать связь съ германцами; но связь сотрудничества фактическаго остается и подкрѣпляетъ всю ту ложь и клевету, которая распространяется по поводу Добровольческой арміи»... Единственный выходъ изъ создавшагося положенія онъ видѣлъ въ томъ, чтобы ген. Алексѣевъ «какъ можно скорѣе и рѣзче отгородилъ свой и нашъ починъ отъ ихъ неудачнаго продолженія», для чего необходимо «формально распустить Добровольческую Армію, объявивъ для всеобщаго свѣдѣнія, что сражаться рядомъ съ германцами даже противъ большевиковъ Вы не пойдете». «Дальнѣйшее размышленіе» привело Милюкова къ другому заключенію: на случай «невмѣшательства нѣмцевъ въ наши внутреннія дѣла» необходимо, чтобы ген. Алексѣевъ и его сотрудники «не покидали Добровольческой арміи и чтобы сама она не расходилась и продолжала существовать, какъ часть арміи Донской области»... А 19 мая Милюковъ перешелъ къ третьему варіанту и убѣжденно доказывалъ: «законъ самохраненія для насъ теперь — высшій законъ... Никакіе договоры не могутъ сохранять силы при такомъ измѣненіи обстановки... Союзники несутъ долю отвѣтственности, вслѣдствіе своей переоцѣнки значенія и излишней снисходительности къ тенденціямъ нашихъ лѣвыхъ теченій... Германцы хозяева положенія и заинтересованы въ томъ, чтобы государство было возстановлено... Они дорожатъ нашимъ единствомъ и царемъ»... И какъ выводъ: «нужно вступить въ переговоры съ нѣмцами, принять ихъ поддержку и спѣшно освободить Москву»; при этомъ нѣмцы «должны перевезти армію до крайняго возможнаго пункта... отказавшись (сами) отъ вступленія въ Москву».

Исторія эволюціи Милюкова и переговоровъ съ нѣмцами изложена въ запискѣ его Правому Центру отъ 29 іюля (11 августа). Политическій удѣльный вѣсъ автора и то большое впечатлѣніе, которое произвела въ свое время его позиція въ русско-нѣмецкомъ вопросѣ, заставляетъ меня привести этотъ докладъ полностью.

«Изъ сообщенія кн. Гр. Ник. я вижу, что не только въ общихъ чертахъ, но и почти во всѣхъ подробностяхъ наши взгляды на способы вывести Россію изъ настоящаго положенія совпадаютъ. Подобно ему я считаю возстановленіе государственности и объединеніе Россіи первой и главной задачей, нахожу, что необходимо скорѣйшее осуществленіе этой задачи, чтобы не увеличить ея трудности; считаю, что такого скорѣйшаго разрѣшенія нельзя достигнуть безъ контакта съ германцами и что предметомъ такого контакта должно быть созданіе въ Москвѣ не мѣстнаго только «сѣвернаго» правительства, а правительства національнаго, способнаго объединить Россію и для этого заручившагося согласіемъ Германіи на пересмотръ теперь же, а не по окончаніи войны Брестскаго договора.

Для выясненія возможности этого я — не по моей, а по германской иниціативѣ — вступилъ въ «необязательныя» сношенія съ представителемъ Oberkommando и имѣлъ (впрочемъ очень поверхностный) разговоръ съ Муммомъ. Въ ихъ лицѣ я встрѣтился съ двумя теченіями, которыя и въ Германіи борются по вопросу объ объединеніи Россіи. Одно изъ нихъ, представленное дипломатами и считавшее себя до сихъ поръ въ согласіи съ рейхстагомъ, стояло за разъединеніе Россіи, созданіе Randstaaten и сближеніе съ Англіей. Другое, представленное вліятельными военными кругами, но теперь распространяющееся и въ либеральныхъ и даже въ соціалистическихъ кругахъ, стоитъ за созданіе изъ Россіи сильной союзницы въ будущемъ для борьбы съ Англіей и съ этой цѣлью, а также по принципіальнымъ соображеніямъ (на лѣвомъ флангѣ) склоняется къ пересмотру Брестскаго договора. Первое до сихъ поръ считалось официальнымъ, но перестаетъ имъ быть послѣ отставки Кюльмана. Второе имѣетъ серьезные шансы сдѣлаться официальнымъ. Его успѣхъ сказывается уже теперь въ томъ, что имѣется теченіе компромиссное — самое опасное для насъ — соглашающееся на частичный пересмотръ Брестскаго договора и на неполное объединеніе Россіи.

Германцы, искавшіе до сихъ поръ способа создать «сѣверное правительство» безъ всякаго пересмотра Брестскаго договора, будутъ, конечно, теперь добиваться соглашенія на наиболѣе выгодныхъ для себя условіяхъ — съ наиболѣе сговорчивыми. Но они понимаютъ, что должны считаться съ возможно широкимъ фронтомъ общественнаго мнѣнія, включая и непріятныхъ для нихъ к. д. Этимъ нужно воспользоваться, чтобы нашъ фронтъ объединить на одной опредѣленной программѣ, изъ которой ужъ ничего не уступать къ моменту, когда переговоры начнутся серьезно.

Я предлагалъ бы для такой программы слѣдующія положенія:

1) Правительство должно быть національнымъ и объединительнымъ съ самаго начала, съ первыхъ шаговъ. Для этого необходимо, чтобы оно явилось на свѣтъ сразу, какъ монархическое, и могло бы говорить отъ имени нѣкотораго ядра объединенной теперь же, а не въ будущемъ Россіи. А для этого нужно:

а) Теперь же остановиться на опредѣленной личности кандидата на престолъ и вступить съ этимъ кандидатомъ въ непосредственныя отношенія, получивъ его санкцію — дѣйствовать его именемъ. Я лично предлагалъ бы отыскать в. кн. Михаила Александровича, мѣстопребываніе котораго должно быть извѣстно его близкимъ въ Москвѣ.

б) Такъ какъ при создавшемся положеніи вопросъ территоріальнаго объединенія не можетъ быть предметомъ односторонняго акта новаго правительства, а долженъ быть рѣшенъ предварительными переговорами съ отдѣльными образовавшимися теперь правительствами, — успѣхъ же переговоровъ можетъ быть обезпеченъ лишь при опредѣленномъ отношеніи къ нимъ Германіи, — то я считаю необходимымъ ввести уже въ наши переговоры съ германцами условіе, что до созданія Правительства будутъ выяснены благопріятные отвѣты, по крайней мѣрѣ, главнѣйшихъ изъ создавшихся правительствъ и будетъ выработанъ актъ объединенія, который могъ бы быть опубликованъ новымъ правительствомъ, какъ національнымъ, въ первые же дни его существованія.

2) Исходной точкой переговоровъ должна быть неприкосновенность всей прежней территоріи Россіи, за исключеніемъ Финляндіи* (но со стратегическими гарантіями со стороны послѣдней) и Польши (въ границахъ прежняго Царства Польскаго, безъ Холмщины и съ этнографическимъ обмѣномъ сѣвера Августовской губ. на части уѣздовъ Сокальскаго и Бѣльскаго). Въ моихъ («необязательныхъ») переговорахъ трудность представляла лишь Курляндія, относительно которой я соглашался на «исправленіе границъ». Не знаю, какъ мы можемъ уступить Либаву. Вопросъ о Крымѣ и Закавказьи не былъ затронутъ, и я опасаюсь, что за умолчаніемъ могутъ скрываться особые виды Германіи на эти опорные пункты въ будущей борьбѣ съ Англіей. Но этихъ территорій, конечно, мы пожертвовать не можемъ. При прежнемъ взглядѣ трудность представлялъ также вопросъ объ особыхъ правахъ Украйны, которую германцы хотѣли надѣлить правами Баваріи. Я не отрицалъ возможности идти относительно Украйны нѣсколько далѣе простой автономіи, съ тѣмъ, чтобы это не служило образцомъ для другихъ объединяемыхъ частей, но не соглашался ни на особую армію, ни на остатки дипломатическаго представительства, ни на расширенныя права относительно желѣзныхъ дорогъ, почтъ и телеграфа и т. д. Основнымъ требованіемъ объединенія я считалъ суверенитетъ центральныхъ органовъ, единство территоріи и гражданства, а также созданіе верхней палаты по типу Bundesrat'a.

3) Такъ какъ при такой постановкѣ вопроса Германія должна искать своихъ преимуществъ не въ территоріальныхъ пріобрѣтеніяхъ, а въ экономическихъ выгодахъ, то необходимо теперь же привлечь нашихъ промышленниковъ къ пересмотру этой части договора и просить ихъ указаній, до какихъ предѣловъ могутъ простираться здѣсь наши уступки, — вообще необходимыя. Я обращался съ этой просьбой къ профессору Савину въ Кіевѣ и къ А. И. Каминкѣ въ Петроградѣ, но надо, чтобы эта работа была предпринята въ Москвѣ — и немедленно.

4) Помимо общихъ уступокъ по торговому договору, придется сдѣлать (или санкціонировать) и временныя — для территорій, нынѣ занятыхъ германцами. Но при этомъ необходимо, во первыхъ, ввести въ опредѣленныя правовыя границы непредусмотрѣнную, кажется, въ учебникахъ международнаго права, власть германцевъ въ области администраціи и суда, теперь безграничную даже на Украйнѣ, не говоря о Литвѣ, и, во вторыхъ, оговорить для ближайшаго же времени полную свободу сообщеній и товарообмѣна для объединяемыхъ областей, единство валюты и помощь какъ вооруженіемъ (у насъ же отобраннымъ), такъ и денежнымъ займомъ, при немедленномъ возстановленіи нашей арміи.

5) Признаніе нейтралитета, по необходимости благожелательнаго относительно германцевъ, но съ прекращеніемъ всякихъ враждебныхъ дѣйствій на территоріи возстанавливаемой Россіи. Національное правительство, кромѣ единства, должно дать Россіи дѣйствительный миръ и выходъ изъ войны, чего не могли бы дать большевики: въ этомъ будетъ его санкція въ глазахъ населенія.

Быть можетъ, въ Москвѣ считаютъ преждевременнымъ говорить о началахъ будущей внутренней политики, но, мнѣ кажется, необходимо было бы заблаговременно сговориться: безъ этого трудно было бы приступить къ группировкѣ сочувствующихъ «Правому Центру» элементовъ на мѣстахъ. Поэтому предлагаю на обсужденіе нѣсколько пунктовъ, которые кажутся наиболѣе существенными:

1) Устройство коалиціонной власти на основѣ программы «Праваго Центра», но съ устраненіемъ изъ ея состава сторонниковъ самодержавія, съ одной стороны, и сторонниковъ оріентаціи «Лѣваго Центра»** и прежняго Учредительнаго Собранія, съ другой стороны.

2) Въ интересахъ поддержки демократическихъ слоевъ (крестьянство и кооперація) и возстановленія соціальнаго мира — немедленный приступъ къ аграрной реформѣ, возстановляющей всѣ нарушенныя права, но имѣющей цѣлью найти рѣшенія, возможно близкія къ сложившемуся хаотическому положенію землевладѣнія. Возстановленіе свободы земельныхъ сдѣлокъ до реформы безъ

---

* Если будутъ настаивать на выходѣ ея къ Ледовитому океану, я предлагалъ бы (не трогая, конечно, Мурмана) обмѣнъ ближайшей къ Норвегіи полосы на Выборгскую губернію. [Примѣчаніе Милюкова].

** «Союзъ Возрожденія Россіи». (Авторъ).

нарушенія ея принциповъ и съ принятіемъ немедленныхъ мѣръ противъ перехода земли въ собственность иностранцевъ.

3) Пересмотръ избирательнаго закона для городскихъ и земскихъ органовъ самоуправленія: введеніе возрастнаго ценза и ценза осѣдлости, двустепенность выборовъ въ деревнѣ, пересмотръ вопроса о волостномъ земствѣ, но не возвращеніе къ куріальной системѣ и не возстановленіе старыхъ земствъ.

4) Установленіе переходнаго періода до начала функціонированія правильнаго національнаго представительства. Созывъ, въ случаѣ надобности, для переходнаго періода совѣщательнаго органа, вродѣ «Совѣта республики» изъ общественныхъ элементовъ, стоящихъ на государственной точкѣ зрѣнія, и выработка при его содѣйствіи закова о политическомъ представительствѣ.

Способовъ санкціи основного закона, октроированнаго монархомъ, я не касаюсь здѣсь, но обращаю Ваше вниманіе на то, что долженствующій быть опубликованнымъ отъ имени монарха основной законъ долженъ быть готовъ ко времени созданія новаго правительства и было бы очень печально, если бы онъ оказался похожъ на временные основные законы Скоропадскаго и Краснова. Надо теперь же засадить за эту работу нашихъ юристовъ (Нольде, Лазаревскаго, К. Н. Соколова, В. М. Гессена).»

Къ мыслямъ, изложеннымъ въ этой запискѣ, остается добавить болѣе интимныя, высказанныя въ письмахъ* къ ген. Алексѣеву:... что съ предложеннымъ планомъ необходимо спѣшить, потому что въ Кіевѣ въ другихъ кругахъ переговоры идутъ полнымъ ходомъ и можно очутиться передъ совершившимся фактомъ... Что необходимо создать хоть фикцію освобожденія Москвы руками Добровольческой арміи — не нѣмецкими... Наконецъ, что пріятіе Милюковымъ конституціонной монархіи произошло не безъ борьбы... «было бы несравненно пріятнѣе, если бы его объ этомъ не спрашивали и неизбѣжное совершилось само собой»...

Общія положенія Милюкова вошли въ основаніе и анонимной записки, составленной посломъ Праваго Центра кн. Г. Трубецкимъ и отправленной нѣмцамъ съ одобренія Милюкова и Кривошеина.

* * *

Можно отнестись различно къ германофильскимъ теченіямъ въ русскихъ интеллигентскихъ кругахъ въ 1917—1918 годахъ, съ точки зрѣнія національной и этической. Но одно безспорно, что они были безпочвенны и въ смыслѣ государственномъ — безполезны.

Жизнь шагъ за шагомъ разбивала иллюзіи.

Нѣмцы неожиданно и рѣзко порвали сношенія съ Милюковымъ, и гетманъ, очевидно подъ ихъ давленіемъ, поставилъ передъ своимъ правительствомъ категорически вопросъ о высылкѣ Милюкова изъ Кіева. Совѣтъ министровъ почти единогласно отказался выполнить это требованіе, но Милюковъ, не желая быть причиной министерскаго кризиса, уѣхалъ добровольно въ деревню, въ Черниговскую губернію.

Никакого отвѣта не послѣдовало и на записку кн. Г. Трубецкого.

Были и другіе симптомы, болѣе внушительные.

16 іюля произошла Екатеринбургская драма, и глубоко возмущенная общественная совѣсть винила въ этомъ злодѣяніи германскую власть, имѣвшую неограниченное вліяніе на совѣтъ комиссаровъ и не пожелавшую воспользоваться имъ для спасенія царской семьи...

Въ Москвѣ и центральной Россіи свирѣпствовалъ жестокій терроръ, обрушившійся съ особенной силой на голову несчастнаго офицерства. Въ разгромѣ нѣкоторыхъ московскихъ военныхъ организацій ясно было сотрудничество нѣмцевъ съ большевиками. Конспирирующая Москва волновалась, возмущалась, называла имена**... Когда гетманское правительство сочло необходимымъ заявить въ Берлинѣ протестъ противъ большевицкаго террора, германскій министръ иностр. дѣлъ Гинце отвѣтилъ: «императорское правительство воздержится отъ репрессивныхъ мѣръ противъ совѣтской власти», такъ какъ то, что дѣлается въ Россіи, «не можетъ быть квалифицировано, какъ терроръ»;

* 19 и 21 мая.

** Отголоскомъ разгрома правой организаціи было дѣло ген. Дрейера на Югѣ Россіи, обвиненнаго офицерствомъ въ выдачѣ организаціи нѣмцамъ, преданнаго полевому суду и оправданнаго за недостаткомъ уликъ.

происходятъ лишь «случаи уничтоженія попытокъ безотвѣтственныхъ элементовъ... провоцирующихъ безпорядокъ и анархію»*. Да и какъ было вступиться нѣмецкому правительству, когда въ Москвѣ его представители — старшій совѣтникъ посольства Рицлеръ и начальникъ контръ-развѣдки Мюллеръ находились въ тѣсномъ сотрудничествѣ съ Караханомъ и Дзержинскимъ и снабжали ихъ «списками адресовъ, гдѣ должны были быть обнаружены преступныя воззванія и сами заговорщики... противъ совѣтской власти»**... При свѣтѣ этихъ позднихъ откровеній какая жуткая роль приходится на долю руководителей противобольшевицкихъ организацій, работавшихъ въ контактѣ съ нѣмцами!..

Убійство Мирбаха и Эйхгорна не вызвало охлажденія въ отношеніяхъ нѣмцевъ къ большевикамъ. Наоборотъ, 16 августа Германія заключила съ совѣтской Россіей «дополнительное соглашеніе» къ Брестъ-Литовскому договору. Это соглашеніе, какъ извѣстно, окончательно закрѣпило распадъ Россіи и экономическую кабалу ея цѣною признанія Германіей совѣтской власти, политическаго и военнаго сотрудничества съ нею.

Большевизмъ, переживавшій тогда тяжелые дни, былъ спасенъ. Государственные дѣятели Германіи не могли отрѣшиться отъ своей роковой политики въ отношеніи Россіи даже въ ту пору, когда стало очевиднымъ, что надъ ихъ страной нависаетъ катастрофа, война кончается, и пора подумать о будущихъ связяхъ сосѣднихъ народовъ, такъ безумно, такъ нерасчетливо напоенныхъ несмываемой обидой и органической ненавистью. Ибо тогда уже вожди германской арміи заявили открыто императору и правительству, что войной нѣтъ болѣе никакихъ надеждъ добиться мира***.

Какъ ни предусмотрительна и сурова была нѣмецкая цензура и благопріятствующая ей большевицкая, свѣдѣнія объ истинномъ положеніи дѣлъ на фронтѣ міровой борьбы проникали въ Россію, отражаясь на общественныхъ настроеніяхъ и способствуя значительно ослабленію германофильскихъ теченій. И кн. Г. Трубецкой, принявшій на себя не безъ внутренней борьбы неблагодарную и лично для него тяжелую роль, побывавъ на Украйнѣ, на Дону и пріѣхавъ въ Добровольческую армію, доносилъ Правому Центру[1]: «эта тенденція — невозможность какихъ либо соглашеній съ нѣмцами — настолько безповоротна, что объ этомъ не стоитъ начинать разговора ни съ однимъ вождемъ Добровольческой арміи. Но я этого не дѣлалъ и по другимъ причинамъ... Не опасаясь упрековъ, которые навлекли на себя, мы останавливались и на возможности соглашенія съ Германіей, какъ на самомъ безболѣзненномъ рѣшеніи вопроса. Наша совѣсть чиста, но упорствовать дальше на комбинаціи неосуществимой невозможно»...

* * *

Въ Кіевѣ, обособленно отъ правыхъ организацій, стояла группа В. Шульгина. Не политическая партія, не организація — именно группа единомышленниковъ, имѣвшая, однако, серьезное вліяніе въ кіевскихъ буржуазныхъ и военныхъ кругахъ[2].

Едва ли не съ наибольшей страстностью, съ пыломъ и прямолинейностью, группа Шульгина проповѣдывала три основныхъ своихъ лозунга — борьбу съ большевизмомъ, вѣрность союзникамъ и монархію. Монархію безоговорочную, немедленную, открыто исповѣдуемую. Для Шульгина и его единомышленниковъ монархизмъ былъ не формой государственнаго строя, а религіей. Въ порывѣ увлеченія идеей они принимали свою вѣру за знаніе, свои желанія за реальные факты, свои настроенія за народныя. На Югъ шли посланія, доклады, сводки, въ которыхъ яркими красками изображался ростъ монархическаго движенія въ странѣ. Шульгинъ осуждалъ постоянно политику руководителей Добровольческой арміи, убѣждалъ друзей, что «скоро въ Россіи не будетъ никакихъ республиканцевъ», и просилъ «разъяснить руководителямъ арміи, что никакія

---

* Телеграмма украинскаго посла барона Штейнгеля изъ Берлина отъ 28 сентября.

** «Красная книга». Офиц. большев. изданіе.

*** Конференція въ Спа 2 августа.

[1] Докладъ отъ 29 августа.

[2] На выборахъ въ украинское Учредительное собраніе группа Шульгина получила въ Кіевѣ 25,428 голосовъ.

воззванія съ Учредительнымъ собраніемъ и народоправствомъ не привлекутъ въ армію никого»... Вмѣстѣ съ тѣмъ Шульгинъ настаивалъ на сосредоточеніи въ рукахъ его организаціи распредѣленія въ Кіевскомъ центрѣ пополненій для всѣхъ противобольшевицкихъ армій.

Эти посланія получали распространеніе на Югѣ, оказывая извѣстное вліяніе на офицерство и на самого генерала Алексѣева. Въ письмѣ его къ Шульгину я нашелъ впослѣдствіи слѣдующія фразы: «относительно нашего лозунга — Учредительное собраніе — необходимо имѣть ввиду, что выставляли мы его лишь въ силу необходимости. Въ первомъ же объявленіи, которое нами будетъ сдѣлано, о немъ уже упоминаться не будетъ совершенно. Наши симпатіи должны быть для Васъ ясны, но проявить ихъ здѣсь открыто было бы ошибкой, т. к. населеніемъ это было бы встрѣчено враждебно. Отъ прежняго лозунга мы отказываемся. Для объявленія же новаго нужны соотвѣтствующія обстоятельства и прежде всего подвластная только намъ территорія. Это будетъ, какъ только мы перейдемъ къ нашимъ активнымъ планамъ»*...

Шульгинъ видѣлъ въ соглашеніи съ нѣмцами — новое и окончательное закрѣпощеніе Россіи, а въ возстановленіи монархіи нѣмецкими руками — національное бѣдствіе: «монархія и династія будутъ тогда окончательно скомпрометированы»... Шульгинская группа твердо настаивала на легитимномъ принципѣ**, но тотчасъ же подъ давленіемъ чрезвычайныхъ условій жизни вступала съ нимъ въ рѣзкое противорѣчіе: акты 2 и 3 марта*** непререкаемы — говорили они — отсюда связанность Михаила Александровича словомъ въ отношеніи Учредительнаго собранія. Тяжкая болѣзнь и вообще неопредѣленность судьбы цесаревича Алексѣя Николаевича... «Личныя качества» другихъ законныхъ преемниковъ... Какъ выходъ, Шульгинъ предлагалъ весьма сложную систему «добровольныхъ (?) отказовъ менѣе подходящихъ кандидатовъ, пока престолъ не перейдетъ къ лицу, болѣе или менѣе извѣстному населенію или, во всякомъ случаѣ, не возбуждающему нежелательнаго противодѣйствія»...

Въ качествѣ техническаго аппарата группы Шульгинъ основалъ конспиративный органъ, подъ названіемъ «Азбука». Вначалѣ этотъ органъ черпалъ средства для своего существованія исключительно изъ частныхъ источниковъ; въ іюлѣ 18 года, порвавъ съ Правымъ Центромъ, ввиду его нѣмецкой оріентаціи, Шульгинъ вошелъ въ тѣсную связь съ Національнымъ Центромъ, и «Азбука» получила при посредствѣ послѣдняго крупное пособіе изъ суммъ, отпускаемыхъ союзниками; перенеся впослѣдствіи свое ядро въ Екатеринодаръ, «Азбука» стала однимъ изъ освѣдомительныхъ органовъ Добровольческой арміи, и съ февраля 19 года содержаніе ея было отнесено на кредиты штаба.

Въ кіевскій періодъ своей дѣятельности «Азбука», по словамъ Шульгина, ставила себѣ весьма широкія задачи: политическую и военную развѣдку въ отношеніи большевиковъ, нѣмцевъ и Украинской республики; вербовку въ противобольшевицкія арміи; участіе въ организаціи вооруженныхъ возстаній и выступленій противъ большевиковъ; связь и информированіе лицъ императорской фамиліи, московскихъ Центровъ и Добровольческой арміи.

Дѣйствительно, «Азбука» давала арміи весьма большой и цѣнный развѣдочный матеріалъ, преимущественно о политическомъ и военномъ положеніи на Украйнѣ. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, страстная проповѣдь ея «немедленнаго поднятія монархическаго флага» нарушала душевное равновѣсіе кіевскаго и добровольческаго офицерства и, какъ увидимъ ниже, сильно затрудняла позицію командованія.

Что касается общей оріентировки, выходившей за предѣлы Украйны, освѣдомленность «Азбуки» не шла далѣе слуховъ. Это обстоятельство въ связи съ поисками обстановки, наиболѣе отвѣчавшей политическимъ убѣжденіямъ членовъ шульгинской группы, лишало ясности и опредѣленности ея ближайшія задачи. Такъ въ іюнѣ — іюлѣ Шульгинъ задумалъ перебрасывать офицеровъ и переѣзжать со своей организаціей въ

---

* Отвѣтъ на письмо отъ 5 іюня.

** Крайняя правая и Правый Центръ считали необходимымъ возстановить на престолѣ императора Николая II, часть Праваго Центра, Національный Центръ и Милюковъ склонялись къ кандидатурѣ в. к. Михаила Александровича.

*** Отреченіе императора Николая II и условный отказъ в. к. Михаила Александровича.

Архангельскъ къ ген. Пулю, который по свѣдѣніямъ «Азбуки» былъ предназначенъ главнокомандующимъ всѣми союзными войсками Восточнаго фронта; потомъ собирался и за Волгу — причемъ ва главѣ направляемыхъ туда силъ долженъ былъ стать «выдающійся кіевскій генералъ», а Шульгинъ — его «помощникомъ по гражданской части»; писалъ и въ Сибирь адмиралу Колчаку, считая его главою сибирскаго правительства* и предлагая перебросить туда свою организацію и 20—25 тысячъ офицеровъ для борьбы противъ нѣмцевъ и большевиковъ, но непремѣнно «подъ открытымъ монархическимъ знаменемъ»; наконецъ, въ концѣ іюля въ штабѣ Добровольческой арміи получена была телеграмма, что организація Шульгина переѣзжаетъ на Донъ, въ распоряженіе ген. Алексѣева «вслѣдствіе невозможности пробиться въ другіе раіоны, стѣсненій, чинимыхъ на Украйнѣ, и требованія нѣмцевъ гетманскому правительству образовать на Украйнѣ концентраціонные лагери»...

* * *

Всѣ группы и организаціи вмѣсто матеріальной помощи присылали намъ горячія привѣтствія — и письменно, и черезъ делегатовъ — и всѣ пытались руководить не только политическимъ направленіемъ, но и стратегическими дѣйствіями арміи. Планы предлагались самые разнообразные. Такъ, напримѣръ, Шульгинъ писалъ въ концѣ мая: «мое мнѣніе—нужно узнать, чѣмъ дышитъ армія Дутова и, если тамъ лозунгъ монархическій и союзническій, открыто провозгласить у себя въ арміи Алексѣева лозунгъ за монархію и союзниковъ и идти на соединеніе съ Дутовымъ». Потомъ прислалъ другое предложеніе: «Добровольческая армія должна покончить со всякими колебаніями, оставить мысль объ Учредительномъ собраніи и народоправствѣ, которымъ изъ мыслящихъ людей никто уже не вѣритъ, и сконцентрировать всѣ свои силы на одной задачѣ — вырвать русскій императорскій домъ изъ физическаго обладанія нѣмцевъ и поставить его въ такое положеніе, чтобы, опираясь на наступающую Японію, отъ имени вступившаго на престолъ законнаго государя объявить священную войну противъ нѣмцевъ, завладѣвшихъ родиной».

Національный Центръ звалъ насъ за Волгу. Правый Центръ — по пути, который должны были пробить для насъ нѣмецкіе корпуса, черезъ Воронежъ на Москву... Представитель союзниковъ — французскій генералъ Лавернъ — на Царицынъ.

Было предложеніе и совсѣмъ другого рода, характеризующее среду и дѣятелей, основанное на полномъ непониманіи характера и взглядовъ руководителей добровольчества.

Представитель кіевскихъ крайнихъ правыхъ, герцогъ Г. Лейхтенбергскій высказывалъ мысль: «главная опасность Заволжскаго фронта** (въ томъ), что прежніе наши союзники придутъ въ Россію, опираясь на демократическіе, соціалистическіе элементы, и приведутъ страну къ республикѣ». Во избѣжаніе этого «было бы хорошо, если бы ген. Алексѣевъ взялъ на себя командованіе Заволжскимъ фронтомъ»... Роль, предназначавшаяся при этомъ ген. Алексѣеву, была довольно неприглядная — провести союзниковъ: «чтобы не было неосновательныхъ подозрѣній — говорилъ герцогъ — необходимо хотя бы на словахъ намекнуть объ этомъ нѣмцамъ... Я беру на себя намекнуть нѣмцамъ объ этой комбинаціи и тогда не опасаюсь ихъ противодѣйствія»***...

Организаціи и дѣятели въ перепискѣ между собой скорбѣли, что Добровольческая армія лишена ихъ политическаго руководства; мы же всѣми мѣрами старались избѣгнуть опеки, налагающей партійный штампъ и политическія путы на дѣятельность арміи. Генералъ Алексѣевъ относился къ работѣ всѣхъ политическихъ организацій съ нескрываемымъ осужденіемъ. Обобщая свои впечатлѣнія отъ многочисленныхъ личныхъ и письменныхъ докладовъ, онъ писалъ мнѣ 26 іюня: «фактическаго единенія въ мысляхъ, цѣляхъ, задачахъ... между «центрами» не существуетъ. Не мѣняются только жажда власти, стремленіе получить въ свои руки денежную помощь отъ союзниковъ и тяготѣть надъ работой и существованіемъ Добровольческой арміи».

---

* Письмо отъ 8 іюня 18 г.

** Восточный фронтъ.

*** Отчетъ о разговорѣ герц. Лейхтенбергскаго и А. Ладыженскаго 2 авг. 18 года въ Кіевѣ.

Другой вопросъ, лично касавшійся ген. Алексѣева, также доставлялъ ему не мало огорченій...

Правый Центръ предполагалъ поставить во главѣ вооруженныхъ силъ одного изъ слѣдующихъ генераловъ: Брусилова, Лукомскаго, Юденича или Лечицкаго. Въ связи съ предположеніемъ о созданіи Восточнаго фронта, вопросъ о верховномъ возглавленіи русской арміи поднятъ былъ и въ другихъ организаціяхъ. Кіевскіе монархисты хотѣли видѣть на этомъ посту В. К. Николая Николаевича или Михаила Александровича, котораго молва настойчиво связывала съ чехо-словаками. Союзъ Возрожденія называлъ имена ген. Алексѣева, адмирала Колчака и ген. Болдырева*. Первые два — очевидно только въ качествѣ уступки Національному Центру. Этотъ послѣдній хотя и высказывалъ опасеніе, что «подъ вліяніемъ» Милюкова «и кіевской заразы у ген. Алексѣева мѣняется настроеніе», однако горячо и настойчиво проводилъ кандидатуру его какъ Верховнаго главнокомандующаго и главы «тріумвирата». Въ этомъ направленіи Центръ вліялъ и на союзниковъ. Между прочимъ ген. Алексѣевымъ получено было предложеніе и черезъ французскаго генерала Лаверна прибыть въ Самару, когда откроется возможность «для руководства всѣми войсками, дѣйствующими противъ большевиковъ». Ген. Алексѣевъ еще ранѣе на обращеніе Національнаго Центра и нѣкоторыхъ союзныхъ представителей отвѣтилъ согласіемъ, при условіи, однако, что ему будетъ обезпечена полная свобода распоряженій и не «будетъ раздѣленія власти»**...

Любопытно, что, получивъ свѣдѣніе о предположеніи союзниковъ выдвинуть на руководящія роли Керенскаго, ген. Алексѣевъ писалъ въ Москву: «передайте представителямъ союзниковъ, что... (въ такомъ случаѣ) я почту своимъ прямымъ долгомъ совершенно отказаться отъ всякой военной и политической дѣятельности и никоимъ образомъ не допущу сотрудничества съ разрушителемъ моей Родины»***...

Ген. Алексѣевъ обѣщалъ выѣхать за Волгу, какъ только будетъ подготовленъ технически переѣздъ.

Вообще имя ген. Алексѣева, въ особенности въ военныхъ кругахъ, продолжало пользоваться высокимъ авторитетомъ и популярностью, что давало намъ надежды на объединеніе вокругъ него борющихся силъ. Свидѣтельства этого отношенія — письменныя и устныя — получались со всѣхъ сторонъ — отъ организацій, политическихъ дѣятелей и военныхъ вождей. Одни хотѣли видѣть въ немъ главу движенія, другіе — слѣва, въ томъ числѣ и будущая директорія — «использовать его государственную мудрость и военный опытъ», офиціально — «для блага Россіи», неофиціально — для укрѣпленія своего авторитета...

Между прочимъ, адмиралъ Колчакъ, пріѣхавъ въ Омскъ, писалъ 1 октября ген. Алексѣеву о своемъ предположеніи ѣхать въ Европейскую Россію, съ цѣлью «вступить въ Ваше распоряженіе въ качествѣ Вашего подчиненнаго... Вы, Ваше Высокопревосходительство, являлись все это время для меня единственнымъ носителемъ Верховной власти, власти Высшаго военнаго командованія, для меня безспорной и авторитетной»[1].

Получалась, впрочемъ, нами и другая оцѣнка дѣятельности ген. Алексѣева — справа, на почвѣ монархическихъ лозунговъ. Въ письмѣ, адресованномъ ген. Алексѣеву и широко распространенномъ въ копіяхъ[2], графъ Келлеръ говорилъ: «Вашъ начальникъ политическаго отдѣла увѣрялъ меня, что Ваше имя вездѣ популярно и что Вамъ вѣрятъ всѣ. Если онъ и Вамъ докладывалъ то же, то ввелъ Васъ въ заблужденіе. Вѣрятъ Вамъ кадеты и, можетъ быть, и то отчасти, группа Шульгина. Но большинство монархическихъ партій, которыя послѣднее время все разрастаются, въ Васъ не увѣрены,

---

* Командовалъ 5 арміей, былъ посаженъ большевиками въ Трубецкой бастіонъ, тамъ вошелъ въ близкія сношенія съ вождями революціонной демократіи и связалъ съ ними свою судьбу.

** Записка Ладыженскаго и письмо отъ 27 іюня ген. Казановичу. Алексѣевъ ставилъ категорически вопросъ объ единоличной диктатурѣ, не признавая директоріи.

*** Письмо Ладыженскому отъ 13 іюня, № 103.

[1] Письмо было получено въ ноябрѣ, уже послѣ смерти ген. Алексѣева.

[2] Письмо отъ 20 іюля. Копіи были разосланы генераломъ Келлеромъ герцогу Лейхтенбергскому, мнѣ и др.

что вызывается тѣмъ, что никто отъ Васъ не слышалъ столь желаннаго, яснаго, опредѣленнаго объявленія, куда и къ какой цѣли Вы идете и куда ведете Добровольческую армію»...

Но время шло, образованіе Восточнаго фронта все откладывалось, въ политическихъ центрахъ велась сложная и не вполнѣ понятная для насъ работа, въ печати появлялись новыя имена Верховныхъ и новыя комбинаціи власти. Игра вокругъ имени ген. Алексѣева сильно огорчала его, иногда больно ударяя по самолюбію. Молодые люди алексѣевскаго политическаго отдѣла волновались и убѣдительно совѣтовали генералу ѣхать немедля за Волгу въ «центръ политическихъ событій», чтобы своимъ личнымъ вліяніемъ и авторитетомъ предупредить «возможныя ошибки»... «Выразивъ разъ свое согласіе — отвѣчалъ Алексѣевъ одному изъ нихъ* — поставивъ свои условія, я не втянусь въ ходъ интриги. Я ничего не предприму для достиженія цѣли, ибо я ничего не искалъ и не ищу лично для себя. Найденъ другой, достойнѣйшій, ему и книги въ руки; а я или ухожу въ частную жизнь, или остаюсь при Добровольческой арміи... Словомъ, готовый дѣлать дѣло, я уклоняюсь отъ излюбленной интриги, борьбы «центровъ» и «группъ»...

Вопросъ о переѣздѣ ген. Алексѣева за Волгу такъ и остался открытымъ.

* * *

Исторія противобольшевицкихъ политическихъ организацій есть исторія русской общественности. Нѣтъ сомнѣнія, что наряду съ элементами безпринципными, явно эгоистическими, лично или соціально заинтересованными — во всѣхъ, рѣшительно во всѣхъ организаціяхъ было много людей самоотверженныхъ, людей высокаго патріотизма, работавшихъ идейно и безстрашно въ тяжелой обстановкѣ сыска, провокаціи и большевицкаго террора.

Но общее направленіе дѣятельности ихъ шло по эксцентрическимъ линіямъ, отражая глубокое расхожденіе не только въ политическихъ взглядахъ, но и соціальное, партійное и моральное. Расхожденіе — не отметенное общимъ національнымъ сознаніемъ, не смолкнувшее предъ лицомъ смертельной опасности, нависшей надъ страной.

Тѣмъ не менѣе противобольшевицкія организаціи имѣли и общія, совершенно аналогичныя черты.

Въ нихъ мы видимъ, во первыхъ, вождей безъ народа. Они рѣшали важнѣйшія задачи бытія русской государственности на основаніи своихъ вѣрованій и умозаключеній, учитывая въ качествѣ элементовъ борьбы политику враговъ и союзниковъ, матеріальную помощь извнѣ, иностранные штыки и т. д. Но сила сопротивляемости или содѣйствія народной массы въ ихъ расчеты входила мало. Русскій народъ, между тѣмъ, все еще пребывалъ въ состояніи неустойчиваго равновѣсія, разбивая въ прахъ всѣ прогнозы, всѣ соціально-историческія теоріи.

Во вторыхъ, всѣ организаціи — правыя и лѣвыя, не исключая отчасти и совѣтскихъ, — единственную внутреннюю реальную силу, способную на подвигъ, жертву и вооруженную борьбу, видѣли въ русскомъ офицерствѣ и стремились привлечь его всѣми мѣрами къ служенію своимъ цѣлямъ.

Офицерство, между тѣмъ, стояло на распутьи.

Цѣлый рядъ старшихъ генераловъ, въ первые же мѣсяцы поступившихъ на службу къ большевикамъ, своимъ примѣромъ давалъ оправданіе малодушнымъ или заблудившимся. Эти люди создавали теоріи о народѣ, «имѣющемъ такое правительство, какое онъ желаетъ» и о «моральной допустимости служенія народу при всякомъ правительствѣ»... Они — слѣпые или сознательные слуги деспотіи — говорили о служеніи народу...

Въ Москвѣ, Петроградѣ и Кіевѣ — Правый Центръ звалъ офицеровъ для спасенія монархіи — прежде всего монархіи — и Родины въ свою организацію, покровительствуемую тѣми, кого офицерство считало заклятыми врагами Россіи — нѣмцами; Савинковскій

* Письмо отъ 17 іюня.

союзъ — въ свои отряды «для защиты Родины и свободы» — свободы, олицетворяемой идеалами Савинкова; Союзъ Возрожденія — въ свои московскія и мѣстныя организаціи для спасенія революціи и страны; Заволжскіе с.-р. — для защиты Учредительнаго собранія...

Въ Кіевѣ гетманъ собиралъ офицерство подъ желто-голубымъ знаменемъ для защиты Украйны; Шульгинъ звалъ за Волгу, въ Архангельскъ, въ Сибирь и въ Добровольческую армію — для спасенія династіи и Россіи, судьбы которой всецѣло и безраздѣльно отождествлялись съ судьбами династіи. Въ то же время старшій генералитетъ, возглавляемый Веселовскимъ и кн. Долгоруковымъ*, найдя спокойный пріютъ въ оккупаціонной зонѣ ген.-фельдмаршала Эйхгорна, взывалъ къ обществу, приглашая его «поддержать, помочь офицерамъ пережить невзгоды революціоннаго времени и оберечь офицеровъ, жаждущихъ подвига на благо Родины, отъ втягиванія ихъ... во всевозможныя авантюры подъ ложными лозунгами спасенія отечества». Рекомендовалось, впрочемъ, «быть въ полной готовности», ввиду «скораго возсозданія недѣлимой Россіи... подъ скипетромъ законнаго монарха... силами самого русскаго народа»**... Формула, принятая впослѣдствіи создателями «новой тактики», имѣетъ, какъ оказывается, старое и довольно неожиданное происхожденіе...

Среди всѣхъ этихъ расходящихся путей къ спасенію страны — русское офицерство въ конецъ заблудилось.

---

* Такъ называемая «военная секція съѣзда консервативныхъ дѣятелей въ г. Кіевѣ».

** Резолюція отъ 7 іюля.

ГЛАВА XII.

Противобольшевицкое движеніе на Востокѣ: чехо-словаки, «Комитетъ Членовъ Учредительнаго Собранія» и «Народная армія».

Въ то время, когда происходили описанныя событія на территоріи Россіи, вовлеченной въ той или иной формѣ въ сферу германскаго вліянія, за Волгой, на Уралѣ и въ Сибири разгоралась въ свою очередь борьба противъ совѣтской власти — широко, въ масштабѣ, соотвѣтствовавшемъ необъятнымъ восточнымъ просторамъ.

Главный толчокъ къ ней дало выступленіе чехо-словаковъ. Роль, которую сыгралъ первоначально 30—40 тысячный чехо-словацкій корпусъ въ чисто военномъ стратегическомъ отношеніи, служитъ наглядным показателемъ полной безпомощности совѣтскаго правительства весной и лѣтомъ 18 года и той легкости, съ которой возможно было сверженіе его при условіи надлежащаго использованія противобольшевицкихъ силъ.

И если этого не случилось, то историческая отвѣтственность за продолженіе кроваваго опыта лежитъ не только на безпринципной и близорукой политикѣ германцевъ и Согласія, но еще въ большей степени на совѣсти русскихъ противобольшевицкихъ дѣятелей.

Углубленныя и обостренныя революціей соціальныя, классовыя, племенныя, даже областныя расхожденія набросили вскорѣ густой туманъ на пробудившуюся было русскую національную идею.

Рожденное революціей, питавшееся ея извращеніями въ большей степени, чѣмъ тяжестью иноземнаго нашествія, противобольшевицкое движеніе дало поэтому Архангельскъ, Кіевъ, Новочеркасскъ, Екатеринодаръ, Самару, Омскъ; но оно безсильно было возвыситься до созданія своего Пьемонта.

* * *

Чехо-словацкій корпусъ послѣ Брестъ-Литовскаго мира двигался къ Владивостоку, откуда Согласіе предполагало перебросить его на европейскій театръ войны. Къ веснѣ 1918 года чехо-словаки были разбросаны на огромномъ протяженіи — 7½ тысячъ верстъ— отъ Пензы до Владивостока. Въ маѣ, по требованію Мирбаха, Троцкій отдалъ приказъ объ ихъ разоруженіи. По настоянію Массарика, всемѣрно уклонявшагося отъ «вмѣшательства во внутреннія русскія дѣла», чехи подчинились этому распоряженію, потребовавъ лишь оставленія на каждый эшелонъ 150 винтовокъ и нѣсколькихъ пулеметовъ. Но вслѣдъ за симъ послѣдовало изъ Москвы новое распоряженіе — остановить на мѣстахъ всѣ чешскіе эшелоны, разоружить чеховъ окончательно и водворить ихъ въ концентраціонные лагери.

Эта мѣра совѣтскаго правительства привела къ послѣдствіямъ, для него совершенно неожиданнымъ: чехи возстали.

Безъ какого либо плана, безъ руководящихъ указаній свыше, спасая свою свободу и существованіе, чешскія войска вступили въ борьбу съ большевиками, захватывая желѣзнодорожныя линіи и станціи, разгоняя совѣты и разоружая или уничтожая

красную гвардію. Силы большевиковъ за Волгой были по численности и боевой пригодности ничтожны; дѣйствія чеховъ сопровождались поэтому быстрымъ, ошеломляющимъ успѣхомъ. Повсюду ихъ выступленія вызывали мѣстныя возстанія и организацію добровольческихъ отрядовъ — по преимуществу офицерскихъ, отчасти возникавшихъ стихійно, отчасти созданныхъ мѣстными военными и политическими центрами. Эти отряды добровольно присоединялись къ чешскимъ войскамъ, увеличивая ихъ силу и значеніе и придавая выступленію чеховъ, вызванному стремленіемъ открыть себѣ путь на востокъ, смыслъ и характеръ идейнаго движенія.

Почти одновременно, въ концѣ мая произошелъ рядъ важныхъ событій: полковникъ Чечекъ во главѣ почти безоружныхъ эшелоновъ взялъ Пензу, захватилъ большое количество вооруженія и боевыхъ припасовъ и, пробиваясь далѣе за Волгу, занялъ послѣдовательно Сызрань и Самару. Въ Челябинскѣ полковникъ Войцеховскій*, послѣ столкновенія съ мѣстнымъ совѣтомъ, разгромилъ его и затѣмъ овладѣлъ желѣзнодорожнымъ узломъ Екатеринбурга. Въ Западной Сибири первое возстаніе чеховъ произошло въ Ново-Николаевскѣ (западнѣе Томска), гдѣ капитанъ Гайда, совмѣстно съ однимъ изъ главныхъ организаторовъ вооруженной силы въ Западной Сибири, подполковникомъ Гришинымъ-Алмазовымъ, свергли совѣтскую власть, послѣ чего Гайда двинулся на востокъ, освобождая попутные города и направляясь въ Забайкалье, гдѣ за Иркутскомъ прочно засѣли большевики, прервавъ сибирскій путь и сообщеніе съ Владивостокомъ.

Къ концу іюля чехо-словацкій корпусъ былъ расположенъ слѣдующимъ образомъ: бригада Чечека въ Самарѣ, прикрывая направленія отъ Саратова и Пензы; бригада Войцеховскаго въ Екатеринбургѣ — на Казанскомъ и Пермскомъ направленіяхъ; бригада Гайды — по пути въ Забайкалье; пробившаяся ранѣе четвертая бригада располагалась во Владивостокѣ, находясь въ вѣдѣніи начальника штаба корпуса, ген. Дитерихса.

«Восточнаго фронта» въ общепринятомъ смыслѣ этого слова не существовало вовсе. Положеніе мѣнялось чуть ли не ежедневно, находясь въ зависимости отъ передвиженія чешскихъ эшелоновъ и успѣха возникавшихъ постоянно мѣстныхъ возстаній. Съ грубымъ приближеніемъ линію, разграничивавшую сферы вліянія совѣтской власти и противобольшевицкихъ силъ можно провести съ сѣвера по р. Тагилу на Кунгуръ и по Камѣ и Волгѣ на Сызрань — Хвалынскъ, далѣе на Николаевскъ и Уральскъ. Каждый изъ командировъ бригадъ дѣйствовалъ въ оперативномъ отношеніи совершенно самостоятельно, не выполняя какого либо общаго стратегическаго плана и первоначально не имѣя никакой политической задачи, кромѣ негативной, поставленной Національнымъ совѣтомъ и уже отброшенной жизнью — «невмѣшательства во внутреннія русскія дѣла». Штабъ корпуса, во главѣ съ командиромъ корпуса генераломъ Шокоревымъ, находился въ г. Челябинскѣ, управляя войсками лишь номинально и притомъ только въ административномъ отношеніи.

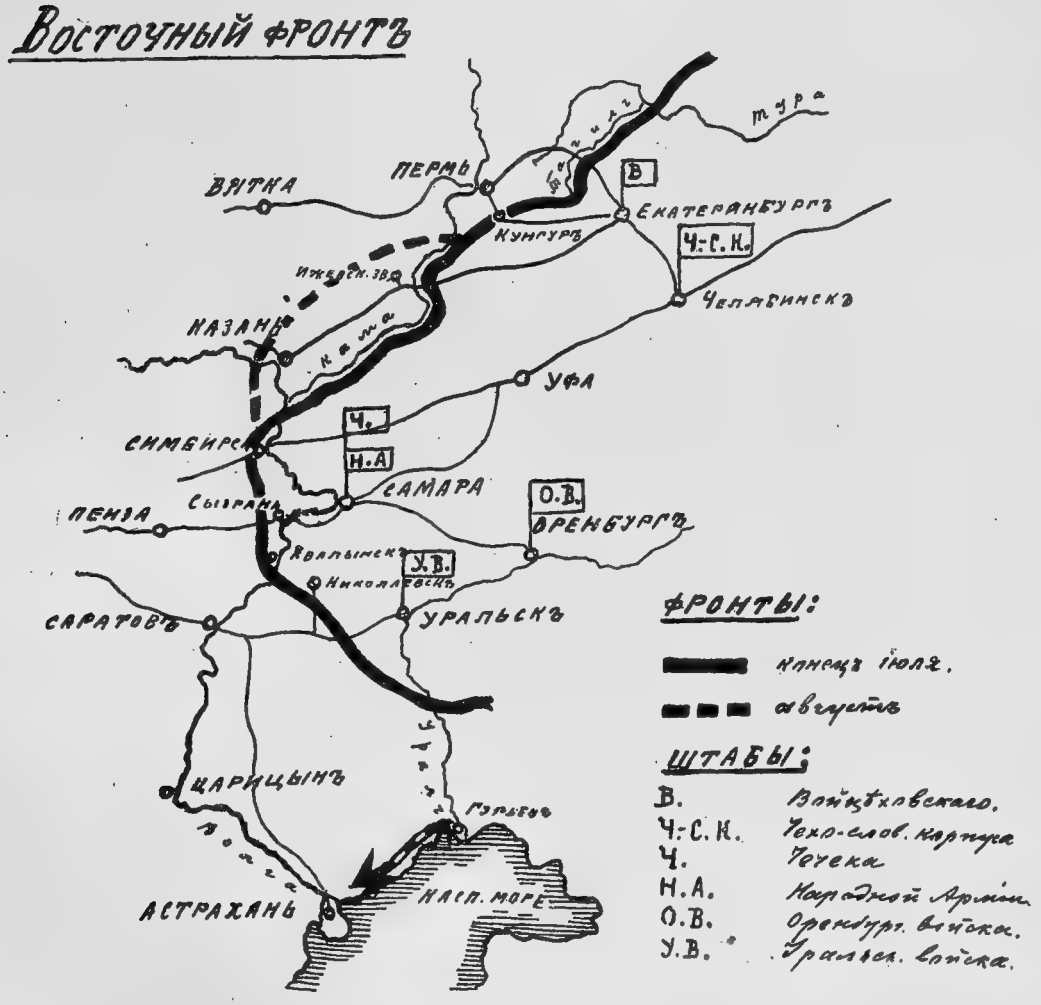
Составъ корпуса, пополненнаго военноплѣнными чехо-словаками, разбросанными по Сибири, доходилъ до 40—60 тысячъ**, т. е. по 10—15 тысячъ въ бригадѣ. Вполнѣ боеспособный и дисциплинированный во время внѣшней войны, корпусъ этотъ къ лѣту 18 года значительно измѣнилъ свою физіономію. Подъ давленіемъ большевиковъ и подъ вліяніемъ Національнаго совѣта соціалистическаго состава, онъ воспринялъ нѣкоторыя основы «демократизаціи» и керенщины, вродѣ комитетовъ, выборнаго начала, «революціонной дисциплины» и проч. Русскій командный составъ былъ вскорѣ удаленъ***, и мѣста его были заняты людьми, нерѣдко энергичными и способными, но обыкновенно имѣвшими служебный стажъ не выше лейтенанта запаса и потому мало грамотными въ вопросахъ тактики и стратегіи. Военный авторитетъ ихъ стоялъ не высоко, и случаи неповиновенія были обычными. На этой почвѣ произошло, между прочимъ, произведшее большое впечатлѣніе самоубійство одного изъ достойныхъ начальниковъ, капитана Швеца. Только жуткое чувство затерянности среди русскаго бушующаго моря

---

* Офицеръ русскаго генеральнаго штаба.
** Точной цифры не знали и въ штабѣ корпуса.
*** Въ томъ числѣ и ген. Шокоревъ, котораго замѣнилъ Сыровой.

заставляло чеховъ держаться своихъ частей и своихъ начальниковъ, восполняя тѣмъ въ извѣстной степени упадокъ воинской дисциплины.

Были и другія темныя стороны въ дѣятельности чехо-словаковъ, о которыхъ въ докладѣ ген. Гришина-Алмазова* говорится: «...Начальники — все зеленая молодежь, которую нельзя было убѣдить, что надо обращаться къ городскимъ самоуправленіямъ и къ русскимъ властямъ за своими нуждами; что непріемлемо, чтобы они на каждый городъ смотрѣли, какъ на военную добычу. Исчезали цѣлые поѣзда, тысячи сапогъ,



чешская армія одѣвалась за счетъ сибирской»... Поѣзда съ «добычей» являлись повсюду неизмѣнными спутниками чешскаго движенія, развращая морально войска, стѣсняя ихъ оперативную дѣятельность и вызывая въ русскомъ населеніи горечь и недоумѣніе.

Тѣмъ не менѣе, на всемъ пространствѣ отъ Волги до Владивостока это была вначалѣ единственная прочная сила, импонировавшая и совѣтскимъ войскамъ, и мѣстному населенію, въ большинствѣ смотрѣвшему на чеховъ, какъ на избавителей.

Большевики поняли, наконецъ, свою ошибку и стали вести широкую пропаганду среди чехо-словаковъ, обѣщая имъ свободный пропускъ съ полнымъ вооруженіемъ и

* Военный министръ Сибирскаго правительства.

снаряженіемъ, при условіи отказа отъ помощи «бѣлогвардейцамъ». Какъ это ни странно, подобную же роль взяла на себя американская желѣзнодорожная миссія и генеральный консулъ Гаррисъ*, уговаривавшіе чешскіе эшелоны ѣхать во Владивостокъ. Старшіе чешскіе начальники стремились стянуть свои части къ желѣзнодорожнымъ центрамъ... Мѣстныя русскія организаціи обращались съ мольбой о помощи къ начальникамъ эшелоновъ, встрѣчая зачастую полное сочувствіе чеховъ, проявлявшихъ широкую частную иниціативу, въ ущербъ распоряженіямъ свыше. Положеніе запутывалось до крайности и только къ серединѣ лѣта разъяснилось: державы Согласія, осуществляя планъ созданія противо-нѣмецкаго Восточнаго фронта, пожелали использовать создавшееся такъ неожиданно для нихъ благопріятное положеніе, возложивъ на чехо-словацкій корпусъ задачу авангарда, образующаго по Камѣ и Волгѣ заслонъ, подъ прикрытіемъ котораго должна была начаться перевозка союзническихъ силъ. Эшелоны, пробившіеся на востокъ, потянулись вновь на западъ.

Какими бы мотивами ни руководились чехо-словаки, ихъ выступленіе сыграло чрезвычайно важную роль въ исторіи развитія противобольшевицкаго движенія. Въ этотъ первый періодъ ихъ заслуги въ дѣлѣ освобожденія Россіи неоцѣнимы, ихъ тогдашнія вины поблекнутъ передъ судомъ исторіи.

* * *

Въ началѣ мая 18 года собрался 8-й совѣтъ партіи соціалъ-революціонеровъ, на которомъ постановлено было перейти къ открытой борьбѣ съ совѣтской властью и въ то же время при помощи союзной интервенціи «свергнуть германское насиліе». Работа въ этомъ направленіи велась съ большой энергіей, въ особенности въ Заволжьи и въ Сибири. Повсемѣстно образованные комитеты с.-р. брали на себя иниціативу подготовки возстанія. И такъ какъ всѣ другія политическія организаціи оставались бездѣятельными или склонялись къ соглашательству съ большевиками, то вокругъ с.-р.-овъ начали группироваться противобольшевицкіе элементы, зачастую имъ совершенно чуждые. Тѣмъ болѣе, что симпатіи чешскаго Національнаго совѣта были явно на сторонѣ с.-р.-овъ и въ частности Чернова. Это сказалось въ особенности, когда въ іюлѣ совѣтъ былъ переизбранъ, и во главѣ его стали соціалисты — Павлу, Потейдло, Благошъ и др. лица, сыгравшія затѣмъ весьма прискорбную роль въ судьбахъ Сибири. Чешскій совѣтъ воспринималъ русскую дѣйствительность исключительно въ освѣщеніи черновцевъ и испытывалъ болѣзненный страхъ, чтобы не прослыть «контръ-революціоннымъ».

На этой почвѣ возникали бытовые курьезы. Такъ, наиболѣе консервативное, монархически настроенное Уральское войско**, чрезвычайно бѣдное интеллигенціей, подъ вліяніемъ с.-р.-овъ упразднило вѣковой институтъ атаманской власти, вручило ее выбранному правительству во главѣ съ с.-р.-омъ Фомичевымъ и вступило съ областнымъ комитетомъ с.-р.-овъ въ тѣсный союзъ для борьбы противъ большевиковъ. Однимъ изъ договоровъ предусматривалось «перенесеніе наступленія на другія территоріи», причемъ въ этомъ случаѣ тамъ долженъ быть созданъ «руководящій движеніемъ органъ на паритетныхъ началахъ со стороны Уральскаго войскового правительства и организаціи партіи (с.-р.) данной территоріальной единицы»... Своеобразная коалиція для управленія Россіей!.. Ген. Гришинъ-Алмазовъ, организовавшій офицерство на территоріи Сибири, встрѣтилъ огромныя затрудненія, вслѣдствіе невозможности пріобщить его къ политическимъ лозунгамъ господствующей партіи: «пришлось поэтому сойтись на поддержаніи самой идеи власти, хотя бы данное содержаніе ея и представлялось непріемлемымъ»***.

С.-р. воспользовались широко возстаніемъ чехо-словаковъ. И когда бригада Чечека 8 іюня овладѣла Самарой, было объявлено, что власть переходитъ къ «Комитету членовъ Учредительнаго собранія» («Комучъ»). Демократическій покровъ, популярный

* Впослѣдствіи Гаррисъ измѣнилъ свою тактику.
** Большинство казаковъ — старовѣры.
*** Докладъ 30 ноября 18 года.

Оренбургскій атаманъ Дутовъ

еще въ русской общественности, прикрывалъ новую диктатуру — партіи с.-р.-овъ, безраздѣльно овладѣвшей властью и вдохновляемой Черновымъ, который — потому ли, что имя его было слишкомъ одіознымъ, потому ли, что не очень вѣрилъ въ успѣхъ дѣла — руководилъ имъ изъ-за кулисъ.

Для исторіи противобольшевицкой борьбы этотъ единственный опытъ чисто соціалистическаго правленія* представляетъ большой интересъ. Опытъ, наиболѣе краткій — всего 107 дней — и, какъ кажется, наименѣе удачный.

«Комучъ» объявилъ себя эмбріономъ Всероссійской верховной власти, которая должна была утвердиться при наличіи 30 членовъ бывшаго Учредительнаго собранія. Въ составъ его вошли Вольскій (предсѣдатель), Климушкинъ, Брушвитъ, Нестеровъ, Филипповскій и другіе, — имена весьма мало извѣстныя русскому обществу. О «правомочности» этого органа говорить не приходится. Точно также не стоитъ «сводить успѣхъ или неуспѣхъ отдѣльныхъ возстаній, паденіе или укрѣпленіе власти исключительно къ личнымъ качествамъ вождей и лидеровъ»**... Гораздо интереснѣе то общее направленіе дѣятельности с.-р.-скаго правительства, которое при успѣхѣ движенія должно было проявиться во всероссійскомъ масштабѣ.

Основные декреты совѣтской власти — о націонализаціи земли и предпріятій, о рабочемъ контролѣ и др. остались въ силѣ; мѣстные совѣты были сохранены. Часть комитета и Черновъ, ставя главной цѣлью своей созданіе единаго соціалистическаго фронта, уже съ первыхъ дней борьбы искали путей соглашенія съ большевиками, и только рѣшительный протестъ Чешскаго національнаго комитета остановилъ эти попытки. Тѣмъ не менѣе «Комучъ» проявлялъ широкое попустительство въ отношеніи большевиствующаго населенія и организацій.

Не имѣя ни правительственнаго авторитета, ни реальной силы, «Комучъ» стремился къ подчиненію своей власти областныхъ новообразованій мѣрами, подчасъ весьма рѣшительными, вызывавшими противодѣйствіе, рознь и раздѣленіе силъ. Такъ, Уральское и Оренбургское казачьи войска стали въ зависимость отъ «Самары» изъ-за боевого снабженія и матеріальныхъ средствъ, попавшихъ въ руки комитета. При этомъ большая часть Оренбургской губерніи отдѣлилась (сѣверо-востокъ), присоединившись къ Сибири и поставивъ тѣмъ въ весьма щекотливое положеніе выборнаго атамана Дутова, поторопившагося признать «Комучъ» и даже вступить въ его составъ. Въ концѣ іюля, впрочемъ, Дутовъ съѣздилъ въ Омскъ и завязалъ сношенія съ Сибирскимъ правительствомъ, что вызвало нѣкоторыя репрессіи со стороны «Комуча», какъ лично противъ атамана, такъ и противъ области: Дутовъ былъ исключенъ изъ состава комитета, а область весьма ограничена въ пополненіи снабженіемъ и деньгами. Въ отношеніи Сибирской области «Комучъ» примѣнялъ «таможенную войну» и широкую интригу при посредствѣ печати (черновской), сибирскихъ партійныхъ ячеекъ и с.-р.-ской областной Думы. Въ отношеніи прочихъ, слабѣе организованныхъ территорій мѣры принимались проще. Такъ, когда г. Златоустъ съ уѣздомъ «отложился» къ Сибирской области, «Комучъ» повелѣлъ уфимскому гарнизону идти войною на непокорный городъ. Войска, однако, не послушались и не пошли. Когда же назрѣла возможность вооруженнаго столкновенія «Самары» съ «Омскомъ», то офицерство «Народной арміи» рѣшило категорически въ немъ не участвовать, не останавливаясь передъ «давленіемъ на правительство» и массовымъ уходомъ изъ арміи. Въ результатѣ территорія, подвѣдомственная «Комучу», ограничилась губерніей Самарской, частью Уфимской, двумя уѣздами Оренбургской и — условно — Уральской областью.

Къ государственному строительству «Комучъ» фактически не приступалъ, ограничившись общими декларацiями и посылкой на мѣста своихъ комиссаровъ («генералъ-губернаторовъ!»). Но зато внѣшній антуражъ власти и ея пріемы оставляли далеко позади практику всѣхъ «новообразованій». Огромные штаты «министерствъ» были наполнены исключительно партійными людьми, безъ всякаго стажа и элементарнаго

---

* Грузія находилась въ особенныхъ условіяхъ.

** Такъ оправдывало впослѣдствіи въ своемъ обращеніи московское бюро Центр. ком. парт. с.-р. слабый составъ «Комуча».

опыта. Широко разросшійся «институтъ по охранѣ государственнаго порядка» («охранка»!) и контръ-развѣдка, съ обычными ихъ пріемами, висѣли надъ жизнью буржуазіи и офицерства, зачисленныхъ поголовно въ станъ контръ-революціонеровъ... Десятки милліоновъ народныхъ денегъ расходовались щедрой рукой на поддержку с.-р.-овской печати*, распространявшей широко офиціальный оптимизмъ, сѣявшей нетерпимость и возбуждавшей соціальную ненависть; на пропаганду, направленную противъ Сибирскаго правительства, потомъ противъ директоріи, на насажденіе партійныхъ ячеекъ въ войсковыхъ частяхъ, на созданіе опричнины подъ видомъ русско-чешскихъ «отрядовъ для защиты Учредительнаго собранія» и т. д.** Въ то же время оренбургское и уральское правительства испытывали крайнюю нужду въ денежныхъ средствахъ, необходимыхъ для самыхъ насущныхъ потребностей безпримѣрно тяжкой народной войны.

Если въ активѣ Самарскаго правительства окажется мало элементовъ государственнаго творчества, то безъ сомнѣнія оно войдетъ въ исторію, какъ самое расточительное. Уже въ Уфѣ, послѣ образованія директоріи, переименовавшись въ «Совѣтъ управляющихъ вѣдомствами», быв. «Комучъ» продолжалъ распоряжаться милліонами настолько широко, что потребовалась правительственная ревизія. Директорія командировала съ этой цѣлью члена директоріи ген. Болдырева и вице-директора мин. финансовъ Крестовскаго. Отчетъ комиссіи нарисовалъ удивительную систему расходованія огромныхъ государственныхъ средствъ, при которой «кредиты отпускались безъ указанія предмета расхода, проводились всегда въ спѣшномъ порядкѣ и немедленно по полученіи изъ банка ассигнованныя суммы безслѣдно исчезали»...

* * *

Такимъ же пустоцвѣтомъ оказалась созданная комитетомъ «Народная армія».

Первыя свѣдѣнія о ней мы получили въ началѣ августа — наиболѣе полныя отъ командированнаго за Волгу для связи съ чехо-словаками полк. Молдера, побывавшаго въ Самарѣ, Челябинскѣ и Екатеринбургѣ.

Во главѣ арміи поставленъ былъ «военный штабъ» — коллегія въ составѣ начальника штаба — совершенно случайнаго человѣка — капитана Галкина*** и «членовъ штаба» — штатскихъ людей с.-р.-овъ. Привезенные намъ приказы, уставы, военныя узаконенія исходили отъ трехъ лицъ — Галкина, Боголюбова и Фортунатова; утверждались они въ порядкѣ прежнихъ «Высочайшихъ утвержденій» столь компетентными лицами, какъ Климушкинъ, Брушвитъ и Нестеровъ. Изъ-за недовѣрія къ русскому генералитету командующій арміей не былъ назначенъ, а войска въ оперативномъ отношеніи подчинены были чеху — полковнику Чечеку.

Порядки въ арміи напоминали совершенно времена Керенскаго: дисциплинарная власть начальникамъ дана была только на походѣ и въ бою; въ остальное время дѣйствовалъ «товарищескій дисциплинарный судъ». «Внѣ службы всѣ равны — гласилъ уставъ. Служба начинается съ отдачи приказанія и команды и кончается съ выполненіемъ приказанія и команды». Комитеты были сохранены. Въ частяхъ организовывались с.-р.-скія ячейки, имѣвшія характеръ «глазъ и ушей» правительства. Въ области внѣшнихъ взаимоотношеній — отмѣнены погоны, и «гражданинъ-солдатъ» обязанъ былъ отдавать честь только прямому начальнику, притомъ одинъ разъ въ день и т. д.[1].

Вначалѣ вооруженная сила создавалась по частной иниціативѣ, исключительно на основѣ добровольчества. Это были тѣ малыя числомъ, но сильныя духомъ добровольческія, главнымъ образомъ офицерскія части, которыя совмѣстно съ казаками и

* Газеты «Комуча» — «Народъ», «Народное дѣло».

** Изъ доклада ревизіонной комиссіи. См. ниже.

*** Возведенъ затѣмъ «Комучемъ» въ теченіе двухъ мѣсяцевъ въ генералы.

[1] Для характеристики революціонной демократіи небезынтересно, что въ «Комучѣ» возбужденъ былъ вопросъ объ обязательномъ отданіи чести почетнымъ карауломъ у дома его засѣданій всѣмъ членамъ Учред. собранія. Министры-соціалисты сибирскаго правительства назначали себѣ офицеровъ адъютантовъ и т. д.

чехо-словаками нанесли первые удары краснымъ войскамъ и освобождали Симбирскъ, Самару, Казань... Которыя потомъ, осенью, послѣ отказа чеховъ отъ борьбы и развала Народной арміи отступали съ боемъ послѣдними, прикрывая уходившіе на востокъ комфортабельные поѣзда чеховъ...

По ироніи судьбы, подъ флагомъ Учредительнаго собранія, такъ же какъ и подъ трехцвѣтнымъ знаменемъ Корнилова, создавалась классовая армія. Народъ не шелъ добровольно къ поборникамъ «Земли и Воли». Пошли, главнымъ образомъ, офицерство — скрѣпя сердце, въ надеждѣ на измѣненіе политической обстановки — и буржуазная молодежь.

Численность этихъ отрядовъ была не велика; и «Комучъ», не организовавъ ни пріемниковъ, ни мѣстнаго военнаго управленія, наряду съ призывомъ добровольцевъ, приступилъ къ принудительной мобилизаціи возрастовъ 1917 и 1918 гг., т. е. наиболѣе развращенныхъ революціей, и всѣхъ офицеровъ — элемента, если не враждебнаго, то во всякомъ случаѣ чуждаго правительству. Мобилизація производилась, однако, по системѣ воззваній и уговариваній; при этомъ только въ тѣхъ раіонахъ, гдѣ, по предположеніямъ, «она могла произойти безъ примѣненія силы»... Изъ этихъ контингентовъ начато было формированіе трехъ дивизій: въ Самарѣ, Сызрани и Уфѣ, причемъ три слабыхъ отряда дѣйствующихъ войскъ работали на фронтѣ; подполковника Кащеля — на Казанскомъ направленіи, подполковника Бакича — на Пензенскомъ и полковника Махина — на Николаевскомъ.

Народная армія не внушала довѣрія ни правительству, ни чешскому командованію.

Предполагая, что во главѣ чехо-словацкаго корпуса стоитъ ген. Дитерихсъ, ген. Алексѣевъ послалъ ему въ началѣ іюля письмо, въ которомъ, указывая, между прочимъ, на необходимость «скорѣйшаго объединенія всѣхъ здоровыхъ силъ страны и дружественныхъ элементовъ», сообщалъ: «ближайшей задачей Добровольческой арміи ставится выходъ на Волгу», для чего необходимо «содѣйствіе чехо-словацкихъ частей... и казачьихъ отрядовъ, дѣйствующихъ на нижней Волгѣ». Запрашивалъ, въ какой мѣрѣ чехи могутъ содѣйствовать нашему движенію. Моллеръ, не найдя Дитерихса, ознакомилъ съ этимъ письмомъ ген. Шокорева и полк. Чечека*. Первый уклонился отъ прямого отвѣта. Второй выразилъ живѣйшую радость по поводу возможнаго соединенія съ Добровольческой арміей и желаніе видѣть во главѣ всѣхъ силъ — ея командованіе. Начальникъ штаба «Волжской арміи» Чечека, полк. Щецихинъ прислалъ горячій привѣтъ ген. Алексѣеву «и всѣмъ (его) сотрудникамъ, прибытія коихъ мы ожидаемъ съ самымъ живымъ нетерпѣніемъ, которое вызвано не только военной, но пожалуй въ большей степени политической конъюнктурой»**. Офицерство Народной арміи, тяготившееся своимъ положеніемъ, выражало тѣ же чувства. Иначе отнесся, однако, капитанъ Галкинъ. Въ бесѣдѣ съ Моллеромъ, выразившимъ отрицательное отношеніе Добровольческой арміи къ политикѣ с.-р.-овъ, онъ сказалъ: «соединяться намъ поэтому не слѣдуетъ, такъ какъ у насъ работа идетъ очень хорошо и въ скоромъ времени народная армія будетъ насчитывать 80 тысячъ штыковъ. А Добровольческая армія внесетъ намъ расколъ».

Иллюзіи исчезли очень скоро.

Мобилизація Народной арміи потерпѣла полную неудачу, встрѣтивъ на мѣстахъ явно враждебное отношеніе, мѣстами сопротивленіе. Къ 1-му августа номинально было призвано 8485 добровольцевъ и 21888 мобилизованныхъ. Но мобилизованные оставались въ частяхъ только до полученія оружія и мундирной одежды, послѣ чего большинство уходило домой. Позднѣе, когда неудачи на фронтѣ заставили армію отходить, цѣлые полки отказывали въ повиновеніи, оставались на мѣстѣ или расходились по своимъ деревнямъ. Уходило понемногу и офицерство, преимущественно въ Сибирскую армію.

И уже въ половинѣ августа, когда Моллеръ, возвращаясь изъ Челябинска, посѣтилъ вновь Самару, настроеніе въ штабѣ Народной арміи радикально измѣнилось. Галкинъ — тогда уже полковникъ — просилъ передать ген. Алексѣеву, «чтобы онъ пріѣхалъ къ нимъ ранѣе, чѣмъ придетъ Добровольческая армія, дабы впередъ уничтожить всю

---

* Въ серединѣ іюля.
** Письмо отъ 3 августа.

рѣзкую разницу армій». При этомъ онъ добавилъ, что «Комитетъ Учредительнаго собранія рѣшилъ пойти на всѣ уступки, кромѣ земельнаго вопроса (?), и что они сами поняли, что нужно вести твердую политику, но что въ данное время не имѣютъ силы, которой могли бы ее провести».

* * *

Придя къ власти на штыкахъ чехо-словаковъ, комитетъ Учредительнаго собранія — филіалъ центральнаго комитета партіи с.-р.-овъ — явился отображеніемъ совѣтскаго правительства, только болѣе тусклымъ и мелкимъ, лишеннымъ крупныхъ именъ, большевицкаго размаха и дерзанія.

Кромѣ чехо-словаковъ опоры у него не было.

Заволжское крестьянство, не испытавшее въ достаточной степени большевицкаго гнета, занятое еще ликвидаціей помѣщичьей земли и не видѣвшее никакихъ новыхъ «завоеваній» въ декретахъ «Комуча», отнеслось къ его призывамъ по меньшей мѣрѣ равнодушно. Городской пролетаріатъ оказался враждебнымъ новому правительству, и собравшаяся въ Самарѣ рабочая конференція, признавъ это правительство «врагомъ народа», высказалась за подчиненіе совѣтской власти. Буржуазія и не-соціалистическая демократія были отстранены с.-р.-ами отъ государственнаго строительства и усилили собою станъ ихъ противниковъ. Что касается Народной арміи, то надежность ея, какъ опоры власти, опредѣлилась тѣмъ фактомъ, что въ Самарѣ и потомъ въ Уфѣ — пунктахъ квартированія дивизій — «Комучъ» счелъ себя вынужденнымъ формировать особые отряды для своей личной охраны...

«Жестокая дѣйствительность разбила самые прекрасные сны... Возстаніе, поставившее на своихъ знаменахъ принципы чистой демократіи (?); власть, руководящаяся этими принципами, должны быть разбиты, если нѣтъ прочной опоры въ самой демократіи»...

Такой эпитафіей почтило впослѣдствіи московское бюро центральнаго комитета с.-р.-овъ поцытку возглавленія своей партіей русской державы.

Попытку освободить страну чужими руками: отметенной ими и имъ враждебной буржуазной демократіи и офицерства.

ГЛАВА XIII.

Власть и армія въ Сибири и на Уралѣ.

Въ Сибири и на Уралѣ большевизмъ нашелъ еще менѣе благопріятную почву, распространяясь главнымъ образомъ отъ центра къ периферіи чисто механическимъ путемъ, вдоль желѣзно-дорожныхъ магистралей. Его заносила, главнымъ образомъ, волна солдатъ, отчасти казаковъ, хлынувшихъ съ фронта, пронесшаяся вначалѣ бурно и потомъ стихавшая, по мѣрѣ разсасыванія солдатчины по необъятнымъ сибирскимъ равнинамъ. Большевизмъ нашелъ искренній откликъ только въ городскомъ пролетаріатѣ и въ крестьянской бѣднотѣ — «новоселахъ», не успѣвшихъ прочно осѣсть и окрѣпнуть на богатой сибирской почвѣ. Коренное крестьянство Сибири весьма мало интересовалось земельнымъ вопросомъ.

Не находя сочувствія, но и не встрѣчая сколько нибудь серьезнаго сопротивленія, большевизмъ началъ утверждаться въ Сибири только въ январѣ — февралѣ 18 года. Организующимъ его центромъ сталъ Иркутскъ. Собравшійся въ немъ въ ноябрѣ 17 года «Всесибирскій съѣздъ совѣтовъ» избралъ «Центральный исполнительный комитетъ совѣтовъ Сибири»; послѣдній въ серединѣ декабря, послѣ восьмидневныхъ уличныхъ боевъ между большевицкимъ гарнизономъ и отрядомъ изъ офицеровъ, юнкеровъ и незначительнаго числа казаковъ, захватилъ власть, образовавъ затѣмъ сибирскій совѣтъ народныхъ комиссаровъ.

Утвержденіе большевизма сопровождалось обычными явленіями: сосредоточеніемъ власти въ мѣстныхъ совѣтахъ, упраздненіемъ земско-городскихъ учрежденій, правительственныхъ и судебныхъ установленій, разгромомъ кооперації и т. д. Но террора, который заливалъ кровью Европейскую Россію и Кавказъ, въ Сибири не было. Города, конечно, нѣсколько пострадали; но сибирская деревня, за исключеніемъ пригородныхъ селъ, не успѣла испытать ни продразверстки, ни «отнятія излишковъ», ни карательныхъ отрядовъ. Поэтому народъ въ широкомъ смыслѣ этого слова, когда въ іюнѣ началась борьба противъ совѣтскаго правительства, оставался равнодушнымъ къ ней. Ясно ощутимаго стимула для нея не было. Только извѣстная инерція, законопослушность — быть можетъ болѣе привитая въ сибирскомъ быту, чѣмъ въ центрѣ — побуждали народъ исполнять въ извѣстной мѣрѣ требованія мѣнявшихся потомъ, какъ въ калейдоскопѣ, правительствъ, давать имъ солдатъ и платить подати.

Смѣнившая большевиковъ сибирская власть, какъ и всѣ рожденныя революціей, не могла претендовать на демократичность происхожденія. Очевидно, въ пожарѣ революціи, въ ожесточеніи борьбы примѣненіе истинно-демократическихъ методовъ построенія власти невозможно психологически и не выполнимо технически...

Во второй половинѣ прошлаго столѣтія впервые началось движеніе, извѣстное подъ именемъ сибирскаго областничества. Движеніе идейное, вызванное мертвящей централизаціей Петербурга и тѣмъ невниманіемъ, съ которымъ центръ относился къ экономическимъ и культурнымъ нуждамъ Сибири. Наиболѣе яркимъ представителемъ его былъ — ко времени революціи уже глубокій старецъ — Потанинъ. Съ началомъ революціи движеніе это ожило, и цѣлый рядъ совѣщаній и съѣздовъ Сибири занимался

вопросомъ объ ея государственной автономіи. Но такъ какъ центральная власть была въ то время или слишкомъ слабой (Временное Правительство), или слишкомъ одіозной (Совѣтъ комиссаровъ), и съ другой стороны въ составъ этихъ съѣздовъ входила почти исключительно революціонная демократія, то идейная сторона вопроса вскорѣ отошла на задній планъ, уступивъ мѣсто чисто политической борьбѣ. Борьбѣ за власть.

«Чрезвычайный Сибирскій областной съѣздъ», состоявшійся въ г. Томскѣ въ декабрѣ мѣсяцѣ, объявилъ объ автономіи Сибири и постановилъ созвать «общесибирскую соціалистическую, отъ народныхъ соціалистовъ до большевиковъ включительно, съ представительствомъ національностей, власть въ лицѣ Сибирской областной Думы».

Совѣты отнеслись къ факту созыва Думы, какъ къ контръ-революціонной попыткѣ. И потому, когда въ концѣ января съ большимъ трудомъ собралось въ Томскѣ около полутораста депутатовъ, большевики арестовали виднѣйшихъ изъ нихъ и не допустили открытія Думы. Болѣе смѣлые депутаты, по иниціативѣ пришлаго человѣка, еврея Дербера, собирались тайно, избравъ на одномъ изъ такихъ засѣданій «Временное Правительство». Гинсъ такъ описываетъ процедуру избранія*: «на частной квартирѣ, собравшаяся исподтишка небольшая группа членовъ Думы, человѣкъ около двадцати изъ полутораста, «избрала» шестнадцать министровъ съ портфелями и четырехъ безъ портфелей. Шесть человѣкъ присутствовавшихъ самоизбрали себя въ совѣтъ министровъ». Большинство министровъ было избрано безъ ихъ вѣдома и согласія. Всѣ — соціалисты или ошибочно считавшіеся таковыми.

«Предсѣдатель правительства» Дерберъ отъ имени Думы издалъ декларацію**, заключавшую обычныя нео-большевицкія положенія группы Чернова, впослѣдствіи воспроизведенныя самарскимъ «Комучемъ» — съ добавленіемъ милостиваго разрѣшенія «всѣмъ народамъ, проживающимъ на своей территоріи, въ разное время присоединеннымъ къ Россійскому государству», путемъ «свободнаго волеизъявленія... отдѣлиться отъ Россійской федеративной республики»....

Десять министровъ (с.-р.-овъ) съ Дербером во главѣ стали затѣмъ пробираться тайно на востокъ, пытались безрезультатно обосноваться въ Читѣ, долго мутили политическую жизнь Харбина, добиваясь тамъ признанія, и, наконецъ, съ паденіемъ большевиковъ во Владивостокѣ въ концѣ іюня, объявили себя тамъ всесибирской верховной властью.

Передъ отъѣздомъ Дерберъ намѣтилъ для Западной Сибири комиссаріатъ въ составѣ членовъ Учредительнаго собранія П. Михайлова и Линдберга.

Когда въ іюнѣ военныя организаціи совмѣстно съ чехо-словаками капитана Гайды свергли большевиковъ на всемъ протяженіи отъ Челябинска до Иркутска, Западносибирскій комиссаріатъ выступилъ явно, какъ власть, установленная «Временнымъ сибирскимъ правительствомъ»; повсемѣстно появились явочнымъ порядкомъ «уполномоченные правительства», и Сибирь спокойно приняла новую власть.

Но личный составъ комиссаріата, его политика, черпавшая свои откровенія изъ декларації Думы и постановленій областного комитета с.-р.-овъ, уронили совершенно престижъ комиссаріата. До такой степени, что черезъ нѣсколько недѣль (1 іюля) комиссаріатъ почти безъ сопротивленія сдалъ власть по требованію группы случайно оказавшихся въ Омскѣ пяти министровъ Дербероскаго правительства, во главѣ съ Вологодскимъ***. Новое правительство (коалиція с.-р.-овъ и либераловъ) объявило себя, такъ-же какъ и Дербероское, носителемъ верховной власти и въ первые же дни обнародовало указъ объ отмѣнѣ совѣтскихъ декретовъ, объ упраздненіи всѣхъ мѣстныхъ совѣтовъ и о возстановленіи частной собственности. Этотъ актъ расположилъ къ правительству Вологодскаго умѣренные элементы общественности и арміи.

Край отнесся спокойно и къ новому перевороту, но сибирская общественность не успокоилась. Борьба за власть продолжалась, находя отраженіе и въ нѣдрахъ самого правительства. Я не буду останавливаться на всѣхъ перипетіяхъ этой борьбы, отмѣчу

---

* «Сибирь, Союзники и Колчакъ».
** Декларація 27 января.
*** Вологодскій, Патушинскій, И. Михайловъ, Шатиловъ и Крутовскій.

лишь характерныя стороны ея. Боролись на авансценѣ политической жизни только соціалъ-революціонеры и либералы. Съ одной стороны комитетъ Учредительнаго собранія, Сибирская областная дума, областной центральный комитетъ партіи с.-р. и с.-р.-овская фракція правительства, съ другой — правительственная группа Вологодскаго, такъ называемый «дѣловой аппаратъ*» (позднѣе — «Административный совѣтъ»), и командованіе. Всѣ остальныя политическія и общественныя группы, кромѣ коммунистовъ и лѣвыхъ с.-р., поддерживали въ той или другой мѣрѣ одну изъ сторонъ, расширяя внѣшне масштабъ участвующихъ — до борьбы между соціалистической и либеральной демократіей. Борьбу запутывали и осложняли чехо-словаки, принимавшіе въ ней дѣятельное участіе — до арестовъ членовъ правительства включительно, и союзные представители. Кромѣ генеральныхъ консуловъ Франціи и Англіи (Гаррисъ и Буржуа), все это были мелкіе консульскіе агенты или офицеры для связи. Не разбираясь въ русской жизни, не имѣя ни полномочій, ни даже возможности снестись со своими правительствами, они играли, однако, совершенно неподобающую роль, вмѣшиваясь непрестанно во внутреннія русскія дѣла, не разъ вліяя на важныя рѣшенія и внося въ область политики элементъ хлестаковщины и интриги.

Мало-по-малу во внутренней борьбѣ двухъ центровъ — Самары и Омска — успѣхъ сталъ клониться на сторону послѣдняго. Умѣренная политика Вологодскаго, все возрастающая сила Сибирской арміи и устанавливавшійся въ краѣ внѣшній порядокъ привлекали въ орбиту сибирской государственности Оренбургское, Уральское казачества и новую Уральскую область**, которая вопреки давленію Самары вошла въ связь съ Омскомъ и приняла общее направленіе его политики и единство командованія. Наконецъ, Омскъ привлекалъ къ себѣ симпатіи и офицерства Народной арміи.

Соперничество двухъ центровъ отражалось болѣзненно во всѣхъ областяхъ государственной жизни. Такое положеніе длиться не могло. Въ общественномъ сознаніи идея необходимости государственнаго объединенія и созданія обще-россійской власти пустила глубокіе корни, не встрѣчая противодѣйствія и среди идейныхъ сибирскихъ областниковъ.

Подъ давленіемъ общественнаго мнѣнія, иностранныхъ представителей и чехословаковъ, запутавшихся въ противорѣчіяхъ внутренней русской жизни, и подъ вліяніемъ умѣренныхъ членовъ Союза Возрожденія***, вопросъ объ объединеніи власти былъ наконецъ поставленъ на очередь.

Въ Челябинскѣ 15 іюля состоялась встрѣча представителей Самары и Омска, обнаружившая непримиримое противорѣчіе во взглядахъ на построеніе власти. «Самара» считала всероссійскою верховной властью Учредительное собраніе 1918 года, и себя временнымъ носителемъ ея; «Омскъ» отвергъ категорически это положеніе, заявивъ, что общерусская власть можетъ быть создана только путемъ соглашенія новообразованій.

— На какихъ условіяхъ вы намъ подчиняетесь?

Это былъ первый вопросъ, съ которымъ делегаты «Комуча» обратились къ посламъ «Омска».

Первое совѣщаніе не дало положительныхъ результатовъ. Въ августѣ состоялось второе — тамъ же, въ Челябинскѣ, приведшее къ Уфимскому государственному совѣщанію.

Нѣтъ сомнѣнія, что на уступчивость самарскихъ правителей повліяло угрожающее положеніе Волжскаго фронта, которое ставило ихъ передъ перспективой — въ ближайшемъ будущемъ остаться безъ «народа» и безъ арміи.

* * *

---

* Вслѣдствіе полнаго безлюдья среди революціонной демократіи, с.-р.-овскій комиссаріатъ вынужденъ былъ создать аппаратъ управленія изъ либеральныхъ общественныхъ дѣятелей и служилаго элемента.

** Часть Пермской губ. съ гор. Екатеринбургомъ, гдѣ образовалось самостоятельное правительство изъ кадетъ и умѣренныхъ соціалистовъ съ П. Ивановымъ во главѣ.

*** Авксентьевъ, Аргуновъ и др.

Съ начала 18 года, послѣ захвата власти большевиками, по сибирской магистрали отъ Челябинска до Канска начали формироваться тайно офицерскія дружины. Большая часть изъ нихъ возглавлялась коллективомъ изъ мѣстныхъ с.-р.-овскихъ ячеекъ и находилась въ извѣстной зависимости отъ Дербероскаго правительства, получая отъ него весьма, впрочемъ, ничтожныя пособія. Военнымъ министромъ считался подпоручикъ Краковецкій, одинъ изъ произведенныхъ Керенскимъ, за выслугу лѣтъ въ ссылкѣ при царскомъ правительствѣ, въ подполковники. Начальникомъ штаба всей организаціи, распространявшейся отъ Челябинска до Байкала, состоялъ артиллерійскій подполковникъ Гришинъ (псевдонимъ «Алмазовъ»). Я познакомился съ нимъ въ концѣ 18 года, когда судьба заставила его покинуть Сибирь и появиться въ Екатеринодарѣ. Молодой, энергичный, самоувѣренный, нѣсколько надменный, либералъ — быть можетъ болѣе политикъ, чѣмъ воинъ, съ большимъ честолюбіемъ и съ нѣкоторымъ налетомъ авантюризма — онъ несомнѣнно сыгралъ бы большую роль въ сибирскомъ движеніи, если бы въ самомъ началѣ своей карьеры не переоцѣнилъ свой вѣсъ и вліяніе.

Офицерство было въ большомъ смущеніи. Имена Краковецкаго и Гришина-Алмазова не говорили ему ничего. Существовавшее въ потенціи, въ конспираціи какое-то Временное Сибирское правительство не могло внушить ему довѣрія. Но ни признаннаго вождя, ни другого объединяющаго центра не было; не было и матеріальныхъ средствъ, которыхъ не хотѣлъ давать вѣрный себѣ, закоснѣлый въ эгоизмѣ торгово-промышленный классъ, не довѣрявшій къ тому же возглавленію революціонной демократіи. Средства предоставляла сибирская кооперація, но подъ условіемъ признанія с.-р.-овскаго «правительства». Эти обстоятельства и обусловили внѣшнія формы взаимоотношеній между офицерскими отрядами и с.-р.-овскими ячейками и всю подготовку движенія. Къ тому же руководитель его Гришинъ-Алмазовъ «понималъ, что власть будетъ имѣть тотъ, у кого реальная сила»*, и внушалъ эту мысль колебавшемуся офицерству.

Были, впрочемъ, мѣстами и такъ называемыя «безпартійныя» организаціи, возникавшія по иниціативѣ внѣ-партійной интеллигенціи и скудно субсидируемыя мелкими представителями сибирскаго торгово-промышленнаго класса.

Составленныя изъ однородныхъ элементовъ, преимущественно офицерскихъ, дружины, находясь подчасъ въ одномъ городѣ, не были объединены и зачастую не знали о существованіи другъ друга. Болѣе сильные отряды сформировались въ Омскѣ, Томскѣ и Иркутскѣ.

Еще въ январѣ отъ Добровольческой арміи за Волгу и въ Сибирь была послана делегація во главѣ съ ген. Флугомъ — по иниціативѣ Корнилова и при бодѣе чѣмъ сдержанномъ отношеніи къ ней Алексѣева. Военная задача, возложенная на делегацію, заключалась въ томъ, чтобы сорганизовать на мѣстахъ элементы, способные къ борьбѣ съ большевизмомъ, обезпечить ихъ мѣстными средствами и связать въ той или другой формѣ съ Добровольческой арміей**; политическая — завязать сношенія съ мѣстнымъ правительствомъ и войти съ нимъ въ соглашеніе по вопросу формированія добровольческихъ частей. «При наличіи правительства... желающаго помочь (намъ), всѣ мѣропріятія проводить черезъ его посредство, всячески поддерживая краевую власть, а при возможности заключить съ нею договоръ для совмѣстныхъ дѣйствій по возсозданію Россіи»***...

Связь съ Сибирью не наладилась. Мы получили только одно донесеніе отъ ген. Флуга въ іюнѣ, которое шло изъ Омска два съ половиной мѣсяца и сильно отстало отъ быстро текущихъ событій. Онъ не получилъ ни одного распоряженія изъ арміи. По этому поводу ген. Алексѣевъ писалъ мнѣ:

«Расходы льются широкой рѣкой. Выдѣлить изъ своихъ суммъ «хотя бы 100 тысячъ рублей» (представленіе Флуга)... это такая разброска средствъ, которая непосильна для маленькой организаціи, живущей изо дня въ день и тяжкими усиліями добывающей средства... Я считаю необходимымъ закрыть отдѣлъ и держать лицо только

---

* Изъ доклада ген. Гришина-Алмазова.
** Инструкція Корнилова.
*** Наказъ Алексѣева.

для связи и освѣдомленія... Что важнѣе — содержаніе арміи или политическая работа за тридевять земель, до которыхъ армія не дойдетъ и гдѣ есть свое правительство, свои задачи, свои цѣли, свои средства?»*

Безъ всякихъ денежныхъ средствъ, съ однимъ только авторитетомъ имени генераловъ Алексѣева и Корнилова, Флугъ проѣхалъ черезъ всю Сибирь, посѣтилъ важнѣйшіе центры и вошелъ въ связь съ мѣстными политическими дѣятелями и тайными военными организаціями. Дѣятельность его, носившая поневолѣ совершенно личный, самостоятельный характеръ, сводилась къ ознакомленію съ тайными организаціями, освобожденію ихъ отъ исключительной опеки с.-р.-овскихъ ячеекъ и подчиненію политическому вліянію мѣстныхъ несоціалистическихъ группъ, преимущественно кадетскихъ, путемъ извлеченія средствъ отъ буржуазіи; къ установленію вмѣсто штабныхъ коллективовъ — единоначалія. Наконецъ, въ объединеніи «безпартійныхъ» и с.-р.-овскихъ дружинъ въ нѣкоторыхъ центрахъ подъ общимъ командованіемъ. Такъ, напримѣръ, по его настоянію былъ назначенъ начальникомъ дружинъ въ Омскѣ полковникъ Ивановъ (псевдонимъ «Риновъ»), командиръ одного изъ сибирскихъ казачьихъ полковъ, ставшій позднѣе атаманомъ Сибирскаго войска и командующимъ Сибирской арміей.

Участіе въ дѣлѣ «делегатовъ генераловъ Алексѣева и Корнилова» несомнѣнно придавало ему большую серьезность въ глазахъ офицерства.

Офицерскія дружины, пополненныя добровольцами-интеллигентами, сибирскіе казаки, мѣстами присоединившееся городское и сельское населеніе, при помощи чехословаковъ повсюду легко разбивали красную гвардію и свергали совѣты. Ставшій командующимъ Сибирской арміей и управляющимъ военнымъ министерствомъ сначала въ комиссаріатѣ, потомъ въ правительствѣ Вологодскаго Гришинъ-Алмазовъ** съ большой энергіей сталъ приводить въ порядокъ эти разношерстныя ополченія, освобождая ихъ отъ случайнаго элемента, пополняя добровольцами, вводя организацію и дисциплину. Къ августу Сибирская армія состояла изъ трехъ корпусовъ: Уральскаго (ген. Ханжинъ), Степного (ген. Ивановъ-Риновъ) и Средне-Сибирскаго (полк. Пепеляевъ). Въ составъ ихъ входили части офицерско-добровольческія, сибирскія и оренбургскія казачьи, киргизскія и башкирскія. Кромѣ того, на территоріи Сибири дѣйствовало нѣсколько партизанскихъ отрядовъ, во главѣ съ «атаманами», никому не подчинявшимися и являвшимися бѣдствіемъ для населенія и власти.

Составъ Сибирской добровольческой арміи весьма показателенъ для народныхъ настроеній: «общая численность ея — говоритъ отчетъ — 40 тысячъ человѣкъ, казаки составляютъ половину этого числа. Если принять во вниманіе, что въ строй на положеніе рядовыхъ добровольно стало до 10 тысячъ офицерской молодежи, призванной по мобилизаціи, то оказывается, что добровольцевъ не военно-обязанныхъ всего 10 тыс. человѣкъ, причемъ добрую половину этого числа составляетъ интеллигенція, главнымъ образомъ учащаяся молодежь. Такимъ образомъ, «народъ» далъ всего 5 тыс. добровольцевъ***.»

Въ оперативномъ отношеніи, такъ-же какъ и Народная армія, Сибирская была подчинена чешскому командованію: Уральскій корпусъ и часть Степного — Войцеховскому, Средне-Сибирскій—Гайдѣ; только дивизія, дѣйствовавшая въ направленіи на Вѣрный, подчинялась командующему Сибирской арміей. Русскія части были разбросаны между чешскими полками, иногда батальонами, лишая возможности старшій командный составъ оказывать вліяніе на свои войска, мѣшая ихъ внутренней спайкѣ. На этой почвѣ Гришинъ-Алмазовъ велъ безрезультатную борьбу съ чешскимъ командованіемъ. «Поручики въ генеральскихъ мундирахъ» — по его выраженію — вошли во вкусъ неограниченнаго самовластія — они по существу были господами положенія. Гришинъ-Алмазовъ разсказывалъ, какъ капитанъ Гайда, напримѣръ, объявилъ своею властью Иркутскую и Енисейскую губерніи на военномъ положеніи и ввелъ на жел.-дор. станціяхъ военно-полевые суды изъ чеховъ, «съ необязательнымъ участіемъ одного русскаго»...

---

* Письмо отъ 30 іюня 18 года, № 65.
** Произведенъ былъ въ генералъ-маіоры.
*** Изъ доклада полковника Хартулари.

Какъ Гайда награждалъ русскихъ офицеровъ георгіевскими крестами и т. д. Позднѣе самовластіе и русскихъ войсковыхъ начальниковъ стало явленіемъ обычнымъ, внося большое разстройство въ гражданское управленіе краемъ.

Въ арміи введена была старая дисциплина, съ нѣкоторыми измѣненіями устарѣвшихъ положеній, и въ угоду революціонной демократіи отмѣнено ношеніе погонъ; послѣдняя мѣра принята была въ арміи какъ униженіе офицерскаго званія и вызывала недовольство.

Говоря о «старой дисциплинѣ», я долженъ оговориться: ни въ одной арміи, ни въ одинъ періодъ революціи возстановить ее въ надлежащей мѣрѣ не удалось. Всеобщій моральный распадъ отозвался болѣзненно въ жизни арміи, поразивъ верхи еще въ большей степени, чѣмъ низы. Можно говорить лишь объ установленіи сверху правильныхъ взглядовъ на дисциплину и о большемъ или меньшемъ приближеніи къ ихъ осуществленію въ войскахъ. Къ этому вопросу я вернусь, говоря о Добровольческой арміи.

Въ общемъ, офицерство оставалось вполнѣ лояльнымъ въ отношеніи власти, болѣе интересуясь условіями армейской жизни, чѣмъ общей политикой правительства. То обстоятельство, что правительство не вмѣшивалось въ организацію арміи, предоставивъ это дѣло военачальникамъ, побуждало армію «терпѣть» соціалистическій комиссаріатъ и относиться спокойно къ полусоціалистическому правительству Вологодскаго. Что касается казачьихъ войскъ, то, оставаясь въ общемъ лояльными къ выборной казачьей власти и къ высшему военному командованію, ведя самоотверженную борьбу съ большевиками, они переживали иногда періодически и сами приступы большевицкой болѣзни...

Къ августу притокъ добровольцевъ въ Сибирскую армію прекратился совершенно. Командованіе рѣшило приступить къ мобилизаціи, призвавъ два возраста 19 и 20 годовъ, не бывшихъ еще на фронтѣ. Тщательно подготовленный наборъ, произведенный въ концѣ августа, далъ до 200 тысячъ человѣкъ: сибирскіе крестьяне безъ подъема, но покорно шли въ армію, а сопротивленіе, оказанное въ двухъ-трехъ уѣздахъ, было жестоко подавлено вооруженной силой. Не взирая на большой недостатокъ командnаго состава (генераловъ и штабъ-офицеровъ), крайнюю бѣдность въ обмундированіи и снаряженіи, молодая армія организовалась, училась, сколачивалась, возбуждая большія и обоснованныя надежды въ сибирскомъ обществѣ. Прикрытый чехо-словаками и Народной арміей Волжскій фронтъ давалъ возможность Сибири собраться съ силами.

Результатовъ своихъ трудовъ Гришину-Алмазову не пришлось увидѣть. С.-р.-ы совмѣстно съ лѣвой частью правительства, къ которой примкнулъ и Вологодскій, питавшій личное нерасположеніе къ надменному и слишкомъ самостоятельному, по мнѣнію правительства, генералу, добились его устраненія. Слѣпой страхъ передъ призракомъ отечественнаго Бонапарта побудилъ революціонную демократію устранить человѣка, сумѣвшаго какъ бы то ни было примирить армію съ фактомъ существованія полусоціалистическаго правительства, и передать власть другому лицу — сугубо правому по политическимъ убѣжденіямъ, одіозному въ глазахъ соціалистовъ по характеру его прежней дѣятельности (начальникъ уѣзда), но не обладавшему, какъ казалось имъ, опасными качествами Бонапарта... Во время командованія этого другого — ген. Иванова-Ринова — по ироніи судьбы состоялся впослѣдствіи переворотъ 18 ноября.

Удаливъ Гришина-Алмазова самымъ непристойнымъ образомъ, правительство Вологодскаго особымъ «рескриптомъ» отдало ему «заслуженную щедрую дань глубокаго уваженія и признательности».

Генералъ Гришинъ-Алмазовъ увѣрялъ впослѣдствіи, что всѣ «предложенія офицерства и войскъ стать на его сторону онъ отвергъ», чтобы не подрывать авторитета власти... Есть другія данныя, свидѣтельствующія, что подобная попытка была, но встрѣтила противодѣйствіе со стороны старшихъ начальниковъ (соревнованіе Иванова-Ринова) и полное равнодушіе со стороны арміи.

Армія считала Гришина-Алмазова соціалистомъ, а соціалисты — реакціонеромъ. Такихъ недоразумѣній исторія русской смуты знаетъ не мало.

ГЛАВА XIV.

Дальній Востокъ. Военное положеніе на Восточномъ фронтѣ. «Интервенція».

Дальній Востокъ былъ долго отрѣзанъ отъ остальной Сибири, не имѣя съ ней никакой связи. Только въ началѣ сентября капитанъ Гайда, взявъ Читу, открылъ сквозное движеніе цо сибирскому пути.

Въ концѣ ноября 18 года курьеръ привезъ на Югъ цисьмо адмирала Колчака и докладъ ген. Степанова (лица, близкаго къ адмиралу)*, адресованные на имя цокойнаго тогда уже М. В. Алексѣева. Докладъ Степанова, рисующій положеніе дѣлъ на Дальнемъ Востокѣ, представляетъ большой интересъ въ томъ отношеніи, что онъ составленъ съ вѣдома адмирала**.

Привожу этотъ докладъ, составленный по даннымъ къ половинѣ сентября 18 года, въ подробномъ извлеченіи, исключивъ лишь часть чисто личную и переставивъ нѣкоторые абзацы въ интересахъ послѣдовательности изложенія.

«Въ серединѣ мая положеніе было таково. Въ Иркутскѣ и Забайкальи господствовали большевики, захватившіе Благовѣщенскъ, Хабаровскъ и затѣмъ Владивостокъ. Часть чехословацкихъ эшелоновъ (что-то около 15 тысячъ человѣкъ) въ это время успѣла добраться до Владивостока съ ген. Дитерихсомъ и французскимъ полковникомъ (нынѣ генераломъ) Парисомъ. Въ Манчжуріи, вѣрнѣе въ такъ называемой полосѣ отчужденія Китайской Восточной жел. дороги, я засталъ полный хаосъ.

Бунтовавшіе запасные батальоны товарищей были разогнаны и смѣнены китайскими войсками (въ декабрѣ). Русская милиція замѣнена также китайской. Администрація жел. дор. сохранилась русской, во главѣ съ Управляющимъ дорогой ген. Хорватомъ.

Затѣмъ, пользуясь свободой отъ большевизма, въ Харбинѣ и на болѣе крупныхъ ж. д. станціяхъ (Хайларъ, Манчжурія), собралось нѣсколько тысячъ русскихъ офицеровъ, большею частью изъ войскъ бывшаго Заамурскаго округа пограничной стражи, а также изъ войскъ, ранѣе квартировавшихъ въ Приамурскомъ округѣ.

Масса эта оказалась по достоинствамъ своимъ не очень то высокой и мало способной сорганизоваться въ регулярныя, прочныя единицы. Это съ одной стороны, а съ другой, у высшихъ чиновъ отсутствовала необходимая воля и организаторскія дарованія, при наличности мелкой зависти и готовности къ интригамъ. Союзники, т. е. японцы и отчасти французы (знакомые Вамъ ген. Накасима и лейт. Пеліо) сразу же своимъ участіемъ внесли много зла въ попытки создать здѣсь русскія войска. Такъ какъ сверху уклонялись отъ объявленія формированія войсковыхъ частей, то таковыя стали сперва возникать самостійно. Забайкальскаго войска есаулъ Семеновъ выпоролъ на ст. Манчжурія нѣсколькихъ ж. д. агентовъ за ихъ симпатіи къ большевизму и объявилъ самъ себя атаманомъ. Ему дали сейчасъ же денегъ японцы и французы. Начался наборъ добрыхъ малыхъ, готовыхъ на все, кромѣ установленія у себя хотя бы тѣни необходимаго воинскаго порядка. Небольшія удачи въ мелкихъ стычкахъ съ отдѣльными большевистскими бандами создали съ одной стороны ложную славу Семенову, а съ другой непризнаніе имъ самимъ какой либо иной, кромѣ него самого, высшей объединяющей власти, что особенно культивировалось господами японцами.

Нѣчто подобное создалось, но въ значительно болѣе мелкомъ масштабѣ, и на востокѣ, на ст. Пограничная съ самозваннымъ Уссурійскимъ атаманомъ есауломъ Калмыковымъ, который, какъ оказывается, даже и не приписанъ ни къ одному казачьему войску, а просто значится Харьковскимъ мѣщаниномъ.

---

* Письмо адмирала отъ 1 окт. (вѣроятно нов. стиля) и докладъ Степанова отъ 17 сент. 18 года.

** Въ письмѣ адмирала говорится: «ген. Степановъ въ своемъ письмѣ излагаетъ довольно детально положеніе вещей, создавшееся на Дальнемъ Востокѣ».

«Атаманъ» этотъ также состоитъ подъ покровительствомъ японцевъ, которые и субсидируютъ его денежными подачками.

Наконецъ, въ самомъ Харбинѣ возникла было офицерская организація полк. Орлова на болѣе регулярныхъ началахъ.

Еще въ январѣ возникла на Д. В. мысль о сформированіи въ полосѣ отчужденія Китайской ж. д. правительства изъ числа русскихъ дѣятелей, собравшихся въ Харбинѣ, Владивостокѣ, Китаѣ и Японіи, причемъ главою такого правительства большинство избирало Управляющаго Китайскою ж. д. ген.-лейт. Хорвата, лица, популярнаго особенно въ Китаѣ. Однако эта мысль встрѣтила среди нашихъ дипломатическихъ представителей въ Пекинѣ рядъ сомнѣній въ успѣхѣ ея осуществленія и было a priori предложено ген. Хорвату сперва создать нѣкоторую вооруженную силу изъ числа хотя бы прибывшихъ на Д. В. офицеровъ и только заручившись этой необходимой данной, реализировать свое выступленіе. А такъ какъ ген. Хорватъ всю службу провелъ внѣ строя и по медлительному, нерѣшительно-эластичному характеру своему и недовѣрчивости къ сотрудникамъ мало гарантировалъ возможность опредѣленной организаціи воинскихъ частей, то для этой цѣли и былъ вызванъ Путиловымъ и кн. Кудашевымъ А. В. Колчакъ и, такъ сказать, навязанъ ими, чего однако тогда же никто А. В. не высказалъ. Рѣшено было, что ген. Хорватъ озаботится подборомъ хорошихъ политическихъ дѣятелей, а адмиралъ Колчакъ сформируетъ для него войска на основахъ дисциплины и строгой іерархіи, въ чемъ была обѣщана союзниками широкая помощь деньгами и оружіемъ. Когда же то и другое будетъ готово, то только тогда ген. Хорватъ и выступитъ.

Честный, открытый, съ сильной волей, глубоко и искренне любящій родину А. В. Колчакъ принялъ это предложеніе и въ концѣ апрѣля пріѣхалъ въ Харбинъ. Но здѣсь его сразу же враждебно встрѣтили и японцы, опредѣлившіе въ немъ крупнаго, стойкаго, чисто русскаго дѣятеля, и старшіе чины наши, и господа самозванные атаманы. Въ теченіе мая и іюня разыгралась грустная и гнусная съ точки зрѣнія русскихъ интересовъ драма, авторами которой были конечно японцы, режиссировали же свои. А. В. травили въ Харбинѣ всѣ, а атаманъ Семеновъ отказался даже его принять, когда адмиралъ самъ къ нему пріѣхалъ на ст. Манчжурія. О какомъ либо воинскомъ единовластіи никто и слышать не хотѣлъ: оно казалось опаснымъ японцамъ, подозрительнымъ для высшихъ властей, стѣснительнымъ для младшихъ чиновъ и контръ-революціоннымъ для массы.

Въ результатѣ такъ никакихъ войскъ и не сформировали. Культивировались, какъ бы наперекоръ основной идеѣ, лишь разные небольшіе отдѣльные отряды, никого выше себя не признающіе и составленные главнымъ образомъ изъ китайцевъ, монголъ и бурятъ. Затѣмъ возникло нѣсколько высокихъ штабовъ и много генеральскихъ должностей до главнокомандующаго фронтомъ включительно*. Завелась переписка, канцеляріи, дѣлопроизводители, а воителей состояло къ 1 іюля, и то «по спискамъ»: въ отрядахъ, признающихъ адмирала, всего 740 человѣкъ, у атамана Семенова — грубо не подчинявшагося ни адмиралу, ни ген. Хорвату — что-то около 1800 человѣкъ (китайцы, монголы, буряты, японцы, 100 сербовъ, 400—500 забайкальскихъ казаковъ и немного русскихъ офицеровъ), у атамана Калмыкова — 70 человѣкъ. Вотъ и весь боевой составъ, другъ друга не признающій и даже угрожающій одинъ другому.

Вслѣдствіе всего этого 30 іюня н. ст. адмиралъ Колчакъ выѣхалъ въ Токіо, чтобы лично выяснить тамъ, являются ли поступки ген. Накасима и нѣкоторыхъ офицеровъ японскаго ген. штаба, заключающіеся въ подговариваніи начальниковъ русскихъ отрядовъ не признавать адмирала и не исполнять его приказаній, ихъ личными выступленіями противъ него или это дѣлалось съ вѣдома и одобренія начальника японскаго генеральнаго штаба.

Въ Токіо, въ присутствіи нашего посланника В. Н. Крупенскаго и моемъ, адмиралъ имѣлъ по этому поводу бесѣду съ ген. Танака — помощникомъ Начальника ген. штаба, фактически — его главой. Ген. Танака противъ обвиненій, высказанныхъ адмираломъ, не протестовалъ, но просилъ его «временно» оставаться въ Японіи, обѣщая призвать къ высокой военной дѣятельности впослѣдствіи, по выясненіи условій интервенціи союзниковъ. Такъ А. В. и остался въ Японіи.

Въ іюнѣ весь Харбинъ былъ полонъ воплями о необходимости для спасенія Россіи призвать союзниковъ, а главное японцевъ. Больше всѣхъ въ этомъ отношеніи агитировалъ образовавшійся здѣсь еще ранѣе Дальне-Восточный Комитетъ**, при участіи бывшаго члена Государственной Думы Ст. Вас. Востротина (кадетъ). Господа эти сочинили цѣлое молебное посланіе отъ лица «лучшихъ русскихъ людей» и черезъ ген. Хорвата отправили его въ Токіо и другимъ союзникамъ.

Вскорѣ (9 іюля н. ст.) послѣ отъѣзда адмирала изъ Харбина, ген. Хорватъ объявилъ себя Всероссійскимъ Правителемъ, принявшимъ на себя и «всю полноту государственной власти», для чего выѣхалъ на ст. Гродеково, находящуюся на русской территоріи въ Уссурійскомъ краѣ.

Хорватъ организовалъ такъ называемый «Дѣловой Кабинетъ», въ составъ котораго вошла часть членовъ Дальне-Восточнаго Комитета; предсѣдателемъ его былъ избранъ Востротинъ. Постъ военнаго министра принялъ недавно передъ этимъ прибывшій отъ Вашего имени ген. Флугъ».

Генералъ Флугъ по своей иниціативѣ принималъ участіе и въ политической борьбѣ Сибирскихъ центровъ. Такъ, въ апрѣлѣ въ Омскѣ онъ участвовалъ въ подготовкѣ на случай сверженія большевиковъ «диктатуры во главѣ съ П. Ивановымъ»... Въ началѣ

---

* Ген. Плѣшковъ былъ назначенъ «главнокомандующимъ Россійскихъ войскъ». Авт.

** Полное названіе — «Дальневосточный Комитетъ защиты Родины и Учредительнаго собранія». Составъ — главнымъ образомъ правый до кадетъ включительно. Авт.

Адмиралъ Колчакъ

іюля, какъ сказано выше, вступилъ въ составъ «Всероссійскаго» правительства ген. Хорвата вмѣстѣ со своимъ помощникомъ Глухаревымъ. При этомъ — не персонально, а въ качествѣ «делегаціи генераловъ Алексѣева и Корнилова», что уже совсѣмъ не входило въ его полномочія. Тотчасъ по вступленіи въ должность Флугъ обратился по телеграфу къ Гришину-Алмазову и Иванову-Ринову, объявляя объ образованіи генераломъ Хорватомъ государственной власти, въ составъ которой вошла «возглавляемая имъ миссія»; сообщалъ, что новая власть приступила къ возсозданію боевыхъ силъ, «въ составъ коихъ имѣютъ войти и организованные въ Сибири боевые отряды». Сибирскіе военачальники отвѣтили привѣтствіями и пожеланіемъ соединенія армій, но отъ признанія надъ собою «всероссійской власти» Хорвата уклонились.

Возвращаюсь къ письму ген. Степанова.

«Адмиралъ Колчакъ въ составъ кабинета приглашенъ не былъ ввиду того, что «въ бытность свою въ Харбинѣ онъ всѣхъ возстановилъ противъ себя.

Повидимому и это выступленіе было произведено не безъ настояній японцевъ, гарантировавшихъ свою всесильную поддержку. Хотя незадолго до этого изъ японскихъ субсидій было выдано нѣкоему Краковецкому — военному министру еврейско-сибирскаго-Дербровскаго Правительства 50 тысячъ рублей и само правительство предупредительно перевезено во Владивостокъ, гдѣ оно и объявило себя истиннымъ правительствомъ Сибири. Такимъ образомъ, въ Уссурійскомъ краѣ сразу же появилось два правительства: во Владивостокѣ — находившемся во власти большевиковъ — якобы выбранное населеніемъ Западной Сибири во главѣ съ Дербером, и на пограничной съ Манчжуріей ст. Гродеково — всероссійское ген. Хорвата. Кромѣ того особую чисто большевистскую позицію заняли земства Приморской Области и Владивостокское городское самоуправленіе во главѣ тоже съ евреемъ Медвѣдевымъ. Въ Хабаровскѣ властвовалъ большевикъ, еврей Краснощековъ. Но въ концѣ концовъ эти господа сговорились съ Дербером.

Чехо-словаки, находившіеся во Владивостокѣ, сперва хранили нейтралитетъ, но затѣмъ, подъ угрозой выступленія противъ нихъ германо-австрійскихъ плѣнныхъ, обезоружили во Владивостокѣ и Никольскѣ Уссурійскомъ большевиковъ. Роль при этомъ М. К. Дитерихса до сихъ поръ для меня не ясна (лично мнѣ съ нимъ еще не пришлось увидѣться). Официально онъ заявилъ, какъ офицеру, командированному къ нему адм. Колчакомъ, такъ и представителямъ ген. Хорвата (между прочимъ ген. Флугу), что онъ теперь не является русскимъ, а только чехо-словакомъ, что считаетъ Россію совершенно развалившейся, что никакого русскаго правительства ранѣе, чѣмъ черезъ два года создать нельзя и что всѣ русскія военныя организаціи подлежатъ немедленному роспуску. Въ виду этихъ сужденій онъ категорически отказалъ въ разрѣшеніи ген. Хорвату переѣхать во Владивостокъ.

Въ подобныхъ переговорахъ прошелъ іюль.

2 августа ген. Хорватъ, опять таки повидимому не безъ совѣта японцевъ, воспользовавшись отсутствіемъ ген. Дитерихса, проѣхалъ во Владивостокъ. Поѣздъ его пропустили, но слѣдовавшіе сзади эшелоны съ офицерскими ротами чехами не были пропущены. Вслѣдствіе этого 5 августа произошла стычка на ст. Голенки. Чехи взорвали путь передъ русскимъ бронированнымъ поѣздомъ, выстрѣлами изъ котораго затѣмъ были убиты два чеха.

Въ августѣ начали прибывать во Владивостокъ, въ Харбинъ и на ст. Манчжурія войска, присланныя союзниками согласно интервенціи. Японцы ввезли пока (къ 20 сент. н. ст.) въ общемъ около двухъ дивизій, остальные союзники строго по условіямъ интервенціи. Главное командованіе и на такъ называемомъ Хабаровскомъ фронтѣ, и на Забайкальскомъ, и общее всѣми союзными силами взяли въ свои руки, конечно, японцы (фельдмаршалъ Отани).

Американцы привезли свои войска изъ Филиппинъ, французы и англичане изъ ближайшихъ азіатскихъ колоній. Разумѣется, по сравненію съ японцами войска остальныхъ союзниковъ въ боевомъ смыслѣ представляютъ во всѣхъ отношеніяхъ величину незначительную. Русскіе отряды союзниками совершенно игнорируются, даже въ ихъ штабы не приглашены русскіе офицеры, хотя бы для облегченія сношеній съ мѣстнымъ населеніемъ. Только отрядъ атамана Семенова, вѣроятно потому, что еще съ самаго начала существованія этого отряда, съ первой пачкой японскихъ денегъ — фактическимъ начальникомъ штаба отряда былъ посаженъ японскій ген. штаба капит. Куроки (сынъ покойнаго маршала).

Весь августъ правительства ген. Хорвата и Дербера провели во Владивостокѣ, высиживая другъ друга на изморъ, при болѣе чѣмъ недвусмысленномъ отношеніи дипломатическихъ и военныхъ представителей союзниковъ.

Наши послы въ Токіо и Пекинѣ заняли въ этомъ вопросѣ позицію невмѣшательства, причемъ однако кн. Кудашевъ, не дѣлая никому исключенія, передаетъ официально всѣ обращенія, воззванія и манифесты каждаго возникающаго правительства, не считаясь съ его credo, кромѣ ярко большевистскихъ. Что касается вопроса объ организаціи русской арміи, то ген. Флуга объ этомъ даже и слушать не хотятъ союзники.

Сперва союзниковъ представляли во Владивостокѣ ихъ коммерческіе консула и старшіе войсковые начальники. Но недавно вмѣсто первыхъ образованъ «Высокій совѣтъ комиссаровъ» изъ спеціальныхъ представителей: отъ Англіи сэръ Эллиотъ (бывшій совѣтникъ англійскаго посольства въ Петроградѣ), отъ Франціи г. Реньо (только что покинувшій постъ посланника въ Токіо), отъ Америки назначается также посланникъ въ Японіи и отъ Японіи г. Масаджеро. Между высокимъ

совѣтомъ консуловъ (?) и старшими военными начальниками союзныхъ войскъ повидимому нѣтъ солидарности во взглядахъ.

Находящіеся во Владивостокѣ русскіе офицеры, сперва организованные (т. е. по просту нанявшіеся) революціонно-большевистскимъ земствомъ, пытались было признать ген. Хорвата, но за это вслѣдствіе навѣта Дербера были публично разоружены по постановленію совѣта союзныхъ консуловъ, приведеннаго въ исполненіе приказомъ ген. Накасима. Актъ этотъ былъ настолько позорно обставленъ, что присутствовавшій русскій артиллерійскій чиновникъ (завѣд. оружіемъ) застрѣлился.

Событіе это вызвало много сочувственныхъ и даже патріотическихъ разговоровъ. Союзники удивлялись, они никакъ не могли представить себѣ, чтобы у русскихъ сохранилось еще столь сильно выраженное чувство національной чести. Но однако все это не помѣшало въ день похоронъ многимъ русскимъ дамамъ и господамъ принять приглашеніе и веселиться на благотворительномъ чаѣ, устроенномъ какъ бы нарочно англичанами на палубѣ крейсера Суффолькъ...

Въ первыхъ числахъ сентября происходитъ новое важное событіе. Чехо-словаки, задержанные въ дорогѣ большевиками въ Западной Сибири, прорвались подъ начальствомъ чеха Гайда въ Забайкалье, взяли Читу и вошли въ соприкосновеніе съ только что начавшимъ наступленіе Забайкальскимъ отрядомъ, состоящимъ изъ японцевъ, чеховъ и войскъ Семенова.

Гайда заявилъ себя во время борьбы съ германо-большевиками въ Сибири человѣкомъ рѣшительнымъ, разстрѣлявшимъ массы и перепоровшимъ еще большее число лицъ.

Гайда объявилъ себя главнокомандующимъ всѣми русскими и чехо-словацкими войсками и, какъ только добрался до ст. Оловянная Забайкальской ж. д., вызвалъ къ себѣ ген. Хорвата и Дитерихса.

Съ прибытіемъ Гайды открылся ж. д. проѣздъ въ Иркутскъ и далѣе, чуть ли не до Самары, явилась, наконецъ, давно жданная возможность войти въ сношенія съ Западной Сибирью и ея правительствомъ.

20 сентября н. ст. во Владивостокѣ собрались играющіе доминирующую роль старшіе представители союзниковъ, правительства Хорвата и Дербера, Вологодскій и «диктаторъ» Гайда, третирующій пока всѣхъ и каждаго»...

Усилія Вологодскаго увѣнчались успѣхомъ. Дерберовское правительство, оказавшееся въ критическомъ финансовомъ положеніи, и Хорватъ отказались отъ власти въ пользу Сибирскаго правительства. Хорватъ былъ назначенъ «намѣстникомъ на Дальнемъ Востокѣ».

«Въ общемъ все болѣе и болѣе выясняется, что союзники вступили въ предѣлы Россіи не ради спасенія ея, а вѣрнѣе ради своихъ собственныхъ выгодъ. Россіи никому не нужно. Установленіе у насъ опредѣленной твердой правительственной власти вредно для интересовъ господъ союзниковъ, желающихъ хозяйничать самостоятельно. Но особенно для нихъ нетерпима организація русской военной силы.

Наглѣе всѣхъ это высказываютъ японцы, вносящіе всюду интриги черезъ своихъ агентовъ и закупленныхъ ими русскихъ пособниковъ. Вступленіе японцевъ равносильно военной оккупаціи занятой ими территоріи. Напримѣръ, въ Хабаровскѣ они присвоили себѣ амурскія канонерки и ихъ дорого стоящую базу, подъ предлогомъ военной добычи, отнятой у большевиковъ.

Для своихъ расплатъ съ русскимъ населеніемъ они ввели особые боны, мѣняемые только на іены.

Соперниками японцевъ являются только американцы, сильные съ промышленной и финансовой стороны, но слабые въ военномъ отношеніи. Соперничество это уже обозначается явно: японцы порой какъ бы издѣваются надъ американцами. Недавно, напримѣръ, на протестъ американцевъ по поводу ввода японцами значительно большихъ силъ, нежели это было оговорено въ условіяхъ интервенціи, японцы насмѣшливо отвѣтили, что они ничего не имѣютъ, если и американцы введутъ сюда большее число своихъ войскъ, даже «большее, чѣмъ это можетъ сдѣлать Японія».

Тотъ же ген. Накасима и другіе японскіе офицеры не стѣснялись публично бранить американцевъ... по азіатски стараются натравить на американцевъ другихъ союзниковъ, и особенно насъ русскихъ, всюду и везду подчеркивая, что американцы — явные сторонники большевиковъ.

Что касается американцевъ, то эти господа въ политическомъ отношеніи скорѣе наивны и до сихъ поръ еще продолжаютъ смотрѣть на Россію и на нашъ большевизмъ по внушеніямъ своей еврейской клики, которая и являлась въ С. Штатахъ до послѣдняго времени единственнымъ источникомъ познанія Россіи.

Есть свѣдѣнія, что въ настоящее время эта оріентировка уже подверглась критикѣ и американцы хотятъ сами, помимо евреевъ, познакомиться съ Россіей, ея населеніемъ, укладомъ его жизни и экономическими нуждами. Но когда все это случится!

Англичане, какъ всегда, третируютъ насъ свысока, а французы почему то пока находятся подъ видимымъ вліяніемъ Японіи.

О китайцахъ я и не говорю, — Китай самъ все еще переживаетъ революцію, при дружелюбномъ содѣйствіи Японцевъ, ссужающихъ деньги и оружіе одновременно и сѣверянамъ, и южанамъ, какъ это увѣряютъ дѣлали они и у насъ, субсидируя также одновременно и Семенова (не признающаго ген. Хорвата), и самого Хорвата, и Дербера, а весной даже хабаровскихъ большевиковъ. Нельзя умолчать и о высказываемыхъ союзниками чаяніяхъ въ отношеніи вознагражденія отъ насъ за ихъ «безкорыстную помощь». Еще съ адмираломъ Колчакомъ по этому поводу заводилъ разговоръ ген.

Накасима, но А. В. довольно опредѣленно уклонился отъ этого вопроса, какъ стоящаго внѣ его компетенціи. Пока выясняется, что Японія, обездоленная желѣзомъ, возьметъ себѣ: 1) наши побережные раіоны, богатые желѣзной рудой, 2) нашу часть Китайской В. ж. дор. и видимо еще съ придачей, 3) Владивостокскаго порта и Уссурійскаго края. Пока же японцы скупаютъ пароходы на Амурѣ и занимаютъ своими командами наши рѣчныя канонерки.

Американцы часто много говорятъ о необходимости обезпечить за собой право на постройку жел. дор. черезъ Камчатку на Иркутскъ (кажется) съ эксплоатаціей прилежащаго раіона. Вопросъ этотъ не новый и возникалъ уже до войны».

Письмо заканчивалось обращеніемъ къ генералу Алексѣеву:

«А какъ здѣсь жаждутъ многіе получить отъ Васъ, глубокоуважаемый Михаилъ Васильевичъ, хотя бы какія нибудь указанія, что надо дѣлать и какъ поступать, чтобы спасти родину отъ грядущаго рабства ея подъ игомъ не только Германіи, но и тѣхъ же союзниковъ, вступающихъ нынѣ въ наши предѣлы якобы изъ безкорыстныхъ побужденій».

Въ письмѣ своемъ отъ 1 октября адмиралъ Колчакъ высказалъ также глубоко пессимистическій взглядъ на общее положеніе Дальняго Востока: «я считаю (его) потерянным для насъ если не навсегда, то на нѣкоторый промежутокъ времени; и только крайне искусная дипломатическая работа можетъ помочь въ томъ безотрадномъ положеніи, въ которомъ находится нашъ Дальній Востокъ. Отсутствіе реальной силы, полный распадъ власти, неимѣніе на мѣстѣ ни одного лица, способнаго къ упомянутой работѣ, создали безконтрольное хозяйничанье японцевъ въ этомъ краѣ, въ высшей степени унизительное и безправное положеніе всего русскаго населенія».

Интересно первое впечатлѣніе, которое вынесъ адмиралъ о директоріи, пріѣхавъ въ концѣ сентября въ Омскъ*: «я не имѣю пока собственнаго сужденія объ этой власти, но, насколько могу судить, эта власть является первой, имѣющей всѣ основанія для утвержденія и развитія».

Адмиралъ Колчакъ не питалъ, какъ видно, никакого предубѣжденія къ идеѣ «демократическаго правительства».

* * *

Въ то время, когда на огромномъ пространствѣ отъ Волги до Великаго океана шла непрерывная политическая борьба взаимно ненавидящихъ, свергающихъ другъ друга совѣтовъ, комитетовъ, правительствъ и правителей, на безчисленныхъ внутреннихъ фронтахъ лилась кровь. Политика всецѣло подчинила стратегію, внося своими чрезвычайными противорѣчіями элементъ авантюры въ операціи, хаосъ въ снабженіе и начало деморализаціи въ духъ армій.

Въ началѣ августа стратегическое положеніе было слѣдующимъ: Подъ номинальнымъ командованіемъ ген. Шокорева находилось около 120 тысячъ русско-чешскихъ войскъ, изъ которыхъ болѣе половины входило въ составъ Западнаго фронта, 15—20 тысячъ Южнаго, 15—20 тысячъ Забайкальскаго и 10—15 тысячъ расположилось во Владивостокѣ.

Противъ этихъ силъ дѣйствовали войска Красной арміи, насчитывавшія на фронтѣ Камы и Волги 80—100 тысячъ, и совершенно не поддающіеся учету многочисленные красногвардейскіе отряды, такъ называемаго «Ташкентскаго фронта», внутренняго сибирскаго**, Забайкалья и Приморской области.

Операціи развивались почти исключительно вдоль жел.-дор. линій.

Въ Прикамскомъ раіонѣ, на Пермскомъ направленіи въ первой половинѣ августа большевики произвели сильный нажимъ на Екатеринбургъ, подойдя къ городу на полъ перехода и вызвавъ тамъ сильную панику. Полковнику Войцеховскому удалось, однако, отбросить наступавшихъ.

---

* Изъ того же письма.

** Отступившія лѣтомъ отъ ж. д. магистрали крупныя банды въ Верхнеуральскѣ, на Алтаѣ и въ сѣверномъ Семирѣчьи.

На Волжскомъ фронтѣ, безъ разрѣшенія командованія, по иниціативѣ частныхъ начальниковъ (полковникъ Кащель, чешскій капитанъ Швецъ) неожиданнымъ налетомъ 7 августа была взята Казань. Операція эта, стратегически необоснованная, имѣла, однако, чрезвычайно важныя послѣдствія: въ Казани былъ захваченъ и поступилъ въ вѣдѣніе Самарскаго правительства золотой запасъ Россійскаго государства въ 651½ милліонъ рублей золотомъ* и кромѣ того 110 милліоновъ кредитными билетами и на большую сумму цѣнныхъ бумагъ. Это обстоятельство давало прочную финансовую базу для развитія Восточнаго фронта и сильно подрывало положеніе совѣтской власти.

На Саратовскомъ направленіи, съ марта мѣсяца, проявляя огромное напряженіе, мобилизовавъ все мужское населеніе съ 19 до 55 лѣтняго возраста, выставивъ до 20 полковъ, ведо непрерывную героическую борьбу Уральское войско. Въ какихъ условіяхъ — объ этомъ одинъ изъ участниковъ говоритъ**: «пусть будетъ извѣстно, что въ отношеніи вооруженія въ началѣ нашей борьбы дѣло обстояло такъ, что многіе старики несли съ собой въ бой пешни, пики, ломы и даже цѣпы; и послѣ боя бывали найдены на полѣ брани съ этимъ оружіемъ самозащиты въ рукахъ». Только въ началѣ іюня, когда самарской групой чеховъ и добровольцевъ былъ взятъ Бузулукъ, войску открылась возможность получить оружіе и боевые припасы. Подъ давленіемъ превосходныхъ силъ большевиковъ, уральскій фронтъ все время мѣнялъ свое очертаніе, дважды (апрѣль и іюнь) подходя почти вплотную къ столицѣ войска — г. Уральску.

До конца августа на Камскомъ и Волжскомъ фронтахъ было сравнительно спокойно; уральскіе казаки, отбросивъ большевиковъ на всѣхъ направленіяхъ, дрались у Николаевска, Новоузенска и Краснаго Яра (подъ Астраханью); капитанъ Гайда подошелъ къ Байкалу; на прочихъ направленіяхъ шли небольшіе бои съ перемѣннымъ успѣхомъ.

Въ сентябрѣ обстановка круто измѣнилась подъ вліяніемъ двухъ новыхъ факторовъ: подвинувшейся значительно вцередъ организаціи Красной арміи и начавшагося броженія въ Чехо-словацкомъ корпусѣ, который продолжалъ еще перебрасывать свои части съ востока на западъ.

Предпринятое большевиками въ началѣ сентября наступленіе — главными силами на Уфимскомъ направленіи — увѣнчалось успѣхомъ: они взяли 9-го Казань, 12-го Симбирскъ, а 9-го октября овладѣли и Самарой, продвигаясь затѣмъ дальше на востокъ.

Чехи, избалованные легкими успѣхами надъ красной гвардіей весной и лѣтомъ, теперь, когда начались болѣе серьезные бои, драться не хотѣли. Тѣмъ болѣе, что къ тому времени путь къ Великому океану былъ уже свободенъ... Глухо прозвучалъ выстрѣлъ, которымъ доблестный чехъ — капитанъ Швецъ — покончилъ свою жизнь, не будучи въ силахъ перенести тѣ явленія, которыя онъ считалъ предательствомъ... Прозвучалъ,— не разбудивъ ничьей совѣсти. Только добровольческія части, отступая послѣдними, оказывали слабое сопротивленіе преслѣдующему противнику. Съ фронта на востокъ потянулись массы бѣженцевъ.

Въ оправданіе свое чехи приводили мотивы достаточно вѣскіе: неустойчивость русскихъ частей, вызывавшую у нихъ сомнѣніе, «желаетъ ли русскій народъ дѣйствительно у себя порядка, народовластія, свободы... или предпочитаетъ совѣтскую власть»***... «Внутреннюю смуту и неурядицу», въ силу которой наблюдалось «не взаимодѣйствіе отдѣльныхъ областей, но что-то вродѣ глухой вражды... Эгоизмъ и непониманіе государственныхъ задачъ доходили до границъ недопустимаго»[1]... Приводились и стратегическія соображенія — неправильность первоначальной разброски силъ и необходимость сосредоточиться въ раіонѣ Челябинска, чтобы начать серьезную операцію въ одномъ главномъ направленіи — на Вятку-Котласъ для соединенія съ англичанами[2]...

---

* Золотой запасъ переходилъ затѣмъ преемственно къ директоріи и къ правительству адмирала Колчака.

** «Уральцы». Е. Коноваловъ.

*** Воззваніе Чечека.

[1] Предсѣдатель Чешскаго національнаго комитета Павлу.

[2] Объясненія Войцеховскаго.

Образъ дѣйствій чеховъ въ этотъ второй періодъ ихъ участія въ русской смутѣ не нуждается въ оправданіи. Они вольны были рѣшить по внутреннему своему убѣжденію трагическую для насъ диллему: проливать ли кровь за спасеніе Россіи или уходить. Они стали уходить. Это обстоятельство даетъ намъ, однако, нравственное право отнестись критически къ ореолу героизма и самоотверженности, въ который облекаютъ движеніе чехо-словаковъ, и, во всякомъ случаѣ, не чувствовать себя въ долгу передъ ними. Съ осени 1918 года, въ особенности съ ноября, когда послѣднія ихъ части вышли изъ боевой линіи, Чехо-словацкій корпусъ сталъ чужероднымъ и больнымъ наростомъ въ организмѣ Сибири, поглощая большія матеріальныя средства ея, столь необходимыя для русской арміи, загромождая и подчасъ парализуя подвижность сибирской магистрали.

Безславное участіе въ драмѣ адмирала Колчака завершило впослѣдствіи дѣло, такъ славно начатое чехо-словаками на Волгѣ...

. . . . . .

На другихъ фронтахъ обстоятельства складывались значительно благопріятнѣе: на южномъ — наступленіе большевиковъ не получило развитія; «внутренній фронтъ» былъ ликвидированъ частями Сибирской арміи; палъ окончательно и восточный, со взятіемъ Гайдой Читы. Все вниманіе и силы можно было, слѣдовательно, обратить на Западный фронтъ.

Къ концу октября военное положеніе на территоріи, подчиненной «всероссійской власти» въ лицѣ созданной въ Уфѣ директоріи, представлялось въ слѣдующемъ видѣ:

I. Западный фронтъ шелъ по линіи Верхотурье — Красноуфимскъ — Богурусланъ — станція Неприкъ. Войсками его командовалъ чехъ, ген. Сыровой, смѣнившій Шокорева, имѣя штабъ-квартиру въ Челябинскѣ. Въ трехъ группахъ генераловъ Гайды (Екатеринбургъ), Люпова (Бирскъ) и Войцеховскаго (Уфа) числилось русскихъ войскъ 42 тысячи*, чешскихъ — 20 тысячъ при 182 орудіяхъ.

* Сибирскіе корпуса, Оренбургскій корпусъ и остатки Народной арміи.

II. Уральскій фронтъ шелъ въ направленіи отъ станціи Неприкъ къ берегу Каспійскаго моря, западнѣе Гурьева. Силы — 5½ тысячъ уральскихъ казаковъ при 16 орудіяхъ; во главѣ ихъ стоялъ командующій войсками Уральской области, ген. Акутинъ.

III. Юго-западный фронтъ прикрывалъ направленіе отъ Самары и отъ Ташкента на Оренбургъ — въ раіонахъ Бузулука и Актюбинска. Фронтъ занимали оренбургскіе казаки и остатки Народной арміи силою въ 15½ тысячъ при 54 орудіяхъ, подъ начальствомъ Оренбургскаго атамана, ген. Дутова.

IV. Юго-восточный фронтъ — въ направленіи Семирѣчья; передовыя части занимали Копалъ и Лепсинскъ. Силы — 6 тысячъ, 11 орудій изъ состава Сибирской арміи — находились въ непосредственномъ подчиненіи командующаго арміей ген. Иванова-Ринова, жившаго въ Омскѣ.

Резервомъ могли служить полувооруженныя и полуобученныя три дивизіи ген. Ханжина, расположенныя въ Екатеринбургскомъ раіонѣ, силою около 30 тысячъ.

Всего, слѣдовательно, сибирскія арміи насчитывали около 90 — 120 тысячъ при 263 орудіяхъ. Войска — устойчивыя на сѣверѣ и югѣ, и морально подавленныя на важнѣйшемъ, Самарскомъ направленіи.

Противъ нихъ наступали шесть красныхъ армій* Восточнаго фронта подъ начальствомъ полковника Каменева силами до 100 тысячъ при 300 орудіяхъ**; болѣе двухъ третей этихъ силъ было сосредоточено противъ Западнаго фронта (ген. Сыровой), который медленно катился назадъ подъ ихъ давленіемъ.

* * *

Съ августа мѣсяца начала какъ будто сбываться мечта многихъ русскихъ людей, видѣвшихъ спасеніе Россіи въ союзнической интервенціи. Мечта, положенная въ основаніе плановъ большинства политическихъ партій, поддерживавшая морально впавшую въ отчаяніе буржуазію и дрогнувшій фронтъ...

Въ августѣ и сентябрѣ стали прибывать во Владивостокъ транспорты съ долгожданными союзными войсками. Высадилось... три дивизіи японцевъ, 5 батальоновъ американцевъ, по батальону англичанъ***, французовъ и итальянцевъ. Численность войскъ явно не соотвѣтствовала той огромной задачѣ, которая ставилась имъ пышными декларащіями правительствъ и «высокихъ комиссаровъ». Еще болѣе страннымъ показалось примѣненіе этихъ войскъ... Японскія дивизіи расположились во Владивостокѣ, Харбинѣ и вдоль линіи Забайкальской ж. д. до Читы; при этомъ японскій командующій, маршалъ Отани заявилъ, что никакой другой задачи отъ своего правительства онъ не имѣетъ. Американцы стали на охрану пути между Иркутскомъ и Верхнеудинскомъ и по Уссурійской ж. дор., англійскій батальонъ двинутъ въ Омскъ — резиденцію «высокаго комиссара», очевидно, для представительства.

Этотъ высокій комиссаръ, сэръ Элліотъ, прибывъ раньше другихъ полномочныхъ представителей союзниковъ на екатеринбургскій фронтъ, торжественно заявилъ: «союзники употребляютъ всѣ усилія, дабы оказать помощь возрождающейся Россіи, какъ вооруженіемъ, снаряженіемъ, такъ и людьми. Уже находятся въ пути къ Сибири ихъ части, которыя скоро будутъ сражаться на фронтѣ. Помощь подвигается и съ другой стороны отъ Котласа... Нельзя упрекать насъ въ медлительности... Связь только что налажена и теперь дѣлается все, чтобы ускорить помощь»...

Офиціальная ложь союзниковъ будила надежды, смѣнившіяся скоро глубокимъ разочарованіемъ. Сибирь не получила отъ иностранцевъ ни одного штыка ~~и ни одной копейки~~. Они ограничились позднее присылкою материалов, помогших вооружению и снабжению.

* 1, 2, 3, 4, 5 и армія Ч. В. К., дѣйствовавшая противъ возставшихъ рабочихъ Ижевско-Воткинскаго раіона.

** По даннымъ штаба Добровольческой арміи къ 1 ноября; большевицкія силы въ Семирѣчьи не вошли въ расчетъ.

*** По другимъ даннымъ около бригады.

Портъ и многомилліонные склады Владивостока были обезпечены, путь для чехословаковъ открытъ, австро-германскіе контингенты военноплѣнныхъ временно локализованы, а военно-политическая обстановка на европейскомъ театрѣ войны давала надежду на скорое и побѣдное ея окончаніе.

Какіе же еще мотивы могли побудить «реальныхъ» политиковъ Запада принять болѣе дѣятельное участіе въ судьбахъ опасной своимъ бурнымъ броженіемъ страны, въ несчастьи непонятнаго для нихъ народа?

ГЛАВА XV.

Внѣшнія затрудненія Добровольческой арміи: нѣмецкая оккупація, Астраханская и Южная арміи.

Съ приходомъ германскихъ войскъ на Донъ положеніе Добровольческой арміи стало весьма затруднительнымъ. Декларації наши, свободно обращавшіяся, не могли создать никакихъ иллюзій въ нѣмецкомъ командованіи въ вопросѣ объ отношеніи къ нему арміи. Правда, первоначальная формула этихъ отношеній, исходившая нѣкогда отъ «совѣта» при тріумвиратѣ*, теперь была замѣнена болѣе мягкой: «никакихъ сношеній съ нѣмцами»... Но и эта формулировка не могла примирить нѣмецкое командованіе съ фактомъ существованія бокъ-о-бокъ силы, безусловно имъ враждебной.

Началось зондированіе почвы.

Кіевская главная квартира черезъ третьихъ лицъ — нѣмецкой оріентаціи — предлагала намъ войти въ «дружескія сношенія»; гр. Альвенслебенъ искалъ свиданія съ адъютантомъ ген. Алексѣева, ротмистромъ Шапрономъ, бывшимъ въ Кіевѣ по дѣламъ арміи; ген. Арнимъ въ Ростовѣ на офиціальныхъ собраніяхъ высказывалъ свое уваженіе къ Добровольческой арміи и сожалѣніе, что «она не идетъ вмѣстѣ съ нами». На Украйнѣ свободно работали вербовочныя бюро, и команды добровольцевъ — въ формѣ, съ отличительными знаками арміи — направлялись безпрепятственно на Донъ, встрѣчая даже извѣстную предупредительность со стороны нѣмецкихъ комендантовъ. Это обстоятельство, наряду съ появившимися въ кіевскихъ газетахъ свѣдѣніями о «союзнической оріентаціи» арміи, возбуждало даже въ нашихъ кіевскихъ друзьяхъ сильнѣйшее безпокойство — «не готовятъ ли нѣмцы ловушки...»

Попытки эти остались безрезультатными: командованіе Добровольческой арміи, избѣгая какихъ бы то ни было активныхъ дѣйствій въ отношеніи нѣмцевъ, категорически отказалось войти съ ними въ сношенія. Создалось весьма оригинальное «международное» положеніе, которое съ нѣкоторымъ приближеніемъ можно назвать «вооруженнымъ нейтралитетомъ».

Любопытно, какъ расцѣнивала правая общественность наши побужденія въ этомъ вопросѣ. Кн. Г. Трубецкой въ своемъ донесеніи Правому Центру писалъ**: «генералы, стоящіе во главѣ Добровольческой арміи, мыслили возрожденіе Россіи и арміи въ прямой преемственности отъ той идеологіи, которую они принесли съ фронта бывшей русской арміи. Нѣмецъ былъ врагъ, и притомъ нечестный врагъ, придумавшій удушливые газы, а потомъ и самихъ большевиковъ. Съ этимъ врагомъ могла быть только борьба на жизнь и смерть, и невозможны и недостойны никакіе разговоры. Измѣнить союзникамъ было бы недостойнымъ малодушіемъ и на всѣхъ, кто были заподозрѣны въ германской оріентаціи, ложилось пятно». Опредѣленіе это, вѣрное въ отношеніи офицерской массы, слишкомъ, однако, элементарно въ отношеніи старшихъ начальниковъ:

---

* Тріумвиратъ: Алексѣевъ, Корниловъ, Калединъ; зима 1917—18 г. Первая декларація Добровольческой арміи опредѣляла цѣли ея «борьбой съ надвигающейся анархіей и нѣмецко-большевицкимъ нашествіемъ». Т. II, гл. XVII.

** Отъ 28 августа 18 года.

они руководствовались кромѣ этого мотивами государственной цѣлесообразности и нѣкоторымъ предвидѣніемъ...

Истинныя намѣренія германцевъ намъ не были извѣстны. Возможность дальнѣйшаго движенія ихъ къ востоку и югу ставила въ крайне тяжелое положеніе Добровольческую армію и вызывала неоднократныя сношенія по этому поводу ген. Алексѣева и мои съ донскимъ правительствомъ. Ген. Богаевскій, управляющій отдѣломъ иностранныхъ дѣлъ, предупреждалъ, что ручаться ни за что нельзя, но что во всякомъ случаѣ «съ вѣдома и согласія войскового правительства никакого передвиженія нѣмцевъ быть не можетъ». Одновременно, однако, приходили свѣдѣнія, что ген. Красновъ помимо своего правительства ведетъ переговоры съ нѣмецкимъ командованіемъ о совмѣстномъ наступленіи на Азовъ и Ейскъ. 15 іюля свѣдѣнія эти получили существенное подтвержденіе. Атаманъ пригласилъ къ себѣ моего представителя ген. Эльснера и убѣждалъ его въ необходимости сдвинуть Добровольческую армію съ Кубани на Царицынъ. Въ качествѣ неопровержимаго довода Красновъ просилъ передать мнѣ со словъ будто бы нѣмецкаго маіора (Стефани?), что нѣмцы сосредоточили «крупныя силы противъ большевиковъ» и «предъявили имъ требованіе очистить Азовъ, Ейскъ, Новороссійскъ и всю жел.-дор. линію отъ Ростова до Новороссійска»; ее нѣмцы займутъ тотчасъ же, оккупируя такимъ образомъ Кубань*. Съ другой стороны, все чаще поступали донесенія по поводу возможнаго движенія нѣмцевъ на Царицынъ совмѣстно съ донскими казаками. Объ этомъ писалъ и ген. Алексѣевъ. И я, учитывая большое значеніе для насъ Царицына, какъ единственнаго выхода на сѣверъ, просилъ М. В. «предъявить атаману требованіе..., чтобы не только съ его стороны не послѣдовало приглашенія нѣмцевъ, но наоборотъ — были бы устранены всѣ предлоги для ихъ движенія туда».

Нѣмцы, однако, противъ красной гвардіи и совѣтовъ больше не пошли. Только однажды, въ концѣ мая, они вынуждены были вступить въ бой съ большевиками, предпринявшими безъ вѣдома Москвы нелѣпую и безразсудную десантную операцію изъ Азова къ Таганрогу, окончившуюся страшнымъ пораженіемъ большевиковъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ вызвавшую потери и у нѣмцевъ до 700 человѣкъ.

Берлинъ все это время велъ переговоры о «дополнительныхъ соглашеніяхъ» съ Москвой, которая настаивала на очищеніи нѣмцами Ростова и Таганрога или, по крайней мѣрѣ, пропуска по Юго-восточнымъ и Владикавказской дорогамъ большевицкихъ войскъ для борьбы съ Югомъ.

Позднѣе, 23 іюля Чичеринъ предъявилъ преемнику Мирбаха Гельфериху желанія болѣе опредѣленныя: «активное выступленіе противъ Алексѣева и никакой дальнѣйшей поддержки Краснову». Очевидно, какъ отголосокъ этихъ переговоровъ, въ началѣ іюня ген. Кнерцеръ получилъ распоряженіе изъ Кіева о заключеніи перемирія съ большевиками на всѣхъ фронтахъ, въ томъ числѣ на Таганрогскомъ и Батайскомъ...

Всѣ нѣмецкія силы, слѣдовательно, можно было направить противъ Восточнаго фронта, когда онъ представитъ дѣйствительную опасность.

* * *

Съ половины іюня отношенія нѣмцевъ къ арміи рѣзко измѣнились. 13 іюня, какъ я говорилъ выше, имѣло мѣсто обращеніе ихъ черезъ Тундутова къ Донскому атаману о репрессіяхъ въ отношеніи Добровольческой арміи... Вскорѣ, черезъ мѣстныхъ воинскихъ властей, послѣдовало требованіе нѣмцевъ о сборѣ всѣхъ военно-плѣнныхъ австро-германцевъ, относившееся и къ чехо-словакамъ, находившимся въ рядахъ арміи и сдѣлавшимъ съ ней Первый кубанскій походъ**... На обращенный ко мнѣ тревожный вопросъ представителя ихъ Краля я отвѣтилъ, что избѣгаю тщательно всякихъ столкновеній съ нѣмцами, но защита нашихъ соратниковъ — чехо-словаковъ — это вопросъ нашей чести, и я не остановлюсь въ случаѣ нужды даже передъ боемъ... Въ Кіевѣ нѣмецкая контръ-развѣдка, пополненная русскими офицерами, въ томъ числѣ дезертирами

* Докладъ ген. Эльснера отъ 15 іюня, № 223.

** Около 300—400 человѣкъ въ составѣ инженернаго батальона, отчасти Корниловскаго полка.

Добровольческой арміи, разгромила мѣстный добровольческій центръ и арестовала полковниковъ Кусонскаго и Ряснянскаго*... Начали поступать свѣдѣнія о задержкѣ и арестѣ слѣдовавшихъ въ армію офицерскихъ эшелоновъ изъ цѣлаго ряда городовъ... Задержаніе эшелоновъ и офицеровъ германскія власти объясняли тѣмъ, что «Добровольческая армія находится въ состояніи войны съ Германіей, такъ какъ содержится на средства французовъ».

Добровольческіе «центры» стали переходить на конспиративное положеніе, притокъ пополненій сократился.

Въ іюлѣ стали получаться весьма тревожныя свѣдѣнія со всѣхъ сторонъ — отъ Шульгина, Милюкова, московскихъ организацій, изъ круговъ, стоявшихъ въ оппозиціи къ Донскому атаману — объ опасности, угрожающей намъ со стороны нѣмцевъ. Непосредственно изъ «Всероссійскаго» (совѣтскаго) генеральнаго штаба пришло тайно донесеніе, что «рѣшено сильнымъ отрядомъ не допустить продвиженія Добровольческой арміи къ Царицыну, а разоружить ее и разогнать, какъ будущее ядро Русской національной арміи».

Обстановка разъяснилась окончательно только къ сентябрю, когда отъ лица, стоявшаго во главѣ одного изъ центральныхъ совѣтскихъ учрежденій, получено было подробное освѣщеніе положенія**:

«Послѣ заключенія договора — дополнительнаго къ Брестскому, Гинце*** (середина августа) обратился къ совѣтскимъ властямъ съ нотой, которая является... новымъ дополненіемъ къ договору... Въ концѣ ея имѣется указаніе о необходимости сохраненія ея въ тайнѣ. Въ одномъ изъ пунктовъ нѣмецкое правительство настаиваетъ на принятіи совѣтскими властями рѣшительныхъ мѣръ къ немедленному прекращенію чехословацкаго движенія, къ удаленію союзниковъ съ Мурмана и Архангельска... и подавленію мятежа ген. Алексѣева. Если совѣтская власть окажется не въ состояніи достигнуть указанныхъ выше задачъ собственными силами, то она не должна противодѣйствовать продвиженію для... этихъ цѣлей нѣмецкихъ силъ по территоріи Россіи... Нѣмцы видятъ наибольшую для себя опасность именно въ Добровольческой арміи и въ генералѣ Алексѣевѣ... Изъ сопоставленія всѣхъ этихъ данныхъ съ передачей совѣтскимъ властямъ вооруженія, снаряженія и боевыхъ запасовъ, захваченныхъ нѣмцами на нашихъ фронтахъ, а также формированіемъ на нѣмецкія средства... Астраханской и Южной армій — для меня ясно, что нѣмцы принимаютъ всѣ мѣры къ ослабленію численности Добровольческой арміи, и къ поселенію розни между ними (арміями), такъ и по возможности къ полному ея уничтоженію... Что касается Дона, то нѣмцы повидимому предали его большевикамъ, обязавшись дополнительнымъ къ Брестскому договоромъ очистить жел.-дор. линію Воронежъ — Ростовъ, а также не признать его самостоятельности... Повидимому, и совѣтскія власти пришли къ убѣжденію, что нѣмцы не будутъ поддерживать Донъ въ его борьбѣ съ большевиками»...

Что же помѣшало выполненію этихъ плановъ?

Стратегическое положеніе Добровольческой арміи не было такимъ безотраднымъ, какъ представлялось ея друзьямъ въ Москвѣ и Кіевѣ. Это хорошо понимали въ штабѣ ген. Кнерцера и умѣряли воинственное настроеніе своихъ московскихъ дипломатовъ. Корпусъ Кнерцера, состоявшій изъ трехъ пѣхотныхъ дивизій и кавалерійской бригады, занималъ обширный раіонъ Таганрогъ — Ростовъ — Милдерово — Бахмутъ и не могъ выдѣлить достаточныхъ силъ для скорой ликвидаціи Добровольческой арміи. Вооруженное выступленіе противъ насъ несомнѣнно охладило бы симпатіи германофильской части русской общественности, всколыхнуло бы національное чувство, въ частности донского офицерства, вызвало бы расколъ въ Донской арміи, паденіе Краснова и большой хаосъ въ тылу наступающихъ. Углубленіе германскихъ войскъ на Сѣверный Кавказъ, въ связи съ большой подвижностью Добровольческой арміи, грозило надолго затянуть операцію, ставя подъ удары партизанскихъ отрядовъ всѣ сообщенія нѣмцевъ.

---

* Черезъ нѣкоторое время были освобождены.
** Отъ 25 сентября 18 года.
*** Министръ иностранныхъ дѣлъ Германіи.

До фактическаго созданія союзниками Восточнаго противонѣмецкаго фронта и до движенія арміи на сѣверъ, такой рискъ не оправдывался бы обстановкой.

Въ свою очередь я, совершая Второй Кубанскій походъ, принялъ нѣкоторыя мѣры обезпеченія. На линіи Кіевъ — Ростовъ Кіевскій желѣзнодорожный комитетъ и нѣкоторыя организаціи подготовляли жел.-дор. забастовки, нападенія, порчу и разрушеніе пути — на случай движенія на востокъ нѣмецкихъ подкрѣпленій.

Красновъ, по мѣрѣ движенія Добровольческой арміи, спѣшилъ съ открытіемъ жел.-дор. линій отъ Ростова на Торговую и Тихорѣцкую и просилъ ген. Алексѣева о подчиненіи ему всѣхъ путей сообщенія Кубанской области и Ставропольской губерніи*. Такъ какъ это обстоятельство угрожало существованію арміи, облегчая ударъ по ней нѣмцамъ, я вынужденъ былъ прецятствовать этимъ намѣреніямъ, мирясь съ огромными трудностями подвоза намъ снабженія по грунтовымъ путямъ. Линія Ростовъ—Батайскъ—Торговая была во многихъ мѣстахъ основательно разрушена ранѣе, и инженеры, которымъ по приказанію Донского атамана надлежало возстановлять путь, въ мѣрѣ возможности саботировали работу. Наконецъ, 10 іюля, послѣ взятія нами станціи Кущевки, полковникомъ Кутеповымъ по моему приказанію взорванъ былъ кущевскій ж. д. мостъ, чѣмъ прервано было движеніе отъ Ростова.

Взрывъ у Кущевки вызвалъ гнѣвъ Донского атамана и произвелъ большое впечатлѣніе на нѣмцевъ, не оставляя уже никакихъ сомнѣній въ отношеніи къ нимъ арміи. Тѣмъ не менѣе, «вооруженный нейтралитетъ» не нарушался. Только въ концѣ сентября произошелъ небольшой эпизодъ: въ первый разъ ко мнѣ официально обратился отъ имени своего правительства маіоръ фонъ-Кофенгаузенъ, прося ускорить возстановленіе проходившей по занятой нами территоріи линіи индо-европейскаго телеграфа и предлагалъ дать для исправленія и обслуживанія ея свой персоналъ. Кофенгаузену было отвѣчено черезъ ген. Эльснера**, что вообще всѣ телеграфныя линіи на территоріи арміи возстанавливаются и чужой помощи не требуется. Черезъ 2—3 недѣли я получилъ новую ультимативную уже ноту — о предоставленіи германскому командованію указанной линіи, съ требованіемъ опредѣленнаго отвѣта въ пятидневный срокъ... Отвѣтилъ тѣмъ же порядкомъ, что телеграфныя линіи по мѣрѣ возстановленія поступаютъ въ общественное пользованіе... на точномъ основаніи россійскихъ законовъ.

Было ли предъявленіе этого ультиматума желаніемъ создать поводъ для открытія военныхъ дѣйствій, не знаю — ближайшіе дни совершенно измѣнили обстановку: надъ Германіей стряслась неслыханная катастрофа, а «высокій представитель» ея фонъ-Кофенгаузенъ тайно исчезъ изъ Ростова, долго еще потомъ пугая воображеніе союзныхъ миссій, безуспѣшно разыскивавшихъ его на территоріи Юга.

Я долженъ добавить еще одно: оставаясь неизмѣнно нашимъ врагомъ, нѣмецкое командованіе на Югѣ Россіи относилось всегда съ большимъ уваженіемъ къ Добровольческой арміи.

* * *

Не выступая противъ Добровольческой арміи съ оружіемъ въ рукахъ, нѣмцы старались разложить ее другими путями. Къ числу ихъ относится созданіе ими такъ называемой Астраханской арміи***.

Въ Кіевѣ, въ началѣ іюля, образовалась организація для вербовки въ эту армію, формировавшуюся на Дону, въ раіонѣ ст. Великокняжеской. Во главѣ ея сталъ совершенно ничтожный человѣкъ, полковникъ Тундутовъ, въ качествѣ политическаго руководителя — Иванъ Добрынскій, въ окруженіи чрезвычайно темные элементы (нѣмцы и русскіе) германской контръ-развѣдки.

---

* Сношеніе отъ 13 іюля, № 262.

** Мой представитель на Дону.

*** Такое странное названіе формированіе получило отъ теоретическаго предположенія Тундутова комплектовать армію астраханскими казаками и калмыками, по мѣрѣ освобожденія Астраханской губерніи.

Астраханская армія, принявъ внѣшнія отличія, служебный распорядокъ и «лозунги» — монархическіе, тѣмъ самымъ должна была отвлечь офицерство отъ арміи Добровольческой — арміи «съ неопредѣленной политической физіономіей», «признающей Учредительное собраніе», даже «въ скрытой формѣ... республиканской» — какъ говорили создатели Астраханской арміи.

Первое время наборъ, открыто поощряемый нѣмцами, имѣлъ извѣстный успѣхъ. Нѣмцы дали Тундутову нѣсколько милліоновъ рублей и отпустили въ небольшомъ размѣрѣ русское боевое снабженіе. Правые круги Кіева, во главѣ съ гр. В. Бобринскимъ, оказывали арміи моральное содѣйствіе, московскій Правый Центръ «вступилъ съ ней въ контактъ». Шли въ армію и офицеры: одни — изъ числа обиженныхъ, не нашедшихъ удовлетворенія своему честолюбію въ рядахъ Добровольческой арміи; другіе — изъ-за двойного въ сравненіи съ добровольческимъ оклада; третьи — дѣйствительно искренне привлекаемые монархическимъ лозунгомъ. Большинство же шло просто «на борьбу съ большевиками», не разбираясь ясно въ задачахъ новаго формированія и въ удѣльномъ вѣсѣ его руководителей.

Организаторы искали долго генерала съ популярнымъ именемъ для возглавленія арміи. Гр. Келлеръ отказался, какъ «открытый противникъ германской оріентаціи»... Ген. Н. І. Ивановъ — также. «Я всегда ставилъ безусловно необходимымъ* полное согласованіе всѣхъ дѣйствій этихъ войскъ — писалъ мнѣ Ивановъ 10 августа — съ Вашей арміей и самымъ настойчивымъ образомъ отвергалъ возможность какихъ либо моихъ сношеній съ германцами». Характерно для психологіи русскаго генералитета: Н. І., допуская снабженіе «Астраханцевъ» запасами, оставшимися на Украйнѣ, «что требовало согласія нѣмцевъ», былъ, однако, глубоко оскорбленъ тогда «тяжкимъ обвиненіемъ, возведеннымъ (на него) агентурой**, объ (его) не имѣвшихъ мѣста въ дѣйствительности сношеніяхъ съ представителями германскаго командованія» и «убѣдительно просилъ (меня)... разслѣдовать источникъ этихъ обвиненій»... Остановились «астраханцы» на Павловѣ — лихомъ кавалерійскомъ генералѣ, въ политической идеологіи котораго былъ только монархизмъ и никакихъ осложняющихъ дѣло «предразсудковъ». Павловъ побывалъ у меня въ Тихорѣцкой, освѣдомился объ отрицательномъ отношеніи моемъ къ новому формированію, но должность принялъ.

Въ результатѣ вся эта попытка нѣмцевъ потерпѣла полную неудачу. Къ августу былъ сформированъ только одинъ батальонъ въ 400 штыковъ и до конца существованія «арміи» (начало 19 года) численность ея не превышала 3 тысячъ бойцовъ, изъ которыхъ въ февралѣ 19 г. только 1753 могло быть на фронтѣ. Втайнѣ отъ руководителей организаціи армейскій штабъ астраханцевъ*** считалъ себя въ распоряженіи Добровольческой арміи, получая временами указанія отъ ген. Эльснера, и заявлялъ, что «сформированныя части готовы перейти въ составъ Добровольческой арміи по первому требованію»... Добровольческій штабъ относился, однако, несочувственно къ такому расцыленію силъ и къ темной политической игрѣ. Въ результатѣ штабъ Астраханской арміи рисовалъ ген. Эльснеру такія сцены: «офицеры по прибытіи въ Ростовъ узнаютъ отъ спеціально поставленныхъ на вокзалѣ (вашихъ) агентовъ объ оріентаціи Астраханскаго войска, источникахъ его содержанія, и до 60—80 % эшелоновъ желаютъ съ мѣста перейти въ Добровольческую армію»... «Затѣмъ, когда эшелонъ идетъ по линіи Батайскъ — Торговая, рьяную агитацію ведутъ (ваши) коменданты станцій. Въ результатѣ значительная часть эшелоновъ переходитъ въ Добровольческую армію. Но мало того, переходящіе начинаютъ все время корить и упрекать остающихся, издѣваться надъ ними. Проявляется взаимная обида и обозленіе»... Астраханскій штабъ просилъ ген. Эльснера самого «по братски распредѣлять пополненія»[1]. Ген. Эльснеръ отъ содѣйствія укомплектованію Астраханской арміи отказался, но и не препятствовалъ ему.

---

* Курсивъ – въ письмѣ.
** Сдѣлавшимся ему случайно извѣстнымъ.
*** Начальникъ штаба подполк. Рябовъ-Рѣшетинъ, ген.-квартирм. подполк. Полеводинъ.
[1] Доклады ген. Эльснера № 1499 и 1661, отъ 3 и 10 августа 18 года.

Въ августѣ нѣмцы, разочаровавшись въ своемъ формированіи, прекратили отпускъ денегъ Тундутову. Донской атаманъ давалъ скудныя пособія. И Тундутовъ въ поискахъ матеріальной поддержки обратился въ кіевскую организацію крайнихъ правыхъ — «Совѣтъ монархическаго блока»*. Между ними былъ заключенъ 7 сентября договоръ**, въ силу котораго ничего не вѣдавшее офицерство было поставлено передъ фактомъ неожиданнаго примѣненія его патріотическихъ побужденій: «Войсковой атаманъ передаетъ всю политическую работу Совѣту Монархическаго Блока» (ст. 7-я)... «Астраханская армія должна быть использована для борьбы со всѣми противниками возстановленія Законопреемственной монархіи и возсозданія Россіи»... (ст. 2-я).

Но казна «блока», черпавшая средства также изъ берлинскаго источника, скоро изсякла, и Астраханская армія все время не выходила изъ тяжелаго кризиса.

Осенью Тундутовъ явился на поклонъ въ Екатеринодаръ. Пороча всячески Донского атамана, онъ просилъ разрѣшенія «отложиться» отъ Донской арміи и присоединиться къ Добровольческой. Не считая возможнымъ обострять отношенія, я категорически отказалъ. По тѣмъ же побужденіямъ и не желая подрывать принципа дисциплины, я отклонялъ многократныя ходатайства астраханскихъ частей о переходѣ ихъ въ полномъ составѣ къ намъ.

Тундутовъ и его окруженіе вели праздный и разгульный образъ жизни, а «армія» постепенно таяла; таяла отъ отсутствія пополненій, отъ ухода изъ ея рядовъ многихъ неудовлетворенныхъ и отъ потерь, понесенныхъ въ небольшихъ, но непрерывныхъ бояхъ съ большевиками — на крайнемъ правомъ флангѣ донцовъ, въ Манычскихъ степяхъ.

* * *

Почти одновременно съ этой неудачной попыткой нѣмцы предприняли другую, казавшуюся имъ болѣе солидной, ввиду общественнаго положенія лица, ставшаго во главѣ дѣла.

Изъ всѣхъ членовъ императорской фамиліи, оставшихся въ живыхъ, только двое — герцоги Н. и Г. Лейхтенбергскіе — приняли всецѣло «германскую оріентацію». Герцогъ Н. Лейхтенбергскій взялъ на себя роль посла атамана Краснова къ германскому императору и, не будучи принятъ Вильгельмомъ, устранился въ дальнѣйшемъ отъ политической дѣятельности. Герцогъ Г. Лейхтенбергскій сталъ во главѣ формированія на нѣмецкія деньги — при фактическомъ участіи въ штабѣ организаціи нѣмецкихъ офицеровъ — такъ называемой Южной арміи.

Герцогъ былъ «флагомъ». Душою организаціи являлся нѣкто Акацатовъ, членъ Союза русскаго народа. Возглавлялась организація созданнымъ Акацатовымъ союзомъ «Наша Родина», въ составъ котораго кромѣ герцога и Акацатова (предсѣдатель) входило еще нѣсколько членовъ (9), имена которыхъ по интимнымъ соображеніямъ опубликованы не были. Въ качествѣ народной и общественной базы назывались такія полумифическія организаціи, какъ «Всероссійскій національный клубъ», «Всероссійскій національный союзъ», «Союзъ русской молодежи Юга Россіи», «Гимнастическое общество Богатырь», «Крестьянскіе кооперативы», «нѣкоторая часть Союза русскаго народа» и т. д.***

Организація встрѣтила отрицательное къ себѣ отношеніе въ средѣ кіевскаго генералитета, но за то съ большимъ увлеченіемъ отнеслась къ ней группа гр. В. Бобринскаго.

---

* «Блокъ» возникъ въ результатѣ соглашенія между крайними правыми и націоналистами группъ Балашова и В. Бобринскаго.

** Подписали договоръ:
1) Войсковой атаманъ Астраханскаго войска кн. Тундутовъ.
2) Командиръ Астраханскаго корпуса ген.-лейт. Павловъ.
3) Управляющій внѣшнимъ отдѣломъ Астрах. каз. войска И. Добрынскій.
4) Предсѣдатель Совѣта Монархическаго Блока Соколовъ.
5) Членъ Совѣта кн. А. Н. Долгоруковъ.

*** Докладъ офицера штаба южной арміи, полковника Хондзынскаго.

Монархическій лозунгъ былъ поставленъ ясно и опредѣленно. Политическая же оріентація была извѣстна въ точности только верхамъ. Рядовому офицерству сообщалось, что Южная армія не имѣетъ никакихъ обязательствъ въ отношеніи нѣмцевъ и «создается на деньги, занятыя у русскихъ капиталистовъ и у монархическихъ организацій».

Территорія для формированія была представлена ген. Красновымъ, неизмѣнно поощрявшимъ эти предпріятія, «русская» (не донская) — южная часть Воронежской губерніи — на которой Акацатовъ сталъ водворять администрацію и «исконныя начала».

Ни одинъ изъ крупныхъ генераловъ, къ которымъ обращался союзъ «Наша Родина», не пожелалъ стать во главѣ арміи. Такъ до конца своего «самостоятельнаго» существованія, армія оставалась безъ командующаго; его замѣнялъ временно начальникъ штаба, ген. Шильдбахъ, а наличнымъ составомъ формируемыхъ частей командовалъ фактически ген. Семеновъ. Выборъ — весьма показательный: Семеновъ былъ до того удаленъ изъ отряда Дроздовскаго, ввиду полной неспособности въ боевомъ отношеніи, потомъ изъ Добровольческой арміи—за то, что, будучи начальникомъ нашего вербовочнаго бюро въ Харьковѣ, вступилъ въ связь съ нѣмцами и.... отговаривалъ офицеровъ ѣхать въ Добровольческую армію.

На небольшомъ клочкѣ Воронежской губерніи Акацатовъ съ Семеновымъ возстановляли порядки, давно отошедшіе въ область исторіи. Оттуда распространялась нездоровая литература, отравлявшая души офицерства реакціоннымъ изувѣрствомъ и человѣконенавистничествомъ. Оттуда же шла лютая травля Добровольческой арміи. «Въ послѣднихъ номерахъ газеты «Наша Родина» — сообщала кіевская «Азбука» — нѣтъ ни слова о большевикахъ. Вся газета посвящена грубому поношенію ген. Алексѣева, Шульгина, Родзянко и т. д. О ген. Алексѣевѣ газета пишетъ, что это онъ предалъ царя, устроивъ ему ловушку, и что онъ разложилъ армію. О всѣхъ вообще, кто, движимый любовью къ несчастной Родинѣ, собрались въ Екатеринодаръ, газета говоритъ, что на лицахъ ихъ «ясно виднѣется улыбающійся Азефъ»...

Любопытно, что организаторъ арміи, герцогъ Лейхтенбергскій все же счелъ нужнымъ обратиться ко мнѣ съ письмомъ, въ которомъ выражалъ надежду на совмѣстныя наши военныя дѣйствія въ будущемъ. Я отвѣтилъ весьма сдержанно, что это будетъ зависѣть отъ той политики, которую поведутъ руководители Южной арміи.

Какъ бы то ни было, но расхожденіе въ политическихъ лозунгахъ армій воспринималось въ Кіевѣ повидимому очень остро. Митрополитъ Антоній, хорошо освѣдомленный о настроеніи правыхъ и принимавшій въ работѣ ихъ дѣятельное участіе, съ однимъ офицеромъ — общимъ знакомымъ, пріѣхавшимъ въ Екатеринодаръ въ началѣ августа, передавалъ мнѣ о крайнемъ своемъ безпокойствѣ: «какъ бы русскія арміи не вступили въ междуусобную брань»...

Въ приказѣ Донского атамана отъ 26 августа указывалось, что Южная армія, равно какъ Астраханская и «Русская народная армія»*, «въ будущемъ обезпечатъ предѣлы Дона», а «политическими программами ихъ войско не интересуется и ихъ не раздѣляетъ, имѣя одну цѣль — созданіе сильнаго государства — Всевеликаго войска Донского». Эта тирада звучала особенно странно, принимая во вниманіе, что южныя части Саратовской и Воронежской губерній были «временно» подчинены Дону и незадолго передъ тѣмъ военными губернаторами тамъ были назначены атаманскими приказами начальники формировавшихся войскъ — ген. Семеновъ** (Воронежской) и подполковникъ Манакинъ (Саратовской***)...

И эта вторая попытка нѣмцевъ и русскихъ германофиловъ окончилась неудачей. Тѣмъ болѣе, что нѣмцы, достигнувъ основной своей цѣли — посѣявъ рознь, не думали вовсе о созданіи изъ Южной арміи прочной силы: уже въ сентябрѣ финансированіе ими

---

* Фактически формировалась самимъ атаманомъ Красновымъ въ южной части Саратовской губерніи.

** Приказъ 6 августа, № 669.

*** Вице-губернаторомъ былъ назначенъ извѣстный Аладьинъ, который и осуществлялъ «политическое руководство арміи» во главѣ съ набранной имъ «группой земскихъ дѣятелей Саратовской губ.». Численность этой «арміи» была ничтожна.

герцога Лейхтенбергскаго почти прекратилось, снабженіе ограничено было до ничтожныхъ размѣровъ. Къ октябрю въ «арміи» было до 3½ тысячъ штыковъ и сабель, безъ обоза, почти безъ артиллеріи, и много небоевого элемента. Въ войскахъ создавалось тяжелое настроеніе. Искусственно вызванное взаимное отчужденіе и озлобленіе между «южанами» и добровольцами смѣнялось понемногу явнымъ тяготѣніемъ къ Добровольческой арміи отдѣльныхъ лицъ и цѣлыхъ частей Южной арміи. Оно усилилось еще болѣе послѣ произведшаго большое впечатлѣніе обращенія Шульгина «къ руководителямъ Астраханской и Южной армій»*. «Ваша тяжкая жертва была принесена напрасно — писалъ онъ. — Теперь, послѣ того, какъ Германія запросила мира, вы, конечно, сознаете, что она никого спасти не можетъ». Указывалъ выходъ — «соединиться съ людьми, которые какъ и вы любятъ Россію, но которые шли къ ея спасенію другими путями»... Въ Екатеринодарѣ появились вновь делегаціи отъ Южной и Астраханской армій съ просьбой о присоединеніи къ Добровольческой. «Въ скоромъ времени — обобщалъ свои впечатлѣнія Шульгинъ** — слѣдуетъ ожидать массового бѣгства офицеровъ изъ Южной арміи въ Добровольческую, такъ какъ офицерство потеряло надежду на то, что верхи Южной арміи перестануть его дѣлать пугаломъ въ глазахъ народа».

Но съ 30 сентября Южная армія поступила уже въ полное подчиненіе ген. Краснову и потому, чтобы не создавать затрудненій атаману, на основаніи моихъ указаній ген. Драгомировъ сообщилъ Шульгину***: «нужно успокоить офицеровъ Южной арміи и убѣдить ихъ не уходить изъ ея рядовъ, такъ какъ въ скоромъ времени все равно они попадутъ подъ наше начальство и послужатъ остовомъ при формированіи обще-русской арміи»...

Влились они въ нашу армію дѣйствительно, но... слишкомъ поздно — послѣ окончательнаго развала.

---

* Открытое письмо въ № 36 «Россіи» въ концѣ сентября.
** Записка отъ 12 октября.
*** Резолюція отъ 23 октября.

ГЛАВА XVI.

Внѣшнія затрудненія Добровольческой арміи: отношенія съ Донскимъ атаманомъ.

Наиболѣе тяжелыя отношенія установились у насъ съ Донскимъ атаманомъ.

На небольшомъ клочкѣ освобожденной отъ большевиковъ русской земли двумъ началамъ, представленнымъ съ одной стороны ген. Красновымъ, съ другой ген. Алексѣевымъ и мною, очевидно оказалось тѣсно. Совершенно непріемлемая для Добровольческой арміи политическая позиція атамана, полное расхожденіе въ стратегическихъ взглядахъ* и его личныя свойства ставили трудно преодолимыя препятствія къ совмѣстной дружной работѣ. Утверждая «самостоятельность» Дона нынѣ и «на будущія времена», онъ не прочь былъ, однако, взять на себя и пріоритетъ спасенія Россіи. Онъ, Красновъ, обладающій территоріей, «народомъ» и войскомъ — въ качествѣ «верховнаго вождя Южной Россійской арміи»**, бралъ на себя задачу — ея руками — освободить Россію отъ большевиковъ и занять Москву***... На этомъ же пути стояла другая сила — пока еще «бездомная», но съ непререкаемымъ обще-русскимъ авторитетомъ бывшаго Верховнаго — ген. Алексѣева и съ большимъ моральнымъ вѣсомъ и боевой репутаціей Добровольческой арміи.

Обѣ стороны, понимая непреложные законы борьбы, считали необходимымъ объединеніе вооруженныхъ силъ и обѣ не могли принести въ жертву свои убѣжденія или предубѣжденія. На этой почвѣ началась длительная внутренняя борьба — методами, соотвѣтствовавшими характеру руководителей... Въ то время, когда командованіе Добровольческой арміи стремилось къ объединенію вооруженныхъ силъ Юга — путями легальными, атаманъ Красновъ желалъ подчинить или устранить со своего пути Добровольческую армію; какими средствами — безразлично.

* * *

Началось еще въ маѣ, когда неожиданно атаманскимъ приказомъ всѣ донскіе казаки были изъяты изъ рядовъ Добровольческой арміи, что разстроило сильно нѣкоторыя наши части, особенно Партизанскій и Конный полки. Мнѣ пришлось поблагодарить донцовъ и отпустить ихъ, чтобы не обострять положенія и не создавать картины развала... Въ краткій періодъ кризиса, пережитаго Добровольческой арміей[1], отдѣльныя лица, иногда небольшія части, дезертировали изъ арміи на службу на Донъ, встрѣчая тамъ радушный пріемъ. Былъ даже случай, что цѣлый взводъ съ оружіемъ и пулеметами, подъ начальствомъ капитана Корнилова[2] бѣжалъ въ Новочеркасскъ; съ нимъ ушелъ также офицеръ штаба арміи лейтенантъ флота Поздѣевъ и... мой конный вѣстовой —

* См. главу XX.
** Соединенныя «Южная», «Астраханская» и «Народная».
*** Рѣчь въ Таганрогѣ. Пріазовскій Край 18 года, № 178.
[1] Май. См. ниже.
[2] Однофамилецъ генерала.

текинецъ; характерная мелочь — послѣдній ушелъ о-двуконь, укравъ кстати мою лошадь. Штабъ велъ по этому поводу переписку, но безрезультатно. Все проходило совершенно безнаказанно. Между тѣмъ переходъ въ Добровольческую армію, хотя бы и легальный, расцѣнивался совершенно иначе. Помню, какой гнѣвъ вызвало впослѣдствіи формированіе донскимъ генераломъ Семилѣтовымъ послѣ долгихъ переговоровъ партизанскаго отряда въ Черноморской губерніи изъ донскихъ гражданъ, не обязанныхъ службой на Дону*... Отрядъ не представлялъ изъ себя сколько нибудь серьезной силы и, конечно, не могъ имѣть никакого политическаго значенія — по крайней мѣрѣ я не допустилъ бы этого. Но ген. Красновъ считалъ, что цѣль Семилѣтова, «находящагося всецѣло въ рукахъ кадетской партіи, ... поднять казаковъ противъ правительства и свергнуть его — атамана съ должности»**... Въ іюнѣ ген. Эльснеръ просилъ разрѣшенія ген. Краснова привлечь на службу въ армію иногородныхъ Донской области и получилъ отказъ, мотивированный тѣмъ, что «неокрѣпшія еще мѣстныя власти не въ состояніи будутъ заставить иногороднее населеніе выполнить приказъ»***. Черезъ нѣсколько дней атаманъ, однако, отдалъ приказъ о наборѣ иногородныхъ Дона, формируя изъ нихъ полкъ, кадромъ для котораго послужили... слѣдовавшіе въ Добровольческую армію офицеры лейбъ-гвардіи Измайловскаго полка. Онъ откровенно высказывалъ ген. Алексѣеву [1] надежду, «что получитъ гвардейскихъ офицеровъ отъ всѣхъ полковъ гвардіи»[2]. Но Измайловцы не пошли, а иниціаторъ этой затѣи, полковникъ Есимантовскій, формировавшій полкъ (потомъ бригаду), при помощи нѣсколькихъ офицеровъ лейбъ-гвардіи Финляндскаго полка, черезъ два мѣсяца, подчиняясь общему настроенію, писалъ уже покаянное письмо ген. Алексѣеву[3]: цѣлью его было только «привести въ Добровольческую армію готовый полкъ безъ расходовъ отъ нея». Есимантовскій испрашивалъ указаній, «когда и какъ сдѣлать переходъ въ армію»...

Наиболѣе осложненій доставилъ намъ вопросъ съ отрядомъ полковника Дроздовскаго. Прибывъ въ Новочеркасскъ 25 апрѣля, Дроздовскій въ тотъ же день донесъ мнѣ, что «отрядъ прибылъ въ мое распоряженіе» и «ожидаетъ приказаній». Но время шло, назрѣвалъ 2-й Кубанскій походъ, а начало его все приходилось откладывать: болѣе трети всей арміи — бригада Дроздовскаго — оставалась въ Новочеркасскѣ. Это обстоятельство препятствовало организаціонному сліянію ея съ арміей, нарушало всѣ мои расчеты и не давало возможности подготовить операцію, о которой было условлено съ ген. Красновымъ 15 мая[4]. По просьбѣ Краснова, отрядъ Дроздовскаго разбрасывался частями по области: конница дралась въ Сальскомъ округѣ, пѣхота употреблялась на «очистку отъ большевиковъ» Ростова и Новочеркасска, на карательныя экспедиціи по крестьянскимъ деревнямъ сѣвера области. Я требовалъ присоединенія бригады; Дроздовскій ходатайствовалъ объ отсрочкѣ для отдыха, организаціи и пополненія. Красновъ упрашивалъ Дроздовскаго не покидать Новочеркасскъ — публично, на парадѣ передъ строемъ, и болѣе интимно въ личныхъ разговорахъ съ Дроздовскимъ. Атаманъ порочилъ Добровольческую армію и ея вождей и уговаривалъ Дроздовскаго отложиться отъ арміи, остаться на Дону и самому возглавить добровольческое движеніе подъ общимъ руководствомъ Краснова[5]. Слухи объ этихъ переговорахъ и якобы колебаніяхъ Дроздовскаго[6] дошли до офицеровъ его отряда и вызвали среди нихъ безпокойство. По просьбѣ офицеровъ, командиръ сводно-стрѣлковаго полка, полковникъ Жебракъ, обратился по этому поводу къ Дроздовскому и получилъ отъ него успокоительное завѣреніе.

---

* Такой наборъ разрѣшался всѣмъ арміямъ, кромѣ Добровольческой. Приказъ войску Донскому № 921.

** Отчетъ о разговорѣ ген. Краснова и Эльснера 18 октября.

*** Докладъ ген. Эльснера 7 іюня № 144.

[1] Письмо ген. Алексѣева мнѣ отъ 26 іюня № 59.

[2] Гвардейцы собирались тогда при 1-мъ офицерскомъ полку Добров. Арміи.

[3] Отъ 31 августа.

[4] Свиданіе въ Манычской. См. ниже.

[5] Докладъ полковника Дроздовскаго.

[6] Долго еще Красновъ въ засѣданіяхъ правительства, нѣмцамъ и вообще при всякомъ удобномъ случаѣ повторялъ, что «отрядъ полк. Дроздовскаго покинетъ Добровольческую армію и перейдетъ на службу къ Донскому или Астраханскому (?) войску». Протоколъ засѣданія 26 іюня.

Позднѣе Дроздовскій такъ писалъ мнѣ о новочеркасскихъ интригахъ: «считая преступнымъ разъединять силы, направленныя къ одной цѣли, не преслѣдуя никакихъ личныхъ интересовъ и чуждый мелочного самолюбія, думая исключительно о пользѣ Россіи и вполнѣ довѣряя Вамъ, какъ вождю, я категорически отказался войти въ какую бы то ни было комбинацію, во главѣ которой не стояли бы Вы»...

Я ждалъ присоединенія отряда, безъ чего нельзя было начинать операцію, атаманъ всемѣрно противился этому и въ то же время... «настаивалъ на немедленномъ наступленіи — надо использовать настроеніе казаковъ, ихъ порывъ, надо воспользоваться растерянностью комиссаровъ»...

Послѣ бесѣды съ Жебракомъ Дроздовскій пріѣхалъ въ Мечетинскую, отрядъ его былъ зачисленъ въ качествѣ 3-й бригады въ Добровольческую армію и 23 мая выступилъ на соединеніе съ ней.

Всѣ эти неудачи не останавливали, однако, атамана передъ попытками созданія подчиненной ему «Россійской арміи». Свое недоумѣніе онъ высказалъ однажды въ письмѣ къ ген. Алексѣеву*: «на землѣ войска Донского, а теперь и внѣ ея я работаю совершенно одинъ. Мнѣ приходится изъ ничего создавать армію... снабжать, вооружать и обучать ее. Въ Добровольческой арміи много есть и генераловъ, и офицеровъ, которые могли бы взять на себя работу по созданію армій въ Саратовской и Воронежской губерніяхъ, но почему то они не идутъ на эту работу»... Красновъ не хотѣлъ понять, что его попытки обречены на неуспѣхъ просто въ силу психологіи русскаго генералитета и офицерства, глубоко чуждой основнымъ положеніямъ атаманской политики. Попытки — вмѣстѣ съ тѣмъ неизбѣжно, даже независимо отъ чьей либо злой воли, ослаблявшія и разстраивавшія Добровольческую армію.

Ввиду явной неудачи формированія «Южной арміи», руководители ея вынуждены были передать ее въ полное подчиненіе генералу Краснову**. 30 сентября состоялся атаманскій приказъ о созданіи «Особой Южной арміи», въ составѣ которой должны были формироваться три корпуса: «Воронежскій» (бывшая «Южная армія»), Астраханскій (бывшая «Астраханская армія») и Саратовскій (бывшая «Русская Народная армія»). На новую армію возлагалась «защита границъ Всевеликаго войска Донского отъ натиска красногвардейскихъ бандъ и освобожденіе Россійскаго государства».

Возникъ вопросъ о возглавленіи арміи генераломъ съ обще-россійскимъ именемъ, чтобы привлечь такимъ образомъ офицерство. Но такого найти не удавалось. Съ ген. Щербачевымъ, жившимъ въ Яссахъ, атаманъ не смогъ войти въ связь. Ген. Драгомировъ, проѣзжая въ августѣ изъ Кіева черезъ Новочеркасскъ, «умышленно уклонился отъ встрѣчи съ Красновымъ», ибо — какъ онъ писалъ мнѣ впослѣдствіи*** — «мы стояли на столь различныхъ точкахъ зрѣнія въ вопросѣ о дружбѣ съ нѣмцами, что нашъ разговоръ могъ бы имѣть результатомъ только крупную ссору, съ чего мнѣ вовсе не хотѣлось начинать свою дѣятельность на Югѣ Россіи». Тѣмъ не менѣе 30 сентября Красновъ обратился къ Драгомирову[1] съ предложеніемъ принять новую армію. Горячій Драгомировъ отвѣтилъ, что въ этомъ формированіи онъ «видитъ продолженіе той же нѣмецкой политики — divide et impera — которая привела нашу Родину къ пропасти» и потому «предложеніе этого поста равносильно (для него) оскорбленію»[2]...

Остановился Красновъ на Н. І. Ивановѣ. Къ этому времени дряхлый старикъ, Н. І., переживъ уже свою былую извѣстность, связанную съ вторженіемъ въ 1914 году арміи Юго-западнаго фронта въ Галицію, проживалъ тихо и незамѣтно въ Новочеркасскѣ. Получивъ предложеніе Краснова, онъ пріѣхалъ ко мнѣ въ Екатеринодаръ, не желая принимать постъ безъ моего вѣдома. Я не противился, но не совѣтовалъ ему на склонѣ дней давать свое имя столь сомнительному предпріятію.

---

* Отъ 8 сентября № 172.

** Съ ноября, послѣ паденія нѣмцевъ средства — 76 милліоновъ — обязался доставить гетманъ. Но до своего паденія отпустилъ только 4½ милліона.

*** Письмо отъ 3 августа 1922 года въ опроверженіе словъ ген. Краснова о личныхъ переговорахъ съ нимъ. («Архивъ рус. рев.», статья «Всев. войско Донское».)

[1] Тогда уже помощнику Главнокомандующаго Добровольческой арміей.

[2] Письмо отъ 12 октября № 148. Я ознакомился съ его содержаніемъ только послѣ отправки.

Однако, вернувшись въ Новочеркасскъ, Ивановъ согласился.

25 октября мы прочли въ газетахъ атаманскій приказъ о назначеніи Н. І., заканчивавшійся словами: «Донскія арміи восторженно привѣтствуютъ вождя ихъ новой арміи — арміи Россійской»...

Бѣдный старикъ не понималъ, что нуженъ не онъ, а блѣдная уже тѣнь его имени. Не зналъ, что пройдетъ немного времени и угасшую жизнь его незаинтересованный болѣе Красновъ передастъ исторіи съ такой эпитафіей: «пережитыя имъ (ген. Ивановымъ) въ Петербургѣ и Кіевѣ страшныя потрясенія и оскорбленія отъ солдатъ, которыхъ онъ такъ любилъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и немолодые уже годы его отозвались на немъ и нѣсколько разстроили его умственныя способности»...

Ген. Ивановъ умеръ 27 января, увидѣвъ еще разъ крушеніе своей арміи, особенно трагическое въ войскахъ Воронежскаго корпуса*.

* * *

Я шелъ съ арміей походомъ, велъ ежедневно кровавые бои, требовавшіе большого нравственнаго напряженія и извѣстнаго душевнаго равновѣсія... А изъ нашего тыла, изъ Новочеркасска все чаще шли вѣсти — возмущающія и волнующія. Это были не просто слухи, а факты, документы, основанные на словесныхъ и письменныхъ изліяніяхъ не въ мѣру злобствовавшихъ ненавистниковъ Добровольческой арміи.

Атаманъ въ засѣданіяхъ правительства, въ рѣчахъ и бесѣдахъ... командующій Донской арміей ген. Денисовъ публично въ офицерскихъ собраніяхъ — поносили и Добровольческую армію, и вождей ея. Поносили все — нашу стратегію, политику, нравственный обликъ начальниковъ и добровольцевъ. «Достовѣрныя свѣдѣнія» о полномъ развалѣ Добровольческой арміи были любимой темой донскихъ руководителей**.

Даже самый походъ нашъ былъ заранѣе опороченъ. Въ засѣданіи 26 іюня Красновъ заявилъ***, что Добровольческая армія «оставила безъ всякаго предупрежденія Донского правительства въ ночь на 11 іюня линію Мечетинская — Кагальницкая, чѣмъ Донская армія поставлена въ крайне тяжелое положеніе, ибо получилось обнаженіе фронта». Этотъ упрекъ брошенъ былъ арміи, двинутой во Второй Кубанскій походъ, имѣвшій одной изъ ближайшихъ задачъ освобожденіе Задонья и тотъ общій результатъ, который въ отчетѣ Кругу Денисова выраженъ былъ слѣдующими словами: «Быстрое движеніе войскъ и начало очищенія Сальскаго округа обозначились послѣ успѣховъ Добровольческой арміи, взявшей Торговую... Освободились (также) отъ противника южныя части Ростовскаго и Черкасскаго округовъ, отпала угроза Новочеркасску съ юга и вмѣстѣ съ тѣмъ мы смогли за счетъ Азовскаго и Тихорѣцкаго направленій усилиться на другихъ фронтахъ, а съ прибывшими подкрѣпленіями перейти къ болѣе активнымъ дѣйствіямъ»...

Отношенія верховъ отражались въ низахъ — особенно въ буйномъ, несдержанномъ новочеркасскомъ тылу. На этой нездоровой почвѣ цьяный скандалъ разрастался въ событіе, перебранка подгулявшихъ офицеровъ — въ оскорбленіе «Донского войска» или «Добровольческой арміи». Были, конечно, и чисто бытовыя причины недоразумѣній между «хозяевами» и «пришельцами». «Хозяева» были замкнуты въ кастовыхъ перегородкахъ, нѣсколько эгоистичны и не слишкомъ привѣтливы. Но, если правы были добровольцы, жалуясь неоднократно на дурное отношеніе къ нимъ казаковъ, то и тѣ имѣли не разъ основаніе для такого отношенія въ поведеніи части добровольческаго офицерства: въ ихъ нескромной самооцѣнкѣ, въ полупрезрительномъ отношеніи къ донскимъ частямъ, наконецъ, въ «назойливой бравадѣ монархическими идеями». Правда, эти отношенія складывались рѣзко только въ тыловыхъ гарнизонахъ, а если и отражались въ арміи, то въ гораздо болѣе умѣренныхъ формахъ. Вообще же въ массѣ своей добровольчество и донское казачество жили мирно, не слѣдуя примѣру своихъ вождей.

---

* Б. «Южная армія».

** Письма ген. Алексѣева и отчеты о засѣданіяхъ.

*** Изъ протоколовъ засѣданій.

Очевидно, въ этой распрѣ были не совсѣмъ правы и мы. Ген. Алексѣевъ писалъ мнѣ 26 іюня: «отношенія (между атаманомъ и Добровольческой арміей) не хороши и вредятъ намъ сильно... Въ особенности, принимая во вниманіе, что и ген. Денисовъ совсѣмъ не принадлежитъ къ числу нашихъ друзей. Примѣру главныхъ дѣятелей слѣдуютъ исполнители. Полагаю, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ нужно измѣнить тонъ нашихъ сношеній, такъ какъ въ создавшейся атмосферѣ взаимнаго раздраженія работать трудно. И только когда мы окончимъ счеты, можно будетъ высказать все накипѣвшее на душѣ за короткое время съ 15 мая». М. В. упустилъ изъ виду одно — что почти вся оріентировка съ Дона исходила отъ него*. Только что онъ умѣлъ обыкновенно облекать эти отношенія во внѣшнія дипломатическія формы, я же не постигъ этого искусства. Каждое его цисьмо дышало недовѣріемъ и осужденіемъ общей политики атамана и Денисона и ихъ отношеній къ Добровольческой арміи. Насколько глубоко было это недовѣріе, видно изъ переписки между ними, имѣвшей мѣсто въ августѣ:

10 августа ген. Алексѣевъ, находившійся тогда въ Екатеринодарѣ, подъ вліяніемъ донесеній изъ Новочеркасска, телеграфировалъ Краснову**: «негласно до меня доходятъ свѣдѣнія, что предполагаются обыски и аресты моего политическаго отдѣла***. Если это правда, то такой актъ, ничѣмъ не вызванный, будетъ означать въ высокой мѣрѣ враждебное отношеніе къ Добровольческой арміи. Развѣ кровь арміи (пролитая) за Донъ позволяетъ такой унизительный шагъ».

Ген. Красновъ вѣроятно искренно отвѣтилъ: «я удивляюсь, что Ваше Высокопревосходительство допускаете думать, что такой актъ къ дружеской намъ Добровольческой арміи возможенъ. Прошу арестовать какъ злостныхъ провокаторовъ лицъ, распускающихъ такіе слухи. Враги Дона ни передъ чѣмъ не стѣсняются, чтобы вызвать вражду и недовольство въ той арміи, которой Донъ такъ многимъ обязанъ и въ которой видитъ будущее Россіи»[1]...

Какъ жаль, что въ то же время у атамана и Денисова не находилось для этого «будущаго Россіи» иного эпитета, чѣмъ —

— Странствующіе музыканты.

Или:

— Банды!

Въ случайномъ признаніи атаманомъ значенія арміи было, вѣроятно, и нѣкоторое отраженіе донскихъ настроеній... Вѣдь не только цафосъ и правила вѣжливости или «кадетская интрига» руководили Большимъ Войсковымъ Кругомъ — тѣмъ самымъ «мудрымъ» кругомъ, который переизбралъ атамана Краснова — когда Кругъ, собравшись осенью 18 г., обратился къ арміи съ отвѣтнымъ привѣтствіемъ: «...Съ чувствомъ глубокой радости (мы) выслушали братскій привѣтъ и пожеланія успѣха въ нашей работѣ. Слухи, доносившіеся къ намъ даже въ самые отдаленные хуторскіе углы о нарушенныхъ сердечныхъ отношеніяхъ съ вами, тревогой и скорбью отзывались въ нашихъ сердцахъ. Но теперь тревога разсѣяна... У Тихаго Дона нѣтъ достаточно сильныхъ словъ для выраженія своихъ чувствъ преклоненія передъ вашими подвигами, но есть горячая любовь и искреннее желаніе не словами, а дѣломъ служить вамъ въ вашей тяжелой, святой работѣ»[2]...

Было два человѣка — Богаевскій и Эльснеръ — оба люди спокойные и уравновѣшенные, которые больше другихъ работали надъ тѣмъ, чтобы сгладить тренія между Новочеркасскомъ и ставкой Добровольческой арміи, но имъ это рѣшительно не удавалось. Что касается меня лично, то, чтобы не терять душевнаго равновѣсія и не создавать самому какихъ либо поводовъ для осложненій, я съ конца іюня 1918 г. прекратилъ совершенно переписку съ ген. Красновымъ; возобновилась она ненадолго, въ силу необходимости, только послѣ объединенія командованія въ 1919 году. Но атаманъ продолжалъ писать пространно моимъ помощникамъ, вызывая въ нихъ не разъ глубокое недоумѣніе.

---

* Ген. Алексѣевъ жилъ тогда въ Новочеркасскѣ.

** № 187.

*** Отдѣлъ оставался еще въ Новочеркасскѣ.

[1] 13 августа № 551.

[2] Телеграмма № 10 отъ 18 августа 1918 года.

Представитель Д. А. на Дону ген. Эльснеръ

Такъ, въ октябрѣ 1918 года онъ писалъ ген. Драгомирову*:

«...У Васъ, послѣ тяжелыхъ боевъ прорвался Сорокинъ съ отрядомъ, и Ваши и мои враги пустили слухъ, что ген. Деникинъ нарочно выпустилъ его, чтобы не дать Краснову взять Царицынъ. Судите сами, Абрамъ Михайловичъ, такими слухами, такими грязными сплетнями на чью мельницу мы льемъ воду»...

Возмущенный ген. Драгомировъ 13 октября отвѣчалъ:

— «...Вашимъ вопросомъ — «на чью мельницу мы льемъ воду», Вы какъ будто возлагаете вину на насъ за эти сплетни... Неужели не ясно, что Добровольческая армія изъ силъ выбивается, чтобы сдержать напоръ большевиковъ, значительно превышающихъ (ее) въ силахъ и неизмѣримо обильнѣе снабженныхъ боевыми припасами. Неужели послѣдніе кровопролитные и упорнѣйшіе бои, въ коихъ гибли съ несравненнымъ геройствомъ офицерскія части арміи, даютъ кому либо право сколько нибудь серьезно останавливаться на приведенной Вами грязной сплетнѣ о выпускѣ Сорокина. Неужели по своей доброй волѣ Добровольческая армія два мѣсяца дерется изо дня въ день все на тѣхъ же позиціяхъ, а города и станицы періодически переходятъ изъ рукъ въ руки при всѣхъ ужасахъ, которыми сопровождаются для жителей эти переходы»...

Любопытно, кто же, однако, распространялъ «такія грязныя сплетни?»

Въ тѣ же дни** Красновъ писалъ въ Екатеринодаръ донскому представителю, ген. Смагину:

«...Мы ведемъ борьбу съ восемью совѣтскими арміями, въ то время, какъ противъ Добровольческой арміи только одна армія — Сорокина и та болѣе, чѣмъ на половину выпущена противъ насъ... Прибытіе отряда Сорокина*** и дивизіи Жлобы, не преслѣдуемыхъ по пятамъ добровольцами, и ударъ ихъ въ тылъ нашимъ войскамъ у Царицына произвели на казаковъ угнетающее впечатлѣніе»...

«...Конечно, это письмо только тема для Васъ. Оно не для огласки» — заканчивалъ ген. Красновъ.

* * *

Я чувствую, что посвятилъ слишкомъ много строкъ и вниманія розни «бѣлыхъ генераловъ». Но это было. Внося элементъ пошлости и авантюризма въ общій ходъ кровавой и страшной борьбы за спасеніе Россіи и отражаясь роковымъ образомъ на ея исходѣ.

---

* № 02 безъ даты.

** 13 октября № 010.

*** Сорокинъ никогда не выходилъ къ Царицыну. Какъ увидимъ ниже, въ октябрѣ противъ Добровольческой арміи было большевицкихъ войскъ 93 тыс. при 124 орудіяхъ.

ГЛАВА XVII.

Конституція Добровольческой власти. Внутренній кризисъ арміи: оріентаціи и лозунги.

Въ станицахъ Мечетинской и Егорлыкской жила Добровольческая армія — на «чужой» территоріи, представляя своеобразный бытовой и военный организмъ, пользовавшійся полнымъ государственнымъ иммунитетомъ.

Съ перваго же дня моего командованія, безъ какихъ либо переговоровъ, безъ приказовъ, просто по инерціи утвердилась та неписанная конституція Добровольческой арміи, которой до извѣстной степени разграничивался ранѣе кругъ вѣдѣнія генераловъ Алексѣева и Корнилова. Ген. Алексѣевъ сохранилъ за собою общее политическое руководство, внѣшнія сношенія и финансы, я — верховное управленіе арміей и командованіе. За все время нашего совмѣстнаго руководства этотъ порядовъ не только не нарушался фактически, но между нами не было ни разу разговора о предѣлахъ компетенціи нашей власти. Этимъ обстоятельствомъ опредѣляется всецѣло характеръ нашихъ взаимоотношеній и мѣра взаимнаго довѣрія, допускавшая такой своеобразный дуализмъ.

Щепетильность въ этомъ отношеніи ген. Алексѣева была удивительна — даже во внѣшнихъ проявленіяхъ. Помню, въ маѣ, въ Егорлыкской, куда мы пріѣхали оба бесѣдовать съ войсками, состоялся смотръ гарнизону. Несмотря на всѣ мои просьбы, онъ не согласился принять парадъ, предоставивъ это мнѣ и утверждая, что «власть и авторитетъ командующаго не должны ничѣмъ умаляться». Я чувствовалъ себя не разъ очень смущеннымъ передъ строемъ войскъ, когда старый и всѣми уважаемый вождь ѣхалъ за мной. Кажется одинъ только разъ, послѣ взятія Екатеринодара, я убѣдилъ его принять парадъ дивизіи Покровскаго, сказавъ, что я уже смотрѣлъ ее.

Въ то же время на всѣхъ засѣданіяхъ, конференціяхъ, совѣщаніяхъ по вопросамъ государственнымъ, на всѣхъ общественныхъ торжествахъ первое мѣсто безспорно и неотъемлемо принадлежало Михаилу Васильевичу.

Въ началѣ іюня, передъ выступленіемъ моимъ въ походъ, ген. Алексѣевъ переѣхалъ изъ Мечетинской въ Новочеркасскъ и попалъ сразу въ водоворотъ политической жизни Юга. Его присутствіе тамъ требовалось въ интересахъ арміи. Работая съ утра до вечера, онъ велъ сношенія съ союзниками, съ политическими партіями и финансовыми кругами, налаживалъ, насколько могъ, отношенія съ Дономъ, и своимъ авторитетомъ и вліяніемъ стремился привлечь отовсюду вниманіе и помощь къ горячо любимой имъ маленькой арміи.

Но временная наша разлука имѣла и свои отрицательныя стороны. При ген. Алексѣевѣ образовался «военно-политическій отдѣлъ», начальникомъ котораго сталъ полковникъ ген. штаба Лисовой. Этотъ «отдѣлъ» былъ пополненъ молодыми людьми, обладавшими повидимому повышеннымъ честолюбіемъ... Вскорѣ началась нервирующая переписка по мелкимъ недоразумѣніямъ между отдѣломъ и штабомъ арміи. Даже милѣйшій и добродушнѣйшій Эльснеръ сталъ жаловаться на «двоевластіе» въ Новочеркасскѣ и на Лисового, который «весьма ревностно слѣдитъ, не получаетъ ли кто либо,

а главное (онъ — Эльснеръ) какихъ либо политическихъ свѣдѣній помимо него». Бывали случаи и посерьезнѣе. Такъ, напримѣръ, совершенно неожиданно мы прочли въ газетѣ*, случайно попавшей въ армію, офиціальное увѣдомленіе отъ «военно-политическаго отдѣла», что уполномоченными представителями арміи по формированію пополненій («начальники центровъ») являются только лица, снабженныя собственноручными письменными полномочіями ген. Алексѣева... Это сообщеніе поставило въ ложное положеніе меня и въ роль самозванцевъ — начальниковъ разбросанныхъ повсюду по Украйнѣ и Дону «центровъ» и вербовочныхъ бюро, которые назначались мною и руководились штабомъ. Въ архивѣ я нашелъ переписку, свидѣтельствующую, что это сдѣлано было самовольно «молодыми людьми». Положеніе осталось, конечно, прежнимъ.

По иниціативѣ «отдѣла» и за подписью Лисового такъ же неожиданно появилось въ газетахъ сообщеніе, вносившее серьезное измѣненіе въ «конституцію» Добровольческой арміи. Въ этомъ сообщеніи «ввиду неправильнаго освѣдомленія общества» разъяснялась сущность Добровольческой іерархіи, причемъ ген. Алексѣевъ былъ названъ впервые «Верховнымъ руководителемъ Добровольческой арміи».

Такъ какъ въ моихъ глазахъ моральное главенство ген. Алексѣева было и безъ того неоспоримымъ, то офиціальное сообщеніе не могло внести въ жизнь арміи какихъ либо перемѣнъ, тѣмъ болѣе, что практика «дуализма» осталась безъ ущерба. Мнѣ казалось лишь нѣсколько страннымъ, что узналъ я о новомъ положеніи изъ газетъ, а не непосредственно.

Объ этихъ эпизодахъ я никогда не поднималъ разговора съ ген. Алексѣевымъ.

Всѣ политическія сношенія, внутреннія и внѣшнія, велъ ген. Алексѣевъ, пересылая мнѣ изъ Новочеркасска исчерпывающія сводки личныхъ переговоровъ и подлинные доклады съ мѣстъ. Съ большинствомъ исходившихъ отъ него лично письменныхъ сношеній я ознакомился только впослѣдствіи. Но то взаимное довѣріе, которое существовало между нами, вполнѣ гарантировало, что ни одного важнаго шага, измѣняющаго позицію Добровольческой арміи, не переговоривъ со мною, ген. Алексѣевъ не предприметъ. И я со спокойнымъ сердцемъ могъ вести армію въ бой.

Съ половины іюля М. В. былъ опять при штабѣ арміи — сначала въ Тихорѣцкой, потомъ въ Екатеринодарѣ, и личное общеніе наше устраняло возможность какихъ либо треній, создаваемыхъ извнѣ.

Добровольческая армія сохраняла полную независимость отъ политическихъ организацій, союзниковъ и враговъ. Непосредственно возлѣ нея не было и видныхъ политическихъ дѣятелей.

Между прочимъ, и на Дону были попытки организаціи государственной власти и возглавленія добровольческаго движенія, встрѣтившія отпоръ со стороны ген. Алексѣева: Родзянко совмѣстно съ проживавшими въ Ростовѣ и Новочеркасскѣ общественными дѣятелями усиленно проводилъ идею созыва верховнаго совѣта изъ членовъ всѣхъ четырехъ Думъ. Присылалъ гонцовъ и въ мою ставку. Писалъ мнѣ о необходимости «во что бы то ни стало осуществить (эту) идею», такъ какъ «въ этомъ одномъ спасеніе Россіи». Но при этомъ къ моему удивленію ставилъ «непремѣннымъ условіемъ, чтобы М. В. Алексѣевъ былъ абсолютно устраненъ изъ игры»**. Я отвѣтилъ, что общее политическое руководство арміей находится въ рукахъ М. В., къ которому и слѣдуетъ обратиться по этому вопросу непосредственно... Алексѣева я не посвятилъ въ нашу переписку — и безъ того между нимъ и Родзянко существовали враждебныя отношенія.

Не было при насъ и никакого кадра гражданскаго управленія, такъ какъ арміи предстояло выполненіе частной временной задачи въ Ставропольской губерніи и на Кубани, и ген. Алексѣевъ, вовлеченный въ переговоры о созданіи обще-русской власти за Волгой, не считалъ пока нужнымъ создавать какой либо аппаратъ при арміи.

Мы оба старались всѣми силами отгородить себя и армію отъ мятущихся, борющихся политическихъ страстей и основать ея идеологію на простыхъ, безспорныхъ національныхъ символахъ. Это оказалось необычайно труднымъ. «Политика» врывалась въ нашу работу, врывалась стихійно и въ жизнь арміи.

* * *

* «Вечернее Время» 18 года № 16.

** Письмо отъ 7 іюня.

Первый Кубанскій походъ оставилъ глубокій слѣдъ въ психикѣ добровольцевъ, наполнивъ ее значительнымъ содержаніемъ — отзвуками смертельной опасности, жертвы и подвига. Но вмѣстѣ съ тѣмъ вызвалъ невѣроятную моральную и физическую усталость. Издерганные нервы, утомленное воображеніе требовали отдыха и покоя. Хотѣлось всѣмъ пожить немного человѣческой жизнью, побыть въ обстановкѣ семейнаго уюта, не слышать ежедневно артиллерійскаго гула.

Искушеніе было велико.

Отъ Ростова до Кіева и Пскова были открыты пути въ области, гдѣ не было ни войны, ни большевиковъ, гдѣ у многихъ оставались семьи, родные, близкіе. Формальное право на уходъ изъ арміи было неоспоримо: какъ разъ въ эти дни (май) для большинства добровольцевъ кончался обязательный четырехмѣсячный срокъ пребыванія въ арміи... Ворвавшаяся въ открытое «окно» жизнь поставила къ тому же два острыхъ вопроса — объ «ріентаціи» и «политическихъ лозунгахъ». Для многихъ — это былъ только поводъ нравственнаго обоснованія своего ухода, для нѣкоторыхъ — дѣйствительно мучительный вопросъ совѣсти.

Кризисъ въ арміи принялъ глубокія и опасныя формы.

Германофильство смутило сравнительно небольшую часть арміи. Активными распространителями его въ армейской средѣ были люди завѣдомо авантюристическаго типа: докторъ Всеволжскій, Ратмановъ, Сиверсъ и др., ушедшіе изъ арміи и теперь формировавшіе на нѣмецкія деньги въ Ростовѣ и Таганрогѣ какіе то «монархическіе отряды особаго назначенія»... Панченко, издававшій грубые, демагогическіе «бюллетени» — чрезмѣрно угодливые и разсчитанные на слишкомъ невѣжественную среду; въ нихъ, напримѣръ, создавшіяся между Германіей и Россіей отношенія объяснялись какъ результатъ «агитаціи нашихъ соціалистовъ, ибо главнымъ врагомъ (своимъ) они почему то считали Императора Вильгельма, котораго міровая исторія справедливо назоветъ Великимъ»*. Нѣмецкія деньги расходовались широко, но непроизводительно. Впрочемъ, иногда цѣли достигали: начальникомъ самаго отвѣтственнаго развѣдочнаго узла Добровольческой арміи въ Ростовѣ какими то непостижимыми путями оказался нѣкто «полковникъ Орловъ»**, состоявшій агентомъ нѣмецкой контръ-развѣдки и членомъ организаціи Всеволжскаго...

Вліяніе болѣе серьезное оказывали кіевскіе германофильскіе круги. Но и они не могли побороть прочно установившіеся взгляды военной среды, находя откликъ главнымъ образомъ въ той части офицерства, которая либо искала поводовъ «выйти изъ бойни», либо использовала нѣмецкія обѣщанія въ качествѣ агитаціоннаго матеріала противъ командованія.

Несравненно труднѣе обстоялъ вопросъ съ лозунгами.

«Великая, единая и недѣлимая Россія»—говорило уму и сердцу каждаго отчетливо и ясно. Но дальше дѣло осложнялось. Громадное большинство командnаго состава и офицерства было монархистами. Въ одномъ изъ своихъ писемъ*** ген. Алексѣевъ опредѣлялъ совершенно искренне свое убѣжденіе въ этомъ отношеніи и довольно вѣрно офицерскія настроенія:

«...Руководящіе дѣятели арміи сознаютъ, что нормальнымъ ходомъ событій Россія должна подойти къ возстановленію монархіи, конечно, съ тѣми поправками, кои необходимы для облегченія гигантской работы по управленію для одного лица. Какъ показалъ продолжительный опытъ пережитыхъ событій, никакая другая форма правленія не можетъ обезпечить цѣлость, единство, величіе государства, объединить въ одно цѣлое разные народы, населяющіе его территорію. Такъ думаютъ почти всѣ офицерскіе элементы, входящіе въ составъ Добровольческой арміи, ревниво слѣдящіе за тѣмъ, чтобы руководители не уклонились отъ этого основного принципа»[1].

Но въ маѣ—іюнѣ настроеніе офицерства подъ вліяніемъ активныхъ правыхъ

---

* Курсивъ подлинника.

** Какъ выяснилось впослѣдствіи – человѣкъ съ темнымъ прошлымъ, по имени И. В. Добровольскій.

*** Письмо къ ген. Щербачеву отъ 31 іюля 18 года.

[1] Я предпочитаю изобразить взглядъ М. В. его собственными словами и утверждаю, что этотъ взглядъ былъ присущъ ему во всѣхъ стадіяхъ нашей совмѣстной дѣятельности на Югѣ Россіи.

общественныхъ круговъ было значительно сложнѣе. Очень многіе считали необходимымъ немедленное офиціальное признаніе въ арміи монархическаго лозунга. Это настроеніе проявлялось не только внѣшне въ демонстративномъ ношеніи романовскихъ медалей, пѣніи гимна и т. п., но и въ нѣкоторомъ броженіи въ частяхъ и... убыли въ рядахъ арміи. Въ частности появились офицеры — агитаторы, склонявшіе добровольцевъ къ участію въ тайныхъ организаціяхъ; въ своей работѣ они злоупотребляли и именемъ в. кн. Николая Николаевича. Меня непріятно удивила однажды сцена во время военнаго совѣта передъ походомъ: Марковъ рѣзко отозвался о дѣятельности въ арміи монархическихъ организацій; Дроздовскій вспылилъ:

— Я самъ состою въ тайной монархической организаціи... Вы не дооцѣниваете нашей силы и значенія...

* * *

Въ концѣ апрѣля въ обращеніи къ русскимъ людямъ я опредѣлилъ политическія цѣли борьбы Добровольческой арміи*. Въ началѣ мая мною, съ вѣдома ген. Алексѣева, былъ данъ наказъ представителямъ арміи, разосланнымъ въ разные города, для общаго руководства:

I. Добровольческая армія борется за спасеніе Россіи путемъ 1) созданія сильной дисциплинированной и патріотической арміи; 2) безпощадной борьбы съ большевизмомъ; 3) установленія въ странѣ единства государственнаго и правового порядка.

II. Стремясь къ совмѣстной работѣ со всѣми русскими людьми, государственно мыслящими, Добровольческая армія не можетъ принять партійной окраски.

III. Вопросъ о формахъ государственнаго строя является послѣдующимъ этапомъ и станетъ отраженіемъ воли русскаго народа, послѣ освобожденія его отъ рабской неволи и стихійнаго помѣшательства.

IV. Никакихъ сношеній ни съ нѣмцами, ни съ большевиками. Единственно пріемлемыя положенія: уходъ изъ предѣловъ Россіи первыхъ и разоруженіе и сдача вторыхъ.

V. Желательно привлеченіе вооруженныхъ силъ славянъ на основѣ ихъ историческихъ чаяній, не нарушающихъ единства и цѣлостности русскаго государства, и на началахъ, указанныхъ въ 1914 году русскимъ Верховнымъ главнокомандующимъ.

Оба эти обращенія нашли живой откликъ, но... не совсѣмъ сочувственный.

Офицерство не удовлетворялось осторожнымъ «умолчаніемъ» Алексѣева — формулой, которая гласно не расшифровывалась, раздѣлялась многими старшими начальниками и въ цитированномъ мною выше письмѣ** была высказана вполнѣ откровенно: «...Добровольческая армія не считаетъ возможнымъ теперь же принять опредѣленные политическіе лозунги ближайшаго государственнаго устройства, признавая, что вопросъ этотъ недостаточно еще назрѣлъ въ умахъ всего русскаго народа и что преждевременно объявленный лозунгъ можетъ лишь затруднить выполненіе широкихъ государственныхъ задачъ».

Еще менѣе, конечно, могло удовлетворить офицерство мое «непредрѣшеніе» и въ особенности моя декларація съ упоминаніемъ объ «Учредительномъ собраніи» и «народоправствѣ». Начальники бригадъ доложили мнѣ, что офицерство смущено этими терминами... Такое же впечатлѣніе произвели они въ другомъ крупномъ центрѣ противобольшевицкаго движенія — Кіевѣ. Ген. Лукомскій писалъ мнѣ въ то время***: «...Я глубоко убѣжденъ, что это воззваніе вызоветъ въ самой арміи и смущеніе, и расколъ. Въ странѣ же многихъ отшатнетъ отъ желанія идти въ армію или работать съ ней рука объ руку. Можетъ быть, до васъ еще не дошелъ пульсъ біенія страны, но долженъ Васъ увѣрить, что поправѣніе произошло громадное. Что всѣ партіи, кромѣ соціалистическихъ, видятъ единственной пріемлемой формой конституціонную монархію. Большинство отрицаетъ возможность созыва новаго Учредительнаго собранія, а

* Декларація отъ 23 апрѣля. См. Т. II, гл. XXXI.
** Алексѣева къ Щербачеву.
*** 14 мая 18 года.

тѣ, кто допускаютъ, считаютъ, что членами такового могутъ быть допущены лишь цензовые элементы. Вамъ необходимо высказаться болѣе опредѣленно и ясно»...

Милюковъ сообщалъ Ц. К. партіи въ Москву, что онъ «вступилъ уже въ сношенія съ ген. Алексѣевымъ, чтобы убѣдить его обратить Добровольческую армію на служеніе этой задачѣ»*... А кн. Г. Трубецкой нѣсколько позже въ своемъ донесеніи Правому Центру** недоумѣвалъ: «...какъ все перемѣнилось! Вѣдь, какъ это ни дико, но для штаба Добровольческой арміи. напримѣръ, позиція Милюкова слишкомъ правая, ибо они все еще не отдѣлались отъ полинявшихъ побрякушекъ, вродѣ Учредительнаго собранія, и не высказались еще за монархію».

Атмосфера въ арміи сгущалась и необходимо было такъ или иначе разрѣдить ее. Давъ волю тогдашнимъ офицерскимъ пожеланіямъ, мы отвѣтили бы и слагавшимся тогда настроеніямъ значительныхъ группъ несоціалистической интеллигенціи, но рисковали полнымъ разрывомъ съ народомъ, въ частности съ казачествомъ — тогда не только не склоннымъ къ пріятію монархической идеи, но даже прямо враждебнымъ ей.

Мы рѣшили поговорить непосредственно съ офицерами.

Въ станичномъ правленіи въ Егорлыкской были собраны всѣ начальники, до взводнаго командира включительно. Мы не сговаривались съ ген. Алексѣевымъ относительно темъ бесѣды, но вышло такъ, что онъ говорилъ о нѣмцахъ, а я о монархизмѣ.

Въ пространной рѣчи ген. Алексѣевъ говорилъ о нѣмцахъ, какъ о «врагѣ — жестокомъ и безпощадномъ»—такомъ же врагѣ, какъ и большевики***... Объ ихъ нечестной политикѣ, объ экономическомъ порабощеніи Украйны... О колоссальныхъ потеряхъ нѣмцевъ, объ истощеніи духовныхъ и матеріальныхъ силъ германской націи, о малыхъ шансахъ ея на побѣду... О Восточномъ фронтѣ... О томъ будущемъ, которое сулитъ Россіи связь съ Германіей: «политически — рабы, экономически — нищіе»... Словомъ, обосновалъ два наши положенія:

1) Союзъ съ нѣмцами морально недопустимъ, политически нецѣлесообразенъ.

2) Пока — ни мира, ни войны.

Я сказалъ кратко и рѣзко:

— «Была сильная русская армія, которая умѣла умирать и побѣждать. Но когда каждый солдатъ сталъ рѣшать вопросы стратегіи, войны или мира, монархіи или республики, тогда армія развалилась. Теперь повторяется, повидимому, то же. Наша единственная задача — борьба съ большевиками и освобожденіе отъ нихъ Россіи. Но этимъ положеніемъ многіе не удовлетворены. Требуютъ немедленнаго поднятія монархическаго флага. Для чего? Чтобы тотчасъ же раздѣлиться на два лагеря и вступить въ междуусобную борьбу? Чтобы тѣ круги, которые теперь если и не помогаютъ арміи, то ей и не мѣшаютъ, начали активную борьбу противъ насъ? Чтобы 30-тысячное ставропольское ополченіе, съ которымъ теперь идутъ переговоры и которое вовсе не желаетъ монархіи, усилило Красную армію въ предстоящемъ нашемъ походѣ? Да, наконецъ, какое право имѣемъ мы, маленькая кучка людей, рѣшать вопросъ о судьбахъ страны безъ ея вѣдома, безъ вѣдома русскаго народа?»

«Хорошо — монархическій флагъ. Но за этимъ послѣдуетъ естественно требованіе имени. И теперь уже политическія группы называютъ десятокъ именъ, въ томъ числѣ кощунственно въ отношеніи великой страны и великаго народа произносится даже имя чужеземца — греческаго принца. Что же и этотъ вопросъ будемъ рѣшать по-ротно, или раздѣлимся на партіи и вступимъ въ бой?»

«Армія не должна вмѣшиваться въ политику. Единственный выходъ — вѣра въ своихъ руководителей. Кто вѣритъ намъ — пойдетъ съ нами, кто не вѣритъ — оставитъ армію.»

«Что касается лично меня, я бороться за форму правленія не буду. Я веду борьбу только за Россію. И будьте покойны: въ тотъ день, когда я почувствую ясно, что

---

* Объединеніе Россіи путемъ контакта съ нѣмцами и возстановленіе конституціонной монархіи. Письмо 7 мая 18 г.

** 30 іюля 18 г.

*** Показательно, что изъ рядовъ послышалась произнесенная какимъ то хмурымъ полковникомъ фраза: — Да, но это врагъ — культурный...

біеніе пульса арміи расходится съ моимъ, я немедля оставлю свой постъ, чтобы продолжать борьбу другими путями, которые сочту прямыми и честными.»

Мои взгляды въ отношеніи «политическихъ лозунговъ» нѣсколько расходились съ алексѣевскими: ген. Алексѣевъ принялъ формулу умолчанія — отнюдь, конечно, не по двоедушію. Онъ не предусматривалъ насильственнаго утвержденія въ странѣ монархическаго строя, вѣря, что воспріятіе его совершится естественно и безболѣзненно. У насъ — мои взгляды раздѣляли всецѣло Романовскій и Марковъ — не было такой вѣры. Мы стояли поэтому совершенно искренне на точкѣ зрѣнія болѣе полнаго непредрѣшенія государственнаго строя.

Я говорилъ объ этомъ открыто всегда. Въ началѣ — такъ же, какъ и въ концѣ своего командованія. Черезъ полтора года на «Верховномъ Кругѣ» въ Екатеринодарѣ мнѣ опять придется коснуться этого вопроса*: «...Счастье родины я ставлю на первомъ планѣ. Я работаю надъ освобожденіемъ Россіи. Форма правленія для меня вопросъ второстепенный. И если когда либо будетъ борьба за форму правленія — я въ ней участвовать не буду. Но, нисколько не насилуя совѣсть, я считаю одинаково возможнымъ честно служить Россіи при монархіи и при республикѣ, лишь бы знать увѣренно, что народъ русскій въ массѣ желаетъ той или другой власти. И повѣрьте, всѣ ваши предрѣшенія праздны. Народъ самъ скажетъ, чего онъ хочетъ. И скажетъ съ такой силою и съ такимъ единодушіемъ, что всѣмъ намъ — большимъ и малымъ законодателямъ — придется только преклониться передъ его державной волей.»

Какъ бы то ни было, два основныхъ положенія — непредрѣшеніе формы государственнаго строя и невозможность сотрудничества съ нѣмцами — фактически нами были соблюдены до конца. Помню только два случая нѣкотораго колебанія, испытаннаго ген. Алексѣевымъ... Въ концѣ августа или началѣ сентября, будучи съ арміей въ походѣ, я получилъ отъ него письмо; подъ вліяніемъ доклада адмирала Ненюкова, ген. Алексѣевъ высказывалъ взглядъ относительно возможности войти въ соглашеніе съ германскимъ морскимъ командованіемъ по частному поводу включенія нашихъ коммерческихъ судовъ Новороссійскаго порта въ общій планъ черноморскихъ рейсовъ, организуемыхъ нѣмцами. Предложеніе исходило отъ ген. Гофмана и являлось, очевидно, первымъ шагомъ къ болѣе тѣснымъ сношеніямъ съ австро-германцами. Ген. Алексѣевъ пожелалъ знать мое мнѣніе. Я отвѣтилъ отрицательно, и вопросъ заглохъ. Другой разъ въ Екатеринодарѣ я получилъ очередной докладъ «Азбуки» съ яркимъ изображеніемъ нарастающаго монархическаго настроенія и съ указаніемъ на непопулярность Добровольческой арміи, не выносящей открыто монархическаго лозунга... На докладѣ была резолюція ген. Алексѣева въ такомъ смыслѣ: «надо намъ, наконецъ, рѣшить этотъ вопросъ, Антонъ Ивановичъ, — такъ дальше нельзя». Я зашелъ въ тотъ же день съ Романовскимъ къ ген. Алексѣеву.

— Чѣмъ объяснить измѣненіе Вашихъ взглядовъ, Михаилъ Васильевичъ? Какія новыя обстоятельства вызвали его? Вѣдь настроеніе Дона, Кубани, ставропольскихъ крестьянъ намъ хорошо извѣстно и далеко неблагопріятно идеѣ монархіи. А про внутреннюю Россію мы ровно ничего не знаемъ...

Резолюція, повидимому, была написана подъ вліяніемъ минуты. Михаилъ Васильевичъ перемѣнилъ разговоръ и болѣе этой темы до самой его смерти мы не касались.

* * *

Возвращаюсь къ Егорлыцкому собранію.

Послѣ моей рѣчи ген. Марковъ попросилъ слова и отъ имени своей дивизіи заявилъ, что «всѣ они вѣрятъ въ своихъ вождей и пойдутъ за ними». То же сдѣлалъ Эрдели**.

Мы ушли съ собранія, не вынеся опредѣленнаго впечатлѣнія объ его результатахъ. Но къ вечеру Марковъ, успѣвшій поговорить со многими офицерами, сказалъ:

— Отлично. Теперь публика поуспокоилась.

---

* Рѣчь 16 января 1920 года.

** Въ Егорлыкской стояли только 1-я (Марковъ) и Конная (Эрдели) дивизіи. 2-я дивизія (Боровскій) — въ Мечетинской и 3-я (Дроздовскій) была еще въ Новочеркасскѣ.

ГЛАВА XVIII.

Внутренняя жизнь Добровольческой арміи: традиціи, вожди и воины. Генералъ Романовскій. Кубанскія настроенія. Матеріальное положеніе. Сложеніе арміи.

Тяжело было налаживать и внутренній бытъ войскъ. Принципъ добровольчества, привлекая въ армію элементы стойкіе и мужественные, вмѣстѣ съ тѣмъ создавалъ нѣсколько своеобразныя формы дисциплины, не укладывавшіяся въ рамки старыхъ уставовъ. Положеніе множества офицеровъ на должности простыхъ рядовыхъ измѣняло характеръ взаимоотношеній начальника и подчиненнаго; тѣмъ болѣе, что сплошь и рядомъ, благодаря новому притоку укомплектованія, рядовымъ бывалъ старый капитанъ, а его ротнымъ командиромъ подпоручикъ. Совершенно недопустимо было ежедневно мѣнять начальниковъ, по приходѣ старшихъ. Доброволецъ, безпрекословно шедшій подъ огонь и на смерть, въ обыкновенныхъ условіяхъ — на походѣ и отдыхѣ — не столь безпрекословно совершалъ не менѣе трудный подвигъ повиновенія.

Добровольцы были морально прикрѣплены къ арміи, но не юридически. Создался укладъ, до нѣкоторой степени напоминавшій удѣльновѣчевой періодъ, когда «дружинники, какъ люди вольные, могли переходить отъ одного князя на службу другому».

Не менѣе трудно было установить правильныя отношенія со старшими начальниками. Необычайныя условія формированія арміи и ея боевая жизнь создавали нѣкоторымъ начальникамъ наряду съ извѣстностью, вмѣстѣ съ тѣмъ, какой то своеобразный служебный иммунитетъ. Не кубанская рада, а ген. Покровскій, благодаря личному своему вліянію, собралъ и привелъ въ армію бригаду (потомъ дивизію) кубанскихъ казаковъ — вооруженную и даже хорошо сколоченную за время краткаго похода. И когда кубанское правительство настойчиво просило устранить его съ должности, выдвигая не слишкомъ обоснованное обвиненіе въ безотчетномъ израсходованіи войсковыхъ суммъ въ бытность его командующимъ войсками, явилось большое сомнѣніе въ цѣлесообразности этого шага...

Своимъ трудомъ, кипучей энергіей и преданностью національной идеѣ Дроздовскій создалъ прекрасный отрядъ изъ трехъ родовъ оружія и добровольно присоединилъ его къ арміи. Но и оцѣнивалъ свою заслугу не дешево. Позднѣе, какъ то разъ обиженный замѣчаніемъ по поводу неудачно проведенной имъ операціи, онъ писалъ мнѣ: «...Не взирая на исключительную роль, которую судьба дала мнѣ сыграть въ дѣлѣ возрожденія Добровольческой арміи, а можетъ быть и спасеніи ея отъ умиранія, не взирая на мои заслуги передъ ней — (мнѣ) пришедшему къ Вамъ не скромнымъ просителемъ мѣста или защиты, но приведшему съ собой вѣрную мнѣ крупную боевую силу, Вы не остановились передъ публичнымъ выговоромъ мнѣ»*...

Рапортъ Дроздовскаго — человѣка крайне нервнаго и вспыльчиваго заключалъ въ себѣ такія рѣзкія и несправедливыя нападки на штабъ и вообще былъ написанъ въ такомъ тонѣ, что, въ видахъ поддержанія дисциплины, требовалъ новой репрессіи, которая повлекла бы несомнѣнно уходъ Дроздовскаго. Но морально его уходъ былъ недопустимъ, являясь

---

* 27 сентября, № 027.

несправедливостью въ отношеніи человѣка съ такими дѣйствительно большими заслугами. Такъ же восприняли бы этотъ фактъ и въ 3-й дивизіи... Принципъ вступилъ въ жестокую коллизію съ жизнью. Я, переживая остро этотъ эпизодъ, подѣлился своими мыслями съ Романовскимъ.

— Не безпокойтесь, Ваше превосходительство, вопросъ уже исчерпанъ.

— Какъ?

— Я написалъ вчера еще Дроздовскому, что рапортъ его составленъ въ такомъ рѣзкомъ тонѣ, что доложить его командующему я не могъ.

— Иванъ Павловичъ, да вы понимаете, какую тяжесть вы взваливаете на свою голову...

— Это не важно. Дроздовскій писалъ очевидно въ запальчивости и раздраженіи. Теперь, поуспокоившись, самъ, навѣрно, радъ такому исходу.

Прогнозъ Ивана Павловича оказался правильнымъ: вскорѣ послѣ этого случая я опять былъ на фронтѣ, видѣлъ часто 3-ю дивизію и Дроздовскаго. Послѣдній былъ корректенъ, исполнителенъ и не говорилъ ни слова о своемъ рапортѣ. Но слухи объ этомъ эпизодѣ проникли въ армію и дали поводъ клеветникамъ чернить память Романовскаго:

— Скрывалъ правду отъ командующаго!..

Высокую дисциплину въ отношеніи командованія проявляли ген. Марковъ и полковникъ Кутеповъ. Но и съ ними были осложненія... Кутеповъ на почвѣ броженія среди гвардейскихъ офицеровъ, неудовлетворенныхъ «лозунгами» арміи, завелъ рѣчь о своемъ уходѣ. Я уговорилъ его остаться. Марковъ, послѣ одной небольшой операціи въ окрестностяхъ Егорлыкской, усмотрѣвъ въ сводкѣ, составленной штабомъ, неодобреніе его дѣйствіямъ, прислалъ мнѣ рапортъ объ увольненіи своемъ отъ службы. Развѣ возможенъ былъ уходъ Маркова? Генерала легендарной доблести, который самъ въ боевомъ активѣ арміи былъ равноцѣненъ дивизіи... Поѣхалъ Иванъ Павловичъ въ Егорлыкскую къ своему близкому — еще со временъ молодости — другу извиняться за штабъ...

Подчинявшіеся во время боевыхъ операцій всецѣло и безотказно моимъ распоряженіямъ, многіе начальники съ чрезвычайной неохотой подчинялись другъ другу, когда обстановка требовала объединенія группъ. Сколько разъ впослѣдствіи приходилось мнѣ командовать самому на частномъ фронтѣ въ ущербъ общему веденію операціи, придумывать искусственныя комбинаціи или предоставлять самостоятельность двумъ — тремъ начальникамъ, связаннымъ общей задачей.

Приказъ конечно былъ бы выполненъ, но... неискренне, въ несомнѣнный ущербъ дѣлу.

Такъ шли дни за днями, и каждый день приносилъ съ собою какое нибудь новое осложненіе, новую задачу, предъявляемую выбитой изъ колеи армейской жизнью. Выручало только одно: надъ всѣми побужденіями человѣческими у начальниковъ въ концѣ концовъ все же брало верхъ чувство долга передъ Родиной.

* * *

Особое положеніе занималъ И. П. Романовскій.

Я не часто упоминаю его имя въ описаніи дѣятельности арміи. Должность «начальника штаба» до извѣстной степени обезличиваетъ человѣка. Трудно разграничить даже и мнѣ степень участія его въ нашей идейной работѣ по направленію жизни и операцій арміи — при той интимной близости, которая существовала между нами, при томъ удивительномъ пониманіи другъ друга и общности взглядовъ стратегическихъ и политическихъ.

Романовскій былъ дѣятельнымъ и талантливымъ помощникомъ командующаго арміей, прямолинейнымъ исполнителемъ его предначертаній и преданнымъ другомъ. Другомъ, съ которымъ я дѣлилъ нравственную тяжесть правленія и командованія и тѣ личныя переживанія, которыя не выносятся изъ тайниковъ души въ толпу и на совѣщанія. Онъ платилъ такимъ же отношеніемъ. Иногда — въ формахъ трогательныхъ и далеко не безопасныхъ. «Иванъ Павловичъ имѣлъ всегда мужество — говоритъ одинъ

изъ ближайшихъ его сотрудниковъ по штабу — принимать на себя разрѣшеніе всѣхъ, даже самыхъ непріятныхъ вопросовъ, чтобы оградить отъ нихъ своего начальника».

Ген. Романовскій былъ вообще слишкомъ крупной величиной самъ по себѣ и занималъ слишкомъ высокое положеніе, чтобы не стать объектомъ общественнаго вниманія.

Въ чемъ заключалась тайна установившихся къ нему враждебныхъ отношеній, которыя и теперь еще прорываются дикой, безсмысленной ненавистью и черной клеветой? Я тщательно и настойчиво искалъ отвѣта въ своихъ воспоминаніяхъ, въ письменныхъ матеріалахъ, оставшихся отъ того времени, въ письмахъ близкихъ ему людей, въ разговорахъ съ соратниками, въ памфлетахъ недруговъ... Ни одного реальнаго повода — только слухи, впечатлѣнія, подозрительность.

Служебной дѣятельностью начальника штаба, ошибками и промахами нельзя объяснить создавшагося къ нему отношенія. Въ большомъ дѣлѣ ошибки неизбѣжны. Было, вѣдь, много учрежденій, несравненно болѣе «виновныхъ», много грѣховъ арміи и властей, неизмѣримо болѣе тяжелыхъ. Они не воспринимались и не осуждались съ такой страстностью.

Но стоитъ обратить вниманіе, откуда исключительно шли и идутъ всѣ эти обвиненія, и станетъ яснымъ ихъ чисто политическая подкладка. Самостоятельная позиція командованія, не отдававшаго арміи въ руки крайнихъ правыхъ круговъ, была причиной ихъ вражды и поводомъ для борьбы — тѣми средствами, которыя присущи крайнимъ флангамъ русской общественности. Они ополчились противъ командованія и прежде всего противъ ген. Алексѣева, который представлялъ политическую идеологію арміи.

Для начала они сдагали только репутаціи.

Самый благородный изъ крайнихъ правыхъ графъ Келлеръ, рыцарь монархіи и династіи — человѣкъ прямой и чуждый интриги, но весьма элементарнаго политическаго кругозора — искренне вѣрилъ въ легенду о «мятежномъ генералѣ-адъютантѣ», когда писалъ ген. Алексѣеву: «вѣрю, что Вамъ, Михаилъ Васильевичъ, тяжело признаться въ своемъ заблужденіи; но для пользы и спасенія родины и для того, чтобы не дать нѣмцамъ разрознить послѣднее, что у насъ еще осталось, Вы обязаны на это пойти, покаяться откровенно и открыто въ своей ошибкѣ (которую я лично все же приписываю любви Вашей къ Россіи и отчаянію въ возможности побѣдоносно окончить войну) и объявить всенародно, что Вы идете за законнаго царя»...

Руководители Астраханской арміи еще лѣтомъ 18 года говорили представителямъ Праваго Центра: «Въ Добровольческой арміи должна быть произведена чистка... Въ составѣ командованія имѣются лица, противящіяся по существу провозглашенію монархическаго принципа, напримѣръ, ген. Романовскій»..

«Относительно Добровольческой арміи — сообщала намъ организація Шульгина — Совѣтъ монархическаго блока рѣшилъ придерживаться такой тактики: самой арміи не трогать, а при случаѣ даже подхваливать, но зато всемѣрно, всѣми способами травить и дискредитировать руководителей арміи. На дняхъ правая рука герцога Г. Лейхтенбергскаго Акацатовъ въ одномъ домѣ прямо сказалъ, что для Россіи и дѣла ея спасенія опасны не большевики, а Добровольческая армія, пока во главѣ ея стоитъ Алексѣевъ, а у послѣдняго имѣются такіе сотрудники, какъ Шульгинъ...» Такая политика «правыхъ большевиковъ», по выраженію «Азбуки», приводила даже въ смущеніе просто правыхъ: Алекс. Бобринскій на дняхъ говорилъ: «я боюсь не лѣвыхъ, а крайнихъ правыхъ, которые, еще не побѣдивъ, проявляютъ столько изувѣрской злобы и нетерпимости, что становится жутко и страшно»...

Такое же настроеніе создавалось въ соотвѣтственныхъ кругахъ, группировавшихся въ арміи и возлѣ арміи, и такая же тактика примѣнялась ими.

Какъ составлялись репутаціи въ арміи, или вѣрнѣе для арміи, объ этомъ свидѣтельствуетъ письмо ко мнѣ ген. Алексѣева, относящееся къ этому періоду*: Въ засѣданіи донского правительства (24—25 іюня) атаманъ, по словамъ М. В., заявилъ: «ему достовѣрно извѣстно, что въ арміи существуетъ расколъ — съ одной стороны Дроздовцы, съ другой —

* Отъ 26 іюня, № 59.

Алексѣевцы и Деникинцы. Дроздовцы будто бы опредѣленно тянутъ въ сторону Юго-Восточнаго союза... Въ той группѣ, которую Красновъ называетъ общимъ терминомъ «алексѣевцы и деникинцы», тоже, по его мнѣнію, идетъ расколъ; я числюсь монархистомъ и это заставляетъ, будто бы, нѣкоторую часть офицерства тяготѣть ко мнѣ; Вы же, а въ особенности Иванъ Павловичъ, считаетесь опредѣленными республиканцами и чуть ли не соціалистами. Несомнѣнно это отголоски, какъ я полагаю, нашихъ разговоровъ объ Учредительномъ собраніи»...

Человѣкъ серьезный, побывавшій въ Кіевѣ и имѣвшій тамъ общеніе со многими военными и общественными кругами, говоритъ о вынесенныхъ оттуда впечатлѣніяхъ*: «въ кіевскихъ группахъ создалось неблагопріятное и притомъ совершенно превратное мнѣніе о Добровольческой арміи. Болѣе всего подчеркиваютъ соціалистичность арміи... Говорятъ, что «идеалами арміи является Учредительное собраніе, притомъ прежнихъ выборовъ..., что Авксентьевъ, Черновъ, пожалуй Керенскій и прочіе господа — вотъ герои Добровольческой арміи, но мы вѣдь знаемъ, что можно ждать отъ нихъ»...

Атака пошла противъ всего высшаго командованія. Но силы атакующихъ были еще слишкомъ ничтожны, а авторитетъ ген. Алексѣева слишкомъ высокъ, чтобы работа ихъ могла увѣнчаться серьезнымъ успѣхомъ. Съ другой стороны крѣпкая связь моя съ основными частями арміи и неизмѣнные боевые успѣхи ея дѣлали, вѣроятно, дискредитированіе командующаго не цѣлесообразнымъ и, во всякомъ случаѣ, не легкимъ... Главный ударъ, поэтому, пришелся по линіи наименьшаго сопротивленія.

Отъ времени до времени въ различныхъ секретныхъ донесеніяхъ, въ которыхъ описывались настроенія арміи и общества, ставилось рядомъ съ именемъ начальника штаба сакраментальное слово — «соціалистъ». Нужно знать настроеніе офицерства, чтобы понять всю ту тяжесть обвиненія, которая ложилась на Романовскаго. Соціалистъ — олицетвореніе всѣхъ причинъ, источникъ всѣхъ бѣдъ, стряслихся надъ страной... Въ элементарномъ пониманіи многихъ въ этомъ откровеніи относительно начальника штаба находили не разъ объясненія всѣ тѣ затрудненія, неудачи, неустройства, которыя сопутствовали движенію арміи и въ которыхъ повинны были судьба, я, штабъ, начальники или сама армія. Даже люди серьезные и непредубѣжденные иногда обращались ко мнѣ съ доброжелательнымъ предупрежденіемъ:

— У васъ начальникъ штаба — соціалистъ.

— Послушайте, да откуда вы взяли это, какія у васъ данныя?

— Всѣ говорятъ.

Слово было произнесено и внесло отраву въ жизнь.

Затѣмъ началась безудержная клевета.

Только много времени спустя я могъ уяснить себѣ всю глубину той пропасти, которую рыли черныя руки между Романовскимъ и арміей.

Обвиненія были неожиданны, бездоказательны, нелѣпы, всегда безличны и поэтому трудно опровержимы. «Мнѣ недавно стало извѣстнымъ — говоритъ генералъ, непосредственно вѣдавшій организаціонными вопросами — что еще въ 1918 году готовилось покушеніе на Ивана Павловича за то, что онъ якобы противодѣйствовалъ формированію одной изъ Добровольческихъ дивизій... Ну можно ли это изобрѣсти про начальника штаба, только и думающаго о развитіи мощи арміи и больше всего о «добровольцахъ»... Одинъ изъ друзей Романовскаго, бывшій и оставшійся монархистомъ и правымъ, описываетъ ту «атмосферу интригъ», которая охватила его осенью 18 года, когда онъ пріѣхалъ въ Екатеринодаръ: «Многіе учли мой пріѣздъ — человѣка близкаго къ Ивану Павловичу, какъ могущаго вліять на него, и стали внушать мнѣ, что онъ злой геній Добровольческой арміи, ненавистникъ гвардіи, виновникъ гибели лучшихъ офицеровъ подъ Ставрополемъ... Съ мыслью вліять черезъ меня на Ивана Павловича, а слѣдовательно и на командующаго арміей разстались не сразу. И мѣсяца два моя скромная квартира не разъ посѣщалась людьми, имѣвшими цѣлью убѣдить меня, какой талантливый и глубоко государственный человѣкъ Кривошеинъ и т. д.... Посѣщенія эти рѣзко оборвались, какъ только убѣдились въ несклонности моей къ политической интригѣ»...

---

* Докладъ полковника Крейтера отъ 18 сентября.

Психологія общества, толпы, арміи требуетъ «героевъ», которымъ все прощается, и «виновниковъ», къ которымъ относятся безпощадно и несправедливо. Искусно направленная клевета выдвинула на роль «виновника» генерала Романовскаго. Этотъ «Барклай-де-Толли» добровольческаго эпоса принялъ на свою голову всю ту злобу и раздраженіе, которыя накапливались въ атмосферѣ жестокой борьбы.

Къ несчастью, характеръ Ивана Павловича способствовалъ усиленію непріязненныхъ къ нему отношеній. Онъ высказывалъ прямолинейно и рѣзко свои взгляды, не облекая ихъ въ принятыя формы дипломатическаго лукавства. Вереницы бывшихъ и ненужныхъ людей являлись ко мнѣ со всевозможными проектами и предложеніями своихъ услугъ; я не принималъ ихъ; мой отказъ приходилось передавать Романовскому, который дѣлалъ это сухо, не разъ съ мотивировкой, хотя и справедливой, но обидной для просителей. Они уносили свою обиду и увеличивали число его враговъ. Я помню, какъ, однажды, послѣ горячаго спора о присоединеніи къ арміи одного отряда на полуавтономныхъ началахъ, Иванъ Павловичъ за столомъ у меня въ большомъ обществѣ обмолвился фразой:

— Къ сожалѣнію, къ намъ приходятъ люди съ такимъ провинціальнымъ самолюбіемъ...

Въ начальникѣ отряда — человѣкѣ доблестномъ, но своенравномъ онъ нажилъ врага... до смерти.

Весь ушедшій въ дѣло, работавшій до изнеможенія, онъ не умѣлъ показать достаточно вниманія, приласкать тѣхъ служилыхъ людей, которые съ утра до вечера толпились со своими нуждами въ его пріемной. Они уносили также въ полки, въ штабы, въ общество представленіе о «черствомъ, бездушномъ формалистѣ»... И только немногіе близкіе знали, какой безконечной доброты подонъ былъ этотъ «черствый» человѣкъ и сколькихъ людей — даже враждебныхъ ему — онъ выручалъ, спасалъ отъ бѣды, иногда отъ смерти...

Объ отношеніи къ себѣ въ арміи и обществѣ Иванъ Павловичъ зналъ и болѣлъ душой.

— Отчего меня такъ не любятъ?..

Этотъ вопросъ онъ задалъ одному изъ своихъ друзей, вращавшихся въ армейской гущѣ, и получилъ отвѣтъ:

— Не умѣешь расположить къ себѣ людей.

Однажды со скорбной улыбкой онъ и ко мнѣ обратился со своимъ недоумѣніемъ...

— Иванъ Павловичъ, вы близки ко мнѣ. Извѣстныя группы стремятся очернить васъ въ глазахъ арміи и моихъ. Имъ нужно устранить васъ и поставить возлѣ меня своего человѣка. Но этого никогда не будетъ.

* * *

Кубанскіе казаки, входившіе въ составъ арміи, въ массѣ своей мало интересовались пока еще «оріентаціями» и «лозунгами» и, стоя на самой границѣ своей области, томились ожиданіемъ наступленія и освобожденія своихъ станицъ. Кубанское офицерство раздѣляло мятущееся настроеніе всего добровольчества.

Атаманъ и правительство придерживались союза съ Добровольческой арміей, не желая рисковать имъ для новыхъ комбинацій. 2 мая въ засѣданіи рады были установлены основныя положенія кубанской политики: 1) «Необходимость продолженія героической дѣятельности Добровольческой арміи, дѣйствующей въ полномъ согласіи съ кубанскимъ правительствомъ»... 2) «Въ настоящее время вооруженная борьба съ центральными державами является нецѣлесообразной... но необходимо принять всѣ мѣры для предотвращенія... продвиженія германской арміи въ предѣлы (края) безъ согласія на то кубанскаго правительства»... 3) «Необходимо полное единеніе съ Дономъ». 4) «Для заключенія (союза) съ Дономъ, выясненія цѣлей германскаго движенія и опредѣленія отношеній съ Украйной... отправить въ Новочеркасскъ, Ростовъ и Кіевъ делегаціи»*.

* Протоколъ засѣданія 2 мая.

Назначеніе послѣднихъ двухъ делегацій вызывало нѣкоторое опасеніе и у насъ, и у атамана, оказавшееся необоснованнымъ. Делегація на Украйну, добивавшаяся помощи матеріальной — военнымъ снабженіемъ и дипломатической — «чтобы на мирной конференціи между Украйной и Совѣтской республикой Кубанскій край не былъ включенъ въ составъ Р. С. Р.» — не достигла цѣли. Гетманское правительство дало понять делегаціи, предлагавшей «федерацію», что «безъ включенія Кубанскаго края въ составъ Украинской республики на автономныхъ правахъ (оно) не сможетъ оказать помощи Кубани»... Въ средѣ кубанскихъ правителей возникло опасеніе, что «при соединеніи на этихъ началахъ съ Украйной для нѣмцевъ возникнетъ возможность распространить на Кубань силу договора, заключеннаго Германіей съ Украйной со всѣми послѣдствіями»*.

Вопросъ остался открытымъ.

Точно также непосредственныя сношенія съ нѣмцами въ Ростовѣ ограничились взаимнымъ освѣдомленіемъ, а переговоры о Доно-Кавказскомъ союзѣ, какъ я говорилъ ранѣе, усиленно затягивались кубанцами. Кубанскій дипломатъ Петръ Макаренко неизмѣнно проводилъ взглядъ, что «кубанцы не являются противниками идеи Юго-Восточнаго союза, но воплощеніе его въ жизнь въ спѣшномъ порядкѣ при настоящихъ условіяхъ не является пріемлемымъ».

Атаманъ, рада и правительство больше всего опасались, чтобы Добровольческая армія не покинула Кубани, отдавъ ее на растерзаніе большевиковъ, и чтобы на случай нашего ухода на сѣверъ область была обезпечена теперь же своей арміей. Послѣднее требованіе, имѣвшее главнымъ мотивомъ упроченіе политическаго значенія кубанской власти, привело бы къ полной дезорганизаціи арміи и встрѣтило поэтому рѣшительный отказъ командованія.

Между тѣмъ, въ самой средѣ кубанцевъ шла глухая внутренняя борьба. Съ одной стороны, соціалистическое правительство и рада, съ другой, кубанское офицерство — возобновили свои старые неоконченные счеты. На этотъ разъ съ офицерствомъ шелъ атаманъ, полковникъ Филимоновъ, поддерживавшій періодически то ту, то другую сторону. Назрѣвалъ переворотъ, имѣвшій цѣлью установленіе единоличной атаманской власти.

30 мая состоялось въ Мечетинской собраніе, на которомъ атаманъ перечислялъ вины правительства и рады, «расхитившихъ его власть». Офицерство отвѣтило бурнымъ возмущеніемъ и недвусмысленнымъ призывомъ — расправиться со своей революціонной демократіей. Поздно ночью ко мнѣ пришли совершенно растерянные Бычъ — предсѣдатель правительства и полковникъ Савицкій — членъ правительства по военнымъ дѣламъ; они заявили, что готовы уйти, если ихъ дѣятельность признается вредной, но просили оградить ихъ отъ самосуда, на который толкаетъ офицерство атаманъ.

Переворотъ могъ вызвать расколъ среди рядового казачества, а главное, толкнуть свергнутую кубанскую власть въ объятія нѣмцевъ, которые несомнѣнно признали бы ее, получивъ легальный титулъ для военнаго и политическаго вторженія на Кубань. Поэтому въ ту же ночь я послалъ письмо полковнику Филимонову, предложивъ ему не осложнять и безъ того серьезный кризисъ Добровольческой арміи.

Впослѣдствіи полковникъ Филимоновъ въ кругу лицъ, враждебныхъ революціонной демократіи, не разъ говорилъ:

— Я хотѣлъ еще въ Мечеткѣ покончить съ правительствомъ и радой, да генералъ Деникинъ не позволилъ.

Такъ же отрицательно отнеслись къ этому факту и общественные круги, близкіе къ арміи; въ нихъ создалось убѣжденіе, что «тогда, на первыхъ порахъ была допущена роковая ошибка, которая отразилась въ дальнѣйшемъ на всемъ характерѣ отношеній Добровольческой арміи и Кубани»...

Я убѣжденъ, что прійти въ Екатеринодаръ — если бы насъ не предупредили тамъ нѣмцы — съ однимъ атаманомъ было дѣломъ совершенно легкимъ. Но долго ли онъ усидѣлъ бы тамъ — не знаю. Въ то время во всѣхъ казачьихъ войскахъ было сильное стремленіе къ народоправству не только въ силу «завоеваній революціи», но и «по праву

---

* Объясненія Быча въ засѣданіи 10 іюня.

древней обыкновенности». Во всякомъ случаѣ, то, что сдѣлалъ на Дону Красновъ, оставивъ внѣшній декорумъ «древней обыкновенности» и сосредоточивъ въ своихъ рукахъ единоличную власть, было не подъ силу Филимонову.

Какъ бы то ни было, въ лицѣ кубанскаго казачества армія имѣла прочный и надежный элементъ. Офицерство почти поголовно исповѣдывало обще-русскую національную идею; рядовое казачество шло за своими начальниками, хотя многіе и руководствовались болѣе житейскими мотивами: «они только и думаютъ — говорилъ на засѣданіи рады одинъ кубанскій дѣятель — какъ бы скорѣе вернуться къ своимъ хатамъ, своимъ женамъ; они теперь охотно пойдутъ бить большевиковъ, но именно, чтобы вернуться домой».

* * *

Финансовое положеніе арміи было поистинѣ угрожающимъ.

Наличность нашей казны все время балансировала между двухнедѣльной и мѣсячной потребностью арміи. 10 іюня, т. е. въ день выступленія арміи въ походъ, ген. Алексѣевъ на совѣщаніи съ кубанскимъ правительствомъ въ Новочеркасскѣ говорилъ: «...теперь у меня есть четыре съ половиной милліона рублей. Считая поступающіе отъ донского правительства 4 милліона, будетъ 8½ милліоновъ. Мѣсячный расходъ выразится въ 4 милліона рублей. Между тѣмъ, кромѣ указанныхъ источниковъ (ожиданіе 10 милл. отъ союзниковъ и донская казна) денегъ получить неоткуда... За послѣднее время получено отъ частныхъ лицъ и организацій всего 55 тысячъ рублей. Ростовъ, когда тамъ былъ приставленъ ножъ къ горлу, ... обѣщалъ дать 2 милліона... Но когда... нѣмцы обезпечили жизнь богатыхъ людей, то оказалось, что оттуда ничего не получимъ... Мы уже рѣшили въ Ставропольской губ. не останавливаться передъ взиманіемъ контрибуціи, но что изъ этого выйдетъ, предсказать нельзя»*.

30 іюня ген. Алексѣевъ писалъ мнѣ, что, если ему не удастся достать 5 милл. рублей на слѣдующій мѣсяцъ, то черезъ 2—3 недѣли придется поставить безповоротно вопросъ о ликвидаціи арміи...

Ряду лицъ, посланныхъ весною 18 года въ Москву и Вологду**, поручено было войти по этому поводу въ сношенія съ отечественными организаціями и съ союзниками; у послѣднихъ, какъ указывалъ ген. Алексѣевъ, «не просить, а требовать помощи намъ» — помощи, которая являлась ихъ нравственной обязанностью въ отношеніи русской арміи... Денежная Москва не дала ни одной копѣйки. Союзники колебались: они, въ особенности французскій посолъ Нулансъ, не уясняли себѣ значенія Сѣвернаго Кавказа, какъ фланговаго раіона въ отношеніи создаваемаго Восточнаго фронта и какъ богатѣйшей базы для нѣмцевъ, въ случаѣ занятія ими этого раіона.

Послѣ долгихъ мытарствъ для арміи черезъ Національный Центръ было получено ген. Алексѣевымъ около 10 милліоновъ рублей, т. е. полутора-двухмѣсячное ея содержаніе. Это была первая и единственная денежная помощь, оказанная союзниками Добровольческой арміи.

Нѣкто Л., пріѣхавшій изъ Москвы для реализаціи 10-милліоннаго кредита, отпущеннаго союзниками, обойдя главные ростовскіе банки, вынесъ безотрадное впечатлѣніе: «...по завѣреніямъ (руководителей банковъ) всѣ капиталисты, а также и частные банки держатся выжидательной политики и очень не увѣрены въ завтрашнемъ днѣ».

Въ такомъ же положеніи было и боевое снабженіе. Получили нѣсколько десятковъ тысячъ ружейныхъ патроновъ и немного артиллерійскихъ отъ войска Донского; Дроздовскій привезъ съ собой свыше милліона патроновъ и нѣсколько тысячъ снарядовъ. Это были до смѣшного малыя цифры, но мы давно уже не привыкли къ такимъ масштабамъ и поэтому положеніе нашего парка считали почти блестящимъ. Техническая часть? Кромѣ полевыхъ пушекъ — 2 мортиры, 1 гаубица, 1 исправный броневой автомобиль...

---

* Отчетъ о совѣщаніи.

** Ген. Казановичъ, А. А. Ладыженскій, полковникъ Новосильцевъ, ротмистръ Шапронъ.

Завѣдывающему Контрольно-Финансовымъ Отдѣломъ Добровольческой Организаціи.

Лично мнѣ за время дѣятельности въ Организаціи опредѣлено вознагражденіе отъ Московскаго центра по 1500 руб. въ мѣсяцъ. Вслѣдствіе потери связи я не получаю этого вознагражденія за январь, февраль, мартъ и апрѣль 1918 г.

Прошу, позаимствовавъ временно эту сумму изъ общихъ запасовъ Организаціи и проведя ее по отчетамъ, выдать мнѣ впредь до расчета съ Московскимъ центромъ.

Генералъ С. Алексѣевъ

22 апрѣля 1918
Егорлыкская

Автографъ генерала Алексѣева

Было смѣшно и трогательно видѣть, какъ весь гарнизонъ станицы Егорлыкской ликовалъ при видѣ отбитаго 31 мая у большевиковъ испорченнаго броневика «Смерть кадетамъ и буржуямъ», и съ какою радостью потомъ мечетинскій гарнизонъ смотрѣлъ на этотъ броневикъ, преображенный въ «Генерала Корнилова» и появившійся на станичныхъ улицахъ. Нѣсколько дней и ночей, чтобы поспѣть къ походу, чинили его въ станичной кузницѣ офицеры — уставшіе и вымазанные до ушей, но теперь торжественно-серьезные...

Ген. Алексѣевъ выбивался изъ силъ, чтобы обезпечить матеріально армію, требовалъ, просилъ, грозилъ, изыскивалъ всевозможные способы, и все же существованіе ея висѣло на волоскѣ. Попрежнему главныя надежды возлагались на снабженіе и вооруженіе средствами... большевиковъ. Михаилъ Васильевичъ питалъ еще большую надежду на выходъ нашъ на Волгу: «только тамъ могу я расчитывать на полученіе средствъ» — писалъ онъ мнѣ. «Обѣщанія Парамонова... въ силу своихъ отношеній съ царицынскими кругами обезпечить армію необходимыми ей денежными средствами разрѣшатъ благополучно нашу тяжкую финансовую проблемму».

* * *

Въ такихъ тяжелыхъ условіяхъ протекала наша борьба за существованіе арміи. Бывали минуты, когда казалось, все рушится, и Михаилъ Васильевичъ съ горечью говорилъ мнѣ:

— Ну что же, соберу всѣ свои крохи, раздѣлю ихъ по братски между добровольцами и распущу армію...

Но мало по малу горизонтъ сталъ проясняться.

Еще въ маѣ Покровскій привелъ конную кубанскую бригаду, которая удивила всѣхъ своимъ стройнымъ — какъ въ до-революціонное время — ученіемъ; 3 іюня къ намъ пришелъ изъ большевицкаго раіона полкъ мобилизованныхъ тамъ казаковъ; черезъ два дня гарнизонъ Егорлыкской съ недоумѣніемъ прислушивался къ сильному артиллерійскому гулу, доносившемуся издалека: то вели бой съ большевиками отколовшіяся отъ Красной арміи и въ тотъ же день пришедшія къ намъ въ Егорлыкскую одиннадцать сотенъ кубанскихъ казаковъ.

Въ концѣ мая прибыла и долгожданная бригада Дроздовскаго.

Въ яркій солнечный день у околицы Мечетинской на фонѣ зеленой донской степи и пестрой радостной толпы народа произошла встрѣча тѣхъ, кто пришли изъ далекой Румыніи, и тѣхъ, кто вернулись съ Перваго Кубанскаго похода. Одни — отлично одѣтые, подтянутые, въ стройныхъ рядахъ, почти сплошь офицерскаго состава... другіе — «въ пестромъ обмундированіи, въ лохматыхъ папахахъ, съ большими недочетами въ равненіи и выправкѣ — недочетами, искупавшимися боевой славой добровольцевъ»*.

Встрѣча была поистинѣ радостная и искренняя.

Съ глубокимъ волненіемъ привѣтствовали мы новыхъ соратниковъ. Старый вождь, ген. Алексѣевъ, обнажилъ сѣдую голову и отдалъ низкій поклонъ «рыцарямъ духа, пришедшимъ издалека и влившимъ въ насъ новыя силы»...

И въ душу закрадывалась грустная мысль: почему ихъ только три тысячи**. Почему не 30 тысячъ прислали къ намъ умиравшіе фронты великой нѣкогда русской арміи...

Впрочемъ, мало по малу начали поступать и другія укомплектованія. Во многихъ пунктахъ были уже образованы «центры» Добровольческой арміи и «вербовочныя бюро». Они снабжались почти исключительно мѣстными средствами — добровольными пожертвованіями, такъ какъ армейская казна была скудна, и ген. Алексѣевъ могъ посылать имъ лишь совершенно ничтожныя суммы***. Въ городахъ, освобожденныхъ отъ большевиковъ, сталкивались «вербовщики» нѣсколькихъ армій, въ томъ числѣ и самостоя-

---

* Впечатлѣнія дроздовца.

** Въ томъ числѣ 1340 штыковъ, 400 шашекъ.

*** Сохранились записи денегъ, ассигнованныхъ «на образованіе центровъ»: Одесскаго — 10 тысячъ рублей, Тираспольскаго — 5 тыс., Таганрогскаго — 3 тысячи и т. д.

тельные вербовщики бригады Дроздовскаго. Всѣ они примѣняли нерѣдко неблаговидные пріемы конкуренціи, запутывая и безъ того сбитое съ толку офицерство. Тѣмъ не менѣе оно текло въ армію десятками, сотнями, привозя иногда разобранные ружья и пулеметы; прилетали и «сбѣжавшіе» изъ подъ охраны нѣмцевъ и большевиковъ аэропланы...

Въ самый острый періодъ армейскаго кризиса, когда начался отливъ изъ арміи подъ формальнымъ предлогомъ окончанія четырехъ-мѣсячнаго договорнаго срока службы, я приказалъ увольнять всѣхъ желающихъ въ трехнедѣльный отпускъ: захотятъ — вернутся, нѣтъ — ихъ добрая воля.

Въ послѣдніе дни передъ началомъ похода мимо дома, въ которомъ я жилъ, на окраинѣ станицы, по большой манычской дорогѣ днемъ и ночью тянулись подводы: возвращались отпускные. Пріобщившись на время къ вольной, мирной жизни, они бросили ее вновь и вернулись въ свои полки и батареи для неизвѣстнаго будущаго, для кровавыхъ боевъ, несущихъ съ собою новыя страданія, быть можетъ, смерть.

Добровольческая армія сохранилась.

Встрѣча отряда Дроздовскаго
въ Мечетинской

ГЛАВА XIX.

Красная армія.

Къ веснѣ 1918 года обнаружилась окончательно полная несостоятельность Красной гвардіи.

5-й съѣздъ совѣтовъ возстановилъ всеобщую воинскую повинность: «на каждомъ честномъ и здоровомъ гражданинѣ въ возрастѣ отъ 18 до 40 лѣтъ лежитъ долгъ по первому зову Совѣтской Республики встать на ея защиту отъ внѣшнихъ и внутреннихъ враговъ... Изъ буржуазіи призывного возраста должно быть создано тыловое ополченіе для укомплектованія нестроевыхъ частей, служительскихъ и рабочихъ командъ».

На этихъ общихъ основаніяхъ началась организація «рабоче-крестьянской» Красной арміи. Строилась она на принципахъ старыхъ, отметенныхъ революціей и большевиками въ первый періодъ ихъ властвованія, въ томъ числѣ на нормальной организаціи, единовластіи и дисциплинѣ.

Введено было «всеобщее обязательное обученіе военному искусству», основаны инструкторскія школы для подготовки командного состава, взятъ на учетъ старый офицерскій составъ, привлечены поголовно къ службѣ офицеры генеральнаго штаба и т. д. Совѣтская власть считала себя уже достаточно сильной, чтобы влить безъ опасенія въ ряды своей арміи десятки тысячъ «спеціалистовъ», завѣдомо чуждыхъ или враждебныхъ господствующей партіи...

Организація арміи шла съ великимъ трудомъ и большими препятствіями: инерція несенія государственной повинности была прервана, прежній двигатель борьбы — иноземное нашествіе — сильно поблекъ и къ тому же вытравлялся большевиками изъ народнаго сознанія, новый — буржуазная контръ-революція — не былъ воспринятъ въ должной мѣрѣ; другихъ стимуловъ не было; въ качествѣ побудительнаго фактора оставался лишь страхъ и принужденіе.

Русская жизнь этого періода (лѣто 1918 года) являетъ разительную аномалію народной психологіи, вытекавшую изъ недостаточно развитого политическаго и національнаго самосознанія русскаго народа. На огромномъ пространствѣ страны возникъ десятокъ правительствъ и десятокъ армій, отмѣченныхъ всѣми цвѣтами политическаго спектра, начиная съ Красной и кончая Южной. Всѣ они производили мобилизаціи на занятыхъ ими территоріяхъ. Во всѣ шелъ народъ — съ превеликимъ нежеланіемъ, оказывая пассивное, очень рѣдко активное сопротивленіе, но все же шелъ и воевалъ, проявляя то высокую доблесть, то постыдное малодушіе; бросалъ «побѣжденныхъ», переходилъ къ «побѣдителямъ» и мѣнялъ красную кокарду на трехцвѣтный уголъ и наоборотъ съ такою легкостью, какъ будто это были только украшенія форменной одежды... Всѣ усилія красныхъ, бѣлыхъ и черныхъ вождей придать борьбѣ характеръ народный не увѣнчались успѣхомъ. За всѣ пять лѣтъ русской смуты происходилъ глубокій внутренній процессъ разложенія и сложенія соціальныхъ слоевъ, были вспышки народнаго гнѣва, были миражи народнаго подъема, но вооруженной народной борьбы еще не было. Когда она начнется на самомъ дѣлѣ, то, въ какія бы формы ни вылились ея

политическіе лозунги, она будетъ національной, весьма скоротечной и положитъ конецъ великой смутѣ.

Первый призывъ военно-обязанныхъ былъ объявленъ совѣтскимъ декретомъ во второй половинѣ іюля. Пять призывныхъ возрастовъ (21—25-лѣтній) дали до 800 тысячъ солдатъ. Число это испытывало огромныя колебанія по пути отъ уѣздныхъ пріемниковъ до фронта. Тѣмъ не менѣе, къ 1 ноября совѣтская власть насчитывала на территоріи Россіи до полумилліона штыковъ и сабель.

Съ Красной арміей въ собственномъ смыслѣ слова мы встрѣтимся только поздней осенью. Лѣтомъ шла лишь подготовка и нѣкоторыя преобразованія. Армія оставалась смѣшаннаго типа — частью изъ добровольцевъ, частью изъ людей, мобилизованныхъ на мѣстахъ — насильственно, безпорядочно, властью мѣстныхъ совѣтовъ или частныхъ войсковыхъ начальниковъ. Центральное управленіе употребляло большія усилія, чтобы собрать воедино множество возникшихъ самостоятельно отрядовъ и придать имъ организацію полковъ, дивизій, армій; чтобы взять въ свои руки волю «контръ-революціонныхъ начальниковъ» путемъ установленія за ними неусыпнаго наблюденія политическихъ комиссаровъ и вмѣстѣ съ тѣмъ заставить распущенную солдатскую массу повиноваться этимъ начальникамъ. Выборное начало было отмѣнено и если на практикѣ еще примѣнялось, то только въ отношеніи должностей не выше ротнаго командира. Уже въ іюнѣ къ намъ попалъ большевицкій приказъ, въ силу котораго упразднялись войсковые комитеты; взамѣнъ ихъ въ частяхъ не выше полка допускались «комиссіи» съ контрольно-хозяйственными функціями. При этомъ приказъ предупреждалъ, что всякое вмѣшательство этихъ комиссій въ дѣйствія командного состава будетъ разсматриваться какъ контръ-революціонное выступленіе, и виновные будутъ разстрѣливаться...

Въ области репрессій были возстановлены всѣ прежніе виды наказаній до смертной казни включительно.

* * *

Я не буду останавливаться на другихъ военныхъ мѣропріятіяхъ совѣтской власти, въ силу разнообразныхъ причинъ никогда не достигшихъ преображенія Красной арміи въ дѣйствительно серьезную національную силу. Интересно отмѣтить лишь тотъ путь, которымъ пошли совѣты — путь рѣшительной и полной реставраціи во всемъ — въ строѣ, въ службѣ и бытѣ войскъ. Это явленіе было естественнымъ по той простой причинѣ, что Красная армія строилась исключительно умомъ и опытомъ «старыхъ царскихъ генераловъ». Участіе въ этой работѣ комиссаровъ Троцкаго и Подвойскаго, товарищей Аралова, Антонова, Сталина и многихъ другихъ было вначалѣ чисто фиктивнымъ. Они играли лишь роль надзирателей надъ работами арестантской артели и вмѣстѣ съ тѣмъ учились исподволь у своихъ «арестантовъ» ихъ сложному и новому для себя искусству; одни оставались неучами, другіе преуспѣвали — по крайней мѣрѣ въ такой степени, чтобы отличить мѣру явно цѣлесообразную отъ грубой провокаціи.

Одни дали разумъ, другіе внесли волю.

Всѣ органы центральнаго военнаго управленія возглавлялись генералами-спеціалистами — особенно широко былъ представленъ генеральный штабъ — работавшими подъ неослабнымъ надзоромъ коммунистовъ. Почти всѣ фронты* и большинство красныхъ армій имѣли во главѣ старшихъ начальниковъ старой арміи. Періодически на большевицкомъ горизонтѣ вспыхивали довольно яркими звѣздами самородные таланты, рожденные войной и революціей, но это были лишь рѣдкія исключенія, и вся сила, вся организація Красной арміи покоилась на старомъ генералитетѣ и офицерствѣ.

Первое время, кромѣ десятка авантюристовъ, еще въ начальный періодъ революціи оторвавшихся отъ идеологіи офицерства и теперь безоглядно шедшихъ съ большевиками, весь прочій генералитетъ, поступившій на службу, былъ имъ враждебенъ.

* Сѣверный – противъ Архангельска (ген. Парскій), Восточный – на Волгѣ (полк. Каменевъ), Южный – противъ Дона (ген. Сытинъ), Западный – на фронтѣ нѣмецкой оккупаціи, Сѣверо-Кавказскій – противъ Добровольческой арміи, частью противъ Дона (ген. Снѣсаревъ).

Наборъ красноармейцевъ

Почти всѣ они находились въ сношеніяхъ съ московскими Центрами и Добровольческой арміей. Не разъ къ намъ поступали отъ нихъ запросы о допустимости службы у большевиковъ... Они оправдывали свой шагъ вначалѣ необходимостью препятствовать германскому вторженію, потомъ «недолговѣчностью большевизма» и стремленіемъ «кабинетнымъ путемъ разработать всѣ вопросы по возсозданію русской арміи и пристроить такъ или иначе голодныхъ офицеровъ». Жизнь отвѣтила имъ годами террора, «внутреннихъ фронтовъ» и прямымъ участіемъ въ междуусобной борьбѣ. Часть ихъ перешла впослѣдствіи въ противо-большевицкія арміи, другая была послѣдовательно истреблена большевиками, остальныхъ засосало большевицкое болото, въ которомъ нашли успокоеніе и человѣческая низость, и многія подлинныя душевныя драмы.

Московскіе Центры поощряли вхожденіе въ совѣтскія военныя учрежденія и на командныя должности довѣренныхъ лицъ, съ цѣлью освѣдомленія и нанесенія большевизму возможнаго вреда. Я лично рѣшительно отвергалъ допустимость службы у большевиковъ, хотя бы и по патріотическимъ побужденіямъ. Не говоря уже о моральной сторонѣ вопроса, этотъ шагъ представлялся мнѣ совершенно нецѣлесообразнымъ. Отъ своихъ единомышленниковъ, занимавшихъ видные посты въ станѣ большевиковъ, мы рѣшительно не видѣли настолько реальной помощи, чтобы она могла оправдать ихъ жертву и окупить приносимый самымъ фактомъ ихъ совѣтской службы вредъ. За 2½ года борьбы на Югѣ Россіи я знаю лишь одинъ случай умышленнаго срыва крупной операціи большевиковъ, серьезно угрожавшей моимъ арміямъ. Это сдѣлалъ человѣкъ съ высокимъ сознаніемъ долга и незаурядным мужествомъ; поплатился за это жизнью. Я не хочу сейчасъ называть его имя... Были, конечно, переходы къ намъ на фронтѣ отдѣльныхъ лицъ и цѣлыхъ «красныхъ» частей, но въ общемъ операціи большевиковъ протекали довольно планомѣрно, иногда талантливо, поскольку это зависѣло отъ высшаго командованія, а не исполнителей.

Рядовое офицерство уничтожалось или насильственно привлекалось въ Красную армію. Жизнь раздѣлила рѣзко старый офицерскій составъ на три группы. Въ первой — весьма малочисленной — были «стоящіе на совѣтской платформѣ» — коммунисты искренніе или «октябрьскіе», во всякомъ случаѣ настолько скомпрометированные своимъ близкимъ участіемъ въ кровавой работѣ большевиковъ, что внѣ совѣтскаго строя имъ выхода не было... Во второй — столь же малочисленной — такъ называемые «контръ-революціонеры», невзирая на необычайный гнетъ, сыскъ и терроръ совѣтской власти, работавшіе активно противъ нея. Работа эта проявлялась въ разрозненныхъ вспышкахъ, возстаніяхъ, покушеніяхъ, въ переходѣ на сторону «бѣлыхъ армій» и т. д. Свидѣтельствуя о высокомъ самоотверженіи участниковъ, эти факты имѣли тѣмъ не менѣе эпизодическій характеръ, мало отражаясь на общемъ ходѣ событій. Наконецъ, третья группа — наиболѣе многочисленная, брошенная въ ряды Красной арміи голодомъ, страхомъ, принужденіемъ, раздѣлила общую судьбу русской интеллигенціи, обратившейся въ «спецовъ». Страдающіе морально или безпечные, нуждающіеся или берущіе отъ жизни все, что можно, они слились въ одну массу лояльныхъ совѣтскихъ работниковъ. Но неприглядность положенія и неспокойная совѣсть заставляли ихъ искать болѣе высокихъ идеологическихъ обоснованій своей жертвы или паденія. Для немногихъ представителей революціонной демократіи это былъ временный этапъ — гораздо болѣе близкій и родственный, чѣмъ ненавистный имъ «бѣлый станъ»; этапъ, приближающій къ устроенію соціалистическаго отечества, арена идейной пропаганды, имѣющей цѣлью «превратить армію изъ средства порабощенія широкихъ народныхъ массъ въ реальную вооруженную силу демократіи». Для многихъ правыхъ — такой же этапъ, только на другомъ пути: «мы убѣжденные монархисты, но не возстанемъ и не будемъ возставать противъ совѣтской власти потому, что разъ она держится, значитъ, народъ еще недостаточно хочетъ царя. Соціалистовъ, кричащихъ объ Учредительномъ собраніи, мы ненавидимъ не меньше, чѣмъ ихъ ненавидятъ большевики. Мы не можемъ бить ихъ самостоятельно, мы будемъ ихъ уничтожать, помогая большевикамъ. А тамъ, если судьбѣ будетъ угодно, мы и съ большевиками разсчитаемся»*... Наконецъ, и тогда уже, лѣтомъ 18 года послышались

---

* Докладъ капитана гв. Энгельгарта о впечатлѣніяхъ, вынесенныхъ имъ съ Восточнаго — противочешскаго фронта.

тѣ мотивы, которые впослѣдствіи съ большимъ опозданіемъ восприняли Устряловъ и прочіе смѣновѣховцы: бѣлое движеніе не опирается на народъ и раздробляетъ Россію; большевизмъ — явленіе чисто народное, объединяющее страну; большевизмъ погибнетъ самъ, когда народъ изживетъ его; сопротивленіе безполезно и задерживаетъ лишь естественный историческій процессъ...

Какъ бы то ни было, совѣтская власть можетъ гордиться тѣмъ искусствомъ, съ которымъ она поработила волю и мысль русскаго генералитета и офицерства, сдѣлавъ ихъ невольнымъ, но покорнымъ орудіемъ своего укрѣпленія. Воспринявъ большевицкую практику, эти люди, конечно, попрежнему чужды большевицкой идеологіи. Настанетъ день, когда и они вмѣстѣ съ народомъ приложатъ руку къ спасенію страны — совершенно искренно и даже съ энтузіазмомъ. И будутъ отрицать тогда, что вѣдь благодаря и ихъ трудамъ спасеніе это пришло такъ поздно...

* * *

Жизнь Красной арміи въ тотъ переходный періодъ протекала чрезвычайно разнообразно. Были, однако, общія черты, свойственныя частямъ всѣхъ фронтовъ. Формировались части по распоряженію штабовъ и совдеповъ, но чаще по частной иниціативѣ. Принимали названіе по мѣстности формированія, иногда по фантазіи организатора: «Черная Хмара», «Гроза буржуазіи», «Пятый неустрашимый» и т. д. Отдѣльные отряды совершенно произвольной численности жили полу-самостоятельной жизнью, входя въ составъ «колоннъ», дивизій, армій. Жили на мѣстныя средства — реквизиціей и грабежомъ, рѣдко имѣя связь съ довольствующими учрежденіями. Умирали въ нихъ люди массами — отъ постоянныхъ боевъ и еще болѣе — въ результатѣ потрясающаго неустройства санитарной части.

Основное ядро полковъ, отрядовъ составляли обыкновенно «коммунистическая ячейка», матросы и деклассированные элементы — старые солдаты, по тѣмъ или другимъ причинамъ не вернувшіеся домой и обратившіе военную службу въ ремесло. Изъ послѣднихъ выбиралось обыкновенно ротное начальство — несвѣдущее въ военномъ дѣлѣ, но восполнявшее до нѣкоторой степени отсутствіе военнаго образованія длительнымъ опытомъ и зачастую отмѣннымъ знаніемъ психологіи своихъ подчиненныхъ. Охотно выбирали въ командиры и старыхъ офицеровъ, отношеніе къ которымъ значительно перемѣнилось въ сравненіи съ первымъ періодомъ революціи. Иногда назначали ихъ насильно, противъ воли, такъ какъ власть приносила тогда больше терній, чѣмъ розъ. Должно быть сроднило общее несчастье и одинáковый гнетъ со стороны коммунистовъ. Главную массу арміи составляло попрежнему крестьянство — инертное и не воинственное.

Наконецъ, огромную роль въ утвержденіи коммунистической власти, въ особенности вначалѣ, играли отряды наемниковъ — латышей, китайцевъ, плѣнныхъ венгровъ и нѣмцевъ. Полное непониманіе совершающихся событій, презрѣніе къ странѣ и народу, холодная страшная жестокость и садизмъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, тревожное чувство обреченности и грядущаго возмездія — дѣлали этотъ элементъ чрезвычайно удобнымъ, слѣпымъ и покорнымъ, орудіемъ въ рукахъ совѣтской власти. Эти отряды составляли личную охрану совѣтскихъ самодержцевъ, комплектовали кадры палачей въ че-ка и въ арміи, участвовали во всевозможныхъ карательныхъ экспедиціяхъ, усмиряли крестьянскія возстанія, истребляли интеллигенцію и «бѣлыхъ», подогрѣвали съ тыла пулеметами духъ красныхъ воиновъ и расправлялись съ непокорными честолюбцами, появлявшимися время отъ времени среди краснаго командованія.

Эта своеобразная «интервенція», примѣненная народными комиссарами, своими кровавыми образами запечатлѣлась надолго въ памяти русскаго народа.

Лѣтомъ 18 года сводки штаба Добровольческой арміи устанавливали «рѣзко бросающуюся въ глаза черту Красной арміи: борьбу между начальниками, старавшимися установить порядокъ, и подчиненными — пассивно, иногда активно сопротивлявшимися

Смотръ красной арміи (Царицынъ)

Смотръ красной арміи (Царицынъ)
(Начальство)

этому... Приказы и телеграммы полны жалобъ, указаній, увѣщаній, угрозъ. Наиболѣе распространены въ арміи неисполненіе приказаній, небрежное несеніе службы, самовольное оставленіе фронта, насилія, грабежи, пьянство». Обученіе отсутствовало почти вовсе. Жизнь въ войскахъ принимала такой тяжелый и сумбурный характеръ, что, подъ вліяніемъ болѣе разумнаго элемента, нѣкоторыя части сами выносили постановленія о примѣненіи въ нихъ суровыхъ мѣръ наказанія, включительно до розогъ и смертной казни.

Красная армія въ переходный періодъ жила еще преемственно традиціями «революціонной арміи» 17 года, и потому боевая годность ея была весьма относительной. Но она шла массами. Стихійная тяга къ землѣ, къ дому, просто къ мирной жизни вызывала дезертирство въ небывалыхъ размѣрахъ, особенно лѣтомъ, обращая красныя части въ проходные этапы, черезъ которые переливала человѣческая волна. Ушедшихъ замѣняли новые люди — иногда являвшіеся добровольно, чаще взятые насильно. И они шли опять массами, подгоняемые пулеметами «карательныхъ отрядовъ», побуждаемые страхомъ столько же, сколько и злобой, подогрѣваемые надеждой на скорое окончаніе безумной кровавой борьбы. А на территоріяхъ, пораженныхъ войной, люди подымались съ насиженныхъ мѣстъ, разоряли свои хозяйства и шли куда глаза глядятъ, безъ толку и безъ смысла. За арміей двигался громадный обозъ съ добромъ красноармейцевъ — своимъ и награбленнымъ, съ женщинами, которыя ихъ ссорили и развращали, съ дѣтьми, которыя ихъ связывали.

Казалось тогда, что въ толщѣ народной слагается безразличное отношеніе къ вопросу — кто побѣдитъ: лишь бы скорѣе конецъ.

ГЛАВА XX.

Второй кубанскій походъ: силы и средства сторонъ; театръ; планъ операціи.

Къ началу 2-го Кубанскаго похода, т. е. въ іюнѣ мѣсяцѣ 1918 г., составъ Добровольческой арміи былъ сдѣдующій:

Штабъ арміи:
- Начальникъ штаба генералъ Романовскій.
- Начальникъ строевого отд.* генералъ Трухачевъ.
- Начальникъ снабженія полк. Мальцевъ.
- Инспекторъ артиллеріи генералъ Невадовскій.
- Нач. санитарн. части Н. М. Родзянко.

1 дивизія (генералъ Марковъ):
- 1-й Офицерскій пѣхотный полкъ**.
- 1-й Кубанскій стрѣлковый полкъ.
- 1-й Конный полкъ**.
- 1-я отдѣльная легкая батарея (3 орудія).
- 1-я инженерная рота.

2-я дивизія (генералъ Боровскій):
- Корниловскій ударный полкъ.
- Партизанскій пѣхотный полкъ.
- Улагаевскій пластунскій батальонъ.
- 4-й Сводно-кубанскій полкъ (конный).
- 2-я отдѣльная легкая батарея (3 орудія).
- 2-я инженерная рота.

3-я дивизія (полковникъ Дроздовскій).
- 2-й Офицерскій стрѣлковый полкъ.
- 2-й Конный полкъ***.
- 3-я отдѣльная легкая батарея (6 орудій).
- Конно-горная батарея (4 орудія).
- Мортирная батарея (2 мортиры).
- 3-я инженерная рота[1].

I-я конная дивизія[2] (генералъ Эрдели).
- 1-й Кубанскій казачій полкъ.
- 1-й Черкесскій конный полкъ.
- 1-й Кавказскій казачій полкъ.
- 1-й Черноморскій казачій полкъ.

1-я Кубанская казачья бригада (генералъ Покровскій).
- 2-й Кубанскій казачій полкъ.

---

* Въ концѣ мѣсяца строевой отдѣлъ былъ раздѣленъ на управленіе генералъ-квартирмейстера и дежурнаго генерала, во главѣ которыхъ стали полковникъ Сальниковъ и генералъ Трухачевъ.

** Оставался временно въ Новочеркасскѣ.

*** Часть его съ 2 орудіями оставалась въ Донской арміи.

[1] Сформирована на походѣ.

[2] Придана была къ ней часть конно-горной батареи дивизіи Дроздовскаго.

3-й Кубанскій казачій полкъ.

Взводъ артиллеріи (2 орудія).

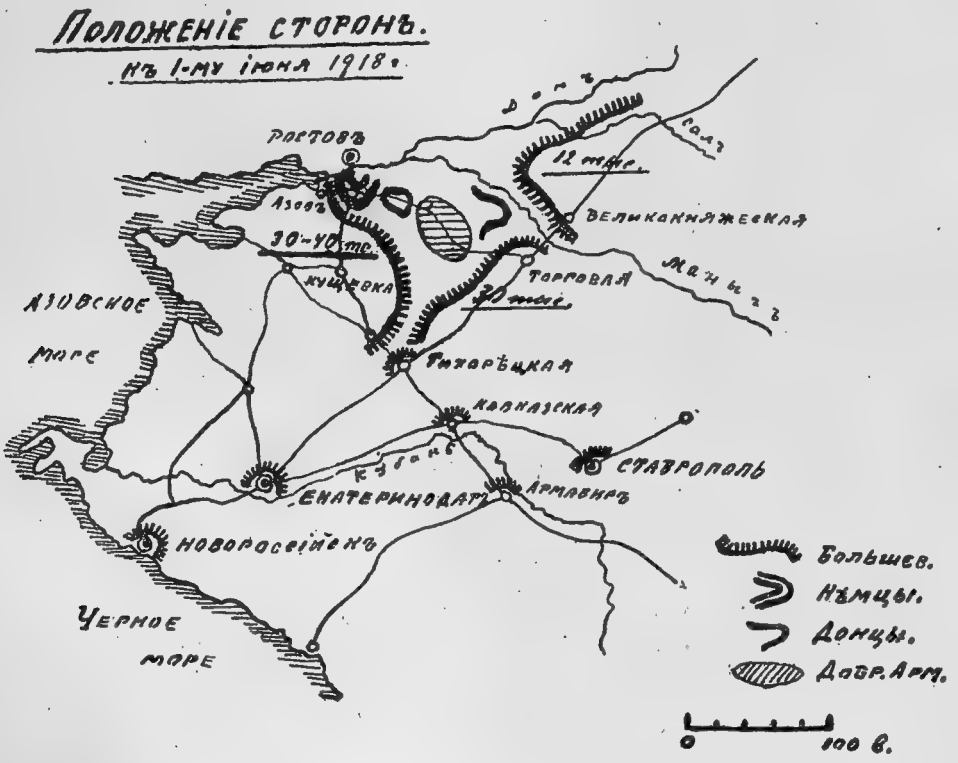
Кромѣ того: Пластунскій батальонъ, одна гаубица и броне-автомобили «Вѣрный», «Корниловецъ» и «Добровольецъ»*.

Всего въ арміи состояло 5 полковъ пѣхоты, 8 конныхъ полковъ, 5½ батарей, общей численностью 8½—9 тысячъ штыковъ и сабель и 21 орудіе.

На первый періодъ операціи арміи былъ подчиненъ отрядъ донскихъ ополченій полковника Быкадорова силою около 3½ тысячъ съ 8 орудіями; отрядъ этотъ дѣйствовалъ по долинѣ Маныча.

* * *

Противъ насъ на Сѣверномъ Кавказѣ располагалась Сѣверо-кавказская красная армія, плохо подчинявшаяся центру и не прочно связанная внутри, ввиду соревнованія самостоятельныхъ республикъ—Кубанской, Черноморской, Терской и Ставропольской**.



Главнокомандующимъ былъ Автономовъ, который за все время своего пребыванія во главѣ войскъ, съ 1 апрѣля по 10 мая, велъ ожесточенную борьбу съ гражданской властью Кубано-черноморской республики (Ц. И. К.). Его поддерживали войсковые начальники, въ томъ числѣ Сорокинъ. Въ началѣ апрѣля Ц. И. К., боявшійся диктаторскихъ стремленій Автономова, отрѣшилъ его отъ командованія и должность главнокомандующаго замѣнилъ «чрезвычайнымъ штабомъ обороны», въ который вошло семь штатскихъ большевиковъ. Автономовъ выѣхалъ въ Тихорѣцкую и выступилъ открыто противъ своего правительства. Началась своеобразная «полемика» путемъ воззваній и приказовъ. Въ нихъ члены Ц. И. К. именовались «нѣмецкими шпіонами и провокаторами», а Автономовъ и Сорокинъ — «бандитами и врагами народа», на головы которыхъ

* Послѣдній въ починкѣ.

** Внѣшнее объединеніе первыхъ двухъ послѣдовало 14 мая, прочихъ — въ началѣ іюня, когда образовалась «Сѣверо-Кавказская совѣтская республика».

призывались «проклятія и вѣчный позоръ». Въ распрѣ приняла участіе и армія, которая на фронтовомъ съѣздѣ въ Кущевкѣ постановила «сосредоточить всѣ войска Сѣвернаго Кавказа подъ командой Автономова... категорически потребовать (отъ центра) устраненія вмѣшательства гражданскихъ властей и упразднить «чрезвычайный штабъ».

Споръ рѣшила Москва, давъ 14 мая Автономову почетное, но бездѣятельное назначеніе «инспектора и организатора войсковыхъ частей Кавказскаго фронта» и назначивъ военнымъ руководителемъ — генеральнаго штаба генералъ-маіора Снѣсарева.

Снѣсаревъ осѣлъ въ Царицынѣ, откуда и правилъ фиктивно, такъ какъ со взятіемъ нами Торговой (12 іюня) почти всякая связь его съ сѣверо-кавказскими войсками была утеряна. Фактически командовалъ Калнинъ — латышъ, кажется подполковникъ, имѣвшій свой штабъ въ Тихорѣцкой.

Послѣ разгрома большевиковъ подъ Тихорѣцкой и Кущевкой, Снѣсаревъ былъ обвиненъ въ «контръ-революціи» и смѣщенъ; 21 іюля, за нѣсколько дней до паденія Екатеринодара главнокомандующимъ былъ назначенъ «бандитъ и провокаторъ» Сорокинъ, котораго официальныя «Извѣстія» переименовали въ «спасителя республики».

* * *

Силы сѣверо-кавказскихъ войскъ не поддавались точному учету. Ихъ не знали точно ни мы, ни «всероссійскій генеральный штабъ*», ни даже штабъ Калнина. Постоянно появлялись какія то новыя части, наименованія которыхъ черезъ недѣлю исчезали безслѣдно; создавались крупныя крестьянскія ополченія, которыя послѣ неуспѣха или занятія добровольцами раіона ихъ формированія разсасывались незамѣтно по своимъ селамъ.

Главнѣйшія группы красныхъ силъ располагались слѣдующимъ образомъ:

1. Въ раіонѣ Азовъ — Кущевка — Сосыка стояла армія Сорокина въ 30—40 тысячъ при 80—90 орудіяхъ и двухъ бронепоѣздахъ, имѣя фронтъ на сѣверъ противъ Ростова (нѣмцы) и на сѣверо-востокъ противъ донцовъ и добровольцевъ. Эта группа состояла главнымъ образомъ изъ бывшихъ солдатъ Кавказскаго фронта отступившихъ весною съ Украйны отрядовъ; отличалась болѣе правильной организаціей и дисциплиной и имѣла во главѣ начальника наиболѣе популярнаго.

Часть войскъ Сорокина предприняла весною наступленіе противъ Добровольческой арміи, 19 мая подступила къ самой станицѣ Мечетинской, но концентрическимъ наступленіемъ двухъ колоннъ (изъ Мечетинской и Егорлыкской) я опрокинулъ большевиковъ за Гуляй — Борисовку. Съ тѣхъ поръ до конца іюня на этомъ фронтѣ было покойно.

2. Въ раіонѣ по линіи жел. дор. Тихорѣцкая — Торговая и къ сѣверу отъ нея располагались многочисленные, не объединенные отряды общей численностью до 30 тысячъ со слабой артиллеріей. Въ числѣ ихъ находились получившія впослѣдствіи боевую извѣстность пѣхотная бригада, называвшая себя «желѣзной», Жлобы и конная — Думенко. Состояли эти части главнымъ образомъ изъ фронтовиковъ и крестьянъ Ставропольской губерніи, остатковъ частей б. Кавказскаго фронта, отчасти изъ мобилизованныхъ кубанскихъ казаковъ. Эти войска тревожили постоянно наше расположеніе у Егорлыкской.

3. Въ углу, образуемомъ р. р. Манычемъ и Саломъ, имѣя центромъ Великокняжескую, располагалось 5 отрядовъ, силою до 12 тысячъ при 17 орудіяхъ, объединенныхъ одно время подъ командой Васильева. Составъ ихъ — однородный съ отрядами второй группы, только вмѣсто кубанскихъ казаковъ въ нихъ входили сотни донскихъ — большевиковъ. На этомъ фронтѣ происходили постоянныя стычки съ донскими отрядами Быкадорова.

4. Кромѣ этихъ трехъ группъ, во многихъ крупныхъ городахъ и на жел.-дор. станціяхъ расположены были сильные гарнизоны изъ трехъ родовъ оружія**.

Снабжались оружіемъ и боевыми припасами красныя войска Сѣвернаго Кавказа изъ остатковъ прежнихъ военныхъ складовъ Кавказскаго фронта, путемъ отобранія отъ

---

* Большевицкія боевыя расписанія намъ сообщали и изъ Москвы.

** Тихорѣцкая, Екатеринодаръ, Армавиръ, Майкопъ, Новороссійскъ, Ставрополь и др.

«Главковерхъ» Сорокинъ

населенія, отчасти организаціей производства въ Армавирѣ, Пятигорскѣ, Георгіевскѣ и подвозомъ сначала изъ Царицына, потомъ, съ потерей желѣзной дороги, кружнымъ и тяжелымъ грунтовымъ путемъ изъ Астрахани черезъ Святой Крестъ. Во всякомъ случаѣ, насъ поражало обиліе снарядовъ и патроновъ у большевиковъ; ураганному подчасъ огню ихъ приходилось противоставлять только дисциплину боя и... доблесть войскъ.

Въ общей сложности, въ предстоящей операціи Добровольческую армію ожидала встрѣча съ 80—100 тысячами большевицкихъ войскъ — частью уже знакомыхъ намъ по первому походу, частью еще неизвѣданной силы и духа. Въ составъ ихъ входило не мало надежныхъ въ военномъ отношеніи и тяготѣвшихъ всецѣло къ совѣтской власти кадровъ тѣхъ отрядовъ, которые подъ давленіемъ нѣмцевъ отошли за Донъ съ Украйны, Крыма и Донской области. Наконецъ, въ то время, какъ солдаты русскихъ армій европейскаго фронта распылялись свободно по всему необъятному пространству Россіи, войска Кавказскаго фронта, не попавшія въ Черноморскую эвакуацію, были зажаты въ тѣсномъ раіонѣ между Дономъ и Кавказскимъ хребтомъ, ставъ неистощимымъ и хорошо подготовленнымъ матеріаломъ для комплектованія Сѣверо-кавказской красной арміи.

* * *

Театръ войны во Второмъ Кубанскомъ походѣ обнималъ Задонье, Ставропольскую губернію, Кубанскую область и Черноморскую губернію*.

Этотъ край прорѣзывали двѣ главныхъ линіи Владикавказской жел. дороги: 1) Ростовъ — Владикавказъ и 2) Новороссійскъ — Царицынъ. Онѣ связывали политическіе центры, отдѣльныя арміи и фронты большевиковъ; вторая, кромѣ того, была единственной желѣзнодорожной артеріей, соединяющей Кавказъ съ центромъ Россіи. Это обстоятельство, въ связи съ сосредоточеніемъ военныхъ дѣйствій почти исключительно вдоль желѣзнодорожныхъ линій, придавало особенное значеніе Владикавказской дорогѣ и ея узловымъ станціямъ: Торговой, Тихорѣцкой, Кущевкѣ, Кавказской, Екатеринодару. Сила и расположеніе непріятельскихъ войскъ и направленіе желѣзнодорожныхъ магистралей почти исчерпывали стратегическіе элементы операціи; въ остальномъ — преобладающее вліяніе имѣло политическое положеніе, которое являлось мощнымъ орудіемъ стратегіи, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, довлѣло надъ ея велѣніями.

Гражданская война подчиняется инымъ законамъ, чѣмъ война народовъ.

Остановимся вкратцѣ на политическомъ положеніи края.

* * *

Задонье, занятое большевиками, раздѣлялось рѣзко на двѣ части. Ростовскій округъ, населенный сплошь иногородними и насыщенный пришлыми войсками Сорокина, остановившими въ немъ жизнь, давно уже пережилъ увлеченіе большевизмомъ. Отрицательно относившіеся къ казачьей власти и до большевиковъ, и послѣ нихъ, ростовскіе крестьяне чувствовали еще менѣе влеченія къ власти совѣтовъ. Достойно вниманія, что многіе крестьянскіе депутаты округа еще на съѣздѣ 5—12 мая въ г. Ростовѣ, окруженные штыками и пулеметами красногвардейцевъ, имѣли мужество проявить свои истинныя чувства: по вопросу о мобилизаціи для борьбы противъ «бѣлогвардейцевъ» 51 голосъ былъ поданъ за мобилизацію, 44 противъ при 9 воздержавшихся... Иное положеніе было на Манычѣ и Салѣ**, гдѣ многолюдныя и богатыя крестьянскія слободы*** дали преобладающій контингентъ красныхъ отрядовъ, гдѣ они сами были хозяевами своей жизни и вершителями судебъ стариннаго спора съ казаками. Тамъ иногороднее

* Событія на Терекѣ не отражались непосредственно на этой операціи.
** Сальскій округъ съ центромъ Великокняжеской.
*** Особенно Мартыновка и Орловка.

населеніе было почти сплошь настроено большевицки, казаки пали духомъ, и продвиженіе по округу донскихъ ополченій съ сѣвера шло поэтому чрезвычайно вяло и нерѣшительно.

* * *

«Ставропольская республика» самоуправлялась съ января 18 года, имѣя свой собственный «совѣтъ народныхъ комиссаровъ», который просуществовалъ только до марта, когда былъ свергнутъ красноармейцами. Присланный изъ Петрограда для организаціи красной арміи бывшій жандармскій ротмистръ Коппе совмѣстно съ матросомъ Якшинымъ и нѣсколькими солдатами поставилъ свой «совѣтъ», отличавшійся исключительнымъ невѣжествомъ и жестокостью. Всей своей тяжестью совѣтъ обрушился на городъ Ставрополь, не имѣя еще достаточной силы распространить свое вліяніе по губерніи; только со второй половины іюня въ ней начали работать карательные отряды.

«Демократическія земства» и «соціалистическія думы» были разогнаны и замѣнены совѣтами, попавшими всецѣло во власть солдатчины. Они — бывшіе фронтовики — были хозяевами положенія; они законодательствовали, взимали сборы, мобилизовали населеніе, на раіонныхъ съѣздахъ рѣшали вопросъ о войнѣ и мирѣ. Губернія — исключительно земледѣльческая, богатая, въ которой средній подворный надѣлъ составлялъ 20,6 десятинъ, и 70 % всей земли находилось во владѣніи сельскихъ обществъ и крестьянъ. Остальные 30 % только что были подѣлены, и крестьяне не успѣли еще воспользоваться плодами своего пріобрѣтенія. Осязательныя выгоды новаго строя сталкивались съ тяжестью отрицательныхъ сторонъ безвластья и безпорядка, вторгнувшихся въ жизнь. Съѣздъ фронтовиковъ и представителей сѣвернаго раіона губерніи колебался. Въ маѣ шли переговоры съ нимъ моего штаба при посредствѣ подполковника Постовскаго о «сохраненіи нейтралитета» и безпрепятственномъ пропускѣ арміи на Кубань для борьбы съ Красной арміей.

Въ самомъ Ставрополѣ настроеніе было иное. Безсмысленная и жестокая власть вооружила противъ себя всѣхъ, безъ различія убѣжденій, почти уничтоживъ политическія и соціальныя грани и раздѣливъ населеніе на двѣ неравныя части: угнетателей и угнетенныхъ. Начавшійся въ ночь на 20 іюня особенно сильный терроръ уносилъ многочисленныя жертвы, преимущественно изъ среды офицеровъ, зарегистрированныхъ совѣтомъ въ числѣ около 900 человѣкъ. Подъ вліяніемъ предстоящей неминуемой опасности уничтоженія и ввиду слуховъ о приближеніи Добровольческой арміи, которая къ 27 іюня подходила къ селу Медвѣжьему*, въ этотъ день состоялось вооруженное выступленіе тайной офицерской организаціи, возглавлявшейся полковникомъ Ртищевымъ. Малочисленное по числу участниковъ и совершенно не подготовленное выступленіе это было кроваво подавлено. Почти всѣ участники были перебиты въ уличной схваткѣ или казнены послѣ жестокихъ истязаній. Терроръ усилился.

Подъ вліяніемъ этихъ событій городъ замеръ и въ мертвой тревогѣ ждалъ просвѣта. Вырвавшіеся изъ Ставрополя обреченные, въ томъ числѣ представители соціалистическихъ земствъ и думъ, обращались ко мнѣ съ мольбой о помощи. Деревня волновалась и многія села склонялись къ миру съ Добровольческой арміей. Но представители съѣзда сѣвернаго раіона въ началѣ іюня прервали переговоры со штабомъ, и армія принуждена была идти по Ставропольской губерніи съ тяжелыми боями, встрѣтивъ на линіи Торговая — Тихорѣцкая, наряду съ пришлыми отрядами Красной арміи, и многотысячное мѣстное ополченіе...

Жилъ еще въ губерніи народъ глубоко мирный, трудолюбивый и темный — калмыки. На нихъ больше, чѣмъ на кого либо обрушились громы революціи; они всѣми своими помыслами были на сторонѣ Добровольческой арміи, но не могли дать ей ни силы, ни помощи.

* * *

---

* Дивизія ген. Боровскаго 28 іюня заняла с. Медвѣжье въ 95 верстахъ отъ Ставрополя.

Совершенно иначе слагалась обстановка въ «республикѣ Кубанской».

Я не буду останавливаться на дѣятельности трехъ послѣдовательно смѣнявшихся «цикovъ» и «народныхъ комиссаровъ», въ основу которой положено было несложное коммунистическое откровеніе: «организація крестьянской, казачьей и горской бѣдноты для борьбы съ кулацкими элементами крестьянства и казачества». При этомъ казаки и горцы поголовно причислялись къ разряду кулаковъ.

Результаты такой политики не замедлили сказаться очень скоро и получили справедливую оцѣнку въ устахъ самихъ же большевицкихъ дѣятелей. Такъ, комиссаръ земледѣлія Вильямовскій докладывалъ Ц. И. К.: «идетъ сплошное уничтоженіе хозяйствъ, пропадаетъ и живой, и мертвый инвентарь, приказы мои безсильны». Чрезвычайный съѣздъ совѣтовъ въ іюлѣ въ своемъ постановленіи высказалъ осужденіе «по вопросу о грабежахъ, насиліяхъ и убійствахъ трудового горскаго народа (черкесовъ), творимыхъ отдѣльными отрядами и жителями нѣкоторыхъ станицъ, благодаря чему стерты съ лица земли цѣлые аулы и остатки ихъ обречены на гибель и голодную смерть».

Московскій центръ, приступая къ «разказачиванію», дѣлалъ это все же съ нѣкоторой осмотрительностью и постепенностью. Декретъ отъ 30 апрѣля 18 года предусматривалъ, напримѣръ, переходъ запасныхъ, частновладѣльческихъ и другихъ земель первоначально въ руки войсковыхъ комитетовъ, которые должны были, однако, распредѣлить землю между всѣми нуждающимися. Московское правительство допускало даже формированіе казачьихъ частей Красной арміи, «принимая при этомъ во вниманіе всѣ бытовыя и военныя особенности казаковъ». Но правительства мѣстныхъ «республикъ», въ томъ числѣ Кубанской, шли дальше, стремясь къ немедленному и полному уничтоженію казачества, какъ сословія*. Земельная практика на Кубани приняла особенно тяжелыя формы: «Казаковъ — говорится въ отчетѣ комиссіи** — своими руками вспахавшихъ и засѣявшихъ свои земли, заставляли подъ пулеметами собрать весь урожай, обмолотить хлѣбъ и тогда зерно и солому раздѣлить между всѣми жителями станицы»***...

Сопротивленіе вызывало «отъемъ», арестъ, застѣнокъ. Большинство иногородныхъ принимало то или иное, хотя бы и косвенное участіе въ обездоленіи казачества.

Унижаемые морально, разоряемые матеріально и истребляемые физически, кубанскіе казаки скоро стряхнули съ себя всякій налетъ большевизма и начали подниматься.

Исторія казачьихъ возстаній трагична и однообразна. Возникавшія стихійно, разрозненно, безъ серьезной подготовки, почти безоружными массами, они сопровождались первоначально нѣкоторымъ успѣхомъ; но черезъ 2—3 дня, послѣ сосредоточенія красныхъ войскъ, казаки платились кроваво, погибая и въ бою, и отъ рукъ палачей въ своихъ станицахъ. Такъ, 27 апрѣля вспыхнуло возстаніе въ семи станицахъ Ейскаго отдѣла и было задушено въ два дня... Въ началѣ мая были массовыя возстанія въ Екатеринодарскомъ, Кавказскомъ и другихъ отдѣлахъ... Въ іюнѣ возстало нѣсколько станицъ Лабинскаго отдѣла, пострадавшихъ особенно жестоко: кромѣ павшихъ въ бою съ большевиками, было казнено 770 казаковъ. Отчетъ «Особой комиссіи» полонъ описаніями потрясающихъ сценъ безчеловѣчной расправы. Вотъ, напримѣръ, станица Чамлыкская: «12 іюня партію казаковъ отвели къ кладбищенской оградѣ... перекололи всѣхъ штыками, штыками же, какъ вилами, перебрасывали тѣла въ могилу черезъ ограду. Были между брошенными и живые казаки, зарыли ихъ въ землю заживо. Зарывали казненныхъ казаки же, которыхъ выгоняли на работу оружіемъ. Когда зарывали изрубленнаго шашками казака Сѣденко, она застоналъ и сталъ просить напиться. Большевики предложили ему попить крови изъ свѣжихъ ранъ зарубленныхъ съ нимъ станичниковъ... Всего казнено въ Чамлыкской 185 казаковъ... Трупы ихъ по нѣсколько дней оставались незарытыми; свиньи и собаки растаскивали по полямъ казачье тѣло»...

---

* Нѣкоторые отдѣлы отвоевали право формированія чисто кубанскихъ частей, которыя и перешли къ намъ.

** «Особая комиссія по разслѣдованію злодѣяній большевиковъ».

*** Иногородними.

Съ Кубани шелъ стонъ, болѣзненно отзывавшійся въ сердцахъ кубанцевъ, находившихся въ рядахъ Добровольческой арміи. Тамъ ждали насъ со страстнымъ нетерпѣніемъ.

* * *

Въ «Черноморской республикѣ» не было крупныхъ силъ и серьезной военной организаціи. Когда начались возстанія у сѣверныхъ границъ губерніи, а съ юга — наступленіе грузинъ, «главнокомандующій черноморскими силами» Калнинъ* доносилъ Ц. И. К.: «сдержать бѣгство солдатъ невозможно. Ради Бога, высылайте людей»... Комитетъ просилъ помощи у флота и получилъ отказъ: черноморскій флотъ въ то время рѣшалъ на митингахъ вопросъ своего дальнѣйшаго существованія. Половина ушла въ Севастополь, въ подчиненіе нѣмцамъ, другая была затоплена на Новороссійскомъ рейдѣ. Это національное бѣдствіе имѣло только одно благопріятное для Добровольческой арміи послѣдствіе: красный Новороссійскъ и Черноморье остались беззащитными. Они должны были неизбѣжно раздѣлить участь Кубани.

* * *

Въ серединѣ мая, когда рѣшался планъ предстоящей операціи, не было еще ни поволжскаго, ни чехо-словацкаго движенія. Внѣшними факторами, обусловливавшими рѣшеніе политической стороны вопроса, были только нѣмцы, Красновъ и гибнущая Кубань.

Отъ того или иного рѣшенія вопроса зависѣла судьба арміи и всего добровольческаго движенія...

Конечная цѣль его не возбуждала ни въ комъ сомнѣній: выходъ на Москву, сверженіе совѣтской власти и освобожденіе Россіи. Разномысліе вызывали лишь пути, ведущіе къ осуществленію этой цѣли...

Я въ полномъ согласіи съ генераломъ Романовскимъ ставилъ ближайшей частной задачей арміи освобожденіе Задонья и Кубани.

Исходили мы изъ слѣдующихъ соображеній:

1. Немедленное движеніе на сѣверъ при условіи враждебности нѣмцевъ, которые могли сбросить насъ въ Волгу, при необходимости базированія исключительно на Донъ и Украйну, т. е. области прямой или косвенной нѣмецкой оккупаціи и при «нейтралитетѣ»—пусть даже вынужденномъ—донцовъ, могли поставить армію въ трагическое положеніе: съ сѣвера и юга — большевики, съ запада — нѣмцы, съ востока — Волга. Что касается перехода арміи за Волгу, то оставленіе въ пользу большевиковъ богатѣйшихъ средствъ Юга, отказъ отъ людскихъ контингентовъ, притекавшихъ съ Украйны, Крыма, Сѣвернаго Кавказа, словомъ, отказъ отъ поднятія противъ совѣтской власти Юга Россіи наряду съ Востокомъ — представлялся совершенно недопустимымъ. Онъ могъ явиться лишь результатомъ нашего пораженія въ борьбѣ съ большевиками или... нѣмцами.

2. Освобожденіе Задонья и Кубани обезпечивало весь южный 400-верстный фронтъ Донской области и давало намъ свободную отъ нѣмецкаго вліянія обезпеченную и богатую базу для движенія на сѣверъ; давало притокъ укомплектованій надежнымъ и воинственнымъ элементомъ; открывало пути къ Черному морю, обезпечивая близкую и прочную связь съ союзниками въ случаѣ ихъ побѣды; наконецъ, косвенно содѣйствовало освобожденію Терека.

3. Насъ связывало нравственное обязательство передъ кубанцами, которые шли подъ наши знамена не только подъ лозунгомъ спасенія Россіи, но и освобожденія Кубани... Невыполненіе даннаго слова имѣло бы два серьезныхъ послѣдствія: сильнѣйшее разстройство арміи, въ особенности ея конницы, изъ рядовъ которой ушло бы много кубанскихъ казаковъ, и оккупація Кубани нѣмцами. «Всѣ измучились — говорилъ ген.

---

* Позднѣе смѣнилъ Автономова.

Алексѣеву предсѣдатель кубанскаго правительства Бычъ — Кубань ждать больше не можетъ... Екатеринодарская интеллигенція обращаетъ взоры на нѣмцевъ. Казаки и интеллигенція обратятся и пригласятъ нѣмцевъ»... Таманскій отдѣлъ въ концѣ мая послѣ неудачнаго возстанія сдѣлалъ это фактически...

Ген. Алексѣевъ, по окончаніи Перваго похода, испытывалъ приступы глубокаго пессимизма. Въ его письмѣ отъ 10 мая Милюкову изложены мотивы такого настроенія: «1) армія доживаетъ послѣдніе гроши»; 2) «нѣмцы, ихъ скрытыя политическія цѣли и намѣренія»; 3) «личность (Донского) атамана, ген. Краснова, его дѣятельность въ октябрѣ 1917 года, его отношеніе къ Добровольческой арміи; 4) безпомощность Кубани, невозможность и безцѣльность повторенія туда похода при данной обстановкѣ, не рискуя погубить армію»...

Ген. Алексѣевъ мучился гамлетовскимъ вопросомъ: быть или не быть арміи и «куда намъ идти».

«На Кубани — гибель» — писалъ онъ... «На Кавказѣ — мало привлекательнаго и дѣлать нечего. Ген. Красновъ, беря начальственный тонъ по отношенію къ арміи, указываетъ ей путь — скорѣе берите Царицынъ, но Дроздовскаго я удержу въ Новочеркасскѣ до созданія регулярной Донской арміи. Цѣль — сунувъ насъ въ непосильное предпріятіе, на пути къ выполненію котораго мы можемъ столкнуться съ нѣмцами, избавиться отъ насъ на Дону»...

Тѣмъ не менѣе, не видя другого выхода, ген. Алексѣевъ присоединился къ нашему плану — движенія на Кубань.

15-го мая, по моему приглашенію, въ станицѣ Манычской состоялось совѣщаніе съ ген. Красновымъ, въ которомъ приняли участіе ген. Алексѣевъ, Кубанскій атаманъ Филимоновъ, ген. Богаевскій и другіе. «Тильзитъ» — какъ острили въ арміи. Совѣщаніе, имѣвшее кромѣ разрѣшенія насущныхъ вопросовъ еще и скрытую цѣль — сближенія съ донскимъ атаманомъ, не привело къ существеннымъ результатамъ; отъ начала до конца оно велось въ тонѣ весьма офиціальномъ и неискреннемъ.

Ген. Красновъ настаивалъ на немедленномъ движеніи Добровольческой арміи къ Царицыну, гдѣ «есть пушки, снаряды и деньги, гдѣ настроеніе всей Саратовской губерніи враждебно большевикамъ». Царицынъ долженъ былъ послужить въ дальнѣйшемъ нашей базой. Я, поддержанный ген. Алексѣевымъ и атаманомъ Филимоновымъ, изложилъ наши мотивы и настоялъ на своемъ планѣ. Второй вопросъ о полученіи съ Дона 6 милліоновъ рублей, слѣдовавшихъ арміи по разверсткѣ еще во время Каледина, вызвалъ неожиданный отвѣтъ Краснова:

— Хорошо. Донъ дастъ средства, но тогда Добровольческая армія должна подчиниться мнѣ.

Я отвѣтилъ:

— Добровольческая армія не нанимается на службу. Она выполняетъ обще-государственную задачу и не можетъ поэтому подчиниться мѣстной власти, надъ которой довлѣютъ областные интересы.

Прочіе менѣе важные вопросы прошли удовлетворительно, и мы разъѣхались, унося съ собой чувство полной неудовлетворенности.

Съ тѣхъ поръ въ письмахъ, рѣчахъ, обращеніяхъ къ ген. Алексѣеву и Эльснеру ген. Красновъ просилъ, скорбѣлъ, негодовалъ, призывая армію бросить Кубань и идти на Царицынъ. Онъ рисовалъ отчаянное положеніе нашей арміи, когда она, двинувшись на Кубань, неминуемо «попадетъ въ мѣшокъ между нѣмцами и большевиками»; обѣщалъ деньги, оружіе, боевые припасы въ случаѣ рѣшенія моего идти на Царицынъ, гдѣ «Добровольческая армія пріобрѣтетъ возможность войти въ связь съ Дутовымъ или... переправиться на тотъ берегъ Волги»... Какимъ образомъ нѣмцы могли допустить снабженіе Добровольческой арміи, присоединившейся къ Восточному — противонѣмецкому фронту, я не могъ понять. Изъ всѣхъ своихъ многочисленныхъ бесѣдъ съ Красновымъ Эльснеръ вынесъ весьма неопредѣленное впечатлѣніе: «каковы тайныя цѣли, которыми руководится Красновъ?.. Можетъ быть онъ искренне желаетъ оберечь Добровольческую армію отъ того тяжелаго положенія, въ которое она можетъ стать, столкнувшись съ нѣмцами. Можетъ быть... ввиду худшаго положенія на Царицынскомъ

фронтѣ, Красновъ, хотя и увѣряетъ, что можетъ взять Царицынъ собственными силами, хочетъ все же привлечь помощь арміи въ этомъ направленіи... Можетъ быть, предлагая Царицынъ за освобожденіе области отъ большевиковъ, Красновъ хочетъ избавиться одновременно и отъ Добровольческой арміи, которая причиняетъ ему все же много безпокойства и волненій»*...

Вначалѣ ген. Алексѣевъ, переѣхавшій въ концѣ мая въ Новочеркасскъ, отстаивалъ твердо наше рѣшеніе. По поводу нареканій Краснова онъ писалъ мнѣ 5 іюня: «мы должны сохранить за собою полную свободу дѣйствій, не смущаясь ничьимъ неудовольствіемъ». Но уже къ концу іюня, подъ вліяніемъ новочеркасскихъ настроеній и, главнымъ образомъ, призрака германской опасности, М. В. все чаще сталъ напоминать мнѣ о Волгѣ. Письмо его отъ 30 іюня дышало вновь глубокимъ пессимизмомъ: «углубленіе наше на Кубань можетъ повести къ гибели... Обстановка зоветъ насъ на Волгу... Центръ тяжести событій, рѣшающихъ судьбы Россіи, перемѣщается на востокъ. Мы не должны опоздать въ выборѣ минуты для оставленія Кубани и появленія на главномъ театрѣ».

Я къ этому времени взялъ уже Тихорѣцкую и не могъ, конечно, бросить на полъпути операцію, стоившую много крови и развивавшуюся съ такимъ успѣхомъ.

Прошелъ мѣсяцъ и подъ вліяніемъ развертывавшихся событій ген. Алексѣевъ вернулся къ прежней своей оцѣнкѣ положенія: «уничтоженіе большевиковъ на Кубани — писалъ онъ ген. Щербачеву** — обезпеченіе лѣваго фланга общаго стратегическаго фронта, сохраненіе за Россіей тѣхъ богатствъ, которыми обладаютъ Донъ и Кубань, столь необходимыхъ Германіи для продолженія войны, являются составной единицей общей стратегической задачи на Восточномъ фронтѣ, и Добровольческая армія уже въ настоящую минуту выполняетъ существенную часть этой общей задачи».

Пройдетъ еще два-три мѣсяца и мы уже въ нѣкоторой перспективѣ будемъ въ состояніи оцѣнить пройденный путь... Мы узнаемъ о томъ, что готовилъ намъ на Волгѣ «дополнительный договоръ» нѣмцевъ съ большевиками; услышимъ, что подъемъ въ населеніи Поволжья угасъ такъ же быстро, какъ и возникъ; что тамъ намъ предстояли бы еще болѣе сложныя отношенія съ черновскимъ «Комучемъ». Увидимъ, что на Югѣ открывается близкій свободный путь къ Черному морю и къ побѣдоноснымъ союзникамъ, а армія растетъ на Кубани непрерывно въ числѣ и силѣ.

* * *

Итакъ — на Кубань!

Стратегически планъ операціи заключался въ слѣдующемъ: овладѣть Торговой, прервавъ тѣмъ желѣзнодорожное сообщеніе Сѣвернаго Кавказа съ центральной Россіей; прикрывъ затѣмъ себя со стороны Царицына, повернуть на Тихорѣцкую. По овладѣніи этимъ важнымъ узломъ сѣверо-кавказскихъ дорогъ, обезпечивъ операцію съ сѣвера и юга захватомъ Кущевки и Кавказской, продолжать движеніе на Екатеринодаръ для овладѣнія этимъ военнымъ и политическимъ центромъ области и всего Сѣвернаго Кавказа.

Для прикрытія со стороны группы Сорокина я оставилъ только одинъ полкъ и два орудія ген. Покровскаго, который долженъ былъ объединить командованіе и надъ ополченіями задонскихъ станицъ.

Этотъ планъ былъ проведенъ до конца, не взирая на противодѣйствіе вражеской силы и стороннихъ вліяній.

Насъ было мало: 8—9 тысячъ противъ 80—100 тысячъ большевиковъ. Но за нами было военное искусство... Въ арміи былъ порывъ, сознаніе правоты своего дѣла, увѣренность въ своей силѣ и надежда на будущее.

С.-д. Данъ разсказываетъ, какъ лѣтомъ 19 года гдѣ-то на Уралѣ, живя возлѣ красноармейскаго лагеря, онъ слышалъ съ утра до вечера солдатскую пѣсню, распѣваемую большевицкими полками, перефразировавшими на совѣтско-патріотическій ладъ ея слова. Какъ толпа дезертировъ, окруженныхъ конвоемъ, оглушала улицы города все той же пѣснью:

---

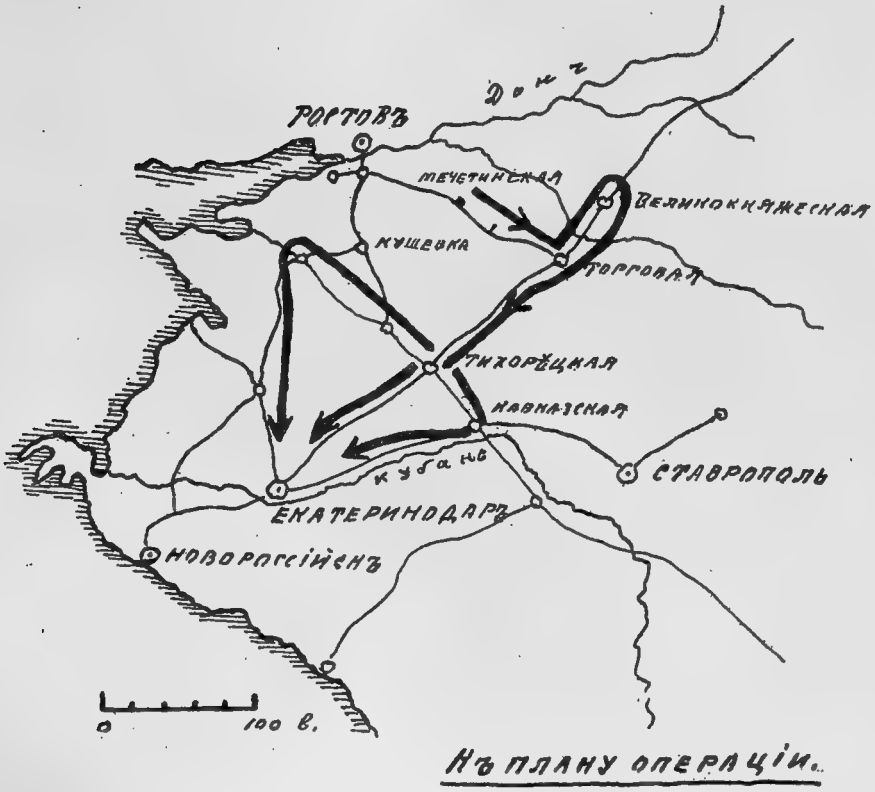
* Разговоръ между Красновымъ и Эльснеромъ 15 іюня. Отчетъ № 228.
** Отъ 31 іюля.

Смѣло мы въ бой пойдемъ
За власть совѣтовъ
И съ радостью умремъ
Мы за все это.

«Такъ умѣла казенщина — заключаетъ Данъ — опошлить все, въ чемъ когда то сказывался порывъ наивнаго, но несомнѣнно искренняго энтузіазма(?)».

Въ Добровольческой арміи умирали не... «за все это»... Тамъ пѣли пѣсню по старому:

Смѣло мы въ бой пойдемъ
За Русь святую
И съ радостью умремъ
За дорогую.



Къ плану операціи.

И это была не фраза, а искренній обѣтъ, запечатлѣнный сознательнымъ подвигомъ, для многихъ кровью и смертью.

Было еще одно обстоятельство:

«Наша стратегія вполнѣ согласовалась съ качествами молодой арміи, болѣе способной на увлеченіе, чѣмъ на требующія терпѣнія и выдержки медленныя движенія, могущей закалиться только побѣдами, побѣждающей только при нападеніи и одерживающей верхъ только въ силу порыва»...

Эти слова принадлежатъ историку Сорелю* и относятся къ французской революціонной арміи временъ Конвента. Но они съ величайшей точностью воспроизводятъ боевой обликъ и арміи Добровольческой.

* * *

9—10 іюня 1918 г. армія выступила во Второй Кубанскій походъ.

---

* Сорель. «Европа и Французская революція».

ГЛАВА XXI.

Взятіе Торговой. Смерть генерала Маркова.

На 12 іюня назначена была атака станціи Торговой.

Еще 9-го началось расхожденіе дивизій на широкомъ фронтѣ, причемъ конница Эрдели и дивизія Маркова съ донскими частями Быкадорова должны были наканунѣ (11-го) выйти къ линіи жел. дороги Тихорѣцкая—Царицынъ, очищая свои раіоны отъ мелкихъ партій большевиковъ, отвлекая ихъ вниманіе и 12-го завершая окруженіе Торговой; двѣ сильныхъ колонны — Дроздовскаго и Боровскаго — направлены были съ возможною скрытностью вдоль линіи жел. дороги Батайскъ — Торговая и берегомъ р. Средняго Егорлыка для непосредственнаго удара на Торговую. Дивизія Боровскаго составляла вначалѣ мой общій резервъ.

Въ этомъ походѣ армія, не взирая на свою малочисленность, двигалась все время широкимъ фронтомъ для очистки раіона отъ мелкихъ бандъ, для прикрытія жел.-дорожнаго сообщенія и обезпеченія главнаго направленія отъ удара мелкихъ отрядовъ и ополченій, разбросанныхъ по краю.

10-го іюня послѣ упорнаго боя ген. Эрдели овладѣлъ с. Лежанкой; часть красноармейцевъ была изрублена, другая взята въ плѣнъ, остальные бѣжали на югъ. 11-го конница съ такимъ же успѣхомъ овладѣла с. Богородицкимъ, выславъ въ тотъ же день разъѣзды для порчи и перерыва жел.-дор. пути отъ Тихорѣцкой.

Я со штабомъ шелъ при колоннѣ Боровскаго и заночевалъ въ с. Лопанскомъ. На разсвѣтѣ 12-го видѣлъ бой колонны. Побывалъ въ штабѣ Боровскаго, въ цѣпяхъ Кутепова*, ворвавшихся въ с. Крученобалковское, и съ большимъ удовлетвореніемъ убѣдился, что духъ, закаленный въ первомъ походѣ, живетъ и въ начальникахъ, и въ добровольцахъ.

Около 7 часовъ утра, разбивъ большевиковъ у Крученой балки, Боровскій преслѣдовалъ ихъ передовыми частями въ направленіи Торговой, давъ отдыхъ главнымъ силамъ.

Со стороны Торговой, которую должна была атаковать колонна Дроздовскаго на разсвѣтѣ, слышенъ былъ только рѣдкій артиллерійскій огонь. Мы съ Романовскимъ, нѣсколькими офицерами и казаками, перейдя рѣчку, поскакали къ его колоннѣ.

Дроздовскій, сдѣлавъ ночной переходъ, съ разсвѣтомъ развернулся съ запада противъ Торговой и велъ методическое наступленіе, примѣняя тактику большой войны... Въ тотъ моментъ, когда мы въѣхали въ хуторъ Кузнецова, части Дроздовскаго подготовлялись тамъ къ переправѣ черезъ р. Егорлыкъ. Большевики отъ Торговой обстрѣливали насъ рѣдкимъ артиллерійскимъ огнемъ; съ противоположнаго берега и хутора Шавліева шелъ ружейный и пулеметный огонь; туда, стоя открыто въ разстояніи 150 шаговъ, стрѣляло картечью наше орудіе...

Прошло уже болѣе пяти лѣтъ съ того дня, когда я первый разъ увидѣлъ дроздовцевъ въ бою, но я помню живо каждую деталь. Ихъ хмураго, нервнаго, озабоченнаго начальника дивизіи... Суетливо, какъ насѣдка, собиравшаго своихъ офицеровъ и бродившаго

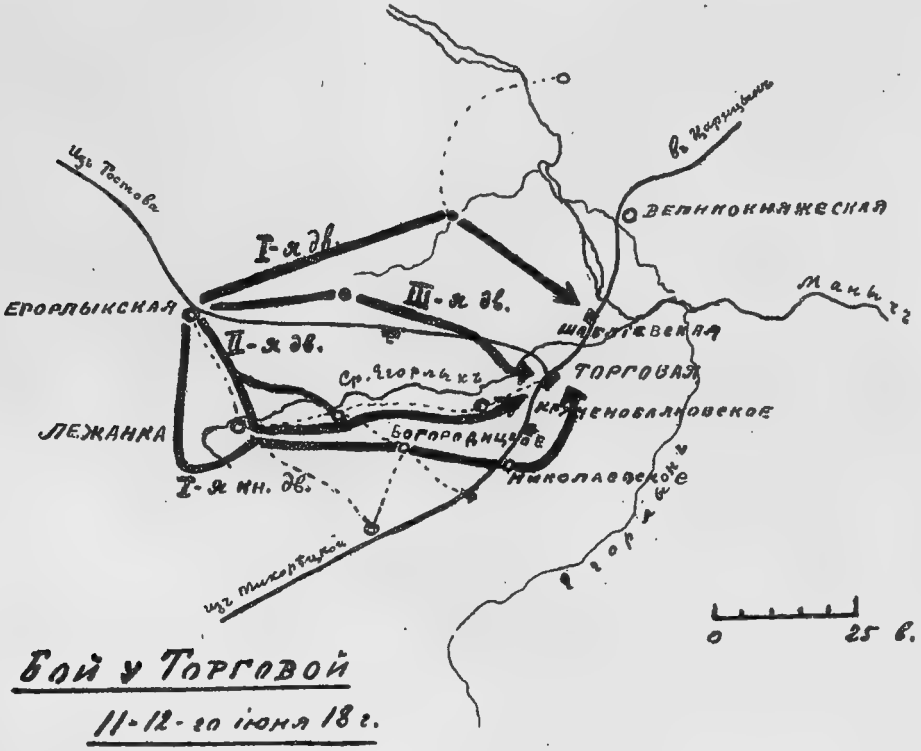
---

* Полковникъ Кутеповъ командовалъ бригадой во 2-й дивизіи.

Группа уцѣлѣвшихъ «старыхъ Дроздовцевъ»

прихрамывая (старая рана) подъ огнемъ по открытому полю Жебрака... Перераненныхъ артиллеристовъ, продолжавшихъ огонь изъ орудія, съ изрѣшеченнымъ пулями щитомъ... И бросившуюся на глазахъ командующаго черезъ рѣчку вбродъ роту — во главѣ со своимъ командиромъ штабсъ-капитаномъ Туркуломъ — со смѣхомъ, шутками и криками «ура»...

Хуторъ Шавліевъ былъ взятъ и дивизія стала переходить черезъ Егорлыкъ и развертываться противъ Торговой, откуда изъ длинныхъ линій окоповъ была встрѣчена огнемъ. Дроздовскій долго перестраивалъ боевой порядокъ; темпъ боя сильно замедлялся. Между тѣмъ, со стороны Крученой балки по всему полю, насколько видно было глазу, текли въ полномъ безпорядкѣ толпы людей, повозокъ, артиллеріи — спасавшихся



Бой у Торговой

11-12-го іюня 18 г.

отъ Боровскаго. Я послалъ приказаніе всей колоннѣ послѣдняго продолжать немедля наступленіе на Торговую.

Около 2 часовъ дня началъ подходить Корниловскій полкъ, и дроздовцы вмѣстѣ съ нимъ двинулись въ атаку, имѣя въ своихъ цѣпяхъ Дроздовскаго и Жебрака.

Торговая была взята; захвачено три орудія, много пулеметовъ, плѣнныхъ и большіе интендантскіе запасы. На жел.-дор. станціи, гдѣ расположился мой штабъ, тотчасъ по ея занятіи, дроздовцы установили уже пулеметъ на дрезину и погнались за уходившими эшелонами большевиковъ; другіе мастерили самодѣльный «броневой поѣздъ» изъ платформъ съ уложенными на нихъ мѣшками съ землей и ставили орудіе и пулеметы. Вечеромъ «Первый бронепоѣздъ» (!) Добровольческой арміи двинулся къ станціи Шабліевской.

Въ этотъ же день ген. Эрдели съ кубанскими казаками захватилъ съ бою с. Николаевское, станцію Крученскую и, оставивъ тамъ полкъ для прикрытія со стороны Тихорѣцкой, двинулся къ Торговой. Казаки и черкесы прошли за три дня 110 верстъ съ нѣсколькими боями; уставшія лошади еле двигались. Тѣмъ не менѣе, Эрдели къ вечеру подошелъ къ Торговой, успѣвъ перехватить большевикамъ юго-восточные пути отступленія, и въ происшедшей тамъ конной атакѣ казаки многихъ изрубили, болѣе 600 взяли въ плѣнъ.

12 іюня возсозданная Добровольческая армія одержала свой первый крупный успѣхъ. Съ 12 іюня въ теченіе 20 мѣсяцевъ Сѣверный Кавказъ былъ отрѣзанъ отъ центральной Россіи, а центръ страны отъ всероссійскихъ житницъ — Кубанской области и Ставропольской губерніи и отъ грозненской нефти*. Это обстоятельство несомнѣнно подрывало экономическій базисъ совѣтской власти, но въ силу роковыхъ переплетеній интересовъ не могло не отозваться на общемъ состояніи народнаго хозяйства. Утѣшала меня надежда, что такое положеніе недолговѣчно, и что штыками своими Добровольческая армія принесетъ вскорѣ сѣверу освобожденіе, а вмѣстѣ съ нимъ хлѣбъ, уголь и нефть.

Мечты!..

* * *

Спускалась уже ночь, замирали послѣдніе отзвуки артиллерійской стрѣльбы гдѣто на сѣверѣ, а отъ колонны Маркова не было никакихъ извѣстій. Наконецъ, пришло донесеніе.

— «Станція Шабліевская взята»...

«Генералъ Марковъ смертельно раненъ»...

. . . . . .

11 іюня Марковъ очистилъ отъ мелкихъ большевицкихъ бандъ раіонъ между Юлой и Манычемъ и приступилъ къ операціи противъ Шабліевки. Станція оказалась занятой сильнымъ отрядомъ съ артиллеріей и бронепоѣздами. Взять ее въ этотъ день не удалось. Весь день 12-го продолжался тяжелый и упорный бой, вызвавшій серьезныя потери, и только къ вечеру, очевидно въ связи съ общей обстановкой, большевики начали отступать. Уходили и бронепоѣзда, посылая послѣдніе, прощальные снаряды по направленію къ брошенной станціи. Однимъ изъ нихъ вблизи отъ Маркова былъ тяжело раненъ капитанъ Дурасовъ... Другой выстрѣлъ — предпослѣдній — былъ роковымъ. Марковъ, обливаясь кровью, упалъ на землю. Перенесенный въ избу, онъ мучился недолго, приходя иногда въ сознаніе и прощаясь трогательно со своими офицерами-друзьями, онѣмѣвшими отъ горя.

Сказалъ:

— Вы умирали за меня, теперь я умираю за васъ...

На утро 1-й Кубанскій стрѣлковый полкъ провожалъ останки своего незабвеннаго начальника дивизіи. Раздалась команда — «слушай на краулъ!»... Въ первый разъ полкъ такъ небрежно отдавалъ честь своему генералу: ружья валились изъ рукъ, штыки колыхались; офицеры и казаки плакали навзрыдъ...

Къ вечеру тѣло привезли въ Торговую. Послѣ краткой литіи гробъ на рукахъ понесли мы въ Вознесенскую церковь сквозь строй добровольческихъ дивизій. Въ сумракѣ, среди тишины, спустившейся на село, тихо подвигалась длинная колонна. Надъ гробомъ рѣялъ черный съ крестомъ флагъ, его флагъ, мелькавшій такъ часто въ самыхъ опасныхъ мѣстахъ боя...

Послѣ отпѣванія я отошелъ въ уголъ темнаго храма, подальше отъ людей и отдался своему горю.

Уходятъ, уходятъ одинъ за другимъ, а путь еще такой длинный, такой тяжелый...

Вспомнились послѣдніе годы — Галиція, Волынь, Ставка, Бердичевъ, Быховъ, Первый Кубанскій походъ... Столько острыхъ, тяжкихъ и радостныхъ дней, пережитыхъ вмѣстѣ и сроднившихъ меня съ Марковымъ... Но не только потерянъ другъ. Въ арміи, въ ея духовной жизни, въ пафосѣ героическаго служенія образовалась глубокая брешь. Сколько предположеній и надеждъ связывалось съ его именемъ. Сколько разъ потомъ, въ поискахъ человѣка на фонѣ жуткаго безлюдья, мы съ Иваномъ Павловичемъ, точно угадывая мысли другъ друга, говорили со скорбью:

— Нѣтъ Маркова...

---

* Въ раіонѣ Кизлярскаго и Петровскаго участковъ Владикавказской жел. дороги царила анархія и велась борьба между терцами, горцами и большевиками.

Генералъ Марковъ въ гробу

Похороны ген. Маркова (Новочеркасскъ)

Въ ту же ночь два грузовика со взводомъ вѣрныхъ соратниковъ, съ пулеметами по бортамъ везли дорогую кладь по манычской степи, еще кишѣвшей бродячими партіями большевиковъ, въ Новочеркасскъ. Тамъ — осиротѣлая семья покойнаго — мать, жена и дѣти, тамъ «его» полкъ и десятки тысячъ народа отдали послѣдній долгъ праху героя, который когда-то училъ своихъ офицеровъ:

— Легко быть честнымъ и храбрымъ, когда созналъ, что лучше смерть, чѣмъ рабство въ униженной и оскорбленной Россіи...

* * *

13-го іюня я отдалъ приказъ по арміи:

§ 1.

«Русская армія понесла тяжелую утрату: 12 іюня при взятіи станціи Шабліевки палъ смертельно раненый генералъ С. Л. Марковъ.

Рыцарь, герой, патріотъ, съ горячимъ сердцемъ и мятежной душой онъ не жилъ, а горѣлъ любовью къ Родинѣ и браннымъ подвигамъ.

Желѣзные стрѣлки чтутъ подвиги его подъ Творильней, Журавинымъ, Борыньей, Перемышлемъ, Луцкомъ, Чарторійскомъ... Добровольческая армія никогда не забудетъ горячо любимаго генерала, водившаго въ бой ея части подъ Екатеринодаромъ, въ Ледяномъ походѣ, у Медвѣдовской...

Въ непрестанныхъ бояхъ, въ двухъ кампаніяхъ, вражеская пуля щадила его. Слѣпой судьбѣ угодно было, чтобы великій русскій патріотъ палъ отъ братоубійственной русской руки...

Вѣчная память со славою павшему...

§ 2.

Для увѣковѣченія памяти перваго командира 1-го Офицерскаго полка, части этой впредь именоваться — «1-й Офицерскій генерала Маркова полкъ».

ГЛАВА XXII.

Походъ и бои отъ Великокняжеской до Бѣлой глины.

Для обезпеченія дальнѣйшей операціи противъ Тихорѣцкой со стороны Царицына и для содѣйствія Дону по освобожденію Сальскаго округа я двинулъ армію на Великокняжескую.

2-я дивизія Боровскаго осталась въ Торговой, имѣя два конныхъ полка у Александровскаго и Николаевскаго, фронтомъ въ сторону Тихорѣцкой. Остальныя силы въ ночь на 15 іюня заняли исходное положеніе на лѣвомъ берегу Маныча, съ тѣмъ, чтобы атаковать Великокняжескую на слѣдующее утро.

Правый берегъ Маныча занимали отряды красныхъ, усилившіеся значительно частями, отступившими въ послѣдніе дни отъ Торговой и Шабліевки — всего до 12 тысячъ, причемъ въ раіонѣ Великокняжеской изъ этого числа было около 6 тысячъ съ двумя бронепоѣздами и нѣсколькими батареями.

Въ направленіи жел.-дорожнаго моста двинутъ былъ Дроздовскій; сѣвернѣе его, на двѣ переправы смѣнившій временно покойнаго Маркова Кутеповъ*, которому, вмѣстѣ съ подчиненными ему донцами, надлежало атаковать Великокняжескую съ сѣверо-запада; еще лѣвѣе его долженъ былъ наступать донской отрядъ Карѣева. На правомъ крылѣ шелъ Эрдели черезъ переправу у Ново-Манычской для охвата Великокняжеской съ востока.

Утромъ 15-го начался бой. Я шелъ опять съ дивизіей Дроздовскаго, желая на первыхъ порахъ присмотрѣться къ ней и придать болѣе быстрый темпъ и болѣе широкій размахъ развитію боя: методизмъ европейской войны потерпѣлъ значительныя измѣненія въ добровольческомъ опытѣ войны гражданской.

Часть силъ Дроздовскаго развернулась противъ жел.-дорожнаго моста, часть пошла правѣе, найдя въ укрытомъ мѣстѣ бродъ по горло черезъ два рукава рѣчки и маленькую рыбачью лодку; подъ руководствомъ Жебрака одна рота стала переправляться.

Гремѣла большевицкая артиллерія, сосредоточивъ свой огонь преимущественно на полустанкѣ, возлѣ котораго дымилъ нашъ знаменитый «Первый бронепоѣздъ». Временами онъ подходилъ къ самому мосту, обстрѣливая въ упоръ большевицкія цѣпи.

Переправа длилась очень долго. Я приказалъ «надавить». Дроздовскій поднялъ боевой порядокъ и двинулъ противъ моста; батарея, обогнавъ пѣхотныя цѣпи, подскакала къ самому берегу, снялась открыто и стала поливать непріятельскія цѣпи шрапнелью. Огонь съ того берега ослабѣлъ. Вскорѣ отъ Великокняжеской показался паровозъ съ большимъ бѣлымъ флагомъ, издавая непрерывный свистъ...

— Очевидно парламентеры, — слышится въ рядахъ.

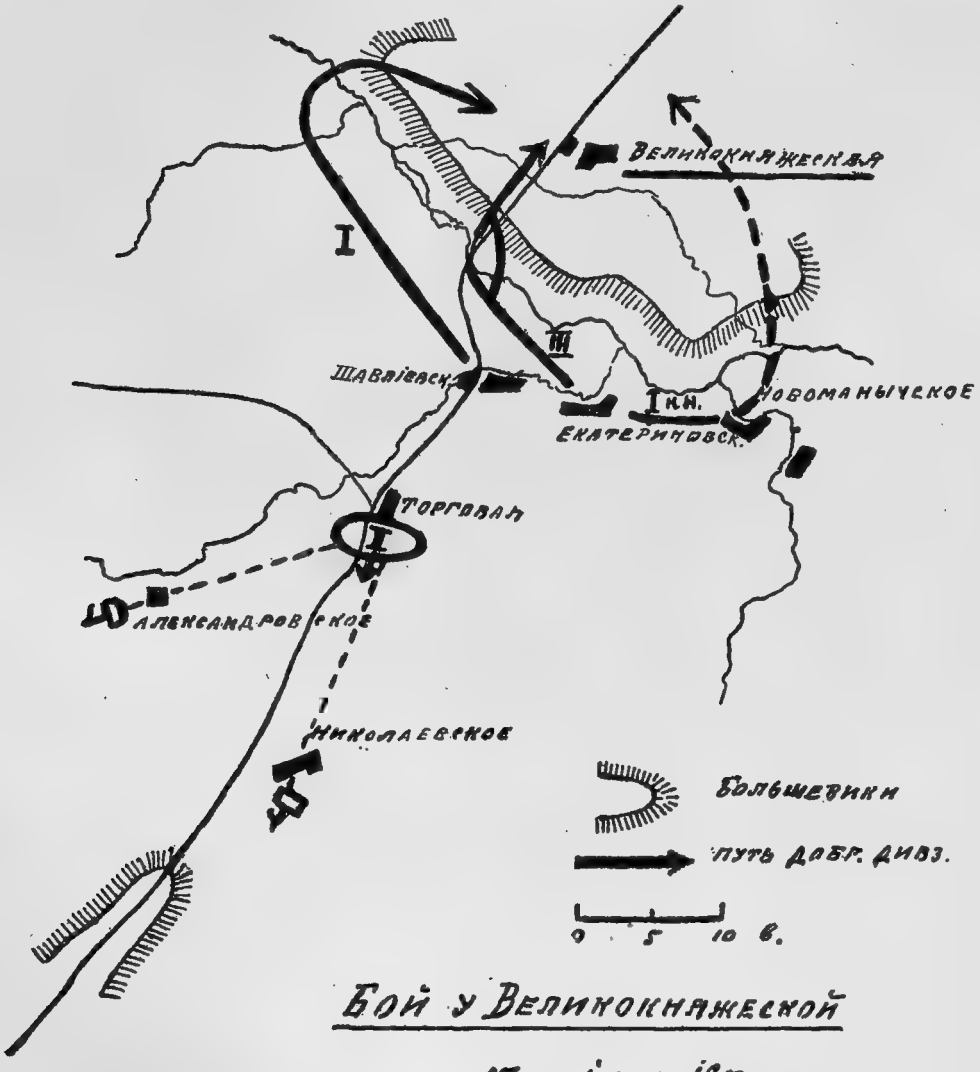
Но паровозъ летѣлъ, не сбавляя хода, и нашъ «бронепоѣздъ» лишь въ послѣднюю минуту догадался дать почти въ упоръ два-три выстрѣла, разбившихъ паровозъ, успѣвшій, однако, ударить по передней платформѣ «бронепоѣзда» и сильно покалѣчить

---

* 1-я дивизія предназначалась ген. Казановичу, который долженъ былъ вскорѣ вернуться изъ Москвы, гдѣ онъ находился въ секретной командировкѣ.

нѣсколькихъ человѣкъ. Паровозъ оказался безъ людей, облитый нефтью, съ бомбами, привязанными на буферахъ. Этотъ эпизодъ на нѣсколько минутъ овладѣлъ вниманіемъ всего поля боя: враги какъ будто забыли другъ про друга...

Опять поднялись цѣпи 2-го Офицерскаго полка и пошли впередъ безостановочно. Внушительная картина стройнаго наступленія и на насъ даже произвела впечатлѣніе; большевики замѣтно зашевелились въ длинныхъ побережныхъ окопахъ, а когда появи-



Бой у Великокняжеской

15-го іюня 18г.

лись на томъ берегу первые дозоры отъ переправившейся въ бродъ нашей роты, все хлынуло въ безпорядкѣ къ Великокняжеской; артиллерія и переправившіяся цѣпи преслѣдовали противника огнемъ.

На лѣвомъ флангѣ цѣпи большевиковъ еще держались, когда роты дроздовцевъ въ колоннахъ, подъ огнемъ бросились къ желѣзнодорожному мосту и заняли его. Мы перешли на тотъ берегъ съ головной ротой; артиллерійскій взводъ, обгоняя пѣхоту, ушелъ далеко впередъ; на рысяхъ проходилъ конный полкъ...

Картина отступленія была полная. Влѣво, далеко на горизонтѣ показались также бѣгущія толпы, за ними какія то конныя лавы — какъ оказалось — донскія сотни изъ

колонны Кутепова, который, отбросивъ большевиковъ отъ сѣверныхъ переправъ, шелъ на перерѣзъ къ Великокняжеской.

Дроздовскій послѣ переправы сталъ собирать свои части и развертывать вновь боевой порядокъ. Но надобности въ этомъ уже не было — большевики уходили безостановочно. Подполковникъ Ряснянскій съ командой развѣдчиковъ, за нимъ штабъ арміи съ конвоемъ и 2-й конный полкъ поскакали къ станицѣ. Черезъ нѣсколько минутъ мы входили уже въ вымершую окраину ея; конники преслѣдовали противника, мы расположились въ одномъ изъ станціонныхъ зданій.

Потери наши были ничтожны.

Къ сожалѣнію, окруженія не вышло: Эрдели, встрѣтивъ упорное сопротивленіе у с. Ново-Манычскаго со стороны отряда Думенко, безъ артиллерійской поддержки — горныя орудія къ несчастью испортились — черезъ Манычъ не переправился. Манычская груша противника была опрокинута, но не разбита. И долго еще потомъ въ Ставропольской губерніи висѣла она на флангѣ арміи, отвлекая съ главнаго направленія наши силы для противодѣйствія.

* * *

На царицынскомъ направленіи наша задача была окончена. Въ самой Великокняжеской сосредоточилось до 2½ тысячъ донцовъ; донскіе отряды продолжали сами очищеніе Сальскаго округа, продвинувшись затѣмъ верстъ на 80, къ станціи Зимовники. Только гнѣздо мѣстныхъ большевиковъ — слобода Мартыновка — держалось еще цѣлыхъ пять недѣль, осажденное со всѣхъ сторонъ донскимъ ополченіемъ.

Давъ войскамъ отдыхъ и передавъ раіонъ донскому командованію, 17 іюня я повернулъ армію къ Торговой, чтобы приступить къ операціи по овладѣнію Тихорѣцкой.

Спѣшить было тѣмъ болѣе необходимо, что съ 18-го началось сильнѣйшее давленіе со стороны войскъ Сорокина на слабый нашъ заслонъ по линіи Кагальницкая — Егорлыкская, угрожая тѣмъ нашимъ сообщеніямъ съ Дономъ.

Очевидно, во исполненіе общей директивы начиналось наступленіе большевиковъ по всему фронту: на с. Лежанку шелъ полкъ конницы отъ ст. Плоской; вдоль желѣзной дороги изъ Песчанокопскаго наступала сборная колонна оправившихся послѣ пораженія и усиленныхъ мобилизаціей частей силою до 6—8 тысячъ; въ раіонѣ Сандата—Башанта—Ивановское собирались большіе отряды, частью вернувшіеся изъ за Маныча, частью пришедшіе изъ Медвѣжьяго и окрестныхъ селъ; они атаковали Эрдели у Ново-Егорлыкскаго, но были отбиты.

Обезпечивъ Торговую однимъ полкомъ конницы, къ утру 19-го я приказалъ арміи выйти на линію Богородицкое (Боровскій) — Развильное (Дроздовскій) — Ивановское (Эрдели, съ подчиненіемъ ему частей Кутепова), съ цѣлью на слѣдующій день атаковать Песчанокопское.

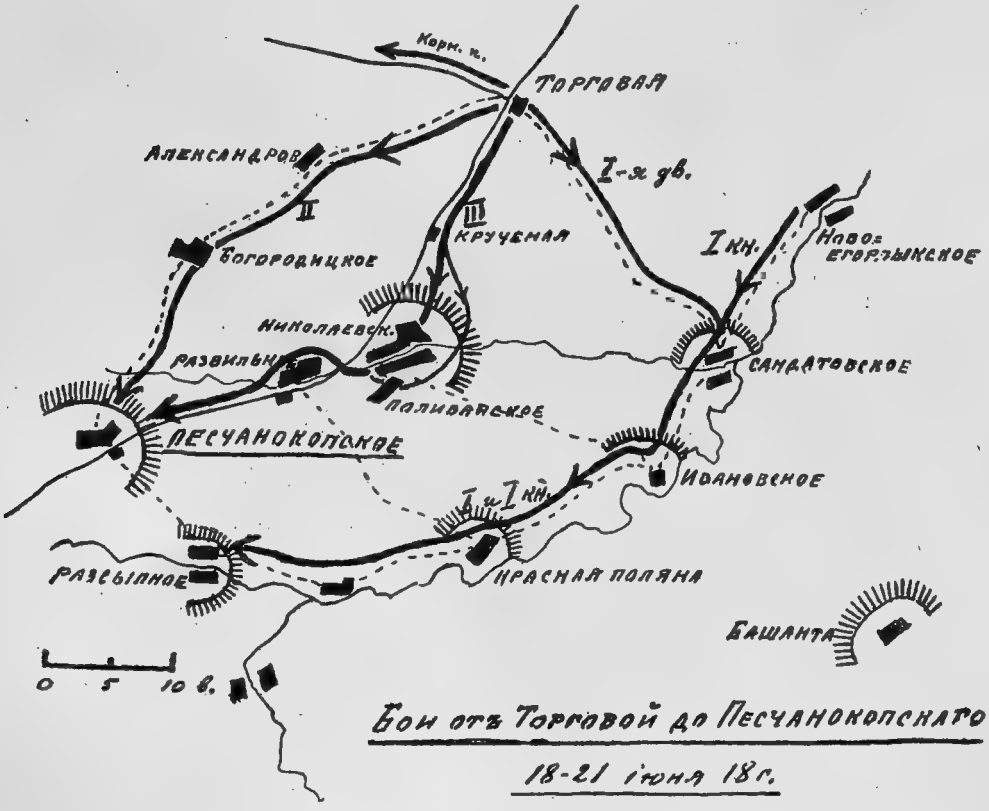
Это движеніе привело къ упорному бою колонны Дроздовскаго за с. Николаевское, которое въ ночь на 19-е оказалось въ рукахъ большевиковъ, выбившихъ оттуда нашъ конный заслонъ. Бой этотъ продолжался весь день и стоилъ дроздовцамъ потерь около 120 человѣкъ. На моихъ глазахъ проходили эпизоды, глубоко волнующіе и трогательные: атака пѣхоты — 2-го Офицерскаго полка по открытому ровному полю, подъ ураганнымъ огнемъ большевиковъ... Неравное единоборство нашего деревяннаго «бронепоѣзда» съ двумя настоящими бронепоѣздами красныхъ... Съ разбитымъ бомбой паровозомъ, убитымъ машинистомъ и перераненными офицерами, весь въ пламени онъ возвращался тихо къ станціи Крученой. За нимъ шли бронепоѣзда большевиковъ. Вдругъ изъ за насыпи неожиданно раздались по нимъ залпы роты дроздовцевъ, нанесшіе серьезныя потери растерявшейся командѣ головного бронепоѣзда... Оба дали задній ходъ и, преслѣдуемые ротой, быстро уходили изъ глазъ...

Къ 3—4 часамъ пополудни послѣ боя на деревенскихъ улицахъ дивизія овладѣла Николаевскимъ и Поливянскимъ и вышла на западную окраину; проведшія ночь безъ сна, истомленныя и голодныя войска залегли тутъ же на привалъ. День клонился къ вечеру. Развильное — цѣль сегодняшняго дня — еще въ семи верстахъ; противникъ

можетъ устроиться и вновь оказать сопротивленіе... Я со штабомъ проѣхалъ цѣпи и двинулся въ направленіи Развильнаго. Попали подъ ружейный огонь. Остановились. Но пѣхота, увидѣвъ впереди флагъ командующаго, поднялась и двинулась впередъ. Въ то же время Дроздовскій лично повелъ пересоставленный «бронепоѣздъ» къ станціи Развильной...

Село и станцію заняли безъ сопротивленія. Большевики уходили поспѣшно, и только подъ утро мы узнали причину:

Боровскій занялъ съ утра Богородицкое и выдвинулъ авангардъ къ Песчанокопскому; авангардъ къ ночи послѣ краткаго боя ворвался въ Песчанокопское, оказавшись въ глубокомъ тылу у противника.



Бои отъ Торговой до Песчанокопскаго

18-21 іюня 18 г.

Колонна Эрдели продвигалась также успѣшно впередъ: полковникъ Кутеповъ выбилъ послѣдовательно большевиковъ изъ Сандатовскаго и Ивановскаго, а 3-й Кубанскій полкъ, при содѣйствіи броневика «Вѣрный», преслѣдуя бѣгущихъ, захватилъ орудіе и пулеметы и гналъ большевиковъ до Красной Поляны; при этой лихой атакѣ понесена была тяжелая потеря: палъ, сраженный пулей, командиръ полка, полковникъ Шкуратовъ...

* * *

Утромъ 20 іюня дивизіи Дроздовскаго приказано было продолжать движеніе на Песчанокопское, Эрдели — занять Разсыпное.

Въ Песчанокопскомъ обстановка между тѣмъ измѣнилась: слабый авангардъ Боровскаго былъ выбитъ изъ села отошедшими туда съ сѣверо-востока отрядами и возставшими жителями: Песчанокопское и Бѣлая Глина — многолюдныя богатѣйшія села (мѣстечки) тихорѣцкой линіи, привлекавшія агитаторовъ, пропаганду и всякіе буйные элементы, считались очагами большевизма, наиболѣе враждебными Добровольческой арміи.

Къ Песчанокопскому подтянулись большевицкія силы со всѣхъ сторонъ, устраивались, приводились въ порядокъ. Съ утра 20-го Боровскій велъ на село наступленіе всей своей колонной отъ Богородицкаго и не имѣлъ успѣха; разстрѣлявъ послѣдніе свои патроны и снаряды, колонна его пополудни залегла ввиду Песчанокопскаго.

Колонна Дроздовскаго медлила выступленіемъ — отъ измора людей и отсутствія подводъ*. Я поднялъ дивизію по тревогѣ. Конница и артиллерія двинулись походомъ, пѣхота — поѣздомъ верстъ восемь, пока шедшій впереди нашъ «бронепоѣздъ», опять сильно пострадавшій въ этотъ день, не вступилъ въ бой съ бронепоѣздами противника.

Уже передъ закатомъ обѣ дивизіи (2-я и 3-я) съ сѣвера и востока атаковали село. Конница Дроздовскаго ворвалась было въ село, но была выбита. Шелъ немолчный гулъ орудій и ружейная трескотня; слѣва, словно отдаленное эхо, имъ вторила канонада: то колонна Эрдели вела бой въ 12 верстахъ отъ насъ у Разсыпного, которое Эрдели, разбивъ большевиковъ, занялъ къ ночи.

Около 8 часовъ вечера дроздовцы ворвались въ восточную часть села, части Боровскаго въ сѣверную. Большевики уходили въ безпорядкѣ на Бѣлую Глину; отдѣльныя части, отряды ихъ, блуждая въ темнотѣ, попадали въ руки добровольцевъ и были уничтожаемы.

Бой въ этотъ день отличался большой ожесточенностью.

Мы въѣзжали въ полной темнотѣ. Село совершенно вымерло: большинство жителей бѣжало вмѣстѣ съ отступавшими большевиками. Ихъ гнали безумный страхъ передъ добровольцами... боязнь мести. Во время Перваго Кубанскаго похода, когда армія возвращалась на Донъ, часть тяжело раненыхъ добровольцевъ подлѣчилась и какимъ то чудомъ попала въ Песчанокопское; тамъ они вначалѣ благополучно скрывались, но потомъ были кѣмъ то выданы; и сельскій сходъ, на разрѣшеніе котораго поступила судьба добровольцевъ, постановилъ ихъ казнить, что и было приведено въ исполненіе.

На другой день послѣ занятія нами села произведено было разслѣдованіе и въ результатѣ его дома нѣсколькихъ отсутствовавшихъ виновниковъ предательства и казни, по выводѣ изъ нихъ людей, были сожжены со всѣмъ скарбомъ.

* * *

Въ Песчанокопскомъ далъ арміи трехдневный отдыхъ.

До сихъ поръ мы били жестоко Красную армію, но не нанесли дѣйствовавшей противъ насъ группѣ окончательнаго пораженія. И теперь разбитыя части тянулись къ Бѣлой Глинѣ, составивъ 10-тысячный гарнизонъ, основаніемъ котораго служили называвшая себя «желѣзной» бригада Жлобы и отрядъ матросовъ. Войска эти пополнились вошедшими чуть ли не поголовно въ ихъ составъ жителями призывного возраста Бѣлой Глины — частью добровольцами, частью мобилизованными Жлобой.

Они поднялись не за совѣтскую власть, а за свое село...

Подступы къ селенію лихорадочно укрѣплялись и занимались передовыми частями; большевики проявляли уже нѣкоторую организованность и тактическое пониманіе.

Операція наша подготовлялась тщательно и должна была привести къ полному окруженію Бѣлой Глины.

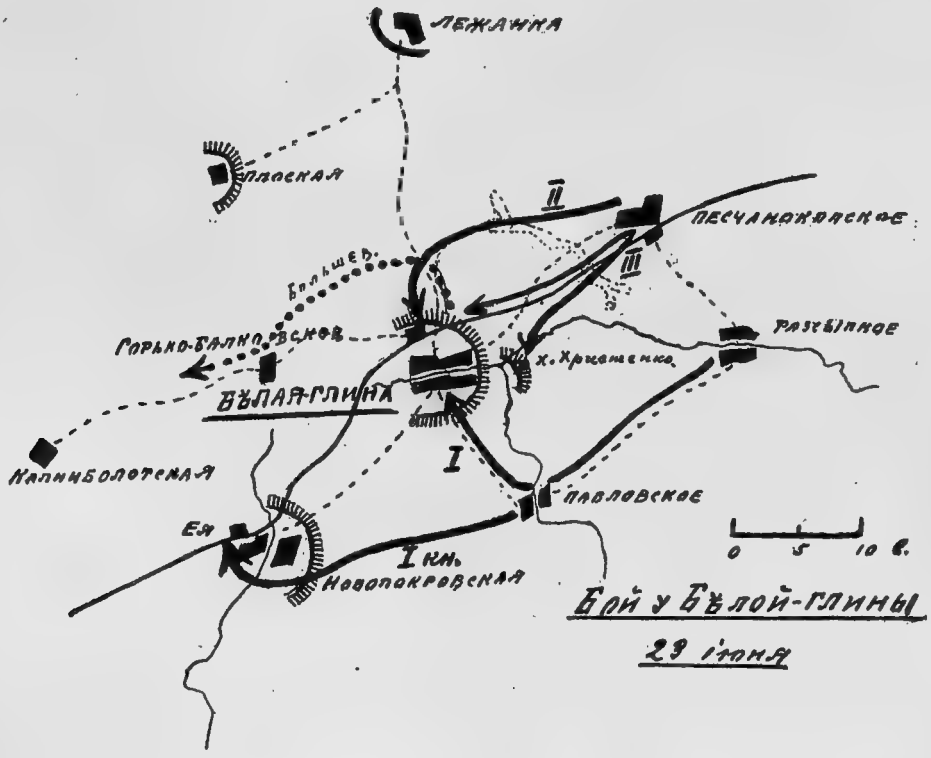
Еще 22-го колонна Эрдели (конная дивизія и 1-я див. Кутепова) была подтянута въ раіонъ с. Павловскаго, а полкъ конницы — въ Лежанку для обезпеченія съ сѣвера. Всѣмъ колоннамъ приказано начать наступленіе съ такимъ расчетомъ, чтобы атаковать Бѣлую Глину на разсвѣтѣ 23-го: Боровскому съ сѣвера, Дроздовскому вдоль желѣзнодорожной линіи и рѣчки Разсыпной, Кутепову — съ юга, отъ Павловскаго. Эрдели съ кубанскими казаками долженъ былъ къ вечеру 22-го занять станицу Новопокровскую и станцію Ею, разрушить жел. дорогу, прикрыть насъ со стороны Тихорѣцкой и отрѣзать большевикамъ западные пути отступленія изъ Бѣлой Глины.

Въ ночь на 23-ье началось наступленіе.

---

* Въ походѣ пѣхота передвигалась обыкновенно на подводахъ, совершая поэтому огромные марши.

Пѣхота Дроздовскаго двинулась съ сѣвера, подъ начальствомъ полковника Жебрака и около полуночи остановилась верстахъ въ двухъ отъ окоповъ противника. Храбрѣйшій и достойнѣйшій командиръ — полковникъ Жебракъ — велъ полкъ неискусно. Темной ночью одинъ батальонъ пошелъ въ дальній обходъ, другой съ Жебракомъ во главѣ въ походной колоннѣ, безъ развѣдки двинулся въ направленіи хутора Христенко. Встрѣченный въ упоръ залпомъ красноармейской заставы батальонъ смѣшался. Жебракъ бросился впередъ съ крикомъ «въ атаку», но тотчасъ же упалъ, смертельно раненый пулей. Дроздовцы, потерявъ нѣсколько десятковъ человѣкъ, добѣжали до хутора и опять нарвались на жестокій огонь изъ расположенныхъ за нимъ окоповъ противника; понесли тяжелыя потери. Въ ночной тьмѣ все перепуталось. Обходившій батальонъ дроздовцевъ, услышавъ выстрѣлы, бросился въ ихъ направленіи, былъ встрѣченъ огнемъ



большевиковъ, остановился и открылъ въ свою очередь огонь по хутору, поражая и большевиковъ, и своихъ...

Вскорѣ оба батальона отхлынули и залегли.

Эта ночь стоила дорого 3-й дивизіи. Кромѣ командировъ полка и батальона (полковникъ Чернышевъ), она похоронила около 100 своихъ воиновъ.

Между тѣмъ, на остальныхъ направленіяхъ наступленіе шло весьма успѣшно. Кутеповъ къ разсвѣту подошелъ къ южной окраинѣ Бѣлой Глины, атаковалъ село и вскорѣ ворвался въ него; участвовавшій въ этой атакѣ 2-й конный полкъ колонны Дроздовскаго, сѣвшій вновь на коней, преслѣдовалъ бѣгущихъ большевиковъ. Боровскій взялъ съ бою своимъ Партизанскимъ полкомъ станцію и входилъ въ село съ сѣвера. По всему селу ходилъ броневикъ «Вѣрный» и, въ суматохѣ боя обстрѣливаемый и своими, и чужими, разгонялъ большевицкія толпы.

Около 9 часовъ, почувствовавъ окруженіе, дрогнули и цѣпи, лежавшія противъ батальоновъ дроздовцевъ. Нестройными толпами стали онѣ метаться во всѣ стороны, ища свободнаго выхода... Я стоялъ у жел.-дор. будки возлѣ дороги въ Лежанку. Эта дорога оказалась единственной, по недоразумѣнію не прегражденной колонной

Боровскаго. Къ ней хлынулъ человѣческій потокъ — все, что осталось отъ Бѣлоглинской группы. Артиллерія Дроздовскаго провожала его сильнымъ огнемъ; броневикъ, эскадронъ 2-го коннаго полка, мой конвой и штабные офицеры бросились въ атаку...

Остатки красныхъ войскъ спасались кружнымъ путемъ черезъ с. Горькобалковское на стан. Калниболотскую.

Въ тотъ же день къ утру Эрдели занялъ станицу Новопокровскую и станцію Ею, отбивъ двукратно контръ-наступленіе со стороны Тихорѣцкой пѣхоты противника съ бронепоѣздами.

Разгромъ большевиковъ подъ Бѣлой Глиной, помимо общаго стратегическаго значенія, оказалъ большое моральное дѣйствіе на Кавказскую красную армію и ставропольское населеніе. Принесъ и матеріальные результаты: въ наши руки попало около 5 тысячъ плѣнныхъ, много оружія, боевыхъ припасовъ и другой военной добычи.

Взятіе первой кубанской станицы Новопокровской подняло настроеніе кубанскихъ казаковъ, приблизивъ осуществленіе ихъ завѣтной цѣли.

* * *

Когда батальоны дроздовцевъ входили въ село, глазамъ ихъ представилось тяжелое зрѣлище: передъ пустыми окопами лежали раненые, умирающіе и обезображенные большевиками трупы ихъ товарищей. На тѣлѣ Жебрака зіяло 17 штыковыхъ ранъ... «До поздней ночи по всему полю подбирали раненыхъ и свозили трупы убитыхъ и замученныхъ офицеровъ и добровольцевъ» — говорится въ исторіи Дроздовской дивизіи. «Когда узнали, что всѣ трупы добровольцевъ обезображены издѣвавшимися надъ ними (заживо) большевиками, озлобленіе оставшихся въ живыхъ стало еще больше»...

На другой день я услышалъ, что Дроздовскій разстрѣлялъ много плѣнныхъ красноармейцевъ. Я вызвалъ его къ себѣ и указалъ на недопустимость такой жестокой массовой расправы, наносящей къ тому же явный вредъ арміи. Онъ говорилъ о Жебракѣ, о замученныхъ добровольцахъ, о томъ, что большевики убиваютъ и мучатъ всѣхъ... Мертвенно блѣдный, дрожащимъ голосомъ онъ вспоминалъ о «вчерашнемъ» — весь во власти чувства гнѣва и печали. Я потребовалъ, чтобы подобные факты не повторялись. И зналъ, что Дроздовскій, другой, третій — если исполнятъ приказъ, то только формально. Многіе изъ добровольцевъ жили тогда тѣми же побужденіями, которыя дроздовецъ — поэтъ, подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ похоронъ своихъ друзей и соратниковъ у Бѣлоглинской церкви, выразилъ въ словахъ «похороннаго марша»:

«...И взоромъ души мы стремилися въ даль
На новую славную битву,
Гдѣ жертвы погибшихъ въ бою роковомъ
Отмстить мы сурово рѣшили.
И въ тихомъ молчаньи со скорбнымъ челомъ
Мы всѣ отъ могилъ уходили».

Нужно было время, нужна была большая внутренняя работа и психологическій сдвигъ, чтобы побороть звѣриное начало, овладѣвшее всѣми — и красными, и бѣлыми, и мирными русскими людьми. Въ Первомъ походѣ мы вовсе не брали плѣнныхъ. Во второмъ — брали тысячами. Позднѣе мы станемъ брать ихъ десятками тысячъ. Это явленіе будетъ результатомъ не только измѣненія масштаба и методовъ борьбы, но и эволюціи духа.

А плѣнные?

Я видѣлъ ихъ тогда въ Бѣлой Глинѣ — нѣсколько тысячъ. Вмѣшавшись въ толпу ихъ, пытался побесѣдовать, желая выяснить психологію этой оглушенной революціей, то звѣрской, то добродушной, воюющей и ненавидящей войну массы. Напрасно. Звѣриный страхъ сковалъ ихъ мысли и рѣчь. Съ недоумѣніемъ, не вѣря своему счастью, расходились они, отпущенные по домамъ. И мнѣ думалось:

Пойдутъ ли эти люди, и съ какимъ чувствомъ, вновь на войну, когда ихъ призовутъ по мобилизаціи мы или большевики?

ГЛАВА XXIII.

Тихорѣцкая операція.

Въ то время, когда армія двигалась съ боями въ направленіи на Тихорѣцкую, на крайнемъ правомъ флангѣ ея, начиная съ 18 іюня, шло наступленіе войскъ Сорокина противъ нашего Задонскаго заслона (Кагальницкая — Егорлыкская), съ явной цѣлью — ударомъ по сообщеніямъ арміи и выходомъ въ тылъ ея сорвать нашу операцію.

Я получалъ тревожныя донесенія отъ Покровскаго и свѣдѣнія о крайнемъ неудовольствіи Новочеркасска. Покровскій жаловался, что ему не даютъ съ Дона боевыхъ припасовъ, у него совершенно изсякшихъ, и настойчиво просилъ подкрѣпленій. Я еще 18-го послалъ въ ст. Егорлыкскую Корниловскій полкъ съ двумя орудіями* для обезпеченія ближайшаго фланга арміи и предоставилъ затѣмъ заслону справляться собственными силами: ослабленіе главнаго удара было недопустимо; только его успѣхъ рѣшалъ судьбу арміи, операціи и всѣхъ второстепенныхъ направленій.

На 42-верстномъ фронтѣ отъ Кагальницкой до Егорлыкской войскъ было не много: у Покровскаго (Кагальницкая и Мечетинская) — полкъ кубанцевъ, 2 орудія и 6 сотенъ донскихъ ополченій — въ общемъ не болѣе 1½ тысячъ; у подполковника Постовскаго (Егорлыкская), до прибытія Корниловскаго полка, ополченіе станицы — до тысячи человѣкъ съ 2—3 орудіями.

18 іюня колонна большевиковъ въ 2½ тысячи съ артиллеріей и даже съ 6-дюймовыми орудіями атаковала Егорлыкскую, но была отброшена и преслѣдуема Постовскимъ. Съ того же дня началось наступленіе крупныхъ отрядовъ Сорокина (6—8 тысячъ человѣкъ) на Покровскаго, достигшее высшаго напряженія 23 іюня. Большевики взяли с. Гуляй-Борисовку и подошли вплотную къ ст. Кагальницкой. Покровскій съ трудомъ сдерживалъ напоръ противника; потери, понесенныя его казаками, были значительны. Между тѣмъ, 22 іюня выступили на присоединеніе къ арміи отдохнувшіе и пополнившіеся въ Новочеркасскѣ Марковскій и 1-й конный полки: для атаки Тихорѣцкой я стягивалъ всѣ силы. Ввиду тяжелаго положенія Покровскаго, я направилъ полки эти черезъ мечетинскій фронтъ, чтобы попутно они могли помочь Покровскому.

Подойдя къ Кагальницкой, полки эти въ ночь на 25-е вступили въ бой съ большевиками, окружившими уже полукольцомъ станицу. Командиръ Марковскаго полка, полковникъ Тимановскій атаковалъ большевиковъ. Послѣ крайне упорнаго и жестокаго боя разбилъ ихъ, захвативъ орудіе и 11 пулеметовъ, и отбросилъ далеко на западъ. Въ этотъ день получилъ боевое крещеніе и вынесъ доблестно главную тяжесть боя вновь сформированный третій батальонъ Марковскаго полка изъ офицеровъ, прибывшихъ съ Украйны и Новороссіи.

Побѣда стоила, однако, марковцамъ чрезмѣрно дорого: 31 убитъ и 280 ранено.

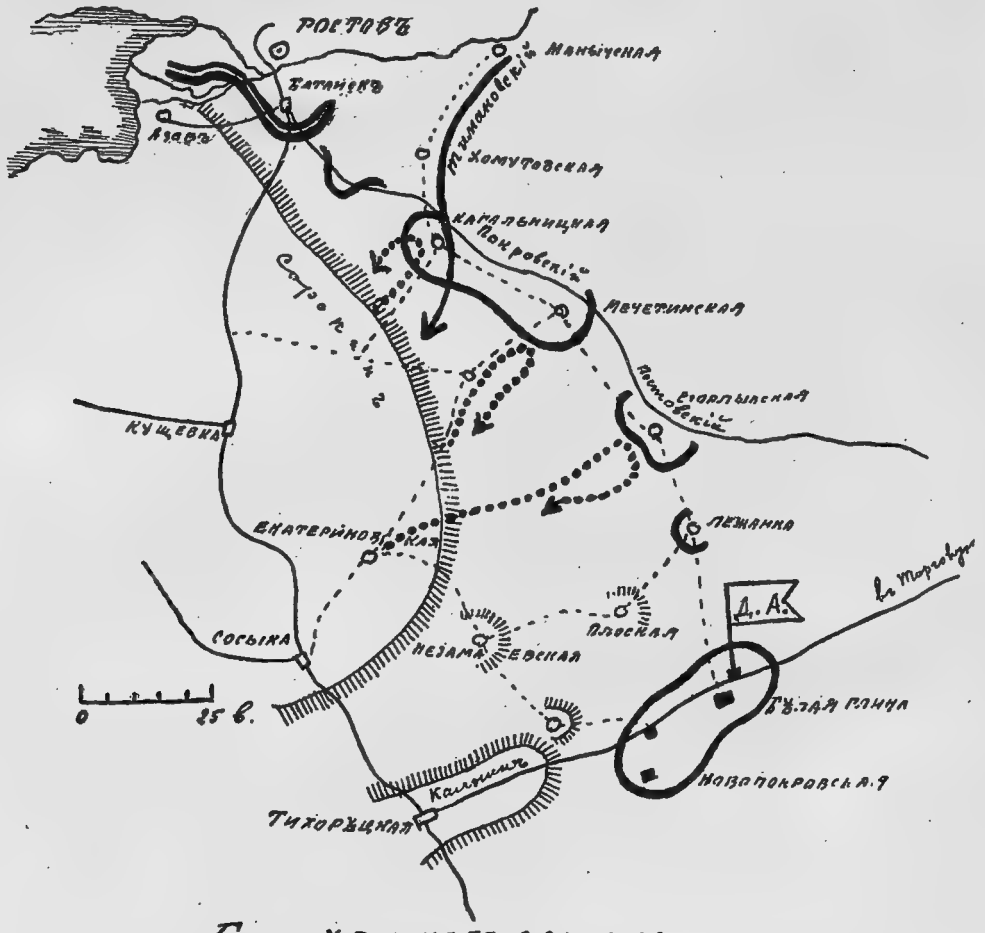
На другой же день, 26-го, полкъ продолжалъ путь и, сдѣлавъ въ двое сутокъ 110 верстъ, присоединился въ Горькой Балкѣ къ арміи.

Между тѣмъ, новочеркасская политика продолжала вносить холодную струю въ наши настроенія и областной шовинизмъ въ стратегію.

---

* Черезъ нѣсколько дней возвращены къ своей дивизіи.

По поводу событій на мечетинскомъ фронтѣ и требованій Покровскаго отъ Дона боевыхъ припасовъ и поддержки, ген. Эльснеръ вошелъ въ сношенія съ донскими властями. «...Ген. Богаевскій мнѣ отвѣтилъ — писалъ онъ начальнику моего штаба —, что для атамана такая слабая численность группы Покровскаго была полной неожиданностью; что слухи о взятіи (большевиками) Кагальницкой и Мечетинской сильно возмущаютъ населеніе Новочеркасска... Красновъ прислалъ мнѣ отвѣтъ (собственноручной



Бои сѣвернаго заслона

18-25 іюня 18г.

запиской)... Отвѣтъ этотъ настолько рѣзокъ по своему тону, такъ раздраженно критикуетъ дѣйствія арміи, что я его Вамъ не пришлю. Общій смыслъ таковъ, что армія легкомысленно предприняла настоящую операцію, обнаживъ свою линію сообщеній, которая теперь находится подъ ударами противника; онъ предупреждалъ объ опасности операціи на Торговую и Великокняжескую безъ предварительной ликвидаціи Батайской группы, но его не послушали»...*

* Докладъ отъ 3 іюля, № 9.

Генералъ Тимановскій (†)

29-го директивой ген. Денисова мечетинскій раіонъ демонстративно включенъ былъ въ составъ Донского фронта и туда направленъ донской пѣшій полкъ съ 3 орудіями. Вполнѣ своевременно и безопасно, ибо Сорокинъ, послѣ пораженія, нанесеннаго ему 25 іюня Тимановскимъ, прекратилъ наступленіе, и на мечетинскомъ фронтѣ наступило полное затишье; совѣтское командованіе оттянуло свои отряды съ этого фронта на югъ, къ тихорѣцкой линіи, предчувствуя заносимый тамъ нами ударъ.

Краснову я не отвѣтилъ: докладъ Эльснера полученъ былъ мною уже въ Тихорѣцкой, когда «донское правительство приносило генералу Богаевскому, какъ бывшему добровольцу, торжественное поздравленіе по поводу успѣховъ Добровольческой арміи»...

Наступленіе большевиковъ въ эти дни велось на всемъ нашемъ фронтѣ.

24-го передовыя части большевиковъ атаковали кубанцевъ Эрдели у станціи Ея, но были отброшены; 25-го они возобновили атаку уже силами въ 4—5 тысячъ при 12 орудіяхъ и двухъ бронепоѣздахъ. Развивали артиллерійскій огонь давно уже не слыханнаго напряженія, израсходовавъ въ этотъ день до тысячи снарядовъ... Но духъ ихъ былъ уже подорванъ, и конница Эрдели, усиленная броневиками, опрокинула противника и преслѣдовала ихъ далѣе въ направленіи Тихорѣцкой.

Такимъ образомъ, 23-го Добровольческая армія нанесла пораженіе большевикамъ подъ Бѣлой Глиной, а черезъ три дня сѣверо-кавказская красная армія, отказавшись отъ всякихъ активныхъ плановъ, перешла уже къ оборонѣ на всемъ своемъ фронтѣ. Только войска «Ставропольской республики» въ раіонѣ Медвѣжье — Успенская проявляли еще нѣкоторую активную дѣятельность.

* * *

Въ раіонѣ Бѣлая Глина — Новопокровская армія простояла до 30-го іюня, подтягивая всѣ свои силы, обезпечивая частными боями предстоящую операцію и свое развертываніе.

Къ этому времени группировка противника армейской развѣдкой опредѣлялась слѣдующимъ образомъ:

1. Подъ непосредственнымъ командованіемъ «главковерха» Калнина въ раіонѣ Калниболотская — Терновская и Тихорѣцкая располагалось 11—12 тысячъ войскъ — по преимуществу тѣхъ, которыя уже испытали наши удары — при 16 орудіяхъ и большомъ количествѣ пулеметовъ; 3 бронепоѣзда.

2. На сѣверѣ въ Незамаевской стоялъ конный отрядъ, связывавшій эту группу съ арміей Сорокина.

3. Штабъ «главковерха» находился на станціи Тихорѣцкой, въ поѣздахъ. Вокругъ станціи и станицы укрѣплялась позиція, усиливаемая проволочными загражденіями.

4. Южнѣе насъ на линіи Успенская — Ильинская находился отрядъ Думенко (2—2½ тысячи, 4 орудія, 20 пулеметовъ) и въ раіонѣ Привольное — Медвѣжье нѣсколько ставропольскихъ отрядовъ общей численностью около 4 тысячъ при 4 орудіяхъ.

Подготовку операціи пришлось начать съ ликвидаціи этихъ южныхъ группъ, угрожавшихъ при дальнѣйшемъ движеніи нашему тылу. Ударъ по нимъ, чтобы не задержать общаго наступленія, требовалъ отъ начальника большой рѣшимости и стремительности. Этими качествами обладалъ въ высокой степени начальникъ 2-й дивизіи ген. Боровскій. И кромѣ того еще однимъ: онъ никогда не велъ рѣчи о малочисленности своихъ войскъ, ихъ переутомленіи и т. д. Разговоръ нашъ 27-го былъ кратокъ:

— Необходимо въ три дня разбить большевиковъ у Медвѣжьяго, Успенской и Ильинской, съ тѣмъ, чтобы 30-го сосредоточиться въ раіонѣ Ильинской, такъ какъ 1 іюля состоится общее наступленіе наше на Тихорѣцкую...

— Слушаю.

— Александръ Александровичъ, вы взвѣсили, что передъ вами — 115 верстъ пути и 6 тысячъ красноармейцевъ?

— Исполню.

— Можете выступить завтра съ разсвѣтомъ?

— Выступлю сегодня къ вечеру...

Мы простились; вечеромъ я провожалъ колонну Боровскаго, вытягивавшуюся изъ Бѣлой Глины; а 30-го пополудни къ штабу, перешедшему въ Новопокровскую, подъѣхалъ автомобиль: Боровскій вдвоемъ съ адъютантомъ по дорогѣ, по которой бродили еще разъѣзды большевиковъ, пріѣхалъ съ докладомъ изъ... Ильинской.

«Рейдъ Боровскаго», какъ назвали этотъ походъ, протекалъ съ быстротой, поистинѣ кинематографической.

Утромъ 28-го у хутора Богомолова, въ 45 верстахъ отъ Бѣлой Глины, колонна встрѣтила 4 тысячный отрядъ большевиковъ съ 4 орудіями. Боровскій атаковалъ противника. Корниловскій полкъ, подъ сильнымъ ружейнымъ огнемъ перейдя вбродъ по горло рѣчку, захватилъ хуторъ Богомоловъ, разбилъ противника и, преслѣдуя его совмѣстно съ кубанскимъ конным полкомъ, овладѣлъ Медвѣжьимъ. Въ наши руки попало 2 орудія, 2 пулемета, много ружей и около тысячи плѣнныхъ. Въ ту же ночь Боровскій продолжалъ движеніе и на разсвѣтѣ 29-го атаковалъ кубанскимъ пластунскимъ батальономъ вторую группу противника подъ Успенской* (1½ тысячи пѣхоты при 2—3 орудіяхъ); разбилъ и ее; при этомъ нашъ удивительный броневикъ «Вѣрный» атаковалъ непріятельскую батарею и, перебивъ ея лошадей, завладѣлъ орудіемъ, изъ котораго тотчасъ же команда броневика открыла огонь по отступающимъ. 30-го Боровскій, разбивъ въ третій разъ большевиковъ, овладѣлъ Ильинской.

Остатки отрядовъ красной арміи частью разсѣялись во всѣ стороны, частью отошли на югъ и къ Тихорѣцкой. Поднявшіяся кубанскія станицы Успенская и Ильинская могли уже своими силами охранить южное направленіе.

29 и 30-го произошла смѣна дивизіи Эрдели въ Новопокровской частями Дроздовскаго. Послѣ небольшихъ стычекъ Эрдели занялъ станицу Незамаевскую, а Кутеповъ сосредоточилъ всю свою дивизію въ станицѣ Калниболотской.

Такимъ образомъ, 30-го закончилось развертываніе арміи на 66-верстномъ фронтѣ по линіи Незамаевская — Калниболотская — Новопокровская — Ильинская.

Въ тотъ же день отданъ былъ мною приказъ: «завтра 1-го іюля овладѣть станціей Тихорѣцкой, разбивъ противника, группирующагося въ раіонѣ Терновской — Тихорѣцкой». Колоннамъ предстояло сдѣлать отъ 35 до 60 верстъ, по крайней мѣрѣ съ двумя боями. Но утомленіе окупится сохраненіемъ многихъ жизней, а неожиданность парализуетъ волю противника...

Планъ операціи предусматривалъ окруженіе Тихорѣцкой.

Эрдели долженъ былъ, захвативъ станцію Леушковскую, прикрыть насъ частью силъ съ сѣвера отъ Сосыки, а съ остальными выйти къ жел.-дорожной линіи Екатеринодаръ — Тихорѣцкая у станицы Новорождественской, чтобы затѣмъ ударить съ запада въ тылъ Тихорѣцкой группѣ.

Кутепову — содѣйствовать взятію станціи Порошинской и атаковать потомъ Тихорѣцкую съ сѣвера.

Дроздовскій былъ направленъ вдоль жел. дороги; ему предстояло овладѣть станціей Порошинской и станицей Терновской и атаковать Тихорѣцкую съ востока.

Боровскому — содѣйствовать съ юга атакѣ станицы Терновской, послѣ чего, прикрывшись заслономъ со стороны Кавказской, атаковать Тихорѣцкую съ юго-востока.

Къ Незамаевской былъ подтянутъ и Покровскій. Бригада кубанскихъ казаковъ Глазенапа охраняла нашъ правый флангъ и тылъ отъ Торговой до фронта и поддерживала порядокъ въ сѣверной части Ставропольской губерніи.

* * *

Въ ночь на 1-е колонны выступили.

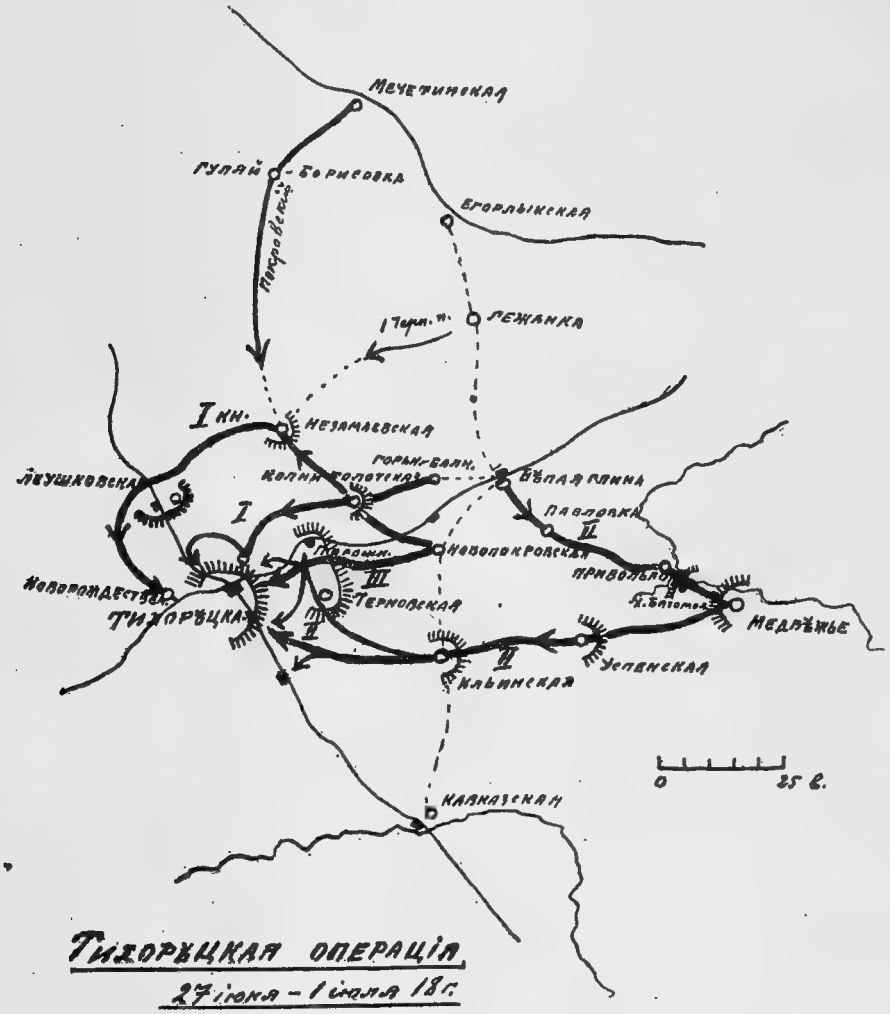
Станица Терновская и станція Порошинская, занятыя красноармейской дивизіей, отрядомъ коммунистовъ и тысячью мѣстныхъ большевиковъ — иногороднихъ съ однимъ бронепоѣздомъ, были взяты почти однимъ маневромъ.

---

* Въ 34 верстахъ отъ Медвѣжьяго.

Генералъ Боровскій

Колонна Дроздовскаго двигалась ночью и послѣ привала съ разсвѣтомъ продолжала наступленіе, ведя попутно бой съ бронепоѣздомъ большевиковъ; около 8 часовъ утра она появилась ввиду станицы; къ этому времени колонна Кутепова прямымъ движеніемъ выходила уступомъ въ охватъ Порошинской съ сѣвера, а Корниловскій полкъ, выдѣленный Боровскимъ, направлялся въ тылъ большевикамъ по западной окраинѣ Терновской, къ жел.-дорожной станціи. Послѣ краткаго огневого боя, большевики начали отступать на всемъ фронтѣ и около 9 часовъ утра корниловцы* и дроздовцы владѣли уже станицей и станціей.



Тихорѣцкая операція
27 іюня – 1 іюля 18 г.

Къ полудню положеніе было таково:

Эрдели подходилъ къ Новолеушковской; Кутеповъ, потѣснивъ небольшія части противника, сталъ на привалъ въ Новороmановской; Дроздовскій — въ Терновской; Боровскій былъ на полпути между Ильинской и Тихорѣцкой.

* Пошли затѣмъ на соединеніе со своей дивизіей.

Большевики быстро отступали передъ нами къ Тихорѣцкой. Бой кончился. Поле опустѣло и смолкло. Казалось, что сегодняшній страдный день не будетъ уже свидѣтелемъ новаго боя... Впослѣдствіи плѣнные передавали намъ, что впечатлѣніе «конца» всецѣло овладѣло штабомъ Калнина. Тамъ ждали нашего наступленія только на слѣдующій день. Главковерхъ и штабные чины — послѣ безсонной ночи и тревожныхъ переживаній сегодняшняго утра успокоились и легли отдохнуть.

Ихъ разбудитъ подъ вечеръ громъ артиллеріи на тихорѣцкихъ позиціяхъ.

* * *

Пополудни наступленіе наше продолжалось.

Дивизія Дроздовскаго*, съ посаженной вновь на повозки пѣхотой, шла вдоль полотна, отгоняя своей артиллеріей бронепоѣзда большевиковъ. Около 5 часовъ пополудни закончилось ея развертываніе верстахъ въ шести отъ Тихорѣцкой. Цѣпи двинулись по высокому хлѣбу, дошли шаговъ на тысячу до окоповъ противника, и, встрѣченныя сильнымъ ружейнымъ огнемъ, залегли. Артиллерія большевиковъ обстрѣливала насъ временами ураганнымъ огнемъ. Такъ прошло около часу. Отъ 5-ой желѣзнодорожной будки, гдѣ расположились штабы Дроздовскаго и мой, мы увидѣли какое то подозрительное движеніе и суету у южнаго выхода изъ станціи. Тамъ метались люди, повозки, скакали конные... Нельзя было разобрать — свои или чужіе, но все это текло съ юга на сѣверъ, что было для насъ радостнымъ предзнаменованіемъ...

Я приказалъ дивизіи Дроздовскаго продолжать наступленіе. Цѣпи поднялись и, встрѣченныя ураганнымъ огнемъ, залегли опять. Но это была уже послѣдняя вспышка. Прошло нѣсколько минутъ, и цѣпи большевиковъ, густо лежавшія въ окопахъ возлѣ полотна, поднялись и побѣжали — не къ станціи, а въ сѣверо-восточномъ направленіи.

Вѣроятно, узнали...

Станція Тихорѣцкая, расположенная въ тылу и въ центрѣ укрѣпленной позиціи, была уже въ нашихъ рукахъ...

Боровскій, наступая съ юго-востока, вдоль желѣзной дороги Ростовъ — Владикавказъ, прорвалъ Партизанскимъ полкомъ расположеніе большевиковъ; кубанскій конный полкъ его дивизіи пошелъ по тыламъ, внося повсюду сильнѣйшую панику; Корниловцы устремились къ станціи.

Черезъ четверть часа мы съ Романовскимъ и нѣсколькими офицерами штаба встрѣтили Боровскаго на станціи. Тамъ было безлюдно. Добровольцы 2-й дивизіи продолжали бой въ поселкѣ; станціонные служащіе попрятались. Всѣ пути были загромождены поѣздными составами, стоялъ въ полной неприкосновенности и штабной поѣздъ главковерха. Самъ Калнинъ, какъ передавали потомъ желѣзнодорожники, пѣшкомъ, безъ шапки, въ одиночествѣ, пробрался между составами и скрылся въ направленіи на Екатеринодаръ. Его начальникъ штаба, полковникъ ген. штаба**, застигнутый на мѣстѣ, заперся въ своемъ купэ. Когда потомъ чины инженерной роты взломали дверь купэ, глазамъ вошедшихъ представилась такая картина: на полу въ лужѣ крови лежалъ трупъ полковника и рядомъ съ едва замѣтными признаками жизни — его жена, въ которую онъ стрѣлялъ передъ самоубійствомъ... Его помощникъ и адъютантъ были разстрѣляны.

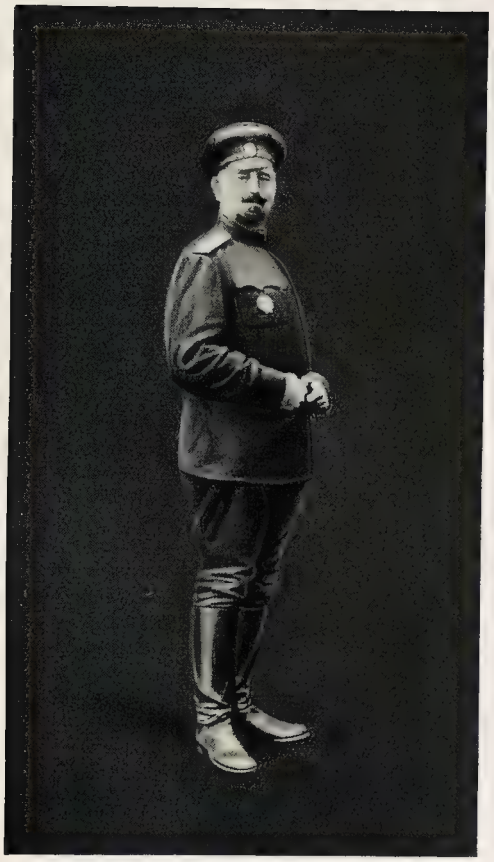
По станціи откуда-то вело огонь непріятельское тяжелое орудіе; въ желѣзнодорожномъ поселкѣ шла частая трескотня — ружейная и пулеметная, и Боровскій озабоченно собиралъ своихъ добровольцевъ, вышедшихъ изъ рукъ во время стремительной атаки, чтобы организовать на всякій случай оборону станціи.

А на позиціи все еще шелъ горячій бой. Въ тѣсномъ кольцѣ судорожно метались люди, ища спасенія и находя повсюду смерть. До поздней ночи гремѣла немолчно артиллерія и трещали ружья и пулеметы. Спускавшаяся тьма придавала какой то особенно суровый и тревожный колоритъ картинѣ боя.

---

* Къ этому времени составъ ея усилился «Солдатскимъ полкомъ» (изъ мобилизованныхъ и плѣнныхъ) и кубанскимъ пластунскимъ батальономъ. См. ниже.

** Фамиліи не помню.



Генералъ Эрдели

Только противъ лѣваго крыла дивизіи Дроздовскаго противникъ побѣжалъ, не принявъ атаки. На правомъ флангѣ Солдатскій полкъ бросился на окопы и въ ожесточенной штыковой схваткѣ уложилъ много большевиковъ. Остатки ихъ бѣжали на сѣверъ и сѣверовостокъ, преслѣдуемые ротами Солдатскаго полка и кубанцами Боровскаго. Тамъ они нашли конецъ, встрѣтивъ войска Кутепова...

Дивизія Кутепова, занявъ безъ боя станицу Тихорѣцкую, къ 4 часамъ частями Марковскаго полка преградила большевикамъ сѣверные пути отступленія и жел. дорогу со стороны Сосыки. Наступая затѣмъ на станцію, Кутеповъ встрѣтилъ отчаянное сопротивленіе. Перешедшіе въ контръ-атаку противъ Марковцевъ большевики были опрокинуты ими обратно въ окопы; лѣвѣе — 1-й кубанскій полкъ, атакованный внезапно двумя броневиками, сталъ отходить, преслѣдуемый красной пѣхотой. Наша артиллерія поддержала полкъ огнемъ, разбила одинъ броневикъ, а 2-й конный полкъ, бросившись на выручку, атаковалъ пѣхоту противника, налетѣлъ на окопы и перерубилъ много большевиковъ, понеся при этомъ самъ тяжелыя потери.

На полѣ, покрытомъ высокой пшеницей, въ ночной темнотѣ связь между частями 1-й дивизіи была совершенно нарушена. Части перепутались между собой и съ большевиками. Происходилъ рядъ недоразумѣній, иногда комичныхъ, часто фатальныхъ. Въ такой сложной обстановкѣ Кутеповъ продолжалъ наступленіе, окончившееся полнымъ разгромомъ и уничтоженіемъ противника.

Я видѣлъ на другой день это поле. Жуткое зрѣлище представляли длинныя линіи окоповъ — по обѣ стороны дороги въ станицу Тихорѣцкую — сплошь заваленныя человѣческими трупами... Они — вчера еще вольные или невольные защитники окоповъ — прекратили огонь и подняли на ружьяхъ бѣлые флаги (платки); но когда добровольцы и съ ними верхомъ Кутеповъ со штабомъ подъѣхали къ окопамъ, ихъ встрѣтили залпомъ. Перебили людей, ранили адъютанта начальника дивизіи. Поэтому, когда окопы попали, наконецъ, въ руки добровольцевъ, пощады не было никому...

На ночлегъ войска расположились по квартирамъ въ раіонѣ Тихорѣцкой, выдвинувъ авангардъ на сѣверъ, западъ и югъ.

Подъ утро получено было донесеніе отъ Эрдели, что дивизія его, пройдя въ этотъ день съ боемъ около 60 верстъ, обойдя Леушковскую съ сѣвера, къ ночи подошла къ Новорождественской и жел. дорогѣ, довершивъ окруженіе тихорѣцкаго узла и случайныхъ остатковъ спасавшагося бѣгствомъ противника. Семь поѣздовъ успѣло, однако, проскочить въ Екатеринодаръ.

* * *

Значеніе для насъ побѣды подъ Тихорѣцкой было весьма велико.

Въ стратегическомъ отношеніи мы 1) разгромили окончательно 30-тысячную группу Калнина; 2) пріобрѣтали обезпеченное сообщеніе съ тыломъ (Тихорѣцкая — Торговая), свободу дѣйствій и возможность переброски войскъ по желѣзной дорогѣ въ трехъ важныхъ направленіяхъ; 3) разъединяли отдѣльныя группы красныхъ войскъ и въ частности ставили въ весьма затруднительное положеніе армію Сорокина, которая должна была теперь держать фронтъ на сѣверъ (нѣмцы и донцы) и на югъ, имѣя подъ ударомъ свою линію сообщеній*.

Въ матеріальномъ отношеніи Добровольческая армія пріобрѣла огромные по нашимъ масштабамъ и неоцѣнимые для насъ трофеи: массу подвижного состава, три бронированныхъ поѣзда, аэропланъ, броневые автомобили, около 50 орудій**, въ томъ числѣ морскія дальнобойныя, большое количество ружей, пулеметовъ и огнестрѣльныхъ припасовъ; много различнаго интендантскаго имущества.

Наконецъ, въ моральномъ отношеніи «Тихорѣцкая» еще болѣе укрѣпила увѣренность въ своихъ силахъ въ арміи и ея престижъ въ глазахъ друзей и враговъ. «Взятіе

---

* Кущевка — Тимашевская — Екатеринодаръ.

** Болѣе половины исправныхъ или требовавшихъ небольшого ремонта.

Тихорѣцкой — доносили изъ Новочеркасска — произвело сильное, можно сказать, радостно-ошеломляющее впечатлѣніе не только среди всѣхъ круговъ населенія, но и среди всѣхъ безъ исключенія членовъ правительства»... Кубанцы начали поступать въ ряды арміи еще болѣе интенсивно... Большевицкая пресса прекратила обычное глумленіе надъ «бѣлогвардейскими бандами», но удвоила злобность. А военный комиссаріатъ «ввиду сурьезности момента и надвигающейся со стороны враговъ революціи на Сѣверо-Кавказскую республику опасности» объявилъ вскорѣ «всеобщую мобилизацію»*...

---

* Изъ приказа Сѣверо-Кавказскаго комиссаріата.

ГЛАВА XXIV.

Положеніе къ 1 августа арміи и освобожденнаго края. Обликъ Добровольческой арміи.

Армія прошла въ три недѣли 262 версты, выдержавъ рядъ серьезныхъ боевъ и понеся значительныя потери. Большевики оказались гораздо болѣе стойкими, чѣмъ мы ожидали. Къ сожалѣнію, у меня нѣтъ данныхъ объ общемъ числѣ убитыхъ и раненыхъ за этотъ періодъ; полагаю, что ихъ было болѣе четверти состава арміи. Даже въ тѣхъ случаяхъ, когда въ полковыхъ реляціяхъ, или въ моемъ очеркѣ встрѣчается фраза «потери наши были ничтожны», надо помнить, что опредѣленіе это весьма относительно: вѣдь гибли наши кадры, наши первые, наши лучшіе, идейные добровольцы...

Тѣмъ не менѣе составъ арміи къ первымъ числамъ іюля — по крайней мѣрѣ удвоился. Шелъ непрерывный притокъ съ Украйны и Новороссіи, отчасти изъ центральной Россіи добровольцевъ, главнымъ образомъ, офицеровъ; освобождаемыя кубанскія станицы — по приказу и добровольно — становились въ ряды арміи* или вооруженными отрядами охраняли ея сообщенія; поступали на пополненіе частей, теперь уже въ большомъ числѣ, плѣнные красноармейцы, и во всѣхъ раіонахъ дѣйствія арміи привлекалась по мобилизаціи мѣстная молодежь, первоначально два возрастныхъ класса. Дроздовскій сдѣлалъ даже опытъ формированія отдѣльной части изъ плѣнныхъ и мобилизованныхъ. Его «1-й Солдатскій полкъ» принималъ доблестное участіе подъ Тихорѣцкой и въ дальнѣйшихъ бояхъ.

Наконецъ, были факты и другого порядка: нѣкоторыя села Ставропольской губерніи, приведенныя въ отчаяніе совѣтскимъ режимомъ, постановляли сами на сходахъ мобилизацію извѣстныхъ контингентовъ населенія и присылали ихъ на службу въ ряды арміи.

Пополнивъ значительно свои ряды, Добровольческая армія къ началу іюля усилилась слѣдующими войсковыми частями**: однимъ пѣхотнымъ полкомъ («Солдатскій»), четырьмя пластунскими батальонами, тремя кубанскими конными полками, пятью батареями. Части эти вошли въ составъ дивизій или пошли на развертываніе новыхъ соединеній***; кромѣ того, въ составъ арміи входило 4 бронепоѣзда и автоброневой дивизіонъ изъ 6 машинъ.

Ввиду вступленія у станицы Новопокровской на территорію Кубани, я обратился къ Кубанскому атаману съ письмомъ, въ которомъ указывалъ на необходимость подготовки имъ и правительствомъ, помимо схемы гражданскаго управленія области, и плана необходимыхъ военныхъ мѣропріятій. «Эти вопросы, — писалъ я — какъ затрагивающіе интересы Добровольческой арміи, предварительно проведенія ихъ въ жизнь, должны быть нами совмѣстно обсуждены». Въ основаніе военныхъ мѣропріятій я ставилъ:

---

* Кромѣ чисто кубанскихъ конныхъ и пластунскихъ частей, кубанскіе казаки входили въ составъ пѣхотныхъ добровольческихъ полковъ.

** См. гл. XX.

*** Бригада Покровскаго развернута въ Кубанскую дивизію и сформирована отдѣльная бригада (Глазенапа).

1) полное напряженіе силъ Кубани для скорѣйшаго ея освобожденія; 2) всѣ первоочередныя части должны входить и впредь въ составъ Добровольческой арміи для выполненія общегосударственныхъ задачъ; 3) въ дальнѣйшемъ со стороны освобожденнаго кубанскаго казачества не должно быть проявлено никакого сепаратизма.

Какъ бы въ отвѣтъ на это письмо состоялся приказъ по войску, подписанный атаманомъ, полковникомъ Филимоновымъ и «военнымъ министромъ» полковникомъ Савицкимъ. Приказъ попалъ ко мнѣ случайно. Въ немъ самостоятельно, безъ моего участія, разрѣшены были всѣ вопросы организаціи вооруженныхъ силъ, причемъ, вмѣсто призыва къ полному напряженію, давались уже опасныя психологически обѣщанія объ освобожденіи изъ рядовъ арміи, и въ частности изъ чисто добровольческихъ частей, извѣстныхъ контингентовъ...

На этой почвѣ произошла первая крупная размолвка моя съ кубанскими властями. Въ результатѣ атаманъ оставилъ въ силѣ приказъ, сохранивъ «принципъ суверенности», я же продолжалъ организацію кубанскихъ частей въ мѣрѣ дѣйствительной потребности, вызываемой общимъ военнымъ положеніемъ.

Наконецъ, къ этому же періоду относится еще одинъ эпизодъ. Полагая, что послѣ ряда побѣдъ достаточно назрѣла психологически возможность перестроенія добровольческихъ частей на основахъ обще-обязательной службы, я запросилъ секретно мнѣніе по этому вопросу начальниковъ дивизій...

Отвѣтили, что пока преждевременно.

* * *

...

Довольствовалась армія, ввиду богатства края, обыкновенно хорошо — за наличный разсчетъ, рѣдко путемъ платныхъ реквизицій. Иногда населеніе кормило добровольцевъ по доброй волѣ безплатно. Вообще нужно замѣтить, что имѣвшія мѣсто на этой почвѣ злоупотребленія меньше всего озлобляли народъ, въ глазахъ котораго такого рода незаконная «повинность», если и была непріятной, не разъ тяжелой, то, очевидно, слишкомъ привычной.

Снабженіе арміи нѣсколько улучшилось; источниками его служили попрежнему военная добыча, грузы, слѣдовавшіе въ адресъ совѣтскихъ учрежденій, покупка за наличныя, а на территоріи Кубани и за зачетныя квитанціи — за счетъ ея правительства. Реализація не имѣвшаго военнаго значенія совѣтскаго добра служила, вмѣстѣ съ тѣмъ, нѣкоторымъ источникомъ пополненія скудной казны ген. Алексѣева. Я снялъ съ арміи эту обузу и попросилъ Михаила Васильевича принять это дѣло на себя, поручивъ общественнымъ дѣятелямъ изъ состава военно-промышленнаго комитета ликвидацію имущества.

Ген. Алексѣевъ пріѣхалъ въ это время въ Тихорѣцкую, предполагая вскорѣ вернуться въ Новочеркасскъ. Но сначала его болѣзнь, потомъ занятіе Екатеринодара задержали его при арміи, съ которой онъ болѣе уже не разлучался. Вообще, послѣднее время здоровье М. В. сильно пошатнулось, и онъ, не взирая на это, работалъ изъ послѣднихъ силъ, отдавая всего себя на служеніе арміи. Все, что касалось ея, онъ принималъ близко къ сердцу и, казалось, жилъ только этимъ «своимъ послѣднимъ дѣломъ на землѣ»...

Ген. Алексѣевъ создалъ особую комиссію, которую, между прочимъ, обязалъ, чтобы «въ первую очередь были соблюдены интересы мѣстнаго населенія, избѣгая перепродавцовъ и спекулянтовъ», и чтобы работа шла «въ полномъ контактѣ съ кубанскими кооперативами и потребительскими организаціями».

Дѣло пошло, къ сожалѣнію, такъ же плохо, какъ и въ рукахъ военнаго вѣдомства. Первый предсѣдатель комиссіи Н. Парамоновъ въ самомъ началѣ (4 авг.) былъ арестованъ и высланъ нѣмцами, какъ состоявшій въ оппозиціи имъ и донскому атаману. Проходили недѣли, мѣсяцы, грузы портились, расхищались, а ростовскіе и новочеркасскіе общественные дѣятели организовывали и переорганизовывали комиссіи, составляли и пересоставляли учетъ и перессорились въ конецъ другъ съ другомъ. Сохра-

нилась обширная переписка, характерная для безвременья и дѣятелей его. «Большинство членовъ комиссіи — пишетъ одинъ изъ участниковъ, мотивируя свой отказъ отъ участія въ ней, — лица совершенно неподготовленныя и безполезныя, одинъ завѣдомо вредный и невѣжественный... Члены комиссіи не давали никакой опоры ни въ общественномъ значеніи, ни въ дѣловомъ, въ сложныхъ вопросахъ были опасны, а меня связывали въ политическомъ(?) и дѣловомъ отношеніи»... «Васъ испугало — отвѣчаетъ другой — что разные недостойные люди начинаютъ свивать себѣ гнѣздо и паутиной интригъ и личной выгоды окутываютъ то святое дѣло, которое обагрено кровью тысячъ юношей... Но развѣ Вы вчера родились и не знаете, что, къ сожалѣнію, на одного честнаго человѣка приходится тысяча негодяевъ»...

Въ итогѣ за ближайшіе мѣсяцы — августъ, сентябрь — комиссія успѣла реализовать изъ числа многомилліоннаго имущества всего на одинъ милліонъ рублей.

На ту же комиссію возложено было ген. Алексѣевымъ «принятіе на учетъ всѣхъ оставленныхъ большевиками желѣзнодорожныхъ грузовъ, находившихся на станціяхъ (занятыхъ арміей), выясненіе принадлежности грузовъ владѣльцамъ и возвращеніе имъ имущества съ удержаніемъ извѣстнаго % въ пользу Добровольческой арміи».

Реализація осложнялась вмѣшательствомъ со всѣхъ сторонъ. Кубанское правительство считало собственностью войска всѣ грузы, матеріалы и вообще всякое имущество, отбитое у большевиковъ на территоріи Кубани, и требовало передачи этого имущества въ свое распоряженіе. Генералъ Алексѣевъ на эти домогательства отвѣчалъ указаніемъ, что военная база создавалась большевиками вѣдь средствами всего Сѣвернаго Кавказа и Россіи. Я со своей стороны охотно соглашался уступить кубанскимъ правителямъ всю «добычу», но съ тѣмъ, чтобы они взяли на себя и содержаніе арміи...

Войсковые начальники, какъ напримѣръ Покровскій, въ поискахъ популярности, раздавали «добычу» щедрой рукой станицамъ. Даже Донъ черезъ новочеркасское представительство передавалъ ген. Алексѣеву, что «хотя войско не претендуетъ на оспариваніе всего захваченнаго, но очень просило бы подѣлиться необходимыми для него предметами»*...

Въ общемъ итогѣ дѣятельности интендантства и общественныхъ элементовъ въ арміи создавалось впечатлѣніе, что запасовъ всякаго рода—великое множество, но до войскъ они не доходятъ. Войсковые начальники и части вводили свои «коррективы» въ систему снабженія, въ результатѣ которыхъ мнѣ пришлось 30 іюля приказомъ разъяснять довольно элементарное положеніе, что «предметы военной добычи составляютъ собственность арміи, а не тѣхъ лицъ, въ чьи руки они попали»... Это разъясненіе имѣло особенное отношеніе къ казачеству, гдѣ распространительный взглядъ на «добычу» былъ не благопріобрѣтеннымъ, а составлялъ вѣковую традицію.

Другимъ подсобнымъ средствомъ пополненія казны являлись контрибуціи, наложенныя на тѣ села Ставропольской губерніи, населеніе которыхъ приняло участіе въ вооруженномъ противодѣйствіи Добровольческой арміи. Контрибуціи назначались въ мѣрѣ вины и соотвѣтствовали количеству населенія: minimum—въ Шабліевкѣ и Екатериновской (вмѣстѣ 50 тысячъ рублей), maximum—въ Бѣлой Глинѣ (2½ милл.). Разверстка была предоставлена сельскимъ самоуправленіямъ. Это мѣропріятіе, будучи рискованнымъ и непопулярнымъ, создавая неравномѣрное обложеніе, противъ ожиданія не потребовало никакихъ репрессій и дало казнѣ 6½ милліоновъ рублей, изъ которыхъ къ 1-му августа фактически поступило 3 милліона.

Такими палліативными мѣрами поддерживалась казна ген. Алексѣева, отъ которой зависѣло само существованіе арміи.

Особенно остро стоялъ вопросъ со снабженіемъ боевыми припасами, попрежнему добываемыми только изъ двухъ источниковъ: покупкой въ небольшихъ размѣрахъ отъ Дона — по дорогой цѣнѣ, за ставропольскій хлѣбъ и шерсть, и отъ большевиковъ — цѣною несравненно болѣе дорогой — добровольческой крови.

* * *

* Докладъ Лисового отъ 6 іюля.

Считая движеніе наше на Кубань временнымъ, предполагая, что организація гражданской власти произойдетъ за Волгой при его участіи въ масштабѣ всероссійскомъ, ген. Алексѣевъ не создавалъ при арміи органовъ гражданскаго управленія. Этотъ вопросъ поднимался однажды въ Мечетинской среди лицъ Алексѣевскаго окруженія и то не серьезно: со мной бесѣдовалъ А. Ладыженскій относительно организаціи гражданскаго и политическаго отдѣла при ген. Алексѣевѣ въ составѣ его — Ладыженскаго, Б. Суворина и кадета Богданова*. Я отнесся отрицательно къ этому предположенію.

Когда армія освободила сѣверную часть Ставропольской губерніи, организація мѣстной власти стала насущно необходимой. У меня на походѣ для этой цѣли не было рѣшительно никого. Вдвоемъ съ Иваномъ Павловичемъ мы разрѣшали необыкновенно трудные вопросы запутанной, сложной мѣстной жизни по всѣмъ отраслямъ управленія и законодательства. Эти вопросы выдвигались каждый день, со всѣхъ сторонъ; всѣ кругомъ искали помощи, защиты, а главное, какихъ нибудь правовыхъ нормъ, на которыя можно было бы опереться. Можно было, конечно, воспользоваться готовымъ правительственнымъ аппаратомъ Дона или Кубани. Но безправное положеніе на Дону, потомъ и на Кубани иногородняго населенія исключало всякую возможность присоединенія, хотя бы и временнаго, Ставропольской губерніи къ одной изъ казачьихъ областей.

Я написалъ ген. Алексѣеву. Но и у него тогда, повидимому, никого не было. Снесся съ ростовскимъ к.-д. Зеелеромъ, ввиду его стажа въ качествѣ популярнаго либеральнаго дѣятеля и бывшаго ростовскаго градоначальника, предлагая ему вступить въ управленіе Ставропольской губ. Зеелеръ пріѣхалъ, ознакомился съ положеніемъ, далъ понять, что онъ не прочь былъ бы занять постъ моего помощника по гражданской части, но отъ губерніи отказался.

Вообще въ то время, когда по всей «пограничной» въ отношеніи совѣтской Россіи губерніи шли непрестанные бои и возстанія, и губернскій городъ впослѣдствіи дважды переходилъ изъ рукъ въ руки, служба тамъ не привлекала никого; она требовала гражданскаго подвига. Послѣ перваго занятія нами Ставрополя, оттуда потянуло такой провинціальной склокой, общественные элементы такъ прочно и сложно переплелись во взаимномъ недовѣріи, озлобленіи и враждѣ, что разобраться въ этихъ взаимоотношеніяхъ было невозможно и вручить власть незнакомому мѣстному человѣку казалось опаснымъ.

При такой обстановкѣ пришлось начинать дѣло управленія въ первой освобожденной русской губерніи. Приказами моими по гражданской части были признаны дѣйствующими всѣ законы, изданные до 25 октября 17 года, т. е. до большевицкаго переворота; возстановлены судъ, сельскія и волостныя власти, уѣздныя, потомъ губернскія учрежденія. Во главѣ губерніи поставленъ былъ военный губернаторъ, полковникъ Глазенапъ — командиръ отдѣльной бригады, которая осталась въ губерніи въ его распоряженіи.

Отъ первыхъ шаговъ нашихъ въ освобожденномъ краѣ, хотя и занимавшемъ пока крошечную территорію, зависѣло много. И первые шаги оказались неудачными.

Кубанское правительство въ предѣлахъ своей области возстановляло автоматически станичные и окружные органы; кое-гдѣ въ станицахъ перевыбирали правленіе и атамановъ, въ большинствѣ остались прежніе, смѣнивъ лишь ненавистное казачеству наименованіе «комиссаръ». Въ городахъ прежнія думы распускались, и мѣстное самоуправленіе передавалось въ руки назначаемыхъ правительствомъ головъ, которые сами подбирали составъ городскихъ управъ. Въ конституцію края и организацію областной власти было внесено еще одно серьезное отступленіе отъ практики недавняго прошлаго: соціалистическіе правители порвали окончательно съ «паритетомъ», устранивъ отъ всякаго участія въ дѣлѣ управленія областью болѣе половины его иногороднаго населенія. Правители были казаками, мыслили и чувствовали по казачьи. Но, если бы они и хотѣли въ то время «проявить демократизмъ», то въ силу создавшагося въ казачествѣ настроенія сдѣлать это было очень трудно.

* * *

---

* Завѣдывалъ у ген. Алексѣева финансовой частью. Впослѣдствіи былъ министромъ внутреннихъ дѣлъ Крымскаго правительства.

Какъ бы то ни было, армія подвигалась неизмѣнно впередъ, и отъ ея успѣховъ — главнымъ образомъ — зависѣли судьбы населенія, значеніе разнородныхъ политическихъ теченій въ краѣ и отношеніе его къ самой арміи.

Армія представляла изъ себя организмъ чрезвычайно сложный. Въ ней были и герои, наполнившіе эпическимъ содержаніемъ лѣтопись борьбы; и мученики, оросившіе ея страницы своею кровью; и люди, пришедшіе безъ подъема, безъ увлеченія, но считавшіе необходимымъ исполнить свой долгъ; и загнанные туда нуждой или просто стаднымъ чувствомъ; были профессіоналы войны, ищущіе примѣненія своему ремеслу; были исковерканные жизнью, которые шли, чтобы мстить, и потерявшіе совѣсть, — чтобы разбойничать и грабить. Наконецъ, была еще рыхлая, безличная среда вольныхъ и подневольныхъ людей, попавшихъ охотою, по мобилизаціи, случайно, по своей или чужой ошибкѣ; ихъ психологія мѣнялась діаметрально при колебаніяхъ боевого счастья...

Наши походы, въ обстановкѣ необычайной, создавали чудесныя боевыя традиціи добровольцевъ; но изъ нихъ нѣкоторые выносили также и печальные навыки: легкое отношеніе къ жизни—своей и чужой, къ «большевицкому» добру; слишкомъ распространительное толкованіе понятія «большевикъ», которое обнимало широко вольныхъ и невольныхъ участниковъ совѣтскаго уклада.

У многихъ слагалась особая психологія, создававшая двойную мораль — одну въ отношеніи своихъ, другую — къ чужимъ.

Всѣ тѣ черныя стороны жизни, которыя были зачаты еще на міровой войнѣ и углублены въ революціи общимъ упадкомъ чувства законности и порядка, теперь въ обстановкѣ гражданскаго безначалія, неуловимости преступленій и, можетъ быть, пассивности общаго отношенія къ нимъ, создали благопріятную почву для преступнаго элемента, который проникалъ въ армію. Даже въ штабъ арміи проникли такіе люди, какъ нѣкто, именовавшій себя княземъ Химшіевымъ (начальникъ команды ординарцевъ) и подъесаулъ Чайдоянцъ (комендантскій адъютантъ), — чины, имѣвшіе по характеру служебныхъ обязанностей постоянное и непосредственное отношеніе къ населенію; оба они попали затѣмъ подъ судъ — первый за грабежи, второй за грабежи и убійства...

Командующій арміей по своему положенію не имѣетъ возможности соприкасаться близко съ самой гущей армейскаго быта, съ его грѣхами и пороками. Но то немногое, что доходило до меня, доставляло немало огорченій.

Положеніе, между тѣмъ, становилось крайне труднымъ. Въ краѣ только что начинали возстанавливаться судъ и гражданская власть; въ арміи не было пока военныхъ юристовъ; судъ въ ней былъ поэтому упрощенный, далеко не совершенный: полковой — нормальнаго типа и военно-полевой. Въ нашей исключительной военно-походной обстановкѣ этотъ послѣдній въ буквальномъ смыслѣ слова могъ только казнить или миловать. Смертная казнь, какъ высшая мѣра наказанія, была всецѣло во власти суда. Но, подчиняясь общей психологіи, и начальники, и суды были милостивы къ своимъ и суровы къ «чужимъ».

Въ цѣляхъ борьбы съ самосудами — въ большей степени, чѣмъ для огражденія арміи — была введена статья въ Уголовное Уложеніе*, предусматривавшая виновность «въ способствованіи или благопріятствованіи войскамъ или властямъ совѣтской Россіи въ ихъ военныхъ или иныхъ враждебныхъ противъ Добровольческой арміи или союзныхъ съ ней войскъ дѣйствіяхъ». И вслѣдъ за симъ организованы были комиссіи для производства разслѣдованія по нарушеніямъ этой статьи лицами, не принадлежащими къ составу арміи. Эти комиссіи, которымъ было предоставлено право налагать и самимъ въ административномъ порядкѣ взысканія отъ 1 года 4 мѣсяцевъ тюремнаго заключенія до небольшого денежнаго штрафа, спасли многихъ людей отъ горькой участи. Впослѣдствіи списки осужденныхъ представлялись мнѣ періодически начальникомъ военнаго и морского суднаго отдѣла, и я уменьшалъ наказанія или слагалъ ихъ вовсе**.

---

* Статья 108[1].

** Съ 24 января по 6 февраля въ судебно-слѣдственную комиссію поступило 705 дѣлъ, изъ которыхъ 265 переданы въ другія судебныя учрежденія, 92 не разобраны, 82 окончены въ административномъ порядкѣ и 251 прекращено за отсутствіемъ состава преступленія.

Въ тѣхъ же цѣляхъ — предотвращенія массовыхъ самосудовъ — кубанское правительство на своей территоріи организовало повсемѣстно станичные «чрезвычайные» или «полевые суды». Эта мѣра имѣла послѣдствія весьма печальныя: составленные изъ казаковъ данной станицы, лишенные въ своихъ дѣйствіяхъ какой бы то ни было объективности, суды эти сводили кроваво личные счеты со своими иногородними, обратившись сами въ орудіе организованнаго самосуда.

* * *

Въ пестромъ калейдоскопѣ, который являла собою Добровольческая армія, каждый увидитъ тотъ свѣтъ или ту тѣнь, которые пожелаетъ найти. Но одни эти отдѣльныя явленія не дадутъ еще историку представленія объ обликѣ арміи. Онъ долженъ будетъ поставить ихъ въ тѣснѣйшую связь и зависимость отъ историческихъ условій зарожденія арміи, отъ духа народа, передавшаго въ армію свои добродѣтели, пороки и заблужденія.

Историкъ отмѣтитъ несомнѣнно еще одно важное явленіе — эпидемическое распространеніе русскаго большевизма — въ формахъ, быть можетъ, болѣе слабыхъ, иногда мало замѣтныхъ, — поражавшихъ, тѣмъ не менѣе, морально широкіе круги, ему чуждые и враждебные. Въ навыки, пріемы, методы, въ самый складъ мышленія людей вливалась незамѣтно, несознательно большевицкая отрава. Эпидемія пронеслась и по бѣлымъ арміямъ, и по освобожденнымъ раіонамъ, и по міровымъ путямъ разселенія эмиграціи. Она находила тамъ свои жертвы среди философовъ и богослововъ, среди начальниковъ и воиновъ, правителей и судей, политиковъ и купцовъ, въ толщѣ домовитаго крестьянства, зажиточнаго мѣщанства и рабочихъ, казаковъ и иногородныхъ; въ красномъ, розовомъ, бѣломъ и черномъ станахъ.

Одни переносили болѣзнь легко, другіе долго и мучительно, третьи не исцѣлились до сего дня.

Въ разные періоды своего существованія переболѣла по разному и Добровольческая армія. Но въ своихъ подвигахъ, страданіяхъ и грѣхахъ была постоянна въ одномъ: она являла образъ высокаго самопожертвованія и пламеннаго патріотизма.

ГЛАВА XXV.

Второй кубанскій походъ. Подготовка Екатеринодарской операціи: Кущевка, Кавказская, занятіе Ставрополя, Пластуновская.

Добровольческая армія, отдохнувъ въ теченіе двухъ дней въ раіонѣ Тихорѣцкой, приступила къ подготовкѣ екатеринодарской операціи.

Къ этому времени сѣверо-кавказскія красныя войска располагались въ слѣдующихъ организованныхъ группахъ:

1. Армія Сорокина (около 30 тысячъ) попрежнему — въ раіонѣ Кущевка — Сосыка.

2. Екатеринодарская группа — въ составѣ екатеринодарскаго гарнизона — 5—8 тысячъ и остатковъ Тихорѣцкой группы Калнина — 2—3 тысячи — деморализованныхъ, остановленныхъ съ большимъ трудомъ въ раіонѣ Кореновки.

3. «Кавказская» группа силою 3½—4 тысячи человѣкъ, занимавшая жел.-дор. узелъ Кавказской и выдвинувшаяся передовыми частями къ станицѣ Малороссійской. Въ томъ же направленіи стояли крупные гарнизоны Армавира и Майкопа.

4. Ставропольская группа численностью 6—8 тысячъ; отряды ея располагались въ Ставрополѣ, въ Благодарненскомъ и Медвѣженскомъ уѣздахъ.

5. Наконецъ, множество болѣе или менѣе организованныхъ мелкихъ отрядовъ, разбросанныхъ по всему Сѣверному Кавказу.

Чтобы расширить фронтъ движенія и обезпечить предстоящую операцію, я поставилъ арміи слѣдующія задачи:

1. Генераламъ Эрдели, Покровскому и полковнику Кутепову (около 8—10 тысячъ*) — разбить армію Сорокина и овладѣть жел.-дор. узломъ Кущевкой, что приводило одновременно къ освобожденію Ростовскаго округа (Задонья).

2. Генералу Боровскому (3—4 тысячи) разбить—«кавказскую» группу и овладѣть жел.-дор. узломъ Кавказской.

3. Полковнику Дроздовскому (2½—3 тысячи)—прикрыть Тихорѣцкую со стороны Екатеринодара.

Независимо отъ чисто стратегическихъ условій, всякое расширеніе фронта и занятіе новой территоріи вызывало подъемъ тамъ казачества и притокъ живой силы въ ряды арміи. А несравненныя качества добровольцевъ позволяли мнѣ съ 20-тысячной арміей вести одновременно операціи отъ Кущевки до Армавира (220 верстъ), отъ Динской до Ставрополя (220 верстъ)...

3-го іюля армія начала наступленіе. Въ тотъ же день части Сорокина, стоявшія противъ Кагальницкаго донского фронта, оставили его, поспѣшно уходя на Кущевку.

* * *

---

* Боевой составъ дивизій мѣнялся чуть не ежедневно – съ одной стороны отъ убыли, съ другой отъ притока пополненій.

По разнымъ причинамъ, вытекавшимъ изъ личныхъ свойствъ начальниковъ, нельзя было объединить командованія надъ тремя дивизіями, направленными на Кущевку; пришлось руководить ими непосредственно мнѣ.

Главная колонна — дивизія Кутепова — направлена была вдоль жел. дороги; конница Покровскаго правѣе ея отъ Незамаевской въ охватъ Кущевки съ востока; конница Эрдели лѣвѣе — на Уманскую — Старо-Минскую — на пути отступленія Сорокина.

5-го іюля Кутеповъ у Сосыки, послѣ краткаго боя съ большевиками, насчитывавшими нѣсколько батальоновъ, 4 орудія и 3 бронированныхъ поѣзда, опрокинулъ ихъ и занялъ этотъ жел.-дорожный узелъ.

6-го колонна его, продолжая наступленіе, встрѣтила крайне упорное сопротивленіе на линіи станціи Крыловской — станицы Екатериновской. Послѣ неоднократныхъ атакъ, 1-й дивизіи удалось пополудни овладѣть станціей. Но бой у Екатериновской продолжался до поздней ночи, вызвавъ большія потери и потребовавъ введенія въ дѣло всѣхъ резервовъ. Запоздалый подходъ шедшей съ юга конницы Покровскаго еще болѣе осложнилъ положеніе. Атаки Марковцевъ и конниковъ 1-го полка встрѣчали неожиданно стойкій отпоръ большевиковъ, переходившихъ не разъ въ контръ-атаку; бывали тяжелыя минуты. Только въ сумеркахъ намъ удалось оттѣснить фронтъ большевиковъ. Утомленныя войска заночевали въ полѣ, а къ разсвѣту противника уже не оказалось: подъ вліяніемъ общей обстановки, отчасти угрозы со стороны появившихся частей Покровскаго, онъ отошелъ въ направленіи Кущевки.

Въ тотъ же день Эрдели, наступая вдоль жел. дор. Сосыка — Старо-Минская, велъ рядъ боевъ съ боковымъ отрядомъ арміи Сорокина, выдержалъ сильную контръ-атаку его и къ вечеру овладѣлъ станицей Уманской. Въ этомъ центрѣ конспиративной работы и очагѣ возстаній казаковъ Ейскаго отдѣла дивизія Эрдели значительно пополнилась.

7-го вечеромъ колонны Кутепова и Покровскаго продолжали наступленіе, на этотъ разъ вполнѣ согласованно. Подъ утро 8-го вновь начался тяжелый бой дивизіи Кутепова при подходѣ къ станціи Кисляковской. Обѣ стороны проявляли высокое напряженіе и незаурядное мужество; не разъ то большевики, то добровольцы мѣстами начинали отступленіе... Только пополудни, когда Покровскій овладѣлъ станицей Кисляковской, угрожая тылу большевиковъ, занимавшихъ станцію, въ рядахъ ихъ началось замѣшательство. Войска Кутепова стремительно двинулись въ атаку, опрокинули противника, заняли станцію и преслѣдовали большевиковъ на разстояніи трехъ верстъ.

Но Сорокинъ, придавая повидимому исключительное значеніе Кущевскому узлу, къ которому, какъ оказалось, спѣшно отходили войска его съ Батайскаго и Кагальницкаго фронтовъ, поѣзда и всѣ обозы, направилъ на югъ новыя подкрѣпленія и приказалъ отряду, дѣйствовавшему противъ Кисляковской, перейти въ контръ-наступленіе. Бой начался вновь — такой же упорный и кровавый, и только къ вечеру войска Кутепова разбили, наконецъ, противника, хлынувшаго въ безпорядкѣ въ сторону Кущевки.

На разсвѣтѣ 10-го предположена была атака Кущевки...

Но въ ночь на 10-е станцію Кущевку покинули послѣднія аррьергардныя части Сорокина, главныя силы котораго отступали поспѣшно вдоль Черноморской жел. дороги въ направленіи на Тимашевскую.

Утромъ 10-го колонны Кутепова и Покровскаго вступили въ Кущевку; съ сѣвера одновременно съ ними подходили донскія части и... нѣмецкіе разъѣзды.

Раздавшійся вслѣдъ за тѣмъ взрывъ Кущевскаго моста былъ тяжелой данью политикѣ, сковавшей стратегію.

Занятіе Кущевки имѣло для насъ весьма важное стратегическое значеніе: оно вызвало полное очищеніе отъ большевиковъ Задонья и упраздненіе южнаго донского фронта, дало намъ выходъ къ Азовскому морю и обезпеченіе екатеринодарской операціи съ сѣвера.

Въ этотъ день (10-го) я посѣтилъ Кущевку и далъ войскамъ новыя задачи: конницѣ Покровскаго преслѣдовать главныя силы противника на Старо-Минскую, частью силъ очистить Ейскій раіонъ; конницѣ Эрдели двигаться на перерѣзъ пути Сорокина между Старо-Минской и Тимашевской для удара во флангъ ему; начать немедленную

Подготовка Екатеринодарской операцiи
Кущевка, Пластуновская, Кавказская
3–19 iюля 18 г.
Ейскъ
Староминская
I куб.
Кущевка
I куб.
Iю.
Новоминская
Кисляковская
Уманская
Екатериновская
Крыловская
I
Сорокинъ
I кн.
I кн.
Ст. Леушковская
Нов. Леушковская
Д. А
Тихорецкая
Переяслав.
Брюховецкая
Тимошевка
Березанская
Новокорсунская
Малороссийская
III
II
Выселки
Кореновская
Дмитриевская
Новоалександровская
Кавказская
Темижбековская
въ Ставрополь
Тифлисская
Гулькевичи
Григориполисская
II
III
Усть-Лабинская
Прочноокопская
Армавиръ
Кубань
Екатеринодаръ
0
25 в.

переброску дивизіи Кутепова по жел. дорогѣ черезъ Тихорѣцкую на екатеринодарское направленіе.

Армія Сорокина уходила, бросая свои обозы, склады и груженые поѣзда, стараясь выйти изъ стратегическаго окруженія и изъ подъ нашихъ ударовъ.

Преслѣдованіе ея, къ сожалѣнію, не отличалось напоромъ и стремительностью. Ейскъ былъ занятъ 12-го. Покровскій, не учтя обстановку, подчиняясь своей слабости къ толпѣ и овацiямъ, удѣлилъ болѣе, чѣмъ нужно, силъ и вниманія этому второстепенному направленію и самъ лично свернулъ съ главнаго пути, чтобы посѣтить освобожденный городъ... Нѣсколько дней было потеряно, связь съ дивизіей временно нарушена. Эрдели съ 6-го числа оставался въ раіонѣ Уманской и не могъ или не дерзалъ ударить во флангъ Сорокину, ведя мелкіе, затяжные бои съ его боковымъ заслономъ. Оперативныя сводки этихъ дней характеризуютъ это направленіе стереотипной фразой — «положеніе безъ перемѣнъ».

Ведя затѣмъ параллельное преслѣдованіе, Эрдели 13-го числа занялъ станицы Переяславскую и Ново-Корсунскую. Къ этому дню Сорокинъ успѣлъ уже сосредоточиться въ раіонѣ Тимашевской, прикрывшись съ сѣвера трудно проходимымъ лиманомъ Лебяжьимъ и низовьями р. Бейсуга.

* * *

Генералъ Боровскій со 2-й дивизіей началъ наступленіе 3-го іюля. Выбивъ большевиковъ послѣдовательно изъ ряда станцій и станицъ, пройдя въ три дня съ боями 60 верстъ, онъ атаковалъ 5-го іюля главныя силы противника въ раіонѣ Кавказской. Ударъ, занесенный одновременно съ запада, сѣвера и сѣверо-востока*, увѣнчался полнѣйшимъ успѣхомъ: большевики бѣжали, главнымъ образомъ, за Кубань, не успѣвъ ни эвакуировать станціи, ни повредить жел.-дорожнаго моста черезъ рѣку. Въ наши руки попалъ огромный подвижной составъ.

Обезпечивъ себя занятіемъ станицы Тифлисской со стороны Екатеринодара и Ново-Александровской со стороны Ставрополя, Боровскій прочно утвердился въ Кавказскомъ узлѣ. Обладаніе имъ разъединяло стратегически Екатеринодаръ, Ставрополь и Армавиръ, открывъ намъ свободу дѣйствій по всѣмъ этимъ направленіямъ и обезпечивъ главное операціонное направленіе арміи съ юга.

Но большевики, расположившись на лѣвомъ берегу Кубани, тревожили добровольцевъ вылазками въ раіонѣ жел.-дорожнаго моста и обстрѣливали наше расположеніе и станцію артиллерійскимъ огнемъ. Къ тому же, 8-го пришло извѣстіе о паденіи Ставрополя**, что развязывало Боровскому руки въ этомъ направленіи. Поэтому онъ рѣшилъ расширить свою задачу. Оставивъ полковника Писарева съ Партизанскимъ полкомъ въ раіонѣ Тифлисской — Кавказской, остальными силами дивизіи переправился съ боемъ на лѣвый берегъ Кубани у ст. Темижбекской и 12 іюля атаковалъ съ фланга и съ тыла группу большевиковъ у жел.-дор. моста и станціи Гулькевичи. Большевики частью были захвачены въ плѣнъ, частью разсѣяны.

Сравнительная легкость, съ которой былъ достигнутъ успѣхъ, побудила дивизію развивать наступленіе къ Армавиру... Я не толкалъ, но и не сдерживалъ. 13-го правая колонна (пластуны) Боровскаго взяла съ бою станцію Кубанскую, а лѣвая — Корниловцы съ батареей — овладѣла Григориполиской и, переправившись тамъ же черезъ Кубань, двинулась на югъ правымъ берегомъ рѣки... Къ ночи Корниловцы овладѣли Прочнокопской — станицей, висящей на высокомъ утесѣ Кубани надъ самымъ Армавиромъ. Утромъ соединенными силами обѣихъ колоннъ послѣ двухчасового ожесточеннаго уличнаго боя Армавиръ былъ взятъ. Разбитые большевики уходили въ безпорядкѣ на Майкопъ и Невинномысскую...

---

* Отрядъ полковника Селезнева изъ мобилизованныхъ кубанскихъ казаковъ, шедшій изъ станицы Дмитріевской.

** См. ниже.

Мы, однако, не дооцѣнили силы противника и къ тому же въ Армавирѣ были, повидимому, слишкомъ безпечны...

Въ связи съ успѣшно начавшимся 15 іюля наступленіемъ арміи Сорокина* возобновилась дѣятельность красныхъ войскъ на всѣхъ направленіяхъ.

15-го большевики ударили на слабый заслонъ Партизанскаго полка у Тифлисской и захватили станицу, угрожая тылу Боровскаго. Но полковникъ Писаревъ вернулъ съ бою станицу и стойко сдерживалъ затѣмъ неоднократныя попытки большевиковъ форсировать тамъ Кубань.

17-го большевики, значительно усилившіеся подошедшими изъ Майкопа подкрѣпленіями, атаковали Армавиръ съ запада. Боровскій, обратившій больше вниманія на югъ**, не успѣлъ перегруппировать войска, вынужденъ былъ очистить Армавиръ и въ ближайшіе дни отойти къ Кавказской. Южный авангардъ, отрѣзанный большевиками, съ трудомъ пробился сквозь ихъ расположеніе на соединеніе съ дивизіей.

Одержанный большевиками успѣхъ получилъ офиціальное признаніе со стороны «командующаго Армавиро-Кавказскимъ фронтомъ, тов. Тулинова». Приказъ его весьма характеренъ для красноармейскихъ Ешиходовыхъ: «Честь и слава геройскимъ полкамъ, отрядамъ ввѣреннымъ мнѣ. Приношу Вамъ свою великодушную благодарость, за Вашу небывалую храбрость, цѣлыми вѣками революціи другихъ иностранныхъ государствъ. Вы стали выше историческихъ бойцовъ славы освободительной исторіи, героически заняли Армавиръ съ открытыми глазами и стальной грудью идя прямо по пути разсвѣта свободы»...

Армавирская неудача, весьма мало отразившаяся на стратегическомъ положеніи арміи, имѣла, однако, трагическія послѣдствія для злосчастнаго города...

Въ дни занятія его Боровскимъ, измученное большевицкимъ режимомъ населеніе встрѣтило добровольцевъ восторженно и потомъ всѣми способами проявляло свое расположеніе къ нимъ. Когда 17-го вернулись красноармейцы, началась расплата: большевики убили болѣе полуторы тысячи невинныхъ людей. Описаніе особой комиссіи такъ рисуетъ картину этого страшнаго дня: «...Безпрерывные ружейные выстрѣлы, прерывистый трескъ пулеметовъ, крики озвѣрѣвшей толпы, хрустъ дробящихся прикладами череповъ, стоны, хрипѣніе умирающихъ, мольбы еще цѣплявшихся за жизнь страдальцевъ, кровь, кровь кругомъ, ощущеніе то прикасающейся, то отдаляющейся руки смерти»...

Изъ за отвлеченныхъ положеній стратегіи, изъ за строкъ реляцій, то радостно воспѣвающихъ побѣду, то сухо-лаконичныхъ, скрывающихъ неудачу — глядѣло окровавленное и смертельно измученное лицо русскаго обывателя. И этотъ призракъ побуждалъ не разъ класть лишнюю гирю не на ту чашку вѣсовъ задуманнаго плана операціи, на которой покоились принципы военнаго искусства...

* * *

8-го іюля получено было донесеніе о паденіи Ставрополя.

Штабная сводка объявляла объ этомъ событіи слѣдующими словами: «совѣтская власть изгнана изъ Ставрополя и вмѣстѣ съ красной гвардіей бѣжала въ Армавиръ. Въ Ставрополь прибылъ нашъ военный губернаторъ и вступили наши войска»...

Вѣроятно для многихъ событіе это казалось тогда значительнымъ и радостнымъ. Но для арміи оно являлось тяжелой обузой. Занятіе Ставрополя — не въ порядкѣ планомѣрнаго развитія операціи, а въ результатѣ партизанскаго налета — сдѣлало положеніе города весьма непрочнымъ; вмѣстѣ съ тѣмъ оно налагало на насъ нравственную обязанность защищать его, отвлекая силы отъ главнаго направленія.

Случилось все это въ обстановкѣ почти феерической.

---

* См. слѣдующую главу.

** Авангардъ былъ выдвинутъ на станцію Овечки, въ 50 съ лишнимъ верстахъ отъ Армавира.

Въ Кисловодскѣ въ маѣ объявился партизанъ, полковникъ Шкуро. Онъ былъ заподозрѣнъ большевиками въ контръ-революціи, арестованъ и отправленъ во Владикавказъ. Тамъ, при содѣйствіи ген. Мадритова, находившагося въ добрыхъ отношеніяхъ съ терскимъ «совѣтомъ народныхъ комиссаровъ», Шкуро не только освобождаютъ, но и отпускаютъ обратно въ Кисловодскъ. Прошло немного времени, и Шкуро во главѣ отряда, въ составъ котораго входили кубанскіе казаки Баталпашинскаго и Лабинскаго отдѣловъ, въ серединѣ іюня появляется подъ Кисловодскомъ. Взявъ городъ и продержавшись въ немъ нѣсколько дней онъ, выбитый большевиками, уходитъ на Кубань и ищетъ соединенія съ Добровольческой арміей.

Выступленіе Шкуро дало сигналъ къ преждевременному возстанію терцевъ и къ сильнымъ репрессіямъ со стороны большевиковъ въ отношеніи кисловодской буржуазіи.

Къ концу іюня отрядъ Шкуро появился въ Ставропольской губерніи, ведя по дорогѣ удачные бои съ большевицкими частями. Его движеніе опережала громкая молва о несмѣтной силѣ отряда, неизмѣнной удачѣ его «атамана» и жестокихъ расправахъ съ совѣтскими властями...

Появившись 5-го іюля къ сѣверу отъ Ставрополя, Шкуро вошелъ въ связь съ Добровольческой арміей, а городу предъявилъ ультиматумъ о выходѣ изъ него въ опредѣленный срокъ красно-армейцевъ, грозя въ противномъ случаѣ начать «обстрѣлъ тяжелой артиллеріей»...

Какъ это ни странно, но комиссары Ставрополя и начальникъ гарнизона Шпакъ, напуганные тревожными вѣстями, идущими со всѣхъ сторонъ объ успѣхахъ добровольцевъ, 8-го очистили городъ безъ боя...

Ликованію измученныхъ жителей не было предѣла.

Въ Тихорѣцкой, куда пріѣхалъ Шкуро представиться и заявить о своемъ подчиненіи, я первый разъ увидѣлъ этого офицера, котораго Кубань долго считала своимъ національнымъ героемъ. Тогда — только начиналась еще восходящая линія его карьеры и слагались первыя легенды... Молодой, нервный, веселый, безпечный, подкупающій своей удалью и безшабашностью — словомъ, типъ настоящаго партизана. Отрядъ его имѣлъ составъ приблизительно четырехъ полковъ, и потому я обѣщалъ Шкуро послѣ реорганизаціи и снабженія его артиллеріей и технической частью, развернуть отрядъ въ дивизію, сохранивъ за нимъ командованіе.

Но прошло нѣсколько дней, и изъ Ставрополя начали поступать тревожныя свѣдѣнія. Отрядъ Шкуро — отличный для набѣговъ — былъ мало пригоденъ для длительнаго боя на подступахъ къ Ставрополю. Партизаны кутили — больше всѣхъ самъ Шкуро — не разъ обижали населеніе, подѣлили склады... «Старики»-кубанцы ворчали — «не для того они шли въ отрядъ, чтобы защищать буржуевъ»... Поддаваясь обаянію своего пылкаго начальника, они въ то же время скептически относились къ его молодости и житейскому опыту. До того, что не ясно было, кто надъ кѣмъ верховодитъ.

Кубанскій атаманъ отнесся также съ сомнѣніемъ къ отряду. Въ результатѣ въ Ставрополь былъ командированъ вернувшійся послѣ излѣченія ранъ, полученныхъ въ Первомъ походѣ, достойнѣйшій полковникъ Улагай и принялъ дивизію, получившую потомъ наименованіе 2-й Кубанской. Шкуро, хотя и съ нѣкоторой обидой, согласился стать въ ней бригаднымъ командиромъ. Черезъ нѣкоторое время, по выдѣленіи наиболѣе безпокойныхъ казаковъ Баталпашинскаго отдѣла въ «Кубанскую Партизанскую отдѣльную бригаду», Шкуро получилъ съ ней самостоятельную задачу — дѣйствовать на флангѣ Добровольческой арміи и поднять закубанскіе отдѣлы...

Ставрополь ликовалъ недолго. На третій день послѣ освобожденія (10 іюля) опомнившіеся отъ испуга большевицкіе отряды повели наступленіе на городъ съ трехъ сторонъ, подойдя къ его предмѣстью. Казаки Шкуро и вновь сформированный изъ ставропольскихъ офицеровъ «3-й офицерскій полкъ*» съ трудомъ отбивали наступленіе. 12-го положеніе было грозное и потребовало переброски туда съ главнаго — екатеринодарскаго направленія полка съ батареей и броневикомъ... Но Шкуро удалось отбросить большевиковъ за Кубань.

---

* Оказался не боеспособенъ и вскорѣ былъ расформированъ.

Генералъ Шкуро

Въ раіонѣ Ставрополя наступило нѣкоторое затишье, которое было нарушено 18-го, когда съ юга и востока на городъ вновь повели наступленіе красноармейцы силами до 10 тысячъ при 6 орудіяхъ. И на этотъ разъ Партизаны, подкрѣпленные частями Боровскаго*, послѣ десяти-дневныхъ боевъ разбили противника, преслѣдуя его въ обоихъ направленіяхъ верстъ на 40.

Въ началѣ августа наступленіе повторится. И долго еще Ставропольское направленіе будетъ отвлекать преждевременно наши силы, средства и вниманіе, пока не войдетъ въ нормальный раіонъ сѣверо-кавказской операціи.

* * *

На Екатеринодарскомъ направленіи Дроздовскій расширялъ раіонъ прикрытія Тихорѣцкой, продвигаясь постепенно къ Екатеринодару. Дѣйствуя быстро и энергично,

онъ опрокидывалъ слабыя части противника, грушировавшагося вдоль жел. дороги, и занималъ станицы по обѣ стороны ея, привлекая казаковъ къ участію въ борьбѣ. 9-го онъ взялъ послѣ серьезнаго боя ст. Выселки, 10-го Кореновскую, наконецъ, 13-го Пластуновскую, находившуюся въ 90 верстахъ отъ Тихорѣцкой и въ 37— отъ Екатеринодара.

Къ 14-му закончилось сосредоточеніе въ раіонѣ Пластуновской 1-й** и 3-й дивизій. Конница располагалась сѣвернѣе, у Челбасской, имѣя передовыя части у Переяславской и Ново-Корсунской въ непосредственномъ соприкосновеніи съ войсками Сорокина. Покровскій долженъ былъ идти съ сѣвера на Тимашевскую.

Предстояло рѣшить вопросъ о направленіи удара, въ зависимости отъ сосредоточенія главныхъ силъ Красной арміи, въ частности группы Сорокина: 1) если онѣ въ раіонѣ Тимашевской, то Добровольческой арміи надлежало, прикрывшись заслономъ со стороны Екатеринодара, ударить всѣми силами въ направленіи Тимашевской; 2) если у Тимашевской только сильный аррьергардъ, то, отвлекая его прямымъ движеніемъ конницы Покровскаго и Эрдели черезъ Тимашевскую, всѣми силами обрушиться на Екатеринодаръ настолько быстро, чтобы не дать противнику возможности уйти за Кубань.

---

* Улагаевскій пластунскій батальонъ изъ состава 2-й дивизіи принималъ главное участіе.

** Въ командованіе 1-й дивизіей вступилъ вернувшійся изъ командировки въ Москву ген. Казановичъ. Полковникъ Кутеповъ сталъ бригаднымъ командиромъ. 1-й Кубанскій полкъ этой дивизіи съ горной батареей былъ отправленъ въ Ставрополь.

Вся совокупность войсковой и агентурной развѣдки свидѣтельствовала о томъ, что армія Сорокина, ослабленная численно и деморализованная, прикрываясь арьергардами, идетъ на Екатеринодаръ. Очевидцы передавали о тысячахъ повозокъ съ пѣхотой и громадныхъ обозахъ, непрерывной лентой идущихъ днемъ и ночью вдоль Черноморской жел. дороги къ Екатеринодару.

Поэтому принято было второе рѣшеніе, приведшее къ десяти-дневному сраженію, — одному изъ наиболѣе тяжелыхъ и кровопролитныхъ за всю операцію.

ГЛАВА XXVI.

Бои на путяхъ къ Екатеринодару. Кореновская.

Для овладѣнія Екатеринодаромъ направлена была бо́льшая часть арміи. Дивизіи Казановича и Дроздовскаго (1-я и 3-я) — вдоль Тихорѣцкой линіи; Эрдели (1-я конная) — сѣвернѣе, параллельно имъ, къ черноморской линіи для удара по городу съ сѣвера; Покровскій (1-я Кубанская дивизія) — съ сѣвера на Тимашевскую и далѣе въ тылъ Екатеринодарской группѣ большевиковъ. Боровскій (2-я дивизія) долженъ былъ частью своихъ силъ наступать вдоль Кавказской жел.-дор. линіи для обезпеченія главнаго направленія и для демонстраціи. Для обезпеченія тыла въ Кореновской былъ оставленъ пластунскій батальонъ съ двумя орудіями.

14-го іюля я съ Романовскимъ былъ въ центральной группѣ, въ станицѣ Пластуновской, установилъ окончательно детали наступленія и напутствовалъ каждую дивизію пожеланіемъ, чтобы она «первою вошла въ Екатеринодаръ». Этотъ пріемъ боевого соревнованія какъ нельзя болѣе соотвѣтствовалъ общему настроенію — всѣ рвались къ Екатеринодару.

Къ вечеру того же дня Дроздовскій маневромъ окруженія взялъ станцію Динскую, захвативъ 3 орудія, 600 плѣнныхъ и большую добычу; южнѣе — Казановичъ занялъ съ боя монастырь (Покровская общ.).

Поздно ночью я вернулся въ Тихорѣцкую. Штабъ арміи на другой день долженъ былъ перейти въ Кореновскую.

Но утромъ 15-го связь съ центральными колоннами была порвана. По жел.-дорожному телефону мы получили донесеніе, что станица Кореновская была атакована крупными силами противника и взята имъ; гарнизонъ нашъ частью уничтоженъ, частью попалъ въ плѣнъ.

Большевицкія войска съ занятіемъ Кореновской оказались въ тылу центральной нашей группы, разъединили ее отъ конницы Эрдели и штаба арміи и создали непосредственную угрозу Тихорѣцкому узлу, для обороны котораго оставались лишь 1—2 формирующіеся батальона, 1—2 сотни и мой конвой.

Положеніе создалось грозное.

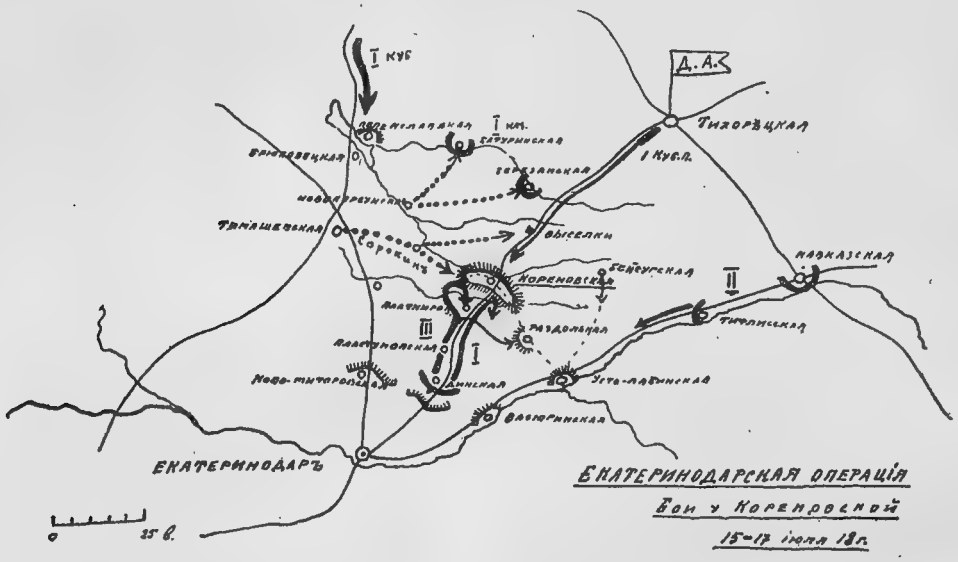
Я приказалъ немедленно отозвать изъ Ставрополя полкъ съ батареей для нанесенія совмѣстно съ бронепоѣздами удара по Кореновской съ сѣверо-востока, тогда какъ центральная группа будетъ наносить его очевидно съ юго-запада; послалъ Покровскому приказаніе — «минуя всякія препятствія» и чего бы это ни стоило атаковать Тимашевскій узелъ и выйти въ тылъ Сорокину; Эрдели — ударить на Кореновскую съ сѣвера.

Въ центральную колонну штабъ послалъ на аэропланѣ сообщеніе о направленной помощи; летчикъ долженъ былъ спуститься въ раіонѣ Пластуновской, съ рискомъ попасть въ руки непріятеля...

Прошли томительныя сутки...

* * *

Свѣдѣнія развѣдки о движеніи большевиковъ изъ Тимашевской на Екатеринодаръ имѣли нѣкоторыя основанія: туда текли обозы, бѣженцы, дезертиры, мелкіе отряды, отколовшіеся отъ Сорокина. Главныя силы оставались, однако, въ раіонѣ Тимашевской, приводились въ порядокъ, пополнялись по пути мобилизованными. Силы эти насчитывали, какъ оказалось, не менѣе 25—30 тысячъ. На основаніи согласныхъ показаній плѣнныхъ Сорокинъ принялъ рѣшеніе — выставивъ противъ Покровскаго заслонъ изъ лучшей своей дивизіи, которая должна была впослѣдствіи отступать на Тамань и Новороссійскъ, самому пробиться черезъ Кореновскую на Усть-Лабу, съ цѣлью уйти за Кубань. Вѣроятно, только впослѣдствіи легкость овладѣнія Кореновской и создавшаяся благопріятная обстановка побудили его использовать свое положеніе и попытаться разбить Добровольческую армію. Во всякомъ случаѣ весь планъ свидѣтельствуетъ о большой смѣлости и искусствѣ. Не знаю чьихъ — Сорокина или его штаба. Но если



вообще идейное руководство въ стратегіи и тактикѣ за время сѣверо-кавказской войны принадлежало самому Сорокину, то въ лицѣ фельдшера-самородка совѣтская Россія потеряла крупнаго военачальника*...

14-го Сорокинъ перешелъ въ наступленіе на широкомъ фронтѣ, направляя главныя силы на Кореновскую. Въ этотъ день онъ, отбросивъ конницу Эрдели, вышелъ на линію Переяславская — Ново-Корсунская — Сергіевская, а 15-го взялъ Кореновскую.

* * *

Ввиду неясныхъ слуховъ о появленіи противника у Сергіевской и Дядьковской, полученныхъ къ вечеру 14-го, послана была туда новая развѣдка, а колонны Казановича и Дроздовскаго были придержаны у Динской.

Когда утромъ 15-го колонны оказались отрѣзанными отъ Тихорѣцкой, Казановичъ и Дроздовскій, по взаимному соглашенію, оставивъ аррьергардъ съ бронепоѣздомъ у Динской**, двинулись на Кореновскую, съ цѣлью атаковать ее. Марковцы Казановича — въ поѣздѣ, дроздовцы на подводахъ. 2-й конный полкъ былъ направленъ на ст. Раздольную для атаки Кореновской съ юго-востока.

---

* Убитъ въ октябрѣ большевиками въ Ставрополѣ. См. ниже.

** Изъ состава 1-й дивизіи батальонъ марковцевъ и 1-й конный полкъ.

Сидятъ слѣва направо:
полк. Третьяковъ, полк. Кутеповъ, ген. Казановичъ, полк. Гейдеманъ

Штабъ 1-й дивизіи

Съ разсвѣтомъ Казановичъ, имѣя всего два батальона марковцевъ съ артиллеріей и бронепоѣздомъ, атаковалъ большевиковъ въ направленіи станціи (Станичная), не дождавшись подхода Дроздовскаго, и потерпѣлъ неудачу; батальоны его залегли, отбиваясь огнемъ отъ наступавшей пѣхоты противника, отъ атаковавшей большевицкой конницы. Въ 8 часовъ утра войска Дроздовскаго развернулись сѣвернѣе жел. дор., направляляясь на станицу съ запада, и бой подъ Кореновской, тыломъ къ Екатеринодару, продолжался съ новымъ напряженіемъ въ теченіе всего дня.

Войска Сорокина оказались здѣсь въ значительно превосходныхъ силахъ и отмѣннаго боевого качества. Артиллерія его выпускала огромное количество снарядовъ.

Напрасны были многократныя атаки нашихъ дивизій, выѣзды «на картечь» батарей, личный примѣръ начальниковъ: Дроздовскаго, подъ непрерывнымъ огнемъ ободрявшаго свои войска, Казановича, выѣзжавшаго въ цѣпи противника на броневикѣ въ горячія минуты боя, Тимановскаго, водившаго лично въ атаку батальонъ марковцевъ для спасенія положенія...

Дивизіи наши понесли тяжелыя потери, были смяты и къ вечеру отошли, преслѣдуемыя противникомъ, за руч. Кирпели къ станицѣ Платнировской. «Отходъ пѣхоты, имѣвшей на своемъ пути болотистую рѣчку — говорится въ описаніи дѣйствій Дроздовской дивизіи—носилъ очень тяжелый характеръ... Были случаи самоубійства добровольцевъ, отъ изнеможенія не имѣвшихъ возможности (уйти) отъ противника и боявшихся попасть въ его руки. Оставленныхъ на полѣ боя раненыхъ и выбившихся изъ силъ постигла страшная смерть. Красные проявляли нечеловѣческую жестокость, выкалывали глаза, вырѣзали члены и сжигали (потомъ) раненыхъ на кострахъ»...

Дивизіи остановились на ночь на позиціи за ручьемъ. Части стали подсчитывать свои порѣдѣвшіе ряды и почти израсходованные боевые припасы, приводились въ порядокъ. На совѣщаніи, состоявшемся въ эту ночь въ Штабѣ 3-й дивизіи, обстановка рисовалась въ крайне мрачномъ свѣтѣ. Казановичъ такъ описываетъ это совѣщаніе: «Дроздовскій объявилъ, что считаетъ создавшееся положеніе критическимъ и единственный путь спасенія видитъ въ томъ, чтобы, пользуясь темнотой, отступить въ восточномъ направленіи и искать кружнымъ путемъ соединенія съ командующимъ арміей или Боровскимъ... Что надо спасать части отъ уничтоженія»... Казановичъ протестовалъ: «такое отступленіе развяжетъ большевикамъ руки, они (возьмутъ) Тихорѣцкую, порвутъ всякую связь между отдѣльными частями арміи... Операція будетъ сорвана... наше отступленіе поведетъ къ пораженію арміи по частямъ. Съ другой стороны, нельзя себѣ представить, чтобы ген. Деникинъ оставался въ бездѣйствіи — очевидно, онъ направляетъ все, что ему удалось собрать, въ тылъ стоящимъ противъ насъ большевикамъ».

Казановичъ, наконецъ, заявилъ, что ввиду потери связи съ командующимъ арміей онъ, какъ старшій, на основаніи полевого устава, вступаетъ въ командованіе группой и приказываетъ съ разсвѣтомъ возобновить наступленіе на Кореновскую...

Съ утра 17-го были сдѣланы попытки наступленія марковскимъ полкомъ, но безуспѣшно. Противникъ въ свою очередь перешелъ въ наступленіе по всему фронту.

Съ особенной силой большевики обрушились въ направленіи жел. дороги на правый флангъ Дроздовцевъ (Солдатскій полкъ) и на Марковцевъ. Во многихъ мѣстахъ окопы наши были захвачены и въ нихъ шелъ жестокій штыковой бой. Съ большимъ трудомъ незначительнымъ поддержкамъ храбраго 2-го Офицерскаго полка и батареѣ доблестнаго подполковника Міончинскаго удалось возстановить положеніе.

Въ атакахъ большевиковъ, не взирая на ихъ исключительное упорство, добровольцы замѣтили однако какую то необычайную нервность.

Большевики не просто атаковали — они пробивались...

Въ то время, когда силы добровольцевъ были уже на исходѣ, возлѣ Платнировской спустился летчикъ штаба арміи. Онъ сообщилъ такъ страстно желанную вѣсть о приближеніи помощи со стороны Тихорѣцкой...

Настроеніе войскъ сразу поднялось.

По полудни надъ Кореновской появились высокіе разрывы шрапнелей. Это 1-й Кубанскій полкъ съ батареей и бронепоѣздомъ атаковалъ Кореновскую группу противника съ тыла.

Вскорѣ на всемъ полѣ между Кореновской и Платнировской добровольцы увидѣли ясную и знакомую имъ картину «конца», когда поле сразу оживаетъ и по немъ мечутся во всѣ стороны повозки, всадники и пѣшіе люди... 1-й Кубанскій полкъ ворвался въ Кореновскую; навстрѣчу ему шелъ стремительно Марковскій. Разбитый противникъ спѣшно уходилъ двумя волнами: одна, смявъ правый флангъ Марковцевъ, бросилась на югъ, на Раздольное, откуда ее встрѣтилъ атакой 2-й конный полкъ; другая въ сравнительномъ порядкѣ текла на западъ, провожаемая огнемъ артиллеріи Дроздовскаго, и остановилась тыловыми частями верстахъ въ 2—3 отъ Кореновской. Дроздовскій подъ впечатлѣніемъ вчерашняго дня не рѣшился преслѣдовать ее пѣхотой...

Связь съ Тихорѣцкой была возстановлена. Большевики понесли весьма тяжелыя потери — добровольцы пощады не давали. Но и Добровольческая армія была сильно обезкровлена. 1-я и 3-я дивизіи потеряли 25—30 % своего состава. Въ числѣ убитыхъ были храбрѣйшіе первопоходники — Марковцы полк. Хованскій, подп. Плохинскій, шт.-ротмистръ Дударевъ и много другихъ...

Не одинъ день потомъ въ Тихорѣцкой провожалъ я въ могилу прахъ своихъ старыхъ соратниковъ, со скорбью въ душѣ и съ больной неотвязчивой думой:

— Уходятъ, уходятъ... одинъ за другимъ...

Проклятая русская дѣйствительность! Что, если бы вмѣсто того, чтобы уничтожать другъ друга, всѣ эти отряды Сорокина, Жлобы, Думенко и др., войдя въ составъ единой Добровольческой арміи, повернули на сѣверъ, обрушились на германскія войска генерала фонъ-Кнерцера, вторгнувшіяся вглубь Россіи и отдѣленныя тысячами верстъ отъ своихъ базъ...

* * *

Къ утру 18-го войска Добровольческой арміи на Екатеринодарскомъ направленіи располагались слѣдующимъ образомъ: на сѣверѣ ген. Покровскій, ведя весьма упорные бои, форсировалъ низовья Бейсуга и послѣ уличнаго боя овладѣлъ Брюховецкой. Эрдели расположился главными силами въ раіонѣ Березанской, однимъ полкомъ занимая Батуринскую. 1-я дивизія Казановича была на походѣ къ ст. Выселки, выдѣливъ Марковскій полкъ на станцію Бейсугъ. Дроздовскій оставался въ раіонѣ Кореновской, имѣя авангардъ въ Платнировской.

Въ то время, когда происходили описанныя выше событія въ южной группѣ Сорокина, сѣверная продолжала наступленіе на востокъ, угрожая Березанской и Выселкамъ. 18-го большевики выбили Эрдели изъ Березанской и заняли станицу. Въ то же время другая ихъ сильная колонна сосредоточилась у хутора Журавскаго, подойдя къ вечеру къ ст. Выселки и открывъ по ней артиллерійскій огонь.

Необходимо было покончить во что бы то ни стало съ этой группой, вновь угрожающей жел. дорогѣ и нашимъ сообщеніямъ. Я приказалъ Дроздовскому вести активную оборону Кореновской, а Казановичу, съ подчиненіемъ ему кромѣ 1-й дивизіи и конницы Эрдели, разбить сѣверную группу большевиковъ.

Казановичъ 18-го производилъ перегруппировку силъ и отражалъ наступленіе большевиковъ на Выселки всего однимъ батальономъ...

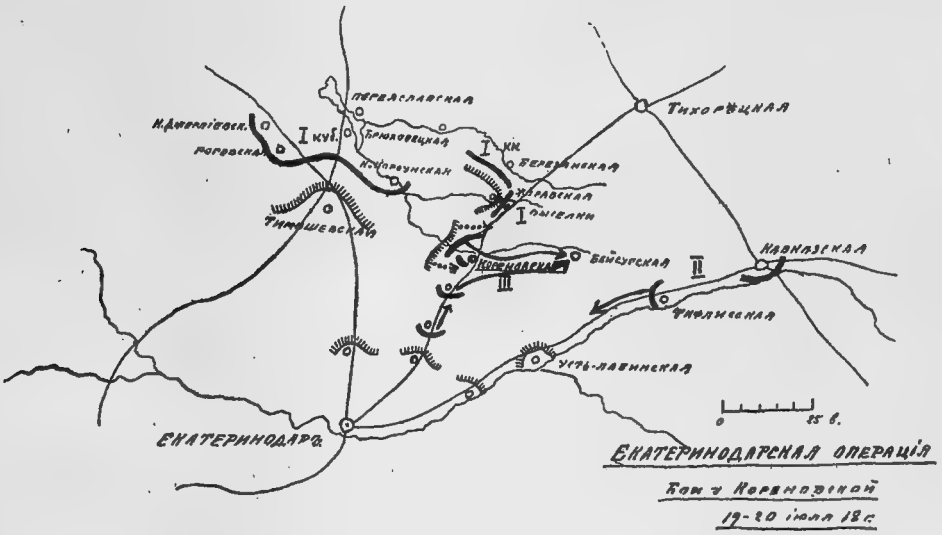
На другой день Кореновская группа большевиковъ съ утра большими силами обрушилась вновь на колонну Дроздовскаго. Весь день шелъ бой, въ теченіе котораго большевики нѣсколько разъ врывались въ Кореновскую съ юга. Одновременно замѣчено было движеніе сильной колонны вдоль р. Малеваны, съ запада на востокъ, въ глубокій обходъ позицій 3-й дивизіи. Войска Дроздовскаго проявляли большое упорство, но противникъ былъ также необыкновенно настойчивъ, шелъ въ превосходныхъ силахъ, а главное, взялъ уже въ свои руки иниціативу, приковавъ Дроздовскаго къ Кореновской и заставивъ его перейти къ пассивой оборонѣ.

Положеніе Кореновской стало безнадежнымъ.

Понеся серьезныя потери, утомленный физически и морально, Дроздовскій отдалъ приказъ объ отступленіи. Начавъ съ трудомъ выводъ войскъ изъ боя еще засвѣтло, онъ въ теченіе ночи отошелъ на востокъ, верстъ за 30, въ станицу Бейсугскую, оторвавшись совершенно отъ противника. На другой день (20-го) онъ донесъ мнѣ, что за минувшіе бои дивизія сильно пострадала, въ настоящее время не боеспособна и требуетъ полнаго отдыха...

Извѣстіе объ отступленіи 3-й дивизіи пришло въ штабъ арміи и къ Казановичу только пополудни 20-го. Казановичъ, между тѣмъ, велъ упорныя атаки Березанской и Журавки. Первая была нами взята; но сопротивленіе Журавской группы противника разбивало всѣ наши усилія. Войска Казановича, въ особенности Марковскій полкъ во главѣ съ Тимановскимъ, ходили многократно въ атаку, несли тяжелыя потери, но успѣха не имѣли.

21-го іюля Сорокинъ былъ назначенъ главнокомандующимъ красныхъ войскъ Сѣвернаго Кавказа, и это назначеніе, повидимому, повліяло на упорство его войскъ.



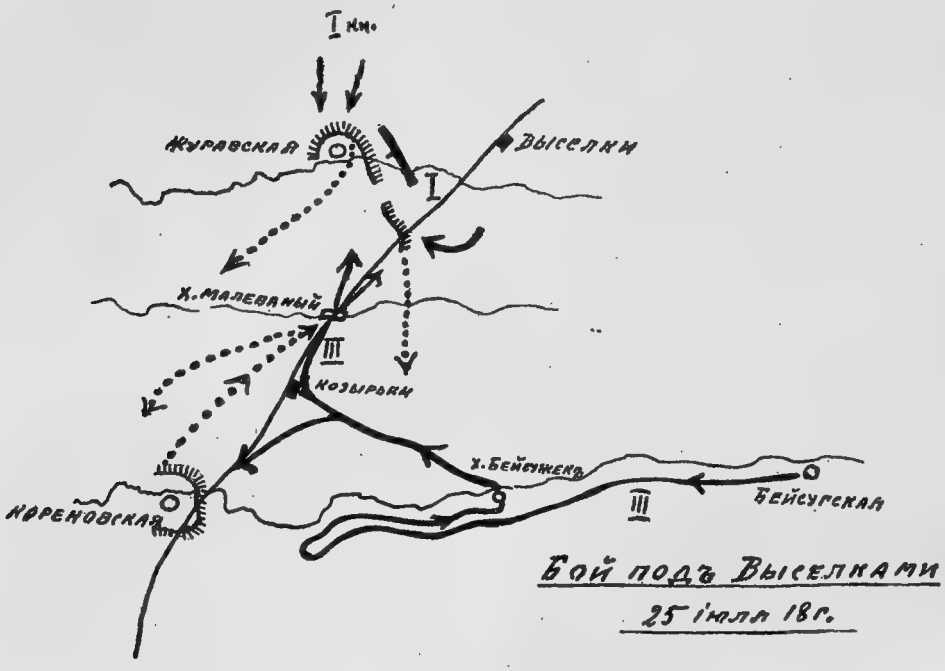
На Екатеринодарскомъ фронтѣ создалось для насъ положеніе тягостной, томительной неопредѣленности. Только на сѣверѣ обстановка нѣсколько улучшилась: 20-го наша флотилія, организованная въ Ейскѣ, вошла на рейдъ Приморско-Ахтарской и высадила тамъ небольшой десантъ, который занялъ станцію, а въ то же время Покровскій послѣ упорнаго боя взялъ станицы Ново-Джерліевскую, Роговскую и Ново-Корсунскую, охвативъ съ сѣвера Тимашевскій жел.-дорожный узелъ.

На 24 іюля я вновь назначилъ общее наступленіе Екатеринодарской группы, привлекши и 3-ю дивизію: Дроздовскому приказано было, несмотря на переутомленіе дивизіи, наступать на Кореновскую, въ тылъ сѣверной группѣ большевиковъ съ цѣлью облегченія задачи Казановича.

Оставивъ большую половину своихъ силъ для выполненія задачи пассивной — прикрытія Усть-Лабинскаго направленія, Дроздовскій съ остальными 24-го двинулся лѣвымъ берегомъ рѣки Бейсужка; но атаковать Кореновскую, занятую по его свѣдѣніямъ крупными силами противника, не рѣшился и заночевалъ на полпути въ хуторѣ Бейсужекъ. Казановичъ атаковалъ опять, опять понесъ большой уронъ и безрезультатно. Между 1-й и 3-й дивизіями создавались натянутыя отношенія, основанныя меньше всего на ихъ боевыхъ достоинствахъ: и начальники, и части могли поспорить въ доблести... Но трудно было сочетать два характера — безудержнаго Казановича и осторожнаго Дроздовскаго, двѣ системы въ тактикѣ: у Казановича лобовые удары всѣми силами, разсчитанные на доблесть добровольцевъ и впечатлительность большевиковъ;

у Дроздовскаго — медленное развертываніе, введеніе въ бой силъ по частямъ, малыми «пакетами» для уменьшенія потерь, которыя отъ этого не разъ становились еще тяжелѣе.

Утромъ 25-го Дроздовскій продолжалъ движеніе, измѣнивъ его направленіе: учитывая слабость своихъ силъ, онъ отказался отъ глубокаго обхода и рѣшилъ выйти въ ближній тылъ Журавской группѣ большевиковъ. Двинувшись на хуторъ Малеваный и овладѣвъ имъ въ десятомъ часу утра, Дроздовскій направилъ 1-й Солдатскій полкъ въ сторону Выселокъ, гдѣ велъ бой ген. Казановичъ. Появленіе нашихъ войскъ вызвало большую панику среди большевицкихъ обозовъ. Въ теченіе 4—5 часовъ Дроздовскій, прикрывшись со стороны Кореновской конницей, велъ здѣсь двусторонній горячій бой: обойдя большевиковъ, онъ оказался самъ обойденнымъ противникомъ, подошедшимъ къ Малеваному съ юго-запада отъ Кореновской. Сдерживая его съ этой стороны



артиллерійскимъ огнемъ, Дроздовскій лично съ «солдатскими» ротами отражалъ атаки съ сѣверо-востока. Большевики, стоявшіе противъ Выселокъ, повернули въ его сторону. Сначала одна волна, которая была разстрѣляна и уничтожена въ штыковомъ бою, потомъ вскорѣ и остальныя силы, преслѣдуемыя съ сѣвера Марковцами и 1-мъ коннымъ полкомъ. Послѣдній, въ пылу увлеченія, гонясь по пятамъ за большевиками, налетѣлъ и на Дроздовцевъ и, пока недоразумѣніе разъяснилось, понесъ потери отъ ихъ огня.

Сѣвернѣе, между тѣмъ, у Журавской 1-й Кубанскій полкъ и конница Эрдели вновь съ большимъ подъемомъ атаковали позицію противника съ сѣвера и сѣверо-востока и, опрокинувъ большевиковъ, заняли станицу.

Къ 4 часамъ все было кончено.

Армія Сорокина, на этотъ разъ понеся жестокое пораженіе, отступала на всемъ фронтѣ, преслѣдуемая и избиваемая конницей, броневиками, бронепоѣздами. Къ вечеру занята была съ бою и Кореновская.

Только въ этотъ день (25-го) я пріобрѣлъ вновь полную свободу дѣйствій и получилъ возможность продолжать выполненіе своего основного плана.

ГЛАВА XXVII.

Взятіе Екатеринодара.

Армія Сорокина уходила съ большой поспѣшностью главной массой въ направленіи на Екатеринодаръ, частью на Тимашевскую; тамъ попрежнему Таманская дивизія оказывала упорное сопротивленіе конницѣ Покровскаго и даже 28-го предприняла серьезное контръ-наступленіе въ направленіи на Роговскую... На югѣ отдѣльная группа большевиковъ — 4—6 тысячъ съ артиллеріей и бронепоѣздами располагалась въ раіонѣ Усть-Лабинской (постоянная переправа черезъ Кубань), занимая станицы Воронежскую и Ладожскую и выдвинувшись передовыми частями къ Раздольной и Кирпильской. Подъ прикрытіемъ екатеринодарской укрѣпленной позиціи и Усть-Лабинской группы, по мостамъ у Екатеринодара, Пашковской, Усть-Лабинской шло непрерывное движеніе обозовъ: совѣтское командованіе перебрасывало свои тылы и коммуникаціи за р. Кубань...

Не взирая на крайнее утомленіе войскъ непрерывными боями, я двинулъ армію для неотступнаго преслѣдованія противника: Эрдели и Казановича — въ направленіи Екатеринодара съ сѣвера и сѣверо-востока, Дроздовскаго — противъ Усть-Лабы. Покровскій попрежнему имѣлъ задачей овладѣніе Тимашевскимъ узломъ и Боровскій — содѣйствіе колоннѣ Дроздовскаго продвиженіемъ части силъ внизъ по Кубани.

27-го кубанская конница Эрдели вышла къ Черноморской жел. дорогѣ у ст. Медвѣдовской, а по Тихорѣцкой вѣтви — блестящей конной атакой одного изъ кубанскихъ полковъ овладѣла станицей Пластуновской. Дроздовскій въ этотъ день взялъ съ боя Кирпильскую, а Корниловскій полкъ — ст. Ладожскую, причемъ захватили исправный непріятельскій бронепоѣздъ съ 6 орудіями и 8 пулеметами*.

28-го, подвигаясь вдоль обѣихъ жел.-дорожныхъ линій, Эрдели занялъ Ново-Титоровскую и Динскую, подойдя на 20 верстъ къ Екатеринодару. 29-го въ раіонѣ Динской сосредоточилась и 1-я дивизія Казановича, причемъ бронепоѣздъ ея подходилъ въ тотъ день къ разъѣзду Лорисъ, на полпути къ Екатеринодару.

Штабъ арміи перешелъ въ Кореновскую, потомъ въ Динскую.

Задержка была за Усть-Лабой.

28-го Дроздовскій производилъ развертываніе по линіи р. Кирпили и на слѣдующій день атаковалъ Усть-Лабу, одновременно выславъ конный полкъ съ полубатареей противъ Воронежской. 4-й Кубанскій пластунскій батальонъ ворвался на станцію и въ станицу, но, не поддержанный главными силами, вскорѣ былъ выбитъ оттуда большевиками, подошедшими изъ Воронежской, отчасти съ востока. Въ разыгравшемся здѣсь бою большевики, отрѣзанные отъ Екатеринодара, сами многократно атаковали съ фланга боковыми отрядами главныя силы Дроздовскаго, перешедшія къ пассивной оборонѣ, задержавъ ихъ къ сѣверу отъ станицы; въ то же время параллельно фронту шла непрерывная переброска за Кубань по Усть-Лабинскому мосту большевицкихъ обозовъ и войскъ. Только къ вечеру по иниціативѣ частныхъ начальниковъ кубанскіе

---

* Дѣло капитана Морозова.

пластуны ворвались вновь въ Усть-Лабу совмѣстно съ Корниловскими ротами, наступавшими съ востока. Арьергардъ противника, метавшійся между Воронежской и мостомъ, совмѣстными дѣйствіями конницы Дроздовскаго былъ уничтоженъ, захвачены многочисленные еще обозы, орудія, пулеметы, боевые припасы; конница заняла Воронежскую.

30-го дивизія Дроздовскаго отдыхала. Я послалъ приказаніе двигаться безотлагательно къ Екатеринодару, оставивъ лишь небольшой отрядъ для прикрытія Усть-Лабинской переправы. Въ этотъ вечеръ и на слѣдующій день Дроздовскій пододвинулся къ станицѣ Старо-Корсунской, войдя въ связь вправо съ Казановичемъ.

Такимъ образомъ, къ 1-му августа вся Екатеринодарская группа Добровольческой арміи подошла на переходъ къ Екатеринодару, окруживъ его тѣснымъ кольцомъ съ сѣвера и востока.

1-го предстоялъ штурмъ Екатеринодарскихъ позицій.

Онѣ тянулись отъ Кубани, опоясывая Пашковскую, — разъѣздъ Лорисъ и далѣе къ Екатеринодарскимъ «Садамъ»*, пересѣкая Черноморскую жел.-дор. линію; непосредственно впереди города шла вторая непрерывная линія окоповъ. Мѣстность кругомъ была совершенно ровная, покрытая садами и обширными полями кукурузы.

1-го августа послѣ ожесточеннаго боя Покровскій взялъ, наконецъ, Тимашевскую и разбитый противникъ началъ отходить въ общемъ направленіи на Новороссійскъ...

Въ этотъ же день съ ранняго утра начались бои на всемъ Екатеринодарскомъ фронтѣ. Кубанцы Эрдели дошли до «садовъ», сбивая передовыя части противника, поддержанныя бронепоѣздомъ; Казановичъ послѣ горячаго боя овладѣлъ разъѣздомъ Лорисъ и продвинулся впередъ версты на двѣ; Дроздовскій потѣснилъ противника къ станицѣ Пашковской и занялъ разъѣздъ того же имени. Въ такомъ положеніи наши войска застала ночь, а на утро возобновился опять упорный бой.

Я шелъ съ войсками Казановича. Все поле боя было видно какъ на ладони; вдали виднѣлись знакомыя очертанія города... Четыре мѣсяца тому назадъ Армія уходила отъ него въ неизвѣстное, раненая въ сердце гибелью любимаго вождя. Теперь она опять здѣсь, готовая къ новому штурму...

Шелъ непрерывный гулъ стрѣльбы. Быстро подвигался впередъ 1-й Кубанскій полкъ подъ сильнымъ огнемъ; лѣвѣе цѣпи Дроздовскаго** катились безостановочно къ Пашковской, на нѣкоторое время скрылись въ станицѣ и потомъ появились опять, пройдя ее и гоня передъ собой нестройныя цѣпи противника... Проходитъ немного времени и картина боя мѣняется: начинается движеніе въ обратномъ направленіи. Наши цѣпи отступаютъ въ безпорядкѣ и за ними текутъ густыя волны большевиковъ, подоспѣвшихъ изъ резерва; прошли уже Пашковскую, угрожая и лѣвому флангу Казановича. Дроздовскій, вызвавъ свои многочисленные резервы, останавливаетъ съ фронта наступленіе противника; я направляю батальонъ Кубанскаго стрѣлковаго полка въ тылъ большевикамъ; скоро трескъ его пулеметовъ и ружей вызываетъ смятеніе въ рядахъ большевиковъ. Волна ихъ повернула вновь и откатилась къ Екатеринодару.

Къ вечеру Дроздовскій занималъ опять Пашковскую, заночевавъ въ этомъ раіонѣ. Казановичъ продвинулся съ боемъ до предмѣстья.

На фронтѣ Эрдели, у Ново-Величковской бригада кубанцевъ (Запорожцы и Уманцы) атаковала и уничтожила колонну, пробивавшуюся на соединеніе съ Тимашевской группой большевиковъ. Къ концу дня Эрдели атаковалъ на широкомъ фронтѣ арьергарды противника съ сѣвера и запада отъ Екатеринодара и въ девятомъ часу вечера ворвался въ городъ.

Утромъ 3-го наши колонны и штабъ арміи вступали въ освобожденный Екатеринодаръ — ликующій, восторженно встрѣчавшій добровольцевъ. Вступали съ волнующимъ чувствомъ въ тотъ городъ, который за полгода борьбы въ глазахъ Добровольческой арміи пересталъ уже вызывать представленіе о политическомъ и стратегическомъ центрѣ, пріобрѣтя какое то особое мистическое значеніе.

---

* Предмѣстье города.

** 4-й Кубанскій пластунскій батальонъ и батальонъ 2-го Офицерскаго полка.

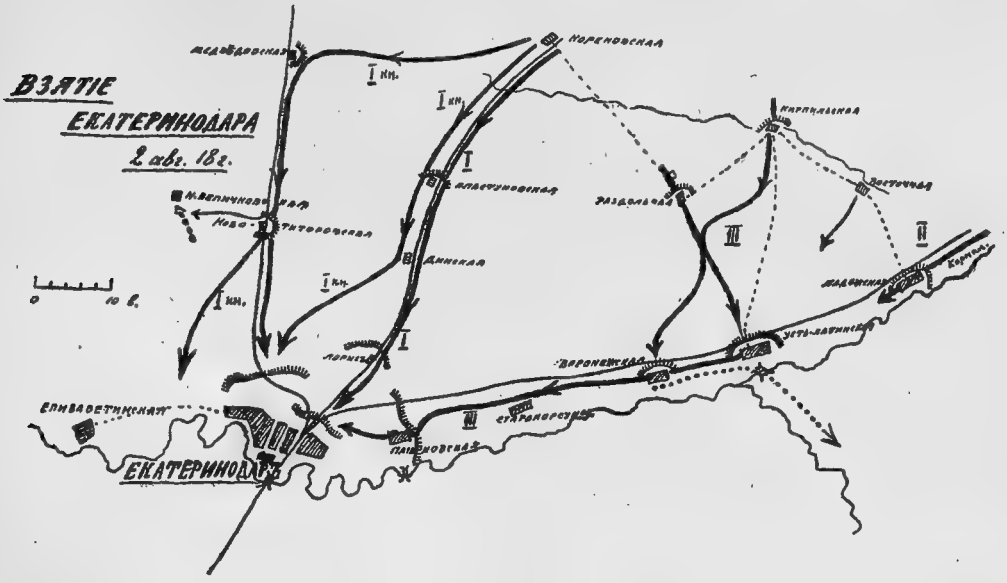
Вступленіе добровольцевъ въ Екатеринодаръ
3 августа 1918 г.

Еще на улицахъ Екатеринодара рвались снаряды, а изъ-за Кубани трещали пулеметы, но это были уже послѣдніе отзвуки отшумѣвшей надъ городомъ грозы. Войска Казановича овладѣли мостомъ и отбросили большевиковъ отъ берега.

Въ храмахъ, на улицахъ, въ домахъ, въ человѣческихъ душахъ былъ праздникъ — свѣтлый и радостный.

* * *

Взятіе Екатеринодара было вторымъ «роковымъ моментомъ», когда по мнѣнію многихъ — не только правыхъ, но и либеральныхъ политическихъ дѣятелей, добровольческое командованіе проявило «недопустимый либерализмъ», вмѣсто того, чтобы «покончить съ кубанской самостійностью», посадивъ на Кубани наказнаго атамана, и создавъ себѣ такимъ образомъ спокойный, замиренный тылъ.



О послѣдствіяхъ такого образа дѣйствій можно судить только гадательно. Ни генералъ Алексѣевъ, ни я не могли начинать дѣла возрожденія Кубани — съ ея глубоко расположеннымъ къ намъ казачествомъ, съ ея доблестными воинами, боровшимися въ нашихъ рядахъ — актомъ насилія. Была большая надежда на мирное сожительство. Но, помимо принципіальной стороны вопроса, я утверждаю убѣжденно: тотъ, кто захотѣлъ бы устранить тогда насильственно кубанскую власть, вынужденъ былъ бы примѣнять въ краѣ систему чисто большевицкаго террора противъ самостійниковъ и попалъ бы въ полнѣйшую зависимость отъ кубанскихъ военныхъ начальниковъ.

Когда былъ взятъ Екатеринодаръ, я послалъ кубанскому атаману, полковнику Филимонову въ Тихорѣцкую телеграфное извѣщеніе объ этомъ событіи и письмо слѣдующаго содержанія:

Милостивый Государь
Александръ Петровичъ!

Трудами и кровью воиновъ Добровольческой арміи освобождена почти вся Кубань. Область, съ которой насъ связываетъ крѣпкими узами безпримѣрный Кубанскій походъ, смерть вождя и сотни разсѣянныхъ по кубанскимъ степямъ братскихъ могилъ, гдѣ рядомъ съ кубанскими казаками покоятся вѣчнымъ сномъ добровольцы, собравшіеся со всѣхъ концовъ Россіи.

Армія всѣмъ сердцемъ раздѣляетъ радость Кубани.

Я увѣренъ, что Краевая Рада, которая должна собраться въ кратчайшій срокъ, найдетъ въ себѣ разумъ, мужество и силы залѣчить глубокія раны во всѣхъ проявленіяхъ народной жизни, нанесенныя ей изувѣрствомъ разнузданной черни. Создастъ единоличную твердую власть, состоящую въ тѣсной связи съ Добровольческой арміей. Не порветъ сыновней зависимости отъ Единой, Великой Россіи. Не станетъ ломать основное законодательство, подлежащее коренному пересмотру въ будущихъ всероссійскихъ законодательныхъ учрежденіяхъ. И не повторитъ соціальные опыты, приведшіе народъ ко взаимной дикой враждѣ и обнищанію.

Я не сомнѣваюсь, что на примѣрѣ Добровольческой арміи, гдѣ на ряду съ высокой доблестью одержала верхъ надъ «революціонной свободой» красныхъ бандъ воинская дисциплина, воспитаются новые полки Кубанскаго войска, забывъ навсегда комитеты, митинги и всѣ тѣ преступныя нововведенія, которыя погубили ихъ и всю армію.

Несомнѣнно, только казачье и горское населеніе области, ополчившееся противъ враговъ и насильниковъ и выдержавшее вмѣстѣ съ Добровольческой арміей всю тяжесть борьбы, имѣетъ право устраивать судьбы родного края. Но пусть при этомъ не будутъ обездолены иногородніе: суровая кара палачамъ, милость заблудившимся темнымъ людямъ и высокая справедливость въ отношеніи массы безобиднаго населенія, страдавшаго такъ же, какъ и казаки, въ темные дни безправья.

Добровольческая армія не кончила свой крестный путь. Отданная на поруганіе совѣтской власти Россія ждетъ избавленія. Армія не сомнѣвается, что казаки въ рядахъ ея пойдутъ на новые подвиги въ дѣлѣ освобожденія отчизны, краеугольный камень чему положенъ на Кубани и въ Ставропольской губерніи.

Дай Богъ счастья Кубанскому Краю, дорогому для всѣхъ насъ по тѣмъ душевнымъ переживаніямъ — и тяжкимъ и радостнымъ — которыя связаны съ безбрежными его степями, гостепріимными станицами и родными могилами.

Уважающій Васъ

А. Деникинъ».

Кубанское правительство просило меня повременить со въѣздомъ въ Екатеринодаръ, чтобы оно могло прибыть туда ранѣе и подготовить «достойную встрѣчу». Но въ Екатеринодаръ втягивались добровольческія дивизіи, на томъ берегу шелъ еще бой, и мнѣ поневолѣ пришлось перевести свой штабъ на Екатеринодарскій вокзалъ; только къ вечеру не вытерпѣлъ — проѣхалъ незамѣтно на автомобилѣ по знакомому городу — теперь неузнаваемому — загаженному, заплеванному большевиками, еще не вполнѣ вѣрившему счастью освобожденія.

Много позднѣе къ величайшему своему изумленію въ отчетѣ о секретномъ засѣданіи законодательной рады (28-го февр. 19 г.) въ числѣ многихъ тяжкихъ винъ, предъявленныхъ Рябоволомъ командованію, я нашелъ и слѣдующую: «когда послѣ взятія Екатеринодара атаманъ и предсѣдатель рады были съ визитомъ у Алексѣева (въ Тихорѣцкой), тотъ опредѣленно заявилъ, что атаманъ и правительство должны явиться въ городъ первыми, какъ истинные хозяева; что всякіе выработанные безъ этого условія церемоніалы должны быть отметены. Но конечно этого не случилось»...

Тонкіе политики! Если бы я зналъ, что нашъ совмѣстный въѣздъ въ «столицу» (4-го августа) такъ огорчитъ ваше чувство суверенности, я отказался бы вовсе отъ торжествъ. И притомъ никто не препятствовалъ вѣдь правительству и радѣ войти въ Екатеринодаръ хотя бы... съ конницей Эрдели, атаковавшей городъ.

Первые часы омрачились маленькимъ инцидентомъ: добровольцы принесли мнѣ глубоко возмутившій ихъ экземпляръ воззванія, расклееннаго по всѣмъ екатеринодарскимъ улицамъ. Оно было подписано ген. Букретовымъ — предсѣдателемъ тайной военной организаціи, проявившей признаки жизни только въ моментъ вступленія въ городъ добровольцевъ. Начиналось оно слѣдующими словами: «Долго жданные хозяева Кубани, казаки и съ ними часть иногородцевъ, неся съ собою справедливость и свободу, прибыли въ столицу Кубани»... Добровольческая армія — «часть иногородцевъ»! Такъ...

Букретовъ пришелъ представиться и не былъ принятъ. Долго ждалъ на вокзалѣ и, когда я вышелъ на перронъ, подошелъ ко мнѣ. Я сказалъ ему:

— Вы въ своемъ воззваніи отнеслись съ такимъ неуваженіемъ къ Добровольческой арміи, что говорить мнѣ съ Вами не пристало.

Повернулся отъ него и ушелъ.

Этотъ ничтожный по существу случай имѣлъ, однако, весьма важныя послѣдствія. Букретовъ затаилъ враждебное чувство. Пройдетъ съ небольшимъ годъ... Кубанская

Смотръ 4 августа 1918 г.

Марковскій полкъ

Молебенъ 5 августа 1918 года

У собора

Въ Екатеринодарѣ

рада, весьма ревниво относившаяся всегда къ чистотѣ казачьей крови своихъ атамановъ, измѣнитъ конституцію края и вручитъ атаманскую булаву генералу Букретову... Человѣку «чужому», не имѣвшему никакихъ заслугъ въ отношеніи кубанскаго казачества, состоявшему подъ слѣдствіемъ по обвиненію во взяточничествѣ, по происхожденію еврею, приписанному въ полковничьемъ чинѣ къ казачьей станицѣ, но зато... «несомнѣнному врагу главнокомандующаго»... Букретовъ приложитъ всѣ усилія, чтобы углубить и ускорить разрывъ между Кубанью и главнымъ командованіемъ, потомъ вѣроломно сдастъ остатки Кубанской арміи большевикамъ и исчезнетъ.

* * *

4-го августа на вокзалѣ торжественно встрѣчали въ моемъ лицѣ Добровольческую армію атаманъ, правительство, рада и делегаціи. Потомъ всѣ вмѣстѣ поѣхали верхомъ на соборную площадь, гдѣ собрались духовенство, войска и несмѣтная толпа народа. Подъ палящими лучами южнаго солнца шло благодарственное молебствіе. И были моленія тѣ животворящей росой на испепеленныя смутой души; примиряли съ перенесенными терзаніями и углубляли вѣру въ будущее — страны многострадальной, измученнаго народа, самоотверженной арміи... Это чувство написано было на лицахъ, оно поднимало въ эти минуты людей надъ житейскими буднями и объединяло толпу, ряды добровольцевъ и собравшихся возлѣ аналоя военачальниковъ и правителей.

Когда проходили послѣ молебствія войска — офицерскія части, кубанская конница, черкесы — всѣ загорѣлые, тщательно прикрасившіе ради торжественнаго случая свои изношенныя, заплатанныя одежды, ихъ встрѣчали отовсюду любовно и трогательно.

Въ привѣтственныхъ рѣчахъ на вокзалѣ, потомъ въ застольныхъ, въ войсковомъ собраніи, кубанскіе правители — Филимоновъ, Бычъ, Рябоволъ и др. превозносили заслуги Добровольческой арміи и ея вождей и, главное, свидѣтельствовали — въ особенности устами атамана — о своей преданности національной идеѣ. «Кубань отлично сознаетъ, что она можетъ быть счастливой только при условіи единства матери — Россіи — говорилъ атаманъ. — Поэтому, закончивъ борьбу за освобожденіе Кубани, казаки въ рядахъ Добровольческой арміи будутъ биться и за освобожденіе и возрожденіе Великой Единой Россіи»...

Это было самое важное; остальное, казалось, все приложится.

5-го пріѣхалъ въ Екатеринодаръ ген. Алексѣевъ, встрѣченный торжественно и задушевно. Вновь состоялось молебствіе и парадъ прибывшей неожиданно въ Екатеринодаръ дивизіи Покровскаго...

Покровскій привелъ нѣсколько полковъ, хотя городъ былъ взятъ уже два дня тому назадъ, а Тимашевская группа большевиковъ уходила на Славянскую... «Полки измотались — говорилъ онъ — все равно необходима дневка. Но всеобщее желаніе кубанцевъ было пройти еще лишнихъ 15—20 верстъ, чтобы увидѣть свою столицу, своихъ вождей и себя показать»...

Въ этотъ день кубанцы чествовали ген. Алексѣева. Опять слышались горячія рѣчи, полныя признанія заслугъ арміи, любви къ Кубанскому краю и глубокаго патріотизма по отношенію къ Россіи...

Я отъ души пожелалъ, «чтобы освобожденная Кубань не стала вновь ареной политической борьбы, а приступила какъ можно скорѣе къ творческой созидательной работѣ»...

ГЛАВА XXVIII.

Политика кубанской власти. Взаимоотношенія Кубани и Добровольческой арміи осенью 1918 года.

Окончились празднества, отзвучали рѣчи и настали суровые, дѣловые будни. Войска двигались къ Лабѣ, Тамани и Новороссійску, а екатеринодарская жизнь забила ключомъ, вшитавъ въ себя самые разнородные и зачастую рѣзко противоположные интересы создавшагося вновь военнаго и политическаго центра Юга Россіи.

Первымъ важнымъ вопросомъ явилось разграниченіе власти военнаго командованія и кубанскаго правительства.

Кубанскіе правители во главу угла поставили свою суверенность. Они основывали ее на своемъ выборномъ происхожденіи и на договорѣ съ ген. Корниловымъ и Добровольческой арміей, заключенномъ въ Ново-Дмитріевской 17 марта 1918 года*. Всякое дѣйствительное или казавшееся только нарушеніе этого принципа вызывало съ ихъ стороны упорное прямое или скрытое противодѣйствіе. Ген. Алексѣевъ и я въ свою очередь не имѣли ни малѣйшаго желанія вмѣшиваться въ управленіе краемъ. Но жизнь была сильнѣе и кубанской власти, и командованія и говорила языкомъ своихъ суровыхъ требованій. Какъ ни какъ, на территоріи «суверенаго» края жила и боролась «суверенная» армія. Врагъ, еще многочисленный и сильный, занималъ значительную часть Кубани, и положеніе требовало полнаго напряженія силъ, полнаго подчиненія всей краевой жизни и дѣятельности правительства — интересамъ вооруженной борьбы.

Исходя изъ этихъ мотивовъ, мы основали наши взаимоотношенія на «Положеніи о полевомъ управленіи войскъ», поставивъ кубанское правительство въ такую же связь съ нами, какая существовала до 23 августа 1915 года между ставкой вел. кн. Николая Николаевича и россійскимъ правительствомъ. Отсутствіе верхняго звена въ этой іерархической цѣпи создавало объективно поводы для крупныхъ и мелкихъ недоразумѣній и «превышенія» то одной, то другой стороной своей компетенціи. Тѣмъ не менѣе, такое положеніе, не закрѣпленное никакимъ актомъ, оспариваемое не разъ кубанскимъ правительствомъ, просуществовало фактически цѣлыхъ полтора года — долгій срокъ, въ который мы безнадежно искали и не нашли пріемлемыхъ формъ государственной связи Кубани съ той Россіей, которая была представлена командованіемъ.

Совершенно невозможно перечислить всѣ тѣ мелкіе поводы, главнымъ образомъ матеріальнаго характера, которые возникали ежедневно и портили наши отношенія. Я остановлюсь лишь на той группѣ фактовъ, которую приводило само кубанское правительство въ обращеніи къ ген. Алексѣеву и ко мнѣ**:

1. Вмѣшательство проходящихъ добровольческихъ отрядовъ во внутреннюю жизнь станицъ и городовъ.

2. Реквизиціи, производимыя арміей, въ особенности большевицкихъ складовъ, запасовъ и имущества, которые кубанское правительство считало своимъ призомъ.

---

* См. Т. II, гл. XXIV.

** Сношеніе Предсѣдателя Быча 18 августа.

Кубанскій атаманъ генералъ Филимоновъ

3. Сборъ продовольствія и отводъ квартиръ непосредственнымъ распоряженіемъ органовъ арміи, помимо кубанскихъ учрежденій.

Несомнѣнно, претензіи кубанскаго правительства имѣли не мало основаній, но далеко не исчерпывали вопроса. За быстрымъ движеніемъ арміи не поспѣвало административное устройство края... Органы снабженія и продовольствія кубанскаго правительства — малочисленные и немощные — не въ состояніи были удовлетворить потребностей разбросанной на огромномъ протяженіи арміи... Съ обѣихъ сторонъ — армейскихъ и кубанскихъ органовъ снабженія — проявлялось полное недовѣріе другъ къ другу и борьба за свои интересы, не умѣряемая общей, единою властью. И если кубанское правительство не безъ извѣстнаго основанія говорило, что съ нимъ «представители Добровольческой арміи въ своихъ распоряженіяхъ, касающихся многихъ важныхъ сторонъ мѣстной и краевой жизни, не считаются», то правъ былъ и ген. Алексѣевъ, положившій на одномъ изъ представленій резолюцію*: «по закону всѣ органы кубанскаго краевого правительства должны являться исполнительными для Арміи, очищающей вооруженною рукой территорію (области) и за нее ведущей борьбу. Практика и дѣятельность г-на Быча показываетъ иное. Мы не можемъ теперь разсчитывать на выполненіе краевымъ правительствомъ своихъ обязанностей передъ арміей. Остается заботиться самимъ, не останавливаясь передъ суровыми реквизиціями»...

* * *

Помимо этихъ матеріальнаго характера столкновеній, съ первыхъ же шаговъ обнаружилось идейное расхожденіе между кубанскимъ правительствомъ и командованіемъ арміи.

Къ кубанскимъ дѣятелямъ не примѣнимы общерусскіе термины партійной принадлежности: въ кастовомъ, сословно-казачьемъ укладѣ они теряютъ совершенно свое обычное содержаніе. Казакъ — с.-р. или с.-д., напримѣръ, — совершенная аномалія. Можно говорить объ этомъ лишь относительно.

Дѣйственная казачья интеллигенція дѣлилась на соціалистовъ и либераловъ; почти не были представлены консерваторы. Сообразно территоріальному и генеологическому происхожденію существовало дѣленіе на Черноморцевъ** и Линейцевъ***, совпадавшее съ большимъ отличіемъ политическихъ стремленій обѣихъ группъ. Встрѣчались нерѣдко уклоненія отдѣльныхъ лицъ отъ такого грубаго политическаго размежеванія по территоріальнымъ признакамъ, но въ широкомъ обобщеніи оно было вѣрно: слово «черноморецъ» стало синонимомъ украйнофила, соціалиста, сепаратиста; «линеецъ» — синонимомъ либерала, русскаго централиста или автономиста.

Политическимъ центромъ черноморцевъ былъ Екатеринодаръ, линейцевъ — Армавиръ. Первые имѣли довольно сильныхъ въ областномъ масштабѣ вожаковъ, во главѣ съ Бычомъ — предсѣдателемъ правительства и Рябоволомъ — предсѣдателемъ законодательной рады. «Мозгъ» и «импульсъ» кубанскаго сепаратизма. Ихъ неизмѣннымъ спутникомъ — тѣнью, декораціей былъ товарищъ предсѣдателя законодательной рады — Шахимъ-Гирей. Онъ никогда не говорилъ другихъ словъ, чѣмъ его вдохновители, и притомъ всегда отъ имени всего черкесскаго народа. А мирный спокойный народъ «его» совершенно не интересовался политической борьбой; почтенные представители черкессовъ впослѣдствіи въ радѣ единогласно присоединялись къ мнѣнію Шахимъ-Гирея и такъ же единогласно опровергали его, когда на засѣданіи въ средѣ ихъ присутствовалъ другой, старшій Гирей (Келечъ) — командиръ Черкесскаго полка — храбрый доброволецъ и русскій централистъ.

Линейцы были слабѣе численно и возглавлялись интеллектуально менѣе сильными лидерами. Это обстоятельство поставило линейцевъ въ хроническое положеніе «оппозиціи», группировавшейся вокругъ полковника Филимонова. Центральное положеніе,

---

* 31 августа.

** Черноморцы — потомки запорожцевъ, населяющіе сѣв.-зап., большую часть Кубани.

*** Линейцы — выселенные нѣкогда съ Дона «на линію» казаки и выходцы крестьяне центральныхъ и Ставропольской губерній.

имъ занятое, обусловливалось не политическимъ вліяніемъ Филимонова, а ролью его, какъ атамана, борющагося за атаманскую власть, обезличенную конституціей, расхищаемую правительствомъ и законодательной радой — атамана, считавшагося другомъ Добровольческой арміи.

Послѣднее обстоятельство требуетъ нѣкотораго разъясненія. Съ самого начала нашей совмѣстной дѣятельности на Кубани атаманъ Филимоновъ игралъ не вполнѣ опредѣленную роль: въ своей борьбѣ съ черноморской группой онъ искалъ и находилъ всегда поддержку въ командованіи; но въ борьбѣ командованія съ той же политической группой занималъ часто нейтральное положеніе. Никогда, къ сожалѣнію, мы до конца не договаривались, и пути наши поэтому не разъ расходились.

Въ толщѣ кубанскаго казачества и въ кубанскихъ частяхъ оба эти политическія теченія отражались вначалѣ весьма мало. Въ особенности въ войскахъ: казаки шли за своими начальниками, а эти послѣдніе были совершенно лояльны въ отношеніи командованія арміи и раздѣляли всецѣло національные стимулы ея.

Въ правительствѣ и радѣ возобладали черноморцы. Этотъ фактъ опредѣлилъ направленіе всей политики Кубани и ея взаимоотношенія съ Добровольческой арміей. Первые мѣсяцы, однако, противодѣйствіе арміи со стороны кубанскаго правительства носило болѣе пассивный характеръ, прорываясь лишь въ рѣзкихъ агитаціонныхъ выпадахъ противъ Арміи членовъ господствующей партіи въ законодательной радѣ, въ печати и на станичныхъ сборахъ. Агитація почти не находила отклика въ станицахъ, полныхъ добраго чувства къ арміи — освободительницѣ. И ген. Алексѣевъ, и я получали множество постановленій и привѣтствій отъ станицъ—теплыхъ, сердечныхъ, безхитростныхъ, когда они были лишены... казеннаго штампа.

Правительственная агитація носила формы чрезвычайно грубыя и примитивныя. Чтобы дать понятіе о характерѣ ихъ, я приведу одинъ эпизодъ, имѣвшій мѣсто черезъ мѣсяцъ послѣ взятія арміей Екатеринодара. 31 августа всѣ екатеринодарскія газеты получили циркулярное предложеніе отъ кубанскаго правительства напечатать приговоръ станицы Старонижестебліевской... Въ немъ были такіе перлы самостійной идеологіи, съ тонкой игрой на отождествленіи совѣтской власти съ Россіей: «мы козакі... по своему слабоумію или недохвату въ науци, нытакъ давно изминыли булы своій ридній Кубани, далі волю и власть проклятому москалю... Проклятый москаль волю и власть козачу штыкомъ соби въ рукы захватывъ, задавывъ насъ якъ мухъ»... но «наши батькы паны, якъ люди ученні, ны допустылы заблудывшихся насъ до погыбыли, сталы на опалцаткы, перэдъ тію чернотою сибирякамы и каторжанами и вывылы насъ зъ москальской ныволи... И спасыби Вамъ наши спасытыли Кубанци паны, гиниралы и весь начальствующій составъ, въ особенности рыдному батьку, полковныку Фылымонову, батьку Бычу и всій Раді... вылыке спасыби... за Вашу щырость, за спасэніе насъ и нашыхъ имущыствъ». Ввиду возмущенія этимъ фактомъ «русской» общественности, кубанскій «министръ» Калабуховъ на другой день разъяснилъ, что «вышеупомянутый приговоръ съ резолюціей Войскового Атамана «отпечатать», по личному недосмотру г. секретаря (правительства) былъ разосланъ во всѣ редакціи»...

А «москали» — Корниловъ, Алексѣевъ, Марковъ, Дроздовскій и много тысячъ другихъ — одни уже сложили свои головы, другіе продолжали борьбу за спасеніе Кубани...

Казачество въ цѣломъ не было пока вовлечено въ нашу распрю. Сильный врагъ былъ еще у порога Екатеринодара, а какой будетъ политическій обликъ созываемой Краевой рады — неизвѣстно. Перетягивать поэтому струны кубанскимъ дѣятелямъ не стоило...

Тѣмъ не менѣе, основныя линіи политики черноморской группы въ дѣятельности правительства Быча начали проявляться съ полною опредѣленностью.

Идея «Великой Украйны», въ которой Кубань займетъ положеніе «равнаго члена», проводилась пока еще теоретически: нѣмецкая оккупація и гетманскій режимъ служили охлаждающимъ началомъ. Черноморцы ждали возвращенія къ власти центральной рады и Петлюры. Практически принимались однако мѣры къ округленію границъ «Великой Кубани», въ предѣлахъ которой мыслились и юго-западная часть Ставропольской

x — семья покойнаго

Панихида по генералѣ Корниловѣ
(Екатеринодаръ, «Ферма»)

губерніи, и вся Черноморская*. По мѣрѣ продвиженія нашихъ войскъ въ предѣлы Черноморской губ., за ними шли агитаторы, снабженные удостовѣреніями Кубанскаго правительства, побуждая населеніе требовать «возвращенія къ родной матери — Кубани»; они, впрочемъ, быстро вылавливались добровольческими властями. Позднѣе правительство Быча входило въ тайныя сношенія съ грузинами о присоединеніи къ Кубани Черноморской губ., находившейся подъ управленіемъ Добровольческаго командованія, и въ то же время воздѣйствовало на населеніе безхлѣбной губерніи голодной блокадой, закрывъ границы войска для продовольственныхъ грузовъ.

Суверенность подчеркивалась и укрѣплялась всѣми способами.

Офиціальная газета Кубанскаго правительства** заявляла, что Кубань въ будущемъ «не помирится на самоуправленіи, ни даже на автономіи, а будетъ отстаивать суверенныя права... Казачество хочетъ быть полноправнымъ хозяиномъ во всѣхъ областяхъ гражданской и экономической жизни. Ему нужны свои порты и дороги, независимость при опредѣленіи своихъ отношеній къ другимъ сосѣднимъ областямъ или государствамъ и полная частная и общественная иниціатива и самостоятельность во всѣхъ вопросахъ экономической политики»...

Остатки общегосударственныхъ учрежденій закрывались — даже такіе, какъ напримѣръ, 14 пріютовъ б. вѣдомства импер. Маріи, эвакуированныхъ на Кубань въ 17 году и обреченныхъ теперь на голодное существованіе. Съ другой стороны, областныя учрежденія, связанныя административными нитями съ другими губерніями Сѣвернаго Кавказа, безъ всякаго предувѣдомленія командованія превращались въ самостійныя краевыя***. Распоряженіемъ правительства былъ воспрещенъ въѣздъ на Кубань «русскихъ бѣженцевъ», а въ концѣ августа были закрыты всѣ границы области для вывоза почти всего сырья и предметовъ продовольствія, чѣмъ нарушился установившійся обмѣнъ съ раіонами, занятыми Добровольческой арміей, отягчая ихъ положеніе и вызывая неудовольствіе противъ командованія. Такія же распоряженія отдавались на Дону. Съ 13-го сентября кубанское правительство подчинило себѣ желѣзныя дороги, проходящія по краю, и, такимъ образомъ, изъ Новороссійска, напримѣръ, въ Ростовъ черезъ Торговую движеніе по одной Владикавказской дорогѣ происходило черезъ три «суверенныя государства» съ донскими и кубанскими таможнями: раіонъ Добровольческой арміи (Новороссійскъ — Тонельная), Кубань (до станціи Ея), опять раіонъ Добровольческой арміи (до Торговой) и Донъ (до Ростова)... Конечно, такое положеніе было нетерпимымъ, и начальникъ военныхъ сообщеній арміи долженъ былъ наложить руку на всю сѣть ж. д. театра войны.

Неоднократныя попытки генерала Алексѣева къ согласованію дѣятельности, къ объединенію снабженія, финансовой системы и т. д. встрѣтили подозрительность и недовѣріе кубанскаго правительства. И ген. Алексѣевъ, разочарованный въ своихъ ожиданіяхъ въ полной мѣрѣ, писалъ атаману, что во всѣхъ правительственныхъ мѣропріятіяхъ Кубани онъ видитъ только «стремленіе всѣми силами отмежеваться отъ вопросовъ общегосударственнаго значенія, и все управленіе краемъ свести къ удовлетворенію чисто мѣстныхъ интересовъ»[1].

Казачій шовинизмъ въ отношеніи иногородныхъ — «русскихъ» проявлялся въ формахъ, совершенно недопустимыхъ. Казаки мстили за свое разореніе, за свою кровь. Иногородніе считались поголовно большевиками и являлись безправными на кубанской землѣ; на нихъ налагались тяжкія матеріальныя кары за дѣйствительный и мнимый большевизмъ включительно до отобранія домовъ и угодій безвѣстно отсутствующихъ главъ семей[2]; дѣтей ихъ изгоняли изъ школъ, и само правительство создавало высшее учебное заведеніе для «коренныхъ жителей края». А сколько людей перевѣшано и

---

* Эти раіоны входили и въ карту «Великой Украйны».

** «Вольная Кубань» 22 сентября (передовая).

*** Судебныя учрежденія Черноморской губ., напримѣръ, были ранѣе подвѣдомственны Екатеринодарскому суду.

[1] Письмо атаману 4 сентября № 586.

[2] Офиціальный текстъ закона говорилъ о «лицахъ, бѣжавшихъ съ большевиками изъ сочувствія къ нимъ».

разстрѣляно было станичными судами, объ этомъ не вѣдомо было кубанскому правительству, не занимавшемуся подобной статистикой. Въ самомъ кубанскомъ «парламентѣ», собравшемся въ октябрѣ, серьезно обсуждался вопросъ о поголовномъ выселеніи иногороднихъ изъ Кубанской области, причемъ болѣе экспансивные ораторы сбивались: вмѣсто «выселенія» упоминали иногда объ «истребленіи».

Могло ли умѣрить эти настроенія правительство Быча? Несомнѣнно. Боролось ли съ ними? На этотъ вопросъ отвѣтилъ въ засѣданіи рады товарищъ предсѣдателя Рябцевъ: «борьба съ... иногородними (!) входила въ одну изъ задачъ Законодательной Рады»*...

Обоснованіе этой борьбы было чуждо какихъ либо идеологическихъ мотивовъ. Это была только борьба за землю. Компетентное опредѣленіе существа этой борьбы мы находимъ у предсѣдателя кубанскаго правительства Луки Быча: «иногородніе — говоритъ онъ** — имѣли основаніе быть остро недовольными своимъ положеніемъ... Они здѣсь не имѣли земли, столь плодородной богатѣйшей земли, которая составляла общинную собственность всего войска и не могла поступить въ ихъ полное распоряженіе, чего они, какъ истые крестьяне, такъ жаждали». Бычъ находилъ вполнѣ естественнымъ такой порядокъ: «Конечно, для нихъ звучало бы странной ироніей требованіе земли въ томъ невозможномъ въ дѣйствительности случаѣ, если бы такое требованіе было предъявлено казаками, случайно поселившимися, скажемъ, въ Тверской или Воронежской губерніяхъ, откуда они пришли на Кубань»... «Революція, давшая возможность проявить и углубить притязанія на казачьи земли, со стороны иногороднихъ, создала чрезвычайно тучную почву для внѣдренія большевизма въ эту среду. Строго говоря, большевизмъ игралъ роль прикрытія къ вопросу аграрному»...

Какъ бы то ни было, игра на казачьемъ шовинизмѣ составляла одно изъ главныхъ средствъ для сохраненія за собой вліянія черноморской группы. Сойти съ этой позиціи — значило бы потерять вліяніе и власть.

Общерусская революціонная демократія мирилась съ такимъ положеніемъ, оставаясь въ постоянномъ союзѣ съ «демократическимъ» правительствомъ Быча въ противовѣсъ «реакціонному» командованію. А въ народѣ эти чисто казачьи эксцессы заносились нерѣдко въ пассивъ добровольчеству, отягчая синодикъ нашихъ собственныхъ не малыхъ прегрѣшеній. Вообще, когда кубанскій казакъ бралъ станицы, пушки и плѣнныхъ, правительство ревниво слѣдило, чтобы онъ былъ наименованъ «кубанцемъ»; когда же казакъ поролъ и грабилъ иногороднихъ, его называли «добровольцемъ»...

Помимо моральнаго и политическаго значенія своего, эти взаимоотношенія, какъ увидимъ ниже, имѣли слѣдствіемъ притокъ значительныхъ пополненій иногороднихъ въ ряды Красной арміи и усиленіе ея упорства и воли къ продолженію борьбы.

* * *

Въ край, и въ частности въ Екатеринодаръ, наѣхало много общественныхъ и политическихъ дѣятелей изъ Украйны, Крыма, Москвы. Одни изъ нихъ присоединились всецѣло къ позиціи Добровольческой арміи, другіе стали въ сторонѣ, не рѣшаясь еще открыто высказаться противъ подозрѣваемой въ реакціонности арміи и вмѣстѣ съ тѣмъ испугавшись чрезмѣрнаго самостійничества «демократическаго» кубанскаго правительства. Въ началѣ сентября выступилъ Шульгинъ съ «Россіей», проводя съ большою страстностью идеи монархизма и націонализма. Загорѣлась жестокая полемика съ органами лѣваго и самостійнаго направленія — «Вольной Кубанью» (правит. газета), «Сыномъ Отечества» (газета Шрейдера), «Кубанскимъ Краемъ» и др., отражая до извѣстной степени теченіе борьбы между краевымъ правительствомъ и командованіемъ въ области національныхъ задачъ. «Россію» считали нашимъ офиціозомъ и потому въ ея лицѣ направляли удары по адресу командованія. Это было не совсѣмъ вѣрное толкованіе. Газета всемѣрно поддерживала армію и имѣла близкую связь съ нею, главнымъ образомъ, благодаря

---

* Изъ стенографическаго отчета.

** Статья Быча въ «Донской Волнѣ», 1918 г., № 21.

Панихида по геп. Марковѣ (Екатеринодаръ)

личнымъ дружественнымъ отношеніямъ Шульгина съ ген. Драгомировымъ*. Драгомировъ и штабъ арміи давали газетѣ информацію и иногда фактическое освѣщеніе мѣропріятій добровольческаго командованія и его взаимоотношеній съ другими новообразованіями. Но въ политической идеологіи своей Шульгинъ не былъ связанъ никакимъ обязательствомъ. Онъ говорилъ отъ себя и за себя, иногда отражая мнѣніе командованія, иногда идя въ разрѣзъ съ нимъ. Вліяніе его органа на офицерство было несомнѣнно очень велико. Пришлая «россійская демократія», представителемъ которой считалъ себя Г. Шрейдеръ и члены редакціи «Сына Отечества», отнеслись съ особеннымъ опасеніемъ къ этому вліянію. «Сынъ Отечества», слѣдуя твердо традиціямъ отжившей охранной прессы, писалъ доносъ казачьимъ правительствамъ: «открыто ведущаяся на Дону (Суворинъ) и на Кубани (Шульгинъ) пропаганда монархизма имѣетъ всѣ признаки государственнаго преступленія... Постановленіемъ бывшаго Временнаго правительства, утвержденнымъ волею Всенароднаго Учредительнаго Собранія, разогнаннаго большевиками, въ Россіи установлена республиканская форма правленія... Покушающійся въ данное время на сверженіе этой единственно законной формы правленія является преступникомъ передъ народомъ. Эти покушенія предполагаютъ заговоръ, бунтъ»...

Подобныя откровенія изъ области государственнаго права поддерживались кубанскимъ правительствомъ въ нужныхъ случаяхъ, поддерживались имъ и Шрейдеровскіе органы въ качествѣ оппозиціи Добровольческой арміи. Но только до извѣстнаго предѣла: Шрейдеръ съ его Учредительнымъ Собраніемъ** 18 года для кубанскихъ самостійниковъ казался такимъ же централистомъ, хотя и соціалистическаго образца, какъ и Шульгинъ.

Вообще, настроеніе пріѣзжей россійской интеллигенціи оказалось огульно не въ пользу кубанской власти. И однажды Кубанское вѣдомство внутреннихъ дѣлъ въ длинномъ, полемическаго характера приказѣ*** констатировало наплывъ въ Екатеринодаръ «множества членовъ различныхъ партійныхъ теченій и организацій», которые «выявляютъ безконечныя резолюціи, протесты и почти открытое противодѣйствіе мѣстной правительственной власти». На основаніи «военнаго положенія» вѣдомство нашло необходимымъ «воспретить всѣ, безъ исключенія, собранія» и «закрывать газеты» за статьи, «вызывающія недовѣріе къ Краевой власти и затрагивающія (высшихъ) представителей сосѣднихъ дружественныхъ новообразованій»...

Только поношеніе Добровольческой власти и арміи не преслѣдовалось закономъ и исполнителями его, являясь однимъ изъ методовъ политической борьбы.

* * *

Наиболѣе серьезное столкновеніе съ кубанской властью произошло по вопросу о выдѣленіи автономной Кубанской арміи съ подчиненіемъ ея во всѣхъ отношеніяхъ атаману и лишь въ оперативномъ — добровольческому командованію.

Къ сентябрю относительный составъ Добровольческой арміи былъ слѣдующій:

Составъ / Части	Пѣхотныхъ полковъ	Конныхъ полковъ	Батарей
Общероссійскихъ:	10	2	14
Кубанскихъ:	(пласт. бат.) 8	16	7

Техническія войска были укомплектованы по преимуществу общероссійскимъ элементомъ. Всѣ войсковыя части въ силу условій комплектованія — на походѣ и въ бою —

* Помощникъ Верховнаго руководителя, ген. Алексѣева.
** Позже организовалъ Юго-Восточный комитетъ членовъ Учред. Собранія.
*** Приказъ Калабухова 24 октября 18 года.

были перемѣшаны. Казаки входили въ большомъ числѣ въ составъ пѣхотныхъ полковъ, въ особенности 1-го Кубанскаго Стрѣлковаго и Партизанскаго; не-казачьи офицеры, ввиду сильнаго некомплекта у кубанцевъ, составляли по преимуществу командный элементъ въ пластунскихъ батальонахъ* и въ кубанскихъ батареяхъ. Если подсчитать боевой составъ общероссійскихъ и кубанскихъ частей, то кубанцевъ въ арміи было 50%; внеся поправку за счетъ казаковъ, находившихся въ рядахъ офицерскихъ частей, эту цифру надо поднять до 60—65%.

На общемъ засѣданіи командованія и кубанскихъ властей 12 августа вопросъ о выдѣленіи всѣхъ кубанцевъ и созданіи арміи поставленъ былъ въ формѣ категорическаго требованія. Особенно настаивалъ на этомъ большой недоброжелатель арміи, «военный министръ», полковн. Савицкій — офицеръ конвоя Его Величества, перешедшій всецѣло въ станъ «соціалистовъ» и самостійниковъ. Такія неожиданныя превращенія весьма характерны: когда вспыхнула революція, одними изъ первыхъ пришли въ Думу дворцовые слуги — наслѣдственно пользовавшіеся царскими милостями — заклеймить старый «ненавистный» режимъ и порадаваться на новыхъ «господъ»...

Офиціальные мотивы этого требованія были знакомы и ранѣе: примѣръ «старшаго брата» — Дона, имѣющаго свою армію; моральное самочувствіе кубанскихъ казаковъ, которыхъ заслуги якобы «затираются» подъ общимъ именемъ Добровольческой арміи... Наконецъ, необходимость имѣть свою армію на случай ухода по стратегическимъ соображеніямъ добровольцевъ. Кубанскіе правители не были здѣсь такъ откровенны, какъ на засѣданіяхъ законодательной, потомъ краевой рады, когда вопросъ о борьбѣ съ большевиками отошелъ окончательно на задній планъ, и «Кубанская армія» выдвигалась открыто какъ политическое орудіе противъ Добровольческой. Одинъ изъ черноморскихъ лидеровъ, П. Макаренко говорилъ: «всякій человѣкъ, который хочетъ возвыситься надъ обыкновенными, старается прибрать къ рукамъ вооруженную силу... Это общее правило — забрать больше власти надъ войсками, а тогда уже диктовать свои условія. Необходимо кубанскія войска подчинить кубанскому атаману (правительству?), а въ оперативномъ отношеніи онъ можетъ подчинить ихъ тому, кому найдетъ нужнымъ»**.

Создавать Кубанскую армію для политическихъ цѣлей Быча и Рябовола было нецѣлесообразно. «Ихъ» армія въ «Россію» не пошла бы. Но, помимо этого, такая операція надъ арміей, находившейся въ постоянномъ движеніи и въ бояхъ, была технически не выполнима и, во всякомъ случаѣ, грозила полнымъ подрывомъ ея боеспособности. Добровольцы остались бы съ порѣдѣлыми пѣхотными частями и безъ конницы, а кубанцы — безъ генеральнаго штаба, безъ техническихъ частей, съ сильно ослабленной артиллеріей и пластунскими батальонами, изъ которыхъ несомнѣнно ушло бы все не-казачье офицерство.

Я соглашался постепенно, по мѣрѣ притока укомплектованій, выдѣлять всѣхъ кубанцевъ изъ чисто добровольческихъ въ казачьи части, но въ формированіи отдѣльной арміи, нарушающей систему организаціи и затрудняющей стратегическое использованіе силъ, категорически отказалъ.

Споръ грозилъ затянуться до безконечности. Я всталъ и заявилъ:

— Въ то время, когда половина Кубани подъ властью большевиковъ, и на поляхъ ея льется кровь добровольцевъ, кубанское правительство стремится развалить армію. Я этого не допущу.

Извинившись затѣмъ за свой рѣзкій тонъ и за уходъ передъ ген. Алексѣевымъ, я вмѣстѣ съ Романовскимъ покинулъ засѣданіе.

Вопросъ этотъ заглохъ. Черезъ мѣсяцъ онъ поднялся опять въ бурномъ засѣданіи законодательной рады. Тамъ, однако, оказался у насъ союзникъ: атаманъ Филимоновъ защищалъ позицію командованія и Добровольческую армію, въ весьма рѣзкихъ выраженіяхъ обвинялъ правительство, требовалъ устраненія имъ поводовъ къ разрыву и призывалъ къ полному единенію съ арміей***. «Стоя близко къ Добровольческой арміи, —

---

* Такъ было и во время міровой войны: кубанскаго офицерства хватало только на пополненіе конницы и артиллеріи; въ пластунахъ (пѣхота) они служить не любили.

** Отчетъ о засѣданіи 10 ноября 18 года.

*** Засѣданіе 19 сентября.

говорилъ онъ — имѣя частыя сношенія съ командующимъ... я не замѣчалъ никогда желанія послѣдняго мѣшать работѣ правительства или стремленія къ захвату власти».

Отстаивая передъ командованіемъ иногда неумѣренныя требованія «казачьей вольности», въ своемъ кругу атаманъ Филимоновъ вносилъ умѣряющую струю въ разгоряченную атмосферу, созданную казачьимъ шовинизмомъ и центробѣжными силами. Свой взглядъ на общность интересовъ арміи и края онъ высказалъ однажды образной фразой: «мы такъ срослись съ Добровольческой арміей, что каждое расхожденіе кровоточитъ»...

* * *

Въ смыслѣ взаимоотношеній арміи и кубанскаго правительства первые два мѣсяца были только прелюдіей. Они только намѣчали глубокими бороздами тѣ направленія, которыми разойдутся пути Кубани и Арміи. Пока шелъ разговоръ лишь о размежеваніи власти на Кубанской территоріи и не подымался еще вопросъ о созданіи «южной власти».

Тѣмъ не менѣе, создавшееся положеніе борьбы «на два фронта» было крайне тягостнымъ. Не разъ, послѣ очередного столкновенія, мнѣ высказывали мысль: что, если предоставить Кубань ея собственной участи и дальнѣйшую борьбу на ея территоріи — ея арміи, выведя добровольческія части первоначально въ Ставропольскую губернію?.. Въ концѣ концовъ это было возможно. Но дальше и мнѣ, и Романовскому рисовались перспективы далеко не радостнаго свойства... Ослабленная и дезорганизованная Добровольческая армія должна была бы пробивать себѣ новые пути на сѣверъ или на югъ и начинать всю работу сначала — опять безъ базы, въ политической обстановкѣ, еще болѣе сложной... Кубанская армія, лишенная «спинного хребта» въ лицѣ добровольческихъ частей, была совершенно безсильна справиться съ Сѣверо-Кавказской красной арміей. Мы увидимъ въ дальнѣйшемъ, что послѣ взятія Екатеринодара борьба съ большевиками потребуетъ еще 5 мѣсяцевъ времени, полнаго напряженія всѣхъ силъ Добровольческой арміи и большихъ жертвъ... Съ нашимъ уходомъ большевики хлынули бы вновь въ освобожденный край, затопили бы неповинныя кубанскія станицы и Черноморскую губернію... Всѣ наши труды и жертвы пошли бы прахомъ.

Цѣпи, связывавшія насъ съ Кубанью, были неразрывны еще по одной причинѣ: мнѣ стало извѣстнымъ, что въ случаѣ рѣшенія объ уходѣ Добровольческой арміи кубанскіе военные начальники произведутъ въ Екатеринодарѣ переворотъ, свергнувъ правительство и законодательную раду и, вѣроятно, истребятъ многихъ черноморскихъ вожаковъ. Пришлось бы, слѣдовательно, взявъ на себя нравственную отвѣтственность за происшедшее, возвращаться къ исходному положенію въ обстановкѣ значительно ухудшившейся въ стратегическомъ и политическомъ отношеніи.

Въ такомъ напряженномъ положеніи обѣ стороны ждали Краевой Рады, которая должна была внести ясность въ наши отношенія.

Бычъ или Филимоновъ? Самостійность и федерація съ Украйной или автономная Кубань въ Единой Великой Россіи? Война или миръ?

ГЛАВА XXIX.

Составъ и положеніе Добровольческой арміи въ августѣ. Расположеніе сторонъ. Дальнѣйшій планъ операціи.

Второй Кубанскій походъ: Освобожденіе Западной Кубани и Черноморской губ. Преслѣдованіе большевиковъ въ Закубаньи. Взятіе Майкопа.

Постепенно развертываясь и укомплектовываясь, Добровольческая армія къ сентябрю имѣла слѣдующій боевой составъ*:

Составъ / Части	Штыковъ и шашекъ	Орудій	Пулеметовъ
1-я дивизія	2,678** / 3,165*** / 1,964[1]	16	75
2-я дивизія	4,907	11	48
3-я дивизія	3,442	11	57
Отдѣльная стрѣлк. бригада	973	–	–
1-я Конная дивизія	3,564	9	21
1-я Кубанская каз. дивизія	2,986	8	12
2-я Кубанская каз. дивизія	1,760	8	5
Кубанская Партизанская бригада	656	2	2
Отдѣльная Кубанская каз. бригада	1,600	4	8
Гарнизонъ Ейска	1,204	–	–
Польскій отрядъ	?	?	?
Армейская группа артиллеріи:			
а) 2 тяжелыхъ батареи	–	5	5
б) 5 бронепоѣздовъ	число машинъ	9	9
Авто-броневой дивизіонъ	8	3	15
1 и 2-й авіаціонные отряды	число машинъ 7		
Радіо-дивизіонъ	?		
Желѣзнодорожная рота	?		
Техническая рота	?		

Запасныя части	Конныхъ полковъ	Запасныхъ батальоновъ	Пластунск. батальоновъ
	1	6	5
	людей 3–5 тысячъ		

	Штыковъ и шашекъ	Орудій	Пулеметовъ
Всего[2]	35–40 тысячъ	86	256

* Разновременно въ составъ дивизій по мѣрѣ надобности придавались пластунскіе батальоны и станичные гарнизоны и потому составъ указанъ весьма приблизительно.

** Въ резервѣ командующаго.

*** На Туапсинскомъ фронтѣ.

[1] На Ставропольскомъ фронтѣ (Два пластунскихъ батальона).

[2] Не вошли въ расчетъ чины техническихъ частей, нестроевые, чины нѣкоторыхъ полковъ и батарей, не доставившихъ въ свое время свѣдѣній.

Для пополненія арміи призваны были въ ряды ея по мобилизаціи еще два призывныхъ возраста — 1916 и 1917 годовъ, проходившіе нормально черезъ органы мѣстнаго военнаго управленія и запасныя части. Кубанцы дали въ дѣйствующую армію 10 возрастныхъ классовъ. Штабу приходилось вести при этомъ длительную борьбу съ войсками, которыя путали и сбивали всѣ расчеты, мобилизуя сами въ свои ряды безсистемно населеніе раіоновъ, ими проходимыхъ. Шла большая организаціонная работа по развертыванію частей, органовъ снабженія, санитарныхъ, военныхъ сообщеній.

Можно отмѣтить и нѣкоторые бытовые вопросы, возникшіе въ этотъ періодъ. Пріостановка чинопроизводства въ теченіе года произвела большія осложненія въ привычныхъ для офицерства взаимоотношеніяхъ, тѣмъ болѣе, что въ армію притекали офицеры съ Украйны, Кавказа, гдѣ гетманъ, новыя правительства и генералы, ликвидировавшіе бывшій Кавказскій фронтъ, не только производили офицеровъ за выслугу лѣтъ, но и награждали за отличіе чинами и даже георгіевскими крестами. Производство существовало и въ сосѣдней Донской арміи.

Но возстановленіе производства выдвигало на сцену другой больной для арміи историческій вопросъ — о преимуществѣ въ чинахъ офицеровъ гвардіи. Теперь въ рядахъ Добровольческой арміи, въ отношеніи офицеровъ, служащихъ въ одной и той же части, такое преимущество однихъ являлось еще большимъ анахронизмомъ и слишкомъ бросающейся въ глаза несправедливостью. Чтобы не идти путемъ умаленія въ рангѣ гвардейскихъ чиновъ, я упразднилъ въ арміи чинъ подполковника, сравнивъ затѣмъ въ правахъ прохожденія службы офицеровъ гвардіи и арміи. Впослѣдствіи, въ силу техническихъ затрудненій, чинъ подполковника пришлось возстановить для всей арміи, но гвардейскія привиллегіи были окончательно упразднены.

Мѣра эта прошла вполнѣ безболѣзненно, если не считать, что противъ начальника штаба, который самъ служилъ когда то въ гвардіи, создала новое обвиненіе: «ненавистникъ гвардіи».

Въ центрѣ шла одновременно организаціонная работа и политическая борьба, а войска подвигались все дальше впередъ. Успѣхъ воодушевлялъ армію, примирялъ съ невзгодами и лишеніями, съ постоянными недочетами снабженія, съ тяжелыми условіями санитарно-медицинской помощи, словомъ, съ тѣмъ неустройствомъ тыла, которое росло съ увеличеніемъ арміи и территоріи, ею занимаемой, которое историкъ отмѣтитъ во всѣхъ арміяхъ эпохи гражданской войны—неустройствомъ, составлявшимъ настоящее бѣдствіе.

Уже тогда, осенью 18 года, съ тыломъ мы не справились. Мѣнялись по многу разъ начальники тыла и его учрежденій, сформировывались и переформировывались исполнительные органы. И тогда, и потомъ были во главѣ люди со стажемъ государственной и административной работы, съ установившейся репутаціей воли, энергіи и опыта, а дѣло оставалось неизмѣнно въ безнадежномъ положеніи. Потому ли, что не удалось найти «настоящаго» организатора тыла, потому ли, что общія условія — потрясающая бѣдность армейской казны, развалъ хозяйственной жизни страны, всеобщая моральная распущенность и политическія тренія — ставили затрудненія непреоборимыя.

Въ результатѣ добровольцы оставались безъ одежды, безъ сапогъ и съ весьма примитивной медико-санитарной помощью. Переносили свое положеніе стоически и даже весело въ дни успѣховъ, и кляли тылъ въ дни неудачъ. И если армія все же жила, двигалась, боролась и побѣждала, то въ этомъ... не было заслуги тыла.

Боролись все одни и тѣ же люди, тѣ же части — изо дня въ день, безъ отдыха, безъ смѣны, потому что силъ всегда было недостаточно, потому что на пути своемъ они встрѣчали все новыя и новыя полчища.

Новый стратегическій масштабъ развернувшейся на широкихъ фронтахъ арміи вызвалъ извѣстную перемѣну въ системѣ ея управленія: до сихъ поръ въ теченіе пяти мѣсяцевъ я имѣлъ возможность вести армію лично, непосредственно, имѣя съ ней полное и постоянное общеніе. Теперь открывалась болѣе широкая стратегическая работа начальникамъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ суживалась сфера непосредственнаго моего вліянія на войска.

Раньше я велъ армію, теперь я командовалъ ею.

* * *

Въ началѣ августа фронтъ Добровольческой арміи простирался отъ низовьевъ Кубани до Ставрополя (восточнѣе), на разстояніи около 400 верстъ.

На этомъ протяженіи группировка непріятельскихъ силъ была слѣдующей:

1. Таманская группа Матвѣева, насчитывавшая разновременно отъ 10 до 15 тысячъ, располагалась въ раіонѣ станицы Славянской, прикрывая Новороссійское направленіе вдоль Черноморской желѣзной дороги. Численность ея и въ особенности отмѣнное боевое достоинство наша развѣдка недооцѣнивала.

2. Группа, непосредственно подчиненная Сорокину, около 15 тысячъ, перейдя за Кубань, задержалась въ низовьяхъ Лабы.

3. Армавирская группа, силою въ 6—8 тысячъ, прикрывала линію Кубани отъ Усть-Лабинской до Армавира, располагаясь въ двухъ пунктахъ — противъ Кавказской и въ Армавирѣ.

4. Ставропольскія группы, организовавшіяся въ разныхъ мѣстахъ, неопредѣленной численности, подступавшія къ Ставрополю съ сѣверо-востока, востока и юга силами 8—10 тысячъ.

5. Невинномысская группа, образовавшаяся вѣроятно только къ концу августа, неопредѣленной силы. Начальнику ея Гайчинцу подчинялись и ближайшія части Ставропольской группы.

6. Майкопская группа — около 5 тысячъ, расположенная въ раіонѣ Майкопа — Бѣлорѣченской.

7. Ближайшимъ резервомъ этихъ группъ могла служить Минераловодская группа, не занятая непосредственно борьбою съ терскими казаками, около 5 тысячъ.

Силы большевиковъ на сѣверномъ Кавказѣ, безпрестанно измѣняя свою численность, къ сентябрю насчитывали до 70—80 тысячъ при 80—100 орудіяхъ.

Къ октябрю соотношеніе силъ измѣнилось: при прежнемъ приблизительно боевомъ составѣ Добровольческой арміи, силы Сѣверо Кавказской арміи большевиковъ исчислялись нашей развѣдкой въ 93 тыс. при 124 орудіяхъ. При этомъ между Лабой и Кубанью числилось 50 тыс. при 65 оруд. и въ Ставропольскомъ раіонѣ 40 тыс. при 59 оруд.

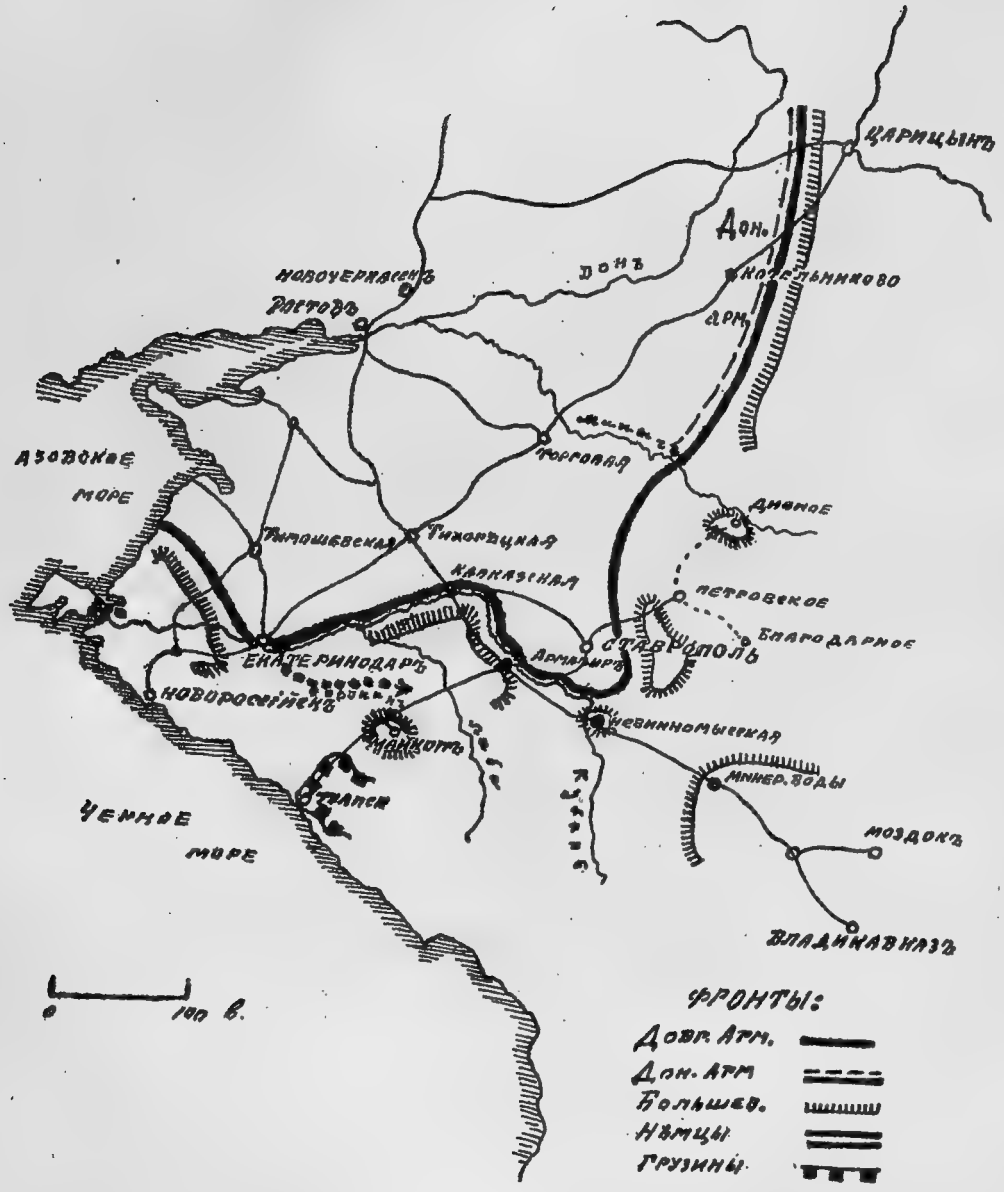
Такимъ образомъ, взятіе Екатеринодара Добровольческой арміей не разрѣшало еще окончательно ни въ стратегическомъ, ни въ политическомъ отношеніи ея задачи на Кубани. Борьба съ большевиками оказалась попрежнему непосильной Кубанскому казачеству. Предстояло, слѣдовательно, дальнѣйшее движеніе наше, которое, ставъ въ силу сложившейся обстановки неизбѣжнымъ, развиваясь планомѣрно и послѣдовательно, приводило къ обезпеченію освобожденнаго края и всего Сѣвернаго Кавказа надежными естественными рубежами — Чернымъ и Каспійскимъ морями и Кавказскимъ хребтомъ. Каспійское море, кромѣ того, открывало сообщеніе съ сибирскими образованіями черезъ Гурьевъ и съ англичанами черезъ Энзели, а Черное море соединяло съ Закавказскими новообразованіями и полуоткрывало окно въ Европу...

Исходя изъ этой широкой задачи, ближайшей цѣлью арміи я поставилъ освобожденіе западной Кубани и Черноморской губерніи и обезпеченіе угрожаемаго Ставропольскаго раіона, становившагося организаціонной базой большевиковъ; послѣ чего — всѣми силами обрушиться на армію Сорокина, зажавъ ее между Кавказскими предгорьями и р. Кубанью.

Эта борьба — жестокая, кровавая и упорная — спасала не одинъ только Сѣверный Кавказъ. Только благодаря ей являлось возможнымъ независимое существованіе Дона и Грузіи. Только она давала необходимую передышку этимъ новообразованіямъ, давала время имъ собраться съ силами и спасла въ 1918 году ихъ земли отъ потока наиболѣе организованныхъ, наиболѣе стойкихъ большевицкихъ полчищъ Сѣвернаго Кавказа.

Вожди Дона и Грузіи не хотѣли въ свое время понять значенія этой борьбы.

* * *



Расположеніе сторонъ къ 3 августа 18 г.

Противъ Таманской группы противника отъ Екатеринодара направлены были 5 августа 2 колонны: ген. Покровскаго (1-я Кубанская див.) — правымъ берегомъ Кубани и полковника Колосовскаго (1 конный полкъ, 1-й Кубанскій стрѣлковый полкъ, батарея — изъ состава 1-й дивизіи, 2 бронепоѣзда) — вдоль ж. д. на Новороссійскъ.

Генералъ Покровскій 7 августа послѣ жестокаго боя овладѣлъ станицей Славянской. Противникъ, оказывая упорнѣйшее сопротивленіе, уходилъ двумя колоннами — на Троицкую и Варениковскую переправы; къ утру 8-го числа Покровскій велъ уже бой за обладаніе ж.-д. мостомъ у Троицкой, затянувшійся на трое сутокъ, въ то время, какъ главныя силы его двигались къ низовьямъ Кубани. 11-го Покровскій разбилъ арьергардъ большевиковъ у Варениковской и къ вечеру занялъ Темрюкъ, захвативъ 10 орудій, много снарядовъ и нѣсколько сотъ плѣнныхъ.

Таманская группа, понеся тяжелыя потери и жертвуя своими арьергардами, успѣла перейти за Кубань, спѣша къ Новороссійску, который въ то время находился уже подъ сильной угрозой съ сѣверо-востока...

Полковникъ Колосовскій наступалъ быстро и рѣшительно вдоль Новороссійской линіи, опрокидывая противника, захватывая плѣнныхъ, орудія, бронепоѣзда, уничтожая совдепы и поднимая нагорныя станицы. 11-го, послѣ полуторадневнаго тяжелаго боя, онъ овладѣлъ узловой станціей Крымской, вызвавъ тѣмъ паденіе Троицкой переправы; затѣмъ, пройдя въ два дня съ боями 40—50 верстъ, 13-го отбросилъ тыльныя части большевиковъ и занялъ Новороссійскъ.

Добровольцы были встрѣчены тамъ восторженно.

Въ эти два-три дня Таманская группа, задержавъ Покровскаго на переправахъ черезъ Кубань, уходила форсированными маршами и, успѣвъ проскочить черезъ Новороссійскъ до 13-го, двинулась далѣе побережьемъ на югъ, вырвавшись изъ подъ нашихъ ударовъ. Мы получали свѣдѣнія о бѣгствѣ разстроенныхъ и разлагавшихся толпъ, но свѣдѣнія эти оказались невѣрными: Таманская группа сохранила извѣстную организацію, дисциплину и, главное, ту стойкость, которая неизмѣнно отличала ее въ дни Тимашевской операціи. По пути къ ней присоединялись всѣ безпокойные, отчаянные элементы Тамани, Новороссійска, побережья, всѣ мелкіе отряды, спасавшіеся отъ мщенія возставшихъ станицъ. По Сухумскому шоссе катилась эта волна людей и лошадей, съѣдавшая, какъ саранча, всѣ скудные запасы побережья. Было ясно, что тамъ, въ голодномъ краю Черноморья, такой крупный отрядъ безъ подвоза долго жить и дѣйствовать не можетъ; на Грузію, конечно, не пойдетъ. Естественно было ожидать движенія его вдоль Туапсинской ж.-д. линіи въ направленіи Армавира на соединеніе съ арміей Сорокина. Поэтому, приказавъ Колосовскому преслѣдовать Таманцевъ вдоль побережья, я перебросилъ дивизію Покровскаго, остановившуюся къ сѣверу отъ Новороссійска, лѣвымъ берегомъ Кубани на перерѣзъ Туапсинской линіи въ Майкопскій раіонъ.

Слабыя конныя части Колосовскаго, двигаясь вслѣдъ за отступавшимъ противникомъ, сбивая его арьергарды, къ 20 августа заняли Ольгинскую въ полупереходѣ отъ Туапсе, въ которомъ сосредоточились, отдыхали и устраивались войска Таманской группы.

Съ этого дня на побережьи были лишь мелкія стычки и дѣятельность развѣдчиковъ.

Такимъ образомъ, къ серединѣ августа западная часть Кубанской области и сѣверъ Черноморской губерніи были освобождены отъ большевиковъ, и Добровольческая армія, занявъ Новороссійскъ, утвердилась на Черномъ морѣ.

Покровскій, между тѣмъ, пройдя 180—200 верстъ, 26-го занялъ станцію Бѣлорѣченскую и, продолжая преслѣдованіе отступавшей на востокъ Майкопской группы противника, къ вечеру занялъ городъ Майкопъ и станцію Гіагинскую. Въ этомъ раіонѣ къ нему присоединились два сборныхъ кубанскихъ отряда — полковника Морозова, ранѣе дѣйствовавшаго совмѣстно съ грузинами Мазніева, и ген. Геймана, поднявшаго возстаніе въ раіонѣ Майкопа.

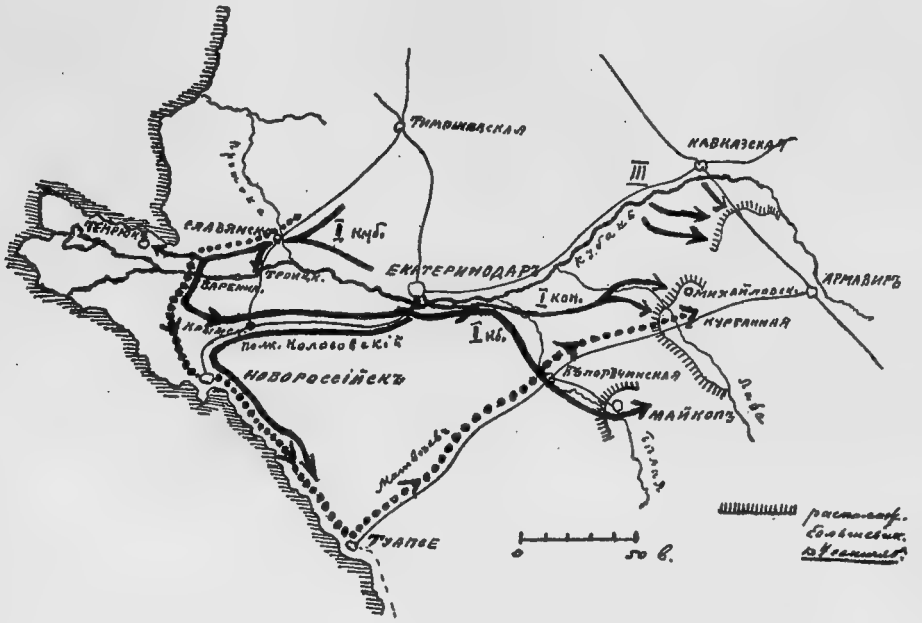
Выходъ Покровскаго къ Туапсинской линіи встревожилъ Таманскихъ большевиковъ. Въ тотъ же день Таманская группа двинулась изъ Туапсе черезъ Хадыженскій перевалъ въ направленіи Армавира и въ ночь на 29-е подошла къ Бѣлорѣченской. Съ этого времени въ теченіе 10 дней длился неравный бой 3 тысячъ кубанцевъ Покровскаго тыломъ

Генералъ Покровскій

къ Михайловской группѣ Сорокина противъ 10—15 тысячъ таманцевъ, пробивавшихся на востокъ. Только къ 1-му сентября къ сѣверу отъ Бѣлорѣченской вышли еще 1½ батальона полк. Моллера, двинутые на поддержку Покровскаго изъ моего слабаго резерва.

Эта операція полна отдѣльными эпизодами находчивости и удали кубанскихъ частей, работавшихъ и на фронтѣ, и въ тылу противника, устраивавшихъ засады и ходившихъ въ отчаянныя атаки на непріятельскіе окопы.

29-го, послѣ горячаго боя, большевики овладѣли Бѣлорѣченской и стали укрѣпляться въ ея раіонѣ; 2-го сентября возобновили атаки крупными силами къ югу отъ станціи, черезъ Ханскую въ направленіи Майкопа; большевикамъ удалось перейти рѣку Бѣлую и даже захватить станицу Ханскую, но, встрѣченные конными атаками Кубанцевъ съ



Движеніе къ Черному морю и въ Закубанье

5 авг. – 5 сент. 18 г.

тыла и фланга, они, понеся большія потери, отхлынули за рѣку. На другой день, распространяясь къ сѣверу, большевики смяли заслонъ Моллера и въ ночь на 4-е обрушились всѣми силами на части Покровскаго, преграждавшія имъ путь на востокъ, опрокинули ихъ, ушли за Лабу и, соединившись тамъ съ Сорокинымъ, стали въ раіонѣ Курганной.

Все это время 6. группа Сорокина, атакованная 1-й Конной и 3-й дивизіями и развернувшая противъ нихъ всѣ свои силы, не предпринимала серьезнаго нажима въ тылъ Покровскому. Такъ же пассивна была разстроенная имъ Майкопская группа. Только въ день послѣдняго боя, воспользовавшись отвлеченіемъ главныхъ силъ Покровскаго къ Бѣлорѣченской, Майкопская группа перешла въ наступленіе отъ Кужорской и заняла вновь Майкопъ. Покровскій, предоставивъ преслѣдованіе Таманской группы небольшимъ конным частямъ, повернулъ главныя свои силы на Майкопъ. 7-го сентября въ происшедшемъ здѣсь бою разбилъ большевиковъ, взялъ тысячу плѣнныхъ, большую военную добычу и захватилъ окончательно городъ.

1-я Кубанская дивизія повернула затѣмъ на востокъ къ Лабѣ, приступивъ къ выполненію общеармейской задачи по окруженію арміи Сорокина.

* * *

2-я дивизія Боровскаго была двинута въ Ставропольскій раіонъ, ввиду серьезной и непосредственной угрозы Ставрополю. Ее смѣнила дивизія Дроздовскаго, къ 7-му августа закончившая свое развертываніе для занятія линіи р. Кубани отъ ст. Пашковской (возлѣ Екатеринодара) до ст. Григориполисской на протяженіи около 180 верстъ. Занявъ гарнизонами пункты съ важнѣйшими переправами (Усть-Лабинская, Тифлисская, Романовская) и имѣя подвижной резервъ въ поѣздныхъ составахъ, Дроздовскій на остальномъ протяженіи ограничился наблюденіемъ и разстановкой отрядовъ, сформированныхъ изъ казаковъ прибрежныхъ станицъ; несли они службу весьма охотно и исправно.

Преслѣдованіе главной колонны Сорокина, отступавшей черезъ Екатеринодаръ и Усть-Лабу на востокъ, возложено было на дивизію Эрдели. 8-го августа дивизія сдѣлала попытку переправиться черезъ Кубань у Усть-Лабы, но, ввиду плохой технической подготовки переправы, потерпѣла неудачу: передовыя части ея, успѣвшія перейти на лѣвый берегъ Кубани, были сброшены большевиками въ рѣку и понесли большія потери. Эрдели отказался отъ форсированія рѣки и, потерявъ цѣлую недѣлю, кружнымъ путемъ черезъ Екатеринодаръ къ 14-му вышелъ лѣвымъ берегомъ Кубани къ рѣкѣ Бѣлой, гдѣ столкнулся съ авангардами б. отряда Сорокина и Майкопской группы.

Съ 14-го Армавирская группа большевиковъ проявила активную дѣятельность: во многихъ мѣстахъ противникъ форсировалъ переправы черезъ Кубань, особенно серьезными силами у Кавказскаго узла (хут. Романовскій). Войска Дроздовскаго отбили, однако, большевиковъ повсюду, а у Кавказской, отрѣзавъ ихъ отъ переправъ, частью перекололи, частью утопили въ рѣкѣ.

Появленіе 1-й Конной дивизіи у Бѣлой и неудачи на фронтѣ Кубани охладили порывъ Армавирской группы: 16-го большевики испортили мосты у Усть-Лабинской и Тифлисской и отошли къ югу. Это обстоятельство позволило Дроздовскому значительно сократить фронтъ обороны и перебросить на лѣвый берегъ Кубани 2-й конный полкъ, который вскорѣ вошелъ въ связь съ 1-й Конной дивизіей*, отбросившей б. Сорокинскую группу за Лабу и занявшей 19-го ст. Темиргоевскую.

Съ этой поры на фронтѣ 1-й Конной, 1-й Кубанской, 3-й дивизій начались упорнѣйшіе, жестокіе бои, понемногу разсѣивавшіе гипнозъ разсказовъ о «разложеніи» большевицкой арміи и ставившіе насъ вновь лицомъ къ лицу съ большими и серьезными силами противника.

По ту сторону фронта происходили какіе то непонятные для насъ психологическіе процессы, проявлявшіеся въ военныхъ операціяхъ перемежающимися вспышками высокаго подъема и безпричинной паники.

---

* Съ конца августа въ командованіе дивизіей на мѣсто ген. Эрдели вступилъ генералъ баронъ Врангель, поступившій въ это время въ армію.

ГЛАВА XXX.

Состояніе большевицкихъ войскъ Сѣвернаго Кавказа въ августѣ и сентябрѣ. Наступленіе наше въ августѣ 18г. Бои подъ Ставрополемъ, взятіе Армавира и Невинномысской. Стратегическое окруженіе большевицкой арміи.

Сѣверо-Кавказская красная армія послѣ понесенныхъ пораженій испытывала дѣйствительно глубокій кризисъ. Въ «Окопной правдѣ*» — органѣ красно-армейскихъ депутатовъ «Доно-Кубанскаго фронта» — появилось откровенное признаніе: «въ нашей арміи нѣтъ дисциплины, организованности... ее разъѣдаютъ примазавшіеся преступные элементы, которымъ чужды интересы революціи... Приходится констатировать недовѣріе бойцовъ къ командному составу, такъ и командnаго состава къ Главкому (Сорокину), что ведетъ въ концѣ къ полному развалу всей революціонной арміи»... Состоявшійся въ сентябрѣ въ Пятигорскѣ съѣздъ фронтовыхъ делегатовъ опредѣлилъ конкретнѣе причины пораженій, потребовавъ устраненія ихъ суровыми мѣрами**: 1) неподчиненіе войсковыхъ частей высшему командному составу «благодаря преступности отдѣльныхъ лицъ командnаго состава и недисциплинированности бойцовъ», трусости и паническому настроенію «многихъ»; 2) «грабежи, насилія, реквизиціи», словомъ, «цѣлый рядъ насилій надъ мирнымъ населеніемъ»; 3) «обезсиленіе арміи бѣженскимъ движеніемъ, вносящимъ панику при первомъ же выстрѣлѣ»...

О деморализаціи красныхъ свидѣтельствовалъ и неизбѣжный спутникъ ея — дезертирство: не только казаки, бывшіе въ составѣ большевицкихъ войскъ, но и красноармейцы сотнями стали переходить на нашу сторону.

Особенно большія нареканія были на командный составъ. О немъ говорили много и съѣздъ, и резолюціи частей, и приказы Сорокина. «Товарищи, — говоритъ одна изъ резолюцій — которые совершенно не компетентны въ военныхъ стратегическихъ вопросахъ, преступно принимаютъ на себя обязанности, которыхъ они выполнить не могутъ»... «Скверно то — писалъ Сорокинъ***—что командиры, начиная съ взводныхъ, убѣгаютъ отъ бойцовъ въ трудныя минуты... Въ бою я съ вами — это видѣли всѣ... «Сорокинъ продалъ» говорятъ... А гдѣ въ то время командиры?.. Лучшіе изъ нихъ съ бойцами... а другіе въ то время по городу съ бабами раскатываютъ пьяные... Самые лучшіе боевые планы рушатся изъ за того, что приказанія не во время или вовсе не исполняются»...

Авторитетъ Сорокина былъ уже подорванъ, и ему приходилось оправдываться даже по обвиненію въ измѣнѣ: «я знаю, что про меня болтаютъ, когда я объѣзжалъ фронты Армавирскій и Кавказскій: уже нашлись друзья, которые говорили, что я перебѣжалъ. Мнѣ эти разговоры не обидны, но они мѣшаютъ исполнять святое и тяжелое дѣло защиты нашихъ правъ трудящихся»... Сорокинъ сурово расправлялся съ порочившими его начальниками и политическими комиссарами; многихъ разстрѣлялъ.

---

* 5-го сентября 18 года.
** Изъ резолюціи съѣзда.
*** Приказъ въ августѣ 18 года № 5.

Тѣмъ не менѣе, подозрительность пустила глубокіе корни. И съѣздъ делегатовъ, хотя и выразилъ «товарищу Сорокину» полное довѣріе, но «принимая во вниманіе, что единоличное командованіе вноситъ въ ряды арміи недовѣріе и особенно въ виду назначенія его сверху», приставилъ къ Главкому двухъ «политическихъ комиссаровъ*».

Въ теченіе августа состояніе многихъ частей Кавказской красной арміи было еще плачевно; но уже къ началу сентября процессъ распада красныхъ войскъ пріостановился. Хотя красное командованіе попрежнему проявляло отступательныя тенденціи, но онѣ встрѣчали не разъ неожиданный отпоръ въ самой солдатской массѣ, нѣсколько отсѣянной, благодаря уходу или бѣгству многихъ пришлыхъ частей — на сѣверъ, къ Царицыну. Одна изъ нашихъ сводокъ отмѣчала такой необыкновенный фактъ: «1-я Лабинская бригада, насильно выбравъ командиромъ всячески отъ этого уклонявшагося Ярового, принудила его (вопреки директивѣ высшаго командованія) подъ угрозой разстрѣла вести ее въ бой. Наступленіе бригады кончилось разгромомъ ея подъ Упорной»**.

Эта перемѣна настроенія явилась въ большой мѣрѣ отголоскомъ взаимоотношеній кубанскихъ казаковъ съ иногородними. Иногородніе, осѣдло живущіе на Кубани, въ большомъ числѣ вливались въ ряды красныхъ войскъ. Въ своихъ постановленіяхъ войсковыя части, состоявшія главнымъ образомъ изъ этого элемента, начали предъявлять требованія къ своему командованію «прекратить отступленіе, реорганизовать фронтъ и затѣмъ наступать только впередъ, впередъ на врага, впередъ къ своимъ женщинамъ, женамъ и дѣтямъ, которыя гибнутъ подъ гнетомъ разбоя и взываютъ къ намъ о помощи»***... «Въ полку получилось волненіе — доносятъ другіе[1] — о томъ, что получились свѣдѣнія, что Лабинская горитъ, семьи насилуются, что разгорается усиленная провокація, какъ будто командный составъ ведетъ къ разрухѣ»...

Наша развѣдка уяснила себѣ положеніе въ станѣ противника съ большимъ запозданіемъ и въ сентябрѣ пришла къ пессимистическому выводу: Сѣверо-кавказская красная армія начинаетъ понемногу выходить изъ кризиса «не ослабленной, а наоборотъ усилившейся. Она желаетъ рѣшить боевые вопросы, составляющіе основу дальнѣйшаго существованія Кубанской республики; побѣду она видитъ въ занятіи крупныхъ центровъ края, въ разгромѣ Добровольческой арміи и въ порабощеніи казачества»...

Вопросъ стоялъ на мертвой точкѣ: побѣда казаковъ — порабощеніе иногородныхъ, побѣда красныхъ — порабощеніе казаковъ. Ни та, ни другая сторона не могли возвыситься надъ первобытными принципами борьбы за существованіе.

* * *

Не въ столь рѣзкихъ формахъ выражалось настроеніе крестьянства Ставропольской губерніи, но все же тамъ было далеко не спокойно. Совѣтская власть сильнѣйшей агитаціей возбуждала народъ противъ Добровольческой арміи и въ то же время побуждала къ лихорадочному формированію отрядовъ изъ мѣстныхъ контингентовъ. Эти отряды не были ни достаточно организованы, ни особенно искусны. Но ихъ было много, они возникали и появлялись неожиданно, дѣйствуя то планомѣрно, то партизанскими набѣгами. Гражданская власть наша была слабой и неопытной, чтобы справиться съ народными настроеніями, воинская сила — слишкомъ малочисленной, чтобы подавить мѣстныя формированія. Въ Ставропольской губерніи переплетались рѣзко расходящіяся настроенія: одни села встрѣчали добровольцевъ какъ избавителей, другія — какъ враговъ. Работа въ краѣ велась поэтому въ обстановкѣ напряженной и нервирующей: съ перваго же дня Ставрополь находился подъ угрозой подступившихъ съ трехъ сторонъ отрядовъ противника и жилъ подъ впечатлѣніемъ то приближавшейся, то удалявшейся артиллерійской канонады...

---

* Даты постановленія не знаю, но напечатано было въ газетахъ отъ 5-го сентября.
** Бой у Покровскаго.
*** Воззваніе «президіума Лабинской бригады».
[1] «Военно-полевой совѣтъ 1-го Кубанскаго в. р. кавалер. полка».

Къ началу августа наши войска Ставропольскаго раіона* располагались полукругомъ вокругъ города въ переходѣ отъ него съ сѣвера, востока и юга; по линіи Кубани слабымъ кордономъ стояли кубанскіе гарнизоны. 4-го августа началось вновь одновременное наступленіе большевиковъ съ юга отъ Невинномысской и съ востока отъ Благодарнаго. Первое было отбито, второе имѣло вначалѣ успѣхъ: прикрывавшія Ставрополь съ востока наши части были опрокинуты и противникъ (4—5 тысячъ) подошелъ къ предмѣстьямъ города и къ станціи Пелагіадѣ, угрожая перерѣзать сообщенія нашей Ставропольской группы съ Екатеринодаромъ...

Дивизіи Боровскаго еще 4-го приказано было, по смѣнѣ ея 3-й дивизіей, перейти къ Ставрополю. 8-го части ея высаживались у Ставрополя и Пелагіады какъ разъ въ тотъ моментъ, когда туда подошли большевики. Полки (Корниловскій и Партизанскій) прямо изъ вагоновъ бросились на противника, опрокинули и преслѣдовали его.

Всю вторую половину августа Боровскій, объединившій здѣсь командованіе, велъ непрерывные бои частями своей дивизіи и 2-й Кубанской. На долю послѣдней пришлась особенно тяжелая работа: полковн. Улагай буквально леталъ по краю, пройдя нѣсколько сотъ верстъ, разбивая и преслѣдуя появлявшіеся въ разныхъ мѣстахъ отряды противника. Въ результатѣ весь обширный раіонъ верстъ на сто по радіусу отъ Ставрополя былъ очищенъ отъ большевицкихъ отрядовъ и Боровскій, занявъ съ боя Прочнокопскую и Барсуковскую, имѣлъ возможность сосредочить къ верхней Кубани свои главныя силы.

* * *

Въ связи съ успѣшнымъ выходомъ Боровскаго къ Кубани и значительнымъ сокращеніемъ фронта 3-й дивизіи, я приказалъ Дроздовскому перейти за Кубань и овладѣть Армавиромъ. Эта рискованная операція съ самаго начала была не по сердцу осторожному Дроздовскому и потому исполненіе ея сопровождалось треніями со штабомъ арміи.

Послѣ продолжительныхъ развѣдокъ 3-я дивизія 26-го августа подъ прикрытіемъ 2-го коннаго полка переправилась частью силъ черезъ Кубань у Тифлисской и двинулась отсюда на востокъ во флангъ противо-Кавказской группѣ противника.

Въ теченіе четырехъ дней Дроздовскій велъ упорные бои и къ 31-му овладѣлъ станціей Гулькевичи одновременнымъ ударомъ съ запада и черезъ ж-д. мостъ. Перебросивъ всю дивизію на лѣвый берегъ и свои коммуникаціи на Кавказскую, онъ повелъ наступленіе на Армавиръ вдоль жел. дороги, направивъ колонну ген. Чекотовскаго (Самурскій пѣх. и 2-й кон. полки съ батареей) противъ Михайловской, для содѣйствія 1-й Конной дивизіи. Вначалѣ обѣ колонны имѣли успѣхъ. Но 1-го сентября къ большевикамъ подошли значительныя подкрѣпленія, и они перешли въ контръ-наступленіе, угрожая обоимъ флангамъ дивизіи Дроздовскаго. Послѣ упорнаго боя онъ вынужденъ былъ отвести лѣвую колонну къ станціи Гулькевичи, куда 2-го вышли окруженные со всѣхъ сторонъ и пробившіеся штыками Самурцы** Шаберта. Западнѣе вела настойчивыя атаки 1-я Конная дивизія ген. Врангеля, приковавшая къ себѣ Михайловскую группу*** противника, взявшая съ бою оплотъ ея—станицу Петропавловскую, но встрѣтившая въ дальнѣйшемъ упорное сопротивленіе.

Еще ранѣе для содѣйствія Армавирской операціи я приказалъ Боровскому ударить въ тылъ Армавирской группы большевиковъ, захватить Невинномысскую, прервавъ тѣмъ единственную желѣзно-дорожную линію сообщеній арміи Сорокина.

Судьба играетъ иногда событіями чрезвычайно прихотливо... Впослѣдствіи въ Невинномысской въ наши руки попала директива Сорокина, въ которой на командующаго Невинномысской группой Гайчинца[1] возлагалась задача: «...приготовиться къ рѣшительному наступленію, цѣль котораго и задача во что бы то ни стало взять городъ Ставрополь... Наступленіе начать 2-го сентября въ 4 часа утра, отступленій не допускаю.

---

* 2-я Кубанская дивизія, Отдѣльная бригада и мелкія части.

** Самурскій полкъ, бывшій 1-й Солдатскій.

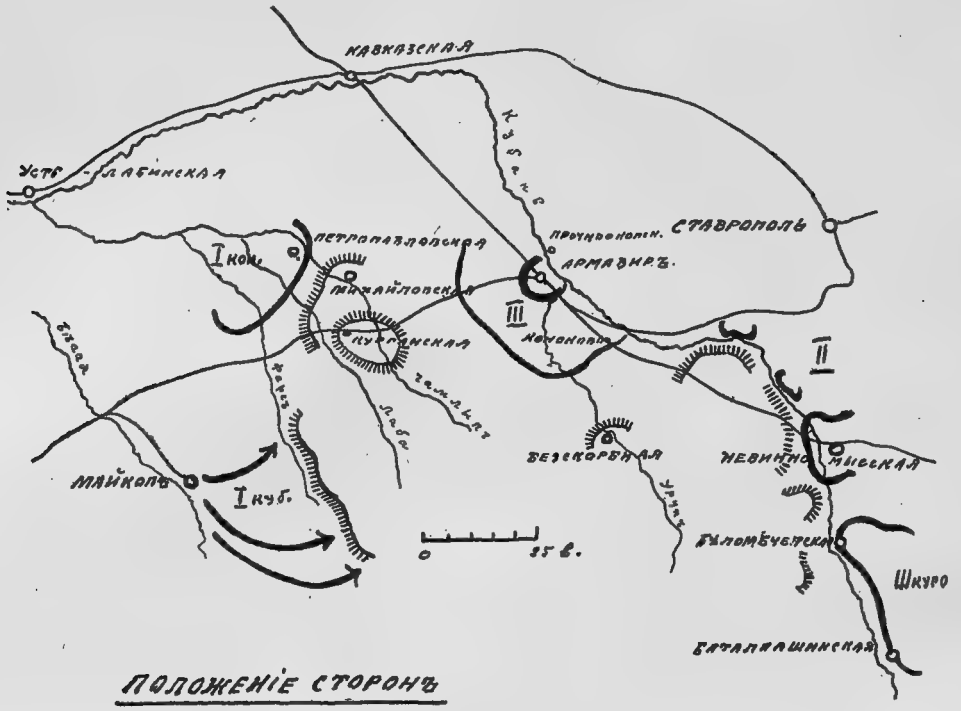
*** Бывшая группа Сорокина.

[1] Офиціально — «Командующій войсками сѣверо-восточнаго фронта».

Ставрополь приказываю взять (4) сего сентября... Командвойск. Сѣв. Кавказа Сорокинъ. Политическій комиссаръ Торскій».

Гайчинецъ въ развитіе этой директивы отдалъ диспозицію, по которой войска его группы, удерживая фронтъ Кубани отъ Армавира до Барсуковской, главными силами должны были «нанести грозный ударъ» въ направленіи къ Ставрополю на фронтѣ Барсуковская — Темнолѣсская, съ охватомъ съ востока конницей.

2-го сентября — въ тотъ же день, когда долженъ былъ намъ нанести ударъ Гайчинецъ, 2-я дивизія Боровскаго обрушилась на Невинномысскую. «Въ полдень — говоритъ сводка — доблестныя части ген. Боровскаго, несмотря на чрезвычайное упорство и стойкость противника, ворвались въ станицу; продолжая стремительное наступленіе,



ПОЛОЖЕНІЕ СТОРОНЪ

къ 10 сент. 18 г.

овладѣли ею и перекинули часть силъ на лѣвый берегъ Кубани. Громадныя толпы противника въ полномъ безпорядкѣ бросились бѣжать къ Армавиру... Въ моментъ атаки въ Невинномысской находилось шесть большевицкихъ штабовъ, въ томъ числѣ и штабъ Сорокина, который бѣжалъ верхомъ за Кубань въ моментъ нашего вступленія въ станицу»... Въ тотъ же день партизанская бригада Шкуро, выйдя южнѣе, овладѣла станціей Барсуки, разрушивъ тамъ путь.

Этотъ нашъ успѣхъ отразился рѣзко на положеніи фронта Дроздовскаго. 3-го сентября онъ отбилъ съ успѣхомъ атаки противника, а 4-го перешелъ вновь въ наступленіе, подойдя съ разсвѣтомъ 6-го къ Армавиру. Бой длился нѣсколько часовъ и окончился полнымъ пораженіемъ Армавирской группы большевиковъ. 4-й пластунскій батальонъ овладѣлъ Туапсинскимъ вокзаломъ, 2-й Офицерскій полкъ Владикавказскимъ, а съ праваго берега, изъ Прочнокопской ворвались въ городъ роты корниловцевъ. Нѣсколько эшелоновъ подкрѣпленій спѣшили къ большевикамъ съ запада по Туапсинской жел. дорогѣ, но заслонъ Самурскаго полка захватилъ одинъ поѣздъ цѣликомъ, другіе встрѣтилъ жестокимъ огнемъ, и эшелоны, бросивъ поѣзда, бѣжали на югъ. Паника распространилась по всему полю. 2-й конный полкъ до вечера преслѣдовалъ и рубилъ

бѣгущихъ долиной Урупа; два бронепоѣзда прошли до слѣдующей станціи Коноково (22 версты) и тамъ громили огнемъ орудій и пулеметовъ собравшіяся толпы отступавшихъ большевиковъ...

Между тѣмъ Боровскій, опасаясь за свой правый флангъ, оставилъ въ Невинномысской пластунскую бригаду, и главныя силы перевелъ въ хуторъ Темнолѣсскій (см. Ново-Екатериновка). Воспользовавшись этимъ, Сорокинъ сосредоточилъ противъ Невинномысской значительныя силы конницы, которыя, переправившись черезъ Кубань сѣвернѣе Невинномысской, въ ночь на 4-е разсѣяли пластуновъ и овладѣли станицей.

6-го я былъ въ войскахъ Боровскаго въ Ново-Екатериновской. Учитывая важное значеніе перерыва Владикавказской жел. дороги, я приказалъ имъ вновь атаковать Невинномысскую.

Боровскій 7-го овладѣлъ атакой Корниловскаго полка ст. Барсуки, а 8-го атаковалъ Невинномысскую съ трехъ сторонъ и занялъ станицу, отбросивъ большевиковъ къ западу, за Рождественскую.

* * *

Три мѣсяца уже армія вела непрестанные, кровопролитные бои — безъ отдыха, безъ смѣны. Части по многу разъ перемѣнили уже свой боевой составъ; вливались новые эшелоны добровольцевъ съ сѣвера и юга Россіи и кубанскихъ казаковъ; уѣзжали и возвращались раненые; гибли тысячами воины; ожидали своей неминуемой участи уцѣлѣвшіе, ибо казалось, что нѣтъ возможности выйти изъ этой кровавой эпопеи живымъ и не искалѣченнымъ. Но когда я бывалъ у кубанцевъ Врангеля и Покровскаго, у добровольцевъ Казановича, Дроздовскаго, Боровскаго не только въ дни ихъ побѣдъ, но и тяжелыхъ неудачъ, я видѣлъ людей усталыхъ, но бодрыхъ и жизнерадостныхъ. Они не жаловались на свою удручающую матеріальную обстановку и только просили — «по возможности» патроновъ и пополненій. Имъ не нужны были пышныя и возбуждающія слова приказовъ, рѣчей, не нужны были обманчивыя обѣщанія соціальныхъ благъ и несбыточныхъ военно-политическихъ комбинацій. Они знали, что путь ихъ дологъ, тернистъ и кровавъ. Но большинство изъ нихъ желали спасенія Родины, вѣрили крѣпко въ конечную побѣду и съ этой вѣрой шли въ бой и на смерть.

Врагъ былъ попрежнему силенъ, жестокъ и упоренъ.

Послѣднее время, впрочемъ, обстановка какъ будто опять явно складывалась въ нашу пользу... Къ 10 сентября главная масса Сѣверо-Кавказской красной арміи находилась въ положеніи почти стратегическаго окруженія: на сѣверѣ у Петропавловской стояла дивизія Врангеля, имѣвшая задачей опрокинуть Михайловскую группу большевиковъ и наступать на Урупскую; у Армавира закрывалъ пути Дроздовскій; на западѣ Покровскій тѣснилъ Майкопскихъ большевиковъ къ Лабѣ, направляясь къ Невинномысской; на востокѣ — рѣка Кубань и Боровскій у Невинномысской; на юго-востокѣ — партизанскіе полки Шкуро у Баталпашинска и Бѣломечетинской*... По всему обширному раіону, зажатому между горами и Кубанью, по всѣмъ путямъ шли безконечные большевицкіе обозы, направляясь на юго-востокъ... Изъ перехваченнаго приказа Сорокина отъ 9 сентября явствовало, что армія его потеряла надежду на возвращеніе Кубани и стремится пробиться къ Минеральнымъ Водамъ...

16 сентября получена была первая вѣсть и отъ возставшихъ терцевъ: «казачекрестьянскій съѣздъ» изъ Моздока радіотелеграммой привѣтствовалъ Добровольческую армію «какъ носительницу идеи Единой, Великой, недѣлимой и свободной Россіи» и обѣщалъ «направить всѣ силы для скорѣйшаго соединенія съ нею».

---

* Занялъ 4-го сентября.

ГЛАВА XXXI.

Переходъ большевиковъ въ контръ-наступленіе въ началѣ сентября 1918 года на Армавиръ, Ставрополь и по верхней Кубани. Перемѣна большевицкаго командованія и плана операціи. Отступленіе большевиковъ въ концѣ сентября къ Невинномысской. Преслѣдованіе ихъ нашей конницей къ Урупу. «Мятежъ» Сорокина и его смерть. Терроръ въ Пятигорскѣ.

10-го сентября намѣренія большевицкаго командованія обнаружились: для овладѣнія вновь Владикавказской магистралью и обезпеченія сообщеній съ Минераловодскимъ раіономъ въ этотъ день Сѣверо-Кавказская красная армія перешла въ наступленіе на широкомъ фронтѣ: Таманская группа отъ Курганной на Армавиръ (съ запада) и Невинномысская группа, усиленная уцѣлѣвшими частями, отступившими 6-го отъ Армавира, — на Невинномысскую и Бѣломечетинскую (на югъ и юго-востокъ).

11-го таманцы развертывались безпрепятственно противъ Армавира и 12-го атаковали Дроздовскаго, перешедшаго къ оборонѣ. Первую половину дня большевики, при поддержкѣ сильнаго артиллерійскаго огня, вели упорныя атаки, охватывая городъ съ сѣвера. Но огнемъ и контръ-атаками нашихъ войскъ были отражены повсюду, понеся тяжелыя потери; на сѣверѣ имъ удалось, однако, перехватить желѣзную дорогу. Къ вечеру новая колонна противника стала развертываться противъ южной части города.

Считая свои силы недостаточными и положеніе слишкомъ рискованнымъ, Дроздовскій въ ночь на 13-е оставилъ городъ и перешелъ на правый берегъ Кубани, въ Прочноокопскую, сохранивъ за собою переправу у форштадта, прикрытую предмостнымъ укрѣпленіемъ.

Еще въ ночь на 11-е я приказалъ отправить изъ Екатеринодара по жел. дорогѣ на помощь Дроздовскому отрядъ полковн. Тимановскаго*, который подошелъ къ Армавиру рано утромъ 13-го. Вмѣстѣ съ тѣмъ Дроздовскому послано было приказаніе 13-го перейти въ наступленіе**.

Тимановскій донесъ Дроздовскому о прибытіи и о своемъ намѣреніи начать атаку. Пополудни онъ съ большой стремительностью атаковалъ противника съ сѣвера и овладѣлъ его позиціей. Большевики отступили къ городу. Но, не видя наступленія 3-й дивизіи и получивъ запоздалое приказаніе Дроздовскаго не ввязываться въ этотъ день въ бой***, Тимановскій заночевалъ на позиціи.

Я повторилъ приказаніе атаковать Армавиръ 14-го. Переведя дивизію у Прочноокопской на лѣвый берегъ Кубани и соединившись съ Тимановскимъ, Дроздовскій повелъ атаку на городъ съ сѣверо-запада, понесъ серьезныя потери, но успѣха не имѣлъ. Къ вечеру онъ прекратилъ наступленіе.

1-я Конная дивизія всѣ эти дни вела упорныя атаки противъ Михайловской группы большевиковъ. Сотни кубанцевъ непрестанными налетами портили Туапсинскую дорогу, прерывая связь группы съ Армавиромъ; правая колонна дивизіи, атакуя съ запада,

---

* Марковскій полкъ, 2 орудія, 3 сотни. Около 1½ тысячъ штыковъ и сабель.

** Приказаніе это, по заявленію штаба Дроздовскаго, не дошло по назначенію.

*** Дроздовскій считалъ необходимымъ дать двухдневный отдыхъ войскамъ.

разбила большевиковъ у Дондуковской и Каше-Хабля, занявъ эти пункты. Михайловская группа большевиковъ была зажата, ослаблена, прикована, но всѣ усилія разбить ее не увѣнчались успѣхомъ. Кубанцы несли большія потери, которыя вновь и вновь пополнялись притокомъ, идущимъ изъ освобожденныхъ станицъ.

Я былъ 16-го въ отрядѣ Дроздовскаго. Онъ считалъ безцѣльнымъ дальнѣйшее наступленіе на Армавиръ, пока не будетъ разбита Михайловская группа... Согласившись съ нимъ, я оставилъ на Армавирскомъ направленіи слабый заслонъ полковника Тимановскаго и въ тотъ же день двинулъ Дроздовскаго съ главными силами противъ Михайловской, давъ ему задачу — нанести быстрый и внезапный ударъ съ востока во флангъ и тылъ Михайловской группѣ и совмѣстно съ конницей Врангеля разбить ее. Дроздовскій вышелъ только къ вечеру 17-го на фронтъ Врангеля и принялъ иное рѣшеніе: ночью произвести смѣну 1-й Конной дивизіи на ея позиціи и съ 7 часовъ утра 18-го атаковать съ сѣвера, съ фронта. Конница Врангеля послѣ такой рокировки должна была ударить съ востока въ тылъ Михайловской. Атака Дроздовскаго не имѣла успѣха; части его понесли тяжелыя потери и къ вечеру отошли къ Петропавловской. Полное истощеніе артиллерійскихъ патроновъ послужило не малой причиной увеличенія числа жертвъ.

Между тѣмъ, Врангель, обойдя Михайловскую, вышелъ въ тылъ Михайловской группѣ и овладѣлъ Курганной, перехвативъ коммуникаціи противника. Здѣсь въ теченіе дня онъ велъ успѣшный бой на три стороны противъ непріятельскихъ войскъ и бронепоѣздовъ. Но когда, отбивъ Дроздовскаго, большевики отъ Михайловской повернули противъ 1-й Конной дивизіи, и къ тому же обозначилось наступленіе съ юго-востока отъ Константиновской, положеніе Врангеля между двумя рѣчками стало весьма тяжелымъ; съ наступленіемъ сумерекъ онъ съ трудомъ, но благополучно вывелъ дивизію по единственной переправѣ — жел.-дор. мосту черезъ Чамлыкъ.

Армавирская группа большевиковъ въ эти дни оставалась пассивной.

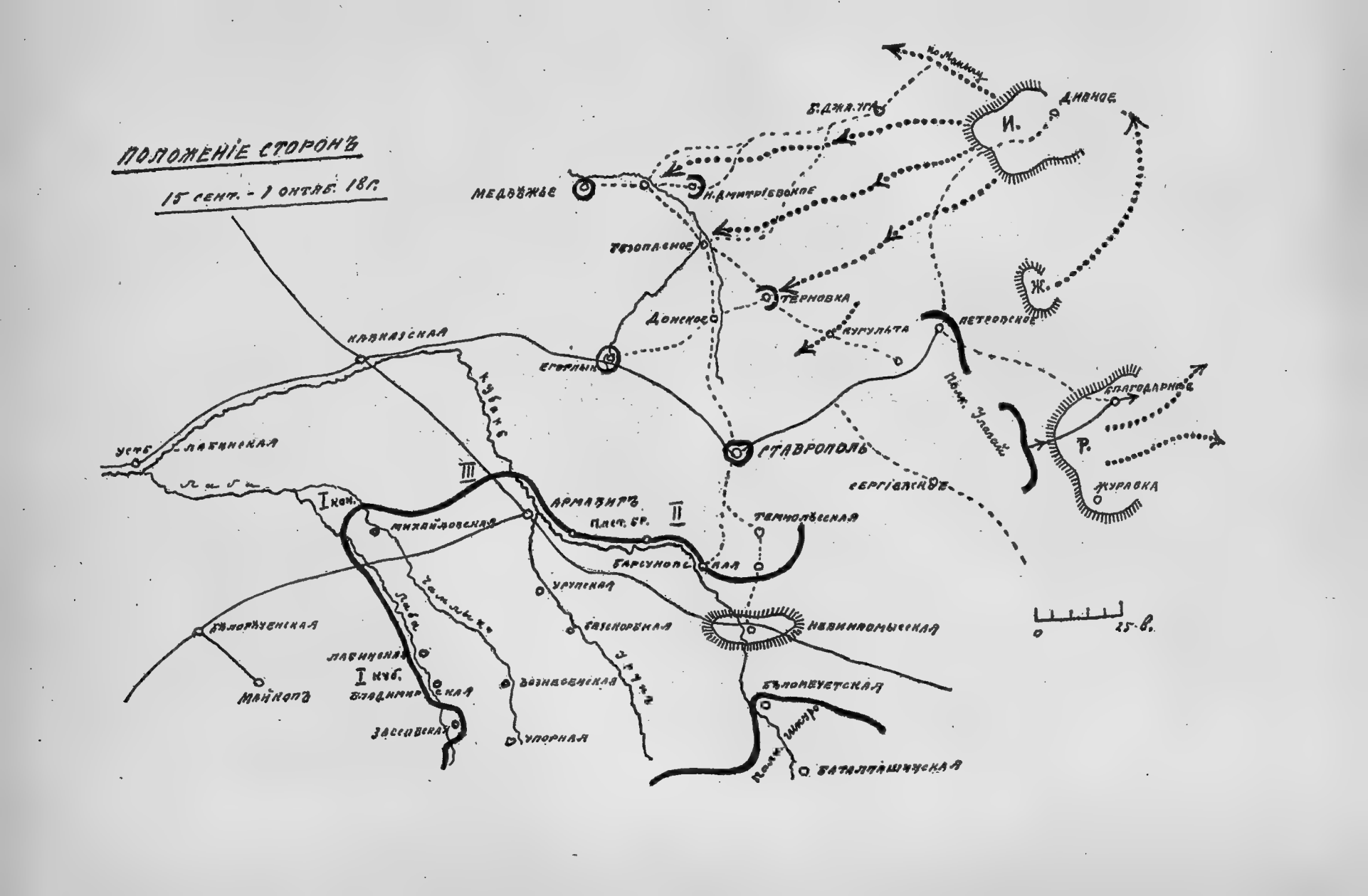
* * *

На западѣ, на верхней Лабѣ успѣшно боролась 1-я Кубанская дивизія Покровскаго. Отбросивъ противника, занимавшаго линію рѣки Фарсъ, онъ широкимъ фронтомъ (40—50 верстъ) наступалъ къ Лабѣ, направляя главныя силы противъ Лабинской и Зассовской. Къ 14 сентября Покровскій, опрокидывая противника, подошелъ на всемъ фронтѣ къ Лабѣ, захвативъ Мостовое и, переправивши часть силъ черезъ Лабу, преслѣдовалъ большевиковъ, бѣгущихъ къ Владимирской и Вознесенской. Тысячи повозокъ обоза, множество плѣнныхъ попали въ наши руки; кромѣ того, было отбито около 2 тысячъ уведенныхъ большевиками кубанскихъ казаковъ. Этотъ значительный успѣхъ, создававшій угрозу сѣвернымъ группамъ противника, встревожилъ большевицкое командованіе. Майкопская группа была усилена и 15-го на всемъ фронтѣ перешла въ наступленіе, оттѣснивъ Покровскаго на лѣвый берегъ Лабы. 10 дней продолжались бои съ большевиками, перешедшими вновь въ нѣсколькихъ мѣстахъ Лабу и наступавшими въ общемъ направленіи на Майкопъ. Въ ночь на 28-е большевики, отчаявшись въ успѣхѣ наступленія на этомъ фронтѣ, ушли за Лабу, тѣснимые по пятамъ кубанцами, переправившимися также у Владимирской.

Положеніе здѣсь оставалось попрежнему весьма угрожающимъ для большевиковъ.

* * *

Неудачно для насъ складывалась обстановка на лѣвомъ флангѣ. Сорокинъ, сосредоточивъ крупныя силы противъ Невинномысской, съ 10 сентября нѣсколько разъ настойчиво атаковалъ Боровскаго, но понесъ большія потери и вначалѣ успѣха не имѣлъ. Наконецъ, 15-го онъ принудилъ Боровскаго отойти къ Ново-Екатериновкѣ и овладѣлъ Невинномысской, открывъ вновь сообщеніе своей арміи по Владикавказской магистрали.


ПОЛОЖЕНІЕ СТОРОНЪ
15 сент. - 1 октяб. 18 г.
МЕДВѢЖЬЕ
Н. ДМИТРІЕВСКОЕ
ТЕЗОПАСНОЕ
ТЕРНОВКА
ДОНСКОЕ
КУГУЛЬТА
ПЕТРОВСКОЕ
ЕГОРЛЫК
КАВКАЗСКАЯ
СТАВРОПОЛЬ
СЕРГІЕВСКОЕ
ТЕМНОЛѢССКАЯ
АРМАВИРЪ
БАРСУНОВСКАЯ
УРУПСКАЯ
БЕЗСКОРБНАЯ
НЕВИНОМЫССКАЯ
БѢЛОМЕЧЕТСКАЯ
БАТАЛПАШИНСКАЯ
УПОРНАЯ
ЗАСЕВСКАЯ
ВОЗНЕСЕНСКАЯ
ЛАБИНСКАЯ
МИХАЙЛОВСКАЯ
БѢЛОРѢЧЕНСКАЯ
МАЙКОПЪ
УСТЬ-ЛАБИНСКАЯ
КУБАНЬ
ЛАБА
ЧАМЛЫКЪ
УРУПЪ
ПОЛК. УЛАГАЙ
ПОЛК. ШИКУРО
БЛАГОДАРНОЕ
ЖУРАВКА
ДИВНОЕ
Б. ДЖА. УГА
И.
Ж.
Р.
III
II
I кон.
I куб.
0
25 в.

Еще южнѣе дѣйствовалъ партизанъ Шкуро. Широко привлекая въ свои ряды кубанское казачество, подымая поголовно станицы Баталпашинскаго отдѣла, онъ развернулъ уже свой отрядъ въ дивизію и совмѣстно со станичными гарнизонами успѣшно отражалъ нападеніе большевиковъ, стремившихся перейти верхнюю Кубань въ раіонѣ Бѣломечетской. Но въ тѣ дни, когда Сорокинъ атаковалъ Невинномысскую, Шкуро, тяготѣвшій по мотивамъ не стратегическимъ къ Кисловодску, повернулъ на югъ и 12-го съ боя взялъ этотъ городъ. Черезъ двѣ недѣли, подъ давленіемъ большевицкихъ отрядовъ, наступавшихъ съ сѣвера и востока на Бугурустанскую и Кисловодскъ, Шкуро, съ которымъ очень трудно было поддерживать связь, очистилъ городъ и былъ привлеченъ въ раіонъ арміи. Большевики жестоко расправились съ кисловодской буржуазіей. Очередная сводка отмѣтила своимъ безстрастнымъ языкомъ «мелкій боевой эпизодъ»: «чтобы сосредоточить всѣ усилія для активныхъ дѣйствій въ направленіи на станцію Курсавку, полковникъ Шкуро оставилъ Кисловодскъ». А самъ партизанъ 28-го уже опять билъ большевиковъ, бралъ плѣнныхъ и пулеметы въ раіонѣ Владикавказской магистрали...

Въ то время, какъ Невинномысская группа большевиковъ противъ фронта Боровскаго повидимому все больше усиливалась, назрѣвала серьезная угроза и его тылу и сообщеніямъ въ Ставропольскомъ раіонѣ. Въ результатѣ работы въ сентябрѣ мѣсяцѣ, на сѣверо-востокѣ и востокѣ Ставропольской губерніи сорганизовались двѣ сильныя группы: въ раіонѣ Дивное—2-я Ставропольская дивизія или группа Ипатова (12 тысячъ штыковъ, 1 тысяча сабель), и въ раіонѣ Благодарное — 1-я Ставропольская дивизія или группа Рыльскаго (5 тысячъ штыковъ, 500 сабель); кромѣ того, къ сѣверо-востоку отъ Петровска стоялъ отрядъ Жлобы, силою до 6 тыс., устраивавшійся послѣ пораженія, нанесеннаго ему 14 сентября полк. Улагаемъ.

Противъ этихъ частей мы имѣли мелкіе отряды восточнѣе Медвѣжьяго, у Донского, гарнизонъ Ставрополя и 2-ю Кубанскую дивизію у Петровскаго, общей численностью 4—5 тысячъ.

16-го сентября 2-я Ставропольская дивизія большевиковъ начала наступленіе одновременно въ трехъ направленіяхъ: на Торговую, Медвѣжье и Донское. И черезъ три дня, сбивъ наши охраняющія части, дошла на сѣверѣ до Нѣмецко-Хангинскаго, а главными силами до р. Егорлыкъ на фронтѣ Преградное — Безопасное. Для прикрытія Торговой мною былъ переброшенъ по жел. дорогѣ небольшой отрядъ, а къ станціи Егорлыкъ стянуты съ разныхъ сторонъ 1½—2 тысячи и 2 орудія. Въ командованіе этимъ сборнымъ отрядомъ* вступилъ ген. Станкевичъ, который получилъ задачу обезпечить съ сѣвера Ставрополь.

Выдвинувшись къ Безопасному, онъ отбросилъ противника, и на нѣсколько дней здѣсь водворилось спокойствіе. Въ свою очередь полковн. Улагай въ раіонѣ Благодарнаго 28-го разбилъ 1-ю Ставропольскую дивизію и на нѣкоторое время вывелъ ее изъ строя. Но 2-я Ставропольская дивизія въ концѣ мѣсяца вновь перешла въ наступленіе крупными силами и отбросила отрядъ ген. Станкевича; въ то же время сѣверная колонна ея заняла села по нижнему Егорлыку въ одномъ переходѣ отъ Торговой.

Необходимо было какъ можно скорѣе ликвидировать эту постоянную угрозу нашей связи съ Дономъ и войсками праваго берега Кубани, тѣмъ болѣе, что у Невинномысской шло сосредоточеніе крупныхъ большевицкихъ силъ.

Я стянулъ въ Ставрополь-Армавирскій раіонъ всѣ силы Добровольческой арміи**.

1-ю дивизію Казановича сосредоточилъ противъ Армавира, а 3-ю — Дроздовскаго перевелъ на правый берегъ Кубани для смѣны Боровскаго. Послѣднему приказано было, объединивъ командованіе надъ войсками Ставропольскаго раіона и присоединивъ къ нимъ свою 2-ю дивизію, очистить въ возможно короткій срокъ сѣверъ губерніи.

Смѣна на фронтѣ противъ Невинномысской закончилась 2-го октября, а 6-го соединенными силами Станкевича, Улагая и 2-й дивизіи большевики были разбиты у Терновки.

---

* Кубанскіе пластуны и конница, части польской бригады, добровольческая артиллерія. Для характеристики нашихъ масштабовъ боевого снабженія: отряду дано было 150 снарядовъ и по 70 патроновъ на винтовку!..

** Только на грузинскомъ фронтѣ остался конный полкъ и формировался дивизіонъ.

Принявшій командованіе надъ колонной ген. Станкевичъ преслѣдовалъ противника на сѣв.-востокъ и въ бояхъ 12—14-го въ раіонѣ Большой Джалги, въ которыхъ приняла участіе и шедшая отъ Торговой вдоль Маныча Донская бригада, нанесъ имъ вновь сильное пораженіе. Дальнѣйшее преслѣдованіе стало невозможнымъ, такъ какъ въ эти дни у Невинномысской и Ставрополя разразились событія, потребовавшія спѣшнаго возвращенія туда 2-й дивизіи и конницы Улагая.

* * *

Тяжкіе сентябрьскіе бои обезкровили и насъ, и противника. Они кромѣ того подорвали духъ въ большевицкихъ войскахъ, вселили и въ нихъ, и въ совѣтахъ еще большее недовѣріе къ своему командованію.

Усилилось также общее неудовольствіе Сорокинымъ. Во второй половинѣ сентября на собраніи большевицкихъ командировъ въ Армавирѣ командовавшій Таманской группой Матвѣевъ при общемъ одобреніи заявилъ, что выходитъ изъ подчиненія Сорокину. Матвѣевъ былъ вызванъ въ Пятигорскъ и тамъ по приговору военно-революціоннаго суда разстрѣлянъ. Эта казнь вызвала сильное возмущеніе въ войскахъ Таманской группы и страшное озлобленіе лично противъ Сорокина.

22-го сентября Ц. и. к. Сѣверо-Кавказской республики, сообразно новой организаціи центральнаго Московскаго управленія* и полученныхъ свыше указаній, отмѣнилъ единоличную власть главнокомандующаго и во главѣ Сѣверо-Кавказской арміи поставилъ «Ревоенсовѣтъ» подъ предсѣдательствомъ Полуяна** и членовъ: Сорокина, Гайчинца***, Петренко[1] и Крайняго[2]. Прежній штабъ Сорокина былъ устраненъ и сформированъ новый въ составѣ нѣсколькихъ большевицкихъ дѣятелей во главѣ съ казачьимъ офицеромъ Одарюкомъ.

Къ концу сентября относится также перемѣна стратегическаго плана большевицкаго командованія: было рѣшено оставить Кубань и, прикрываясь сильными арьергардами на Лабѣ и у Армавира, отступить на юго-востокъ, въ общемъ направленіи на Невинномысскую.

Признаки отхода колоннъ и обоза мы замѣчали еще въ 20-хъ числахъ сентября. Въ ночь на 1-е октября арьергардъ Михайловской группы, взорвавъ мостъ у Кошехабля, сталъ отходить въ направленіи на Урупскую. Это обстоятельство побудило перейти въ рѣшительное наступленіе всѣ три наши лѣвобережныя дивизіи.

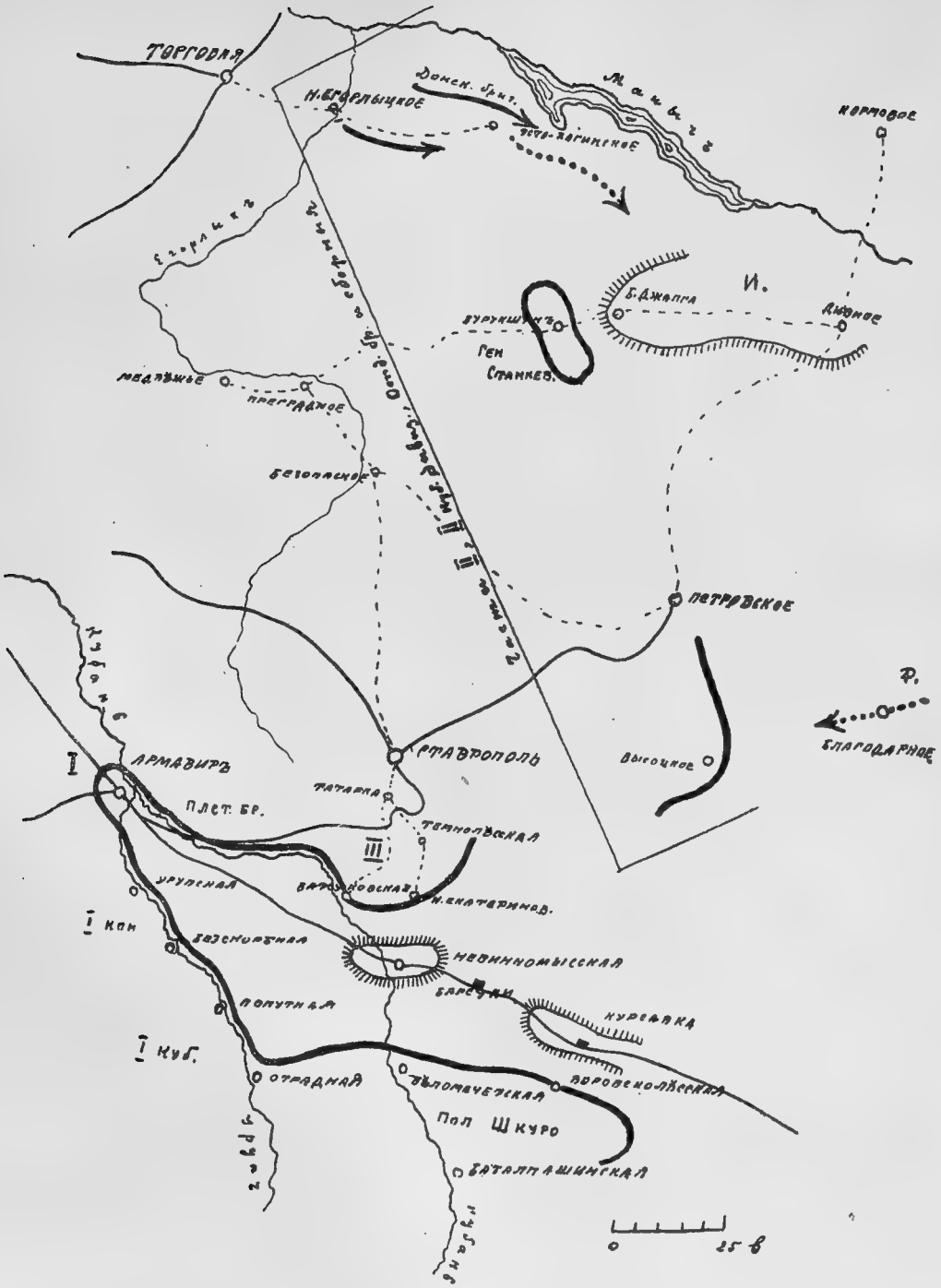
Ген. Казановичъ 1-го октября атаковалъ Армавиръ. Части его ворвались было уже въ городъ, но контръ-атакой противника были отброшены съ большими потерями, особенно тяжелыми въ Сводно-гвардейскомъ полку[3].

Ген. Врангель, опрокидывая арьергарды противника и догоняя главныя силы его, въ первый же день прошелъ до 50 верстъ, слѣдуя на Урупскую и Безскорбную. Въ послѣдующіе дни на Урупѣ произошелъ рядъ серьезныхъ боевъ съ переходившимъ не разъ въ контръ-наступленіе противникомъ, который былъ въ концѣ концовъ смятъ и отброшенъ за рѣку. Дивизія послѣ жестокаго уличнаго боя заняла 6-го Безскорбную, 7-го Урупскую, но дальнѣйшее продвиженіе ея было остановлено большевиками.

Ген. Покровскій, отбросивъ заслоны большевиковъ, перешелъ Лабу и атаковалъ 2-го Вознесенскую и Упорную, но взять ихъ не могъ. 3-го большевики сами перешли въ наступленіе — въ первомъ направленіи неудачно, во второмъ — силами до 4-хъ полковъ пѣхоты и многочисленной конницы оттѣснили Покровскаго обратно за Лабу. На слѣдующій день онъ вновь и вновь атаковалъ и послѣ многихъ упорныхъ боевъ къ 7-му вышелъ къ Урупу, овладѣвъ Попутной и Отрадной.

---

* Во главѣ всѣхъ совѣтскихъ войскъ сталъ «Ревоенсовѣтъ» во главѣ съ Троцкимъ.
** Б. нар. ком. вн. дѣлъ.
*** «Командующій войсками сѣверо-восточнаго фронта».
[1] Б. начальникъ штаба Сорокина.
[2] Предсѣд. краевого комитета партіи больш. и тов. предсѣд. Ц. и. к.
[3] Развернутъ незадолго передъ тѣмъ изъ 4-го батал. Марковскаго полка.



Положеніе къ 10 октяб. 18г.

Обѣ дивизіи нанесли противнику большой уронъ, захватили много плѣнныхъ и оружія, но сопротивленіе его было попрежнему упорнымъ.

Къ 10 октября положеніе на фронтѣ было слѣдующимъ:

1-я дивизія стояла подъ Армавиромъ, 1-я Конная и 1-я Кубанская по Урупу до Отрадной. Далѣе шелъ измѣнчивый фронтъ Партизанской бригады (дивизіи) и ополченій Баталпашинскаго отдѣла, который проходилъ примѣрно отъ Отрадной (связь съ Покровскимъ), сѣвернѣе Бѣломечетской, подходя и временами захватывая Воровсколѣсскую (въ 14 верстахъ отъ ст. Курсавки), далѣе на Суворовскую. Шкуро, очищая отъ большевиковъ Баталпашинскій отдѣлъ, производилъ съ успѣхомъ непрестанныя нападенія на желѣзныя дороги, разстраивая движеніе по ней и угрожая все время сообщеніямъ противника. Отъ Армавира по правому берегу Кубани и далѣе отъ Барсуковской на Ново-Екатериновку стояли мѣстные гарнизоны, пластунскіе батальоны и 3-я дивизія.

Въ этомъ чрезвычайно оригинальномъ остромъ углу въ качествѣ аррьергардовъ по Урупу и Кубани располагалось около 20 тысячъ большевицкихъ войскъ; по линіи Курсавка — Минеральныя Воды для непосредственнаго охраненія жел. дороги отъ нападеній Шкуро 4—5 тысячъ; и въ раіонѣ Невинномысской сосредоточился сильный кулакъ до 20 тысячъ.

Дальнѣйшее направленіе его было намъ невѣдомо.

* * *

Я не знаю, чьей иниціативѣ принадлежитъ послѣдующій планъ дѣйствій Сѣверо-Кавказской арміи большевиковъ. Были ли директивы изъ Москвы, рѣшилъ ли вопросъ «Ревоенсовѣтъ» или оказалъ давленіе созванный-въ то время Сорокинымъ и засѣдавшій въ Невинномысской «Чрезвычайный съѣздъ совѣтовъ и представителей красной арміи».

Передъ большевицкимъ командованіемъ стояло три направленія отхода: по Владикавказской жел. дорогѣ, упирающейся въ Кавказскія горы или Каспійское море; на Святой Крестъ — съ отходящимъ отъ него Астраханскимъ трактомъ; наконецъ, третье, сопряженное съ новыми боями — на Ставрополь, съ возможностью пользоваться Астраханскимъ трактомъ и открыть связь и сообщеніе съ Царицыномъ и прикрывавшей его 10-й совѣтской арміей, лѣвый флангъ которой подходилъ къ Манычу у Кормового*.

До насъ доходили свѣдѣнія еще въ сентябрѣ, что по этому поводу возникли большія тренія въ средѣ командnаго состава и что Сорокинъ и Гайчинецъ — сторонники движенія на Святой Крестъ, Матвѣевъ — на Ставрополь.

Въ результатѣ длительныхъ споровъ и колебаній большевицкое командованіе приняло рѣшеніе: перебросивъ свои тылы на Святой Крестъ, двинуться къ Ставрополю, съ цѣлью овладѣнія имъ.

Сорокинъ не принималъ уже активнаго участія въ операціи. Въ то время, когда большевицкія войска подъ начальствомъ Федько атаковали Ставрополь, онъ, опальный главнокомандующій, со своимъ штабомъ и конвоемъ находился въ Пятигорскѣ. Опасаясь расправы со стороны третируемыхъ имъ и не довѣрявшихъ ему большевицкихъ главарей, Сорокинъ задумалъ устроить переворотъ, съ цѣлью захватить въ свои руки верховную военную власть. 13-го октября онъ арестовалъ предсѣдателя Ц. и. к. Кавказской республики Рубина, товарищей предсѣдателя Дунаевскаго и Крайняго, члена Ц. и. к. Власова и начальника «чрезвычайной комиссіи» Рожанскаго. Всѣ эти лица — кромѣ Власова евреи — были въ тотъ же день разстрѣляны. По объясненію приближенныхъ Сорокина, пойманныхъ и заключенныхъ въ тюрьму, Сорокинъ — яркій юдофобъ — «ненавидѣлъ евреевъ», возглавлявшихъ кавказскую власть, и «рѣшился на кровавую расправу, негодуя на постоянное вмѣшательство Ц. и. к. въ военное дѣло, что мѣшало военнымъ операціямъ»**.

Но Съѣздъ совѣтовъ и представителей фронта постановилъ объявить Сорокина внѣ закона, «какъ измѣнника революціи», и доставить его въ Невинномысскую «живымъ или мертвымъ для всенароднаго... суда»...

---

* Въ 42 верстахъ отъ Дивнаго — пункта сосредоточенія 2-й Ставропольской дивизіи (большевицкой).

** Изъ акта разслѣдованія Особой комиссіи.

Похороны жертвъ пятигорской чрезвычайки (1919 г.)

Не найдя поддержки въ арміи, Сорокинъ бѣжалъ изъ Пятигорска въ направленіи Ставрополя; 17 октября былъ пойманъ однимъ изъ таманскихъ полковъ возлѣ города, привезенъ въ ставропольскую тюрьму* и тамъ убитъ во время допроса командиромъ 3-го Таманскаго полка Висленко.

Выступленіе Сорокина отозвалось трагически на судьбѣ Минераловодской интеллигенціи. Еще послѣ захвата Кисловодска Шкуро и возстанія терскихъ казаковъ тюрьмы Минеральной группы были заполнены заложниками, которые согласно приказу чрезвычайки подлежали разстрѣлу «при попыткѣ контръ-революціоннаго возстанія или покушенія на жизнь вождей пролетаріата». Когда умеръ командовавшій сѣверо-западнымъ фронтомъ, товарищъ Ильинъ отъ ранъ, полученныхъ въ бою съ добровольцами, чрезвычайная комиссія казнила въ его память 6 заложниковъ. Послѣ разстрѣла Сорокинымъ членовъ Ц. и. к. обѣщаніе было исполнено въ болѣе широкомъ масштабѣ: «чрезвычайка» постановила «въ отвѣтъ на дьявольское убійство лучшихъ товарищей» разстрѣлять заложниковъ — по двумъ спискамъ 106 человѣкъ. Въ ихъ числѣ были генералы Рузскій и Радко-Дмитріевъ, звѣрски зарубленные 18-го октября. Обоимъ имъ большевицкіе главари неоднократно предлагали стать во главѣ кавказской красной арміи и оба они отказались отъ предложенія, заплативъ за это жизнью.

«Въ одномъ бѣльѣ — говорится въ описаніи Особой комиссіи — со связанными руками, повели заложниковъ на городское кладбище», гдѣ была приготовлена большая яма... «Палачи приказывали своимъ жертвамъ становиться на колѣни и вытягивать шеи. Вслѣдъ за этимъ наносили удары шашками... Каждаго заложника ударяли разъ по пяти, а то и больше... Нѣкоторые стонали, но большинство умирало молча... Всю эту партію красноармейцы свалили въ яму... На утро могильщики засыпали могилы... Вокругъ стояли лужи крови... Изъ свѣжей, едва присыпанной могилы слышались тихіе стоны заживо погребенныхъ людей. Эти стоны донеслись до слуха Обрѣзова (смотрителя кладбища) и могильщиковъ. Они подошли и увидѣли, какъ «изъ могильной ямы выглядывалъ, облокотившись на руки, одинъ недобитый заложникъ (священникъ І. Рябухинъ) и умолялъ вытащить его изъ подъ груды наваленныхъ на него мертвыхъ тѣлъ... Повидимому, у Обрѣзова и могильщиковъ страхъ передъ красноармейцами былъ настолько великъ, что въ душахъ ихъ не осталось болѣе мѣста для другихъ чувствъ — и они просто забросали могилу землей...

Стоны затихли».

Сохранился разсказъ о послѣднемъ разговорѣ ген. Рузскаго со своимъ палачомъ**:

— Признаете ли вы теперь великую россійскую революцію?

— Я вижу лишь одинъ великій разбой.

---

* Послѣ взятія большевиками города.

** Предсѣдатель «чрезвычайки» Артабековъ.

ГЛАВА XXXII.

Оставленіе нами Ставрополя. Бои подъ Армавиромъ, на Урупѣ и въ Баталпашинскомъ отдѣлѣ. Очищеніе отъ большевиковъ лѣваго берега Кубани. Двадцати-восьмидневное сраженіе подъ Ставрополемъ (10 октября – 7 ноября).

10 октября Невинномысская группа большевиковъ перешла въ наступленіе на сѣверъ, на фронтъ Дроздовскаго. Это было началомъ рѣшительнаго для Добровольческой арміи двадцати-восьмидневнаго сраженія подъ Ставрополемъ.

Отряду Дроздовскаго* предстояло всемѣрно задерживать противника до подхода съ сѣвера 2-й и 2-й Кубанской дивизій.

10-го Дроздовскій отразилъ наступленіе большевиковъ и только на правомъ флангѣ его большевики сбили пластуновъ и овладѣли Барсуковской. На слѣдующій день онъ самъ перешелъ въ контръ-атаку, понесъ серьезныя потери, но безуспѣшно. Ввиду того, что на западѣ была потеряна важная позиція—гора Недреманная, Дроздовскій съ разсвѣтомъ 12-го отошелъ къ Татаркѣ, въ 11 верстахъ отъ города, гдѣ въ ночь на 14-е былъ вновь атакованъ большевиками и отброшенъ къ сѣверу. Въ теченіе дня 14-го Дроздовскій велъ напряженный бой на подступахъ къ Ставрополю, стараясь при помощи подошедшаго съ сѣвера Корниловскаго полка вернуть захваченную большевиками гору Базовую. Атаки Корниловцевъ и Самурцевъ не имѣли успѣха, и пополудни дивизія очистила Ставрополь, отступивъ къ сѣверу. Толпы мирнаго населенія покидали злополучный многострадальный городъ, спасаясь отъ большевицкаго нашествія. Въ Ставрополь вошли красныя войска и приступили къ расправѣ...

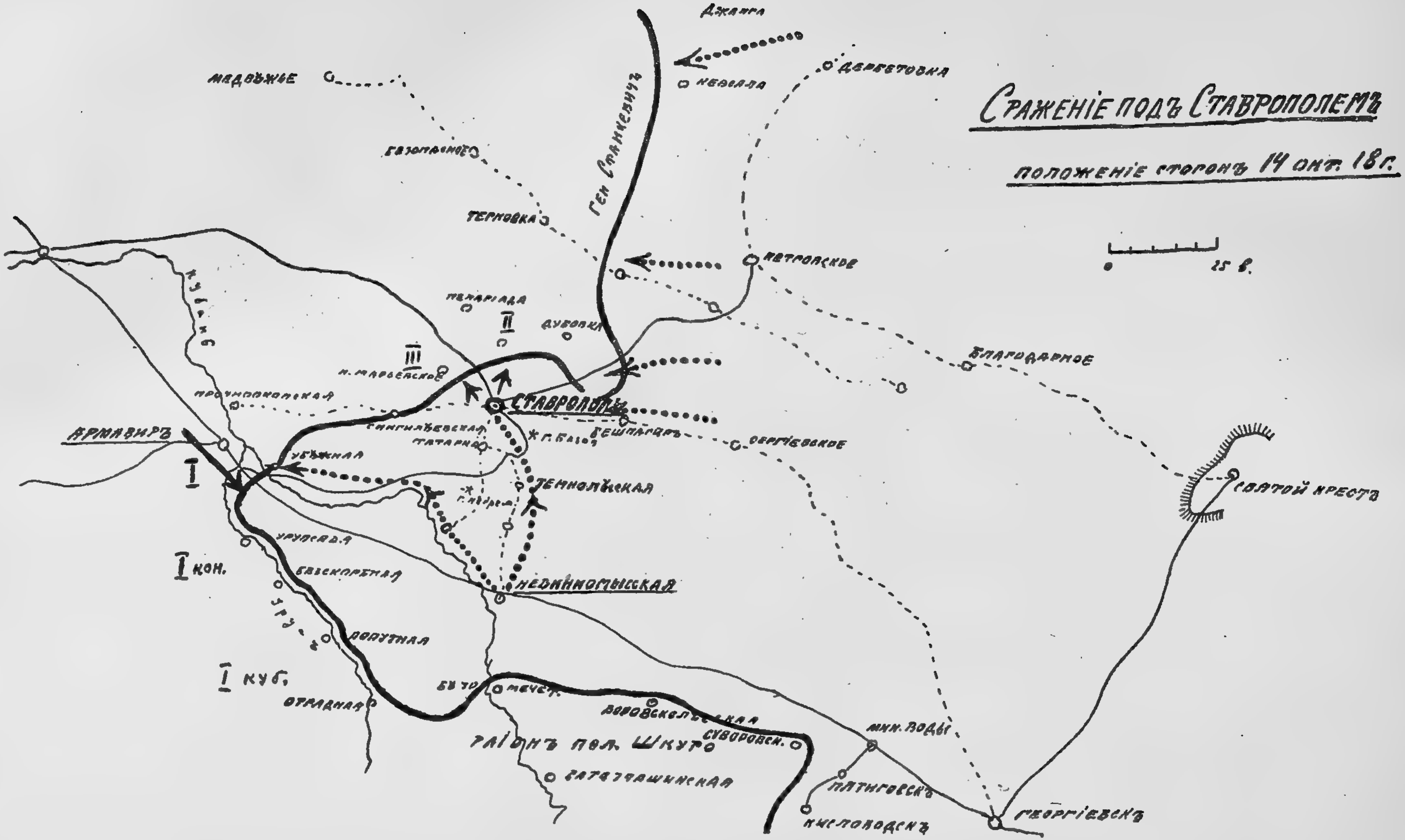
Одновременно съ наступленіемъ главныхъ силъ большевиковъ въ направленіи Ставрополя колонна ихъ продвигалась внизъ по Кубани, захватывая переправы, причемъ къ 14-му весь правый берегъ до Убѣженской оказался въ ихъ рукахъ.

Въ теченіе ближайшихъ дней противникъ велъ частныя атаки въ сѣверномъ направленіи для обезпеченія Ставрополя, не стремясь или не будучи въ силахъ развивать свой успѣхъ надъ ослабленными и разрозненными частями нашей Ставропольской группы. И къ 18-му, когда подтянулись части 2-й и 2-й Кубанской дивизій, Ставропольская группа Боровскаго располагалась по фронту Ново-Марьевка — село Пелагіада — Дубовка, въ 13—20 верстахъ отъ города. Фронтъ большевиковъ шелъ кругомъ Ставрополя черезъ Надеждинское — Михайловское — Сенгилѣевское — Ново-Екатериновскую.

* * *

Я съ полевымъ штабомъ и, какъ всегда, съ начальникомъ штаба, съ которымъ мы были неразлучны, находился въ эти дни на Армавирскомъ направленіи. Отдавъ ген. Казановичу послѣдній батальонъ и не имѣя болѣе въ своемъ распоряженіи резервовъ, я видѣлъ возможность успѣха только въ настойчивомъ выполненіи основного плана и,

* 3-я дивизія и пластунская брагада.


Сраженіе подъ Ставрополемъ
положеніе сторонъ 14 окт. 18 г.
25 в.
Джанга
Дербетовка
Кевсала
Медвѣжье
Безопасное
Терновка
Ген. Станкевичъ
Петровское
Благодарное
Пелагіада
Дубовка
Н. Марьевское
Прочноокопская
Армавиръ
Ставрополь
Бешпагиръ
Сергіевское
Татарка
Темнолѣсская
Невинномысская
Урупская
Безскорбная
Отрадная
Попутная
Святой Крестъ
Мин. Воды
Пятигорскъ
Кисловодскъ
Георгіевскъ
Суворовск.
Баталпашинская
Районъ пол. Шкуро
I кон.
I куб.
I
II
III
Кубань
Зеленчукъ

въ частности, въ развитіи активности нашего западнаго фронта. Генераламъ Казановичу, Врангелю и Покровскому было подтверждено напрячь крайнія усилія, чтобы сбросить лѣвобережную группу противника въ Кубань и тѣмъ развязать намъ руки на Ставропольскомъ направленіи.

Ген. Казановичъ 13-го октября внезапной атакой овладѣлъ Армавиромъ, захвативъ большіе трофеи. На другой день его дивизія отбросила противника за Урупъ, разбила его вновь у Коноково и, преслѣдуя обоими берегами, къ 16-му дошла до Николаевки и Маламино.

Конница ген. Врангеля не могла развивать этотъ ударъ: съ 10-го числа она была прикована къ Урупу настойчивыми атаками противника, причемъ Безскорбная нѣсколько разъ переходила изъ рукъ въ руки. Только 15-го дивизія вышла частью силъ на правый берегъ Урупа и имѣла тамъ нѣкоторый успѣхъ. Но 17-го большевики перешли въ контръ-атаку на всемъ фронтѣ между Урупомъ и Кубанью и оттѣснили конныя части ген. Врангеля за Урупъ, а дивизію ген. Казановича — подъ Армавиръ къ разъѣзду Вольному...

Въ эти дни Минераловодская группа нѣсколько разъ возобновляла наступленіе на полк. Шкуро по всему фронту отъ Невинномысской до Суворовской, но безрезультатно, и партизаны попрежнему совершали удачные набѣги на желѣзную дорогу.

Не было ни свѣдѣній, ни донесеній отъ ген. Покровскаго. Наблюдая 17-го бой у Казановича, я убѣдился, что здѣсь разрѣшенія задачи искать трудно. Послалъ вновь приказаніе Покровскому о крайней необходимости взятія Невинномысской и выхода въ тылъ Армавирской группѣ противника...

Только 21-го мы получили радостное извѣстіе, что 18-го Покровскій послѣ упорнаго боя овладѣлъ станицей и станціей Невинномысской, захватилъ тамъ большую военную добычу и преслѣдуетъ большевиковъ на сѣверо-западъ и на юго-востокъ... Отъ Армавира и Урупа потянулись уже большевицкіе резервы въ сторону Невинномысской, вступившіе въ бой съ Покровскимъ 19-го, но отброшенные къ сѣверу, въ то время, какъ часть нашей конницы, распространяясь вдоль ж.-д. линіи, заняла станцію Барсуки.

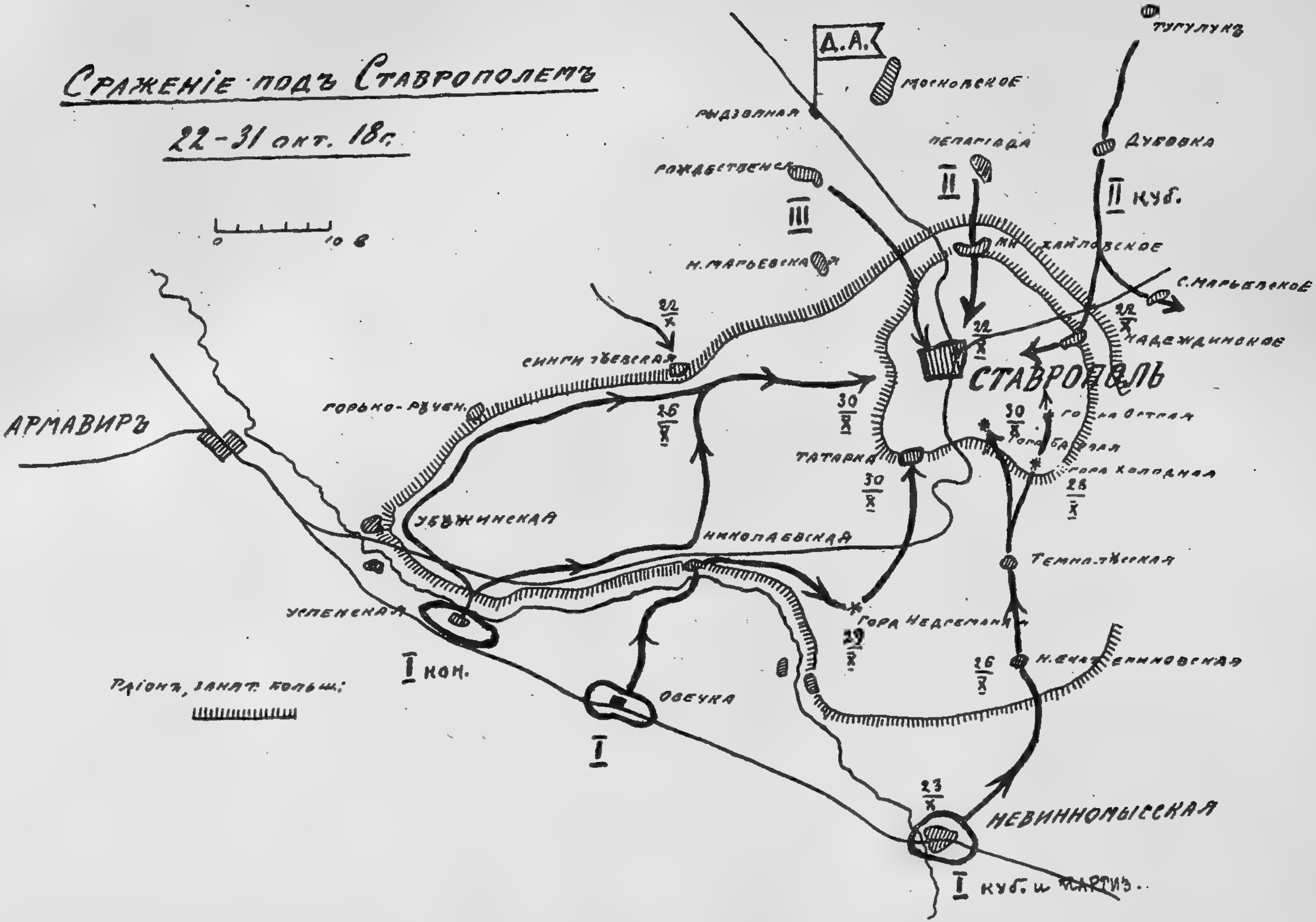
Этимъ ослабленіемъ силъ Армавирской группы воспользовалась 1-я Конная дивизія. 20-го ген. Врангель произвелъ перегруппировку, оставивъ заслонъ у Урупской и перебросивъ главныя силы къ Безскорбной. 21-го, перейдя рѣку, онъ обрушился на большевицкую дивизію, разбилъ ее на голову и преслѣдовалъ уцѣлѣвшіе остатки ея въ направленіи Успенской; юго-восточнѣе такая же участь постигла еще два большевицкихъ полка... 22-го доблестная дивизія продолжала преслѣдованіе, добивая отставшія части противника, и захватила станцію Овечка, куда вскорѣ подошла пѣхота Казановича съ бронепоѣздомъ. За эти два дня кубанцы Врангеля взяли около 2 тысячъ плѣнныхъ, 19 пулеметовъ, огромные обозы.

Немногія уцѣлѣвшія войска Армавирской группы, прижатыя къ Кубани, текли безостановочно на юго-востокъ; совмѣстно съ отрядами, остававшимися на лѣвомъ берегу Кубани, они съ мужествомъ отчаянія обрушились на Покровскаго и 21-го выбили его изъ Невинномысской. Только 23-го послѣ трехдневныхъ тяжелыхъ боевъ онъ вторично и окончательно овладѣлъ Невинномысской.

1-я Конная дивизія сосредоточилась въ раіонѣ Успенской, 1-я — у Овечки.

* * *

18-го октября въ одной изъ хатъ станицы Рождественской собралось офицерство 3-й, отчасти 2-й дивизій; я ожидалъ, что послѣ перенесенныхъ безмѣрно тяжелыхъ боевъ и ставропольской неудачи увижу хоть тѣнь моральной усталости и разочарованія... И былъ глубоко обрадованъ ихъ настроеніемъ. Они жадно ловили всякій намекъ на улучшеніе общаго положенія и интересовались только тѣмъ, что облегчало намъ дальнѣйшее веденіе борьбы. Я видѣлъ части — сильно порѣдѣлыя, истомленныя, полуобмерзшія, въ обтрепанной легкой одеждѣ — зимняя стужа наступила въ этомъ году рано — и тѣмъ не менѣе готовыя къ новымъ боямъ.


Сраженіе подъ Ставрополемъ
22-31 окт. 18г.
0 10 в
Д.А.
Московское
Туғулукъ
Дубовка
Пелагіада
Рождественск
II
III
II куб.
Н. Марьевка
С. Марьевское
Надеждинское
Ставрополь
Синги Зуевская
Горько-Рычен.
Армавиръ
Убъжинская
Николаевская
Татарка
Гора Недреман
Темнолъсская
Успенская
I кон.
I
Овечка
Невинномысская
I куб. и партиз.
Раіонъ, занят. больш.:

Я могъ порадовать ихъ послѣдними свѣдѣніями объ европейскихъ событіяхъ, о паденіи Германіи, торжествѣ союзниковъ и объ открывающихся перспективахъ. Помогутъ ли намъ союзники войсками—не знаю, но матеріальною частью несомнѣнно и въ широкомъ масштабѣ. Это, впрочемъ, дѣло будущаго. А теперь я привезъ съ собою немного теплой одежды, нѣсколько сотъ пополненій, на сей разъ много патроновъ и... глубокую, ничѣмъ не сокрушимую увѣренность въ доблести добровольцевъ, которая приведетъ несомнѣнно къ нашей побѣдѣ въ предстоящемъ рѣшительномъ сраженіи...

Первые успѣхи на Урупѣ и подъ Невинномысской вызвали большой подъемъ въ нашей Ставропольской группѣ, нѣсколько отдохнувшей и пополненной.

22-го ген. Боровскій перешелъ въ наступленіе по всему фронту.

2-я и 3-я дивизіи направлены были на Ставрополь съ сѣвера по обѣимъ сторонамъ жел. дороги, 2-я Кубанская дивизія—черезъ Надеждинскую съ востока. Въ первый же день Боровскій имѣлъ нѣкоторый успѣхъ: пластуны заняли Сенгилѣевскую, Улагай—Надеждинскую, а 2-я и 3-я дивизіи, хотя и съ тяжелыми потерями, дошли до самой окраины города. 23-го бой продолжался, причемъ 2-й Офицерскій полкъ дивизіи Дроздовскаго стремительной атакой захватилъ монастырь Іоанна Предтечи и часть предмѣстья. Мой полевой штабъ находился въ эти дни подъ Ставрополемъ на станціи Рыдзвяная, и я съ ген. Романовскимъ и нѣсколькими офицерами штаба, слѣдуя съ 2-мъ Офицерскимъ полкомъ, вошли въ монастырь нѣсколько преждевременно: попали подъ контръ-атаку противника, вскорѣ, впрочемъ, отраженную.

Далѣе войскамъ Боровскаго продвинуться оказалось не подъ силу. 24-го противникъ самъ переходилъ многократно въ контръ-атаки, особенно настойчивыя на фронтѣ 3-й дивизіи и Корниловскаго полка; обѣ стороны понесли тяжелыя потери и наступленіе наше захлебнулось.

Такъ какъ къ тому времени лѣвобережныя дивизіи закончили свою операцію, я получилъ возможность всѣ силы Добровольческой арміи направить противъ Ставрополя.

Ген. Боровскому на сѣверномъ Ставропольскомъ фронтѣ приказано было временно перейти къ активной оборонѣ; ген. Врангелю, очищая попутно правый берегъ Кубани въ сторону Убѣженской и Николаевской, сосредоточиться въ Сенгилѣевской для атаки Ставрополя съ запада; ген. Казановичу — наступать черезъ гору Недреманную и Татарку съ юга; ген. Покровскому, совмѣстно съ Партизанской дивизіей Шкуро, черезъ Темнолѣсскую—съ юго-востока; для удержанія Невинномысской оставался отрядъ ген. Гартмана — пластунскіе батальоны 1-й и 1-й Кубанской дивизій, а ополченія Баталпашинскаго отдѣла должны были обезпечивать операцію со стороны Минераловодской группы противника.

Я съѣздилъ вновь на Армавирское направленіе, видѣлъ войска Казановича и Покровскаго подъ Невинномысской, куда пріѣхалъ и Шкуро. И по вынесенному впечатлѣнію отъ чудеснаго настроенія войскъ и начальниковъ не безпокоился болѣе за окончательный исходъ Ставропольской операціи.

Вернувшись къ Ставрополю, я засталъ все то же положеніе. Въ теченіе четырехъ дней большевики вели упорныя атаки на всемъ фронтѣ Боровскаго. Мы потеряли Сенгилѣевскую, но сохранили свое положеніе подъ Ставрополемъ цѣною новыхъ тяжелыхъ потерь. Въ то же время 2-я совѣтская Ставропольская дивизія, воспользовавшись ослабленіемъ заслона ген. Станкевича, съ 17-го перешла въ наступленіе и къ 24-му отбросила его отъ Б. Джалги къ Тахтинскому, гдѣ онъ и сдерживалъ въ дальнѣйшемъ противника.

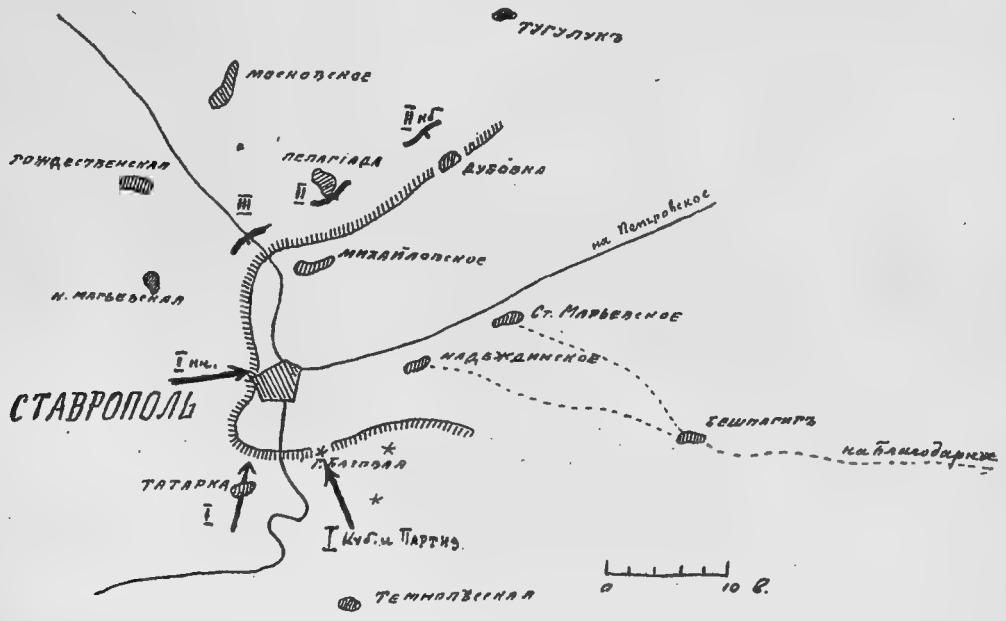
Войска съ юга, между тѣмъ, подвигались. Къ 29-му октября ген. Врангель, очистивъ берегъ Кубани и разбивъ большевиковъ у Сенгилѣевской, подступилъ къ Ставрополю съ запада; ген. Казановичъ атаковалъ гору Недреманную*; ген. Покровскій, сбивая арьергарды противника, къ вечеру 28-го дошелъ до горы Холодной, въ 10 верстахъ къ юго-востоку отъ Ставрополя; обѣ фланговыя дивизіи вошли въ связь съ частями Боровскаго.

---

* Къ югу, въ переходѣ отъ Ставрополя.

Это тактическое положеніе внесло крайнюю нервность въ настроеніе обложеннаго кругомъ города и въ ряды большевицкихъ войскъ. Городъ былъ забитъ тысячами раненыхъ, больныхъ, тифозныхъ большевиковъ, и каждый день увеличивалъ число ихъ. Всѣ пути подвоза были отрѣзаны. Въ Ставрополѣ, какъ передавали вырвавшіеся оттуда, носились уже зловѣщіе слухи объ измѣнѣ... Нѣкоторыя большевицкія части постановляли тайно сдаваться намъ, но попытки ихъ въ этомъ направленіи ликвидировались поставленными сзади позицій пулеметами. Только Таманская группа, стоявшая противъ войскъ Боровскаго, оставалась вполнѣ надежной и рѣшила «драться до послѣдняго»...

Большевицкое командованіе рѣшило, очевидно, прорвать блокаду. 29-го совѣтскія войска крупными силами обрушились на весь фронтъ ген. Боровскаго и отбросили 3-ю дивизію, понесшую вновь громадныя потери, версты на двѣ отъ ея позицій. На прочихъ участкахъ многократныя атаки противника успѣха не имѣли.



Ставропольское сраженіе

31 окт. 18 г.

Этотъ день стоилъ и намъ, и въ особенности противнику очень дорого. Изнуренные потерями большевики 30-го не возобновляли атакъ.

Между тѣмъ, съ юга кольцо сжималось: ген. Казановичъ, атаковавъ 29-го гору Недреманую, съ крутыми скатами, взялъ ее, отбилъ нѣсколько контръ-атакъ и 30-го подошелъ къ Татаркѣ; рядомъ и восточнѣе ген. Покровскій атаковалъ гору Базовую и Холодную. На горѣ Холодной былъ захваченъ и закрытъ Ставропольскій водопроводъ.

Къ 29-му октября, съ занятіемъ Покровскимъ ст. Темнолѣсской вся Кубанская область была освобождена отъ большевиковъ.

Большевицкое командованіе еще разъ напрягло всѣ свои силы, чтобы вырваться изъ окруженія, и на разсвѣтѣ 31-го вновь атаковало на сѣверѣ фронтъ группы Боровскаго, на юго-востокѣ конницу Покровскаго. На этотъ разъ совершенно растаявшіе полки 2-й и 3-й дивизій не выдержали и опрокинутые и преслѣдуемые противникомъ поспѣшно уходили на сѣверо-западъ, остановившись только на высотѣ селенія Пелагіады. Конница Улагая отошла къ Дубовкѣ. Части Покровскаго были также нѣсколько потѣснены.

Отбиваясь отъ наступавшихъ большевиковъ съ перемѣшанными остатками своей дивизіи и ведя ихъ лично въ контръ-атаку, доблестный полковникъ Дроздовскій былъ тяжело раненъ въ ступню ноги... Палъ сраженный пулей въ високъ командиръ Корниловскаго полка полк. Индѣйкинъ...

Въ виду пассивности большевиковъ на западномъ ихъ фронтѣ, ген. Врангель, оставивъ противъ него часть силъ, съ четырьмя полками кубанцевъ* свернулъ на Ново-Марьевку, ударилъ въ тылъ наступавшей тамъ лѣвой колоннѣ противника и, отбросивъ его къ сѣверо-востоку, занялъ вновь монастырь и предмѣстье, оставленные дроздовцами.

Наступила ночь. На сѣверѣ все стихло, но на югѣ и западѣ шелъ еще сильный огонь...

Прорывъ удался. Большевики вырвались изъ кольца. Образовавъ новый фронтъ по линіи Дубовка (южнѣе) — Михайловское — Ставрополь — гора Базовая, они поспѣшно стали перебрасывать свои тылы въ направленіи Петровскаго...

* * *

Еще изъ Невинномысской я и старшіе кубанскіе начальники снеслись телеграфно съ кубанскимъ правительствомъ по вопросу объ отсрочкѣ открытія краевой Рады, назначеннаго на 28-е октября, до окончанія Ставропольской операціи, чтобы дать возможность кубанскимъ начальникамъ, избраннымъ членами Рады, принять участіе по крайней мѣрѣ въ первыхъ ея шагахъ... Это предложеніе вызвало возмущеніе въ рядахъ черноморской группы и обвиненіе командованія въ саботированіи Рады. Кубанское правительство не сочло возможнымъ отложить открытіе Рады. Частное совѣщаніе ея 27-го постановило лишь въ программу первыхъ дней включить вопросы внутренняго распорядка, а торжественное засѣданіе въ моемъ присутствіи назначить на 1-е ноября.

Считая весьма важнымъ въ политическомъ отношеніи мое обращеніе къ Радѣ до начала ея работъ, я въ ночь на 1-е рѣшилъ поѣхать на нѣсколько часовъ въ Екатеринодаръ. Во время произнесенія мною въ Радѣ рѣчи** пришла телеграмма, что бригада 1-й Конной дивизіи ген. Бабіева ворвалась въ Ставрополь... Это извѣстіе, которымъ я подѣлился съ Радой, вызвало бурную радость всѣхъ собравшихся... Той же ночью я вернулся въ Пелагіаду. Оказалось, что ген. Бабіевъ занималъ 1-го вокзалъ, но противникъ оставался еще въ городѣ и только пополудни 2-го, при поддержкѣ Самурскаго и 1-го Кубанскаго стр. полковъ и броневиковъ, 1-й Конной дивизіи удалось окончательно овладѣть городомъ.

Ставрополь былъ взятъ. Большевики оставили въ немъ 2½ тыс. непогребенныхъ труповъ и до 4 тыс. невывезенныхъ раненыхъ. На дверяхъ лазаретовъ были надписи: «Довѣряются чести Добровольческой арміи»... Они могли разсчитывать на безопасность своихъ раненыхъ. Мы — почти никогда. Во всякомъ случаѣ, наши офицеры, попадавшіе въ руки большевиковъ, были обречены на мученія и вѣрную смерть.

Но большевики, понесшіе огромныя потери, проявляли все же упорство необыкновенное. 3-го я двинулъ войска въ наступленіе на востокъ и въ тотъ-же день большевики тоже перешли въ наступленіе, опять оттѣснивъ наши части, дѣйствовавшія сѣвернѣе Ставрополя, и оказывая, вмѣстѣ съ тѣмъ, упорное сопротивленіе Казановичу у Надеждинскаго. Четыре дня еще шли бои возлѣ Ставрополя, и только 7-го, путемъ полнаго напряженія силъ, наша атака лучшихъ и наиболѣе сохранившихся красныхъ войскъ — Таманской группы, сосредоточенной въ раіонѣ Тугулукъ — Дубовка — Пелагіада, увѣнчалась окончательнымъ успѣхомъ: наступленіемъ остатковъ пѣхотныхъ дивизій съ запада, дивизіи полк. Улагая съ сѣвера, конницы ген. Врангеля съ юга отъ Ставрополя — войска противника были окружены, разбиты на голову и обратились въ паническое бѣгство. Ихъ преслѣдовали въ направленіи Петровскаго 1-я Конная и

---

* Ему придана была ранѣе бригада конницы изъ состава 3-й дивизіи.

** Въ этомъ томѣ обзоръ политическій я заканчиваю сентябремъ, а военный для цѣльности изложенія довожу до конца ставропольской операціи.

2-я Кубанская дивизіи, сведенныя послѣ своего соединенія въ конный корпусъ подъ начальствомъ ген. Врангеля. Восточную группу красныхъ, отходившихъ на Старо-Марьевское и Бешпагиръ, преслѣдовали части Покровскаго и Шкуро.

А въ тѣ же памятные дни случилось и другое знаменательное событіе, произведшее на Югѣ огромное впечатлѣніе: союзный флотъ вошелъ въ Черное море, и 9 ноября первыя суда его появились на рейдѣ Новороссійска.

Ставропольское сраженіе

7 ноября 18 г.

Сраженіе подъ Ставрополемъ имѣло громадное значеніе для Добровольческой арміи. Пройдетъ еще 2½ мѣсяца въ непрестанныхъ бояхъ, Сѣверо-Кавказская большевицкая армія, развертываясь и пополняясь, вновь будетъ насчитывать 60—70 тысячъ бойцовъ, но уже никогда не оправится отъ нанесеннаго ей пораженія.

* * *

Основныя части Добровольческой арміи во второй разъ*, казалось, гибли. 2-ю, 3-ю дивизію, нѣкоторые пластунскіе батальоны пришлось вывести на длительный отдыхъ для формированія и пополненія, 1-я оставалась еще на Ставропольскомъ фронтѣ. Въ добровольческихъ полкахъ, проведшихъ черезъ свои ряды по многу тысячъ людей, оставалось налицо 100—150 штыковъ. Нѣсколько лучше было положеніе кубанскихъ конныхъ дивизій, въ которыя безостановочно съ занятіемъ каждой новой станицы приливала живая волна.

Люди гибли, но оставались традиціи, оставалась идея борьбы и непреклонная воля къ ея продолженію. Старые, обожженные, обрубленные, но не поваленные стволы обрастали новыми вѣтвями, покрывались молодой листвой и снова стояли крѣпко въ грозу и въ бурю.

---

* Въ Первомъ Кубанскомъ походѣ

ГЛАВА XXXIII.

Соприкосновеніе Добровольческой арміи съ нѣмцами и грузинами. Наши взаимоотношенія.

Утвержденіе наше на берегахъ Азовскаго и Чернаго морей привело къ соприкосновенію съ германскими войсками и флотомъ. Въ предвидѣніи неизбѣжныхъ встрѣчъ съ нѣмецкими властями, добровольческимъ начальникамъ дана была мною краткая инструкція, заключавшая слѣдующія положенія: самимъ избѣгать всякихъ встрѣчъ и всякаго общенія; относительно политической конъюнктуры Добровольческой арміи: Брестъ-Литовскаго мира не признаемъ, отношенія наши съ Германіей можетъ установить только всероссійская центральная власть, которой пока не существуетъ; но враждебныхъ дѣйствій противъ нѣмцевъ мы безъ вызова съ ихъ стороны предпринимать не намѣрены; относительно торговыхъ сношеній — вопросъ преждевременный, такъ какъ торговый аппаратъ еще не налаженъ; но боевые припасы покупать готовы въ обмѣнъ на произведенія страны; при всѣхъ сомнительныхъ вопросахъ ссылаться на неимѣніе отъ меня инструкцій.

На Ейскомъ рейдѣ 2 августа появилась нѣмецкая флотилія изъ четырехъ судовъ* подъ брейдъ-вымпеломъ капитана 2-го ранга, именовавшагося «командующимъ германскими морскими силами въ Азовскомъ морѣ». Въ бесѣдѣ съ начальникомъ гарнизона онъ объяснилъ причину появленія нѣмецкихъ судовъ слѣдующимъ образомъ**: «при послѣднемъ походѣ большевиковъ на Таганрогъ ими былъ пойманъ и приведенъ въ Ейскъ пароходъ, на которомъ находились австрійскіе офицеры. Послѣдніе были безчеловѣчно убиты и выброшены въ море... Кромѣ того, въ послѣднее время замѣчено много судовъ, пристающихъ въ разныхъ пунктахъ Крымскаго и Азовскаго побережья и высаживающихъ тамъ большевиковъ, спасающихся отъ Добровольческой арміи. Задача флотиліи — прекратить звѣрства на морѣ, не допускать и истреблять высаживающихся негодяевъ, такъ какъ никакому государству не пріятно имѣть ихъ въ своей средѣ»...

Такое неожиданное отношеніе свое къ союзникамъ и пособникамъ Германіи командующій флотиліей пояснилъ тѣмъ, что «хотя Германія и заключила официальный договоръ съ Совѣтской Россіей, неофиціально онъ можетъ выразить живѣйшее пожеланіе въ скорѣйшей и окончательной побѣдѣ надъ большевиками въ цѣляхъ умиротворенія края и введенія въ немъ законнаго порядка и твердой власти».

Я думаю, что нѣмецкій офицеръ говорилъ искренно, и такихъ было не мало, но голосъ ихъ не имѣлъ никакого рѣшительно значенія въ русской политикѣ Германіи.

На второй день по взятіи Новороссійска на рейдѣ его появился нѣмецкій миноносецъ, который стоялъ тамъ постоянно и въ эти дни случайно отсутствовалъ. Нѣмецкій офицеръ тотчасъ же явился съ визитомъ къ военному губернатору полковнику Кутепову, поздравилъ его съ занятіемъ Новороссійска, выразилъ крайнее изумленіе быстротой движенія Добровольческой арміи и спросилъ, чѣмъ могутъ быть полезны германскія суда.

---

* Приспособленныя и вооруженныя русскія суда — бывшіе тральщики и землечерпалки.

** Рапортъ начальника гарнизона г. Ейска 2 августа № 4.

Содѣйствіе было вѣжливо отклонено. Въ дальнѣйшемъ нѣсколько разъ представители германскаго и австрійскаго (изъ Одессы) командованія обращались къ полк. Кутепову за разрѣшеніемъ проѣхать для переговоровъ въ Екатеринодаръ, но имъ было въ этомъ отказано.

Въ то же самое время нѣмцы высаживались у Адлера и начали рыть окопы фронтомъ на сѣверъ противъ насъ...

Сложнѣе былъ вопросъ относительно Тамани. Еще весною возставшія противъ большевиковъ таманскія станицы обратились къ нѣмецкому командованію въ Крыму съ просьбой о помощи. Быть можетъ это обращеніе было инсценировано и нѣмцами, для которыхъ, по словамъ маіора фонъ-Кофенгаузена, въ вопросѣ о занятіи полуострова «большую роль играла военная сторона дѣла, а именно обезпеченіе Керченскаго пролива». Нѣмцы ввели на полуостровъ полкъ съ батареей, потомъ еще нѣсколько усилили оккупаціонный отрядъ и вытѣснили большевиковъ до Темрюка, продвинувъ свой фронтъ къ лиманамъ въ низовьяхъ Кубани.

Съ тѣхъ поръ Тамань жила своей обособленной отъ остальной Кубани жизнью. Былъ тамъ свой «атаманъ» — полковникъ Перетяткинъ, свои «вооруженныя силы», то собиравшіяся, то расходившіяся и совершенно игнорируемыя нѣмцами. Казаки вели распрю, захватывали чужія запашки, разбирали войковыя запасныя земли, рыболовныя воды; начальство вело подкопы другъ противъ друга и противъ кубанскаго правительства, не признавая его власти. Словомъ — суверенная Тамань въ суверенной Кубани.

А въ станицѣ Таманской — столицѣ новаго государственнаго образованія — квартировалъ командиръ 10 ландверной бригады*, правившій всѣми, всѣми помыкавшій и содѣйствовавшій, главнымъ образомъ, безпрепятственному вывозу съ полуострова сырья и хлѣба. Посредникомъ его въ сношеніяхъ съ таманцами и фактическимъ распорядителемъ ихъ судебъ былъ платный нѣмецкій агентъ инженеръ Каштановъ — авантюристъ, весьма сходный по типу съ Иваномъ Добрынскимъ. Каштановъ носился съ планами движенія нѣмцевъ на Новороссійскъ и Екатеринодаръ.

Когда въ началѣ іюля кубанское правительство командировало на Тамань кружнымъ путемъ черезъ Ростовъ своихъ представителей и ген. Борисевича, съ цѣлью воссоединить Тамань съ Кубанскимъ краемъ, его послы были арестованы и высланы нѣмцами. 13 августа войска Покровскаго, преслѣдуя большевиковъ, захватили Темрюкъ и на лѣвомъ берегу Кубани у моста столкнулись съ нѣмецкой ротой. Рѣка стала демаркаціонной линіей между войсками и раіонами политическаго вліянія нѣмцевъ, съ одной стороны, и Кубанскаго правительства и Добровольческой арміи, съ другой. Съ нѣкоторыми, однако, отличіями: въ приказѣ Таманскаго атамана мы прочли распоряженіе командира ландверной бригады: «по причинѣ полнаго нейтралитета (?), приказы Добровольческой арміи для казачьихъ войскъ Таманскаго полуострова недѣйствительны. Приказы же Кубанскаго краевого правительства — только въ соглашеніи съ германскимъ генеральнымъ командованіемъ въ Симферополѣ. Таманскій полуостровъ находится подъ германской защитой»**.

Но въ половинѣ сентября таманскіе депутаты постановили «выразить благодарность германскому командованію за оказанную помощь и теперь же просить оставить Таманскій полуостровъ»; съ аналогичнымъ представленіемъ обратился посолъ Кубанскаго правительства къ высшему германскому представителю въ Ростовѣ маіору фонъ-Кофенгаузену. Послѣдній отвѣтилъ, что главное командованіе согласно на введеніе въ предѣлахъ Тамани обще-кубанской администраціи и «милиціи». Что же касается «очищенія края навсегда», то «это вопросъ довольно отдаленнаго будущаго», и о немъ можно будетъ говорить только тогда, «если дружелюбное отношеніе (будущей) краевой рады дастъ намъ нужныя гарантіи»***... Ухудшившееся положеніе на западномъ фронтѣ дѣлало нѣмцевъ пассивными и уступчивыми.

---

* Изъ состава оккупаціонныхъ войскъ Крыма.

** 10 сент. 18 г. № 139.

*** Телеграмма Макаренко изъ Новочеркасска 19 сентября № 285.

Такое положеніе въ этомъ глухомъ углу продолжалось до конца октября, когда нѣмецкія войска вынуждены были поспѣшно покинуть Тамань, а потомъ и Крымъ...

* * *

Когда войска Добровольческой арміи продвинулись къ Новороссійску, получено было извѣстіе, что въ раіонѣ Туапсе съ 24 іюля находится небольшой грузинскій отрядъ* подъ начальствомъ ген. Мазніева, къ которому примкнуло нѣсколько сотенъ кубанскихъ казаковъ Майкопскаго отдѣла. Въ началѣ сентября этотъ отрядъ оперировалъ вдоль армавиръ-туапсинской жел. дороги между Туапсе и Бѣлорѣченской, ведя борьбу съ большевиками и помогая оружіемъ и боевыми припасами возставшимъ кубанскимъ станицамъ.

По установленіи связи съ Мазніевымъ, ген. Алексѣевъ послалъ ему письмо**, выражая свою радость, что «судьба поставила насъ не только въ близкое боевое соприкосновеніе, но сдѣлала насъ союзниками, борющимися пока за одно и то же дѣло и дѣйствующими въ одномъ и томъ же направленіи... Думаю — писалъ онъ — болѣе того, убѣжденъ —, что этотъ союзъ приметъ длительный и болѣе широкій характеръ»... Распорядившись объ отправкѣ продовольственныхъ припасовъ въ отрядъ, ген. Алексѣевъ сообщалъ, что онъ вообще «широко пойдетъ навстрѣчу грузинскому правительству въ удовлетвореніи его продовольственныхъ нуждъ, ожидая, что и оно подѣлится (съ нимъ) своими запасами и прежде всего винтовками и патронами». М. В. просилъ для обсужденія условій товарообмѣна и др. вопросовъ командировать въ Екатеринодаръ довѣренныхъ отъ правительства лицъ.

Между тѣмъ, таманская группа большевиковъ, отступая отъ Новороссійска на югъ, опрокинула отрядъ Мазніева, который отошелъ къ Сочи. Нашъ конный полкъ, преслѣдуя большевиковъ по пятамъ, 26 августа занялъ Туапсе, округъ котораго поступилъ въ управленіе добровольческихъ властей.

Дальнѣйшее продвиженіе наше по Черноморской губерніи было пріостановлено грузинами, отношеніе которыхъ къ намъ рѣзко измѣнилось. Къ югу отъ Туапсе, вмѣсто большевицкаго, образовался грузинскій фронтъ; грузинское правительство отозвало ген. Мазніева, какъ человѣка общероссійской оріентаціи, замѣнивъ его Коніевымъ. Въ раіонѣ Туапсе стали сосредоточиваться передовыя грузинскія силы, по преимуществу «народной гвардіи» (до 3 тысячъ при 18 орудіяхъ); на побережьи у Сочи, Дагомыса и Адлера грузины стали спѣшно возводить укрѣпленія фронтомъ на сѣверъ, причемъ въ послѣднихъ двухъ пунктахъ высадился небольшой нѣмецкій десантъ. Создавалась угроза Новороссійску.

Въ это время наладилось уже сообщеніе между Новороссійскомъ и южными портами, и изъ Грузіи хлынули къ намъ вмѣстѣ съ волною бѣженцевъ и волнующія вѣсти о проявленіяхъ грузинскаго шовинизма... Изъ Сочи и Сухума шли мольбы объ избавленіи края отъ грузинъ.

Между тѣмъ, грузинское правительство въ отвѣтъ на приглашеніе ген. Алексѣева командировало въ Екатеринодаръ въ качествѣ своего представителя — Гегечкори, совмѣстно съ ген. Мазніевымъ.

Обстановка, сопровождавшая начало нашихъ сношеній, имѣвшихъ впослѣдствіи столь важное значеніе для обѣихъ сторонъ, не свидѣтельствовала объ искренности грузинъ и не предвѣщала ничего добраго. Проѣздомъ въ Екатеринодаръ Гегечкори остановился въ Сочи, гдѣ при его участіи состоялся рядъ митинговъ, организованныхъ соціалистическимъ блокомъ. На нихъ послышались рѣчи «высокаго гостя» и другихъ ораторовъ, дышавшія враждой къ Добровольческой арміи, и клятвы, что она войдетъ въ Сочинскій округъ только «черезъ трупы грузинскихъ красногвардейцевъ»...

12 и 13 сентября состоялось совѣщаніе между Добровольческимъ командованіемъ, кубанскимъ правительствомъ и грузинскими представителями***.

---

* 2 батальона, 4 батареи, броневой поѣздъ.

** 16 августа № 228.

*** Участники: генералы Алексѣевъ, Деникинъ, Драгомировъ, Лукомскій, Романовскій; В. В. Шульгинъ и В. А. Степановъ; полк. Филимоновъ, Бычъ и Воробьевъ; Гегечкори и ген. Мазніевъ.

Ген. Алексѣевъ былъ тяжело боленъ и съ большимъ трудомъ поднимался въ эти дни съ постели, чтобы вести засѣданіе. Послѣдній разъ передъ смертью онъ участвовалъ въ государственной работѣ.

Открылъ онъ засѣданіе привѣтствіемъ «дружественной и самостоятельной Грузіи» и завѣреніемъ, что «съ нашей стороны никакихъ поползновеній на самостоятельность Грузіи не будетъ. Но, давъ такое обезпеченіе отъ имени Добровольческой арміи и кубанскаго правительства, мы должны ожидать равноцѣннаго отношенія со стороны грузинскаго правительства къ намъ»...

Затѣмъ съ большою горечью, словами рѣзкими, не облеченными въ дипломатическія формы, онъ нарисовалъ картину тяжелаго и унизительнаго положенія русскихъ людей на территоріи Грузіи, расхищенія русскаго государственнаго достоянія, вторженія и оккупаціи грузинами, совмѣстно съ нѣмцами, Черноморской губерніи...

Въ его рѣчи, дополненной потомъ въ порядкѣ обмѣна мнѣній, намѣчены были слѣдующіе главные вопросы:

1. Отношеніе Грузіи къ большевикамъ, къ Добровольческой арміи и къ нѣмцамъ.
2. Отношеніе къ русскому населенію на территоріи, занятой грузинами.
3. Вопросъ о нашихъ правахъ на часть русскаго государственнаго имущества и въ частности военныхъ запасовъ бывшаго Кавказскаго фронта.
4. Вопросъ о гарантіяхъ, чтобы при товарообмѣнѣ русскій хлѣбъ шелъ дѣйствительно въ Грузію, а не въ Германію.
5. Вопросъ о границахъ и объ очищеніи грузинами Сочинскаго округа.

«Борьба съ большевиками — это вопросъ нашей жизни и смерти» — сказалъ Гегечкори... Категоричность этого заявленія была, впрочемъ, тотчасъ же ослаблена поясненіемъ, что задача эта ставится лишь «на Черноморскомъ побережьи», и окончательно поблекла послѣ повторныхъ заявленій Гегечкори: «они (большевики) говорятъ, что мы находимся въ тѣсномъ союзѣ съ Добровольческой арміей. Въ дѣйствительности же ни въ какомъ союзѣ (съ ней) мы не состоимъ, а выполняемъ одну общую работу — борьбу съ большевиками. Представлять же нашу работу, носящую случайный характеръ, въ смыслѣ связанности съ Добровольческой арміей — нельзя»...

Итакъ, для выполненія обще-русской задачи — въ Грузіи союзника мы не найдемъ. Печально, но по крайней мѣрѣ ясно.

На вопросъ, что означаетъ совмѣстное вторженіе грузинъ и нѣмцевъ въ Черноморскую губернію и «не участвуетъ ли Грузія въ союзѣ съ нѣмцами и большевиками въ комбинаціи окруженія Добровольческой арміи*», Гегечкори категорически отвергъ подобное предположеніе: «...мы оберегаемъ свою независимую республику и если нѣмцы начнутъ (!) вмѣшиваться въ наши внутреннія дѣла, то правительство, съ которымъ мы работаемъ, уйдетъ»...

Фактъ притѣсненія русскихъ въ Грузіи Гегечкори отвергалъ. Бычъ также выражалъ сомнѣніе по этому поводу, предлагая «съ большою осторожностью относиться къ этимъ свѣдѣніямъ», и утверждалъ, что кубанцы, возвращающіеся изъ Грузіи, «не жаловались на скверныя къ себѣ отношенія». Совѣщаніе приняло предложеніе обслѣдовать вопросъ этотъ на мѣстѣ смѣшанной комиссіей. Относительно государственнаго имущества и запасовъ бывшаго Кавказскаго фронта, захваченныхъ грузинами, Гегечкори заявилъ, что «этотъ вопросъ долженъ быть разрѣшенъ на болѣе авторитетномъ собраніи, на которомъ будутъ представители всей Россіи, а не отдѣльныхъ ея частей». Его поддержалъ всецѣло Бычъ, заявившій, что сейчасъ кубанское правительство претензій не предъявляетъ, а «переноситъ это на болѣе компетентные органы; но частныя соглашенія по этому предмету заключать будетъ». Эти «частныя соглашенія», въ отношеніи боевого имущества въ особенности, вызывали, однако, у насъ серьезныя опасенія: въ борьбѣ противъ совѣтской власти возставшихъ терскихъ казаковъ и осетинъ, которымъ удалось на время овладѣть Владикавказомъ**, грузины приняли болѣе чѣмъ странное участіе... По крайней мѣрѣ, засѣдавшій во Владикавказѣ большевицкій «4-й съѣздъ

---

* См. заявленіе Людендорфа, глава VII.
** 5—17 августа 1918 года.

трудовыхъ народовъ» такъ информировалъ мѣстные совдепы: «слухи о томъ, что грузины подступили къ Владикавказу, невѣрны. Наоборотъ, грузинское правительство отпустило намъ милліонъ патроновъ*»...

Гегечкори подтвердилъ фактъ закупки и вывоза грузинскаго хлѣба нѣмцами, а гарантію того, что такая же участь не постигнетъ русскій хлѣбъ, онъ видѣлъ въ томъ, что хлѣбъ будетъ поступать въ распоряженіе правительства. Это положеніе резюмировалъ кратко одинъ изъ участниковъ совѣщанія: грузинскій хлѣбъ — нѣмцамъ, а русскій взамѣнъ — грузинамъ...

Всѣ эти вопросы, однако, могли быть въ концѣ концовъ разрѣшены удовлетворительно. Передъ совѣщаніемъ всталъ основной принципіальный вопросъ, который являлся по выраженію ген. Алексѣева «камнемъ преткновенія, не давалъ возможности приступить къ обсужденію другихъ, съ которымъ мы всегда будемъ сталкиваться»... Отношеніе къ нему должно было служить показателемъ искренности и миролюбія грузинскаго правительства. Мы требовали возвращенія къ Черноморской губерніи Сочинскаго округа**, на который ни по историческимъ, ни по этнографическимъ мотивамъ Грузія не имѣла никакихъ правъ. Округъ, въ которомъ изъ 50 селеній — 36 русскихъ, 13 со смѣшаннымъ пришлымъ населеніемъ и только одно грузинское; въ которомъ грузинъ всего 10,8 %***; который милліонами русскихъ народныхъ денегъ обращенъ былъ изъ дикаго пустыря въ цвѣтущую, культурную здравницу. Былъ поднятъ вопросъ и относительно Абхазіи, насильственно присоединенной къ Грузіи, но никакихъ требованій въ отношеніи ея предъявлено не было.

Гегечкори отъ имени грузинскаго правительства заявилъ категорически, что Сочинскій округъ не можетъ быть оставленъ Грузіей изъ-за опасеній насилій со стороны большевиковъ надъ грузинами, которыхъ-тамъ якобы 22%... Мы возражали, что большевиковъ уже нѣтъ на побережьи, что силы Добровольческой арміи достаточно велики, чтобы охранить округъ, что нельзя такимъ одностороннимъ актомъ — волею грузинскаго правительства — отнимать русское достояніе только потому, что некому было заступиться за него...

Споръ принялъ страстный характеръ.

Гегечкори отрицалъ за Добровольческой арміей даже право защиты русскихъ интересовъ.. «На какомъ основаніи Добровольческая армія выступаетъ защитникомъ этого населенія?... Ни вы, ни мы (?) не имѣемъ права рѣшать судьбу какихъ бы то ни было округовъ, такъ какъ вы представляете не Россійское государство, каковое только и могло бы претендовать на это... Вѣдь Добровольческая армія — организація частная... При настоящемъ положеніи вещей Сочинскій округъ долженъ войти въ составъ Грузіи»... Ему возражали, что разъ Грузія считаетъ себя независимой республикой, то пусть же не вмѣшивается въ чужія, русскія дѣла и предоставитъ намъ самимъ судить о нихъ, о томъ, «частная» ли организація Добровольческая армія или государственная; пусть предоставитъ и Абхазіи имѣть сужденіе о своей судьбѣ...

Насъ непріятно поразила уклончивая роль кубанскаго представителя Быча, который, какъ впослѣдствіи оказалось, вошелъ тогда же въ тайное соглашеніе съ Гегечкори... Позднѣе, 11 ноября, Бычъ повѣдалъ на засѣданіи рады, что грузины не страшны Кубани, что они заявили о намѣреніи передать ей Сочинскій округъ по соглашенію съ кубанскимъ правительствомъ и что между Кубанью и Грузіей поэтому никакихъ недоразумѣній нѣтъ...

«Великая Кубань» и «Великая Грузія» нашли общій языкъ за счетъ интересовъ «Великой Россіи».

Эти пожеланія Быча не нашли, однако, поддержки въ революціонной демократіи. «Сочинскій объединенный совѣтъ соціалистическихъ партій» рѣшилъ, что «хотя округъ экономически тяготѣетъ къ Кубанской области, но присоединеніе его къ Кубани расширило бы сферу вліянія военной диктатуры», и поэтому постановилъ, чтобы: 1) «грузинское

---

* Засѣданіе Кисловодскаго совдепа. «Извѣстія» отъ 25 августа.
** См. главу VIII. Граница округа — рѣка Бзыбь.
*** Гегечкори исчислялъ 22 %.

правительство немедленно особымъ декретомъ оформило временное присоединеніе Сочинскаго округа къ республикѣ и 2) одновременно установило правильный товарообмѣнъ съ Кубанскою областью для обезпеченія населенія округа хлѣбомъ и другими продуктами первой необходимости»*.

Итакъ, «свободы» — грузинскія, а хлѣбъ — русскій.

Гегечкори въ послѣднемъ словѣ своемъ послѣ горячихъ дебатовъ повторилъ:

— Наше заявленіе остается въ силѣ. Мы настаиваемъ на временномъ оставленіи Сочинскаго округа въ предѣлахъ Грузинской республики.

Онъ сказалъ «временномъ», отказавшись разъяснить существо этого понятія. И было свидѣтельство его, равно какъ и тайныя обѣщанія Бычу, лживы. Ибо на картѣ, гдѣ грузинская республика обозначила свои «историческія границы», которыя ея парижская делегація должна была отстаивать передъ мирной конференціей, въ составѣ «Великой Грузіи» показанъ былъ и Сочинскій округъ до Туапсе.

Генералъ Алексѣевъ высказалъ сожалѣніе, что нетерпимость грузинъ не позволяетъ продолжать переговоры, и закрылъ засѣданіе.

— Должно же быть чувство справедливости, чувство мѣры...

Ввиду несостоявшагося соглашенія, я, не предпринимая никакихъ враждебныхъ въ отношеніи Грузіи дѣйствій, закрылъ однако границу для пропуска черезъ нее грузовъ. Войска наши остановились южнѣе Туапсе. Во всей грузинской прессѣ, особенно офиціозной, началась безудержная травля Добровольческой арміи, «мобилизующей свои силы на Кубани для объединенія съ силами открытой монархической реставраціи, для безпощадной борьбы съ демократіей»**... Травля русскаго народа, для котораго на страницахъ соціалистическихъ газетъ находились такіе эпитеты, какъ «проклятый судьбою»...

Политика грузинскаго правительства была настолько непонятна, что вызвала на совѣщаніи вопросъ:

— Не связаны ли вы въ вашемъ рѣшеніи кѣмъ либо?.. (Германіей).

Гегечкори отвѣтилъ:

— Мы связаны только своимъ собственнымъ рѣшеніемъ.

Дѣйствительно, уйдутъ нѣмцы, прійдутъ англичане, но отношеніе къ Россіи не измѣнится. Грузія не откажется также отъ захвата русской земли, не облечетъ его даже въ какія либо псевдо-юридическія формы, а заявитъ откровено: Сочинскій округъ намъ нуженъ какъ буферъ между Россіей и Абхазіей, «Гагринскія ворота» — какъ обороноспособный рубежъ противъ наступленія «какой либо арміи» съ сѣвера»***.

Былъ еще одинъ мотивъ, обольщавшій не разъ всѣхъ могильщиковъ великодержавной Россіи...

Офиціозъ грузинскаго правительства, с.-д. газета «Борьба» доказывала въ то время, что во всѣхъ случаяхъ и при всѣхъ комбинаціяхъ дѣло возстановленія Россіи осуждено на полную неудачу и провалъ; даже въ томъ случаѣ, если сбудется лучшая перспектива, и «союзная демократія» построитъ свою поцытку «на связь съ (русской) демократіей, Учредительнымъ собраніемъ, Уфой»...

* * *

Такъ начались наши отношенія съ Грузіей, чреватыя послѣдствіями и вызвавшія легенды о нетерпимости добровольческой политики, оттолкнувшей будто бы отъ себя Грузію — «естественнаго союзника» нашего въ борьбѣ съ большевиками...

Время срываетъ покровы съ людей и событій, разрушаетъ легенды.

---

* Постановленіе 18 сент. 18 г.

** «Борьба».

*** Протоколъ переговоровъ англ. ген. Бригса съ членами груз. пр-ства въ маѣ 1919 г.

Въ 21 году, когда окончилось самостоятельное существованіе Грузіи, Церетели, взывая къ «пролетаріату всего міра», чтобы онъ «заклеймилъ подобный актъ имперіализма» совѣтовъ, оправдывался противъ обвиненія въ посягательствѣ на совѣтскую власть*:

«...Грузія всегда была противницей всякаго вмѣшательства во внутреннія русскія дѣла. Она никогда не участвовала въ политическихъ выступленіяхъ, имѣвшихъ характеръ такого вмѣшательства. Она наотрѣзъ отказалась сотрудничать съ ген. Деникинымъ въ то время, когда Добровольческая армія была всего болѣе могущественна, и когда она искала союза съ Грузіей, угрожая ей войной въ случаѣ отказа»...

Враги Добровольческой арміи — они не сознавали, что, подрывая ея бытіе, губятъ этимъ и свой народъ.

---

* «Воля Россіи» 21 года № 156. Письмо Церетели «по порученію с. д. партіи и раб. проф. союзовъ Грузіи».

ГЛАВА XXXIV.

Событія на Дону осенью 1918 года: положеніе на фронтѣ; взаимоотношенія съ Добровольческой арміей; проектъ Доно-Кавказскаго союза; Донской Кругъ.

Продолжалась борьба съ большевиками и на Дону.

Въ началѣ августа противъ 54 тысячъ донцовъ* совѣтская власть имѣла вначалѣ 40, потомъ 66½ тысячъ штыковъ и сабель. Донская армія достигла почти всѣхъ рубежей войска на сѣверѣ, западѣ и югѣ; только на востокѣ въ Сальскихъ степяхъ большевики владѣли еще небольшой частью донской территоріи. Но административные рубежи области не имѣли никакого стратегическаго значенія и не были обороноспособны. Необходимо было поэтому продвинуться къ рубежамъ стратегическимъ, занявъ важнѣйшіе узлы дорогъ. Между тѣмъ, казаки не желали продвигаться дальше границъ своей области — «намъ чужого не надо» — разсчитывая, что большевики удовлетворятся такой ихъ «лояльностью». Заблужденіе — невзирая на неоднократные кровавые уроки, прочно владѣвшее казачествомъ и поддерживаемое большевицкой пропагандой: «долой войну, мы васъ не тронемъ»... Пришлось въ стратегію вмѣшаться Кругу**, который въ особомъ указѣ отъ 18 августа повелѣлъ донскому войску «для наилучшаго обезпеченія нашихъ границъ... выдвинуться за предѣлы области, занявъ города Царицынъ, Камышинъ, Балашовъ, Новохоперскъ и Калачъ въ раіонахъ Саратовской и Воронежской губерній».

Но подъ вліяніемъ настроеній фронта уже черезъ мѣсяцъ поколебалась и твердость Круга, найдя отраженіе въ закрытомъ засѣданіи 18 сентября.

Одно изъ окружныхъ совѣщаній внесло заявленіе: «казаки на фронтѣ ждутъ мира или поддержки. Всякое замедленіе поведетъ къ гибели казачества», а потому совѣщаніе задаетъ вопросъ: 1) на какую и когда поддержку можно расчитывать и 2) возможно ли добиться путемъ переговоровъ прекращенія гражданской войны»...

Атаманъ отвѣтилъ, что дипломатическіе переговоры съ совѣтской властью ведутся черезъ дружественную Украйну, и обѣщано содѣйствіе германскаго командованія... Что помогутъ добровольцы послѣ освобожденія Кубани... Что «ни о какой гибели рѣчи быть не можетъ, казачество наканунѣ побѣды»... Но, «считаясь съ усталостью казаковъ на фронтѣ»..., на сѣверѣ приказано прекратить наступленіе... Войска отойдутъ за укрѣпленную линію («съ проволочными загражденіями») Богучаръ — Калачъ — Кантемировка, которую займетъ («русская») «Южная армія»... Такъ же будетъ устроено на сѣверо-востокѣ... Словомъ, «мы переходимъ къ оборонѣ, и она будетъ вестись главнымъ образомъ артиллеріей, пулеметами и ружейными батареями. Войска перейдутъ почти къ караульной службѣ»***...

Такими иллюзіями, стоявшими въ полномъ противорѣчіи со стратегіей, психологіей и практикой гражданской войны и передающими всю иниціативу въ руки противника, приходилось донскимъ генераламъ успокаивать утомленные нервы представителей

---

* Въ томъ числѣ 15 тысячъ «молодой арміи».

** Собрался въ августѣ См. ниже.

*** Изъ отчета о засѣданіи 18 сентября.

на Кругѣ и воиновъ на фронтѣ. Въ этомъ отношеніи положеніе мое было неизмѣримо легче, чѣмъ атамана: Добровольческая армія, по крайней мѣрѣ основныя ея части, шла безпрекословно туда, куда я ее велъ.

Всю осень, тѣмъ не менѣе, на Донскомъ фронтѣ продолжались бои, временами съ большимъ напряженіемъ. На сѣверѣ донцы овладѣли городами Калачомъ и Павловскомъ. Въ половинѣ сентября большевики крупными силами перешли тамъ въ контръ-наступленіе отъ ст. Таловой, но были разбиты ген. Гусельщиковымъ. Серьезныя недоразумѣнія между «главкомомъ» Подвойскимъ и однимъ изъ видныхъ красныхъ начальниковъ — Сиверсомъ подорвали положеніе Подвойскаго и повели къ прекращенію задуманной здѣсь наступательной операціи. Въ началѣ августа большевики повели наступленіе и отъ Царицына и оттѣснили ген. Мамонтова за Донъ. Но подкрѣпленный крѣпкими частями — пластунской бригадой и конной дивизіей изъ состава молодой арміи, въ сентябрѣ Мамонтовъ вновь подошелъ къ самому Царицыну; въ началѣ октября царицынская «тройка» (Сталинъ — Мининъ — Ворошиловъ) посылала въ центръ отчаянныя телеграммы, считая положеніе города безнадежнымъ... Ихъ выручило, однако, прибытіе изъ Ставропольскаго раіона «стальной дивизіи» Жлобы. Жлоба, много разъ терпѣвшій неудачи въ бояхъ съ добровольцами и не ладившій съ Сѣверо-кавказскимъ командованіемъ, бросилъ тайно фронтъ и пошелъ къ Царицыну. «Ревоенсовѣтъ» «за преступное, самочинное, губительное для дѣла революціи оголеніе фронта» объявилъ Жлобу «внѣ закона», причемъ «каждый честный гражданинъ совѣтской республики обязанъ (былъ) его разстрѣлять безъ промедленія»*... Но роль, сыгранная Жлобой подъ Царицыномъ, очевидно, примирила съ нимъ совѣтскую власть, такъ какъ имя его еще не разъ потомъ встрѣчалось въ оперативныхъ сводкахъ. Подъ угрозой охвата своего праваго фланга дивизіей Жлобы донцы вновь принуждены были отойти къ Дону.

Въ то время, какъ на фронтѣ Дона шла борьба съ перемежающимися приступами то высокаго подъема, то ослабленія воли къ сопротивленію, на Южномъ фронтѣ Красной арміи положеніе было многимъ хуже. Цѣлый рядъ военныхъ мятежей, отказовъ отъ исполненія боевыхъ приказаній, крупныхъ ссоръ между красными начальниками знаменуютъ этотъ періодъ операцій совѣтскихъ войскъ, не блещущій боевымъ вдохновеніемъ. Съ огромнымъ упорствомъ большевицкое командованіе стягивало, однако, на Донъ новыя войска за счетъ Украинскаго, «внутренняго» и даже Восточнаго фронтовъ. Въ концѣ октября, ко времени паденія Германіи, въ раіонѣ Поворино — Балашовъ сосредоточился сильный кулакъ изъ войскъ 9-й арміи Егорова, побудившій донское командованіе ослабить напряженіе въ Царицынскомъ и Воронежскомъ направленіяхъ и стягивать силы къ сѣверо-востоку области.

Поздняя осень и зима 18—19 года принесутъ съ собою новыя кровопролитныя сраженія, потребуютъ отъ Донского войска громаднаго напряженія силъ и новыхъ жертвъ...

* * *

Отношенія между добровольческимъ и донскимъ командованіями оставались попрежнему весьма тягостными. Они проявлялись въ повседневной жизни на каждомъ шагу и вносили нервирующій элементъ въ текущую работу. Точекъ же соприкосновенія въ этой, по существу общей, работѣ было слишкомъ много.

Продолжалось и расхожденіе политическое.

Въ послѣднихъ числахъ іюля Кубанскій атаманъ прислалъ мнѣ поступившую къ нему отъ ген. Краснова для подписанія декларацію Доно-Кавказскаго союза.

Текстъ ея гласилъ:

«Подъ тяжестью ударовъ судьбы, обрушившихся на нашу Родину, въ видахъ сохраненія своей независимости, благополучія и достоянія и общности интересовъ близкихъ по духу народовъ, населяющихъ Юго-востокъ, въ октябрѣ 1917 года мы провозгласили себя Юго-восточнымъ Союзомъ, пребывая въ увѣренности, что общими усиліями Союзъ этотъ сумѣетъ противостоять наступающимъ темнымъ силамъ, поправшимъ всѣ Божескіе и человѣческіе законы.

* Приказъ отъ 19 сентября № 6.

Начавшаяся борьба съ большевиками дала временный успѣхъ послѣднимъ.

Нынѣ Господь благословляетъ успѣхомъ наше оружіе: край нашъ ожилъ. Однако, имѣя въ виду, что для похода въ наши степи и горы готовятся новыя полчища и въ видахъ государственной необходимости, Атаманы: Всевеликаго Войска Донского, Войска Кубанскаго, Войска Астраханскаго, Войска Терскаго и Предсѣдатель Союза Горцевъ Сѣвернаго Кавказа, беря на себя всю полноту Верховной Государственной Власти, настоящимъ провозглашаютъ суверенным Государствомъ Доно-Кавказскій Союзъ.

Объявляя объ этомъ, просимъ Васъ, Милостивый Государь, передать Вашему Правительству нижеслѣдующее:

1. Доно-Кавказскій Союзъ состоитъ изъ самостоятельно управляемыхъ государствъ: Всевеликаго Войска Донского, Кубанскаго Войска, Астраханскаго Войска и Союза Горцевъ Сѣвернаго Кавказа и Дагестана, соединенныхъ въ одно государство на началахъ федераціи.

2. Каждое изъ государствъ, составляющихъ Доно-Кавказскій Союзъ, управляется во внутреннихъ дѣлахъ своихъ согласно съ мѣстными законами на началахъ полной автономіи.

3. Законы Доно-Кавказскаго Союза раздѣляются на общіе для всего Союза и мѣстные, каковые каждое государство имѣетъ свои.

4. Доно-Кавказскій Союзъ имѣетъ свой флагъ, свою печать и свой гимнъ.

5. Во главѣ Доно-Кавказскаго Союза стоитъ Верховный Совѣтъ: изъ Атамановъ (или ихъ замѣстителей) Донского, Кубанскаго, Терскаго, Астраханскаго и главы Союза Горцевъ Сѣвернаго Кавказа и Дагестана, избирающихъ изъ своей среды Предсѣдателя, который и приводитъ въ исполненіе постановленія Верховнаго Совѣта.

6. При Верховномъ Совѣтѣ періодически собирается не менѣе раза въ годъ Сеймъ представителей отъ населенія государствъ, входящихъ въ Доно-Кавказскій Союзъ.

7. Сеймъ собирается распоряженіемъ Верховнаго Совѣта, объявленнымъ черезъ его Предсѣдателя, и вырабатываетъ обще-государственные законы, утверждаемые Верховнымъ Совѣтомъ.

8. Доно-Кавказскій Союзъ имѣетъ общую армію и флотъ. Командующій всѣми вооруженными силами Союза назначается Верховнымъ Совѣтомъ.

9. Доно-Кавказскій Союзъ имѣетъ слѣдующихъ общихъ министровъ, назначаемыхъ Верховнымъ Совѣтомъ:

Иностранныхъ дѣлъ
Военнаго и Морского
Финансовъ
Торговли и Промышленности
Путей Сообщенія
Почтъ и Телеграфа
Государственнаго Контролера и
Государственнаго Секретаря.

10. Временной резиденціей Правительства Доно-Кавказскаго Союза объявляется городъ Новочеркасскъ.

11. Доно-Кавказскій Союзъ имѣетъ общіе: монетную систему, кредитные билеты, почтовыя и гербовыя марки, общіе тарифы: желѣзнодорожные, таможенные и портовые, а также почтовые и телеграфные.

12. Доно-Кавказскій Союзъ, провозглашая себя самостоятельной Державой, объявляетъ вмѣстѣ съ тѣмъ, что онъ находится въ состояніи нейтралитета и, не будучи въ состояніи войны съ какой либо Державой міра, борется лишь съ большевистскими войсками, находящимися на его территоріи.

13. Доно-Кавказскій Союзъ намѣревается и впредь поддерживать мирное отношеніе со всѣми Державами и не допускать вторженія на свою территорію никакихъ войскъ, хотя бы для этого пришлось отстаивать интересы свои и своихъ гражданъ вооруженной силой.

14. Доно-Кавказскій Союзъ настоящимъ изъявляетъ свое намѣреніе вступить въ торговыя и иныя сношенія съ Державами, которыя признаютъ его державныя права.

15. Границы Доно-Кавказскаго Союза очерчиваются на особой картѣ, причемъ въ составъ территоріи Союза входятъ Ставропольская и Черноморская губерніи, Сухумскій и Закатальскій округа и, по стратегическимъ соображеніямъ, южная часть Воронежской губерніи со станціей Лиски и городомъ Воронежомъ, а также часть Саратовской губерніи съ городами Камышиномъ и Царицыномъ и колонія Сарепта.

16. Доно-Кавказскій Союзъ выражаетъ увѣренность, что нарожденіе его будетъ благопріятно принято всѣми Державами, заинтересованными въ его существованіи, и что онѣ не замедлятъ прислать своихъ представителей, равно какъ и Союзъ не замедлитъ послать свои дипломатическія Миссіи къ признавшимъ его Державамъ.

Нѣкоторыя положенія этого акта являлись совершенно несовмѣстимыми съ идеологіей Добровольческой арміи. Созданіе «суверенного государства» въ корнѣ противорѣчило идеѣ Единой Россіи... Созданіе вооруженныхъ силъ «Союза», имѣющихъ задачей «борьбу съ большевицкими войсками» лишь «на его территоріи», лишало всякаго смысла жертвы добровольцевъ, приносимыя во имя спасенія Россіи. Ген. Алексѣевъ, я, тысячи, тысячи офицеровъ, поступавшихъ сознательно въ армію, не могли относиться къ подобнымъ актамъ только какъ къ «политическимъ трюкамъ» или «ключкамъ бумаги»: практика новообразованій съ явнымъ превалированіемъ чисто областныхъ

интересовъ, до стремленія къ примиренію съ большевиками включительно, не вызывала въ этомъ отношеніи сомнѣній. Добровольческой арміи предстояло или стать орудіемъ сомнительной областной политики, творимой Радой, Кругомъ и прежде всего измѣнчивымъ настроеніемъ казачества, или оставить территорію «союза», распростившись съ надеждами на прочную политическую и военную базу, созданіе которой потребовало столькихъ усилій и жертвъ. Вѣрнѣе — второе. Ибо первое было психологически невозможно ни для руководителей, ни для массы «русскихъ» добровольцевъ.

Исходя изъ этихъ положеній, я обратился съ письмомъ къ предсѣдателю донского правительства, ген. Богаевскому. Привожу текстъ письма со сдѣланными на немъ сбоку помѣтками атамана Краснова.

Милостивый Государь
Африканъ Петровичъ.

Образованіе въ октябрѣ 1917 года Юго-Восточнаго Союза въ дѣйствительности осталось только на бумагѣ.

Успѣхи большевиковъ, развалъ казачества на Дону и Кубани, а также возникшая борьба на Терекѣ — не дали возможности провести въ жизнь образованіе Юго-Восточнаго Союза.

Помѣтки атамана Краснова:

Нынѣ обстоятельства вновь позволяютъ вернуться къ мысли создать прочный и сильный Союзъ, могущій предотвратить новыя испытанія.

Измѣненію обстановки Донъ и Кубань въ значительной степени обязаны Добровольческой арміи, при помощи которой изгоняются большевики и уничтожается власть черни.

«Армія внѣ политики»

Добровольческая армія, имѣющая задачей возрожденіе единой великой Россіи, кровью своей сроднилась съ Дономъ и Кубанью и далѣе, передъ выполненіемъ своей основной, исторической задачи, она поможетъ и Тереку освободиться отъ большевиковъ.

При образованіи Юго-Восточнаго Союза въ октябрѣ 1917 года никто не имѣлъ никакихъ сепаратныхъ стремленій, и авторы идеи Союза считали, что образованіе Союза необходимо лишь временно, до возстановленія единой Россіи.

Составленная же нынѣ правительственная декларація Доно-Кавказскаго Союза вызываетъ самыя серьезныя возраженія:

«Это не вѣрно»

1. Прежде всего создается впечатлѣніе, что идетъ рѣчь о созданіи постоянной федеративной Державы, вполнѣ самостоятельной, на подобіе «самостійной» Украйны.

Авторы этой декларации какъ бы думали объ узаконеніи расчлененія Россіи, а не объ ея объединеніи.

«Причемъ тутъ Добровольческая армія».

2. Совершенно игнорируется Добровольческая армія, которая помогла Дону и Кубани въ борьбѣ съ большевиками.

Даже больше: пунктъ XIII даетъ право думать, что и Добровольческая армія, находящаяся на территоріи Союза, можетъ быть признана враждебной.

3. Включеніе въ составъ Доно-Кавказскаго Союза Ставропольской губерніи, въ которой уже введено управленіе распоряженіемъ командующаго Добровольческой арміей, безъ особаго представителя отъ губерніи является недопустимымъ.

Эта губернія можетъ быть включена въ Союзъ лишь какъ полноправный членъ Союза, такъ какъ и по размѣрамъ, и по значенію она является значительной, и интересы ея и Добровольческой арміи должны быть вполнѣ обезпечены особымъ представителемъ ея въ Верховномъ Совѣтѣ.

«Согласенъ»

4. Пунктъ IV устанавливаетъ особый флагъ Державы, въ то время, когда врядъ ли допустимо имѣть какой либо другой флагъ помимо родного русскаго.

5. Декларація не можетъ включать въ себѣ такіе пункты, какъ XII, XIII и XIV, которые связываютъ дальнѣйшую политику Державы, веденіе каковой возлагается на Верховный Совѣтъ.

«Ничего подобнаго»

6. Пунктъ XV особенно подчеркиваетъ стремленіе къ «самостійности» и къ дальнѣйшему расчлененію Россіи.

Вслѣдствіе всего изложеннаго, не возражая противъ пользы образованія Доно-Кавказскаго Союза, считаю необходимымъ:

«Само собой разумѣется»

1. Опредѣленно указать, что Союзъ образуется временно — впредь до возсозданія Россіи.

«Можно»

2. Включить въ составъ проектируемаго Верховнаго Совѣта представителя Добровольческой арміи и военнаго генералъ-губернатора Ставропольской губерніи.

«Никогда»

3. Командующимъ всѣми вооруженными силами Союза назначить командующаго Добровольческой арміей.

«Совершенно вѣрно, но причемъ тутъ Добровольческая армія.»

4. Окончательная редакція декларации должна быть выработана послѣ созыва большого круга на Дону и рады на Кубани, при участіи представителя Добровольческой арміи, игнорировать которую недопустимо.

Примите увѣреніе въ совершенномъ уваженіи и преданности

Деникинъ.

Мои положенія имѣли цѣлью: вхожденіемъ въ «Верховный Совѣтъ» представителя Добровольческой арміи, которымъ мыслилось такое авторитетное лицо, какъ ген. Алексѣевъ, создать гарантіи общерусскаго направленія политики «союза»; путемъ объединенія вооруженныхъ силъ въ лицѣ командующаго Добровольческой арміей — направить вооруженную борьбу въ русло общегосударственныхъ задачъ. Въ отвѣтъ мы получили игнорированіе участія арміи, какъ государственно-правового фактора въ созданіи «конституціи» союза и полный отказъ отъ объединенія командованія. Такъ какъ кубанское правительство въ свою очередь не сочувствовало проекту по другимъ мотивамъ — для него опаснымъ и непріемлемымъ было принятіе на себя «всей полноты верховной власти» атаманами — то и на этотъ разъ «Союзъ» остался только однимъ изъ многихъ бумажныхъ проектовъ.

Тѣмъ не менѣе, необходимость объединенія сказывалась во всѣхъ областяхъ жизни все съ большею настойчивостью. Финансовый вопросъ, напримѣръ, запутывался до чрезвычайности. Донская область имѣла свою экспедицію заготовленія денежныхъ знаковъ, которыми пользовались въ незначительной мѣрѣ Кубань и Добровольческая армія. Необходимо было или объединить эмиссію или выпускать каждому свои знаки, къ чему стремилась Кубань и что, обезцѣнивъ и донскіе, и наши знаки, создало бы полный хаосъ въ денежномъ оборотѣ небольшой освобожденной территоріи.

Ген. Алексѣевъ обратился къ Донскому и Кубанскому атаманамъ съ приглашеніемъ прислать своихъ представителей въ комиссію ген. Лукомскаго для разрѣшенія при участіи извѣстныхъ русскихъ финансовыхъ дѣятелей финансовой проблеммы вообще и въ частности вопроса объ единой монетной системѣ. Къ нашему удивленію ген. Красновъ отвѣтилъ не только согласіемъ, но и болѣе широкимъ контръ-предложеніемъ:

«Я бы пошелъ дальше — писалъ онъ.— Полное объединеніе Дона и Кубани, связанныхъ общими интересами, послужило бы къ началу возсозданія единой, недѣлимой Россіи... Настало время создавать общихъ министровъ финансовъ, путей сообщенія, продовольствія, юстиціи; а впослѣдствіи, когда яснѣе станетъ общая политика и менѣе разбросанъ фронтъ, — то и министра иностранныхъ дѣлъ, военнаго, морского... (и т. д.) полагалъ бы имѣть общихъ по соглашенію между Вашимъ Высокопревосходительствомъ, Атаманомъ Кубанскаго войска и мною»*..

Это письмо произвело на ген. Алексѣева впечатлѣніе полной перемѣны курса донской политики; онъ приказалъ размножить и спѣшно разослать его мнѣ, Лукомскому, въ комиссію.

Опять — «клочокъ бумаги», можетъ быть, предвыборный пріемъ... — черезъ недѣлю предстояли перевыборы донского атамана... Оказалось, что донскіе представители, собравшіеся черезъ нѣсколько дней въ финансовой комиссіи, вовсе не желали отказываться отъ исключительнаго эмиссіоннаго права Дона и не приняли никакого, даже принципіальнаго рѣшенія подъ предлогомъ, что этотъ вопросъ подлежитъ компетенціи Круга и Рады...

На собиравшійся Донской Кругъ вообще возлагалось много надеждъ и ожиданій не однимъ только Дономъ. Кругъ долженъ былъ указать общее направленіе политики для старшаго и наиболѣе сильнаго численно казачьяго войска, дававшаго тонъ другимъ.

Не малый интересъ представлялъ поэтому и атаманскій вопросъ. Оппозиція атаману была сильна интеллектуально и работала нерѣдко пріемами, подрывавшими идею донской власти. Тѣмъ болѣе, что политическая борьба переносилась на фронтъ: въ силу почти поголовнаго участія мужского населенія въ войнѣ, законъ предоставлялъ выборныя права частямъ. Начались митинги, агитація, разгорѣлись политическія страсти, въ особенности на окружныхъ совѣщаніяхъ, отражаясь затѣмъ броженіемъ въ войскахъ на фронтѣ. Атаманъ энергично расправлялся съ оппозиціей. Болѣе видные представители ея тѣмъ или другимъ путемъ были обезврежены. Такъ, бывшій походный атаманъ ген. Поповъ устраненъ отъ дѣятельности; генералы Семилѣтовъ, Сидоринъ, полк. Гущинъ обезчещены атаманскимъ приказомъ и оставили службу; к.-д. Н. Е. Парамоновъ арестованъ нѣмцами и высланъ на Украйну. Высланъ былъ также Красно-

---

* Письмо ген. Краснова ген. Алексѣеву 3 сент. 18 года № 679.

вымъ съ Дона представитель «россійской оппозиціи» М. В. Родзянко въ качествѣ... «гражданина Демократической совѣтской республики»... Любили на Дону красныя словца. Самъ кандидатъ оппозиціи на постъ донского атамана — пользовавшійся репутаціей человѣка либеральныхъ взглядовъ, противника нѣмцевъ и друга Добровольческой арміи — ген. А. Богаевскій состоялъ предсѣдателемъ правительства, и его безупречная лояльность гарантировала атаману, что въ этой должности онъ будетъ безопаснѣе, чѣмъ на сторонѣ.

Кругъ собрался 15 августа, и уже самымъ фактомъ избранія своимъ предсѣдателемъ В. А. Харламова — лидера оппозиціи — показалъ, что довѣріе къ атаману не безусловно... Борьба продолжалась и на Кругѣ всевозможными пріемами, не разъ чисто демагогическими. Атаманскіе выборы затягивались оппозиціей; судьба ихъ долго колебалась и въ серединѣ сентября была окончательно разрѣшена при взаимодѣйствіи трехъ разнородныхъ факторовъ: давленія германцевъ, лояльности Добровольческаго командованія и отказа отъ баллотировки ген. Богаевскаго.

Еще 4 сентября маіоръ фонъ-Кофенгаузенъ писалъ ген. Краснову о враждебности къ нѣмцамъ ген. Богаевскаго и объ его, якобы, интригахъ противъ атамана: «...Высшее германское командованіе проситъ Васъ потребовать немедленнаго выбора атамана которымъ несомнѣнно будете Вы, Ваше Превосходительство (судя по всему тому, что намъ извѣстно)... Отсрочка выборовъ атамана даетъ возможность агитировать враждебнымъ нѣмцамъ элементамъ и я боюсь, что высшее командованіе сдѣлаетъ свои выводы и прекратитъ снабженіе оружіемъ»... Въ день избранія атамана на совѣщаніе президіума и старѣйшинъ явился командующій арміей ген. Денисовъ и принесъ телеграмму, адресованную на его имя маіоромъ фонъ-Кофенгаузеномъ:

«По порученію высшаго германскаго командованія имѣю честь сообщить Вамъ слѣдующее: происшедшее за послѣдніе дни показываетъ, что на Кругѣ имѣется стремленіе ограничить власть Атамана. Въ виду чего предвидится опасность, что будетъ образовано правительство со слабою властью, которая не сможетъ въ достаточной мѣрѣ противостоять многочисленнымъ внутреннимъ и внѣшнимъ врагамъ Донского Государства.

Такъ какъ съ другой стороны высшее командованіе можетъ находиться въ хорошихъ отношеніяхъ только съ такимъ Государствомъ, которое по конструкціи своего правительства дастъ увѣренность быть сильнымъ и защитить свою свободу, оно (высшее германское командованіе) видитъ себя вынужденнымъ, до тѣхъ поръ, пока это обстоятельство является сомнительнымъ, временно воздержаться отъ всякой поддержки оружіемъ и снарядами. Примѣненіе этого рѣшенія продолжится до тѣхъ поръ, пока не будетъ выбранъ Атаманъ, въ которомъ высшее германское командованіе будетъ увѣрено, что онъ поведетъ политику Донского Государства въ направленіи, дружественномъ Германіи, и который будетъ облеченъ Кругомъ полнотою власти, необходимой для настоящаго серьезнаго момента.

Я прошу Ваше Превосходительство сообщить объ этомъ еще сегодня же Его Высокопревосходительству Донскому Атаману, къ которому высшее германское командованіе питаетъ самое полное довѣріе, а также сообщить г. Предсѣдателю Совѣта Министровъ ген.-лейт. Богаевскому.

Подписалъ:

фонъ-Кофенгаузенъ,
генеральнаго штаба маіоръ.»

Денисовъ, говорится въ отчетѣ, прибавилъ, что «придется совершенно прервать всякія сношенія съ Добрарміей», но «это предложеніе не встрѣтило сочувствія»*...

Добровольческое командованіе, которое ген. Красновъ считалъ злѣйшимъ своимъ врагомъ и опорой оппозиціи, активнаго участія въ борьбѣ донцовъ за атаманскій пернач не принимало. Въ привѣтственной рѣчи, произнесенной на Кругѣ ген. Лукомскимъ, не было сказано ни слова о нашихъ трениіхъ съ атаманомъ. Лукомскій выразилъ «глубокую увѣренность арміи въ томъ, что всѣ слухи о какихъ то антирусскихъ и сепаратныхъ стремленіяхъ отдѣльныхъ лицъ и группъ на Дону являются злостной клеветой»... Онъ говорилъ еще объ «объединеніи въ общей работѣ по возсозданію единой Великой Россіи и единой могучей русской арміи»... Секретный наказъ, данный мною

* Отчетъ отъ 15 сентября № 16.

ген. Лукомскому*, «въ вопросѣ о конструкціи власти на Дону при тѣхъ исключительныхъ условіяхъ, въ коихъ находится нынѣ область», требовалъ придерживаться слѣдующихъ положеній:

«1. Единая твердая власть, не связанная никакими коллегіями, необходима.

2. Кругъ долженъ обязать будущаго атамана къ прямому, честному и вполнѣ доброжелательному отношенію къ Добровольческой арміи.

3. Расколъ среди политическихъ партій на Дону, новыя потрясенія, подрывъ и умаленіе атаманской власти совершенно не желательны.

Поэтому, если оппозиція не имѣетъ прочной почвы подъ ногами и сильныхъ кандидатовъ и считаетъ нужнымъ поддержать кандидатуру ген. Краснова, возраженій со стороны Добровольческой арміи не будетъ, при соблюденіи пункта 2-го.

4. Такъ какъ личная политика генерала Краснова совершенно не соотвѣтствуетъ позиціи, занятой Добровольческой арміей, то активной поддержки (напримѣръ, публичное выступленіе съ соотвѣтствующей рѣчью, оффиціозный разговоръ и т. под.) оказывать отнюдь не слѣдуетъ.

Изложенное въ пунктѣ 3-мъ надлежитъ сообщить довѣрительно отдѣльнымъ виднымъ представителямъ оппозиціи.

5. Выдѣленіе отдѣльныхъ частей Добровольческой арміи на Царицынскій фронтъ пользы не принесетъ, а среди разнородныхъ элементовъ донскихъ ополченій, астраханскихъ организацій — могло бы вызвать чреватыя послѣдствія. На Дону остались неиспользованными части новой донской арміи; длительность ихъ подготовки значительно больше, чѣмъ мобилизованныхъ Добровольческой арміи.

Во всякомъ случаѣ Добровольческая армія, какъ только справится со своей задачей на Кубани, будетъ двинута безотлагательно на Царицынъ и поможетъ въ полной мѣрѣ Дону. При этомъ обязательно подчиненіе дѣйствующихъ на этомъ фронтѣ донскихъ частей командованію Добровольческой арміи.

Незаконченность работы здѣсь** подорвала бы въ корнѣ моральное значеніе Добровольческой арміи и привела бы опять къ «исходному положенію», т. е. окруженію всѣхъ границъ Дона большевиками.»

Генералъ Алексѣевъ по поводу производства Кругомъ атамана Краснова въ генералы отъ кавалеріи послалъ ему телеграмму, поздравивъ въ сердечныхъ выраженіяхъ съ производствомъ, «являющимся достойной оцѣнкой (его) самоотверженныхъ, неусыпныхъ трудовъ по созданію молодой Донской арміи»...

На Кругу, между тѣмъ, все болѣе нарастало напряженное настроеніе... «Генералъ Богаевскій — докладывалъ нашъ представитель въ Новочеркасскѣ, допущенный къ присутствію во всѣхъ засѣданіяхъ Круга, даже закрытыхъ, — несомнѣнно пользовался большими симпатіями Круга и, если бы баллотировался, то прошелъ бы лучше Краснова. Но было ли бы это лучше для Дона, сказать не могу: онъ слишкомъ мягкій человѣкъ и врядъ ли ему удалось бы справиться»... Наконецъ, на засѣданіи 11 сентября вопросъ разрѣшился: ген. Богаевскій потребовалъ слова и заявилъ о своемъ категорическомъ отказѣ баллотироваться въ атаманы. Онъ говорилъ искренно и задушевно о серьезности момента, о недопустимости ломки въ направленіи государственныхъ дѣлъ, неизбѣжной при избраніи новаго лица на постъ атамана, о внѣшней политикѣ, которой «Донъ прижатъ къ стѣнѣ»... «Я не хочу мѣшать счастью Дона, служить препятствіемъ къ скорѣйшему освобожденію его... не хочу быть виновникомъ пролитія хотя бы одной лишней капли крови казака»...

Атаманомъ былъ переизбранъ ген. Красновъ.

Въ числѣ вопросовъ, разрѣшенныхъ Кругомъ, было два особой важности; «въ тяжкое время напряженной войны казачества за свое существованіе, за свои права и вольности» Кругъ, утвердивъ основные законы, предоставилъ Донскому атаману «въ полномъ объемѣ власть управленія военнаго и гражданскаго и власть законодательства во время отсутствія Круга»***... Это была большая побѣда ген. Краснова. Кругъ принялъ также законъ «объ отчужденіи въ войсковой земельный фондъ всѣхъ частновладѣльческихъ земель съ ихъ нѣдрами и лѣсами... для удовлетворенія малоземельныхъ казаковъ и коренныхъ крестьянъ»[1]. Это была побѣда оппозиціи.

---

* Отъ 22 августа.

** На Кубани.

*** Указъ 15 сентября 18 года.

[1] Вознагражденіе было установлено только за земли.

Свое отношеніе къ внѣшней политикѣ атамана Кругъ высказалъ въ словахъ сдержанныхъ и осторожныхъ: «одобрить общее въ отношеніи центральныхъ державъ направленіе политики правительства, основанной на принципѣ взаимнаго и равноправнаго удовлетворенія обѣихъ сторонъ въ практическихъ вопросахъ, выдвигаемыхъ жизнью, безъ вовлеченія Дона въ борьбу ни за, ни противъ Германіи»... Къ вопросу объ «Юго-восточномъ Союзѣ» Кругъ отнесся довольно равнодушно, но призналъ все же принципіально необходимость его возстановленія и пересмотръ союзнаго договора. Вмѣстѣ съ тѣмъ Кругъ высказалъ Добровольческой арміи «горячую любовь и искреннее желаніе не словами, а дѣломъ служить (ей) въ (ея) тяжелой святой работѣ»* ...

Хотя, такимъ образомъ, конкретно взаимоотношенія между Донскимъ атаманомъ и Добровольческимъ командованіемъ установлены не были, но «общее отношеніе Круга къ Добровольческой арміи — какъ доносилъ нашъ представитель — было въ высшей степени благожелательное. Это много разъ высказывалось... А въ частныхъ бесѣдахъ многіе и до сего времени продолжаютъ смотрѣть на армію, какъ на спасителей Дона, а потомъ и Россіи... Въ составѣ правительства (также) очень много сторонниковъ арміи». «Теперь — резюмировалъ докладчикъ свои впечатлѣнія — съ громадными измѣненіями внѣшней обстановки, и атаманъ Красновъ долженъ измѣнить свой курсъ въ отношеніи Добровольческой арміи».

---

* См. Гл. XVI.

ГЛАВА XXXV.

Вопросъ о всероссійской власти. Отношеніе къ нему русской общественности и политическихъ группъ. Позиція вел. князя Николая Николаевича. Уфимская директорія. Взаимоотношенія командованія Добровольческой арміи съ директоріей.

Вопросъ о всероссійской власти занималъ всѣ политическія группировки. Какъ существо, такъ и пути пришествія власти представлялись въ крайне разнообразныхъ формахъ.

Правый Центръ, какъ мы знаемъ, ставилъ своей задачей возстановленіе монархіи и династіи, не останавливаясь, однако, окончательно на личности вѣнценосца. Путь къ разрѣшенію этой задачи Центръ видѣлъ въ слѣдующемъ*:

Въ результатѣ вооруженной борьбы съ большевиками и мѣстныхъ возстаній, во главѣ войскъ и гражданскаго управленія силою вещей станутъ военачальники въ рангѣ «главноначальствующихъ». Эти лица «не должны задаваться цѣлями государственнаго строительства»... Единственная ихъ задача — «это очищеніе подчиненной имъ мѣстности отъ остатковъ совѣтской власти, прекращеніе гражданской войны и классовой борьбы, недопущеніе къ власти или участію въ управленіи соціалистическихъ элементовъ, хотя бы самаго праваго толка, водвореніе порядка и возстановленіе дѣятельности желѣзныхъ дорогъ, телефоновъ и телеграфовъ». Вначалѣ «главноначальствующіе естественно будутъ самостоятельными, засимъ ихъ дѣятельность должна быть объединена: «въ мѣстностяхъ, находящихся на пути слѣдованія съ юга Добровольческихъ армій, объединяющимъ лицомъ явится Главнокомандующій этими арміями... Сѣверныя же области, по мѣрѣ возстановленія связи, должны быть подчинены главноначальствующему г. Москвы и Московской губерніи»... Послѣ этого появляется «Правитель Государства и Совѣтъ Министровъ», задача которыхъ въ первое «переходное время» сводится «главнымъ образомъ къ расчисткѣ пути для проведенія въ будущемъ органическихъ реформъ»...

Правый Центръ понемногу распадался и терялъ всякое политическое значеніе. Значительная часть его членовъ оставила совѣтскую Россію и переѣхала въ Кіевъ, гдѣ вошла въ составъ мѣстныхъ организацій и въ большомъ числѣ въ образовавшееся тамъ «Совѣщаніе членовъ Государственной Думы и Государственнаго Совѣта». Эта новая организація явилась, такимъ образомъ, духовной преемницей Праваго Центра, воспринявшей и его германофильство, и политическую идеологію, умѣрявшуюся, впрочемъ, до октября (переизбраніе президіума) участіемъ Милюкова и его единомышленниковъ. Къ осени, сообразно съ новыми факторами — надвигавшимся кризисомъ Германіи и создавшейся въ процессѣ борьбы съ большевизмомъ новой «политической картой Россіи», пути къ созданію конституціонной монархіи, которая признавалась Совѣщаніемъ наилучшей формой правленія, намѣтились уже иные**: 1) «объединеніе подъ однимъ знаменемъ какъ Добровольческой арміи, такъ и всѣхъ отдѣльныхъ... правительствъ въ

---

* Записка отъ 1-го іюля 18 года.

** Наказъ «уполномоченнымъ Совѣщанія», отправлявшимся въ Добровольческую армію.

цѣляхъ созданія одной общей мощной военной силы, имѣющей цѣлью сверженіе большевиковъ и образованіе взамѣнъ ихъ русской государственной власти (при условіи предоставленія отдѣльнымъ областямъ широкой автономіи); и 2) созданіе объединеннаго органа сильныхъ общественныхъ группъ, состоящаго какъ изъ представителей учрежденій, отражающихъ зрѣлую политическую мысль страны, каковыми являются бывшія законодательныя палаты, земскія и городскія самоуправленія дореволюціоннаго избранія, такъ и представителей важнѣйшихъ отраслей народнаго труда, какъ то землевладѣнія и земледѣлія, промышленности, торговли, финансовъ»...

Партія соц.-рев., какъ мы видѣли, верховной властью считала Комитетъ членовъ Учредительнаго собранія, самарскій эмбріонъ котораго посылалъ своихъ «намѣстниковъ» — комиссаровъ на мѣста.

Пути «Національнаго Центра» и «Союза Возрожденія» по началу сошлись. Обѣ организаціи считали необходимымъ за предѣлами Восточнаго фронта впредь до созыва новаго Учредительнаго собранія организовать всероссійское правительство — по существу диктатуру, по формѣ трехчленную директорію. Въ отношеніи персональныхъ назначеній стороны до конца не договорились: Національный Центръ настаивалъ на «возглавленіи» директоріи верховнымъ руководителемъ Добровольческой арміи ген. Алексѣевымъ; Союзъ Возрожденія обходилъ этотъ вопросъ уклончиво... Для переговоровъ съ новообразованіями и окончательнаго рѣшенія вопроса обѣ стороны избрали изъ своей среды по три члена и командировали ихъ на Сѣверъ, Югъ, за Волгу и въ Сибирь.

Въ переходный періодъ борьбы за возсозданіе государства директорія по мысли Союза Возрожденія «должна была опираться на возстанавливаемые ею въ раіонѣ ея дѣйствій демократическіе органы мѣстнаго самоуправленія».

* * *

Всѣ правыя группировки, выдвигая идею о временномъ «Правителѣ Государства», диктаторѣ, Верховномъ главнокомандующемъ, съ этими понятіями связывали имя вел. кн. Николая Николаевича.

Вел. кн. жилъ тогда въ имѣніи своего брата вел. кн. Петра Николаевича—«Дюльберѣ». Жилъ крайне замкнуто, не принимая многочисленныхъ представителей политическихъ партій, искавшихъ свиданія съ нимъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ рѣзко отклонилъ всякое общеніе съ нѣмецкими властями оккупированнаго Крыма.

Въ Добровольческой арміи идея привлеченія вел. кн. къ активной дѣятельности впервые проявилась реально въ концѣ мая 1918 года. Въ Мечетинскую станицу, гдѣ стояла тогда армія, пріѣхали два офицера и отъ имени якобы нѣкой тайной организаціи, не имѣвшей, конечно, никакой связи съ великимъ княземъ, начали вербовать въ нее офицеровъ. Отъ поступающаго требовалось только признаніе верховнаго главенства Николая Николаевича и выступленіе, когда имъ будетъ указано. Новому члену организаціи выдавался картонный знакъ съ номеромъ и иниціалами великаго князя.

Узнавъ объ этомъ, я приказалъ отыскать этихъ офицеровъ и представить ихъ мнѣ. Оказалось, что они выѣхали въ Егорлыкскую, въ дивизію Дроздовскаго. Запросилъ Дроздовскаго, который отвѣтилъ, что офицеры уѣхали въ Ростовъ. Тѣмъ дѣло и кончилось.

Тогда же, въ концѣ іюня, на Дону появился кн. П. М. Волконскій. Послѣ бесѣды съ нимъ ген. Алексѣевъ писалъ мнѣ изъ Новочеркасска*:

«На дняхъ я бесѣдовалъ съ кн. Волконскимъ, человѣкомъ, видимо, близкимъ и приближеннымъ вел. князю. По его словамъ Николай Николаевичъ никакого желанія идти на арену политической жизни не имѣетъ, но его угнетаетъ мысль, что онъ посылкой своей телеграммы о необходимости отреченія способствовалъ гибели монархіи, разрушенію Россіи и хотѣлъ бы, чтобы загладить свой шагъ, принять участіе въ боевой работѣ. Это можетъ привести къ присоединенію къ намъ вел. князя, если не отклонить пріѣзда. Время на все имѣется»...

* 30 іюня № 65.

Въ августѣ кн. Волконскій былъ въ Екатеринодарѣ и видѣлся вновь съ ген. Алексѣевымъ и со мною. Ген. Алексѣевъ со словъ кн. Волконскаго передавалъ мнѣ, что вел. князь Николай Николаевичъ выражаетъ неудовольствіе, что до сихъ поръ не получаетъ приглашенія отъ командованія Добровольческой арміи стать во главѣ движенія, тогда какъ это является желаніемъ всей арміи... М. В. былъ весьма озабоченъ такой постановкой вопроса, ввиду тѣхъ настроеній, которыя существовали въ занятомъ краѣ, въ казачествѣ и въ особенности на Кубани. Со мною кн. Волконскій бесѣдовалъ объ опасности пребыванія вел. князя въ Крыму и о возможности для него избавиться отъ нѣмецкой опеки путемъ тайнаго переѣзда на территорію Добровольческой арміи; я отвѣтилъ, что въ случаѣ нужды будетъ оказано всемѣрное содѣйствіе.

Происходило какое то большое недоразумѣніе.

Я не знаю, что говорилъ кн. Волконскому ген. Алексѣевъ, но впослѣдствіи къ моему удивленію оказалось, что того, кого мы считали «посломъ Дюльбера», въ Дюльберѣ сочли посломъ... ген. Алексѣева. Кн. Волконскій въ качествѣ такового просилъ пріема, но «вел. кн., рѣшившій лично не принимать никого, кто являлся къ нему съ какимъ либо политическимъ предложеніемъ, не сдѣлалъ исключенія и въ этомъ случаѣ». Освѣдомленіе произошло черезъ третьихъ лицъ и заключалось въ слѣдующемъ: кн. Волконскій отъ имени ген. Алексѣева довелъ до свѣдѣнія вел. князя, что «Добровольческая армія мечтаетъ, чтобы въ извѣстную минуту онъ сталъ во главѣ ея и что ген. Алексѣевъ запрашиваетъ его принципіальнаго согласія съ тѣмъ, чтобы оповѣстить (вел. князя), когда такая минута настанетъ». Мы получили изъ авторитетнаго источника сообщеніе*, не заставшее уже въ живыхъ М. В. и устанавливавшее, что иниціатива переговоровъ не исходила вовсе отъ вел. князя, а являлась лишь отвѣтомъ на предложеніе, формулированное кн. Волконскимъ; сообщеніе — свидѣтельствовавшее о личной незаинтересованности великаго князя и о большомъ политическомъ тактѣ его. «Великій князь полагаетъ — писали намъ — что ему можно будетъ принять въ свое время приглашеніе Добровольческой арміи при условіяхъ, которыя аннулировали бы претенціозныя заявленія кн. Львова о «волѣ народа**». Для спокойствія его совѣсти нужно было бы, кромѣ обращенія Добровольческой арміи, которую онъ цѣнитъ по заслугамъ, чтобы оно было подкрѣплено соотвѣтствующимъ, возможно болѣе вѣскимъ обращеніемъ общественности. Великій князь стоитъ въ сторонѣ (отъ всѣхъ политическихъ группъ). Если обстоятельства сложатся такъ, что его личность можетъ послужить дѣлу объединенія, онъ пойдетъ на это... Онъ совершенно одинаково, какъ и Добровольческая армія, оцѣниваетъ первоочередную задачу, которая состоитъ не въ рѣшеніи коренныхъ вопросовъ государственнаго устройства, а въ объединеніи Россіи и водвореніи въ ней того элементарнаго порядка и мира, когда народъ въ состояніи будетъ самъ рѣшать свое устройство. Онъ говорилъ, что если бы ему пришлось активно выступить въ той или другой формѣ, то онъ именно такъ и понималъ бы свою задачу, выполнивъ которую, отошелъ бы»...

Еще до полученія этого отвѣта, въ началѣ сентября, въ Екатеринодарѣ распространились упорные слухи, что, уступивъ многократнымъ просьбамъ руководителей правыхъ партій, встрѣчавшихъ до той поры категорическій отказъ, великій князь согласился стать во главѣ Южной и Астраханской армій. Это свѣдѣніе, исходившее главнымъ образомъ изъ круговъ, возглавлявшихъ Южную армію, встревожило ген. Алексѣева и екатеринодарскихъ общественныхъ дѣятелей. За подписью М. Родзянко, В. Шульгина и Н. Львова было послано великому князю письмо, предостерегающее его отъ этого шага. Одновременно ген. Алексѣевъ, присоединяясь къ ихъ освѣщенію политическихъ сторонъ вопроса, счелъ нужнымъ «освѣтить военно-политическую и военную сторону дѣла»***. Онъ писалъ великому князю:

---

* Отъ 27-го сентября.

** Въ письмѣ предсѣдателя Временнаго Правительства кн. Львова вел. кн. Николаю Николаевичу о необходимости оставить постъ Верховнаго главнокомандующаго говорилось: «народное мнѣніе рѣшительно и настойчиво высказывается противъ занятія членами дома Романовыхъ какихъ либо государственныхъ должностей».

*** Письмо ген. Алексѣева къ в. к. Н. Н., отправленное 15 сентября.

«Десять мѣсяцевъ существуетъ Добровольческая армія въ исключительно тяжелыхъ условіяхъ обстановки. На ея глазахъ развалились Донское и Кубанское казачьи войска, охваченныя большевизмомъ. Мы видѣли постепенное оздоровленіе особенно кубанцевъ, хотя нельзя сказать, что и въ настоящую минуту казачье населеніе стало вполнѣ прочнымъ и надежнымъ орудіемъ борьбы съ большевизмомъ. Мы пережили тяжелую минуту опыта, пріобрѣли его дорогой цѣною и не имѣемъ права закрывать глаза на этотъ опытъ и его показанія.

Мы пережили нѣсколько минутъ, когда полное изсякновеніе средствъ, казалось, ставило предѣлъ нашему дальнѣйшему существованію и дѣятельности, но Богъ и добрые люди шли къ намъ на помощь и армія нищая, ничего не имѣвшая, выросла съ 400 человѣкъ въ нѣсколько десятковъ тысячъ, въ прочный корпусъ. Мы являемся учрежденіемъ Русско-Государственнымъ, существующимъ на русскія деньги. Помощь, полученная нами отъ союзниковъ, настолько пока ничтожна, что не можетъ измѣнить этого основного положенія.

Но поставленные въ сильную зависимость отъ казачьихъ территорій, на которыхъ мы работаемъ, мы не можемъ проявлять торопливости въ заявленіи политическихъ лозунговъ, ибо это послужило бы во вредъ дѣлу. Мѣстное населеніе далеко не готово къ воспріятію идеи монархіи. Болѣзненный микробъ федераціи еще бродитъ среди населенія. Вотъ почему съ безконечною осторожностью и умѣньемъ нужно подходить къ постановкѣ каждаго новаго вопроса.

Между тѣмъ, Добровольческая армія является для нѣмецкаго командованія совершенно нежелательнымъ явленіемъ. Оно три раза пыталось заставить меня войти съ нимъ въ непосредственные переговоры. Ни я, ни генералъ Деникинъ не пошли на это въ глубокомъ убѣжденіи, что это внесло бы извѣстный духовный развалъ въ среду нашихъ войскъ.

Тогда нѣмцы повели работу по другой системѣ: съ одной стороны, въ особенности въ Кіевѣ, ведется злостная агитація противъ Добровольческой арміи и ея вождей, преимущественно русскими генеральскими руками, съ другой стороны, лихорадочно приступаютъ къ формированію особыхъ, такъ называемыхъ монархическихъ армій на нѣмецкія деньги и по нѣмецкой программѣ. Такъ народилась Астраханская армія; но перехваченная нѣмцами телеграмма князя Тундутова ко мнѣ указала, повидимому, нѣмцамъ, что Астраханская армія особаго довѣрія къ себѣ не заслуживаетъ*; интересъ къ этой арміи у нѣмцевъ сразу охладѣлъ и, вѣроятно, новыя ассигновки, денежныя и матеріальныя, болѣе не послѣдуютъ.

Но нѣмцы съ увлеченіемъ ухватились за созданіе такъ называемой Южной Добровольческой арміи, руководимой нашими аристократическими головами, и такъ называемой Народной арміи въ Воронежской губерніи, гдѣ во главѣ формированія поставленъ полковникъ Манакинъ, соціалъ-революціонеръ**. На эти формированія не будутъ жалѣть ни денегъ, ни матеріальныхъ средствъ. Во главѣ Южной арміи, а быть можетъ и всѣхъ формированій, предположено поставить графа Келлера. При всѣхъ высокихъ качествахъ этого генерала за нимъ не хватаетъ выдержки, спокойствія и правильной оцѣнки общей обстановки. Въ концѣ августа онъ былъ въ Екатеринодарѣ. Двухдневная бесѣда со мной и ген. Деникинымъ привела, повидимому, графа Келлера къ нѣкоторымъ выводамъ и заключеніямъ, что вопросъ не такъ простъ и не допускаетъ скоропалительныхъ рѣшеній.

Меня болѣе всего страшитъ постановка вопроса о денежныхъ средствахъ. Полагаю, что деньги эти взяты всецѣло у нѣмцевъ, но прикрыты фиговымъ листомъ, что деньги эти берутся только заимообразно, составляя долгъ Государства, какъ будто отъ этого измѣнятся взаимоотношенія между заимодавцемъ и принявшимъ отпущенную сумму. Будетъ ли это Государственный долгъ, будетъ ли это субсидія со стороны Германіи, наши дѣятели нѣмецкой оріентаціи окончательно закабалятъ Россію на нѣсколько поколѣній нѣмцамъ.

Но еще болѣе тревожитъ постановка военныхъ и военно-политическихъ задачъ новыми формированіями. Да, они должны будутъ вести якобы борьбу съ большевиками, но наносить удары и чехо-словакамъ, а слѣдовательно, и нашей Добровольческой Арміи, когда та выйдетъ на Волгу.

Какое торжество нѣмецкой политики, когда она незамѣтно направитъ другъ на друга лучшіе и наиболѣе честные элементы Русскаго народа, когда мы собственными руками будемъ истреблять другъ друга, тогда какъ нѣмцы въ тиши будутъ помогать большевикамъ. Дѣятели Кіева и Южной Арміи мечтаютъ просить Ваше Императорское Высочество стать во главѣ этихъ новыхъ формированій. Я доложилъ Вамъ съ полной откровенностью возможную обстановку братоубійственной войны, въ которой Вы не можете принять участія.

Мы должны для предстоящей борьбы сплотить всѣ разнородные элементы, а не создавать искусственныхъ преградъ на пути къ возрожденію Россіи».

Тревога оказалась напрасной. Николай Николаевичъ оставался твердымъ въ своей «союзнической оріентаціи» и въ своемъ рѣшеніи выступить только во имя общенародныхъ интересовъ и не принимать участія въ политической игрѣ партій, строившихъ свои планы и осуществленіе своихъ цѣлей на авторитетѣ его имени. Въ Екатеринодаръ онъ отвѣтилъ:

— «Будьте покойны».

* * *

---

* Телегр. отъ 4 августа говорила о стремленіи астраханцевъ къ единенію съ Добровольческой арміей, «историческій путь которой является единственнымъ для истинныхъ преданныхъ сыновъ Единой, Великой Россіи».

** Саратовскій корпусъ («Народная армія») формировался ген. Красновымъ. Это — ошибка. Авт.

Между тѣмъ, Сибирь ранѣе всѣхъ перешла отъ словъ къ дѣлу и создала государственную власть, которая наименовала себя Всероссійской.

Государственное совѣщаніе, собравшееся въ сентябрѣ въ Уфѣ, ни въ коемъ случаѣ не могло претендовать на демократичность способа своего образованія. Это было представительство политическое — партій (с.-р., с.-д., н.-с., к.-д., «Единства»), территоріальное — новообразованій фактическихъ (правительства «Комуча», сибирскаго, Уральскаго, шести сибирскихъ казачьихъ войскъ) и несуществующихъ (правительствъ Астраханскаго казачьяго войска, Башкиріи, Алашъ-Орды, Туркестана), «національнаго правительства тюрко-татаръ внутри Россіи»; организацій: съѣзда членовъ Всероссійскаго Учредительнаго собранія, представителей съѣзда городовъ и земствъ и Союза Возрожденія Россіи...

Число членовъ Государственнаго совѣщанія было 129. Изъ нихъ членовъ б. Учредительнаго собранія 77 — почти всѣ с.-р.-ы. Члены этой партіи входили въ составъ совѣщанія еще и какъ представители центральнаго комитета ея и въ замаскированномъ видѣ — въ качествѣ представителей экзотическихъ правительствъ, «Земгора» и — въ лицѣ предсѣдателя совѣщанія Авксентьева и Аргунова — въ качествѣ делегатовъ Союза Возрожденія.

Совѣщаніе рѣзко раздѣлилось на двѣ неравныхъ численно и непримиримыхъ идейно части. Одна группировалась возлѣ Сибирскаго правительства (казачьи делегаты, несоціалистическіе представители другихъ организацій, н.-с.-ы); другая — возлѣ Самарскаго «Комуча».

Совѣщанію предстояло рѣшить три основныхъ вопроса: о формѣ верховной власти, о порядкѣ ея отвѣтственности и о личномъ составѣ правительства.

Верховной властью лѣвая часть считала Учредительное собраніе 18-го года, а до открытія его — Съѣздъ членовъ Учредительнаго собранія, передъ которымъ должно быть отвѣтственно Всероссійское правительство. Послѣднее мыслилось во образѣ директоріи, коалиціонной по своему составу. Сибирское правительство снабдило своихъ пословъ инструкціей, гласившей: «Всероссійская власть должна быть организована по типу директоріи, въ составѣ не болѣе 5 лицъ; политическая отвѣтственность власти возможна только передъ будущимъ полномочнымъ органомъ правильнаго волеизъявленія народа, и до созданія такого органа Всероссійская власть является несмѣняемой». Казачество шло дальше, требуя единоличной и безотвѣтственной диктаторской власти.

Вокругъ этихъ точекъ зрѣнія шла сильнѣйшая борьба, грозившая полнымъ разрывомъ между борющимися сторонами. А военно-политическая обстановка въ эти дни становилась, между тѣмъ, все болѣе угрожающей. Совѣтскія арміи овладѣли Казанью, Симбирскомъ и приближались къ Самарѣ... Началось новое наступленіе большевиковъ на фронтѣ Оренбургскаго и Уральскаго казачества... Главнокомандующій Сыровой и предсѣдатель Національнаго комитета Павлу требовали скорѣйшаго созданія всероссійской власти, угрожая оставленіемъ фронта чехами... Въ Омскѣ назрѣвалъ глубокій кризисъ на почвѣ столкновенія и борьбы за власть между Сибирскимъ правительствомъ и с.-р.-овской Сибирской областной думой...

Эти обстоятельства заставили обѣ стороны пойти на взаимныя уступки, съ обѣихъ сторонъ неискреннія. И 23 (н. ст.) сентября 18-го года былъ обнародованъ «актъ объ образованіи верховной власти», носящій явные слѣды сильнаго давленія с.-р.-овской партіи.

«Единственнымъ носителемъ Верховной Власти на всемъ пространствѣ Государства Россійскаго» объявлялось «Временное Всероссійское правительство» въ составѣ пяти лицъ: Н. Д. Авксентьева, Н. И. Астрова, ген.-лейт. Болдырева, П. В. Вологодскаго и Н. В. Чайковскаго. Замѣстителями ихъ были избраны А. А. Аргуновъ, В. А. Виноградовъ, ген. отъ инфантеріи Алексѣевъ, В. П. Сапожниковъ и В. М. Зензиновъ. Изъ пяти членовъ директоріи только двое были на лицо, а трое, согласія которыхъ не спрашивали, отсутствовали. Поэтому директорія приступила къ дѣятельности въ составѣ Авксентьева (с.-р.), ген. Болдырева (безпарт., членъ Союза Возрожденія), Виноградова (к.-д.), Сапожникова (безпарт.), Зензинова (с.-р.).

Директорія признавалась отвѣтственной передъ Учредительнымъ собраніемъ 1918-го года, которое должно было открыться 1-го января 1919 года при наличности не менѣе 250 человѣкъ или 1-го февраля при наличности 170 членовъ. Директорія обязалась «неуклонно руководствоваться въ своей дѣятельности непререкаемыми верховными правами Учредительнаго собранія». «Съѣздъ членовъ Учредительнаго собранія» продолжалъ существовать параллельно съ правительствомъ, какъ «государственно-правовое учрежденіе», пользуясь независимостью, неприкосновенностью, средствами изъ государственнаго казначейства и охраной «предоставляемой правительствомъ особой воинской команды». Его задача была номинально ограничена «обезпеченіемъ дѣятельности Всероссійскаго Учредительнаго собранія».

Не касаясь личности правителей, въ самой идеѣ построенія власти мы видимъ крупные дефекты. По происхожденію своему она врядъ ли могла претендовать на значеніе всероссійской. Фразы — «вступивъ по волѣ народовъ въ управленіе государствомъ»*... «объединеніе (въ лицѣ правительства) всѣхъ областей, народностей и партій освобожденной части Россіи»**... — звучали безсильно и не убѣдительно при наличіи самостоятельныхъ новообразованій Украйны, Дона, Кубани, Грузіи... и при неопредѣленности и остротѣ взаимоотношеній даже съ сибирскими областными правительствами, «установленіе предѣловъ компетенціи» которыхъ «предоставлялось мудрости Временнаго Всероссійскаго правительства»***...

Отвѣтственность коалиціоннаго правительства передъ партійнымъ с.-р.-овскимъ собраніемъ являлась актомъ политически несообразнымъ и психологически чреватымъ опасностями. Установленіе ея вызвало глубокое неудовольствіе во всѣхъ не-соціалистическихъ кругахъ, перенесенное съ мѣста на личный составъ правительства. Даже умѣреннѣйшій Союзъ Возрожденія устами Мякотина говорилъ: «это рѣшеніе совѣщанія окончательно установило партійный характеръ созданной имъ власти и отталкивало отъ нея всѣхъ, кто неспособенъ былъ связывать надежды на возрожденіе Россіи съ эс-эровскимъ Учредительнымъ собраніемъ»...[1]

Совѣщаніе не учло еще одного важнаго обстоятельства — психологіи единственной къ тому времени реальной русской силы на территоріи, подвластной новому правительству — Сибирской арміи. Психологіи, глубоко враждебной всему комплексу явленій, связанныхъ съ «черновскимъ учредительнымъ собраніемъ».

Члены Союза Возрожденія, игравшіе на совѣщаніи примирительную роль и вошедшіе въ составъ директоріи, нарушили полномочія, данныя имъ Союзомъ. Аргуновъ (замѣститель) — по убѣжденію, считая, что «только... Учредительное собраніе даннаго состава... являлось юридически тѣмъ полномочнымъ органомъ, предъ которымъ могло и должно было предстать временное всероссійское правительство»...[2] Ген. Болдыревъ (верховный главнокомандующій) — по мотивамъ практическимъ: «Союзомъ Возрожденія — писалъ онъ ген. Алексѣеву 30 сентября 18 г. — была предложена компромиссная формула безотвѣтственной власти на опредѣленный срокъ... Мы исходили изъ того убѣжденія: если новая власть укрѣпится за періодъ безотвѣтственной работы, едва ли тогда явится у кого либо желаніе идти противъ такой власти. И тогда будущее покажетъ дальнѣйшій ходъ государственной жизни Россіи. Если же этой власти не удастся справиться съ тѣми исключительными по трудности условіями работы, тогда становится безразличнымъ — будетъ ли она безотвѣтственной, или нѣтъ».

Жизнь дала отвѣтъ ранѣе срока — переворотомъ 18 ноября.

* * *

Тотчасъ послѣ своего избранія, директорія обратилась съ посланіемъ къ ген. Алексѣеву и ко мнѣ.[3] Объявляя о принятіи на себя «всей полноты Верховной Государствен-

---

* Изъ «Грамоты ко всѣмъ народамъ Россіи».
** Изъ «Грамоты», адресованной генералу Алексѣеву и мнѣ.
*** Изъ «акта объ образованіи верховной всероссійской власти».
[1] Брошюра «Союзъ Возрожденія Россіи».
[2] «Между двумя большевизмами».
[3] 2-го октября № 69.

ной власти на всемъ пространствѣ Государства Россійскаго», директорія, «восхищаясь» одиннадцатимѣсячной борьбой Добровольческой арміи, посылала ей свой привѣтъ, и выражала надежду «въ скоромъ времени принять на территоріи освобожденной Россіи усталыхъ бойцовъ, которые найдутъ здѣсь и отдыхъ, и справедливую оцѣнку своихъ трудовъ»... Высказывала убѣжденіе, что «государственная мудрость и высокія гражданскія качества руководителей и горячая любовь офицеровъ и солдатъ къ Родинѣ укажутъ Добровольческой арміи единый съ Правительствомъ путь»... Одновременно официальнымъ письмомъ на имя ген. Алексѣева Авксентьевъ приносилъ ему «искреннее поздравленіе съ назначеніемъ». М. В. тогда не было уже въ живыхъ, и это поздравленіе съ «должностью», которой онъ никогда бы не принялъ, казалось намъ нѣсколько нескромнымъ и обиднымъ въ отношеніи его памяти.

Ген. Болдыревъ въ свою очередь въ официальномъ письмѣ приглашалъ ген. Алексѣева «принять всѣ мѣры къ развитію и упроченію идеи возрожденія Россіи подъ знаменемъ Всероссійскаго правительства» и указывалъ стратегическую задачу Добровольческой арміи: «Было бы крайне желательнымъ и необходимымъ, чтобы Ваша армія и примыкающія къ ней силы овладѣли бы нижнимъ теченіемъ Волги, примѣрно на плесѣ Царицынъ — Астрахань. Въ дальнѣйшемъ имѣло бы огромное значеніе овладѣніе Саратовымъ». Въ частномъ письмѣ* онъ говорилъ еще о недостаткѣ людей въ Сибири и желательности пріѣзда туда генераловъ Драгомирова, Лукомскаго, Головина... О необходимости, чтобы «здѣсь новая Россія (была бы) надлежаще представлена», и въ связи съ этимъ о желательности «служенія вашего (т. е. ген. Алексѣева) и ген. Деникина на постахъ Всероссійскаго масштаба».

Ни одно изъ новообразованій Юга не признало власти директоріи. Я также отказался признать Уфимскую директорію Всероссійской властью, какъ «отвѣтственную и направляемую Учредительнымъ собраніемъ перваго созыва, возникшимъ въ дни народнаго помѣшательства... и не пользующимся въ странѣ ни малѣйшимъ нравственнымъ авторитетомъ». Вмѣстѣ съ тѣмъ я признавалъ «исключительно важное значеніе Сибирскаго объединенія и находилъ необходимымъ — путемъ взаимныхъ соглашеній направить русскія силы Востока и Юга къ одной общей цѣли — возрожденію великодержавной Россіи**»...

Инструкціи въ этомъ духѣ были посланы въ Сибирь курьеромъ, который долженъ былъ разыскать тамъ командированныхъ ген. Алексѣевымъ еще въ началѣ 18-го года ген. Флуга и полк. Лебедева. О нихъ въ штабѣ арміи не было никакихъ свѣдѣній. Оказалось впослѣдствіи, что ген. Флугъ въ Харбинѣ сталъ военнымъ министромъ «Всероссійскаго правительства» Хорвата, а Лебедевъ оказался въ Омскѣ, принялъ видное участіе въ ноябрьскомъ переворотѣ и непостижимымъ образомъ, не имѣя никакого командного стажа, сталъ вскорѣ начальникомъ штаба Верховнаго главнокомандующаго, адмирала Колчака.

Добровольческая армія въ эти дни истекала кровью на поляхъ Ставрополя и не могла принять немедленнаго участія въ выполненіи стратегической задачи, данной Уфой.

---

* Отъ 30 сентября.

** Изъ рѣчи на открытіи Кубанской Рады.

ГЛАВА XXXVI.

«Военно-походное» управленіе. Добровольческая политика. Образованіе «Особаго совѣщанія».

Въ непосредственномъ управленіи командованія Добровольческой арміи находилось нѣсколько уѣздовъ Ставропольской губерніи и Черноморская губернія безъ Сочинскаго округа. Это положеніе опредѣлялось словами приказа: «впредь до возсоединенія и созданія верховной власти Русскаго Государства... губернія въ порядкѣ верховнаго управленія подчиняется командованію Добровольческой арміи»*.

Въ Ставрополѣ былъ поставленъ военнымъ губернаторомъ командиръ бригады полковникъ Глазенапъ, помощникомъ его ген. штаба ген. Уваровъ. Въ Новороссійскѣ — командиръ бригады полковникъ Кутеповъ, помощникомъ его — Сенько-Поповскій. Военные губернаторы подчинялись командующему арміей и были отвѣтственны только передъ нимъ. Это упрощенное «военно-походное» управленіе, основанное на «Положеніи о полевомъ управленіи войскъ», до крайности затрудняло меня, отвлекая отъ веденія операцій и вызывая на мѣстахъ чрезмѣрную инициативу, не разъ граничившую съ произволомъ. Постановка во главѣ гражданской администраціи лицъ военныхъ, командовавшихъ одновременно вооруженной силой — въ краѣ, гдѣ шла непрестанная война не только на фронтѣ, но и внутри, вызывалась обстановкой и казалась наиболѣе цѣлесообразной, подчиняя весь ходъ народной жизни интересамъ борьбы. Къ тому же было необыкновенно трудно создать и поддерживать авторитетъ гражданскаго начальника въ глазахъ военной массы, наполнившей край — театръ войны. Но отсутствіе административнаго опыта и сложившаяся въ процессѣ революціи психологія военныхъ начальниковъ въ значительной мѣрѣ уничтожала выгоды военнаго управленія.

Представлялось наиболѣе естественнымъ привлечь къ совмѣстной работѣ мѣстную организованную общественность, но въ этомъ заключался наибольшій камень преткновенія... Революція измѣнила обликъ русской общественности, сметя или преобразивъ въ корнѣ старыя ея организаціи. Когда кровью Добровольческой арміи освободились Ставрополь и Черноморье, изъ подъ обломковъ совѣтскаго зданія быстро встали и возродились только органы революціонной (соціалистической) демократіи въ образѣ земскихъ, городскихъ, кооперативныхъ, профессіональныхъ и другихъ. Той самой революціонной демократіи, въ отношеніи которой въ военной средѣ сложилось непримиримо враждебное отношеніе, съ именемъ которой неразрывно были связаны самыя тяжелыя переживанія развала арміи, страны, внѣшняго разгрома ея, воспоминанія о совѣтахъ, комитетахъ, о корниловской трагедіи, о голгофѣ офицерства, объ явномъ противодѣйствіи первымъ шагамъ нарождающейся арміи... Той революціонной демократіи, которая и теперь отнеслась къ арміи — освободительницѣ, если не враждебно, то, во всякомъ случаѣ, подозрительно и недоброжелательно.

Попытки съ той стороны были...

20 іюля въ Москвѣ члены главныхъ комитетовъ Всероссійскаго земскаго и городского союзовъ, составъ которыхъ за время революціи сильно пополнился лѣвыми

* Приказъ о Черноморской губ. 14-го августа № 7.

элементами*, объединились лично, организовали общій «главный комитетъ» и постановили «выступить на широкую арену общаго государственнаго строительства». Въ числѣ основныхъ своихъ задачъ главный комитетъ поставилъ «возстановленіе демократическихъ органовъ мѣстнаго самоуправленія на территоріи всей Россіи».

Но такъ какъ арены для подобной дѣятельности въ Центральной Россіи и на Украйнѣ не оказалось, то главный комитетъ перенесъ свою дѣятельность въ Екатеринодаръ. Я до сихъ поръ не увѣренъ, дѣйствовали ли пріѣхавшія къ намъ лица — В. Н. Малянтовичъ, Луганскій, Кирилловъ — по порученію З. Г. О. или на свой страхъ**... Они образовали Юго-Восточный комитетъ З. Г. О., включенный мною по традиціямъ военнаго времени въ составъ Добровольческой арміи для оказанія ей «всемѣрной помощи по санитарной части и снабженію». Стараніями Е. А. Елачича были привезены на Кубань небольшія суммы и имущество Юго-Западнаго и Румынскаго фронтовъ, и комитетъ поступилъ на полное иждивеніе арміи, пріобрѣтя вмѣстѣ съ тѣмъ всѣ льготы, установленныя для военнослужащихъ.

Черезъ нѣкоторое время въ комитетѣ произошелъ расколъ, повлекшій временный выходъ изъ него всей земской группы во главѣ съ Елачичемъ. Произведенный разборъ дѣла выяснилъ интересныя детали. Члены Главнаго комитета поставили въ подчиненное къ себѣ отношеніе Юго-Восточный комитетъ, который оказался лишь «прикрытіемъ» ихъ политической дѣятельности. «Главная задача З. Г. О. — говорилъ Малянтовичъ*** — это участіе въ общественно-политической работѣ, остальное должно быть отодвинуто на задній планъ. Практическая помощь Добровольческой арміи является только подсобной работой, дающей возможность утилизировать персоналъ и матеріальныя средства союзовъ. Разсматривать Юго-Восточный комитетъ какъ армейскій неправильно, ибо въ приказъ Добровольческой арміи мы включились съ болью въ сердцѣ, тѣмъ болѣе, что политическая физіономія Добровольческой арміи до сихъ поръ намъ не ясна». Малянтовичъ установилъ «общность кассы» Юго-Восточнаго комитета съ главнымъ, единоличное храненіе и распоряженіе суммъ комитета Кирилловымъ и, такимъ образомъ, за счетъ бѣдной армейской казны — потому что иныхъ источниковъ не предвидѣлось — начиналась политическая работа въ духѣ обще-соціалистическихъ тенденцій того времени... противъ Добровольческой арміи.

Я былъ крайне удивленъ необыкновенной развязностью членовъ главнаго комитета и въ особенности Малянтовича, который явился ко мнѣ и, любезно оставляя за мной командованіе арміей, заявилъ о своемъ намѣреніи «руководить политической жизнью городовъ и земствъ»...

«Сотрудничество» въ такой формѣ было непріемлемымъ, удѣльный вѣсъ группы Малянтовича слишкомъ незначительнымъ. Мною были приняты поэтому мѣры, чтобы вернуть Юго-Восточному комитету обликъ армейскаго общественно-служебнаго органа, а Малянтовичу и его сподвижникамъ предоставлено вести политическую работу за свой счетъ внѣ комитета и внѣ арміи въ рамкахъ закона и «положенія о полевомъ управленіи войскъ».

Такъ неудачно окончилось первое общеніе наше съ «демократической общественностью».

Психологія военной среды, имѣвшая много основаній въ прошломъ, въ извѣстной части ея принимала характеръ нетерпимости не только въ отношеніи соціалистическихъ, но и либеральныхъ мѣстныхъ дѣятелей. Либеральная общественность, къ тому же, разгромленная ходомъ революціи, не имѣла на мѣстахъ ни организацій, ни силы, ни вліянія, ни даже особеннаго желанія работать въ обстановкѣ, угрожающей ежечасно самому физическому существованію должностныхъ лицъ.

И военныя губернаторства обрастали мало по малу махровымъ цвѣтомъ стараго чиновничества — не рѣдко добросовѣстнаго, но потерявшагося въ угарѣ революціи, отставшаго отъ быстро мчавшейся колесницы жизни. Обрастали и элементами авантюристическими, взращенными условіями революціи и гражданской войны.

---

* Въ составъ «Союза Возрожденія» и З. Г. О. входили зачастую одни и тѣ же лица.

** Именовались они «зарубежной делегаціей главнаго комитета».

*** Журналъ засѣданія № 9 отъ 19 сент. 18 г.

Въ центрѣ не было пока компетентныхъ направляющихъ органовъ. Военные губернаторы терялись въ обстановкѣ до крайности запутанной, на почвѣ безвременья и удручающаго безлюдья. И я, и они дѣлали не мало ошибокъ. Бывали и такіе эпизоды, которые весьма тягостно отражались на положеніи Добровольческой арміи, возбуждая противъ нея населеніе. Такъ, ген. Уваровъ, замѣняя временно Ставропольскаго губернатора, въ его отсутствіе успѣлъ отдать рядъ оглушительныхъ приказовъ объ аннулированіи всѣхъ законовъ Временнаго правительства, о вознагражденіи проторей и убытковъ помѣщиковъ, объ уничтоженіи преступниковъ на мѣстѣ преступленія... Приказы были отмѣнены, Уваровъ «по прошенію» уволенъ отъ должности, но настроеніе создалось весьма неблагопріятное для арміи...

Въ уѣздахъ было хуже.

Впослѣдствіи, въ одну изъ своихъ поѣздокъ въ Ставрополь я очертилъ откровенно собравшимся общественнымъ дѣятелямъ создавшееся положеніе слѣдующимъ образомъ:

— «Намъ не удается наладить гражданское управленіе; въ уѣзды идутъ люди отпѣтые; уѣздныя административныя должности стали этапомъ въ арестантскія роты. Между тѣмъ, мѣстная интеллигенція предпочитаетъ заниматься политикой и будированіемъ; не отказывается, впрочемъ, отъ «постовъ» и «портфелей». Добровольцы приносятъ несчетныя жертвы своими жизнями. Принесите жертву и вы: умѣрьте ваши масштабы, дайте мнѣ нѣсколько честныхъ и умныхъ начальниковъ уѣздовъ; я окажу имъ полную поддержку и обезпечу возможность работать. Создать условія нормальной жизни, внести успокоеніе, насадить право и законность въ одномъ русскомъ уѣздѣ — работа гораздо болѣе значительная, чѣмъ всѣ упражненія въ партійныхъ программахъ и резолюціяхъ».

И было слово мое подобно гласу вопіющаго въ пустынѣ.

* * *

Программы положительнаго государственнаго строительства у насъ по началу не было. До нѣкоторой степени общія основанія добровольческой политики опредѣлялись въ сказанной мною при первомъ посѣщеніи Ставрополя рѣчи, имѣвшей декларативный характеръ*:

«...Добровольческая армія поставила себѣ задачей возсозданіе Единой Великодержавной Россіи. Отсюда — ропотъ центробѣжныхъ силъ и мѣстныхъ больныхъ честолюбій.

Добровольческая армія не можетъ, хотя бы и временно, идти въ кабалу къ иноземцамъ и тѣмъ болѣе набрасывать цѣпи на будущій вольный ходъ русскаго государственнаго корабля. Отсюда — ропотъ и угрозы извнѣ.

Добровольческая армія, свершая свой крестный путь, желаетъ опираться на всѣ государственно-мыслящіе круги населенія. Она не можетъ стать орудіемъ какой либо политической партіи или общественной организаціи. Тогда она не была бы Русской Государственной Арміей. Отсюда — неудовольствіе нетерпимыхъ и политическая борьба вокругъ имени арміи. Но если въ рядахъ арміи и живутъ опредѣленныя традиціи, она не станетъ никогда палачомъ чужой мысли и совѣсти. Она прямо и честно говоритъ: будьте вы правыми, будьте вы лѣвыми — но любите нашу истерзанную Родину и помогите намъ спасти ее.

Точно такъ же, обрушиваясь всей силой своей противъ растлителей народной души и расхитителей народнаго достоянія, Добровольческая армія чужда соціальной и классовой борьбы. Въ той тяжкой болѣзненной обстановкѣ, въ которой мы живемъ, когда отъ Россіи остались лишь лоскутья, не время рѣшать соціальныя проблемы. И не могутъ части русской державы строить русскую жизнь каждая по своему.

Поэтому тѣ чины Добровольческой арміи, на которыхъ судьба возложила тяжкое бремя управленія, отнюдь не будутъ ломать основное законодательство. Ихъ роль —

* 26-го августа.

создать лишь такую обстановку, въ которой можно бы сносно, терпимо жить и дышать до тѣхъ поръ, пока Всероссійскія законодательныя учрежденія, представляющія разумъ и совѣсть народа русскаго, не направятъ жизнь его по новому руслу — къ свѣту и правдѣ».

Необходимо остановиться на двухъ положеніяхъ, вытекающихъ изъ этой программы.

Первое — отражала ли она дѣйствительно идеологію добровольчества? Далеко не всего. Во всякомъ случаѣ, я убѣжденно и искренно выразилъ въ ней свои взгляды, стараясь внушить ихъ борющимся и правящимъ.

Второе — уклоненіе отъ радикальной ломки государственнаго и соціальнаго строя, съ предоставленіемъ этой работы будущимъ правомочнымъ органамъ народной воли...

Историкъ отмѣтитъ, что эта идея являлась господствующей въ теченіе 1917—1920 годовъ среди россійскихъ политическихъ группировокъ, составляя наиболѣе слабое и уязвимое мѣсто всѣхъ правительствъ и правителей, ставя ихъ въ неизмѣримо болѣе трудное положеніе, чѣмъ то, въ которомъ была совѣтская власть, объявивъ себя хозяиномъ русской жизни и ломая ее безпощадно и безоглядно. Съ различными оттѣнками, но одинаково по существу эта идея нашла отраженіе въ актахъ Временнаго правительства*, въ «Корниловской программѣ», въ программахъ «центровъ», въ «Грамотѣ ко всѣмъ народамъ Россіи» Уфимской директоріи, въ декларацiяхъ адмирала Колчака.

Обоснованіе этой идеи было до крайности простымъ и яснымъ и казалось неопровержимымъ. Еще до большевицкаго переворота, въ сентябрѣ 17 года оно нашло, между прочимъ, такое согласное опредѣленіе въ двухъ органахъ — радикальной и либеральной мысли:

Газета «День» писала: «Споръ программъ сейчасъ напоминаетъ о метафизической сущности... Передъ всей страной нынѣ стоитъ одна платформа — національнаго бѣдствія... Пусть завтра у власти станетъ любой герой большевицкаго райка, онъ долженъ будетъ, какъ и его «имперіалистическій» предшественникъ, озаботиться ликвидаціей ташкентскаго мятежа, выкачиваніемъ хлѣба изъ деревни, изобрѣтеніемъ новаго способа печатанія денегъ. Прекрасныя слова, широковѣщательные лозунги, святость канона — все это блекнетъ передъ неумолимой прозой — такой простой и такой зловѣщей. И въ этой прозѣ — ключи, размыкающіе конфликтъ программъ, въ ней, и только въ ней одной — отправной пунктъ соглашенія тѣхъ общественныхъ группъ, которыя должны образовать коалиціонную власть». Перепечатывая эти строки, «Рѣчь» говорила**: «Поистинѣ, золотыя слова... Справиться съ національными бѣдствіями, сохранить единство Россіи — вотъ вся программа. Если бы ее удалось осуществить — это была бы величайшая заслуга передъ родиной и передъ революціей, которая только этимъ путемъ и можетъ быть спасена».

Теорія разошлась съ практикой.

Мы не учли элемента времени и степени напора народной стихіи. Правители стремились къ «неумолимой прозѣ», народъ хотѣлъ еще «поэзіи» демагогическихъ лозунговъ. Правители желали пріостановить временно теченіе жизни въ создавшихся берегахъ, покуда нѣкая высшая власть не расчиститъ новое русло, а жизнь бурно рвалась изъ береговъ, разрушая плотины и сметая гребцовъ и кормчихъ.

* * *

Въ августѣ, т. е. послѣ мѣсячнаго опыта «военно-походнаго» управленія окончательно назрѣла необходимость созданія органа, который могъ бы всесторонне заняться устройствомъ освобожденной арміей территоріи. Эта территорія была еще очень незначительна, но расширенію ея побѣдами Добровольческой арміи должно было предшествовать созданіе правительственнаго аппарата и установленіе дѣловой программы его работъ.

---

* Не взирая на объявленіе Россіи республикой и согласіе на автономію Украйны.

** Передовая 23 сентября 17 года.

Идея эта появилась у многихъ лицъ, прикосновенныхъ къ арміи. В. Шульгинъ составилъ перечень тѣхъ отдѣловъ, изъ которыхъ долженъ былъ состоять новый органъ. Названіе его («Особое Совѣщаніе») принадлежитъ также ему. Ген. Лукомскій, состоявшій съ 5 августа моимъ помощникомъ по гражданской части, въ развитіе идеи Шульгина представилъ мнѣ докладъ о необходимости образованія при мнѣ «Особаго совѣщанія» по разрѣшенію вопросовъ, связанныхъ съ возстановленіемъ нормальной жизни на территоріи, освобождаемой отъ власти большевиковъ. По его мысли, совѣщанію предоставлялась роль, исключительно отвѣчающая его названію, именно — «давать заключенія по дѣламъ, вносимымъ на его разсмотрѣніе» главнымъ командованіемъ.

Я считалъ функціи гражданскаго управленія, выходящія за предѣлы «Положенія о полевомъ управленіи войскъ», принадлежащими ген. Алексѣеву и поэтому вторично просилъ его взять на себя это бремя.

Одновременно вопросомъ этимъ занимался и ген. Драгомировъ, состоявшій съ 10 августа «помощникомъ Верховнаго Руководителя». Ему принадлежитъ окончательная разработка и редакція того «Положенія объ Особомъ Совѣщаніи», которое было утверждено ген. Алексѣевымъ 18 августа безъ измѣненій. Актъ этотъ не опубликовывался, очевидно, чтобы не вызвать до времени возбужденія въ кубанскомъ правительствѣ, относившемся крайне подозрительно ко всѣмъ государственнымъ начинаніямъ командованія.

«Положеніе» такъ опредѣляло цѣль созданія «Особаго Совѣщанія».

> а) Разработка всѣхъ вопросовъ, связанныхъ съ возстановленіемъ органовъ государственнаго управленія и самоуправленія въ мѣстностяхъ, на которыя распространяется власть и вліяніе Добровольческой арміи. б) Обсужденіе и подготовка временныхъ законовъ по всѣмъ отраслямъ государственнаго устройства, какъ мѣстнаго значенія по управленію областями, вошедшими въ сферу вліянія Добровольческой арміи, такъ и въ широкомъ государственномъ масштабѣ по возсозданію великодержавной Россіи въ прежнихъ ея предѣлахъ. в) Организація сношеній со всѣми областями бывшей Россійской Имперіи для выясненія истиннаго положенія дѣлъ въ нихъ и для связи съ ихъ правительствами и политическими партіями для совмѣстной работы по возсозданію великодержавной Россіи. г) Организація сношеній съ представителями державъ Согласія, бывшихъ въ союзѣ съ нами, и выработка плановъ совмѣстныхъ дѣйствій въ борьбѣ противъ коалиціи центральныхъ державъ. д) Выясненіе мѣстонахожденія и установленіе тѣсной связи со всѣми выдающимися дѣятелями по всѣмъ отраслямъ государственнаго управленія, а также съ наиболѣе видными представителями общественнаго и земскаго самоуправленія, торговли, промышленности и финансовъ для привлеченія ихъ въ нужную минуту къ самому широкому государственному строительству. е) Привлеченіе лицъ, упомянутыхъ въ § д., къ разрѣшенію текущихъ вопросовъ, выдвигаемыхъ жизнью.»

Особое Совѣщаніе заключало слѣдующіе отдѣлы: государственнаго устройства, внутреннихъ дѣлъ, дипломатическо-агитаціоннаго, финансоваго, торговли и промышленности, продовольствія и снабженія, земледѣлія, путей сообщенія, юстиціи, народнаго просвѣщенія и контроля.

Предсѣдателемъ Особаго Совѣщанія являлся ген. Алексѣевъ, а замѣстителями его въ порядкѣ послѣдовательности — я, ген. Драгомировъ и Лукомскій.

Въ «положеніи» отразилась въ значительной мѣрѣ существовавшая практика дуализма власти, которую не желалъ нарушать составитель его, создавая одинъ общій органъ для двухъ соправителей. На «большихъ засѣданіяхъ», подъ предсѣдательствомъ ген. Алексѣева, должны были разрѣшаться «наиболѣе серьезные вопросы общегосударственнаго значенія и разсмотрѣніе сложныхъ законопроектовъ, затрогивающихъ интересы нѣсколькихъ вѣдомствъ». На «малыхъ засѣданіяхъ»*, подъ моимъ предсѣдательствомъ, предполагалось разрѣшать «въ спѣшномъ порядкѣ не терпящіе отлагательства вопросы текущей жизни, связанные съ установленіемъ гражданскаго правопорядка въ мѣстностяхъ, занятыхъ Добровольческой арміей». Отзвукомъ того-же дуализма явилось отсутствіе въ «Совѣщаніи» военно-морского отдѣла, учрежденнаго лишь впослѣдствіи и возглавленнаго ген. Лукомскимъ, къ которому перешли обязанности военнаго и морского министра и кромѣ того всѣ органы снабженія арміи.

Генералы Алексѣевъ и Драгомировъ принимали всѣ мѣры къ розыску и привлеченію въ Екатеринодаръ извѣстныхъ имъ государственныхъ и общественныхъ дѣятелей,

---

* Съ участіемъ заинтересованныхъ представителей вѣдомствъ.

Генералъ М. В. Алексѣевъ

что представляло серьезнѣйшія затрудненія, ввиду разобщенности русскихъ областей и того неспокойнаго и потому мало привлекательнаго положенія, въ которомъ находился Сѣверный Кавказъ — театръ военныхъ дѣйствій. По ходу событій русской революціи главное ядро русской общественности переселялось по историческимъ этапамъ: весною 18 года — Москва; лѣтомъ — Кіевъ; осенью — Одесса; весною 19 года — Екатеринодаръ. Эта концентрація силъ въ опредѣленныхъ пунктахъ сопровождалась всегда и необыкновеннымъ сгущеніемъ тамъ политической атмосферы на почвѣ обостренной розни и борьбы. Безлюдіе было такъ велико, что отдѣлы по долгу оставались въ управленіи временныхъ замѣстителей во время поисковъ по свѣту и въ ожиданіи прибытія неизвѣстно гдѣ находившихся кандитатовъ. Морской отдѣлъ, напримѣръ, ждалъ намѣченнаго возглавленія весь періодъ борьбы Юга — полтора года...

Образованіе «Особаго Совѣщанія»— этого зачаточнаго органа управленія — подвигалось медленно. Первыми участниками его были Г. А. Гейманъ (финансы), Э. П. Шуберскій (пути сообщеній), ген. А. С. Макаренко (юстиція), А. А. Нератовъ (диплом.), В. А. Лебедевъ (торг. и пром.)... По мѣрѣ формированія отдѣловъ туда переходили и текущія дѣла по управленію территоріей, занятой арміей. Общихъ засѣданій — ни большихъ, ни малыхъ — до смерти ген. Алексѣева не состоялось.

ГЛАВА XXXVII.

Приступъ къ государственному строительству на Югѣ. Смерть генерала Алексѣева.

Ген. Драгомировъ былъ приглашенъ ген. Алексѣевымъ для совмѣстной работы и «дальнѣйшаго путешествія съ нимъ въ Уфу». Въ началѣ августа М. В. подтвердилъ свое намѣреніе «выѣхать въ Уфу, какъ только явится возможность сколько нибудь вѣрнаго способа сообщенія и когда состояніе его здоровья позволитъ ему совершить путешествіе». Онъ предполагалъ выждать продвиженія арміи по Сѣверному Кавказу и пробраться въ Сибирь черезъ Петровскъ и Уральскую область.

М. В. не подѣлился ни со мною, ни съ Драгомировымъ своими дальнѣйшими планами, но, повидимому, къ этому времени онъ сошелъ уже со своей категорической точки зрѣнія на диктатуру, какъ на единственно пріемлемую форму власти и соглашался возглавить директорію по проекту Національнаго Центра.

Но состояніе здоровья М. В. стало уже совсѣмъ плохо; всѣ близкіе понимали, что ни о какомъ переѣздѣ не можетъ быть рѣчи... Послѣднія 2—3 недѣли М. В. почти не вставалъ съ постели, никого не принималъ и выслушивалъ лишь изрѣдка важнѣйшіе доклады ген. Драгомирова, предоставивъ ему разрѣшеніе всѣхъ остальныхъ дѣлъ.

Между тѣмъ, время шло, жизнь кипѣла и предъявляла свои неумолимыя требованія... Стратегическая обстановка указывала, что армія надолго еще задержится на Сѣверномъ Кавказѣ... Вопросъ о Восточномъ фронтѣ и формированіи тамъ Всероссійской власти принималъ все менѣе опредѣленныя формы... Совѣщательный характеръ «Особаго совѣщанія» явно не могъ устранить затрудненій, вытекавшихъ изъ отсутствія на территоріи правительственнаго аппарата... Наконецъ, обостренныя отношенія съ Кубанью требовали полнаго и яснаго юридическаго обоснованія. Ген. Драгомировъ приводилъ еще одинъ мотивъ о необходимости «взять представительство обще-русскихъ интересовъ», — мотивъ, выдвинутый жизнью даже ранѣе, чѣмъ выступили на сцену всѣ остальные вопросы политическіе и гражданскаго управленія — экономическій хаосъ: «раздѣленіе юга Россіи на самостоятельныя области, ведущія сепаратную финансовую и таможенную политику, создали невыносимыя условія, затруднившія и ограничившія обмѣнъ произведеній земли и промышленности, затруднившія даже почтовыя и телеграфныя сношенія между отдѣльными областями и совершенно убившія общую и всѣмъ доступную систему кредита».

Эти обстоятельства оказали рѣшающее вліяніе на дальнѣйшую судьбу образованія власти.

Ген. Драгомировъ поручилъ въ частномъ порядкѣ проф. К. Н. Соколову и В. А. Степанову составить проектъ государственнаго устройства, въ результатѣ чего появилось нѣсколько варіантовъ «конституціи». Эти варіанты подвергались составителями многократнымъ обсужденіямъ въ средѣ мѣстныхъ представителей к.-д.-ской партіи и послѣ окончательнаго разсмотрѣнія ихъ въ болѣе тѣсной коллегіи подъ руководствомъ ген. Драгомирова и при участіи, кромѣ составителей, В. Шульгина и ген. Лукомскаго, въ концѣ концовъ вылились въ два проекта: 1) «Временное положеніе объ управленіи

областями, занимаемыми Добровольческой арміей» и 2) «Положеніе о Сѣверо-Кавказскомъ Союзѣ». Первое устанавливало всю полноту власти Верх. Руков. Добровольческой арміи въ освобождаемыхъ ею областяхъ и особымъ «раздѣломъ» — предѣлы автономіи Кубани. Полный текстъ его слѣдующій:

«Впредь до воссоединенія разрозненныхъ частей Россійскаго Государства и созданія законной обще-русской власти высшее Управленіе Областями, занимаемыми Добровольческой Арміей, осуществляется на основаніи нижеслѣдующаго временнаго Положенія:

ВРЕМЕННОЕ ПОЛОЖЕНІЕ ОБЪ УПРАВЛЕНІИ ОБЛАСТЯМИ, ЗАНИМАЕМЫМИ ДОБРОВ. АРМІЕЙ.

РАЗДѢЛЪ ПЕРВЫЙ.

1. Вся полнота государственной власти въ областяхъ, занимаемыхъ Д. А., принадлежитъ В. Р. Д. А.* (Главнокомандующему Д. А.).

2. Въ областяхъ, занимаемыхъ Д. А., сохраняютъ силу законы, дѣйствовавшіе на территоріи Россійскаго Государства до 25 октября 1917 года, съ измѣненіями, вытекающими изъ настоящаго Положенія, а равно изъ имѣющихъ быть изданными на основаніи его законовъ.

3. Всѣ граждане Россійскаго Государства, безъ различія національности, сословія и вѣроисповѣданія, пользуются въ сихъ областяхъ равными правами гражданства. Особыя права и преимущества, издавна принадлежащія казачеству, сохраняются въ неприкосновенности.

4. Первенствующая Церковь въ сихъ областяхъ есть Церковь Русская, Православная, возглавляемая Святѣйшимъ Патріархомъ Московскимъ и Всея Россіи. Прочія признанныя Церкви и религіозныя общества пользуются полной свободой и находятся подъ покровительствомъ закона.

5. Государственнымъ языкомъ является языкъ русскій. Употребленіе мѣстныхъ языковъ и нарѣчій въ государственныхъ и общественныхъ установленіяхъ допускается въ предѣлахъ, указанныхъ закономъ.

6. Государственнымъ флагомъ служитъ національный русскій трехцвѣтный (бѣло-сине-красный) флагъ.

РАЗДѢЛЪ ВТОРОЙ.

7. Россійскіе граждане пользуются въ областяхъ, занимаемыхъ Д. А., неприкосновенностью личности, жилища и частной переписки. Никто не можетъ быть подвергнутъ ограниченію или лишенію свободы иначе, какъ въ порядкѣ, закономъ установленномъ. Обыски и выемки могутъ быть производимы лишь въ случаяхъ, въ законѣ указанныхъ, и въ порядкѣ, закономъ опредѣленномъ.

8. Печать свободна. Порядокъ осуществленія надзора за печатью и отвѣтственности за преступленія и проступки, совершаемые путемъ печати, опредѣляется закономъ.

9. Россійскіе граждане могутъ собираться мирно и безъ оружія, а равно образовывать общества и союзы въ цѣляхъ, не противныхъ закону. Порядокъ пользованія этими правами гражданской свободы опредѣляется закономъ.

10. Собственность неприкосновенна. Принудительное отчужденіе недвижимыхъ имуществъ, когда таковое необходимо въ государственныхъ или общественныхъ интересахъ, совершается не иначе, какъ въ законодательномъ порядкѣ и за справедливое вознагражденіе.

РАЗДѢЛЪ ТРЕТІЙ.

11. В. Р. Д. А. стоитъ во главѣ всѣхъ сухопутныхъ и морскихъ вооруженныхъ силъ въ областяхъ, занимаемыхъ Д. А. Онъ опредѣляетъ устройство арміи и флота и руководитъ всѣмъ дѣломъ государственной обороны.

12. В. Р. Д. А. представляетъ области, занимаемыя Д. А., въ ихъ сношеніяхъ съ иностранными державами, заключаетъ международные договоры, объявляетъ войну и заключаетъ миръ. В. Р. Д. А. сносится съ временными государственными образованіями, возникшими на пространствѣ Россійскаго Государства.

13. В. Р. Д. А. издаетъ законы и указы по всѣмъ отраслямъ государственной жизни въ порядкѣ, установленномъ настоящимъ Положеніемъ.

14. В. Р. Д. А. устанавливаетъ для областей, занимаемыхъ Д. А., единую систему денежнаго обращенія и опредѣляетъ внѣшній видъ денежныхъ знаковъ.

15. В. Р. Д. А. назначаетъ на всѣ высшія должности военной и гражданской службы. Онъ жалуетъ ордена** и другія служебныя отличія.

---

* Верховный руководитель Добровольческой Арміи (ген. Алексѣевъ).

** Пожалованіе орденовъ установлено не было. Давались только иностранцамъ.

16. В. Р. Д. А. осуществляетъ право помилованія и смягченія наказаній по судебнымъ приговорамъ, а также право общаго прощенія совершившихъ преступныя дѣянія съ прекращеніемъ судебнаго противъ нихъ преслѣдованія и освобожденіемъ ихъ отъ суда и наказанія.

17. В. Р. Д. А. объявляетъ мѣстности, занимаемыя Д. А., на военномъ или исключительномъ положеніи.

РАЗДѢЛЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.

18. Для содѣйствія В. Р. Д. А. въ дѣлахъ законодательства и управленія, при немъ состоитъ ОСОБОЕ СОВѢЩАНІЕ, въ составѣ котораго образуются отдѣлы:

1. Внутреннихъ Дѣлъ;
2. Дипломатическій;
3. Финансовый;
4. Военно-Морской;
5. Торговли и Промышленности;
6. Продовольствія и Снабженія;
7. Земледѣлія;
8. Путей Сообщенія;
9. Юстиціи;
10. Народнаго Просвѣщенія;
11. Государственнаго Контроля.

Члены Особаго Совѣщанія назначаются В. Р. Д. А., Управляющіе Отдѣлами состоятъ членами О. С. по должности.

Предсѣдатель Особаго Совѣщанія назначается В. Р. Д. А. Въ тѣхъ случаяхъ, когда В. Р. Д. А. найдетъ нужнымъ лично предсѣдательствовать въ Особомъ Совѣщаніи, Предсѣдатель О. С. участвуетъ въ засѣданіи на правахъ члена. При Особомъ Совѣщаніи состоитъ Управляющій дѣлами, коему подчинена Канцелярія Особаго Совѣщанія. Управляющій дѣлами входитъ въ составъ Особаго Совѣщанія на равныхъ съ Управляющими Отдѣлами правахъ.

19. На обсужденіе Особаго Совѣщанія поступаютъ:

1. Всѣ законодательныя предположенія;
2. Всѣ правительственныя мѣропріятія общегосударственнаго значенія;
3. Всѣ предположенія о замѣщеніи главныхъ должностей высшаго мѣстнаго управленія.

Дѣла, подлежащія разсмотрѣнію Особаго Совѣщанія, вносятся въ оное В. Р. Д. А. или Управляющими Отдѣлами. На внесеніе въ Особое Совѣщаніе дѣлъ законодательнаго характера Управляющіе Отдѣлами испрашиваютъ предварительно разрѣшенія В. Р. Д. А.

20. Законы издаются В. Р. Д. А. за скрѣпою Предсѣдателя и всѣхъ наличныхъ членовъ Особаго Совѣщанія. Указы обще-государственнаго значенія скрѣпляются Предсѣдателемъ Особаго Совѣщанія и Управляющими тѣми Отдѣлами, къ предметамъ вѣдѣнія коихъ данное дѣло относится. Указы и распоряженія по отдѣльнымъ вѣдомствамъ скрѣпляются Управляющими Отдѣлами по принадлежности.

21. Въ области законодательства и верховнаго управленія Особое Совѣщаніе въ полномъ его составѣ, а равно Управляющіе Отдѣлами, являются совѣщательными органами при В. Р. Д. А. Въ области управленія подчиненнаго Управляющіе Отдѣлами пользуются правами министровъ примѣнительно къ учрежденію министерствъ.

22. За общій ходъ государственнаго управленія Управляющіе Отдѣлами отвѣтствуютъ единственно передъ В. Р. Д. А.

РАЗДѢЛЪ ПЯТЫЙ.

23. Судебныя установленія дѣйствуютъ въ областяхъ, занимаемыхъ Д. А., на основаніяхъ, въ законѣ опредѣленныхъ. Судебныя рѣшенія и приговоры выносятся «именемъ закона».

РАЗДѢЛЪ ШЕСТОЙ.

24. Кубанская Область пользуется правами автономіи, во внутреннихъ своихъ дѣлахъ управляется особыми установленіями на основаніи особаго законодательства.

25. Къ предметамъ вѣдѣнія Кубанской Областной власти, въ порядкѣ мѣстнаго законодательства и управленія, принадлежатъ:

1. Мѣстная полиція;
2. надзоръ за печатью, собраніями, обществами и союзами въ предѣлахъ обще-государственныхъ законовъ;
3. санитарное и медицинское дѣло;
4. дѣла мѣстнаго самоуправленія;
5. тюремное дѣло;
6. установленіе и взиманіе мѣстныхъ налоговъ;
7. пути сообщенія мѣстнаго значенія;

8. заботы о развитіи мѣстной торговли и промышленности;
9. продовольствованіе населенія;
10. земледѣліе и землеустройство;
11. народное просвѣщеніе при соблюденіи правъ государственнаго языка;
12. контроль мѣстныхъ правительственныхъ и общественныхъ учрежденій.

26. Для завѣдыванія указанными дѣлами въ порядкѣ управленія въ составѣ возглавляемаго Атаманомъ Кубанскаго Областного Правительства могутъ быть образованы вѣдомства:
1. внутреннихъ дѣлъ;
2. финансовъ;
3. путей сообщенія;
4. торговли и промышленности;
5. Кубанскихъ войсковыхъ дѣлъ;
6. продовольствія;
7. земледѣлія и землеустройства;
8. народнаго просвѣщенія;
9. контроля.

27. Къ предметамъ вѣдѣнія Кубанской областной власти не принадлежатъ:
1. внѣшнія сношенія;
2. командованіе вооруженными силами;
3. уголовное и гражданское законодательства, судоустройство и судопроизводство;
4. почта и телеграфъ;
5. пути сообщенія государственнаго и стратегическаго значенія;
6. вопросы денежнаго обращенія, государственнаго кредита, таможенной политики и товарообмѣна;
7. прямое и косвенное обложеніе на общегосударственныя нужды, государственныя монополіи;
8. торговое мореплаваніе и порты;
9. акціонерное законодательство и торговые уставы.

28. Основной законъ объ управленіи Кубанскою Областью вырабатывается въ предѣлахъ настоящаго Положенія Кубанскою Краевою Радой и утверждается и обнародывается В. Р. Д. А. Въ этомъ же порядкѣ производится, въ случаѣ нужды, пересмотръ означеннаго основного закона.»

По другому варіанту приведенное Положеніе ограничивалось первыми пятью раздѣлами, а вмѣсто шестого (о Кубани) предположено было издать особый актъ по договору съ суверенной Кубанью, ограничивавшій нѣкоторыя государственныя функціи ея. Этотъ актъ, наименованный «Положеніемъ о Сѣверо-Кавказскомъ Союзѣ», гласилъ:

«Въ видахъ наиболѣе успѣшнаго осуществленія нѣкоторыхъ важнѣйшихъ задачъ государственнаго управленія въ предѣлахъ Сѣвернаго Кавказа, В. Р. Д. А., отъ имени занимаемыхъ Д. А. губерній... и Кубанское Краевое Правительство отъ имени Кубанскаго Края, согласились о нижеслѣдующемъ:

1. Губерніи... и Кубанскій Край образуютъ государственное объединеніе подъ наименованіемъ Сѣверо-Кавказскій Союзъ.

2. Въ предѣлахъ С.-К. Союза объединяется завѣдываніе:
А. Международными сношеніями Союза;
Б. дѣлами арміи и флота, за исключеніемъ... дѣлъ Кубанскаго казачьяго войска, остающихся въ вѣдѣніи Кубанской Краевой власти;
В почтой и телеграфомъ;
Г. путями сообщенія обще-государственнаго и стратегическаго значенія;
Д. прямымъ и косвеннымъ обложеніемъ на общія нужды С. К. Союза;
Е. снабженіемъ и продовольствіемъ арміи.

3. Въ отношеніи перечисленныхъ выше дѣлъ В. Р. Д. А. присваивается вся полнота власти законодательства и управленія въ предѣлахъ всего С. К. Союза, примѣнительно къ Вр. Положенію объ управленіи областями, занимаемыми Д. А.

4. Разработка и осуществленіе общихъ для С. К. Союза мѣропріятій возлагается на О. С. при В. Р. Д. А. и его отдѣлы по принадлежности (Вр. Положеніе Упр. обл., заним. Д. А. – Ст.17—20). Контроль правительственной дѣятельности С. К. Союза возлагается на отдѣлъ Государственнаго контроля О. С. при В. Р. Д. А.

5. Для сужденій общихъ по дѣламъ С. К. Союза при В. Р. Д. А. учреждается Совѣтъ С. К. Союза изъ... членовъ по... человѣкъ отъ губерній Ставропольской и Черноморской и отъ Кубанскаго края. Члены Совѣта отъ губерній Ставропольской и Черноморской назначаются изъ мѣстныхъ людей В. Р. Д. А. Члены Совѣта отъ Кубанскаго края избираются Кубанскимъ Краевымъ представительнымъ Собраніемъ. Въ Совѣтѣ предсѣдательствуетъ В. Р. Д. А. или Замѣститель по его указанію.

6. Совѣтъ С. К. Союза созывается на сессіи В. Р. Д. А. и разсматриваетъ дѣла, передаваемыя на его заключенія В. Р. Д. А., а также вносимыя отдѣльными его членами.

7. Совѣту С. К. Союза представляется высказывать свои заключенія и пожеланія по всѣмъ дѣламъ Союза.

8. Къ С. К. Союзу могутъ присоединяться и другія губерніи и области Россіи. Губерніи и области, управляемыя властью В. Р. Д. А., присоединяются къ Союзу распоряженіемъ В. Р. Д. А., издаваемымъ въ законодательномъ порядкѣ. Самоуправляющіяся области присоединяются къ Союзу на основаніи особыхъ каждый разъ соглашеній съ В. Р. Д. А.

9. Настоящее соглашеніе подлежитъ утвержденію В. Р. Д. А. и Кубанскаго Краевого представительнаго Собранія.»

Это «Положеніе» казалось слишкомъ искусственно построеннымъ; оно недостаточно обезпечивало полноту власти, необходимую для борьбы, не устраняло существовавшихъ треній, въ особенности матеріальнаго порядка, и не отвѣчало тому положенію, которое должна будетъ занять Кубанская область въ строѣ Россійской державы.

Во второй половинѣ сентября состояніе здоровья М. В. было настолько тяжелымъ, что принимать участія въ работѣ онъ уже не могъ. Поэтому ген. Драгомировъ совмѣстно съ лицами, принимавшими участіе въ послѣднемъ редактированіи проектовъ конституціи, обратились за санкціей ко мнѣ. Въ проектахъ вслѣдъ за титуломъ «Верховный Руководитель» появилось въ скобкахъ слово «Главнокомандующій»... «Или, или»... Многозначительное и жуткое напоминаніе о предстоящемъ событіи — горестномъ и неизбѣжномъ.

Никто не возбуждалъ вопроса о преемственности, ибо неписанная конституція Добровольческой арміи не знала иной власти, кромѣ командующаго.

Я принялъ первое «положеніе»* съ незначительными поправками.

Въ основу построенія власти я считалъ необходимымъ положить слѣдующія мысли:

1. Временная власть командованія Добровольческой арміи, преслѣдуя обще-русскіе интересы, не претендуетъ, однако, на значеніе Всероссійской. Она распространяется лишь на освобождаемыя арміей территоріи.

2. Временная власть должна быть неограниченной, въ видѣ единоличной диктатуры.

3. Кубань надлежитъ привлечь къ объединенію съ Добровольческой арміей на началахъ автономіи не иначе, какъ путемъ соглашенія.

4. Желательно привлеченіе къ единенію съ Добровольческой арміей на началахъ автономіи и другихъ, сложившихся уже новообразованій Юга.

5. Окончательная побѣда надъ большевиками немыслима безъ объединенія всѣхъ армій Юга.

Насколько первое положеніе открывало возможность дальнѣйшаго сложенія противобольшевицкихъ образованій, настолько второе, составляя безспорно нашу внутреннюю силу, вмѣстѣ съ тѣмъ, до крайности затруднило или сдѣлало невозможнымъ осуществленіе широкаго и прочнаго внѣшняго объединенія.

Для ген. Алексѣева (вначалѣ), для меня и старшихъ военныхъ начальниковъ вопросъ о формѣ власти имѣлъ далеко не академическое значеніе. Мы всѣ считали единоличную власть единственно возможной въ условіяхъ борьбы съ многоликой по формѣ, но сконцентрированной диктаторской властью Совѣта. Но, если бы мы и держались иного взгляда, то провести его въ жизнь не смогли бы...

Единоличной диктатурѣ противополагалась трехъ или много-членная директорія. Конечно, — коалиціонная, ибо однородная — тѣмъ болѣе военная — была бы нелѣпѣйшимъ разбродомъ силъ. Мы пережили уже въ маломъ масштабѣ подобіе такой директоріи зимою 1917—18 г. г.**

Ко мнѣ неоднократно обращались впослѣдствіи представители лѣвой общественности, съ предложеніями «укрѣпить» мою власть пристройкой къ ней двухъ лицъ — «ка-дета и самаго мирнаго соціалиста». Это была идея, быть можетъ, не лишенная

---

* «Временное положеніе объ управленіи областями, занимаемыми Добровольческой арміей». Поправки вошли въ приведенный выше текстъ.

** «Тріумвиратъ — Алексѣевъ — Корниловъ — Калединъ». См. Т. II, гл. XVI.

Многоуважаемый
Антонъ Ивановичъ,

У Михаила Васильевича началась агонія. Конецъ можетъ наступить ежеминутно.

А. Деникинъ

25 Сент. 1918.
8 ч. утра

М. В. скончался.

А. Деникинъ

Извѣщеніе о смерти ген. Алексѣева

М. В. Алексѣевъ въ гробу

извѣстнаго теоретическаго обоснованія, но тѣмъ не менѣе совершенно праздная, не считавшаяся вовсе съ тогдашней психологіей арміи.

Армія, которая тогда безпрекословно исполняла велѣнія главнокомандующаго — въ кратчайшій срокъ и, во всякомъ случаѣ, при первой же неудачѣ вышла бы изъ подчиненія и свергла бы директорію.

* * *

21 сентября проектъ конституціи былъ готовъ окончательно.

А 25-го окончилъ жизнь Верховный Руководитель Добровольческой арміи, генералъ Алексѣевъ...

Я принялъ званіе «Главнокомандующаго», объединивъ власть командованія и управленія.

Передо мной открывался новый путь, на которомъ судьба пріуготовила много радостныхъ событій, возбуждавшихъ надежду на близкое спасеніе страны, но еще болѣе — тяжкихъ сокрушительныхъ ударовъ.

* * *

Смерть Михаила Васильевича не была неожиданной. Тяжкая болѣзнь, тяготы Перваго похода и огромная непосильная работа, которую онъ велъ послѣдніе годы, день за днемъ подтачивали его силы. На нашихъ глазахъ догоралъ свѣтильникъ его многотрудной жизни.

Еще въ серединѣ сентября онъ въ кругу близкихъ говорилъ о предстоящемъ своемъ переѣздѣ за Волгу, а 20-го, почувствовавъ приближеніе конца, онъ призвалъ ген. Драгомирова и передалъ ему хранившіяся при немъ лично армейскія суммы. «Этимъ актомъ — говоритъ Драгомировъ — не сопровождавшимся никакими объясненіями, М. В. прощался навсегда не только съ мыслью о поѣздкѣ на Волгу, но и съ жизнью... Остальные дни до 25-го были медленной агоніей».

Когда умеръ М. В., несчетныя толпы народа пришли поклониться его праху, отдавая должную дань признанія человѣку, такъ много потрудившемуся для своей Родины. Глубокою скорбью отозвалась вѣсть о смерти ген. Алексѣева и въ Добровольческой арміи...

Въ годы великой смуты, когда люди мѣняли съ непостижимою легкостью свой нравственный обликъ, взгляды, «оріентаціи», когда заблудившіеся или не въ мѣру «скользкіе» люди шли окольными, темными путями, онъ шагалъ твердой старческой поступью по прямой кремнистой дорогѣ. Его имя было тѣмъ знаменемъ, которое привлекало людей самыхъ разнообразныхъ политическихъ взглядовъ обаяніемъ разума, честности и патріотизма.

Добровольческая армія 25-го сентября отдала послѣдній разъ честь своему старому знамени*:

«Сегодня окончилъ свою — полную подвига, самоотверженія и страданія жизнь Генералъ Михаилъ Васильевичъ Алексѣевъ.

Семейныя радости, душевный покой, всѣ стороны личной жизни онъ принесъ въ жертву служенія Отчизнѣ.

Тяжелая лямка строевого офицера, тяжелый трудъ и боевая дѣятельность офицера генеральнаго штаба, огромная по нравственной отвѣтственности работа фактическаго руководителя всѣми вооруженными силами русскаго государства въ Отечественную войну — вотъ его крестный путь. Путь, озаренный кристаллической честностью и горячей любовью къ Родинѣ — и великой, и растоптанной.

---

* Приказъ арміи № 1.

Когда не стало арміи и гибла Русь, онъ первый поднялъ голосъ, кликнулъ кличъ русскому офицерству и русскимъ людямъ.

Онъ отдалъ послѣднія силы свои созданной его руками Добровольческой арміи. Перенося и травлю, и непониманіе, и тяжелыя невзгоды страшнаго похода, сломившаго его физическія силы, онъ съ вѣрою въ сердцѣ и съ любовью къ своему дѣтищу — шелъ съ нимъ по тернистому пути къ завѣтной цѣли спасенія Родины.

Богъ не судилъ ему увидѣть разсвѣтъ.

Но онъ близокъ.

И рѣшимость Добровольческой арміи продолжать его жертвенный подвигъ до конца — пусть будетъ дорогимъ вѣнкомъ на свѣжую могилу собирателя Русской Земли».

27-го сентября тѣло почившаго Верховнаго Руководителя арміи было погребено въ Екатеринодарѣ въ усыпальницѣ Екатерининскаго собора среди могилъ младшихъ его сподвижниковъ, положившихъ свою жизнь за освобожденіе Родины.

Balaton-Lelle
(Венгрія)
1923 г.

Государств. публичная историческая библиотека РСФСР

Похороны ген. Алексѣева

Опись картамъ и схемамъ III тома.

	Стр.
Политическая карта Россіи въ сентябрѣ 1918 года	19
«Великая Грузія»	49
Положеніе Дона къ 1-му мая 1918 года	63
Восточный фронтъ въ іюлѣ и августѣ 1918 года	93
Восточный фронтъ къ концу октября 1918 года	111
Положеніе сторонъ къ 1-му іюня 1918 года	149
Къ плану операціи	157
Бой у Торговой	159
Бой у Великокняжеской	163
Бой отъ Торговой до Песчанокопскаго	165
Бой у Бѣлой Глины	167
Бои сѣвернаго заслона 18—25 іюня 1918 года	170
Тихорѣцкая операція	173
Подготовка Екатеринодарской операціи	185
Екатеринодарская операція (Положеніе 14 іюля 1918 года)	189
Екатеринодарская операція (Бой у Кореновской)	192
Екатеринодарская операціи (Бой у Кореновской)	195
Екатеринодарская операція (Бой подъ Выселками)	196
Взятіе Екатеринодара	199
Расположеніе сторонъ къ 3-му августа 1918 года	213
Движеніе къ Черному морю и въ Закубанье	215
Положеніе сторонъ къ 10 сентября 1918 года	220
Положеніе сторонъ 15 сентября — 1 октября 1918 года	224
Положеніе сторонъ къ 10 октября 1918 года	227
Сраженіе подъ Ставрополемъ (14 октября)	231
Сраженіе подъ Ставрополемъ (22—31 октября)	233
Сраженіе подъ Ставрополемъ (31 октября)	235
Сраженіе подъ Ставрополемъ (7 ноября)	237

Опись иллюстраціямъ III тома.

Совѣтъ народныхъ комиссаровъ.
Гетманъ Скоропадскій у импер. Вильгельма.
Гетманъ Скоропадскій въ германской главн. квартирѣ.
Смотръ I-й Украинской дивизіи австр. генераломъ.
Опознаніе труповъ людей, замученныхъ большевиками.
Похороны «командарма» Тулака.
Оренбургскій атаманъ Дутовъ.
Адмиралъ Колчакъ.
Генералъ Эльснеръ.
Кубанскій атаманъ ген. Филимоновъ.
Автографъ ген. Алексѣева.
Встрѣча отряда Дроздовскаго въ Мечетинской.
Наборъ красноармейцевъ.
Смотръ красной арміи.
Смотръ красной арміи.
«Главковерхъ» Сорокинъ.
Группа уцѣлѣвшихъ «старыхъ Дроздовцевъ».
Генералъ Марковъ въ гробу.
Похороны ген. Маркова.
Генералъ Тимановскій.
Генералъ Боровскій.
Генералъ Эрдели.
Генералъ Шкуро.
Штабъ I-й дивизіи.
Вступленіе добровольцевъ въ Екатеринодаръ.
Въ Екатеринодарѣ.
Панихида по ген. Корниловѣ.
Панихида по ген. Марковѣ.
Генералъ Покровскій.
Похороны жертвъ пятигорской чрезвычайки.
Генералъ М. В. Алексѣевъ.
Извѣщеніе о смерти ген. Алексѣева (автографъ ген. Драгомирова).
М. В. Алексѣевъ въ гробу.
Похороны ген. Алексѣева.

Содержаніе третьяго тома.

Бѣлое движеніе и борьба Добровольческой арміи.

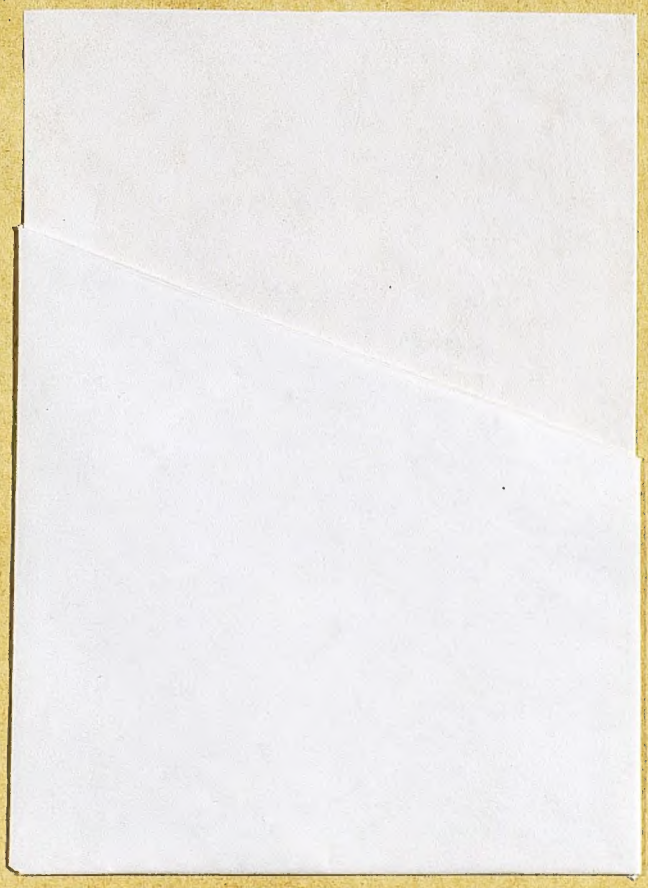
Главы		Стр.
I.	Введеніе. Стимулы борьбы съ совѣтской властью: національное сознаніе	5
II.	Стимулы борьбы съ совѣтской властью: соціальные, экономическіе, психологическіе	11
III.	Политическая карта Россійскаго государства къ серединѣ 1918-го года: Сѣверная область, Финляндія, Прибалтійскій край, Литва, Польша, Сѣверо-западная область	17
IV.	Бессарабія	27
V.	Украйна	31
VI.	Крымъ	40
VII.	Закавказье	45
VIII.	Донъ: внутреннее строительство и вооруженная борьба съ большевиками	58
IX.	Донъ: внѣшняя политика	66
X.	Противобольшевицкія организаціи внутри Россіи: «Правый Центръ», «Національный Центръ», «Союзъ Возрожденія Россіи», «Союзъ защиты родины и свободы» (Савинковъ)	72
XI.	Германофильство Праваго Центра и Милюкова. Группа Шульгина. Взаимоотношенія Добровольческой арміи съ политическими организаціями и союзниками. Роль офицерства	81
XII.	Противобольшевицкое движеніе на Востокѣ: чехо-словаки, «Комитетъ Членовъ Учредительнаго собранія» и «Народная армія»	91
XIII.	Власть и армія въ Сибири и на Уралѣ	99
XIV.	Дальній Востокъ. Военное положеніе на Восточномъ фронтѣ. «Интервенція»	105
XV.	Внѣшнія затрудненія Добровольческой арміи: нѣмецкая оккупація, Астраханская и Южная арміи	114
XVI.	Внѣшнія затрудненія Добровольческой арміи: отношенія съ Донскимъ атаманомъ	122
XVII.	Конституція Добровольческой власти. Внутренній кризисъ арміи: оріентаціи и лозунги	128
XVIII.	Внутренняя жизнь Добровольческой арміи: традиціи, вожди и воины. Генералъ Романовскій. Кубанскія настроенія. Матеріальное положеніе. Сложеніе арміи	134
XIX.	Красная армія	143
XX.	Второй Кубанскій походъ: силы и средства сторонъ; театръ; планъ операціи	148
XXI.	Взятіе Торговой. Смерть генерала Маркова	158
XXII.	Походъ и бои отъ Великокняжеской до Бѣлой Глины	162
XXIII.	Тихорѣцкая операція	169
XXIV.	Положеніе къ 1-му августа арміи и освобожденнаго края. Обликъ Добровольческой арміи	177

2-78--

Главы Стр.

XXV. Второй Кубанскій походъ. Подготовка Екатеринодарской операціи: Кущевка, Кавказская, занятіе Ставрополя, Пластуновская 183
XXVI. Бои на путяхъ къ Екатеринодару. Кореновская..... 191
XXVII. Взятіе Екатеринодара 197
XXVIII. Политика Кубанской власти. Взаимоотношенія Кубани и Добровольческой арміи осенью 1918 года 202
XXIX. Составъ и положеніе Добровольческой арміи въ августѣ. Расположеніе сторонъ. Дальнѣйшій планъ операціи. Второй Кубанскій походъ: освобожденіе западной Кубани и Черноморской губ. Преслѣдованіе большевиковъ въ Закубаньи. Взятіе Майкопа... 210
XXX. Состояніе большевицкихъ войскъ Сѣвернаго Кавказа въ августѣ и сентябрѣ. Наступленіе наше въ августѣ 1918 года. Бои подъ Ставрополемъ, взятіе Армавира и Невинномысской. Стратегическое окруженіе большевицкой арміи..... 217
XXXI. Переходъ большевиковъ въ контръ-наступленіе въ началѣ сентября 1918 года на Армавиръ, Ставрополь и по верхней Кубани. Перемѣна большевицкаго командованія и плана операціи. Отступленіе большевиковъ въ концѣ сентября къ Невинномысской. Преслѣдованіе ихъ нашей конницей къ Урупу. «Мятежъ» Сорокина и его смерть. Терроръ въ Пятигорскѣ 222
XXXII. Оставленіе нами Ставрополя. Бои подъ Армавиромъ, на Урупѣ и въ Баталпашинскомъ отдѣлѣ. Очищеніе отъ большевиковъ лѣваго берега Кубани. Двадцативосьмидневное сраженіе подъ Ставрополемъ (10 октября — 7 ноября) 230
XXXIII. Соприкосновеніе Добровольческой арміи съ нѣмцами и съ грузинами. Наши взаимоотношенія 238
XXXIV. Событія на Дону осенью 1918 года: положеніе на фронтѣ; взаимоотношенія съ Добровольческой арміей; проектъ Доно-Кавказскаго союза; Донской Кругъ 245
XXXV. Вопросъ о всероссійской власти. Отношеніе къ нему русской общественности и политическихъ группъ. Позиція вел. кн. Николая Николаевича. Уфимская директорія. Взаимоотношенія командованія Добровольческой арміи съ директоріей 253
XXXVI. «Военно-походное» управленіе. Добровольческая политика. Образованіе «Особаго совѣщанія»..... 260
XXXVII. Приступъ къ государственному строительству на Югѣ. Смерть генерала Алексѣева 266

ОПЕЧАТКИ

На стр. 47, строка 9 снизу, слово *Батуму* нужно замѣнить словомъ *Баку*.
На стр. 112 въ предпослѣдней и послѣдней строкахъ текста должно быть:
Сибирь не получила отъ иностранцевъ ни одного штыка; они ограничились позднѣе присылкою матеріальной помощи вооруженіемъ и снабженіемъ.

Напечатано и издано
Издательствомъ
«СЛОВО», Берлинъ